

ЦИВИЛИЗАЦИЯ
И ВАРВАРСТВО

Цивилизация и варварство обычно
считаются взаимоисключающими категориями,
но каждое общество есть их смесь.

Фелипе Фернандес-Арместо

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF WORLD HISTORY
DEPARTMENT
OF HISTORICAL AND THEORETICAL RESEARCH

LABORATORY OF RESEARCH OF
CIVILIZATION AND BARBARITY

CIVILIZATION AND BARBARITY

TRIGGERS FOR THE RISE AND
OVERCOMING OF BARBARITY

X

2021

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РАН
ОТДЕЛ
ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ЛАБОРАТОРИЯ ПО ИССЛЕДОВАНИЮ
ЦИВИЛИЗАЦИИ И ВАРВАРСТВА

ЦИВИЛИЗАЦИЯ И ВАРВАРСТВО

ТРИГГЕРЫ ПОЯВЛЕНИЯ И
ПРЕОДОЛЕНИЯ ВАРВАРСТВА

X

2021

CIVILIZATION AND BARBARITY

TRIGGERS FOR THE RISE AND OVERCOMING OF BARBARITY

2021 • ISSUE X

EDITOR-IN-CHIEF

Prof. *Vera P. Budanova*

(Institute of World History of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation)

EDITORIAL COUNCIL

Prof. *Levon H. Abrahamian* (Institute of Archaeology and Ethnography of National Academy of Sciences of Armenia, Yerevan, Republic of Armenia), Prof. *Sergey A. Arutyunov* (Institute of Ethnology and Anthropology N.N. Miklouho-Maklay of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation), Prof. *Mikhail V. Bibikov* (Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation), Prof. *Claire Billen* (Free University of Brussels (ULB), Brussels, Belgium), Prof. *Sabine Jansen* (National conservatory of arts and crafts, Paris, Republic of France), Dr. hab. *Michel Kazanski* (National Centre of Scientific Research (CNRS), Paris, Republic of France), Prof. *Aleksandr V. Koptev* (University of Tampere, Finland), Prof. *Aleksandr A. Maslennikov* (Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation), Prof. *Maja S. Petrova* (Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation), Prof. *Louis E. Primero Rivas* (National Pedagogical University (UPN), Mexico city, Mexican United States), Prof. *Lorina P. Repina* (Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation), Prof. *Sergey J. Saprykin* (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation), Prof. *Olga V. Sidorovich* (Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation), Prof. *Igor V. Sledzevskiy* (Institute of African Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation), Prof. *Victoria I. Ukolova* (Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation), Prof. *Pavel P. Shkarenkov* (Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation), Dr. *Jens Shneevajss* (Leibniz Institute for the History and Culture of Eastern Europe at the University of Leipzig (GWZO), Federal Republic of Germany).

Publisher: Institute of World History,
Russian Academy of Sciences

Frequency: 1 time per year
First issue: 2012

Abstracting and Indexing: The yearbook is
included in the Russian Science Citation Index
(RSCI)

All materials published in the “Civilization and
Barbarity” undergo peer review process

Editorial address: 32A Leninsky Prosp.,
Moscow 119334, Russian Federation

Tel.: +7 (916) 081–29–66
e-mail: labcb@yandex.ru
website: <https://www.aquilopress.com>

ЦИВИЛИЗАЦИЯ И ВАРВАРСТВО

ТРИГГЕРЫ ПОЯВЛЕНИЯ И ПРЕОДОЛЕНИЯ ВАРВАРСТВА

2021 • ВЫПУСК X

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

д.и.н., проф. *В.П. Буданова*
(Институт всеобщей истории РАН,
Москва, Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Член-корр. НАН РА *Л.А. Абрамян* (Институт археологии и этнографии Национальной академии наук Армении (НАН РА), Ереван, Армения), член-корр. РАН *С.А. Арутюнов* (Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва, Россия), д.и.н., проф. *М.В. Бибииков* (Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия), д.и.н., проф. *К. Биллен* (Брюссельский свободный университет, Брюссель, Бельгия), проф. *С. Жансен* (Национальная школа искусств и ремесел, Париж, Франция), д.х.и. *М.М. Казанский* (Национальный центр научных исследований, Париж, Франция), д.и.н., доц. *А.В. Коттев* (Университет Тампере, Финляндия), д.и.н., проф. *А.А. Масленников* (Институт археологии РАН, Москва, Россия), д.и.н., доц. *М.С. Петрова* (Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия), проф. *Л.Э. Примеро Ривас* (Национальный педагогический университет (UPN), Мехико, Мексика), член-корр. РАН *Л.П. Репина* (Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия), д.и.н., проф. *С.Ю. Сапрыкин* (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия), д.и.н., проф. *О.В. Сидорович* (Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия), д.и.н., проф. *И.В. Следзевский* (Институт Африки РАН), д.и.н., проф. *В.И. Уколова* (Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, Москва, Россия), д.и.н., проф. *П.П. Шкаренков* (Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия), д-р *Й. Шнеевайсс* (Лейбницкий институт истории и культуры Восточной Европы (GWZO) Лейпцигского университета, Лейпциг, Германия).

Учредитель Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт всеобщей истории Российской академии наук

Периодичность: 1 раз в год
Выходит с 2012 года

Издание включено в Российский индекс Научного цитирования (РИНЦ)

Публикуемые материалы прошли процедуру рецензирования и экспертного отбора

Адрес редакции: Российская Федерация,
119334, Москва, Ленинский пр., 32А

Тел. + 7 (916) 081–29–66

e-mail: labcb@yandex.ru

сайт: <https://www.aquilopress.com>

CIVILIZATION AND BARBARITY

TRIGGERS FOR THE RISE AND OVERCOMING OF BARBARITY

2021 • ISSUE X

EDITOR-IN-CHIEF

Prof. *Vera P. Budanova*
(Institute of World History of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation)

EDITORIAL BOARD

Prof. *Marina Ts. Arzakanian* (Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation), Prof. *Alexander S. Balesin* (Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation), Dr. *Mikhail G. Gusakov* (LLC Archaeological Research in the Construction of Moscow, Moscow, Russian Federation), Prof. *Sergey A. Vasyutin* (Kemerovo State University, Kemerovo, Russian Federation), Dr. *Evgeny V. Vdovchenkov* (Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation), Dr. *Olga V. Vorobjova* (executive secretary, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation), Dr. *Ivan A. Kopylov* (Centre of Interdisciplinary Studies, Civil Association (Mexico City), Moscow, Russian Federation), Dr. *Anna A. Sazonova* (Moscow, Russian Federation), *Larisa L. Selivanova* (Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation), Prof. *Igor E. Surikov* (Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation), Prof. *Ksenia V. Khvostova* (Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).

Publisher: Institute of World History,
Russian Academy of Sciences

Frequency: 1 time per year
First issue: 2012

Abstracting and Indexing: The yearbook is
included in the Russian Science Citation Index
(RSCI)

All materials published in the “Civilization and
Barbarity” undergo peer review process

Editorial address: 32A Leninsky Prosp.,
Moscow 119334, Russian Federation

Tel.: + 7 (916) 081–29–66

e-mail: labcb@yandex.ru

website: <https://www.aquilopress.com>

ЦИВИЛИЗАЦИЯ И ВАРВАРСТВО

ТРИГГЕРЫ ПОЯВЛЕНИЯ И ПРЕОДОЛЕНИЯ ВАРВАРСТВА

2021 • ВЫПУСК X

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

д.и.н., проф. *В.П. Буданова*
(Институт всеобщей истории РАН,
Москва, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Д.и.н., проф. *М.Ц. Арзаканян* (Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия),
д.и.н., проф. *А.С. Балезин* (Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия),
д.и.н., проф. *С.А. Васютин* (Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия), к.и.н., доц. *Е.В. Вдовченко* (Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия), к.и.н., доц. *О.В. Воробьева* (ответственный секретарь, Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия), к.и.н. *М.Г. Гусаков* (ООО Археологические изыскания в строительстве г. Москвы. Москва, Россия), д.и.н. *И.А. Копылов* (Центр Междисциплинарных исследований, Гражданская ассоциация (Мехико), к.и.н. *А.А. Сазонова* (Москва, Россия), *Л.Л. Селиванова* (Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия), д.и.н. *И.Е. Суриков* (Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия), д.и.н. *К.В. Хвостова* (Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия).

Учредитель Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт всеобщей истории Российской академии наук

Периодичность: 1 раз в год
Выходит с 2012 года

Издание включено в Российский индекс Научного цитирования (РИНЦ)

Публикуемые материалы прошли процедуру рецензирования и экспертного отбора

Адрес редакции: Российская Федерация.
119334, Москва, Ленинский пр., 32А

Тел. + 7 (916) 081–29–66

e-mail: labcb@yandex.ru

сайт: <https://www.aquilopress.com>

УДК 9.94
ББК 63.3
Ц 579

ЦИВИЛИЗАЦИЯ И ВАРВАРСТВО: триггеры появления и преодоления варварства / В.П. Буданова (Ред.) М.: Аквилон, 2021. Вып. X. — 474 с.

В X выпуске ежегодника на материале исторических источников в широком географическом и хронологическом контексте рассматриваются исторические ситуационные предпосылки и факторы, запускающие или сдерживающие процессы появления и преодоления варварства. Авторы анализируют триггеры порождающие всплески варварства. Триггеры варварства представлены как действие, событие, явление, ставшее толчком сущностного изменения, решающего поворота, скачка и стремительного перехода из одного функционального состояния в другое. Какие угрозы и опасности могут стать триггером, точкой отсчета процесса варваризации? Можно ли определить варварские триггерные точки в историческом движении цивилизации? Чем располагает человек для защиты и обуздания варварства?

CIVILIZATION AND BARBARITY: triggers for the rise and overcoming of barbarity / V.P. Budanova (Ed.) М.: Aquilo, 2021. Issue X. — 474 p.

In the X issue of the yearbook, based on the material of historical sources, historical situational prerequisites and factors that trigger or restrain the processes of the emergence and overcoming of barbarism are considered in a wide geographical and chronological context. The authors analyze the triggers that generate bursts of barbarism. The triggers of barbarism are presented as an action, an event, a phenomenon that has become the impetus for an essential change, a decisive turn, a leap and a rapid transition from one functional state to another. What threats and dangers can become a trigger, a starting point of the process of barbarization? Is it possible to identify barbaric trigger points in the historical movement of civilization? What does man have at his disposal to protect and curb barbarism?

TSIVILIZATSIYA I VARVARSTVO
triggery poyavleniya i preodoleniya varvarstva
V.P. Budanova (Red.) М.: Akvilon, 2021. Vyp. X. — 474 s.

А К В И Л О Н

© Институт всеобщей истории РАН, 2021
© Цивилизация и варварство, 2021
© Коллектив авторов, 2021
© Издательство «Аквилон», 2021

Репродуцирование (воспроизведение) данного издания или его части любым способом без письменного соглашения с издателем запрещается

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

В.П. Буданова

КОГНИТИВНЫЕ МОДЕЛИ ТРИГГЕРА ВАРВАРСТВА

Статья представляет предварительный анализ категориального языка варваристики в контексте взаимодействия цивилизации и варварства. На протяжении истории варварство претерпело серьезную мутацию, меняя семантику, но сохраняя матрицу своей «материнской» стадиальной лексики. Выработан особый лексикон агрессивных злонамеренных действий, характеризующих или нарастание варварства, или его изживание. Некоторые термины и понятия продолжают употребляться метафорически и методологически, скорее ориентируя, нежели определяя. В статье рассматривается особая деструктивная роль стимулов, толчков, порождающих всплески варварства, что актуализировало необходимость ввести в варваристику новое понятие — «триггер» варварства. Подобная исследовательская задача ставится в исторической науке впервые. Триггер рассматривается в качестве действия, ставшего толчком для сущностного изменения, решающего поворота, скачка или стремительного перехода из одного функционального состояния в другое. Исследовательская стратегия статьи определена когнитивным подходом конкретно-исторического анализа проявления триггеров варварства в широком географическом и хронологическом контексте. Это позволяет обратить внимание на «пороховые погреба» варварства тлеющего, скрытого и скрываемого, на механизм, инструментарий и формы проявле-

Вера Павловна БУДАНОВА — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Отдела историко-теоретических исследований Института всеобщей истории РАН, руководитель Лаборатории по исследованию цивилизации и варварства Института всеобщей истории РАН. Российская федерация, Москва. — vpbudanova@yandex.ru

ния триггеров. Постановка проблемы вызвана необходимостью поиска новых методологий в разработке более глобальной проблемы — цивилизация vs. варварство в условиях современного цивилизационного кризиса, на пороге кардинальных изменений представлений о природе варвара и варварства, которое развивается и эволюционирует быстрее, чем его исследование и осмысление.

Ключевые слова: цивилизация, варварство, триггер, варвар, деструкция, Античность, Средневековье, цивилизация варваров, латентное варварство, стрессор.

Нам приходится очень часто оперировать с не вполне известными величинами, и последовательность мысли во все времена должна была помогать недостаточным еще знаниям двигаться дальше

Ф. Энгельс. Диалектика природы

В XX веке гуманитарное знание стало стремительно разворачиваться в сторону движения от накопления эмпирического знания к его теоретическому анализу. В силу специфики исторического гуманитарного познания, в центре внимания оказались и вопросы значения в разные исторические периоды истории человечества деструктивных процессов, проявления насилия и агрессии.

Эти процессы затронули и варваристику, особенно исследования сосредоточенные на изучении варварства в истории мировых цивилизаций. Цивилизация, как определенный уровень развития материальной и духовной культуры, как состояние, которое общество достигает в процессе своего развития, постоянно взаимодействует и противостоит варварству, стремясь отторгнуть и избавиться от него. Как «тропа, выходящая между руинами» (Ф. Фернандес-Арместо), вся история человечества пронизана этим противостоянием. Оно пропитано слезами, кровью, эмоциями, ненавистью, мстью, интригами и провокациями. Но в этом полном ужаса и страха мире сохранились восприятие жизни и впечатления человека-варвара.

В последние годы изучение варварского деструктивного поведения человека стало едва ли не самым популярным направлением исследовательской деятельности историков, философов и

психологов. Этому посвящены многочисленные книги и статьи, конференции и семинары. В условиях трансформирующейся глобализации мира вызовы варварства приобретают особое звучание и начинают подробно изучаться. Реакции гуманитарного интеллектуального сообщества на беспрецедентный рост варварства, который наблюдается с начала цивилизованного XXI века вполне адекватна и своевременна. Отечественная и зарубежная литература по этой проблематике в настоящее время представляет собой своеобразную арену острых дискуссий и разногласий, касающихся сути взаимодействия, противоречий появления и перспектив преодоления варварства. Пространство дискуссий определяют три главных вопроса. Первый — какие угрозы и опасности могут стать началом, точкой отсчета, триггером процесса варваризации? Второй — можно ли определить варварские триггерные точки в историческом движении цивилизации? Третий — чем располагает человек для защиты и преодоления варварства?

К сожалению, и на это стоит обратить особое внимание, представления гуманитариев о причинах появления и способах преодоления варварства человеком, обществом и государством не всегда одномерны. По мере усложнения самого цивилизационного устройства, взаимосвязь цивилизации и варварства становится все более конфликтной, парадоксальной и непредсказуемой¹. Она не всегда доступна исследователю, который изучает варваров с помощью прежнего познавательного инструментария. «Схватку» с варварами историк выигрывает, улавливая проявления злонамеренных действий через понятия и концепты, соответствующие системе ценностей своего времени. Изучение варварства упирается в терминосистему варваристики, её желательно обновлять, обсуждать и согласовывать, особенно в ситуации междисциплинарных исследований. Становится очевидной и особая деструктивная роль стимулов, толчков, порождающих всплески варварства. Они, как значимое явление в системе варварства, и вызвали, необходимость ввести в варваристику новое понятие — триггер варварства и поставить вопрос актуальности и целесообразности исследования варварства в истории в этом ракурсе.

¹ Буданов А.В. 2013, 379–400. Ср. Wasserstein B. 2007; Todorov T. 2010.

Научное творчество историка воспроизводит картину бытия варвара и варварства на основании сведений, которые нам предоставляет археология, сочинения древних авторов, материалы эпиграфики и нумизматики. К этому направлению также привлечено внимание этнологов, антропологов, лингвистов. Этой темой не пренебрегают философы, социологи, психологи и биологи. Таким образом, варваристика формируется и опирается на результаты исследования многих наук и научных направлений. Но в исторических исследованиях изучение варваров сосредоточено, главным образом, на анализе и интерпретации реальных исторических событий, процессов и фактов. В итоге создается модель понимания варвара, модель дискурса и образа варварства характерного для конкретного исторического времени и пространства. Однако, историки выигрывают «схватку» с варварством пока только у древних варваров. В событийной реальности Средневековья, Нового и Новейшего времени исследователи улавливают варварство словами античного прошлого, никогда с ним не расставаясь. Но представление об этих варварах в истории постепенно дрейфует и занимает мировоззренческо-методологическую нишу.

Феномен варварства сложен и многозначен, открыто и латентно он присутствует в разных цивилизациях, по-разному проявляет себя в разные эпохи и транзитируется в разных регионах, захватывая многочисленные племена и народы. Комплексно и системно изучаются как стадиальные, так и современные аспекты этого явления. В настоящее время понятие «варварство» вышло за узко-системные рамки исторических исследований, становится все более востребованным в политической, социальной и культурной риторике. С необходимостью изучения и объяснения причин изощренных разрушительных злонамеренных проявлений варварства, его проблематикой занимаются, помимо историков, философы, психологи, социологи, археологи, этнологи и лингвисты.

Когнитивный процесс постижения феномена варвара и варварства опирается на традиционную терминологию, а также формирует новые понятия, которые находятся в сложном взаимодействии между собой, требуют скрупулёзного анализа и проверки в ходе меняющегося ментального поля и самой когниции варварства, и ее результатов. Это согласуется с мнением философов, в частности, В.В. Ильина:

«...посредством словесной артикуляции человек реализует свою способность познавать. <...> поиск слова влечет нахождение вещи, ибо мы различаем то, что знаем, но мы знаем то, что вербализуем (категоризируем). Наличие специализированной терминологии характеризует весьма стандартный ареал устоявшейся науки. <...> создаются предпосылки особой лексики с фиксированной семантикой»².

Междисциплинарный подход обусловил разные, зачастую противоречивые толкования, а порой и неприятие, некоторых терминов и понятий сопредельных областей знания, которые используются в исследовании варварства. Как и другие гуманитарии, историки предпочитают и пользуются традиционной терминологией и довольно сдержано относятся к «понятийным вторжениям чужаков». Междисциплинарность познания и познавания варвара меняет ракурс объекта исследования, вскрывает новые проблемы, предлагает новые интерпретации, обуславливает и актуализирует более пристальное внимание к наполнению его когнитивной карты.

Варваристика образует особый пласт лексики, которая определяет всестороннее изучение истории варваров в контексте развития истории мировой цивилизации. Язык варваристики социально-историчен, включает терминологический арсенал истории, философии, социологии, психологии, антропологии и культурологии. Её лексический фонд располагает специальными понятиями и терминами, которые предоставляют возможность осуществлять познавательные функции исследования ценностно-смысловых параметров варварства в исторических процессах, событиях и отношениях. Между тем варваристика оперирует и собственным понятийно-терминологическим активом.

Как выглядит терминосистема варваристики на сегодняшний день?

Инструментом познавания выступает слово «варвар», как когнитивно-информационный, контекстно-независимый, устойчивый, лингвистически универсальный термин, как исторический субъект варварства. Термин «варвар» — продукт когнитивной эволюции человека, один из базовых терминов современной варваристики. Он вызывает ощущение ясности и строгости, оптимальной концепту-

² Ильин В.В. 2005, 122.

альной и логической завершенности. Дефиниция «варвар» возникла в греко-римском мире в осознании отличия от других себе подобных, от противопоставления себя Иным, Чужим, как негативный Чужой. Отличный от современного античный тип мышления констатировал формы и принципы появления понятия «варвар».

«Варвар» как изначально вечно повторяющийся термин присутствует в научном познании и мышлении до настоящего времени, жёстко обозначая разделение мира на похожих и непохожих по ценностям и убеждениям. Как отметила Л.П. Маринович, уже в греко-римском мире определение «варвар» превратилось в собирательный образ и стало штампом массового сознания³. Этот термин воспринимался всеми одинаково, но имел различное содержание. Как инструмент познавательного процесса он продолжает использоваться в качестве констатирующего клише только с негативной коннотацией. Его научный каркас содержательно объективирован этнической (чужеземец, иностранец), этической (отношение к установленным традициям и ценностям) и лингвистической (незнание языка) характеристикой. Не стоит забывать, что термин «варвар» имеет не только номинативную функцию. Как и в понятии «варварство» историки улавливают в этом слове присутствие таких коннотативных значений как эмоциональность и образность. Со временем термин «варвар» стал оценочным, рефлексивным, направленным на характеристику поступков и действий.

«Варвар» всегда оставался категорией мобилизующей, фиксирующей различную поведенческую логику действий. В историческом сознании каждой эпохи формировалась своя концепция варварского стереотипа, исходя из конкретно-исторических обстоятельств, исторической памяти, сохранившейся в общественном сознании, политической и идеологической подоплеки, философских, мировоззренческих, литературных и эмоциональных предпочтений. В разных системах историописания отражалась своя оптика и логика осмысления деления мира по принципу Свой — Чужой и места в этом разделении варваров⁴. Но самое глав-

³ Маринович Л.П. 2006, 24–25.

⁴ См., например: Античная цивилизация и варвары. 2006; Чужое: опыты преодоления. 1999; Буданова В.П. 2021. — <https://history.jes.su/s>

ное — греко-римская ментальность фактически предложила и оформила демонизацию варвара. Так, например, в позднеантичной письменной традиции дефиниция «варвар» была представлена как термин, фиксирующий абсолютное зло «в своей ярости и диком безумии» повсюду производящее убийства, кровопролития и пожары⁵.

Несколько отличное от античного, лексико-семантическое наполнение дефиниции «варвар» сформировалось в системе средневекового историописания⁶. В Средние века присутствовало ясное осознание греческого и римского прошлого. Вероятно, поэтому термином «варвар» средневековые хронисты не злоупотребляли. Он встречался не так уж часто, но использовался бережливо и экономно. И хотя термин «варвар» присутствовал в источниках крайне редко, он выражал твердо фиксированное определение независимо от контекста и человеку средневекового мира не был труднодоступен для понимания. Как и прежде «варвар» привязан к военным сюжетам, сопровождался словами — «разрушили», «сожгли», «вытоптали», уничтожили», «осадили», «опустошили», «совершили нападение». В письменных текстах изобилуют примеры агрессивного и крайне жёсткого противостояния. Только заметим, что все чаще это совершает уже не столько «варвар», сколько *gravis hostis* — «жестокий враг». И оппозиция Свои–Чужие выстраивается уже не по образцу привычной античной матрицы — «цивилизация–варвары», а как оппозиция «друг–враг» (*amicus–hostis*), что является ключевым фактором начала формирования уже новой этносоциальной идентичности. Передний план между Своим и Чужим все настойчивее занимает Соперничество. «Враг», как носитель зла, ситуативен, в отличие от «варвара», который постоянно творит зло в результате отпадения от изначального добра в момент творения. Средневековье обозначило и предложило свою концепцию сущности варвара, которая определялось неким верховным планом, олицетворяя несовершенство деформированного «промысла Божьего». Сохраняя при этом свою прежнюю архаиче-

207987840016978-4-1/ (октябрь, 2021). Ср. *Momigliano A.* 1984; *Hall E.* 1989; *Munson R.V.* 2005.

⁵ *Amm. Marcell.* XVI. 12, 31; XXXI. 8, 6.

⁶ Подробнее об этом см.: *Jones, W. R.* 1971, 376–407.

скую семантику, «варвар» Средневековья продолжал в этой картине мира свое присутствие, но уже с другим смыслом — «безбожник (atheos)», «язычник (gentilium)», «еретик (haereticus)», «дикарь (saeva)». А в XVI–XVII вв. термин «варвар» раскрылся и в новом значении — «свирепый дикарь (ferocissimas saeva)», а также противоположным ему — «добрый дикарь (bonum saeva)», «благородный дикарь (nobilis saeva)»⁷.

Одним из ключевых в варваристике стало всеохватывающее понятие «варварство». «*Варварство*» как понятие представляет обобщенное абстрагированное знание о варваре. Эта абстракция высшего порядка формирует предмет исследования, структуру знания о варварах и способы описания этих знаний. Само понятие «варварство» представляет совокупность познанных существенных признаков и сведений о варварах, объединенных определенной иерархией (исторической, социальной, этнической и лингвистической). Это название стадии в развитии исторического становления человечества между «дикостью» и «цивилизацией»⁸. Также это и характеристика определенных моделей поведения, способов

⁷ Буданова В.П. 2021. — <https://history.jes.su/s207987840016978-4-1/> (октябрь, 2021).

⁸ А. Фергюсон первым предложил различать два этапа развития народов, впервые обозначив их как «дикость» и «варварство». Он различал дикаря, еще не знакомого с собственностью, и варвара, для которого она составляла главный предмет заботы и желаний (Фергюсон А. 2010). Л.Г. Морган утверждал, что все племена, еще не дошедшие до гончарного производства, относятся к дикарям, а племена, обладающие этим производством, но не дошедшие до фонетического алфавита и применения письма, относятся к варварам. Он полагал, что греческие и латинские племена времен Гомера и Ромула дают превосходнейшую иллюстрацию высшей ступени варварства и что она заканчивается созданием великих варваров (Морган Л.Г. 2016). Ф. Энгельс обобщил моргановскую схему развития человечества через ступени дикости и варварства к истокам цивилизации. Он дал развернутую характеристику варварству как стадии, как этапу развития. Руководствуясь материалистическим пониманием истории, он определил варварство как период введения скотоводства и земледелия, период овладения методами увеличения производства продуктов природы с помощью человеческой деятельности (Энгельс Ф. 1980).

действия европейского племенного мира в условиях его «встречи» с греко-римской цивилизацией второй половины I тыс. до н.э. – первой половины I тыс. н.э.

По мнению исследователей, современная цивилизация и варварство неразделимы, т.к. «варвары... — это в значительной степени порождение самой цивилизации»⁹. Более того, подчеркивалось, что «цивилизация не только не смогла еще изжить некоторые формы древнейшего варварства, но и порождала на каждой ступени своего развития — наряду с новыми средствами цивилизации — и новое варварство»¹⁰. Поэтому в гуманитарном дискурсе понятие «варварство» используется и для обозначения деструктивных, разрушительных процессов в рамках уже самой цивилизации. В этом толковании варварство рассматривается, как «вызов» цивилизации, в ее границах, условиях и недрах, как деструктивная сила, имеющая родственные признаки с далеким прошлым, но в значительной мере порожденная противоречиями самой цивилизации. Свойства этого «варварства» по сути сводятся к идеологии разрушения, ибо угрожают стабильности и развитию самой цивилизации и противостоят межцивилизационным контактам (антитеза диалогу). В ходе глубокого системного анализа исследовательской стратегии и переосмысления понятийно-категориального аппарата современной варваристики этот вариант получил название «варварство» *новое, вертикальное, а также латентное*.

Уже в процессе зарождения (XVI в.), становления (XVII–XVIII вв.) и утверждения (XIX–XX вв.) варваристики шло не только постоянное изменение содержательного значения понятия «варварство», но появление в исследовательской практике историков новых понятий и концептов. На рубеже XIX–XX вв. варваристика не избежала участи пройти через ряд противоречий и парадоксов. Главное противоречие приносили концепты «*цивилизация варваров (barbarus cultus)*» и «*варварское королевство (barbarus regnum)*». По мере усложнения смыслового прочтения образа варварства эти категориальные феномены стали появляться в модерном сознании исследователей в XIX в. Стремительное развитие

⁹ Ерасов Б.С. 2002, 99.

¹⁰ Мотрошилова Н.В. 2010, 118.

археологии в XX в., обозначило истинное место «варваров» во всемирной истории, и окончательно определило сущность концепта «цивилизация варваров». «Цивилизация варваров» относится к числу расплывчатых и, на первый взгляд, чуждых логике рационального дискурса дефиниций. Она как бы «размывает» устоявшуюся историю варваров, усложняет ее восприятие и придает новый смысл ее традиционно мифологизированному образу. В более широком понимании, «цивилизация варваров» это универсальный концепт, применимый в бинарной оппозиции любых цивилизаций, стоящих перед выбором принятия Своих и отторжения Чужих стандартов, темпов и векторов эволюционного развития. Эта, казалось бы, условная терминологическая конструкция утвердилась, показала свою устойчивость, стала исторически актуальной научной категорией¹¹.

Следует еще раз подчеркнуть, что варварство как социокультурное явление глубоко исторично и не просто менялось во времени, но становилось и вызревало в нем. На рубеже XX–XXI веков оно стало для цивилизации «вызовом». Для историков — предметом научного исследования, меняющего одномерный и тотальный образ истории и расширяющего ее объяснительный потенциал с помощью понятий «*нового варварства*» (горизонтального, вертикального)¹². Типологию современного варварства, предложила Н.В. Мотрошилова, выделив экологическое, политическое, милитаристское, бытовое варварство и варварство безнравственности¹³. Варварство активно проявляло себя не только в форме физического насилия и разрушения, но и латентно, угрожающими темпами стремительно наращивало свой потенциал латентное варварство (*latent barbarism*). Формы проявления его скрытого стремления к утверждению могли быть самыми разнообразными. то и выставление в невыгодном свете, пренебрежительное высказывание за глаза, злостная клевета, сплетни, распространение слухов, интриги, месть, публичное осмеяние, и др. Латентное варварство — это форма существования варварства в цивилизованном, ци-

¹¹ См., например: *Гюйонварх Кр. Ж., Леру Фр.* 2001.

¹² *Малашенко А.В., Нисневич Ю.А., Рябов А.В.* 2018, 6–22; *Следзевский И.В.* 2019, 29–59.

¹³ *Мотрошилова Н.В.* 2010, 105.

визирующемся или цивилизуемом социуме, где уже сложилось понятие «варварство», имеющее негативный смысл, но реальное варварство еще не изжито или, более того, является средством решения экономических, политических, социальных или идеологических задач. Латентное варварство — это триумф варварского бытия, а латентный варвар — это, как правило, варвар, скрывающий свое варварство. Познавательная форма термина «латентное варварство» достаточно пластична, выражает свойства, отношения и связи, зависящие от взаимодействия¹⁴.

Примечательная черта варваристики XXI в. — появление таких динамичных понятий как «*стрессор варварства*» и «*триггер варварства*». За появлением этих понятий стоит ориентация исследователей истории варварства на нюансы и различия. А таких, как и проблемных зон, в варваристике накопилось достаточно много. По мнению Э. Фромма,

«...спонтанные взрывы разрушительности не проявляются безо всякой причины. Всегда имеются внешние обстоятельства, которые их стимулируют, например, войны, религиозные или политические конфликты, нужда и чувство обездоленности»¹⁵.

Итак, терминосистема варваристики, как ее ментальная экипировка, состоялась, пройдя сложный исторический путь с момента зарождения в Древней Греции и до настоящего времени. Понятия «варвар», «варварство», «варварское королевство», «цивилизация варваров» появились в речевом употреблении человека не только в качестве результата словообразовательного способа познания и познания мира. Они стали смыслообразующей формой, в том числе и самопознания человека. Лексическое оснащение варваристики пережило не одну волну обновлений и скачков. Каждая эпоха оформляла свою когницию варварства, накапливая обширное собрание материалов с понятием «варвар». В перспективе все это требует дальнейшей тщательной систематизации и анализа. Исследователь, изучая зловещую роль варварства в истории, не может разминуться с вечным вопросом: «Так в чем же со-

¹⁴ Более подробно об этом см.: Цивилизация и варварство. 2019; Шевченко В.Н. 2020, 30–48.

¹⁵ Фромм Э. 2016, 356.

стоит *этот*, главная сущность варвара?». Для этого он снова и снова вынужден обращаться к ментальному лексикону понятий и терминов варваристики. И в каждом конкретном случае он стоит перед необходимостью выявить, сравнить, отличить и принять специальную терминологию. В условиях повышенной опасности нарастающего варварства важно принимать во внимание понятийный и концептуальный фон его распознавания и преодоления, чтобы и не оправдывать варвара, и не возвышать его роль в истории¹⁶.

Историческая наука не любит терминологических инноваций. Тому есть резонные причины. Устойчивая система терминов, ясно и общепринято отражающая определенные исторические феномены, является условием ясности исторического мышления, объективности исторического анализа и ясности в описании его результатов. Новые научные дефиниции с необходимостью появляются в двух случаях. В первом — с появлением нового исторического явления, феномена, процесса, признака требующего обозначения в особом семантическом пространстве. Во втором случае — как слово с особой термилируемой функцией необходимое в процессе научной деятельности, когда есть цель собрать, обобщить и закрепить принципиально важную контекстуально обусловленную информацию¹⁷. Именно к этому случаю относится термин «триггер»¹⁸, который в современных исследованиях по истории варвар-

¹⁶ См., например: Lévy B.-H. 1979; Goffart W. 1981; Coetzee J.M. 2000; Rawson C. 2001; Todorov T. 2008.

¹⁷ Мякишин К.А. 2009, 109–111; Козловская О.Г. 2007, 245–247.

¹⁸ Термин «триггер» (англ. trigger — курок, спусковой крючок; trigger off — вызывать, вызвать) используется в различных областях знания. В технике традиционно обозначает переключательное устройство, которое сколь угодно долго сохраняет одно из двух своих состояний устойчивого равновесия и скачкообразно переключается по сигналу извне из одного состояния в другое (Советский энциклопедический словарь. 1980, 1363). В медицине триггерные механизмы — это пусковые механизмы, обеспечивающие переход какой-либо системы (клетка, орган или целый организм) из одного функционального состояния в другое (Большая медицинская энциклопедия. Т. 25). Психология рассматривает триггер как событие, вызывающее в человеке с посттравматическим стрессовым расстройством внезапное реперезивание психологической травмы и тяжелые негативные эмоции. Особым триггером является прайминг как созна-

ства представляется дополнительным инструментом познания.

Триггер рассматривается как действие, ставшее толчком для сущностного изменения, решающего резкого поворота (*impetus*), скачка или стремительного перехода из одного функционального состояния в другое, а также катализатора этих процессов. Триггер — это знаковый фактор, событие, парадокс или казус поступка личности сознательно или случайно, резко и кардинально меняющий контекст или направление исторического развития, его систему ценностей, социальный, политический, экономический и мировоззренческий смыслы. Как правило, триггер возникает на платформе хаотизации социума, в условиях социальной смуты, слома парадигм, голода, войн, эпидемий, стихийных бедствий и аномальных явлений природы. Триггер запускает резкое изменение взаимодействия цивилизации и варварства, которое ведет к началу качественно новых цивилизационных процессов, к стремительному изменению самого процесса взаимодействия цивилизации и варварства, изменению, как правило, неоднозначному, несущему в себе или нарастание варварства, или его изживание.

Какая необходимость и зачем вводить в варваристику новое понятие — «триггер»? Историки стоят на пороге кардинальных изменений представлений о варваре и варварстве. На протяжении многих столетий варварство толковалось различным образом, и прежде всего, как проявление насилия и агрессии. Но принципиальное его отличие от всех форм разрушительных злонамеренных действий всегда состояло в том, что это наиболее коварная форма деструкции. *Варварство — это шок, неожиданный, непредсказуемый, вне логики и рации, шок насилия и агрессии.* И триггер дает некоторую возможность обозначить начало, зарождение этого процесса, который ведет к появлению злонамеренных действий,

тельная или случайная активация в памяти человека или групповом сознании социальных, национальных или иных групп специфических воспоминаний, вызывающих «репереживания», т.е. переживания вновь по поводу предшествующих событий (иногда весьма отдаленных по времени) в виде мыслей, чувств и эмоций, провоцирующих деструктивное сознание и поведение. Триггер используется и в маркетинге, обозначая одноразовые действия, стимулирующие покупательский спрос («акция», «скидка», «два по цене одного» и т.д.).

появлению открытых форм варварства. Не следует забывать и о том, что лексическая система варваристики сегодня, как никогда ранее, влияет на интерпретацию семантики противоречий, тупиков и миражей вокруг варваров и варварства, которые впервые в истории получили возможность уничтожить человеческий род.

Знаковые исторические события могут иметь различный смысл и значение. Так, например, Великая Хартия вольностей, дарованная английским королем Иоанном Безземельным в 1215 г., стала «событием-стартом» одним из наиболее значимых событий в истории Англии, которое считается отправной точкой в развитии английских свобод и парламентаризма. Или т.н. «стояние на Угре в 1480 г.», когда войско Ивана III воспрепятствовало войскам Ахмат-хана напасть на русские земли, что является рубежной датой конца монголо-татарского ига и восстановления независимости Русского государства, можно считать «событием-финишем». Но есть исторические события, которые не только выступают «стартом» или «финишем», но играют роль «спускового толчка», который приводит к резким качественным изменениям основных тенденций развития, зачастую меняя цивилизационный формат исторической событийности. Такие события важно выделить не только с точки зрения чисто научного, академического интереса. История — фактор весьма современный. Значению отдельных фактов и событий, даже глубокой древности (вспомним «норманнскую теорию») придается принципиальный современный смысл. Вопрос о том, что же сыграло в тех или иных событиях роль «исторического толчка», приведшего к качественным изменениям, сейчас все чаще приобретает острый политический и идеологический характер. Все сказанное подчеркивает правомерность введения в исторический лексикон специального термина-знака, подчеркивающего, что именно это событие стало толчком, рубежным поворотом к качественным изменениям. Таким термином может стать «триггер».

В варваристике понятие «триггер» может быть использован как оперативная лексическая единица для обозначения тех исторических фактов и событий в системе взаимодействия цивилизации и варварства, которые служат толчком к началу процессов варваризации. Это именно та точка границы между возможным и реальным варварством, или некое действие вызвавшее переход этих

процессов в новое качество. Это может быть переход латентного варварства в открытое, или резкое изменение хода событий в сторону преодоления варварства.

Триггер — это внешний событийный повод, факт, побуждающий импульс к варваризации, откровенному проявлению варварства или перехода его в новую форму. Примером подобного толчка могут служить — поджог рейхстага в Германии в 1933 г, послужившего стартом широкой репрессивной кампании против антифашистов и расовые законы («Закон о гражданине рейха» и «Закон об охране германской крови и германской чести»), ставшие толчком формирования и правового закрепления государственного антисемитизма. Он может быть важным *индикатором в диагностике* процессов взаимодействия цивилизации и варварства в ситуации структурного слома, показателем негативных изменений и отклонений. Поскольку между цивилизацией и варварством нет компромисса, он выступает своеобразным «пограничным знаком», отделяющим один этап взаимоотношений от другого. Битва при Саратоге 17 октября 1777 г. между войском генерала Гейтса и войском англичан под командованием генерала Бэргойна, где английские войска были разбиты, стала высшей точкой и поворотным пунктом в Войне за независимость, мощным толчком к победному этапу этой борьбы. Или другой пример, убийство 28 июня 1914 года эрцгерцога Франца Фердинанда в Сараево ставшее поводом к началу Первой мировой войны. Он может служить и *маркером* соотношения цивилизованных и варваризирующих процессов, как, например, смерть Аттилы в 453 г., которая положила конец могуществу «державы» гуннов. Понятие «триггер» в семантике словесного знака создает ментальный образ тем процессам, в результате которых стремительно меняется градус их интенсивности, например, Варфоломеевская ночь 24 августа 1572 г. как отражение крайнего обострения борьбы католиков с протестантами.

В связи с этим особый вопрос — о функциях триггера, который как переменная величина весьма чувствителен и остро реагирует на болевые точки исторических явлений. Он может быть монофункциональным, т.е. быть толчком, стимулом качественного изменения какого-либо одного процесса, или многих системных процессов взаимодействия цивилизации и варварства. Триггерные

действия способны одновременно стимулировать развитие варварства и рост сопротивления ему. Ибо взаимодействие цивилизации и варварства представляет собой единый исторический процесс, подсистемы которого (процессы оцивизовывания и варваризации) находятся в неразрывной связи.

Однако, применение термина «триггер» в историческом исследовании как понятия высокой степени абстракции позволит не только уточнить понимание отдельных исторических событий, действий и поступков человека, но способствовать более глубокому осмыслению факторов причинности, случайности и закономерности. Триггер не существует вне сложной системы причинно-следственных связей имеющих конкретно-историческую специфику. Так, солнечное затмение 28 мая 585 г. до н.э., остановило сражение между войсками царя Мидии Киаксара и царя Лидии Алиатта, ибо в менталитете воинов этих царств и их правителей затмение было знаковым проявлением высшей силы. Но если бы это природное явление произошло во время Бородинского сражения 1812 г., можно с полной уверенностью предположить, что оно вряд ли могло бы остановить военные действия, а было бы прежде всего помехой в их ведении или поводом к тактическим переменам.

И все-таки история — наука о состоявшемся, в том числе и появлении варварства. Зачастую исследователи, не без искушения соблазна альтернативных интерпретаций варварства, вынуждены задавать себе вопрос: почему не состоялся варварский шок, хотя этому были объективные предпосылки, развивались соответствующие тенденции и т.д. Если согласно Ф. Энгельсу «... чисто количественное увеличение или уменьшение вызывает в определенных узловых пунктах качественный скачок»¹⁹, то почему количество не перешло в новое качество, хотя факты и логика развития событий, казалось бы, неизбежно вели к этому. Один из возможных ответов — отсутствие состояния доведения до крайности, на котором триггер зиждется, как необходимый (в данном случае деструктивный) элемент исторической динамики, дающий последний толчок к осуществлению злонамеренных изменений.

¹⁹ Энгельс Ф. 1986, 38.

Триггер может быть и внешним внесистемным толчком, стимулирующим или запускающим процесс, без которого варваризация не могла начинаться, состояться или приобретать новое злонамеренное свойство либо, вообще, какое-то время развиваться латентно. Таким пусковым механизмом могут стать природные явления, стихийные бедствия, экологические и техногенные катастрофы, эпидемии, которые без принятия необходимых мер по ликвидации последствий и поддержке пострадавших приводят, как правило, к росту насилия и преступности. В человеке, когда он поставлен на грань выживания и не видит цивилизованного пути выхода из него, могут сформироваться или проявиться варварские начала, ранее существующие латентно.

В качестве особой модели можно выделить триггер «отсроченного действия», когда последствия события-стимула (события-повода) проявляются через определенный временной промежуток. Пример — триггерный механизм, запустивший Столетнюю войну (1337–1453 гг.) между Англией и Францией. Известно, что подлинной причиной войны, точнее, серии войн под таким названием, является столкновение кардинальных интересов двух стран из-за спорных территорий и сфер влияния. Однако поводом послужил вопрос престолонаследия, возникший за девять лет до начала войн. В 1328 г. во Франции умер последний Капетинг, король Карл IV Красивый и новым королем стал Филипп VI Валуа, принадлежащий к боковой ветви Капетингов. Это позволило внуку Карла IV Красивого английскому королю Эдуарду III претендовать на французскую корону. Позже Эдуард III в силу внутренних проблем все же признал французского короля, но уже сильно «подогретые» вопросом о престолонаследии и без того крайне сложные отношения между странами требовали лишь небольшого дополнительного толчка для начала войны. Так сказать, дополнительного «малого» триггера. Им стало намерение французского короля в 1336 г. восстановить на шотландском престоле свергнутого Эдуардом III короля Давида II. В ответ Эдуард III в 1337 г. начал войну, предприняв наступление в Пикардии. Так «малый» триггер — лишь намерение Филиппа VI, совместился с «большим» триггером — вопросом о престолонаследии, что и привело к началу войны, длившейся более ста лет.

Примером триггера «отсроченного действия» можно считать и так называемое «Бостонское чаепитие» 16 декабря 1773 года, когда группа американских колонистов около 60 человек (активисты организации «Сыны свободы» во главе с С. Адамсом) сбросили в море 342 ящика с чаем, доставленные в Бостон на кораблях Ост-Индской компании. Этому предшествовало принятие британским парламентом акта, разрешающего Ост-Индской компании беспрошленный ввоз чая в североамериканские колонии, что заметно ударило по экономическим интересам колонистов. В ответ на «Чаепитие» британские власти закрыли порт, объявили колонии мятежными, запретили митинги и собрания, направили в город войска. Обострение и без того крайне напряженных отношений между метрополией и колонистами стало одним из поводов к началу Войны за независимость 13 колоний (1775–1783 гг.), началом Американской революции.

Поскольку взрывоопасные состояния не существуют в историческом вакууме, особой проблемой является изучение предпосылок их появления и проявления, которые также нередко носят латентный характер. Это могут быть явления, феномены, реально существующие, но не проявляющиеся как «спусковой крючок», как механизм провоцирующий появление и развитие варварства. Это «пороховые погреба» варварства в истории, взрыв которых при определенных обстоятельствах может способствовать ускорению хаососложности и стремительному росту насилия и агрессии. Как правило, они появляются тогда, когда исчерпаны объективные возможности позитивного разрешения проблемных болевых точек драматизма бытия. Тогда меняется вектор динамики цивилизационной системы (+ на –), и варварство выступает «наполнителем», бродильным ферментом движения. Сначала, чаще всего, в латентной форме до момента, когда оно уже может проявиться открыто. Тогда триггер — это некоторая историческая «точка», после которой скрытые причины развития варварства и его потенциально возможные «знаки» реализуются в их открытых последствиях. Один из примеров — Тордесильяский договор 1494 года между Испанией и Португалией о разделе сфер влияния на Американском континенте. Он стал *толчком* к началу конкисты — активного завоевания земель Нового света, порабощения и уничтожения абор-

ригенного населения в конце XV–XVI вв. Это было началом формирования колониальной системы, осуществляемого самыми варварскими методами вплоть до возрождения рабства. Или другой более известный пример из истории варваризации цивилизационного пространства в XX в. Речь Уинстона Черчилля 5 марта 1946 года в Вестминстерском колледже в Фултоне (США, штат Миссури) стала *точкой отсчета* и глобальным стимулом начала «холодной войны». У. Черчилль выразил беспокойство по поводу усиления военной мощи СССР и распространения его влияния в Восточной Европе, в чем видел угрозу западной демократии. Изложив основные положения «холодной войны», он первым употребил понятие «железный занавес».

В ряде случаев само ожидание еще не состоявшегося события может выступать триггером. В средние века ожидание неизбежной смены короля (возраст, болезнь и др.) могло еще при живом правителе подтолкнуть определенную группу, стремящуюся получить больше власти, к весьма варварским действиям по «ускорению процесса». Более простой случай триггера-ожидания — это т.н. «триггерное предупреждение». Историческая психология рассматривает триггерное предупреждение как предупреждение о том, что следующее впечатление (образ) могут носить психотравмирующий характер. В письменных источниках в текстах по варварской проблематике мы довольно часто встречаем примеры предупреждений противнику, например, о том, что, если он не прекратит сопротивление, то будет разграблен и сожжен такой-то город и уничтожены (уведены в рабство) его жители. Нередко подобное предостережение вызывало довольно резкую и нецивилизованную реакцию. На мой взгляд, стоит также обратить внимание и на другие весьма необычные варианты взрывоопасной активации варварства. Может быть, есть смысл в рамках историко-психологического анализа рассмотреть, какими были эти носители триггера (символ, образ, слово, звук, текст, запах и др.) в разные периоды истории взаимодействия цивилизации и варварства. Так, в древности и в средние века в качестве триггера это мог быть посылаемый противнику (сопернику) некий предмет-символ, порой содержащий смысл, далекий от цивилизованных норм, и вызывающий у получателя реакцию в лучших варварских традициях.

Возможно, в качестве особого исторического феномена можно назвать «цепочку триггеров», т.е. систему последовательных взаимосвязанных исторических событий, являющихся накопительной активацией начала процессов варваризации, и стимулом последовательных этапов нарастания варварства. То или иное значительное явление, факт политической, общественной или личной жизни могут и не вызывать сиюминутного, мгновенного агрессивного проявления, но следуя один за другим, они постепенно накапливают напряженность, негативные переживания, снижают уровень самоконтроля, порождают враждебность, конфликтность, девальвируют позитивные нормы, и это накопление в конце концов порождает всплеск варварства. Последним толчком для этого всплеска может быть весьма незначительное событие, отсюда понятие — «немотивированная агрессия». Но по сути эта «агрессия» мотивирована целым комплексом триггеров, но все они, как правило, носят скрытый латентный характер. И их латентность не в том, что они скрыты сами по себе. Они могут нередко легко фиксироваться, имея внешне невинный характер. Скрытой является их возможность привести к всплеску варварства.

Так, например, в IV в. внутривосточная ситуация в Римской империи оставалась довольно напряженной, когда, как говорили современники, «ни жить, ни умереть нельзя было спокойно»²⁰. Контакты с соседним племенным миром постоянно завершались неприятным опытом. Война с придунайскими готами, которую вел император Валент, завершилась заключением в 369 г. мирного договора. Покой империя обрела ненадолго, а для готов тяжелые условия договора (прекращение ежегодных выплат и ограничение торговли) стали резким поворотом (триггером), привели к озлобленности племен и готовности их к злонамеренным действиям, к непрогнозируемым всплескам варварства. Состоялось их судьбоносное разделение (Атанарих vs Фритигерн, Фравита vs Эриульф), которое на протяжении всей дальнейшей истории будет повторяться с завидной регулярностью. Триггером стало и появление у границ империи гуннов. «Распространившийся повсеместно пожар»²¹, так это знаковое событие представлялось современникам. Ибо последо-

²⁰ *Lactant. De mort.* II. 22–23.

²¹ *Themist. Orat.* XIV. 181. b, c.

вала «цепочка»: окончательное расселение везеготов в пределах империи; гибель в битве у Адрианополя императора Валента; стремительная варваризация римской армии («варварское оружие приходит на помощь римскому позору»²²); империя разделилась на Восточную и Западную («вся земля между зыбучей поверхностью Понта и волнами Адриатики принимает скорбный вид»²³). Рим и Константинополь накрыла волна интриг и заговоров с участием лидеров варварских племен франка Арбогаста, вандала Стилихона, готов Гайны, Требигильда, Алариха, алана Саула и др.

Разновидностью такой же триггерной системы-«цепочки» являются и последовательно взаимосвязанные события в Германии в 30-е годы XX в. Серия взрывоопасных пусковых механизмов, стимулировала нарастание варварства в государственном масштабе: 30 января 1933 года Адольф Гитлер назначен официально канцлером Германии; 27 февраля 1933 г. совершен поджог Рейхстага в Берлине, давший старт для широкой репрессивной кампании против антифашистов; 14 октября 1933 Германия вышла из Лиги наций; 2 августа 1934 года Адольф Гитлер после смерти президента П. Гинденбурга по решению референдума соединил под своей властью посты канцлера и президента и стал официально именоваться «фюрер» (вождь); 15 сентября 1935 г. на съезде Национал-социалистической партии в Нюрнберге провозглашены расовые законы, которые послужили толчком в формировании и правовом закреплении государственного антисемитизма; в марте 1936 г. части вермахта заняли рейнскую демилитаризованную зону; 11–12 марта 1938 г. состоялся аншлюсс Австрии; 29–30 сентября 1938 г. состоялось подписание Германией Мюнхенских соглашений с Великобританией и Францией, позволивших оккупировать всю территорию Чехословакии; 31 августа 1939 г. — инсценировка Германией силами СС нападения поляков на немецкую радиостанцию в Глайвице стала официальным поводом нападения на Польшу, хотя начало военных действий против Польши планировалось германским генштабом задолго до даты его начала. События в Глайвице стали своеобразным триггером, «пусковым крючком»

²² *Claud. Claudian.* In Eutrop. II. vv.153–159. «Barbara Romano succurrant arma pudori».

²³ *Idem.* In Rufin. II. 36–40.

разжигания в Германии антипольских настроений. В результате «цепочка триггеров» нарастающего варварства обернулась началом Второй мировой войны.

Итак, в качестве факторов, обеспечивающих развитие научного знания о деструктивных процессах, именуемых варварством, существенную роль играют ключевые понятия, которыми оперирует исследователь. Обращаясь к конкретному материалу, становится особенно очевидным, как важно историку для понимания процесса появления злонамеренных тенденций сфокусировать внимание на причинах их зарождения, чаще всего на фоне неоднозначной этнической, политической и социально-исторической реальности. Толчки, конкретные непосредственные стимулы проявления варварства, существовали всегда, причем в большом разнообразии: от оскорбительного слова до утонченной провокации. И описывались как отдельные факты, поступки и т.д. без выделения в специфическое явление, отдельный феномен. Подобными описаниями полны труды античных авторов, рассказывающие о взаимоотношениях с варварами греков и римлян. Причем, такие толчки, побуждающие к варварским поступкам, были с обеих сторон. хотя греко-римское варварство по отношению к варварам античные авторы, конечно же, так не характеризовали. XX век продемонстрировал такой масштаб варварства (мировые войны, геноцид, холокост, Хиросима и т.д.), какого мировая история прежде не знала. Начавшийся XXI век уже, к сожалению, обнаружил тенденцию стать его достойным «наследником». Это заставило представителей ряда гуманитарных наук (философов, социологов, социальных психологов и др.) более тщательно рассмотреть сам феномен варварства, которое буквально «стучится в дверь». Свою особую роль здесь играют историки, т.к. феномен варварства имеет глубокие исторические корни и историческое, стадийное оказывает влияние на современное варварство.

Триггер, как инструмент познания варварства, может стать обозначением знакового исторического действия, события как толчка, который приводит к изменению вектора развития, появления варварства, разрушения цивилизованных норм бытия. Это может быть случайность (стихийное бедствие) либо осознанный акт (нападение, сражение, теракт, решение правителя, принятие закона

и т.д.). Активация пусковых механизмов взрывоопасных состояний, триггеров, запускающих всплеск варварства, шок агрессии и насилия, выступают эффективным оружием сознательной деструкции как конкретных межличностных отношений, так и более сложных социально-психологических, социальных и политических процессов.

При тщательном рассмотрении феномена варварства можно увидеть все большую роль непосредственного стимула, толчка, порождающего всплеск варварства, хотя бы потому, что он сегодня выступают эффективным оружием сознательной деструкции как конкретных межличностных отношений, так и более сложных социально-психологических, социальных и политических процессов. Разрабатываются целые технологии таких толчков. Эти толчки, стимулы как значимое явление в системе варварства и вызвали необходимость обозначения их отдельным термином — триггеры.

Однако, потребность системного анализа варварства, включая понятия и термины, которыми пользуются исследователи, вновь подтверждает единство исторического процесса, неразрывную взаимосвязь исторического и современного, единство методологии их познания. Триггер, как «ключ» более глубокого и конкретного рассмотрения современного варварства, показал свою способность более глубоко раскрыть варварство историческое, специально обращая внимание на «живое тело» истории, где отдельные исторические факты и события выступали порой стимулом цивилизационных изменений огромного масштаба, чем заслужили у историков право на особое внимание и собственное имя — триггер.

ЛИТЕРАТУРА

- Ammianus Marcellinus*. Rerum gestarum libri qui supersunt. Berlin: Akademie-Verlag, 1992.
- Claudius Claudianus*. Works / With an Engl. Trans. by M. Platnauer. London, 1956. Vol. I-II.
- Lucius Caecilius Firmianus Lactantius*. De mortibus persecutorum / Ed. S.Brandt et G.Laubmann // CSEL. Wien, 1897. Vol. XXVII. Fasc. 2. P. 171–238.
- Themistius*. Orationes quae supersunt / H.Schenkl (ed.). Lipsiae, 1965.

- Античная цивилизация и варвары. 2006: Античная цивилизация и варвары / Отв. ред. Л.П. Маринович. М.: Наука.
- Большая медицинская энциклопедия / Под ред. В.В. Петровского. 3-е изд. Т. 25. М.: «Советская энциклопедия». — [bme.org/index.php/ ТРИГ-ГЕРНЫЕ МЕХАНИЗМЫ](http://bme.org/index.php/ТРИГ-ГЕРНЫЕ_МЕХАНИЗМЫ) (21.09.2020).
- Буданова В.П.* 2012: Варвары и варварство в антропологии цивилизаций // Цивилизация и варварство: трансформация понятий и региональный опыт / В.П. Буданова, О.В. Воробьева (ред.). М.: ИВИ РАН, 10–46.
- Буданова В. П.* 2021: Когнитивная карта варварства: термин, понятие, концепт // Электронный научно-образовательный журнал «История». Т. 12. — <https://history.jes.su/s207987840016978-4-1/> (окт., 2021).
- Буданова В.П.* 2019: Латентное варварство: природа, формы проявления и место в истории // Цивилизация и варварство: антропология латентного варварства / В.П. Буданова (отв. ред.). М.: Аквилон. VIII. 74–103.
- Буданов А.В.* 2013: Постмодерн и варварство // Цивилизация и варварство: парадоксы победы цивилизации над варварством / В.П. Буданова, О.В. Воробьева (отв. ред.). М.: ИВИ РАН. II. 379–400.
- Гречко П.К.* 2015: Онтотомодологический дискурс современности: Историческая продвинутость и ее вызовы. М.: ЛЕНАНД.
- Гюйонварх Кр. Ж., Леру Фр.* 2001: Кельтская цивилизация. СПб.
- Ерасов Б.С.* 2002: Цивилизации: Универсалии и самобытность / Н.И. Зарубина (ред.). М.: Наука.
- Ильин В.В.* 2005: Философия и история науки. М.: Изд-во Моск. ун-та.
- Ионов И.Н.* 2007: Цивилизационное сознание и историческое знание: проблемы взаимодействия / Л.П. Репина (ред.). М.: Наука, 2007.
- Козловская О.Г.* 2007: Когнитивный подход к исследованию термина как инструмента познания // Язык как средство коммуникации: теория, практика, методика преподавания. М., 245–247.
- Маринович Л.П.* 2006: Возникновение и эволюция доктрины превосходства греков над варварами // Античная цивилизация и варвары / Л.П. Маринович (отв. ред.). М.: Наука. 5–29.
- Малашенко А.В., Нисневич Ю.А., Рябов А.В.* 2018: Современное варварство: причины и следствия // Полития. 2. 6–22.
- Морган Л.Г.* 2016: Древнее общество. Исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации. М.: УРСС.
- Мотрошилова Н.В.* 2010: Цивилизация и варварство в эпоху глобальных кризисов. М.: ИФРАН, «Канон+» РООИ «Реабилитация».

- Мякишин К.А.* 2009: Разнообразие подходов к определению понятия «термин» // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота. 8(27) в 2 ч. II. 109–111.
- Следзевский И.В.* 2019: Феномен нового варварства в картине глобализирующегося мира: идентификационный и познавательный аспекты // *Цивилизация и варварство: антропология латентного варварства / Отв. ред. В.П. Буданова. М.: Аквилон, 2019. VIII. 29–59.*
- Советский энциклопедический словарь. 1980: Советский энциклопедический словарь / Сост. и общ. науч. ред. А.М. Прохоров и др. М.: Изд-во Советская энциклопедия.
- Фергюсон А.* 2010: Опыт истории гражданского общества. М.
- Фромм Э.* 2016: Анатомия человеческой деструктивности / Пер. с нем. Э.М. Телятниковой. М.: Изд-во АСТ.
- Цивилизация и варварство. 2019: Цивилизация и варварство: антропология латентного варварства / В.П. Буданова (глав. ред.), М.: Аквилон, VIII.
- Чужое: опыты преодоления. 1999: Чужое: опыты преодоления. Очерки из истории культуры Средиземноморья / Р.М. Шукуров (отв. ред.). М.: Алетейя.
- Шевченко В.Н.* 2020: Цивилизация vs латентное варварство и цивилизационный проект // *Проблемы цивилизационного развития. М. 2/2. 30–48.*
- Энгельс Ф.* 1980: Происхождение семьи, частной собственности и государства. М.
- Энгельс Ф.* 1986: Анти-Дюринг // Избр. соч. в 9 т. М.: Изд-во политической литературы. 5.
- Affergan F.* 1987: Exotisme et alterité. Essai sur les fondements d'une critique de l'anthropologie. Paris.
- Boletsi M.* Barbarism and its discontents. Stanford. California, 2013.
- Coetzee, J. M.* 2000: Waiting for the Barbarians. London.
- Dauje Y.-A.* «Le Barbare». Recherches sur la conception de la barbarie et de la civilization. Bruxelles, 1989.
- Goffart W.* 1981: Rome, Constantinople and the Barbarians // *American Historical Review. 86. 275–306.*
- Goffart W.* 2008: Rome's Final Conquest: The Barbarians // *History Compass. 6/3. 855–883.*
- Hall E.* 1989: Inventing the Barbarian: Greek Self-Definition through Tragedy. Oxford.

- Joye S.* Représentations modernes et contemporaines: barbares redécouverts, barbarie réinventée // *Les Barbares* / Br. Dumézil (dir.). Paris, 2016. P. 89–108.
- Jones, W. R.* 1971: The Image of the Barbarian in Medieval Europe // *Comparative Studies in Society and History*. 13 (4). 376–407.
- Leguay J.-P.* L'Europe des États barbares V–VIII siècles. Paris, 2002.
- Les Barbares* / Br. Dumézil (dir.). Paris, 2016.
- Lévy B.-H.* 1979: Barbarism with a Human Face / Transl. by G. Holoch. New York: Harper and Row.
- Modernität und Barbarei. Soziologische Zeitdiagnose am Ende des 20 Jahrhunderts. Frankfurt am Main, 1996.
- Momigliano A.* 1984: Sagesse barbares. Les limites de'héllénisation. Paris.
- Munson R.V.* 2005: Black Doves Speak: Herodotus and the Languages of Barbarians. Cambridge: Harvard University Press.
- Rawson C.* 2001: God, Gulliver, and Genocide: Barbarism and the European Imagination, 1492–1945. New York: Oxford University Press.
- Todorov T.* 2008: La peur des barbares: Au-dela du choc des civilisations. Paris: Robert Laffont.
- Todorov T.* 2010: The Fear of Barbarians: Beyond the Clash of Civilizations / Transl. by A. Brown. Chicago: Chicago University Press.
- Wolfram H.* Geschichte der Goten. München, 1980.
- Wasserstein B.* 2007: Barbarism and Civilization: A History of Europe in Our Time. Oxford: Oxford University Press.

Vera P. BUDANOVA

COGNITIVE MODELS OF THE BARBARITY TRIGGER

The article presents a preliminary analysis of the categorical language of barbarism in the context of the interaction of civilization and barbarism. Throughout history, barbarism has undergone a severe mutation, changing semantics, but still retaining the matrix of its «maternal» stadium vocabulary. A unique lexicon of aggressive, malicious actions has been developed, characterizing either the growth of barbarism or its elimination. Some terms and concepts continue to be used metaphorically and methodologically, orienting rather than defining. The article considers the special destructive role of stimuli and shocks that generate bursts of barbarism, which

actualized the need to introduce a new concept into barbarism — the «trigger» of barbarism. Such a research task is being set in historical science for the first time. A trigger is considered an action that has become the impetus for an essential change, a decisive turn, a leap, or a rapid transition from one functional state to another. The research strategy of the article is determined by the cognitive approach of a concrete historical analysis of the manifestation of barbarism triggers in a broad geographical and chronological context. This allows us to pay attention to the «powder cellars» of smoldering, hidden and concealed barbarism, to the mechanism, tools and forms of manifestation of triggers. The problem statement is caused by the need to search for new methodologies in the development of a more global problem - civilization vs. barbarism in the conditions of the modern civilizational crisis, on the threshold of cardinal changes in the ideas about the nature of the barbarian and barbarism, that develops and evolves faster than the research and comprehension.

Keywords: civilization, barbarism, trigger, barbarian, destruction, Antiquity, Middle Ages, barbarian civilization, latent barbarism, stressor.

Vera P. BUDANOVA — Dr. Sc. (History), Professor, Chief Researcher of the Department of Historical and Theoretical Research of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Chief of the Laboratory of Research of Civilization and Barbarity of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences. — vpbudanova@yandex.ru

REFERENCES

- Ammianus Marcellinus. *Rerum gestarum libri qui supersunt*. Berlin: Akademie-Verlag, 1992.
- Claudius Claudianus. *Works / With an Engl. Trans. by M. Platnauer*. London, 1956. Vol. I-II.
- Lucius Caecilius Firmanus Lactantius. *De mortibus persecutorum / Ed. S.Brandt et G.Laubmann // CSEL*. Wien, 1897. Vol. XXVII. Fasc. 2. P. 171–238.
- Themistius. *Orationes quae supersunt / H. Schenkl (ed.)*. Lipsiae, 1965.
- Affergan F. 1987: *Exotisme et alterité. Essai sur les fondements d'une critique de l'anthropologie*. Paris.

- Antichnaia tsivilizatsiia i varvary`. 2006: Antichnaia tsivilizatsiia i varvary` / Otv. red. L.P. Marinovich (otv. red.). M.: Nauka.
- Bol'shaia meditsinskaia e`ntsiclopediia. Pod red. V.V. Petrovskogo. 3-e izd. T. 25. M.: "Sovetskaia e`ntsiclopediia". — bme.org/index.php/TRIGGER_NYE_MEKHAIZMY (21.09.2020)
- Boletsi M. Barbarism and its discontents. Stanford. California, 2013.
- Budanov A.V. 2013: Postmodern i varvarstvo // Tsivilizatsiia i varvarstvo: paradok-sy` pobedy` tsivilizatsii nad varvarstvom / V.P. Budanova, O.V. Vorob`eva (otv. red.). M.: IVI RAN. II. 379–400.
- Budanova V.P. 2021: Kognitivnaia karta varvarstva: termin, poniatie, kontsept // E`lektronny`i` nauchno-obrazovatel`ny`i` zhurnal «Istoriia». T. 12. — <https://history.jes.su/s207987840016978-4-1/> (October, 2021).
- Budanova V.P. 2012: Varvary` i varvarstvo v antropologii tsivilizatsii` // Tsivili-zatsiia i varvarstvo: transformatsiia poniatii` i regional`ny`i` opy`t / V.P. Budanova, O.V. Vorob`eva (red.). M.: IVI RAN. 10–46.
- Budanova V.P. 2019: Latentnoe varvarstvo: priroda, formy` proiavlennii i mesto v istorii // Tsivilizatsiia i varvarstvo: antropologiiia latentnogo varvarstva / V.P. Budanova (otv. red.). M.: Akvilon. VIII. 74–103.
- Chuzhoe: opy`ty` preodoleniia. 1999: Chuzhoe: opy`ty` preodoleniia. Ocherki iz istorii kul`tury` Sredizemnomor`ia / R.M. Shukurov (otv. red.). M.: Aletei`a.
- Coetzee, J. M. 2000: Waiting for the Barbarians. London.
- Dauje Y.-A. «Le Barbare». Recherches sur la conception de la barbarie et de la civilization. Bruxelles, 1989.
- Engels F. 1980: Proishozhdenie sem`i, chastnoi` sobstvennosti i gosudarstva. Moskva.
- Engels F. 1986: Anti-Diuring // Izbr. soch. v 9 t. M.: Izd-vo politicheskoi` literatury`. 5.
- Erasov B.S. 2002: Tsivilizatsii: Universalii i samoby`tnost` / N.I. Zarubina (red.). M.: Nauka.
- Ferguson A. 2010: Opy`t istorii grazhdanskogo obshchestva. M.
- Fromm E`. 2016: Anatomiiia chelovecheskoi` destruktivnosti / Per. s nem. E`.M. Teliat-nikovoï`. M.: Izd-vo AST.
- Giui'onvarkh Kr. ZH., Leru Fr. 2001: Kel`tskaia tsivilizatsiia. SPb.
- Goffart W. 1981: Rome, Constantinople and the Barbarians // American Historical Review. 86. 275–306.

- Goffart W. 2008: Rome's Final Conquest: The Barbarians // *History Compass*. 6/3. 855–883.
- Grechko P.K. 2015: *Ontometodologicheskii` diskurs sovremennosti: Istoricheskaia prodvintost` i ee vy`zov`*. M.: LENAND.
- Hall E. 1989: *Inventing the Barbarian: Greek Self-Definition through Tragedy*. Oxford.
- Il'in V.V. 2005: *Filosofiia i istoriia nauki*. M.: Izd-vo Mosk. un-ta.
- Ionov I.N. 2007: *Tcivilizatcionnoe soznanie i istoricheskoe znanie: problemy` vzaimodei`stviia / L.P. Repina (red.)*. M.: Nauka, 2007.
- Jones, W.R. 1971: The Image of the Barbarian in Medieval Europe // *Comparative Studies in Society and History*. 13 (4). 376–407.
- Joye S. *Représentations modernes et contemporaines: barbares redécouverts, barbarie réinventée // Les Barbares / Br. Dumézil (dir.)*. Paris, 2016. P. 89–108.
- Kozlovskaja O.G. 2007: *Kognitivny`i` podhod k issledovaniuu termina kak instrumenta poznaniia // Iazyk kak sredstvo kommunikacii: teoriia, praktika, metodika prepodavaniia*. M. 245–247.
- Leguay J.-P. *L'Europe des États barbares V–VIII siècles*. Paris, 2002.
- Les Barbares / Br. Dumézil (dir.)*. Paris, 2016.
- Lévy B.-H. 1979: *Barbarism with a Human Face / Transl. by G. Holoch*. New York: Harper and Row.
- Malashenko A.V., Nisnevich Iu.A., Riabov A.V. 2018: *Sovremennoe varvarstvo: prichi-ny` i sledstviia // Politia*. 2. 6–22.
- Marinovich L.P. 2006: *Vozniknovenie i e`voliuciia doktriny` prevoshodstva grekov nad varvarami // Antichnaia tcivilizaciia i varvary` / L.P. Marinovich (otv. red.)*. M.: Nauka. 5–29.
- Miakshin K.A. 2009: *Raznoobrazie podhodov k opredeleniiu poniatii «termin» // Al`manakh sovremennoi` nauki i obrazovaniia*. Tambov: Gramota, 8(27) v. 2 ch. II. 109–111.
- Modernität und Barbarei. Soziologische Zeitdiagnose am Ende des 20 Jahrhunderts*. Frankfurt am Main, 1996.
- Momigliano A. 1984: *Sagesses barbares. Les limites de`hellenisation*. Paris.
- Morgan L.G. 2016: *Drevnee obshchestvo. Issledovanie linii` chelovecheskogo progressa ot dikosti cherez varvarstvo k tcivilizacii*. Moskva: URSS.
- Motroshilova N.V. 2010: *Tcivilizaciia i varvarstvo v e`pohu global'ny`kh krizisov*. M.: IFRAN, «Kanon+» ROOI «Reabilitaciia».

- Munson R.V. 2005: *Black Doves Speak: Herodotus and the Languages of Barbarians*. Cambridge: Harvard University Press.
- Rawson C. 2001: *God, Gulliver, and Genocide: Barbarism and the European Imagination, 1492–1945*. New York: Oxford University Press.
- Shevchenko V.N. 2020: *Tcivilizatciia vs latentnoe varvarstvo i tcivilizatsionny`i` proekt // Problemy` tcivilizatsionnogo razvitiia*. Moskva. 2/2. 30–48.
- Sledzevskii` I.V. 2019: *Fenomen novogo varvarstva v kartine globaliziruiushchegosia mira: identifikatsionny`i` i poznavatel`ny`i` aspekty` // Tcivilizatciia i var-varstvo: antropologiiia latentnogo varvarstva / Otv. red. V.P. Budanova. M.: Akvilon, 2019. VIII. 29–59*.
- Sovetskii` entcicopedicheskii` slovar`*. 1980: *Sovetskii` e`ntcicopedicheskii` slovar` / Sost. i obshch. nauch. red. A.M. Prohorov i dr. M.: Izd-vo Sovetskaia entcicopediia*.
- Tcivilizatciia i varvarstvo*. 2019: *Tcivilizatciia i varvarstvo: antropologiiia latentnogo varvarstva / V.P. Budanova (glav. red.). M.: Akvilon. VIII*.
- Todorov T. 2008: *La peur des barbares: Audela du choc des civilizations*. Paris: Robert Laffont.
- Todorov T. 2010: *The Fear of Barbarians: Beyond the Clash of Civilizations / Transl. by A. Brown*. Chicago: Chicago University Press.
- Wasserstein B. 2007: *Barbarism and Civilization: A History of Europe in Our Time*. Oxford: Oxford University Press.
- Wolfram H. *Geschichte der Goten*. München, 1980.

ГОРИЗОНТЫ И ПРЕДЕЛЫ ФОРМИРОВАНИЯ ВАРВАРСТВА

А.Е. Барышников

ПАДЕНИЕ ЧЕРНОГО ЛЕБЕДЯ РИМСКОЕ ПРОШЛОЕ БРИТАНИИ И НОВОЕ ВАРВАРСТВО*

В центре статьи — интернет-скандал, вызванный образовательным мультфильмом о жизни в римской Британии, подготовленным по заказу BBC. Бурное обсуждение цвета кожи главных героев, начатое консервативным публицистом Полом Уотсоном, довольно быстро переросло в своеобразное столкновение в общественном дискурсе двух образов Рима и его наследия: мультикультурного, противоречивого, глобалистского мира и цивилизованной империи белых людей, несущих свет культуры диким варварам. В этом столкновении, как представляется автору статьи, ярко проявляет себя «новое варварство», невежественное с точки зрения современной науки и оперирующее историческими стереотипами. Его характерная черта — попытка присвоить себе наследие римской цивилизации

Антон Ералыевич БАРЫШНИКОВ — научный сотрудник кафедры древнего мира и классических языков Института международных отношений и мировой истории Нижегородского Государственного Университета имени Н.И. Лобачевского, Российская Федерация. Нижний Новгород.

* Исследование в части проведено при финансовой поддержке РФФИ (Проект № 20–18–00374, выполняемый в ННГУ им. Н.И. Лобачевского).

(и шире — всю Античность), чтобы оправдать несправедливость и неравенство современного общества. Это, в свою очередь, вызывает резкую реакцию со стороны западного (не только британского) академического сообщества, которое активно борется за гегемонию в общественном дискурсе. Таким образом, Рим (а точнее — образ римской цивилизации) оказывается одновременно триггером появления варварства и способом его преодоления.

Ключевые слова: римская Британия, ВВС, образ Рима, расизм, новое варварство.

ЯРОСТЬ ТРОЛЛЯ

Летом 2017 года в англоязычном сегменте твиттера бушевал скандал. И хотя споры и страсти — вполне привычное для социальных сетей дело, повод и причины данной словесной бури могут удивить стороннего наблюдателя. Она началась с обсуждения образовательного исторического мультфильма, снятого каналом ВВС, а в её центре оказался вопрос об этническом и расовом составе населения римской Британии.

Всё началось с твита Пола Джозефа Уотсона, которого возмутил короткий анимационный ролик канала BBC Teach, ориентированный на школьников и иллюстрирующий некоторые аспекты жизни в римской Британии¹. Главные герои рассказа — семья римского военачальника, руководящего постройкой укреплений Адрианова вала. Пока отец строит, мать готовится к праздничному ужину в честь своего дня рождения, а сын по имени Квинт пытается вернуть украденный у него в амфитеатре шарф². Весь незамысло-

¹ Сам ролик вместе со ссылками на ряд важнейших публикаций СМИ, в которых рассказывается о скандале, можно найти на сайте «Learning Languages Education — TEENS»: Life in Roman Britain from BBC Teach. — <https://sites.google.com/a/xtec.cat/teens/videos/beard-racism-sexism-diversity-mary-beard> (июнь, 2021).

² Это позволяет познакомить зрителей с наиболее впечатляющими провинциальными источниками личного характера — письмами из форта Виндоланда (в частности, письмом-приглашением на день рождения, которое Клавдия Севера отправила Сульпиции Лепидине — TV 291), табличками с проклятиями и магическими текстами из Аквы Сулис. Об этих источниках см.: *Birley A.* 2002; *Tomlin R.* 1992.

ватый (что вполне логично для образовательного фильма) сюжет сопровождается короткими пояснениями отдельных сторон жизни в римской провинции: тут нашлось место и специфике урбанизации, и гладиаторским боям, и магии, и положению женщин в имперском обществе, и особенностям кулинарии, и проблемам образования. В целом, ни содержание, ни манера подачи исторического материала не вызывают вопросов или каких-то серьёзных нареканий; всё сформулировано достаточно корректно и с опорой на имеющиеся в распоряжении современной науки данные³. Что же могло возмутить сетевого комментатора, который в своём твите начал сокрушаться о трагической кончине исторической достоверности?⁴

Ответ до неприличия прост — цвет кожи главных героев. Римский командующий и его семья в изображении создателей мультфильма были темнокожими выходцами из Африки, что и заставило Уотсона язвительно заметить, что «BBC показывает римскую Британию этнически разнообразной». В подобной реакции нет ничего удивительного, если учесть личность, мировоззрение и репутацию сетевого комментатора. Уотсон — крайне правый в политическом смысле автор, активный сторонник разнообразных теорий заговора, неоднократно попадавший на создании и распространении «фейковых» новостей; его модель поведения в сети вполне удовлетворяет неформальному определению «тролль»⁵.

Потому вдвойне удивительно то, какой эффект эта реакция произвела. Запись Уотсона получила несколько тысяч отметок «нравится», репостов и комментариев⁶. Последние стали настоя-

³ Стоит оговориться, что мультфильм даёт обобщённый и, безусловно, упрощённый образ римской Британии. Вполне конкретен лишь Адрианов вал, остальные детали рассказа весьма условны; даже звание римского командира никак не обозначается, его именуют просто «commander» (хотя в некоторых публикациях он превратился в центуриона).

⁴ Thank God the BBC is portraying Roman Britain as ethnically diverse. — <https://twitter.com/PrisonPlanet/status/889804329082912769> (июнь, 2021).

⁵ Краткая биография Уотсона и обзор его деятельности как крайне правого публициста и блогера: Paul Joseph Watson. — <https://www.desmog.com/paul-joseph-watson/> (июнь, 2021).

⁶ В июне 2021 года у этой записи было 5017 реакций «нравится», 1888 ретвитов и 955 твитов с цитатами.

щим полем битвы — пока одни пользователи поддерживали возмущение Уотсона, другие, будто забыв сетевое правило «не надо кормить троллей», пытались ему возражать, приводя аргументы, доказывающие правоту создателей мультфильма⁷. Вполне возможно, что вся дискуссия сошла бы на нет за пару дней, не оставив серьёзных следов, но среди защитников расовой принадлежности Квинта и его семьи оказалась профессор Мэри Бирд, одна из главных популяризаторов римской истории в современном медийном пространстве⁸. К уже высказанным аргументам в поддержку создателей мультфильма она добавила мысль, что прототипом главы семейства мог быть Квинт Лоллий Урбик, наместник провинции во II в. н.э., чьё происхождение надёжно связывается с Северной Африкой⁹. Появление столь известной персоны сделало спор ещё более горячим. Уотсон, отвечая на критику, заявил, что «ВВС в буквальном смысле пытаются переписать историю», представляя «типичную» семью римской Британии темнокожей.

РИМСКАЯ БРИТАНИЯ И РАСОВЫЙ ВОПРОС

Здесь стоит немного отвлечься и коротко охарактеризовать научную сторону мультфильма, спровоцировавшего скандал. Стоит отметить, что ролик не содержит очевидных неточностей и фактических ошибок. Структура и содержания свидетельствуют о стремлении авторов (увы, остающихся для нас анонимными) уме-

⁷ Один из первых развёрнутых ответов дал Майкл Стратчбери, журналист и учитель. Обзор этого этапа спора см.: *British Historian Gives Alt-Right Commentator a History Lesson*. — <https://www.teenvogue.com/story/british-historian-gives-alt-right-commentator-a-history-lesson> (июнь, 2021)

⁸ Мэри Бирд — специалист по истории древнего Рима (не так давно на русском была издана её «SPQR: история древнего Рима»: *Бирд М.* 2017), колумнист и популяризатор антиковедения. Её общественно-политические взгляды по своей сути представляют полную противоположность воззрениям Уотсона. Составить о них представление можно, например, по одному из последних на данный момент интервью профессора Бирд: *Ancient Rome will never get old. Take it from Mary Beard*. — <https://www.nytimes.com/interactive/2021/05/31/magazine/mary-beard-rome-interview.html> (июнь, 2021).

⁹ Об Урбике см.: *Birley A.* 2005, 136–140.

стить в несколько минут множество интересных деталей и отличительных черт эпохи. Это вкупе с учебным форматом мультфильма предопределяет его условность — перед зрителем яркий набросок эпохи, который должен вдохновить учеников на обсуждение и поможет составить самые общие представления о римской Британии. Школьники, посмотрев ролик, могут запомнить, что в провинции были гладиаторы, пограничные укрепления на севере, полиэтничное население и искренняя вера в магию.

При этом цвет кожи главного героя и его отца, ставший поводом для возмущения пользователей твиттера, с точки зрения современных романо-британских исследований не является сколь-нибудь значимой проблемой. Причин тому две.

Во-первых, имеющиеся в нашем распоряжении источники вполне однозначно говорят о сложном этнокультурном составе провинциального населения и присутствии на острове выходцев из Африки¹⁰. Самый яркий пример африканца, оказавшегося на самом вершине романо-британского общества, — уже упоминавшийся Квинт Лоллий Урбик, который был наместником провинции в 139–142 годах и руководил сооружением части Антонинова вала. Именно он должен был служить основным историческим прототипом для героя мультфильма. Увы, из-за отсутствия официальных комментариев канала и создателей ролика мы можем лишь об этом гадать. При этом Лоллий Урбик — далеко не единственный представитель провинциальной элиты африканского происхождения. Археологические исследования достаточно богатых женских погребений в Йорке (так называемая ‘Ivory Bangle Lady’) и Бичи-хэд позволили с достаточной степенью уверенности говорить об Африке как родине умерших¹¹. Скрупулёзный анализ керамики, связанной с местами дислокации VI легиона на севере провинции, был проведён Вивьен Суон. Её работа убедительно демонстрирует

¹⁰ За последнее десятилетие опубликовано несколько книг, в которых особое внимание уделяется проблеме присутствия африканцев в римской Британии. В первую очередь, стоит упомянуть разделы в монографиях Йэна Ферриса и Хэллы Экардт: *Ferris I.* 2012, 144–149; *Eckardt H.* 2014, 63–92. Небезынтересна и соответствующая глава в книге Дэвида Олусоги: *Olusoga D.* 2016, 29–56.

¹¹ *Eckardt H.* 2010, *Leach S. et al.* 2010, *Olusoga D.* 2016, 33.

африканское происхождение части солдат¹². Встречаются африканцы и в эпиграфических памятниках — в качестве примера можно указать Гимилькона, вольноотпущенника, известного из надписи на одном из алтарей в колонии Камулудун (RIB I 193). Наконец, о выходцах из Африки говорят отдельные фрагменты традиции — здесь, в первую очередь, вспоминается история о том, как Септимий Север встретил на северной границе Британии темнокожего солдата вспомогательных войск и счёл это дурным предзнаменованием (SHA, Septimius Severus, 22.4-5). В целом, всё многообразие источников, известных современной науке, вполне однозначно говорит о присутствии в римской Британии выходцев из Африки. Вряд ли их доля в населении провинции была велика, но они были, и, что особенно интересно, могли находиться в самых разных частях провинции и принадлежать к различным социальным слоям.

Во-вторых, характер источников не позволяет сказать, насколько тёмной была кожа уроженцев Африки, волею судеб оказавшихся в Британии. Генетическая экспертиза, анализ артефактов и текстов помогают с достаточной точностью установить связи жителей провинции с Африкой (и прежде всего, с её северными регионами, входившими в состав Империи), определить признаки негроидной расы по некоторым останкам, но не более того. Представляется, что сама постановка вопроса вряд ли правомерна — насколько можно судить, одержимость цветом и оттенками кожи отражает скорее особенности современного общественного сознания, чем проблемы имперской культуры и повседневности. Задаваясь вопросом, насколько тёмной была кожа Гимилькона или Лоллия Урбика, исследовать не просто ставит перед собой практически неразрешимую задачу, но и позволяет культурным стереотипам современного общества вмешаться в научный поиск.

Можно видеть, что в отличие от пользователей социальных сетей, учёные сходятся во мнении, что африканцы в римской Брита-

¹² Нужно подчеркнуть, что в работе речь идёт не только о керамике, автор обращается и к другим материальным источникам (в частности, к останкам, обнаруженным на кладбище Трентхолм Драйв в Йорке), что позволяет с большой долей уверенности говорить о присутствии в гарнизоне и в приграничных поселениях некоторого числа выходцев из Северной Африки. См.: *Swan V.* 1992.

нии были. Соответственно, анимационный ролик вполне корректен и достаточно точно отражает современные научные представления о жизни в регионе. При этом стоит помнить, что в центре мультфильма — не типичные, «среднестатистические» представители романо-британского общества, а семья, главой которой является представитель самых верхних слоёв военно-административной элиты провинции¹³. Следовательно, нет никакого смысла искать в ролике изображение обычных обитателей римской Британии. Мультфильм этого ничем — ни заголовком, ни фабулой — не обещает¹⁴.

НАЗАД В ТВИТТЕР

Итак, наука даёт очень простой ответ на вопрос, могла ли существовать семья, подобная героям мультфильма. Могла. Вернёмся к скандалу в социальных сетях.

После первого бурного обмена репликами спор, казалось, затих. Каждая сторона оставалась при своём: условно «правые» продолжали чувствовать себя оскорблёнными переписыванием истории, а условно «левые» убедились в невежестве оппонентов. Но здесь в дискуссию с грацией стада обезумевших слонов ворвался Нассим Талеб, автор ряда бизнес / non-fiction бестселлеров и медийная фигура, сравнимая масштабом влияния с Мэри Бирд¹⁵. Автор «Чёрного лебедя» оказался почти так же резок, как Уотсон (для которого троллинг является важной частью сетевой персоны).

¹³ В качестве аналогии можно представить, что жизнь ревельского коменданта или псковского дворянина XVIII века иллюстрируется роликом, главным героем которого является Абрам Петрович Ганнибал. Нетипичность фигуры и уникальность судьбы несколько не отменяла бы научной достоверности подобного образовательного видео.

¹⁴ Можно лишь догадываться, что было бы с Уотсоном и его сторонниками, если бы создатели мультфильма сделали прообразом главных героев выходцев из Юго-восточной Азии, живущих в Лондинии. У такого сюжетного хода было бы вполне научное обоснование — новейший проект Ребекки Редферн и её коллег: *Redfern R. et al.* 2016.

¹⁵ Самая известная его книга — «Чёрный лебедь», в которой типичные для бизнес-коучей рассуждения сочетаются с историко-культурными отступлениями, вроде пассажей о судьбе Карфагена. Русский перевод книги, конечно же, тоже стал бестселлером: *Талеб Н.Н.* 2011.

В частности, доводы Бирд он охарактеризовал словом «bullshit», а высказывания профессора Невилла Морли сравнил со сборником анекдотов. Впрочем, позиция Талеба была несколько сложнее, чем стандартное выступление агрессивно настроенного комментатора, и не сводилась лишь к персональным выпадам: важное место в его аргументации занимали ссылки на генетические исследования и статистические методы изучения популяций¹⁶. В целом, заявлял Талеб, британское научное сообщество, прикрываясь лозунгами толерантности и этнического разнообразия, искажает прошлое и подавляет свободу слова. Кроме того, он фактически обвинил представителей британской (и шире — западноевропейской) гуманитарной науки в расизме, поскольку они изображают уроженцев Африки в Римской империи как представителей негроидной расы, а не как европеоидов Средиземноморья¹⁷.

Появление Талеба привлекло к дискуссии больше сторонних читателей, а вместе с ними — других исследователей, в том числе специализирующихся на генетических исследованиях и реконструкции этнокультурных аспектов жизни в римской Британии¹⁸.

¹⁶ *Taleb N.N.* 2017a.

¹⁷ Признаемся честно, тут логика критических высказываний Талеба не до конца понятна, то ли в силу эмоциональности его статей, то ли по причине недостаточного понимания нами полемического контекста. Кажется, он имеет в виду, что современным западноевропейским исследователям, находящимся под влиянием / давлением идеологии этнического многообразия (diversity), проще изображать африканцев прошлого в соответствии с современными представлениями о том, каким должен быть уроженец Африки. В этом случае ущемлёнными, вытесненными за пределы истории оказываются представители европеоидной расы, живущие в Северной Африке и на Ближнем Востоке. Вероятно, Талеб пытается сказать, что фигура африканца как представителя негроидной расы оказывается очень удобной для репрезентации «чужих» в новейших реконструкциях истории. Впрочем, следует подчеркнуть, что развёрнутого обоснования своего тезиса о расизме британских и европейских исследователей (которых он в целом называет «Northerners») Талеб не даёт, ограничиваясь парой гневных восклицаний.

¹⁸ How ethnically diverse was Roman Britain? — <https://www.historyextra.com/period/roman/how-ethnically-diverse-was-roman-britain/> (июнь, 2021); *Pigliucci M.* 2017.

Так стал окончательно ясен расклад сил. Пользователи без профессиональной подготовки (и, в основном, консервативных взглядов) обвиняли оппонентов в политизированности и предвзятости, а историков с генетиками и археологами — в намеренном искажении прошлого, в то время как оппоненты отвечали указаниями на недостаточное понимание исторических процессов, дополняя их ссылками на источники и новейшие исследования.

Принципиально разные позиции участников сетевого спора predeterminedелили его бесплодность. Уотсон и его сторонники лишь раз убедились в существовании заговора «культурных марксистов», Талеб вновь предал анафеме историков как лжеучёных и расистов¹⁹. Их оппоненты несколько раз повторили хорошо известные научные факты в пустоту интернета и вряд ли остались довольны произошедшим.

Эту ситуацию можно рассматривать как ещё один урок на тему «не кормите троллей в интернете». Если бы Уотсон и примкнувший к нему Талеб не получили бы такого большого количества ответов от специалистов по истории Римской империи, то вся история закончилась бы, не успев начаться. Пыль от топота оскорблённых фальсификацией истории пользователей быстро бы улеглась. Сторонники Уотсона во главе со своим кумиром продолжили бы погружаться в пучины теорий заговора и искать новых врагов. Однако градус развернувшейся дискуссии привёл к тому, что ВВС на некоторое время убрали мультфильм со своего образовательного интернет-канала. Сейчас, когда мир занят проблемами посерьёзнее цвета кожи героев образовательного мультфильма, ролик вернулся на своё место. Посмотреть его, впрочем, трудно, поскольку доступ ограничен по географическому критерию. Проблема с просмотром решается благодаря — и в этом, вероятно, заключается главная ирония произошедшего — тем самым правым сторонникам Уотсона, которые в борьбе с фальсификацией истории продукт этой фальсификации активно распространяли. Они

¹⁹ Обвинение в расизме особенно абсурдно в свете того, что Талеб фактически выступает на стороне приверженцев идеи превосходства белой расы. Также стоит отметить, что помимо историков свою порцию критики получили и принявшие их сторону специалисты из других дисциплин. См.: *Taleb N.N.* 2017b; *Taleb N.N.* 2017c.

скачивали видео и загружали его на различные ресурсы с комментариями наподобие «Вы не сможете это скрывать вечно, ВВС»²⁰.

В целом, дискуссия выявила целый ряд проблем, возникающих при соприкосновении двух миров: мира строгих научных исследований и мира повседневных суждений. Выяснилось, что позиция эксперта не обладает универсальным значением. Мнения профессоров и докторов, действующих преподавателей и просто людей, получивших специальную подготовку в области древней истории и романо-британской археологии, не имели большого значения для тех, кто изначально не собирался к ним прислушиваться. Более того, даже мнения специалистов-генетиков (которые в общественном сознании считаются в большей степени учёными, чем историки) не получили должного внимания публики. Напротив, высказывания Талеба, специалиста по фондовым рынкам, ранее лишь немного и по-дилетантски касавшегося поднятых в дискуссии вопросов, активно цитировались так, будто они равноценны экспертным точкам зрения. Популярное имя оказалось едва ли не важнее научной репутации и академических регалий.

ДВА ОБРАЗА РИМА И НОВОЕ ВАРВАРСТВО

Однако данная ситуация интересна не только тем, что демонстрирует кризис доверия к институту интеллектуальной экспертизы, усугубляемый общим скептицизмом по отношению к социально-гумани-тарному знанию. Скандал вокруг мультфильма показал, что далёкое прошлое может ощущаться современным обществом как нечто весьма актуальное и болезненное. Что ещё важнее — стало ясно, что в общественном сознании современного мира сосуществуют взаимоисключающие образы Рима и античности. Отметим, что речь идёт именно об образе Рима в целом, а не исключительно о римской Британии. В споре активно участвовали пользователи из разных уголков планеты, а не только с Альбиона; сами дебаты довольно быстро превратились из обсуждения конкретного романо-британского сюжета в разговор о римлянах и их наследии.

²⁰ См. например: *Life in Roman Britain History the Story of Britain*. — <https://www.youtube.com/watch?v=WjuYhBPwaQs> (июнь, 2021)

Рим в глазах одних — мультикультурная и полиэтническая держава, предтеча современных империй и пример древней глобализации. Этот образ неоднозначен, в нём смешиваются позитивные и негативные черты Рима и римского империализма. Именно этот образ наиболее тесно связан с современной наукой, он во многом формируется усилиями историков, археологов, музейных работников и профессиональных популяризаторов. Для других Рим — это могучее и высокоразвитое государство, основа европейской цивилизации, созданная, управляемая и заселённая относительно однородным с этнокультурной точки зрения сообществом. В этом образе Империи и Города нетрудно угадать стереотипы колониальной эпохи с её рассуждениями о европейцах-римлянах, несущих свет культуры и дары мира диким варварам разных сортов. К этому Риму чаще апеллируют политики консервативного толка, в нём находят вдохновение ультраправые организации, но что важнее всего — именно этот образ лучше всего знаком обывателю благодаря многочисленным произведениям массовой культуры²¹.

Столкновение двух образов Рима неизбежно происходит, когда какой-то аспект или сюжет древней истории — например, расовая и этническая принадлежность жителей самой северной провинции Империи — резонирует с актуальной социально-политической повесткой. Углубление имущественного неравенства, обострение расовых вопросов, миграционные кризисы не только придают дополнительный общественно-политический стимул научным исследованиям, но и заставляют общество смотреть в прошлое с целью найти там надежду или утешение.

Парадоксально, что обращение к авторитету Рима, который так далёк от современности, характерно для обеих, внешне непримиримых сторон социального противостояния. Классическая цивилизация оказывается ориентиром (естественно, воспринимаемым с достаточной долей критики) как для условных левых с их вниманием к меньшинствам и гендеру, идеалами свободы, равенства и инклю-

²¹ Сложному образу Рима и рецепции его наследия в европейской и русской культуре посвящена книга Г.С. Кнабе: *Кнабе Г.С.* 2011 (о связи римской древности и европейской политической мысли Нового времени см., в частности: с. 50–59; о римских и античных элементах европейской культуры в период постмодерна — с. 107–136).

живности, так и для условных правых, озабоченных европоцентризмом, сохранением традиций, национальной самобытности, ориентирующихся на иерархию как нормативный и жизненно необходимый элемент всякого общественного устройства. Каждая из сторон тянет Рим к себе, и нет никаких признаков, что подобный «делёж» римского наследия в ближайшее время закончится.

Нам представляется, что столкновение двух образов Рима одновременно становится триггером возникновения нового варварства и формирует основу для его преодоления. Содержание этого нового варварства хорошо знакомо современному человеку. Оно, подобно нацизму и фашизму, пытается легитимизировать своё существование образами античности. Оно включает в себя расизм, мизогинию, ксенофобию, невежество, прикрывающееся порой наукообразной риторикой; в этом оно не слишком отличается от любых других изводов варварства как антитезы культуры и гуманизма. Это новое варварство неотделимо от параноидального страха перед техникой и прогрессом, оно неразрывно связано с теориями заговора, верой в плоскую землю и тайное мировое правительство. Это варварство обывателя, который не верит экспертам и имеет слабое представление о том, как существуют и функционируют науки²². В своей критике исторической науки, избличении «фальсификаций» это новое варварство обращается к стереотипным образам — в нашем случае к образу Римской империи. Само понятие «цивилизация» оказывается поставлено на службу новому варварству, а римский опыт (точнее, однобокие представления о нём) используется как оправдание и историческое обоснование современных неравенства, ксенофобии и милитаризма.

Иной образ Рима в руках противников нового варварства (в случае с выступлением Уотсона — это представители академического сообщества) становится способом преодоления стереотипов и откровенного невежества. Кроме того, наследие Империи вместе с потребностью деконструировать ложные установки обы-

²² Стоит иметь в виду, что это варварство хоть и связано с невежеством, не является исключительным порождением низкого уровня образования. Примеры Галеба и других вполне образованных людей, поверивших в своё время в «новую хронологию», показывают, что ситуация сложнее.

вательского сознания вдохновляют исследователей искать ответы на большие и важные вопросы для современного мира. Иногда подобные попытки не бесспорны. Так, Клэр Несбитт, анализируя этнический, социальный и культурный аспекты жизни Адрианова вала, намеренно обращается к термину «мультикультурализм», значение которого отягощено целым рядом политических и идеологических смысловых оттенков²³. Можно ли анализировать сложный комплекс социокультурных взаимодействий между полиэтническими сообществами римского пограничья Британии без использования термина «мультикультурализм»? Думается, что да. Но логика исследователя понятна. Прибегая к знакомому и знакомому для современного общества термину, Несбитт выводит сугубо научную проблему в общественное поле, актуализирует её и делает частью обсуждения трудных и болезненных проблем современности — вынужденной миграции и жизни диаспор, границ и межнациональных отношений, расизма и интеграции²⁴.

ЧТО ДЕЛАТЬ?

Итак, можно видеть, что один и тот же исторический опыт римской цивилизации оказывается одновременно и триггером появления варварства, и способом его преодоления. Представляется, такой парадокс обусловлен диалектической, сложной сущностью Римской империи. В ней можно найти всё: насилие и внутреннюю стабильность, многообразное неравенство и социальную интеграцию, пример глобализации и развития экономики, благополучный средний класс и эксплуатацию, образцы поведения в непростые времена и практические советы по уничтожению противников. Безбрежность римского опыта способствует его политико-идеологической инструментализации, делает его удобным средством для острой современной дискуссии, важным историческим аргументом.

²³ Несбитт это осознаёт, признавая, что «слово часто употребляется, но редко объясняется». Для неё мультикультурный характер Римской империи проявляется в сосуществовании множественных индивидуальных и групповых идентичностей. *Nesbitt C.* 2016, 225.

²⁴ См., в частности, показательный вывод об «инклюзивности» пограничного сообщества Адрианова вала: *Nesbitt C.* 2016, 240–241.

Что делать в этой ситуации исследователям? Игнорировать общественный дискурс, основанный на намеренном (точнее — злонамеренном) искажении истории? Вероятно, это решение, которое оказывается самым эффективным в межличностном общении, оказывается не лучшим с точки зрения принципов, ценностей и социальной роли наук о прошлом. Остаётся другой путь — активно противодействовать попыткам нового варварства приватизировать римское наследие и античную культуру²⁵.

Безусловно, стоит помнить, что чрезмерная актуализация римского исторического опыта для противостояния новому варварству, характерная для научно-популярных публикаций и публичной презентации исследователей, может исказить прошлое не меньше, чем попытки противной стороны свести всё римское наследие к набору колониальных представлений начала прошлого века²⁶. Учёные могут со страстью рассказывать о том, что в Эбораке жили африканцы, а сообщества, жившие вдоль Адрианова вала, были мультикультурными, тем самым подчёркивая сходства римской Британии с Британией современной. Подобные интерпретации, пусть и основанные на объективных данных, остаются субъективной попыткой не столько деконструировать живучие стереотипы о Римской империи, сколько найти хоть какой-то ответ на острые проблемы современности. Увлекаться подобным трактовками нельзя, но не прибегать к ним невозможно — в ситуациях, подобных выступлению Уотсона, у исследователей просто нет выбора. Кажется, что такие происшествия ставят учёных перед своеобразным па-

²⁵ В момент завершения работы над этой статьёй на сайте BBC была опубликована запись радиопередачи Кэтрин Харлоу, профессора университета Рединга, посвящённая попыткам «нового варварства» присвоить отдельные элементы античной культуры. Харлоу пытается не просто поставить диагноз, но понять, что делать учёным и как преодолеть наследие расизма и колониализма в антиковедении: *Harloe K.* 2021.

²⁶ Иногда она может порождать инициативы, достойные нового варварства — мы, конечно, имеем в виду звучавшие в американском академическом дискурсе призывы пересмотреть существующие системы подготовки классических филологов и антиковедов, которые порой превращаются в одобрение сокращений и закрытия факультетов и кафедр, без которых невозможно сохранение греко-римской культуры. См., например: *Poser R.* 2021.

радоксом: ради научной объективности приходится быть субъективным, для беспристрастности нужно стать занять чью-то сторону.

В ином случае новое варварство присвоит себе образ Рима, сведя всю сложность и богатство древней цивилизации к набору клише и стереотипов. Они не будут соответствовать данным современной науки и, что много хуже, будут использоваться для оправдания несправедливости и дикости современного общества.

ЛИТЕРАТУРА

- Bird M.* 2017: SPQR: История древнего Рима / Пер. с англ. Д. Попова. М.: Альпина нон-фикшн.
- Кнабе Г.С.* 2011: Европа с римским наследием и без него. М.: Нестор-история.
- Талёб Н.Н.* 2014: Чёрный лебедь. Под знаком непредсказуемости / Пер. с англ. В. Сонькин, А. Бердичевский, М. Костионова, О. Попов, А. Капанадзе. М.: Ко-Либри, Азбука-Аттикус.
- Ancient Rome will never get old. Take it from Mary Beard. — <https://www.nytimes.com/interactive/2021/05/31/magazine/mary-beard-rome-interview.html> (июнь, 2021).
- Birley A.* 2002: Garrison Life at Vindolanda: A Band of Brothers. Stroud.
- Birley A.* 2005: The Roman Government of Britain. Oxford.
- British Historian Gives Alt-Right Commentator a History Lesson. — <https://www.teenvogue.com/story/british-historian-gives-alt-right-commentator-a-history-lesson> (июнь, 2021).
- Eckardt H.* 2010: A long way from home: diaspora communities in Roman Britain // Roman diasporas: archaeological approaches to mobility and diversity in the Roman Empire / H. Eckardt (ed.). Portsmouth, Rhode Island, 99–130.
- Eckardt H.* 2014: Objects and Identities: Roman Britain and the north-western provinces. Oxford.
- Ferris I.* 2012: Roman Britain Through Its Objects. Stroud.
- Harloe K.* 2021: Detoxifying the Classics. — https://www.bbc.co.uk/sounds/play/m000x72t?fbclid=IwAR2rCRAxy8RszNq-6m8OtzWjwUr4krYmFMjIdsmtrGzNzKLODjLBivQe_-o (июнь 2021).
- How ethnically diverse was Roman Britain? — <https://www.historyextra.com/period/roman/how-ethnically-diverse-was-roman-britain/> (июнь, 2021).

- Leach S., Eckardt H., Muldner G., Chenery C., Evans J., Lewis M.* 2010: A Lady of York: migration, ethnicity and identity in Roman Britain // *Antiquity*. 84 (323). 131–145.
- Life in Roman Britain from BBC Teach. — <https://sites.google.com/a/xtec.cat/teens/videos/beard-racism-sexism-diversity-mary-beard> (июнь, 2021).
- Life in Roman Britain History the Story of Britain. — <https://www.youtube.com/watch?v=WjuYhBPwaQs> (июнь, 2021).
- Nesbitt C.* 2016: Multiculturalism on Hadrian’s Wall // *The Oxford Handbook of Roman Britain* / М. Millett, L. Revell, A. Moore (eds.). Oxford, 224–244.
- Olusoga D.* 2016: *Black and British: A Forgotten History*. London.
- Paul Joseph Watson — <https://www.desmog.com/paul-joseph-watson/> (июнь, 2021).
- Pigliucci M.* 2017: Beard vs Taleb; Scientism and Historical Accuracy. — <https://iai.tv/articles/beard-nassem-taleb-twitter-feud-and-dangers-of-scientism-auid-868> (июнь, 2021)
- Poser R.* 2021: He wants to save Classics from Whiteness. Can the field survive? — <https://www.nytimes.com/2021/02/02/magazine/classics-greece-rome-whiteness.html> (июнь, 2021)
- Redfern R., Gröcke D.R., Millard A.R., Ridgeway V., Johnson L., Hefner J.T.* 2016: Going south of the river: A multidisciplinary analysis of ancestry, mobility and diet in a population from Roman Southwark, London // *Journal of Archaeological Science*. 74. 11–22.
- Taleb N.N.* 2017a: Something is Broken in the UK Intellectual Sphere. — <https://medium.com/east-med-project-history-philology-and-genetics/something-is-broken-in-the-uk-intellectual-sphere-7efc9a1f154a> (июнь, 2021).
- Taleb N.N.* 2017b: The insidious racism of Mary Beard and the ‘diversity’ operators. — <https://medium.com/east-med-project-history-philology-and-genetics/the-insidious-racism-of-mary-beard-et-al-8b6b768b4575> (июнь, 2021)
- Taleb N.N.* 2017c: Comments on ‘Klueless Massimo’s Account (Massimo Pigliucci) of the Mary Beard (Twitter) debate. — <https://medium.com/opacity/comment-on-klueless-massimo-s-comments-massimo-pigliucci-of-the-mary-beard-twitter-debate-4c99a36de40> (июнь, 2021)
- Thank God the BBC is portraying Roman Britain as ethnically diverse. — <https://twitter.com/PrisonPlanet/status/889804329082912769> (июнь, 2021).
- Tomlin R.* 1992: Voices from the Sacred Spring // *Bath History Volume. IV*. 7–24.

Anton Ye. BARYSHNIKOV

BLACK SWAN DOWN

BRITAIN'S ROMAN PAST AND A NEW BARBARITY

A paper is focused on the twitter storm started because of the BBC educational cartoon about life in Roman Britain. The heated debate was provoked by the issue of the skin color of main character of the cartoon, but soon the discussion transformed into a collision between two images of Rome and her legacy. One image depicts Rome as a multicultural, complex, globalized world, another — as a civilized empire of white people who bring the torch of culture to savage barbarians. This collision makes 'a new barbarity', ignorant and armed with stereotypes, visible. One of the specific features of this barbarity is that it tries to seize the legacy of Roman civilization (and of all Classical world) and use it to justify injustice and inequality of modern society. It provokes a reaction from western (not British exclusively) academic community, actively fighting for the hegemony over the public discourse. Therefore, an image of Roman civilization becomes a trigger for the appearance of the barbarism as well as the way to overcome this barbarism.

Keywords: Roman Britain, BBC, an image of Rome, racism, a new barbarism.

Anton Ye. BARYSHNIKOV — a Researcher of the Department of Ancient World and Classical Languages of the Institute of International Relations and World History of the University named by N.I. Lobachevsky. Nizhni Novgorod, Russian Federation.

REFERENCES

- Ancient Rome will never get old. Take it from Mary Beard. — <https://www.nytimes.com/interactive/2021/05/31/magazine/mary-beard-rome-interview.html> (June, 2021).
- Bierd M. 2017: SPQR: Istoriya drevnego Rima / Per. s angl. D. Popova. M.: Alpina-nonfiction.
- Birley A. 2002: Garrison Life at Vindolanda: A Band of Brothers. Stroud.
- Birley A. 2005: The Roman Government of Britain. Oxford.
- British Historian Gives Alt-Right Commentator a History Lesson. — <https://www.teenvogue.com/story/british-historian-gives-alt-right-commentator-a-history-lesson> (June, 2021).

- Eckardt H. 2010: A long way from home: diaspora communities in Roman Britain // Roman diasporas: archaeological approaches to mobility and diversity in the Roman Empire / H. Eckardt (ed.). Portsmouth, Rhode Island, 99–130.
- Eckardt H. 2014: Objects and Identities: Roman Britain and the north-western provinces. Oxford.
- Ferris I. 2012: Roman Britain Through Its Objects. Stroud.
- Harloe K. 2021: Detoxifying the Classics — <https://www.bbc.co.uk/sounds/play/m000x72t?fbclid=IwAR2rCRAxy8RszNq-6m8OtzWjwUr4krYmFMjIdsmtrGzNzKLODjLBivQe-o> (June, 2021).
- How ethnically diverse was Roman Britain? — <https://www.historyextra.com/period/roman/how-ethnically-diverse-was-roman-britain/> (June 2021).
- Knabe G.S. 2011: Evropa s rimskim naslediem i bez nego. M.: Nestor-istoriya.
- Leach S., Eckardt H., Muldner G., Chenery C., Evans J., Lewis M. 2010: A Lady of York: migration, ethnicity and identity in Roman Britain // Antiquity. 84 (323). 131–145.
- Life in Roman Britain from BBC Teach. — <https://sites.google.com/a/xtec.cat/teens/videos/beard-racism-sexism-diversity-mary-beard> (June, 2021).
- Life in Roman Britain History the Story of Britain. — <https://www.youtube.com/watch?v=WjuYhBPwaQs> (June, 2021)
- Nesbitt C. 2016: Multiculturalism on Hadrian's Wall // The Oxford Handbook of Roman Britain / M. Millett, L. Revell, A. Moore (eds.). Oxford, 224–244.
- Olusoga D. 2016: Black and British: A Forgotten History. London.
- Paul Joseph Watson. — <https://www.desmog.com/paul-joseph-watson/> (June, 2021).
- Pigliucci M. 2017: Beard vs Taleb; Scientism and Historical Accuracy. — <https://iai.tv/articles/beard-nassem-taleb-twitter-feud-and-dangers-of-scientism-auid-868> (June, 2021).
- Poser R. 2021: He wants to save Classics from Whiteness. Can the field survive? — <https://www.nytimes.com/2021/02/02/magazine/classics-greece-rome-whiteness.html> (June, 2021)
- Redfern R., Gröcke D.R., Millard A.R., Ridgeway V., Johnson L., Hefner J.T. 2016: Going south of the river: A multidisciplinary analysis of ancestry, mobility and diet in a population from Roman Southwark, London // Journal of Archaeological Science. 74. 11–22.

- Taleb N.N. 2014: Chornyi lebed'. Pod znakom nepredskazuemosti / Per. s angl. V. Son'kin, A. Berdichevskiy, M. Kostionova, O. Popov, A. Kapanadze. M.: KoLibri, Azbuka-Attikus.
- Taleb N.N. 2017a: Something is Broken in the UK Intellectual Sphere. — <https://medium.com/east-med-project-history-philology-and-genetics/something-is-broken-in-the-uk-intellectual-sphere-7efc9a1f154a> (June, 2021)
- Taleb N.N. 2017b: The insidious racism of Mary Beard and the 'diversity' operators. — <https://medium.com/east-med-project-history-philology-and-genetics/the-insidious-racism-of-mary-beard-et-al-8b6b768b4575> (June, 2021).
- Taleb N.N. 2017c: Comments on 'Klueless Massimo's Account (Massimo Pigliucci) of the Mary Beard (Twitter) debate. — <https://medium.com/opacity/comment-on-klueless-massimo-s-comments-massimo-pigliucci-of-the-mary-beard-twitter-debate-4c99a36de40> (June, 2021).
- Thank God the BBC is portraying Roman Britain as ethnically diverse. — <https://twitter.com/PrisonPlanet/status/889804329082912769> (June, 2021).
- Tomlin R. 1992: Voices from the Sacred Spring // Bath History. Volume. IV. 7–24.

Л.Г. Шенко, К.Г. Носко

НЕФОРМАЛЬНЫЕ АРИСТОКРАТИЧЕСКИЕ СООБЩЕСТВА ФРАНЦИИ XVII–XVIII ВЕКОВ КАК ТРИГГЕР ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗА ЦИВИЛИЗАЦИИ

Статья посвящена характеристике некоторых черт варварства и цивилизации в контексте их общественного развития и оппозиции. Акцент сделан на одной из форм социального общения, связанной с интеллектуальной сферой, а именно, на неформальных сообществах Франции. Такими сообществами, среди прочих, были салоны, которые появились как форма проведения досуга французской аристократии в XVII в., но особенно востребованными они стали в эпоху Просвещения, в условиях трансформации социальных структур и духовно-культурных основ общества. Ряд просветительских положений, ставших фундаментом теорий современности (в частности, идеи превосходства цивилизованных народов над варварскими и необходимости их «цивиловать»), разрабатывались как раз в салонах аристократии, которые, таким образом, стали триггером актуальных идейных концепций. Авторы полагают, что в XVIII в. во Франции в рамках салонных собраний выработалась своеобразная коммуникативная практика в интеллектуальной сфере, которая сформировала культурный образ цивилизации, одна из основных черт которого — интеллектуальное общение, сложившееся в систему правил.

Лариса Георгиевна ШЕПКО — доктор исторических наук, профессор ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет». Донецк. — ppakra@mail.ru

Карина Геннадьевна НОСКО — старший преподаватель ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет». Донецк. — k.nosko@donnu.ru

Цивилизация и варварство
2021. Вып. X. С. 58–78
УДК 9.94

Civilization and Barbarity
2021. Issue X. P. 58–78
DOI [10.21267/AQUILO.2021.10.10.002](https://doi.org/10.21267/AQUILO.2021.10.10.002)

Ключевые слова: варвары, цивилизация, триггеры, интеллектуальное общение, салоны, Франция, XVII–XVIII вв., Просвещение.

Социум — сложный структурный и коммуникационный организм. Проходя определенные этапы своего развития, он сохраняет в себе состояния предшествующих эпох в явной или в латентной форме. В переходные эпохи они могут активизироваться, выходящая спусковым механизмом адаптационных процессов.

Понимая варварство как стадию предгосударственного развития, следует отметить следующие его характеристики: систему общинно-родовых отношений с приоритетом коллективного начала, отсутствие институциональных форм регулирования взаимоотношений, мифоритуальные способы передачи опыта и знаний. На поздней стадии первобытности выделяются социальные группы, формирующие собственное коммуникативное поле и правила поведения. Среди форм коллективного общения, охватывающих часть общины, известны возрастные классы, мужские союзы, инициации. В основе их общения лежало родство и культовые практики. В ходе социального развития происходит усложнение всех элементов общества, ослабевают родственные связи, возрастает значение индивидуального начала¹. Однако в ранних цивилизациях эти формы общения сохраняются в виде пережитков, но в то же время могут приобретать новый смысл. Достаточно ярким примером являются спартанские сисситии².

В связи с этим среди критериев цивилизации, отличающих ее от варварства, следует отметить характеристики, имеющие социокультурное значение: это письменность, образование. В развивающейся цивилизации оформляется самостоятельная интеллектуальная сфера, роль которой в трансформации социальных структур постоянно возрастает.

Начиная с Античности, каждая эпоха вырабатывала свою концепцию «варварского», исходя из конкретно-исторических обстоятельств, формируя свой стереотипный образ. Как совокупность форм и способов жизнедеятельности людей варварство уже с ан-

¹ Артемова О.Ю. 1987, 183.

² Андреев Ю.В. 2004, 27.

тичных времен ассоциировалось с дикостью, бескультурьем, невежеством, жестокостью и противопоставлялось цивилизованности³.

Степенью цивилизационного развития является эпоха Просвещения — период широкого интеллектуального движения, всплеска информационного накопления. Ряд просветительских концепций и идей стали фундаментом теорий современности (в том числе идеи превосходства цивилизованных народов над варварами и необходимости их «цивилизовать»).

Движение охватило многие страны Европы, но особое влияние приобрели французские просветители. Общественную жизнь Франции XVIII в. отличало широкое распространение неформальных способов общения. Обсуждение многих вопросов осуществлялась в разного рода частных собраниях, что привело к появлению новых и актуализации существующих форм общения, формированию плотного коммуникативного пространства в столице. Среди них особое место занимает французский салон как символ меняющейся эпохи.

Исследования, посвященные салонным сообществам Франции, демонстрируют достаточно высокий интерес к данному явлению. Однако основное внимание в зарубежной историографии уделяется социальному, культурному и гендерному аспектам деятельности салонов. В российской историографии история французской салонной культуры XVIII в. является малоисследованной темой⁴. Вне поля зрения остается их общественно–политическая деятельность и коммуникативное значение, степень воздействия на коллективное и индивидуальное сознание.

Вместе с тем общественная коммуникация является одним из главных факторов социальной эволюции. Развитию коммуникативных форм на разных исторических этапах были посвящены работы Ю. Хабермаса⁵. Исследователь вводит понятие «общественности» (публичной сферы), которая определяется как совокупность автономных объединений, связанных друг с другом узлами коммуникации, вырабатывающих ценностные суждения, оценки значимые для всего общества.

³ Буданова В.П. 2012, 16–17.

⁴ Носко К.Г. 2021, 7–10.

⁵ Хабермас Ю. 2016.

Но в плане соотношения форм общения культурно оппозиционных социальных организмов они не рассматривались. В эпоху варварства подобные виды коммуникации только зарождаются. Характер общения цивилизационного общества, в данном случае XVIII в., существенно отличается от общения в предшествующие периоды, включая средневековье. Салонные собрания начинают включаться в механизм принятия государственных решений, становясь каналом связи общества и властных структур.

Интеллектуальный характер собраний/встреч, организуемых представителями высшего сословия во французской столице XVIII в., раскрывают воспоминания, дневники, письма, автобиографии писателей, государственных и политических деятелей, посещавших салонные собрания. Данные произведения содержат уникальные факты для реконструкции исторических событий и явлений, позволяют понять обстановку в обществе того времени в целом и внутренний мир отдельных личностей, в частности. Салон выступает и как средство, расширяющее возможности интеллектуального общения, и как форма его реализации. В контексте данной проблемы следует отметить мемуарные свидетельства известных французских писателей Ж.-Ф. Мармонтеля, А. Морелле, герцога де Сен-Симона, президента парижского парламента Ш.-Ж.-Ф. Эно, государственного деятеля Рене-Луи, маркиза д'Аржансона, герцога де Ришелье⁶.

Своеобразной формой мемуарной литературы являются автобиографии. Так, «Исповедь» французского философа Ж.-Ж. Руссо, написанная во второй половине 1760-х гг., отражает не только жизнь и деятельность автора, тесно связанного с хозяйками салонов, но и саму салонную практику, ее правила и возможности⁷.

Средством межличностного общения и источником актуальной информации в XVIII в. выступала переписка. Информативностью отличается корреспонденция хозяек известных французских салонов: Ж. де Леспинас, мадам Жоффрен, маркизы дю Деффан. Их образы выступают в письмах иностранных послов и дипломатов, например, графа де Хойма, английского писателя Горация Уолпола. Сообщения о важных явлениях общественно-политичес-

⁶ *Hénault Ch.-J.-F. 1855; Morellet A. 1777; Marmontel J.-F. 1891.*

⁷ *Руссо Ж.-Ж. 1949.*

кой и культурной жизни Франции XVIII в. переплетены с рассказами о светской жизни привилегированных сословий (нравы, обычаи, практики).

У истоков салонной культуры стояли литературные кружки. Художественная литература в XVIII в. являлась формой изложения и рупором идейно-философских воззрений автора, его моральных ценностей. Хорошо образованные хозяйки салонов одним из центральных пунктов собраний делали обсуждение произведений литературы. Романы, написанные маркизой де Ламбер, баронессой де Тансен, маркизой д'Эпине, графиней де Жанлис, дают представление о взглядах, установках, суждениях писательниц по многим важным вопросам, в т.ч. педагогического, нравственного характера, которые являлись определяющими в организации деятельности их салонов.

Труды французских мыслителей: Вольтера, Монтескье, Дидро, Руссо, Гольбаха расширяют представления о тематике салонных бесед неформальных собраний знати, интеллектуальном характере деятельности известных французских салонов

В первой половине XVII в. в аристократической среде организуяются встречи, собираются компании, литературные кружки для проведения интеллектуальных бесед и светских развлечений. Особенностью собраний являлось то, что их действие разворачивалось вне Двора. Модель новой формы общения была предложена Катрин де Вивон (в замужестве маркиза де Рамбуйе), которая открыла в 1608 г. в Париже первый салон. Возникновение подобного рода неформального интеллектуального сообщества объясняется влиянием итальянского Возрождения (детские воспоминания об изысканном дворе Медичи) и оппозиционными взглядами ее мужа, Шарля д'Анженна, виконта Ле-Мана. Замкнутый образ жизни французской аристократки, а также ограниченность публичной сферы во Франции XVII в. способствовали закреплению и развитию данной формы коммуникации⁸.

В рамках салона маркизы де Рамбуйе формировалась прециозная культура, отличавшаяся изысканным поведением, изящностью языка и утонченностью вкуса. Пытаясь противопоставить

⁸ *Таллеман де Рео Ж.* 1974, 140–142: *Неклюдова М.С.* 2008, 64–67.

грубости нравов и неупорядоченности жизни послевоенного периода и следуя в русле итальянской светской культуры⁹, маркиза де Рамбуйе стремилась сделать светское вежество правилом общення, нормой поведения просвещённой элиты.

При всей неоднозначности оценок прециозности, можно полагать, что деятельность маркизы де Рамбуйе стимулировала интерес аристократического общества к умственным занятиям, положив начало формированию образа салона как места интеллектуального общения.

Впоследствии примеру мадам де Рамбуйе последовали и другие знатные дамы. Так, в середине XVII в. в Париже открыли свои салоны герцогиня де Монпансье, мадемуазель де Скюдери, маркиза де Сабле, маркиза де Севинье, графиня де Лафайет. Следует отметить, что все они ранее были посетительницами салона маркизы де Рамбуйе.

Подобное времяпровождение, отличавшееся от других форм светского общения, в частности королевских академий, философских и литературных обществ, кружков, приобрело широкую популярность во французской столице.

На протяжении XVIII в. собрания знати с целью интеллектуального общения становятся распространённой формой коммуникации, получившей в XIX в. обобщенное название «салон»¹⁰. *Салоны как собрания представителей высшего света в частном доме с целью беседы на различные темы приобрели ряд устойчивых визуализированных качеств.*

Как следует из терминологической характеристики, формальным образующим качеством стало *место проведения встреч*.

Собрания проходили в *частном доме, квартире (appartement), городском особняке (hôtel) или загородном замке (château)*. Это, по мнению французского историка А. Лилти, свидетельствует о их принадлежности к домашнему пространству и, следовательно, отличает от королевских академий, клубов, кафе и т.д., относящихся к публичной сфере¹¹. Салон являлся выражением «частной публичности», т.е. промежуточной формы между частным и публич-

⁹ Голубков А.В. 2017, 13–14.

¹⁰ Larousse P. 1875, 133.

¹¹ Lilti A. 2005, 65.

ным. Это было особое пространство, свободное от сословных, семейных и этикетных ограничений¹².

Так, маркиза де Рамбуайе для большего удобства проведения собраний в 1618 г. занялась перестройкой особняка де Рамбуайе. По свидетельству Таллемана де Рео, она лично руководила строительными работами. Маркиза де Рамбуайе первая предложила для отделки комнат использовать не только красный и коричневый цвета, но и голубой, именно поэтому ее комната получила название «Голубой гостиной»¹³. Таким образом, маркиза создала моду на внутреннее устройство и убранство домов.

Баронесса де К. Тансен собирала гостей в квартире на улице Сен-Оноре, расположенной в нескольких сотнях метров от отеля мадам Жоффрен. В апреле 1717 г. она подписала с монахинями Зачатьевского монастыря договор пожизненной аренды на квартиру, а в августе заключила договор на оставшуюся часть дома за дополнительную плату¹⁴.

Открытие салона влекло за собой значительные затраты: покупка или аренда дома (где важное значение имели его площадь, а также район размещения), организация обедов и ужинов, оказание протекции писателям и философам.

Не менее важной характеристикой стала систематичность проводимых встреч. Салон был основан на практике регулярных еженедельных приемов. В XVIII в. широкую популярность приобрела модель «фиксированного дня» и «открытого приема». Например, вторники маркизы де Ламбер и баронессы де Тансен, понедельники и среды мадам Жоффрен, четверги и воскресенья барона Гольбаха, пятницы мадам Неккер. Если гость был принят хоть один раз, то впоследствии он мог уверенно приезжать в установленный день без приглашения. Мармонтель вспоминал:

«Я даже имел честь ужинать у мадам де Тансен, и с этого дня я должен быть в списке ее гостей»¹⁵.

¹² Неклюдова М.С. 2008, 21.

¹³ Таллеман де Рео Ж. 1974, 142.

¹⁴ Masson P.-M. 1970, 25.

¹⁵ Marmontel J.-F. 1891, 233.

В реальности дни недели и место проведения салонных встреч могли меняться в зависимости от времени года или жизненных обстоятельств хозяина.

Так, во второй половине XVIII в. широкую известность во французском обществе получили «пятницы» мадам Неккер. Однако на протяжении двадцати пяти лет существования ее салона, дни и место приемов неоднократно менялись. В частности, в 1776 г. французский естествоиспытатель Бюффон в своем письме С. Неккер высказал надежду вскоре посетить ее салон в среду или четверг, чтобы лично выразить ей и ее мужу чувства своего почтения и уважения¹⁶. Первоначально салонные встречи, организованные мадам Неккер, проходили в городском особняке Леблан, который находился на ул. Клери, однако в 1781 г. после первой отставки ее мужа с поста директора финансов они переехали в дом по ул. Бержер, где вновь был открыт салон. Кроме того, периодически мадам Неккер принимала гостей своего салона в загородном замке Сен-Уен, расположенном между Парижем и Сен-Дени.

С мая по октябрь светская жизнь перемещалась из столицы в провинцию. Представители высшего французского общества уезжали из Парижа в свои загородные резиденции, где продолжали организовывать встречи. Мадам дю Деффан в своем письме Г. Уолполу написала, что с мая месяца «все разъедутся по загородным домам»¹⁷. Мадам д'Эпине, в свою очередь, жаловалась аббату Галиани, что, оставшись в Париже летом из-за финансовых трудностей, она чувствует себя одиноко и изолированно от светской жизни¹⁸.

Следующая характерная черта салонной культуры — *смешанный характер приемов* (совместное участие мужчин и женщин, межсословность). В рамках собраний проходило интеллектуальное внесемейное общение между мужчинами и женщинами. Открытие салона или участие в салонных встречах было одной из немногочисленных возможностей социализации для женщин. При этом открытое общение между мужчинами и женщинами в салонах не воспринималось французским обществом как нарушение норм приличия.

¹⁶ Buffon G.-L. 1971, 323.

¹⁷ Walpole H., 292.

¹⁸ Galiani F., D'Épinay L. 1993, 145.

Хозяевами парижских салонов были как женщины, так и мужчины. Г. Уолпол в письме другу Ж. Селвину при перечислении салонов, которые он посещал во время своего пребывания в Париже, упоминал общества мадам Жоффрен, герцогини д'Эгийон, мадам Рошфор и кружок господина Люксембургского¹⁹.

Наиболее многочисленными и популярными в Париже были салоны, организованные женщинами. Это связано с тем, что салоны для них выступали основным путем включения в общественную и культурную жизнь Франции. Мужчины же обладали более широкими возможностями в выборе путей и средств участия в светской жизни французского общества.

Встречи организовывали чаще всего представительницы дворянства, реже буржуазии. Прежде всего, это объясняется как наличием материальных ресурсов, так и нормами жизни высшего общества (наличие свободного времени у женщин, которые, к тому же обладали достаточно широкой автономией по отношению к своим мужьям, хотя эта свобода основывалась только на доброй воле мужчины)²⁰.

Представительницы привилегированного сословия имели, как правило, качественное домашнее образование и воспитание. Девочки обучались чтению, письму, основам домоводства, музыке, танцам, географии, иногда языкам, знанию манер, принятых в высшем обществе. Затем в монастырском пансионе в течение года-двух они получали дополнительное к домашнему образованию²¹.

Превосходное образование получила маркиза Эмили дю Шатле благодаря своему отцу, барону де Бретей, который в Версале готовил послов иностранных государств к приему у Людовика XIV и представлял их королю. Маркиза дю Шатле изучала, помимо прочего, английский, итальянский, немецкий и латинский языки, занималась верховой ездой, фехтованием, пением, танцами, театральным мастерством, играла на клавесине²². Вольтер вспоминал:

¹⁹ *Walpole H.* 1875, 98.

²⁰ *Lilti A.* 2005, 110–111.

²¹ *Плецев А.Н.* 1888, 9.

²² *Colet L.* 1847, 11–12.

«Она помнила наизусть все лучшие вещи Горация, Вергилия и Лукреция; все философские произведения Цицерона были хорошо ей знакомы. Ее влекло главным образом к математике и метафизике»²³.

Форма обучения Манон Флипон, будущей мадам Ролан, типична для парижской буржуазии дореволюционного периода. Ее отец, гравер, и мать дали ей хорошее образование дома, а затем отправили на год в монастырский пансион, чтобы лучше подготовить девочку к первому причастию. В 4 года Манон уже умела читать, с 7 лет ее в течение дня учили ее письму, географии, танцам, музыке и рисованию. В 11 лет Манон отправили в пансион Конгрегации Нотр-Дам, где она продолжала брать уроки музыки и рисования. Учителя приезжали в монастырь и занимались с ней в комнате для посещений²⁴.

Чаще всего хозяйки салонов были замужними женщинами, мужья которых лояльно относились к данной форме светской жизни. Зачастую они сами принимали участие в этих встречах. Так, регулярно присутствовал во время салонных приемов, организованных Сюзанной Неккер, ее муж — Жак Неккер. По свидетельству Мармонтеля, он был «молчаливым и холодным зрителем». В общем, он напоминал «немой персонаж»²⁵.

Распространенной была ситуация, когда женщина-хозяйка салона была официально замужем, но фактически не проживала совместно со своим супругом. В частности, мадам де Богарне, урожденная Мари Анна Франсуаза Мушар, выйдя замуж в 15 лет за военного, отправилась жить к нему в Ла-Рошель, но через 9 лет, в 1762 г. вернулась обратно в Париж одна²⁶. Некоторые наиболее известные хозяйки парижских салонов были вдовами, например, мадам де Ламбер, мадам Жоффрен, мадам дю Деффан.

Гораздо реже встречаются незамужние хозяйки салонов, среди которых заметно выделяется фигура Жюли де Леспинас, незаконнорожденной дочкой графини д'Альбон, в доме которой она получила прекрасное воспитание. После смерти графини, будучи

²³ *Вольтер*. 1998, 247.

²⁴ *Ролан*. 1893, 5–32.

²⁵ *Marmontel J.-F.* 1891. Т. 3, 16.

²⁶ *Turgeon F.K.* 1932–1933, 61–80.

компаньонкой и лектрисой маркизы дю Деффан, она принимала участие в ее салоне, где собирались известные французские философы, политики, знатные дамы, дипломаты. Ссора между двумя женщинами привела к разрыву их отношений в 1764 г. Жюли де Леспинас с помощью друзей открыла свой собственный салон на улице Белльшасс, который посещали энциклопедисты во главе с д'Аламбером²⁷. Французский писатель Ж.-Ф. де Лагарп в «Литературной переписке», объясняя успех ее салона, указывает:

«Я могу сказать, что не знаю ни одной женщины большего природного ума и наименьшего желания его демонстрировать <...> Она обладала знанием света и наиболее приятной разновидностью учтивости»²⁸.

Таким образом, именно хорошее образование и воспитание хозяев салонов имели определяющее значение для жизненности и популярности собраний.

Отсутствие институционализации. Основной целью салонных собраний являлось общение, затрагивающее различные области знаний. При этом салонная беседа отличалась увлекательностью (предполагающей остроумные и оригинальные рассуждения) и отсутствием педантизма. Это, в свою очередь, требовало от человека, получившего доступ в салон, иметь незаурядный ум, знания и способность их излагать. Салон, как элемент досуга французских аристократических кругов, не предполагал институционализации и тем самым отличался от схожих форм общения (например, общества драматургов, основанного Бомарше).

Основная форма общения — интеллектуальная беседа. Основным занятием во время салонных встреч было обсуждение вопросов, относящихся к различным областям знаний. Важнейшие изменения, происходившие в экономической, социальной, политической и идейно-культурной сферах французского общества, требовали осмысления и оценки. Произведения литературы занимали центральное место. Литература выступала в этот период основным способом восприятия и анализа исторической действительности, формой проведения идей. Хозяева салонов находились в тесном

²⁷ Sainte-Beuve C.-A. 1852. Т. 2, 124–125.

²⁸ La Harpe J.-F., de. 1973, 74.

контакте с писателями, внимательно следили за литературными кругами Франции и старались обеспечить свои салоны литературными новинками²⁹. От этого в значительной степени зависела репутация и популярность салона. Со временем сложилась определенная процедура обсуждения литературных новинок. После его чтения гостями обсуждалось услышанное. На страницах своих мемуаров Жан Франсуа Мармонтель изобразил поведение каждого участника салонной встречи, организованной мадам де Тансен, в момент такого обсуждения:

«Со стороны Мариво явно чувствовалось нетерпение проявить свое остроумие и прозорливость. Монтескье спокойно ждал своей очереди. Меран поджидал удобный случай. Астрюк не захотел его ждать. Один Фонтенель дождался его, не искав»³⁰.

Хозяин, хозяйка салона не только высказывал свое оценочное мнение, но могли давать советы литературного и этического характера³¹.

Важное место во французских салонах занимали беседы и дискуссии на философские темы. Так, в салоне мадам де Ламбер развернулся «Спор о Древних и Новых». Главным предметом полемики, начавшейся в конце XVII в., было отношение к наследию античности. Сторонникам «древних» (античных) авторов, которые считали античную культуру высшим образцом и безусловным авторитетом, противостояли сторонники «новых» авторов, которые основываясь на теории прогресса, отстаивали современную им национальную культуру. На защиту античности, используя резкие и порой оскорбительные выражения, встала А. Дасье («Причины испорченности Вкуса»)³².

Во время салонных собраний также заслушивались и обсуждались музыкальные произведения. Для этого специально приглашались музыканты оркестра, певцы. Так, Ж.-Ж. Руссо в салоне супругов де ла Поплиньер были представлены отрывки из оперы «Любовные музы». Для прослушивания хозяин специально пригласил

²⁹ *Tencin C.-A.* 1880, 238–239.

³⁰ *Marmontel J.-F.* 1891. Т. 1, 233–234.

³¹ *Journal de Paris.* 1787. № 254, 1103–1104.

³² *Trublet N.Ch.J.* 1761, 343–344.

десять оркестрантов и трех певцов. Жан-Жак отметил, что произведение понравилось присутствующим и хозяину дома. Однако отрицательное мнение высказал известный композитор Рамо³³.

Светские беседы затрагивали также и сентиментальные темы. Поиск остроумного ответа, в основе которого лежал соревновательный принцип, имел целью, скорее, развлечь высшее общество, чем добиться истины. Так, мадам де Тансен предлагала гостям разрешить следующую ситуацию: «Один возлюбленный говорит, что он не видел, где она, другой — что видел там, где ее нет. Чьи чувства сильнее?»³⁴.

Дополнением к салонным беседам нередко служили разнообразные светские развлечения. Гостям мадам де Тансен, например, в качестве развлечений предлагались карточные игры (кадриль, в частности), которые хозяйка очень любила³⁵. В салоне мадам де Ламбер, наоборот, не были приняты ни игра, ни биржевый ажиотаж. По свидетельству Фонтенеля, это был за небольшим исключением единственный дом, который сохранился от эпидемической болезни игры и единственный, где встречались, чтобы благоразумно, а при случае и остроумно поговорить³⁶. Иногда литературные и философские дискуссии в этом салоне сменялись балами. Шарль Жан Франсуа Эно, президент парижского парламента, в своих мемуарах писал о том, что он рассуждал о догматах утром и пел вечером³⁷.

Регламентация поведения. Взаимоотношения посетителей, хозяев салонов регламентировались определенными правилами. Посетителем салона, участником бесед мог быть не каждый. Существовал специальный механизм допуска в салон — приглашение (в устной или письменной форме), полученное лично от хозяина, или рекомендации от кого-либо из друзей, знакомых.

Так, Ж.-Ж. Руссо был принят в салонах мадам де Безанваль и мадам Дюпен только по рекомендации иезуита Кастеля.

³³ Руссо Ж.-Ж. 1949, 310–311.

³⁴ Saint-Pierre, abbé de. 1884, 221.

³⁵ Hoym Ch.-H. 1910, 283.

³⁶ Fontenelle B., de. 1766, 430–431.

³⁷ Hénault Ch.-J.-F. 1855, 103.

«Я говорил о вас госпоже де Безанваль; сходите к ней от моего имени <...> Другая такая же — госпожа Дюпен; я ей тоже говорил о вас; отнесите ей свое сочинение, она хочет вас видеть и примет хорошо»³⁸.

Мармонтель, описывая в своих мемуарах первую встречу с мадам Неккер, указывает, что во время беседы она лично предложила посетить ее салон. Она подошла к нему с невинным и радостным видом и сказала, что одним из ее желаний по приезду в Париж было знакомство с автором «Нравоучительных сказок» и что она не ожидала такой встречи на балу. Мадам выразила надежду, что это не будет мимолетным приключением и просила оказать честь своим приездом³⁹.

В случае же с немецким публицистом Гриммом мадам Неккер действовала по-другому. Она отправила ему небольшую записку с приглашением⁴⁰.

Тщательно подобранные гости обеспечивали интеллектуальную атмосферу салонов. Основными участниками встреч были писатели, ученые, общественные и политические деятели. Наиболее многочисленной была группа писателей, для которых подобные собрания выступали важным ресурсом в поиске покровителей, от которых в значительной степени зависел литературный успех, а, следовательно, материальный достаток.

Обсуждение различных литературных, философских, научных, политических проблем, дополненное светскими развлечениями чаще всего сопровождалось застольем (обедом или ужином в зависимости от времени суток). Хотя были и исключения. Например, в салоне Жюли де Леспинас гости проводили всего несколько часов между спектаклем и ужином⁴¹. Кроме того, она игнорировала практику еженедельного дня, проводя приемы каждый день.

Салонные собрания не являлись в полной мере светскими приемами, на которых присутствовало огромное количество гостей, беседующих в педантичном тоне на различные темы. Скорее, это была система званных обедов (*dîner*), ужинов (*souper*) и отдель-

³⁸ Руссо Ж.-Ж., 1949, 273.

³⁹ *Marmontel J.-F.* 1891. Т. 3, 13.

⁴⁰ *Haussonville, comte d'.* 1882, 13.

⁴¹ *Rapport du 19 avril 1782 ; Lilti A.* 2005, 65.

ных визитов, отличающихся составом участников и тематикой обсуждений.

Так, судя по фрагментарным сообщениям полиции за июль-август 1729 г., мадам де Тансен организовывала в своем доме по ул. Сен-Оноре обеды, ужины и принимала, как правило, в дневные часы (в промежуток между 11 и 14 часами) отдельных гостей. Среди гостей были отмечены П. Тансен, Удар де Ла Мотт, Фонтенель, а также аббаты де Фонтене и де Сен-Пьер, господин Детеу, Ш.-О. де Ферриоль д'Аржанталь. Во время одного из ужинов, 27 июля 1729 г. подавали свиной окорок, приготовленный на вертеле; затем играли в кадриль⁴².

«Обеды» с участием известных писателей создавали репутацию салона, которая, в свою очередь, влияла на популярность «ужинов», а визиты подразумевали формирование более интимного круга близких друзей⁴³.

Главную роль в деятельности салонов играли их хозяева, выступавшие инициаторами собраний. От способностей, умений, социального опыта хозяина зависела репутация и популярность салона.

Хозяева салонных встреч выполняли ряд определенных обязанностей. Они занимались подбором гостей. Так, подход мадам де Кондорсе к выбору членов ее салона заключался в схожести возраста и манер поведения, общения маркизы и будущих посетителей ее встреч. Ее гостями были «самые порядочные люди той эпохи: Тюрго, Сюар, аббат Морелле, Мармонтель, Гельвеций с женой, д'Аламбер и другие»⁴⁴.

Хозяева салонов также тщательно обдумывали темы для бесед на предстоящий вечер. Например, в салоне маркизы де Ламбер, в особняке де Невер, дискуссии на политические и религиозные темы находились под строжайшим запретом. Каждый посетитель должен был либо высказать собственное мнение по обсуждаемой теме из области литературы или философии, либо зачитать несколько отрывков из своих последних работ⁴⁵.

⁴² Notes de police de juillet-août 1729; Masson P.-M. 1909, 177–179.

⁴³ Lilti A. 2005, 64.

⁴⁴ Abrantès, duchesse d'. 1837, 208.

⁴⁵ Sainte-Beuve C.-A. 1859, 225.

Организаторы салонных встреч внимательно следили за ходом беседы, давая возможность высказаться всем присутствующим, а также стараясь не допустить резких споров и дискуссий. По свидетельству современников, мадам Жоффрен обладала умением так направить разговор, что каждому из собеседников представлялся случай в полной мере показать свое красноречие, и они уходили довольные собой и умной хозяйкой. Однажды ей удалось разговорить такого довольно скучного собеседника, как аббат де Сен-Пьер, что он стал неузнаваем. Когда же Жоффрен поздравила его с успехом, он ответил: «Я был инструментом, на котором вы сегодня так хорошо играли»⁴⁶. Дискуссии допускались, однако, если мадам Жоффрен замечала в ком-нибудь из гостей, участвовавших в споре, признаки личного раздражения или желания уязвить, то она прерывала разговор⁴⁷.

Одна из важнейших обязанностей хозяев салонов заключалась в оценке произведений литературы и искусства. Они тем самым создавали моду на писателей, философов, художников, скульпторов, композиторов, артистов, которым впоследствии покровительствовали. Так, Монтескье, написав роман «Персидские письма», отправил его в первую очередь мадам де Ламбер, «Нико-му больше в мире я не стремлюсь так понравиться, как вам»⁴⁸. Маркиза выступила с защитой нового романа и добилась впоследствии продвижения его автора в члены Французской академии.

Критика произведения хозяйкой салона существенным образом влияла не только на репутацию его автора, но и на его материальное благосостояние.

В мемуарах Ж.-Ж. Руссо описан интересный случай, связанный с его работой над пьесой «Празднества Рамиры». По предложению герцога де Ришелье, влиятельного придворного при Людовике XV, маршала Франции, Жан-Жак занялся доработкой этого произведения, как стихотворной, так и музыкальной частей. По прошествии двух месяцев Руссо представил пьесу в салоне супругов де ла Поплиньер. Но реакция хозяйки салона, в отличие от непосредственного заказчика в лице герцога де Ришелье, оказалась

⁴⁶ Morellet A. 1777, 6.

⁴⁷ Ibid., 7.

⁴⁸ Montesquieu Ch. 1914, 65.

негативной. «Все, что было сочинено мной было осуждено госпожой де ла Поплиньер и оправдано господином де Ришелье»⁴⁹.

В результате после незаслуженной, по мнению Ж.-Ж.Руссо, критики он заболел и шесть недель не выходил из своего дома. Пьеса была снова переработана, но уже композитором Ж.-Ф Рамо и представлена в одном из парижских театров на суд зрителей. В заключении Ж.-Ж. Руссо, раздумывая над своими убытками, отмечает: «Я лишился почета, который заслужил своим произведением, и гонорара, который оно должно было мне доставить».⁵⁰

Данные факты свидетельствуют, что, объединяя интеллектуальную элиту французского общества, обсуждая различные проблемы и выражая определенное мнение, салоны могли оказывать влияние на формирования общественного мнения.

Рассмотренные черты салонных собраний демонстрируют оформление в первой половине XVIII в. устойчивой коммуникативной практики, сложившейся на базе уже известных форм общения знати. Неформальные сообщества, связанные с социальными группами высших слоев, известны и в эпоху варварства, и на ранних этапах развития цивилизации. Они различались задачами собраний и выполняемыми функциями.

Эпоха Просвещения демонстрирует особую динамичность общественной жизни. К 70-м гг. XVIII в. во Франции сложился комплекс факторов, который обусловил особую значимость салонов: упадок влияния Двора при Людовике XV и Людовике XVI, распространение просветительской идеологии, межсословный характер собраний, социальная активность женщин высшего света, наличие неформальных центров общения. Салоны становятся наиболее востребованной формой интеллектуальной коммуникации. Французская салонная культура XVIII в. кристаллизовала культурный образ цивилизации, выделив в качестве основной ее черты интеллектуальное общение, сложившееся в систему правил.

⁴⁹ Руссо Ж.-Ж. 1949, 313.

⁵⁰ Там же, 314.

ЛИТЕРАТУРА

- Андреев Ю.В.* 2004: Мужские союзы в дорийских городах-государствах (Спарта и Крит). СПб.: Алетейя.
- Артемова О.Ю.* 1986: Личность и социальные нормы в раннепервобытной общине. М.
- Буданова В.П.* 2012: Варвары и варварство в антропологии цивилизаций // Цивилизация и варварство: трансформация понятий и региональный опыт, 10–46 / Отв. ред. В.П. Буданова, О.В. Воробьева. М.
- Вальтер.* 1998: Собрание сочинений: В 3 т. Т. 2.: Театр; Стихотворения; Мемуары; Исторические сочинения. Письма в Россию. Статьи, памфлеты / Под общ. ред. Б.Т. Грибанова. М.: Литература: Сигма-пресс.
- Голубков А.В.* 2017: Прециозность и галантная традиция во французской салонной литературе XVII века. Автореферат дис. ... канд. филол. наук М.
- Неклюдова М.С.* 2008: Искусство частной жизни: век Людовика XIV. М.
- Носко К.Г.* 2021: Общественно-политическая деятельность салонов Франции XVIII в. Автореферат дис... канд. ист. наук Донецк.
- Плещеев А.Н.* 1888: Женщина в XVIII веке (по Гонкуру). СПб: Типография А.С. Суворина.
- Ролан.* 1893: Личные мемуары г-жи Ролан / пер. Н.Г. Вернадской. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича. С. 5–32.
- Руссо Ж.-Ж.* 1949: Исповедь. Прогулки одинокого мечтателя / Пер. с фр. М. Розанова, Д. Горбова. М.
- Таллеман де Рео Ж.* 1974: Занимательные истории / Пер. с фр. А.А. Энгельке, Э.Л. Линецкой. Л.: Наука.
- Хабермас Ю.* 2016: Структурное изменение публичной сферы. Исследования относительно категории буржуазного общества / Пер. с нем. В.В. Иванова. М.: Весь мир.
- Abrantès, duchesse d'.* 1837: Histoire des salons de Paris: En 4 vol. T. 2. Paris: Ladvocat.
- Buffon G.-L.* 1971: Correspondance générale de Buffon: En 2 vol. T. 1. / Par H. Nadault de Buffon. Genève: Slatkine reprints.
- Fontenelle B., de.* 1766: Éloge de la Marquise de Lambert // Oeuvres de M. de Fontenelle: En 11 vol. T. 9. Paris: Les Libraires associés.
- Colet L.* 1847: Deux femmes célèbres, Madame du Châtelet et Madame Hoffmann-Tanska. Paris : Pétion, libraire-éditeur.

- Galiani F., D'Épinay L.* 1993: Correspondance de F. Galiani et L. d'Épinay: En 5 vol. Paris: Desjonquères. T. 2.
- Haussonville, comte d'.* 1882: Le Salon de Mme Necker d'après les documents tirés des archives de Coppet: En 2 vol. T. 1. Paris: Calman-Lévy. P. 13.
- Hénault Ch.-J.-F.* 1855: Mémoires du président Hénault / Ch.-J.-F. Hénault; par M. le baron de Vigan. Paris: E.Dentu.
- Hoym Ch.-H.* 1910: Lettre du comte Hoym du 24 janvier 1721 // Coynart Ch. Les Guérin de Tencin (1520-1758). Paris: Hachette.
- Journal de Paris. 1787: 11.09. № 254. P. 1103–1106.
- La Harpe J.-F., de.* 1973: Letters to the Schuvalow // Studies on Voltaire and the Eighteenth Century. T. 108. Banbury.
- Larousse P.* 1875: Grand dictionnaire universel du XIXe siècle: français, historique, géographique, mythologique, bibliographique, littéraire, artistique, scientifique etc.: En 17 vol. T. 14. Paris: Administration du Grand dictionnaire universel,
- Lilti A.* 2005: Le Monde des salons. Sociabilité et mondanité à Paris au XVIIIe siècle. Paris: Fayard.
- Marmontel J.-F.* 1891. Mémoires de Marmontel: En 3 vol. / Par M. Tourneux. Paris: Librairie des bibliophiles. T. 1–3.
- Masson P.-M.* 1970: Madame de Tencin: (1682–1749). Genève: Slatkine reprints.
- Montesquieu Ch.* 1914: Correspondance de Montesquieu: En 2 vol. T. 1. / Ch. Montesquieu; par F. Gebelin, A. Morize. Bordeaux: Imprimeries Gounouilhou.
- Morellet A.* 1777: Portrait de madame Geoffrin. Paris: Pissot.
- Notes de police de juillet-août 1729: 1909: Masson P.-M. Madame de Tencin (1682–1749). Paris: Hachette et C.
- Rapport du 19 avril 1782. 2005: AAE, Contrôle des étrangers: En 93 vol. T. 43. // Lilti A. Le Monde des salons. Sociabilité et mondanité à Paris au XVIIIe siècle. Paris: Fayard.
- Richelieu L.-F.-A., duc de.* 1790: Mémoires du maréchal duc de Richelieu: En 4 vol. T. 2. Liege.
- Sainte-Beuve Ch.-A.* 1851–1852: Causeries du Lundi. En 15 vol. T. 1–4. Paris: Garnier frères. T. 2; T. 4.
- Saint-Pierre, abbé de.* 1884. Lettre de l'Abbé de Saint-Pierre à Mme Dupin du 6 novembre 1740 // Portefeuille de Mme Dupin / par le comte G. De Villeneuve-Guibert. Paris: Calmann Lévy.

- Tencin C.-A.* 1880: *Lettres de Mme de Tencin à Hoym // Pichon J. Vie de Charles-Henry comte de Hoym, ambassadeur de Saxe-Pologne en France et célèbre amateur de livres: En 2 vol. T. 2.* Paris: Techener.
- Turgeon F.K.* 1932–1933: *Fanny de Beauharnais: Biographical notes and a bibliography // Modern Philology, № 30.* P. 61–80.
- Trublet N.Ch.J.* 1761: *Mémoires pour servir à l’histoire de la vie et des ouvrages de M. De Fontenelle.* Amsterdam: Marc-Michel Rey, Paris: Desaint et Saillant.
- Walpole H.* 1875: *Lettres de Horace Walpole, écrites à ses amis pendant ses voyages en France (1739–1775) / par Ch. de Baillon.* Paris: Didier et Cie.
- Walpole H.* *The Yale edition of Horace Walpole’s: En 48 vol. T. 3.* New Haven: Yale University Press, London: Oxford University Press.

Larissa G. SHEPKO, Karina G. NOSKO

INFORMAL ARISTOCRATIC COMMUNITIES
IN 17th AND 18th CENTURY FRANCE
AS A TRIGGER FOR THE FORMATION
OF THE CIVILIZATION IMAGE

The article focuses on one of the forms of social discourse in the intellectual sphere, French informal communities, in particular. Such communities, among others, included salons, which appeared as a form of leisure for the French aristocracy in the 17th century, yet demand for them surged in the Age of Enlightenment, that came with transformations of social structures, spiritual canons, and cultural foundations. A number of educational policies, which served as the base for the theories of our time (particularly the idea of civilized people superiority over barbarians and the need to “civilize” them), were developed in such salons for the aristocracy, hence making them a trigger for the spread of new societal and philosophical ideas. The authors believe that the intellectual sphere of the 18th century France has developed a kind of communicative practice within the framework of salon meetings that formed the cultural image of civilization, with intellectual discourse, forming a system of rules, as one of its main features.

Keywords: barbarians, civilization, triggers, intellectual discourse, salons, France, XVII–XVIII cc., Enlightenment.

Larisa G. SHEPKO — Dr. Sc. (History), Professor of the Donetsk National University. Donetsk. — ppakra@mail.ru

Karina G. NOSKO — Senior Lecturer of the Donetsk National University. Donetsk. — k.nosko@donnu.ru

REFERENCES

- Andreyev YU.V.* 2004: Muzhskiyе soyuzы v doriyskikh gorodakh-gosudarstvakh (Sparta i Krit). SPb.: Aletеyya.
- Artemova O. YU.* 1986: Lichnost' i sotsial'nyye normy v rannepervobytnoy obshchine. M.
- Budanova V.P.* 2012: Varvary i varvarstvo v antropologii tsivilizatsiy // Tsivilizatsiya i varvarstvo: transformatsiya ponyatiy i regional'nyy opyt, 10–46. / Otv. red. V.P. Budanova, O.V. Vorob'yeva. M.
- Golubkov A.V.* 2017: Pretsioznost' i galantnaya traditsiya vo frantsuzskoy salonnoy literature XVII veka. Avtoreferat dis. ... kand. filol. nauk. M.
- Khabermas YU.* 2016: Strukturnoye izmeneniye publichnoy sfery. Issledovaniya otnositel'no kategorii burzhuaznogo obshchestva / Per. s nem. V.V. Ivanova. M.: Ves' mir.
- Neklyudova M.S.* 2008: Iskusstvo chastnoy zhizni: vek Lyudovika XIV. M.
- Nosko K.G.* 2021: Obshchestvenno-politicheskaya deyatel'nost' salonov Frantsii XVIII v. Avtoreferat dis. ...kand. ist. nauk Donetsk.
- Pleshcheyev A.N.* 1888: Zhenshchina v XVIII veke (po Gonkuru). SPb.: Tipografiya A.S. Suvorina.
- Rolan.* 1893: Lichnyye memuary g-zhi Rolan, 5–32 / Per. N.G. Vernadskoy. SPb.: Tipografiya M.M. Stasyulevicha.
- Russo ZH.-ZH.* 1949: Ispo ved'. Progulki odinokogo mechtatelya / Per. s fr. M. Rozanova, D. Gorbova. M.
- Tallemан de Reo ZH.* 1974: Zanimatel'nyye istorii / Per. s fr. A.A. Engel'ke, E.L. Linetskiy. L.: Nauka.
- Vol'ter.* 1998: Sobraniye sochineniy: V 3 t. T. 2.: Teatr; Stikhotvoreniya; Memuary; Istoricheskiye sochineniya. Pis'ma v Rossiyu. Stat'i, pamflety / Pod obshch. red. B.T. Griбанova. M.: Literatura: Sigma-press.

М.К. Любарт

ФАКТОРЫ И ТРИГГЕРЫ СОВРЕМЕННОГО ТЕРРОРИЗМА

РАЗМЫШЛЕНИЯ НА ПРИМЕРЕ СОБЫТИЙ ВО ФРАНЦИИ

В последние два десятилетия Франция стала страной западного мира, где происходит, пожалуй, наибольшее количество актов индивидуального террора, который связан с мусульманской миграцией и часто выступает под религиозными лозунгами. Очерчивая общие причины современного терроризма, автор сосредотачивается на анализе причин и триггерах, прямых ситуационных факторах, провоцирующих терроризм в современной Франции. В качестве основной причины называется недостаточная, неэффективная интеграция мигрантов, у которых, как следствие складывается кризисная идентичность, ранимость и повышенная реактивность на некоторые категории событий, которые представляются оскорблением.

Ключевые слова: терроризм, факторы терроризма, миграция, кризисная идентичность, интеграция, Франция.

Терроризм, — одно из проявлений современного варварства, — к сожалению, стал значимым фактором нашего мира. Франция является той из западных стран, где негосударственный, индивидуальный терроризм проявляется в последние два десятилетия наиболее часто.

Маргарита Кемальевна ЛЮБАРТ — кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН. Российская Федерация. Москва. —
Margarita_Lubart@mail.ru

Большинство террористических атак во Франции, как, впрочем и в других успешных государствах, оказываются связанными с «расширяющимися этническими и религиозными диаспорами», сложившимися в результате усиления межгосударственных миграций. Как отмечают отечественные специалисты, этот

«...процесс протекает отнюдь не мирно и сопряжен с возникновением в давно сложившихся социумах новых конфликтных зон, так или иначе ассоциирующихся с принципиально новым «вертикальным варварством»¹.

Франция имеет самую большую мусульманскую общину в Европе, и является страной, наиболее пострадавшей от исламистских атак, совершенных в Европе и Северной Америке с момента провозглашения «халифата» Исламского государства² 29 июня 2014 года³. Число актов терроризма, в основе которого, как считается, лежит религиозная радикализация, во Франции весьма велико и продолжает расти.

Начиная с 2012 г., когда, по мнению специалистов, началась третья волна исламского терроризма, и до середины 2021 г. в стране произошло около 30 значимых террористических актов, повлекших смерть 271 человека⁴ и получивших общественный резонанс. К числу жертв следует также отнести тысячи раненых, людей, пострадавших другим образом, не говоря уже про иные негативные косвенные последствия для французского общества. Наибольшее количество смертей от терроризма пришлось на 2015 и 2016 гг. (150 и 89 случаев соответственно), время активных военных действий в Сирии и «сирийского эпизода» миграционного кризиса в Европе. За ряд терактов, самых кровавых, в 2015 г. взяли ответственность Аль-Каида и Исламское государство⁵, в 2016–2019 гг. — ИГИЛ (включая кровавую бойню на Английской набережной в Ницце 14 июля 2016 г., где погибли 86 и были ранены 458 чел.).

Угроза «суннитского радикального исламизма» признается сегодня одной из самых значительных проблем, процесс радикали-

¹ Малащенко А.В., Нисневич Ю.А., Рябов А.В. 2018. 17.

² Организация, запрещенная в нашей стране.

³ Vidino L., Marone F., Entenmann E. 2017. 16, 45

⁴ Feertchak A. 2021.

⁵ Организации, запрещенные в РФ.

зации вызывает обеспокоенность во французском обществе и силовых структурах государства. Координатор национальной разведки Л. Нуньес в январе 2021 г. заявил, что в настоящее время во французских тюрьмах находятся 500 осужденных за терроризм и 900 радикализированных, осужденных по другим статьям⁶.

К числу проблем, отмечаемых представителями силовых структур Франции, относится также то, что волна террора, осуществляемого исламскими радикалами, вызывает ответную реакцию со стороны крайне правых и крайне левых в самой Франции. Что касается ультраправых, то, по утверждению Л. Нуньеса, с 2017 по начало 2021 года было предотвращено 5 подобных атак, однако происходит процесс усиления настроений ответной агрессии. По оценкам его ведомства, активных ультраправых насчитывается от 1000 до 1500 человек. Что касается ультралевых, то их число, вероятно, доходит до 3 тыс.⁷.

Жертвами различных терактов за последнее время становились в первую очередь французские солдаты и полицейские, журналисты и другие сотрудники прессы, а также школьники, священники, христиане-прихожане храмов (порою прямо во время молитв), другие представители христианских и еврейских общин, сотрудники магазинов, посетители рождественской ярмарки, другие ни в чем не повинные люди. Несколько человек, жертв индивидуальных терактов, в том числе священник, учитель, работодатель одного из террористов, были обезглавлены.

Как отмечалось, в большинстве случаев теракты были совершены иммигрантами из мусульманских стран (либо лицами миграционного происхождения), прежде всего из стран Магриба; в числе таковых оказался и суданский беженец, нелегальный мигрант из Туниса, и даже — обращенный в ислам франко-француз, долго скрывавший свою радикализацию. Последний был специалистом-компьютерщиком, работавшим в разведывательном управлении парижского полицейского управления. 3 октября 2019 года, вооружившись ножом, он убил четырех своих коллег. К числу резонансных относятся и теракты, совершенные мигрантами из Северо-Кавказского региона России. Убийства, совершенные

⁶ «Deux attentats islamistes ont été déjoués en 2020 en France».

⁷ «Deux attentats islamistes ont été déjoués en 2020 en France».

Х. Азимовым (2018) и А. Анозоровым (2020 гг.) также были совершены под лозунгами радикализма.

Преступления, совершенные лицами, которым Франция предоставила убежище, возможности адаптации и интеграции, а также преимущества жизни в условиях экономического благополучия, в условиях общества с развитыми политическими и гражданскими свободами, в глазах французов выглядят весьма странно. Что побуждает людей, прибывших на французскую землю, к таким действиям?

Как и во многих иных случаях террора, с которыми сталкивались другие государства, речь может идти о глобальных, серьезных причинах такого явления как терроризм, и «триггерах», запускающих в том или ином случае реакцию самого теракта.

В силу своей сложности и многоплановости причины терроризма изучаются сегодня специалистами разных наук — политологии, психологии и криминологии экономики, международных отношений, социологии, религиоведения и др. и, на мой взгляд, в нашей российской науке здесь достигнуты немалые результаты⁸. В последнее время в западной и отечественной науке одним из самых перспективных для анализа проблем терроризма признан социокультурный подход, включая анализ мотивации и социально-культурных условий деятельности групп, порождающих терроризм⁹.

Отечественный политолог И.Ф. Луппов справедливо говорит о необходимости «мультиказуального», междисциплинарного подхода, подчеркивая, что

«...терроризм является результатом действия разноплановых факторов психологического, экономического, политического, религиозного и социологического характера», «поскольку причины, порождающие его, представляют собой совокупность различающихся по своей природе переменных».

К отмеченным выше областям гуманитарного знания, занимающихся поиском проблем факторов, порождающих терроризм, справедливо было бы добавить этнологию и социальную антропо-

⁸ См. об этом: Харитонова О.Г. 2018.

⁹ См. об этом: Луппов И.Ф. 2009.

логию, с их вниманием к этнокультурным аспектам, которые, как мне представляется еще недооценены, попытка обратить внимание на которые будет сделана в этой работе.

Среди основных причин появления современного терроризма, выделяемых специалистами разных направлений, важнейшими на мой взгляд, являются следующие: экономическое, цивилизационное отставание стран мусульманского Востока, из которых идет основной поток миграции в Европу. Этот «цивилизационный отрыв», очевидное техническое, научное, экономическое превосходство европейской цивилизации в условиях информатизации хорошо известен на Востоке. Существует и понимание, что те страны, к которым по рождению принадлежат эти мигранты, критически отстали от мира западного. Осознание того, что в мире существуют успешные народы с большими возможностями и те, кто оказался на периферии цивилизации, «на обочине», является весьма болезненным.

Кризисная, а порой и негативная идентичность, основанная из такого сопоставления, является одной из причин терроризма:

«...исламские сообщества, государства, страны, общины в современном мире во многих отношениях переживают глубочайший исторический кризис своей идентичности, одной из трагических манифестаций которого является феномен терроризма»¹⁰.

На это же обстоятельство обращают внимание и другие авторы, подчеркивая, что «проблема международного терроризма тесным образом связана с поиском идентичности исламского общества». А его преодоление, видимо, возможно «только через изменение социально-экономических, политических и культурных условий жизни мусульман»¹¹.

Еще одним, весьма важным прекурсором терроризма, является, по всей очевидности, *недостаточная интеграция мигрантов* из мусульманских регионов. Франция, которую отнюдь не обошли глобальные миграционные процессы, имеет довольно либеральную миграционную политику и принимает большое число мигран-

¹⁰ Соснин В.А. 2010, 134.

¹¹ Коврижных О.А. 2016а.

тов, большинство из которых адаптируется к новой жизни. Однако, несмотря на действующие государственные программы по интеграции, далеко не все становятся и хотят стать гражданами страны, приняв европейскую систему ценностей. Возможно, здесь имеет место некоторая переоценка государством своих возможностей по адаптации массовой мусульманской миграции.

Существенной причиной радикализации является религиозная пропаганда радикальной направленности, которая оказывается весьма действенной в отношении плохо интегрированных в европейское общество представителей мусульманской общины. Замечено, что в ней используются настроения отчуждения этой части мусульманского населения Европы, а реальные социальные, экономические, политические проблемы подчас переводятся в «религиозное русло», протестные настроения этой части населения «нагреваются»¹². В числе причин следует назвать и месть радикальной части мусульман за вторжения Запада, в том числе военные, на территорию исламской цивилизации, разрушение государственного устройства ряда стран, навязывание диктата своих ценностей, морали, разрушающих их традиционный уклад жизни. А также, конечно, месть за «оскорбление ислама», случаи которого воспринимаются весьма остро.

Существенным оказывается также и то обстоятельство, что в условиях недостаточной востребованности части мусульманского населения в европейском постиндустриальном обществе, проблемах социально-экономического порядка, происходит «усиление исламского компонента идентичности»¹³. Причем имеет место приобщение не столько к традиционной версии ислама, сколько к тем его вариациям, которые объявляют себя «чистым» исламом (фундаменталистский его вариант), к направлениям, представители которых нацелены на радикализацию и привлечение новых адептов.

Весьма существенна, и, на мой взгляд, недооценена на сегодня *роль культурных, в том числе этнокультурных факторов*. Они, как мне видится, могут выступать и в роли «фоновых» причин радикализации, и в роли «триггеров» терактов.

¹² Базаркина Д.А. 2015, 262; Коврижных О.А. 2016а.

¹³ Кудряшова И.А. 2017, 358.

Следует иметь в виду также, что прибывающие мигранты неоднородны по своему социальному происхождению, являясь, в определенном смысле, проекцией того общества, которое они покинули. Общества исхода миграции — в данном случае мусульманские — также весьма неоднородны внутри. Можно говорить, например, о населении, для образа жизни которого характерна традиционность — это прежде всего сельские сообщества, для части мигрантов — как правило это люди, имеющие образование, нацеленные на реализацию в жизни, бизнес-независимость и т.д., характерен секуляризм. Существует и небольшая группа фундаменталистски настроенных людей, которую в этнокультурном плане можно отнести скорее к тем, кто разделяет (нео)традиционалистские воззрения.

Опыт моих исследований, включающий в том числе беседы с мигрантами, из республик бывшего СССР, где большинство исповедует ислам, приводит меня к следующим выводам. Существует две основные линии поведения мигрантов прибывших в западные страны.

Первая — это так или иначе путь смены прежней идентичности на идентичность европейскую, связанный с изменением себя, своих жизненных установок и принятием новой идентичности, нового образа жизни, новых ценностей. Этот путь нацелен на вхождение в европейское общество и интеграцию, на то, чтобы стать гражданином, частью этого мира, страны, нации. Понятно, что это курс на интеграцию требует немалых усилий, поскольку нужно хорошо освоить другой язык, переобучиться или подтвердить прежний диплом, строить профессиональную карьеру, обустроить жизнь и немало трудиться для всего этого. В процессе такой работы так или иначе меняются установки и жизнь бывшего мигранта, корректируется его идентичность. Человек становится европейцем, вливается в принимающее сообщество.

Собственно, этого и ожидают европейцы от прибывающих к ним мигрантов. По моим наблюдениям, жизнь тех, кто вступили на путь интеграции и сумел реализоваться, став гражданами нового для себя общества, складывается вполне успешно. Более того, ценности общества исхода — например, общественного устройства, положения женщин в семье и обществе, отношение к вопросам

религии, выбору брачного партнера и модели семьи в целом, — перестают иметь для них прежнее значение.

«Мы прибыли сюда не для того, чтобы повторять то, что было там, откуда мы уехали. Мы приехали для того, чтобы жить, как живут здесь, по-европейски. На родину меня, в общем, не очень тянет», —

говорит одна из моих респонденток Н., 55 лет, медсестра, чья жизнь и карьера, так же как и ее супруга, сложились на новой родине вполне удачно. За четверть века миграции она была на родине (Азербайджане) только один раз, дети освоили язык, успешно закончили школу. Мусульманские праздники в семье не отмечают (ПМА 2019).

Иммигранты, удачно интегрировавшиеся, затратившие на это немалые усилия, вливаются в принимающее общество, живут по его законам, не встают на путь радикализации или совершения каких-либо террористических действий.

Другая линия поведения иммигранта — позиция отстаивания своей прежней идентичности, стремление остаться тем, кем ты был до эмиграции, сохранить свою национальность и культуру, и — отказ от принятия идентичности того общества, куда он прибыл. Такой путь тоже возможен, не требует больших усилий, но и не дает тех результатов по интеграции, которые предполагаются принимающей стороной. Это путь консервации своей идентичности, определенной закрытости, приверженности к тем жизненным ценностям и личностным качествам, которые были сформированы культурной средой и воспитанием на прежней родине. Порою, видимо, как защитная функция в условиях чуждого общества, она принимает форму абсолютизации своей культуры, а иногда мифологизации и героизации своего исторического прошлого, что было характерно, например, для ряда народов, конструировавших свою историю после распада СССР.

В случае прибытия мигрантов из преимущественно мусульманских стран, разрыв между ценностями и культурой принимающего общества оказывается существенным, вопросы идентичности, а в конечном счете — интеграции в это общество — более сложными. Недостаточное понимание основ организации европейского общества, несовпадение ряда морально-этических императи-

вов французского и исходного для них общества, неприятие ценностей западного общества часто ведут к разочарованию, фрустрации и вызывает кризис идентичности. Настаивая на ценности своей прежней идентичности, которой они хотели бы гордиться, которая, по их представлению, должна уважаться и почитаться, они зачастую обнаруживают, что этого не происходит в новом для них обществе. Здесь другие ценности и другие «системы общественных координат».

Если говорить о «спусковых механизмах», запускающих решение о совершении теракта, то, на мой взгляд, весьма существенную роль здесь играют несовпадение «культурных паттернов», восприятие и различия реакций на события и явления во французской культуре (политической, бытовой) и культуре представителей мигрантских обществ, находящихся, по удачному выражению историка А.И. Уткина, в «зоне чуждых им цивилизационных канонов». Специфика паттернов восточной (в данном случае северокавказской) культуры агрессивность и нетерпимость к иным идеям и культурам и их носителям.

Весьма характерным стал, в данном случае опыт приема северокавказской миграции, особенно значительный в 1990–2000-е гг., во время войн в Чечне. Франция весьма радушно принимала чеченцев, часто предоставляя им статус политических беженцев. Мне хорошо помнится позиция французских СМИ и энтузиазм французских коллег, которые в начале 2000-х гг. проявляли к ним большое сочувствие и солидарность, поясняя, что у себя на родине они сражаются за свободу.

«Любой, кто хоть сколько-нибудь интересуется глобальными проблемами, наверняка слышал о чеченском народе, который дорого платит за свою свободу»¹⁴, — говорилось в одной из французских научных работ, появившейся в 2005 г. и посвященной чеченской диаспоре.

И в работах северокавказских авторов идея необходимости защищать свою независимость и свободу являются весьма важной: «права и свободы отстаиваются в жесткой борьбе, их нельзя дос-

¹⁴ *Vinatier L.* 2005, 90.

тичь покорностью и смирением»¹⁵. Такое понятие свободы подразумевает отстаивание права народа на независимое существование и сохранение себя как народа, и это отличается от того понимания свободы, которое вкладывается в этот термин в современной французской политической культуре. Во Франции под ним понимаются прежде всего гражданские и политические свободы, но не независимость отдельных этнических групп. Отстаивание своей идентичности какими-либо этническими группами, или, коммунитаризм, напротив, противоречит идее единой гомогенной нации, построение которой шло в этом государстве в течение более двух столетий.

За последние два десятилетия отношение к этой группе мигрантов во Франции изменилось. Произошло это, во многом, из-за их не очень эффективной их интеграции в целом, хотя, конечно же есть немало примеров и очень успешного вхождения северокавказцев во французское общество, а также того, что представители этой диаспоры стали исполнителями терактов. В недавнее время, в особенности в связи с убийством выходцем из Чечни французского учителя С. Пати (октябрь 2020 г.), эта диаспора попала в поле особого зрения представителей силовых структур и властей, которые считают ее подверженной радикализации и весьма активно осуществляют меры к депортации тех, кто склонен к такому поведению. По данным Агентства Франс Пресс (AFP), в 2020 г. 23,1% из 312 отказов (включая все причины) заявлений мигрантов на прием во Франции касались граждан России (в основном чеченцев), что намного превышает показатели всех остальных национальностей¹⁶. Во французском обществе сегодня велик интерес к тому, кто такие чеченцы, о чем свидетельствуют частые поисковые запросы во французском интернете о том, где их родина, каков язык, где на территории Франции они проживают, сколько в стране чеченцев, каковы их обычаи. Одним из частых поисковых запросов во французском интернете являются такие вопросы как «опасны ли чеченцы?» («les tchétchènes sont-ils dangereux?»), «почему чеченцы живут во Франции?» («pourquoi les tchétchènes viennent en france?»), каков их менталитет («mentalité tchétchène»), и т.д.

¹⁵ Нухаджиев Н.С., Умхаев Х.С. 2012, 95.

¹⁶ «Les Tchétchènes face au durcissement sur la radicalisation».

В самом деле, значительная часть прибывших во Францию северокавказцев так или иначе сохраняет свою идентичность. Этому способствуют сохранение земляческих связей, функционирование сообществ и ассоциаций, где земляки встречают радушный прием, где культивируются этнические традиции.

Совпадая в общих представлениях об основах общечеловеческой морали, особенности культуры традиционных мусульманских обществ значительно расходятся с ценностями западного общества. Для того чтобы яснее увидеть несходства, препятствующие культурной адаптации, обратимся к рассмотрению их некоторых значимых параметров.

Важными для западной ценностно-цивилизационной парадигмы сегодня являются такие принципы как функционирование либеральных свобод, включая признание высокой ценности личности, индивидуализм, правовое сознание, рационализм, конкурентность, и т.д., что очевидно не совпадает с ценностями традиционных обществ, из которых в большинстве своем происходят мусульманские мигранты. Эти культуры являются по своему существу коллективистскими, для них характерна приверженность стабильности традиции, включая общественную организацию, «иерархию фиксированных ролей»¹⁷, особую этику общественных, межличностных и семейных отношений, а в настоящее время также тенденцию религиозного (в данном случае — мусульманского) возрождения.

Вопросы культурной идентичности отнюдь не являются для мигрантской среды абстрактными. Она так или иначе позволяет соотносить себя с определенным народом, его историей, всей системой жизненных ценностей, устройства жизни, к которому следует стремиться, дает весьма определенные ориентиры поведения в социуме и семье, со старшими и младшими, воспитания детей, и т.д.

В системе ценностей северокавказских народов также важное место занимают принципы нормативной культуры, которые вырабатывались веками. Как утверждают исследователи этого вопроса, они весьма схожи между собой, и продолжают оставаться актуальными для большинства представителей этих народов¹⁸. К таковым

¹⁷ Соснин В. 2016.

¹⁸ Ханаху Р.А. 2015, 58–59.

относится, например, свободолюбие, коллективизм, сплоченность, взаимоподдержка, преданность собратьям/своему социуму, мужество, смелость, приверженность традициям предков, почитание старших, щедрость, представления о благородстве и чести, необходимости ее защиты, отмщения за оскорбление за членов своего сообщества, за оскорбления веры. Существует строгий этический кодекс, который ставится выше официальных законов, и др.¹⁹. Важным регулятором поведения индивида является общественное мнение, боязнь осуждения за нарушение моральных законов («культура стыда»), страх бесчестия, позора в глазах своего сообщества. Приверженность этим принципам высоко ценится у северокавказских народов, а для современных европейцев же характерен сегодня иной комплекс актуальных этическими ориентиров и доминант, в основе которого лежит большее уважение к независимости личности, меньшая склонность к почитанию и неизбежности авторитетов, больший рационализм и т.д.

Очень важными в северокавказском этосе также являются понятия чести и достоинства, которые стараются не задевать. За многие века выработались специальные правила, позволяющие избежать нанесения обид, на которые чутко реагируют представители этих народов, —

«...необходимость взаимно блюсти честь, вызывают появление особого рода вежливости — изысканного этикета. Этикет разрабатывался в деталях и служил для того, чтобы не создавать условий, при которых возможно нанесение ущерба чести»²⁰.

Понятно, что в европейском, и французском обществе в частности, об этих довольно сложных правилах этикета, взаимной осторожности в поведении, никто не осведомлен, а случающиеся казусы непонимания порою довольно болезненны для северокавказцев.

Из этого краткого сопоставления мы можем видеть, что ценности, определяющие модели поведения людей принимающего общества и сообщества мусульманских мигрантов различаются.

¹⁹ См. об этом: *Акаев В.Х., Мамадиева М.Х.* 2015; *Нухажиев Н.С., Умхаев Х.С.* 2012, 95; *Схаляхо Д.С.* 2016; *Ханаху Р.А.* 2015.

²⁰ *Ханаху Р.А.* 2015, 58–59.

В условиях реальной жизни западного общества культурные доминанты традиционного общества по сути дела обесцениваются, важное на прежней родине не является таковым на новой, а порой и противоречит французским законам. И наоборот, ценности европейского либерального общества оказываются порой чужды тем, кто является приверженцем ценностей традиционного общества. Это не может не приводить к тому, что у их приверженцев в той или иной степени теряется жизненная опора.

Социальная неустроенность, так или иначе дающая себя знать на бытовом уровне дискриминация, чуждость культурных и политических традиций, контраст экономического благосостояния мигрантского и местного населения, отсутствие надежды на возможность добиться высокого экономического и социального статуса, некоторые другие виды депривации вызывают чувство фрустрации, психологической травмированности. Весьма болезненно ощущается миграционными обществами и непризнание за ними положительной (высокостатусной) идентичности.

Одна из мигранток-чеченок, с которой мне удалось поговорить в Париже, женщина лет сорока, буфетчица в кафе, выразилась на этот счет так: «Я только вам говорю, что я чеченка, потому что вы меня понимаете. Другим обычно не говорю. Нас, чеченцев, здесь не любят»²¹.

Речь не идет, конечно же, о нелюбви ко всем, потому что очень многие из этой общины довольно успешно интегрировались и реализовались в обществе. Однако, как это часто бывает, впечатление об отдельных девиациях, о чуждом для французов поведении небольшой группы вызывает настороженность в отношении ко всему этому сообществу.

Эта настороженность стала заметнее в последние месяцы (2020–2021 гг.) из-за терактов, преступлений, которые совершили выходцы с Северного Кавказа (убийство и ранения прохожих в Париже 12 мая 2018 г. и убийство учителя Сэмюэля Пати в Конфлан-Сен-Онорин 16 октября 2020 года) и делинквентного поведения ряда их групп (события в Дижоне, Ницце, Страсбурге и др.).

Сегодня северокавказцы, в особенности чеченцы, чувствуют себя подвергнутыми «коллективному» наказанию, находясь в поле

²¹ ПМА 2019.

пристального внимания французских силовых структур. Сразу после теракта 16 октября 2020 г. из страны было выслано около 100 чеченцев, подозреваемых в терроризме. Чеченцы представляют «значительную часть» тех, кто находится в поле зрения органов государственной безопасности, занимающихся борьбой с радикализмом. По словам представителя МВД Франции, «граждане России составляют 12% иностранцев, регулярно регистрируемых в досье предупреждений о предотвращении террористической радикализации (FSPRT)»²².

Указанные обстоятельства приводят к тому, что внешняя среда ощущается как чуждая, а сообщество, где сохраняются привычная система отношений, традиции — понятной и дружественной. Мигранты стремятся держаться вместе, чувствуют себя лучше в своих сообществах, ассоциациях, каковые существуют и во Франции²³. В этих сообществах в какой-то степени воспроизводится привычная для недавних мигрантов система ценностей и отношений, знакомая система социальной иерархии, что удовлетворяет весьма насущным потребностям их членов. Здесь складывается своеобразная *субкультура поддержки*, где мигрант находится среди своих, равных, понимающих и поддерживающих его. При этом сложная система иерархических социальных связей и этики, в которых мигранты были воспитаны у себя на родине, местным населением новой европейской родины воспринимаются как устаревшие, архаические традиции.

Наряду с действующими в легальном поле ассоциациями, деятельность которых находится в сфере культуры, земляческого общения и поддержки, существуют и такие, где культивируется, мифологизируются (часто героизируются) национальные особенности, придается большое значение религии, абсолютизируется культурная дистанция и различия между «своими» и «чужими». Это благоприятная среда для существования / роста экстремистских настроений. Следует, на мой взгляд, согласиться с мнением наших ученых, утверждающих, что «отстаивание национальной, культурной, религиозной идентичности порождает сейчас неви-

²² Les Tchétchènes 2021.

²³ См. об этом: *Бабич И.Л.* 2019.

данное насилие»²⁴. Существуют исследования, показывающие, что у 32 изучавшихся террористов-смертников существовала общая черта — «отсутствие прочных социальных связей и подверженность внешнему влиянию»²⁵. В литературе также отмечалось, что состояния социальной депривации, осознание социальной действительности как

«...несправедливой, где человек не чувствует себя защищенным, не может реализовать себя, потеря национальных ценностей, одиночество порождают агрессию, готовность сопротивляться власти, и для людей в разных уголках мира представляется лучшей участью пополнить ряды террористических организаций и проявить себя там, отомстив всем за причиненные обиды»²⁶.

Прямые ситуационные факторы, провоцирующие терроризм. Большинство терактов за последние годы происходят под религиозными лозунгами. Однако, весьма возможно, что их причины не всегда являются чисто религиозными. Мне представляется, что они имеют более сложные социокультурные причины.

В религиозном оскорблении видится «последний рубеж», красная линия, которую нельзя преступить — точнее, это тот триггер, который обращает накопленные фрустрации в открытый гнев, мобилизацию на защиту того, что представляется самым святым. Заметим, что в большинстве случаев триггером выступает не личное оскорбление, речь идет не о защите лично себя. Для выходца из общества с общинным сознанием защита личных ценностей возможно, звучит не достаточно весомо. Провоцирующим обстоятельством является посягательство на религиозные святыни, — ценность для целого сообщества, к которому принадлежит исполнитель теракта.

Считается, что существуют основные категории воспринимаемых мусульманами западного общества обид, которые оправдывают месть:

²⁴ Лукичев О. В., Иванова О. С. 2007, 76.

²⁵ Соснин В., 2016. — [https://iknigi.net/avtor-vyacheslav-sosnin/140544-
psihologiya-terrorizma-i-protivodeystvie-emu-v-sovremennom-mire-
vyacheslav-sosnin/read/page-4.html](https://iknigi.net/avtor-vyacheslav-sosnin/140544-psihologiya-terrorizma-i-protivodeystvie-emu-v-sovremennom-mire-vyacheslav-sosnin/read/page-4.html) (октябрь, 2021).

²⁶ Коврижных О.А. 2016b, 79.

«...оскорбления ислама (например, публикации, мультфильмы, порочащее пророка Мухаммеда), спокойное восприятие страданий мусульман западным обществом /.../, а также откровенная военная агрессия в отношении мусульман»²⁷.

Оскорбительные для мусульман изображения, в особенности относящиеся к пророку Мухаммеду, — один из самых частых случаев, провоцирующих возмущения.

В действиях учителя С. Пати (убитого, как говорилось, террористом 16 октября 2020 г.) за демонстрацию изображений, опубликованных в известном издании «Шарли Эбдо» в рамках темы свободы выражения мнений, намерения оскорбить не было. Он даже предложил перед этим показом ученикам, кого это может задеть, покинуть класс. Они так и сделали. Но триггер сработал, — сработала реакция, которая сначала циркулировала внутри коллектива родителей учеников-мусульман, общавшихся в интернет сети. Учитель был подвергнут также нападкам, угрозам в сети. Заметим, что интернет коммуникации сегодня становятся подчас средством накала эмоций, в особенности в коллективных блогах, где высказываемые идеи могут усиливаться, создавая впечатление общественного мнения больших групп. Широкое использование новых интернет технологий, сделало интернет общение особым каналом восприятия реальности²⁸.

Понятно, что сам факт того, что учитель Пати показывал картинки, не имеет отношения прямого отношения к вере, но имеет отношение к чувствам — религиозным, культурным. От этого обида не становится меньше, но она, скорее всего, имеет другую основу. Обидчивость связана с кризисной идентичностью, болезненностью восприятия, которая имеет отношение к униженному состоянию, более низким статусам, непризнанием того, что имеет ценность в своей референтной группе.

Поэтому расправу над учителем, в общем-то работавшим в соответствии с программой обучения, одним из важных принципов французской демократии — лаицизмом (светскостью), и не намеревавшимся кого-либо оскорблять, следует рассматривать как отмщение в целом тем, кого считают ответственным за неудачи

²⁷ Внукова Л.Б. 2017.

²⁸ См. об этом: Ирхин Ю.В. 2016, 76.

своей жизни, за несправедность жизненных целей и стиля жизни, за обесценивание себя и оскорбление святых, того единственного, чем нельзя поступиться.

Молодой человек, решивший отомстить учителю, узнавший о казусе из интернета, даже не был учеником этой школы, но взял на себя роль мстителя, защитника определенного (религиозного, мигрантского, этнического) сообщества. Сам он был застрелен в ходе перестрелки полицией.

Последовавшие события и их оценка, показывают, что здесь, как и в других случаях, перед нами разная, *противоположная система ценностей*. То, что в глазах одной стороны видится героическим поступком и даже жертвоприношением, в понимании другой является варварским убийством. С европейской точки зрения «террористы являются самоубийцами. Их действия показывают, что они не ценят человеческую жизнь, включая свою собственную»²⁹. Один из комментаторов к статье в газете «Ле Фигаро», повествующей об этом убийстве, высказался так:

«Когда тебе безразлична жизнь, очень сложно бороться с людьми, готовыми умереть за свое дело. Нет никаких решений, кроме массового изгнания (таких мигрантов. — *М.Л.*)»³⁰.

С точки зрения террористов, ситуация выглядит иначе. Существуют большие, сверхважные и даже святые цели, ради которых стоит жертвовать жизнью,

«...существующий аморальный мир требует реформирования», и «цели оправдывают средства: идеальное общество, являющееся конечной целью исламских джихадистов, оправдывает все и вся»³¹.

Более того, в координатах европейской культуры — нападение с ножом, убийство, а затем еще и обезглавливание бездыханного тела — не сочетается с религиозной духовностью, решительное осуждается. Как заметил один из читателей «Фигаро»

²⁹ Соснин В.А. 2010, 134.

³⁰ Коммент. Klauwaerts 30.10.2020 к статье Lutaud B., Adhémar M. d', Comevin Ch. et Tenré S. 2020.

³¹ Соснин В.А. 2010, 138.

в комментариях статьи на эту тему — «Убивать — значит служить сатане, а не Богу»³².

Отметим, что этот и другие теракты осудили и многие мусульмане Франции, и официальные мусульманские лица и организации, отстраняясь от идентификации с терроризмом. По распространенному мнению, радикализация происходит за пределами мечети, т.е., видимо, имеет квазирелигиозный характер.

В этом случае религия выступает почти единственной ценностью, «красной линией», за которую нельзя позволить переступить. Это важная (а для кого-то и основных) и священная составляющая идентичности, оскорбление которой становится нестерпимым. Как замечено специалистами-религиоведами, религия может использоваться для обеспечения легитимности и морального оправдания террористическим действиям и получения моральной санкции на использование насилия³³.

Из сказанного видно, что в обстоятельствах недостаточной интеграции в принимающее общество, сформировавшейся кризисной (или даже негативной) идентичности, мигранты из регионов иной «цивилизационной парадигмы» могут воспринимать в качестве обиды довольно широкий круг обстоятельств. Однако триггером, запускающим состояние нестерпимого желания мести, совершения теракта, будет служить, скорее всего, событие, касающееся, как представляется террористу, коллективных интересов. Самым вероятным здесь будет, как говорилось выше, событие, относящееся к религиозной сфере.

Можно ли предотвратить подобные теракты, в чем может состоять их профилактика? Ответ, кажется, прост, нужно большее взаимопонимание между принимающей стороной и прибывающими в страну, отсутствие выраженного конфликта, диссонанса ценностей.

В случае с европейским обществом мы имеем дело с устоявшимися, разделяемыми многими народами, принятыми на государственном уровне и ЕС либеральными ценностями и свободами. Понятно, что за самыми редкими исключениями, европейцы, вос-

³² Коммент. Ben_Voyons 31.10.20 к ст. Lutaud B., Adhémar M. d', Cornevin Ch. et Tenré S. 2020.

³³ Juergensmeyer M. 2006, 142.

питанные в духе демократических ценностей, не предполагают разделять ценностей мусульманских мигрантов. Они могут относиться к ним толерантно, сочувственно, гуманно, ожидая от них самих движения в направлении интеграции. Терроризм же движим идеологией, в корне противоречащей основным европейским ценностям и принципам демократии.

Для его предупреждения нужна как можно более эффективная интеграция в европейское общество, принятие его основных законов и ценностей.

И еще одно обстоятельство, возможно, не очень хорошо осознаваемое мигрантами. Европейцы, особенно представители западноевропейских обществ в целом ушли от идей этнизации, т.е. повышенного внимания к этническим вопросам, которые остаются порой весьма важными для мигрантских групп. Их целью и ценностью являются зрелые, демократические общества, консолидированные нации, где нет места этническому коммуитаризму или сепаратизму. Считается, что культивирование какой-либо этничности, этнической обособленности, абсолютизации ценностей замкнутой культуры внутри нации приводит к усилению гетерогенности, т.е. в конечном итоге — к ее ослаблению. Общества развитых европейских стран идут по пути либеральной демократии, в основе которой лежит открытость, культурный, экономический, информационный и иной взаимообмен.

Франция является одним из государств, где нация понимается именно в гражданском, политическом смысле, как единого, сплоченного сообщества, в котором нет места разного рода этническим различиям. Поэтому коррекция идентичности мигрантами является важнейшим фактором адаптации в новом для них обществе.

ЛИТЕРАТУРА

- Акаев В.Х., Мамадиева М.Х.* 2015: Исламское возрождение на Северном Кавказе: дезинтеграционные и интеграционные процессы. // Научная мысль Кавказа. № 1 (81). 100–104.
- Бабич И.Л.* 2019: Северокавказские эмигранты во Франции: очерки по истории и современности. Москва, Берлин.
- Базаркина Д.Ю.* 2015: Квазирелигиозный терроризм и борьба с ним в Европейском союзе в 2001–2013 гг.: коммуникационный аспект // Го-

- сударственное управление. Электронный вестник. № 51. 261–282. — <https://cyberleninka.ru/article/n/kvazireligioznyy-terrorizm-i-borba-s-nim-v-evropeyskom-soyuze-v-2001-2013-gg-kommunikatsionnyy-aspekt> (октябрь, 2021).
- Внукова Л.Б.* 2017: Радикализация как персональный процесс и социальный феномен: зарубежные теории и российские реалии // Вопросы безопасности. № 4. 60–69. — https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=23724 (22.07.2021).
- Ирхин Ю.В.* 2016: Повышение роли блогосферы в публичной политике // Социально-гуманитарные знания. № 1. 75–79. — <https://cyberleninka.ru/article/n/povyshenie-rol-i-blogosfery-v-publichnoy-politike> (22.07.2021).
- Коврижных О.А.* 2016а: Терроризм как протестное поведение и форма поиска идентичности // Общество: философия, история, культура. № 9. 31–36. — <https://cyberleninka.ru/article/n/terrorizm-kak-protestnoe-povedenie-i-forma-poiska-identichnosti> (15.06.2021).
- Коврижных О.А.* 2016b: Этнокультурные стереотипы и их проявление в различных формах политического насилия // Манускрипт. № 2 (64). 77–80. — <https://cyberleninka.ru/article/n/etnokulturnye-stereotipy-i-ih-proyavlenie-v-razlichnyh-formah-politicheskogo-nasiliya> (5.06.2021).
- Кудряшова И.В.* 2018: Религиозный терроризм: концептуальные проблемы политического анализа // Полит. наука. № 4. 54–68. — <https://cyberleninka.ru/article/n/religioznyy-terrorizm-kontseptualnye-problemy-politicheskogo-analiza> (09.06.2021).
- Лукичев О.В., Иванова О.С.* 2007: Этнорелигиозные факторы терроризма // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. № 2. 76–86. — <https://cyberleninka.ru/article/n/etnoreligioznye-factory-terrorizma> (14.06.2021).
- Луппов И.Ф.* 2009: Источники современного терроризма: основные концептуальные подходы. // Вестник Башкирского университета. Vol. 14. No. 2. 628–631.
- Малашенко А.В., Нисневич Ю.А., Рябов А.В.* 2018: Современное варварство: причины и следствия // Полития. № 2 (89). 6–22.
- Нухажиев Н.С., Умхаев Х.С.* 2012: В поисках национальной идентичности. Грозный, «Грозненский рабочий».
- ПМА 2019: Полевые материалы автора. Париж, 2019.

- Соснин В.А.* 2010: Аналитические комментарии к книге Ф. Мохадамма «Терроризм с точки зрения террористов, что они переживают и думают, и почему обращаются к насилию» // Прикладная юридическая психология. № 4. 134–147 — <https://cyberleninka.ru/article/n/analiticheskie-kommentarii-k-knige-f-mohaddama-terrorizm-s-tochki-zreniya-terroristov-chto-oni-perezhivayut-i-dumayut-i-pochemu> (16.06.2021).
- Соснин В.А.* 2016: Психология терроризма и противодействие ему в современном мире. Институт психологии РАН, 2016. — <https://iknigi.net/avtor-vyacheslav-sosnin/140544-psihologiya-terrorizma-i-protivodeystvie-emu-v-sovremennom-mire-vyacheslav-sosnin/read/page-1.html> (октябрь, 2021).
- Схаляхо Д.С.* 2016: «Морально-философский аспект темы мужества и бесчестия в контексте диалога культур и времен» // Вестник Майкопского государственного технологического университета. № 3. 147–152.
- Ханаху Р.А.* 2015: «Нормативно-этические представления адыгов Северного Кавказа: традиция и современность» // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 1. Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. № 2 (158). 58–61.
- Харитоновна О.Г.* 2018: Изучая терроризм: Основные контуры дискуссии // Политическая наука. М. No 4. 13–33.
- «Deux attentats islamistes ont été déjoués en 2020 en France». Figaro avec AFP. // Le Figaro, 03/01/2021. Комментарии читателей. — <https://www.lefigaro.fr/actualite-france/deux-attentats-islamistes-ont-ete-dejoues-en-2020-en-france-20210103/> (октябрь, 2021).
- Feertchak A.* 2021: «Depuis 2012, 271 personnes sont mortes dans des attentats islamistes en France» / Le Figaro 24.04.2021. — <https://www.lefigaro.fr/international/depuis-2012-263-personnes-sont-mortes-dans-des-attentats-islamistes-en-france-20191007/> (октябрь, 2021).
- Juergensmeyer M. ed.*, The Oxford Handbook of Global Religions. 2006.
- Lutaud B., Adhémar M. d', Cornevin Ch. et Tenré S.* Attentat islamiste à Nice: «C'est la France qui est attaquée», dénonce Emmanuel Macron / Le Figaro, 30.10.20. Комментарии читателей. — <https://www.lefigaro.fr/actualite-france/en-direct-nice-l-auteur-d-une-attaque-meurtriere-interpelle-20201029> (октябрь, 2021).
- Les Tchétchènes face au durcissement sur la radicalisation // Le matin, 14.05.2021. — <https://www.lematin.ch/story/les-tchetchenes-face-au-durcissement-sur-la-radicalisation-473012512565> (октябрь, 23-21).

Vinatier, L., 2005: La diaspora tchébécoise. L'émergence d'un acteur multiforme // *Le Courrier des pays de l'Est*. Vol. 1051. No. 5. 90–101.

Vidino L., Marone F., Entenmann E. 2017: *Fear Thy Neighbor: Radicalization and Jihadist Attacks in the West*, ICCT, ISPI, The George Washington University.

Margarita K. LYUBART

FACTORS AND TRIGGERS OF MODERN TERRORISM REFLECTIONS ON THE EXAMPLE OF EVENTS IN FRANCE

In the past two decades, France has become a country in the Western world with perhaps the largest number of acts of individual terror associated with Muslim migration and often carried out under religious slogans. Outlining the common causes of modern terrorism, the author focuses on the analysis of the causes and triggers of the ethno-cultural order, direct situational factors provoking terrorism in modern France. The main reason is the insufficient, ineffective integration of migrants, who, as a result, develop a crisis identity, vulnerability and increased reactivity to some categories of events that seem to be an insult.

Keywords: terrorism, factors of terrorism, migration, crisis identity, integration, France.

Margarita K. LYUBART — PhD (History), Senior Researcher of the Institute of Ethnology and Anthropology of the Academy of Sciences of Russia. Moscow. Russian Federation. — Margarita_Lubart@mail.ru

REFERENCES

Akaev V.KH., Mamadieva M.KH. 2015: Islamskoe vozrozhdenie na Severnom Kavkaze: dezintegratsionny'e i integratsionny'e protsessy' // *Nauchnaya my'sl' Kavkaza*. № 1 (81). 100–104.

Babich I.L. 2019: Severokavkazskie e'migranty' vo Francii: ocherki po istorii i sovremennosti. Moskva, Berlin.

Bazarkina D.Iu. 2015: Kvazireligiozny'i' terrorizm i bor'ba s nim v Evropei'skom soiuze v 2001–2013 gg.: kommunikatsionny'i' aspekt // Gosudarstvennoe upravlenie. E'lektronny'i' vestneyk. № 51. 261–282 — <https://cyberleninka.ru/article/n/kvazireligioznyy-terrorizm-i-borba-s-nim-v-evropeyskom-soyuze-v-2001-2013-gg-kommunikatsionnyy-aspekt> (oct., 2021).

- Deux attentats islamistes ont été déjoués en 2020 en France. Figaro avec AFP. // Le Figaro, 03/01/2021. *Kommentarii chitatelei*. — <https://www.lefigaro.fr/actualite-france/deux-attentats-islamistes-ont-ete-dejoues-en-2020-en-france-20210103/> (oct., 2021).
- Feertchak A. 2021: Depuis 2012, 271 personnes sont mortes dans des attentats islamistes en France / Le Figaro 24.04.2021. — <https://www.lefigaro.fr/international/depuis-2012-263-personnes-sont-mortes-dans-des-attentats-islamistes-en-france-20191007/> (oct., 2021).
- Hanahu R.A. 2015: Normativno-e`ticheskie predstavlenie ady`gov Severnogo Kavkaza: traditciia i sovremennost` // Vestneyk Ady`gei`skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 1. Regionovedenie: filosofii, istoriia, sotciologii, iurispudentciia, politologii, kul`turologii. № 2 (158). 58–61.
- Haritonova O.G. 2018: Izuchaia terrorizm: Osnovny`e kontury` diskussii // Politicheskaiia nauka. M. No. 4. 13–33.
- Irhin Iu. V. 2016: Povy`shenie roli blogosfery` v publichnoi` politike // Sotcial`no-gumanitarny`e znaniia. № 1. 75–79. — <https://cyberleninka.ru/article/n/povyshenie-rol-i-blogosfery-v-publichnoy-politike> (22.07.2021).
- Juergensmeyer M. ed., The Oxford Handbook of Global Religions. 2006.
- Kovrizhny`kh O.A. 2016a: Terrorizm kak protestnoe povedenie i forma poiska identichnosti // Obshchestvo: filosofii, istoriia, kul`tura. № 9. 31–36. — <https://cyberleninka.ru/article/n/terrorizm-kak-protestnoe-povedenie-i-forma-poiska-identichnosti> (15.06.2021).
- Kovrizhnykh O.A. 2016b: E`tnokul`turny`e stereotipy` i ikh proiavlenie v razlichny`kh formakh politicheskogo nasiliia // Manuscript. № 2 (64). 77–80. — <https://cyberleninka.ru/article/n/etnokulturnye-stereotipy-i-ih-proyavlenie-v-razlichnyh-formah-politicheskogo-nasiliya> (5.06.2021).
- Kudryashova I.V. 2018: Religiozniy terrorizm: kontseptual`ny`e problemy` politicheskogo analiza // Polit. nauka. № 4. 54–68. — <https://cyberleninka.ru/article/n/religioznyy-terrorizm-kontseptualnye-problemy-politicheskogo-analiza> (09.06.2021).
- Les Tchétchènes face au durcissement sur la radicalisation // Le matin, 14.05.2021. — <https://www.lematin.ch/story/les-tchetchenes-face-au-durcissement-sur-la-radicalisation-473012512565> (oct., 2021).
- Lukichev O.V., Ivanova O.S. 2007: Etnoreligioznye faktory` terrorizma // Vestneyk Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. № 2. 76–86. — <https://cyberleninka.ru/article/n/etnoreligioznye-faktory-terrorizma> (14.06.2021).

- Luppov I.F. 2009: Istochniki sovremennogo terrorizma: osnovnye konceptualnye podhody // Vestneyk Bashkirskogo universiteta. Vol. 14. No. 2. 628–631.
- Lutaud B., Adhémar M. d', Cornevin Ch. et Tenré S. Attentat islamiste à Nice: «C'est la France qui est attaquée», dénonce Emmanuel Macron» / Le Figaro, 30.10.20. Kom-mentarii chitatelei`. — <https://www.lefigaro.fr/actualite-france/en-direct-nice-l-auteur-d-une-attaque-meurtriere-interpelle-20201029> (oct., 2021).
- Malashenko A.V., Nisnevich Iu.A., Riabov A.V. 2018: Sovremennoe varvarstvo: prichiny i sledstviia // Politia. № 2 (89). 6–22.
- Nuhazhiev N.S., Umhaev K.H.S. 2012: V poiskakh natsional'noi identichnosti. Grozny i`, «Groznskii` rabochii`».
- PMA 2019: Polevy`e materialy` avtora, Parizh, 2019.
- Shaliaho D.S. 2016: Moral'no-filosofskii` aspekt temy` muzhestva i beschestiia v kontekste dialoga kul'tur i vremen // Vestneyk Mai`kopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta. № 3. 147–152.
- Sosnin V.A. 2010: Analiticheskie kommentarii k knige F. Mohaddama Terrorizm s tochki zreniia terroristov, chto oni perezhivaiut i dumaiut, i pochemu obrashchaiutsia k nasiliu // Pricladnaia iuridicheskaia psihologiya. № 4.134–147. — <https://cyberleninka.ru/article/n/analiticheskie-kommentarii-k-knige-f-mohaddama-terrorizm-s-tochki-zreniya-terroristov-chto-oni-perezhivayut-i-dumayut-i-pochemu> (16.06.2021).
- Sosnin V.A. 2016: Psihologiya terrorizma i protivodei'stvie emu v sovremennom mire. Institut psihologii RAN, 2016. — <https://iknigi.net/avtor-vyacheslav-sosnin/140544-psihologiya-terrorizma-i-protivodeystvie-emu-v-sovremennom-mire-vyacheslav-sosnin/read/page-1.html> (oct., 2021).
- Vidino L., Marone F., Entenmann E. 2017: Fear Thy Neighbor: Radicalization and Jihadist Attacks in the West, ICCT, ISPI, The George Washington University.
- Vinatier, L., 2005: La diaspora tchéchène. L'émergence d'un acteur multiforme / Le Courrier des pays de l'Est. Vol. 1051. No. 5. 90–101.
- Vnukova L.B. 2017: Radikalizatsiia kak personal'ny`i protsess i sotcial'ny`i fenomen: zarubezhny`e teorii i rossii`skie realii // Voprosy` bezopasnosti. № 4. 60–69. — https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=23724 (22.07.2021).

К.А. Елохин

ТРИГГЕРЫ СОВРЕМЕННОГО ВАРВАРСТВА И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

Статья посвящена изучению различных аспектов девиантного поведения как отдельных личностей, так и небольших групп и целых коллективов. Деструктивная деятельность этих людей направлена на осквернение памятников и различных монументов. Эта проблема в разной степени касается всех стран мира. Необходимо отметить, что в последнее время наблюдается устойчивая тенденция к часто повторяющимся деструктивным действиям в отношении памятников как объектов культуры, искусства и средоточия исторической памяти народа. Различные группы населения в зависимости от образования, культуры и политических взглядов по-разному смотрят на уничтожение или осквернение памятников. В статье представлена попытка определить триггеры появления и методы преодоления варварства при осквернении мемориалов.

Ключевые слова: варварство, вандализм, мемориалы, триггеры.

Памятники — это объекты истории и культуры, зачастую, являющиеся произведениями искусства. Памятники — буквальное воплощение исторической памяти народа, и их сохранение является важнейшей задачей. Поэтому не удивительно то, что они, как правило, находятся на особом контроле власти и общества в целом. Но восприятие исторической и культурной ценности памятников людей

Кирилл Александрович ЕЛОХИН — кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра гербоведческих и генеалогических исследований Института всеобщей истории Российской Академии наук, Российская Федерация, Москва.

ми не однозначно, а зависит от их образованности и культуры. Их изменение — демонтаж, перестановка, украшение цветами, или осквернение различными способами, — во многом зависит от политической конъюнктуры. Как верно заметил Д.А. Ковачев:

«...вопрос о сохранении исторической памяти российского народа приобрел в настоящее время важное политическое значение, ибо без сохранения этой памяти невозможно возрождение сильной и независимой России»¹.

И.И. Руцинская замечает, что «места памяти» представляют собой своеобразную символическую структуру, они кодируют событие, явление (в случае с произведением искусства — кодируют в образной форме) и передают его от адресата к адресату, от поколения к поколению. Но если происходит смена не просто поколений, но вместе с ними — и сословий, принимающих закодированное послание, если изменяется система культурных кодов, тогда в восприятии события или явления могут происходить резкие изменения»². В этом контексте неудивительно то, что может появиться и стать нормой «своего рода традиция (sic!) разрушения или переноса памятников с видных мест в глухие закоулки»³. Именно эти изменения можно наблюдать у многих представителей современной молодёжи.

Более того, некоторые исследователи полагают, что

«...современное российское общество не имеет четкой ценностной ориентации, относительно которой можно было бы прогнозировать реакцию на общественный монумент. К тому же наша публика в целом негативно настроена по отношению к любой новой художественной форме, во многом из-за своей неосведомленности и замкнутости»⁴, —

то есть из-за недостатка информации и культуры.

В этом контексте сохранение исторической памяти подвергается суровым испытаниям. Одним из них является проблема осквернения Вечного огня и других мемориалов — очевидное прояв-

¹ Ковачев Д.А. 2005, 4–5.

² Руцинская И.И. 2011, 132.

³ Святославский А.В. 2010, 364.

⁴ Котломанов А.О. 2015, 71.

ление латентного варварства, когда индивид не осознаёт варварский характер своих действий⁵. В последнее время это происходит каждый год⁶, что свидетельствует о мировой тенденции нарастания процессов варваризации⁷. В России в этих акциях принимают участие от одного до трёх человек, крайне редко, когда бывало больше. Участниками подобных акций могут быть как подростки, так и взрослые люди обоих полов, и даже кадеты и военные.

Триггер в контексте данной статьи — это импульс к действию, знаковый фактор, событие, служащее поводом и одновременно способствующее совершению поступка личностью, действующей (сознательно или случайно) агрессивно по отношению к монументу, оскверняя или разрушая его. Триггеры запускают худшие механизмы социальной, а скорее, асоциальной деятельности человека, и в таком качестве триггеры являются частью деструктивных цивилизационных процессов (варваризации). Девиантное поведение новых варваров является показателем их сущностного изменения, в корне отличающего их от культурных цивилизованных людей, поскольку они не уважают и не разделяют их базовые ценности. Психологи отмечают, что таких людей, испытывающих трудности с социализированностью становится всё больше. И с точки зрения психологии, основным триггером социально-психологической депривации является дефицит социально-психологической компетенции⁸.

Главной причиной появления триггеров варварства является социальная и культурная отсталость как каждого девианта в отдельности, так и его ближайшего окружения, той социальной

⁵ Буданова В.П. 2019, 11.

⁶ В Челябинской области школьницу будут судить за осквернение Вечного огня. — <https://tass.ru/ural-news/5843775> (28.11.2018); саратовский подросток справил нужду у «Вечного огня». Возбуждено дело. — <https://www.vzsar.ru/news/2019/07/30/saratovskiy-podrostok-spravil-nyjdy-y-vechnogo-ognya-vozbyjdeno-delo.html> (30.07.2019); в Кирове возбудили дело о вандализме из-за осквернения Вечного огня. — <https://ria.ru/20200727/1574967928.html> (27.07.2020); Марина Совина. Две школьницы осквернили мемориал сбитого Турцией российского летчика. — <https://lenta.ru/news/2021/06/15/hero/> (15.06.2021).

⁷ Буданов А.В. 2019, 185.

⁸ Руденский Е.В. 2013, 217–222.

ячейки, в которой он существовал до того момента, когда сработал триггер. Культурная отсталость, по сути, является поистине цивилизационной⁹, поскольку их действия воспроизводят действия присущие культурам более ранних эпох — Варварства, Средневековья и Нового времени. Проявление варварства по отношению к памятникам свидетельствует о том, что человек никак не соотносит себя с теми, чья память увековечена в том или ином монументе, что говорит о кризисе идентичности¹⁰ у такого варвара и / или того, кто ему потворствует и взращивает смолоду, — например, приведу случай, когда мать спокойно наблюдала за тем, как её дети тушили снегом Вечный огонь¹¹.

В.М. Хачатурян смотрит на эту проблему шире, полагая, что

«...базой для активизации архаизирующих тенденций, безусловно, является прежде всего амбивалентный характер переходных эпох, которые потенциально содержат в себе разные возможности: и перехода общества в новое историческое состояние, на новый виток исторического развития, и его консервации в прежнем состоянии, и, наконец, регресса <...> в ситуации перехода хаотизация может приблизиться к некоей критической точке, и тогда цивилизация будет балансировать на опасной грани между выживанием и гибелью, между обретением нового качества и выпадением из цивилизационного процесса. Прорывы архаики вполне закономерны и естественны <...> эти прорывы не могут иметь самостоятельного и самодовлеющего характера и превышать некую критическую точку. В противном случае возможен не только регресс, но и гибель цивилизации»¹².

Я полагаю, что без попустительства государства, одиночные, и даже групповые проявления варварства, и, конкретно, вандализ-

⁹ Л.И. Новикова отмечала, что «лучше всего поняли отношения цивилизации и культуры немецкие романтики, характеризовавшие их как амбивалентные, когда цивилизация переходит в культуру, а культура прорастает цивилизацией», см.: *Новикова Л.И.* 1992, 21; *Ахиезер А.С.* 2004, 218. *Кругова Н.И.* 2009, 37–39.

¹⁰ *Буданов А.В.* 2019, 191.

¹¹ В Оренбурге оштрафуют мать детей, потушивших Вечный огонь. — <https://rossaprimavera.ru/news/ea7a6174> (27.12.2020).

¹² *Хачатурян В.М.* 2008, 219–221.

ма по отношению к монументам, не могут существенно повлиять на развитие общества. Поэтому следует отделять государственный вандализм по отношению к памятникам политическим противникам от частного. Также следует учитывать, что между государственным и негосударственным вандализмом может существовать двусторонняя причинно-следственная связь, в случае, когда вандалы могут действовать по собственной воле, но с одобрения государства и части общества, имеющей финансовые и силовые ресурсы (уничтожение советских монументов в Прибалтике, на Украине, в Польше и Чехии). В данной работе будет преимущественно рассмотрен индивидуальный вандализм, а также групповой, но без прямого влияния каких-либо организаций.

Естественным образом возникает вопрос целеполагания вандализма по отношению к осквернению и / или разрушению памятников — является ли тот или иной случай проявления вандализма целью или средством для достижения оной¹³? Действия вандалов-индивидуалов следует разбить на несколько категорий:

- проявление личностных аномалий, таких как алкогольное опьянение (большинство случаев для России и ближайших стран)¹⁴. В основе алкогольного или наркотического опьянения лежит деструктивный эскапизм, желание хотя бы на время уйти от проблем в жизни — разнообразных стрессоров. Ф.О. Широков предполагает, что «процессы эскапизма могут быть частично предупреждены на стадии зарождения»¹⁵, однако эта тема требует отдельного исследования;
- разрушение памятника как акт агрессии, направленный на сам монумент, без осознания правовых последствий, то есть человеческая глупость. В эту категорию входят следующие печальные примеры: 1) две молодых женщины

¹³ О сходных проблемах в отношении терроризма существует специальная работа, см.: *Харитонова О.Г.* 2018, 13–32.

¹⁴ Этот неловкий монумент. — <https://zona.media/article/2015/05/25/casus-pobeda> (25.05.2015); Осквернение «Вечного огня». Наказаны школа, полиция и продавец алкоголя. — <https://www.vzsar.ru/news/2019/08/01/oskvernenie-vechnogo-ognya-nakazany-shkola-policiya-i-prodavec-alkogolya.html> (01.08.2019).

¹⁵ *Широков Ф.О.* 2015, 98.

сушили одежду у Вечного огня¹⁶; 2) другие три девушки сожгли памятный венок, при этом, одна из них училась в кадетском классе: «В ходе расследования установлено, что девушки живут в обычных семьях, в каких-либо идеологических организациях не состоят»¹⁷;

— то же касается осквернения памятника из желания привлечь к себе внимание, чтобы добиться известности и славы, т.е. асоциального и аморального самоутверждения. В эту категорию входят, например, танцы. Для того, чтобы танцевать в нижнем белье рядом с мемориалом павшим героям нужно иметь крайне низкий уровень морали и социальной ответственности. Таких случаев, к сожалению, нам известно несколько¹⁸. Что же до причин такого поступка, то, по словам танцовщиц, они выбрали площадку с зеленой травой исключительно из эстетических соображений, а на военный памятник «просто не обратили внимания»¹⁹. По словам подруг и родителей девушек, они совершили глупость, но никакой политической подоплёки в исполненном на фоне мемориала танце не было²⁰. В эту же категорию я считаю допустимым внесение случаев готовки еды на Вечном огне — одни принялись жарить шашлыки²¹, другие

¹⁶ В Кирове возбудили дело о вандализме из-за осквернения Вечного огня. — <https://ria.ru/20200727/1574967928.html> (27.07.2020).

¹⁷ В Челябинской области школьницу будут судить за осквернение Вечного огня. — <https://tass.ru/ural-news/5843775> (28.11.2018);

¹⁸ Полиция в Кемерово установила личности девушек, сфотографировавшихся полуголыми на фоне Вечного огня. — <https://zona.media/news/2015/18/05/ogon-foto> (18.05.2015); Девушки из Новороссийска станцевали «пятой точкой» на Малой земле. — <https://bloknot-krasnodar.ru/news/devushki-iz-novorossiyska-stantsevali-pyatoy-tochk-594733> (25.04.2015).

¹⁹ Там же.

²⁰ После ареста за танцы у мемориала в Новороссийске вышли на свободу две девушки. — <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/261824/> (06.05.2015).

²¹ В полицию доставлен готовивший еду на Вечном огне в Кронштадте. — <https://russian.rt.com/russia/news/749766-kronshtadt-vechnyi-ogon> (26.05.2020).

жарили картошку и сжигали венки²², третьи демонстративно ставили ведро на Вечный огонь и помешивали внутри шваброй²³;

- осквернение и разрушение памятника как возможность получения морального²⁴ и религиозного удовлетворения (религия обеспечивает легитимность и моральное оправдание использование насилия²⁵ — например, уничтожение талибами статуй Будды в Афганистане в 2001 г.²⁶. Причиной их уничтожения стало решение Верховного суда Афганистана²⁷; или уничтожение исламскими террористами в Сирии античных статуй как ложных идолов²⁸). В эту категорию можно отнести случаи осквернения религиозных памятников и храмов как сатанистами, так и иноконфессиональными варварами и некоторыми атеистами²⁹;

²² Двое школьников раскаялись за подожженные у Вечного огня Алексина венки. — <https://www.tulapressa.ru/2015/05/dvoe-shkolnikov-raskayalis-za-podozhennye-u-vechnogo-ognya-aleksina-venki/> (20.05.2015).

²³ Полиция задержала подозреваемых в осквернении мемориала в Одинцове. — <https://www.interfax.ru/russia/711056> (30.05.2020).

²⁴ «... в Новороссийске пьяный мужчина осквернил памятник героям Великой Отечественной войны «Малая Земля». Вандал посетил мемориал со своей подругой, снял штаны и сел на плиты монумента. Затем они совместно распивали спиртное, злоумышленник разбил несколько стеклянных бутылок. Свое занятие мужчина назвал «лучшей психотерапией», см.: *Марина Совина*. Две школьницы осквернили мемориал сбитого Турцией российского летчика. — <https://lenta.ru/news/2021/06/15/hero/> (15.06.2021).

²⁵ *Juergensmeyer M.* 2006, 142.

²⁶ *Holton S.* 2018, 23–26.

²⁷ *Colwell-Chanthaphonh Ch.* 2003, 76.

²⁸ Узбекские джихадисты уничтожили древности в музее сирийского го Идлиба. — https://www.sedmitza.ru/text/10011650.htmlutm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews%2Fsearch%3Ftext%3D (23.06.2021).

²⁹ Беларусь вандалная: самые громкие разрушения последних лет. — <https://interfax.by/news/obshchestvo/kultura/1140340/> (29.10.2013); Опубликовано видео из Улан-Удэ, где юноша помочился на крышу православного храма. — <https://bloknot.ru/chp/opublikovano-video-iz-ulan-ude->

- осквернение и разрушение памятника вандалом-индивидуалистом как акт политического терроризма, с целью воздействия на широкие социальные группы. В эту категорию можно отнести акты вандализма, совершённые радикальными националистами по отношению к советским памятникам павшим героям³⁰. Есть примеры проявления вандализма направленных против памяти советским солдатам и офицерам (из траурных венков была выложена свастика и подожжена от Вечного огня)³¹. Современные нам события также стали основой актов вандализма в отношении мемориалов, так представители запрещённой в России международной террористической организации «Misanthropic Division» в цвета украинского флага раскрасили памятник Ленину, «Катюшу» и танк Т-34. Причины, по которым задержанные устраивали свои акции, уточнить у них самих до и после суда не удалось³². Здесь имеется определённая коллизия, когда вандалы-члены экстремистских группировок, действуют не по заданию руководителей, а по собственной инициативе. В иных случаях акты вандализма должны быть отнесены в другие категории;
- осквернение и разрушение памятника с целью получения материальной выгоды. В большинстве случаев вандалы действовали сознательно. Лишь в редких случаях виновные были пьяны, или находились в изменённом состоянии сознания³³;
- осквернение и разрушение памятника из шовинистических убеждений. Это те случаи, когда оскверняют мемориалы

gde-yunosha-pomochilsya-na-kry-shu-pravoslavnogo-hrama-782963.html (27.06.2021).

³⁰ Во Львове вандалы осквернили могилу Героя Советского Союза Кузнецова. — <https://ria.ru/20180621/1523137522.html?in=t> (21.06.2018).

³¹ Вандала, осквернившего мемориал в Крымске, заключили под стражу. — <https://www.ural.kp.ru/daily/26307.3/3185310/> (13.11.2014).

³² «Под этим флагом убивают русских людей». — <https://ngs.ru/text/gorod/2014/12/17/2020642/> (17.12.2014).

³³ На могилу деда за медалями. Как наказывают вандалов в Беларуси. — <https://naviny.media/article/20190904/1567572177-na-mogilu-svoego-deda-za-medalyami-kak-nakazyvayut-vandalov-v-belarusi> (04.09.2019).

жертвам Холокоста, например, Скорбящей матери и памятник жертвам нацизма в Полтаве. Вандалы нанесли на них антисемитские лозунги и нацистское приветствие, а также осквернили памятник евреям, убитым в селе Богдановка. На монументе была нарисована свастика³⁴. Также вандалы разрисовали памятник еврейскому писателю Шолом-Алейхему свастикой³⁵.

Идеология вандализма прекрасно показана в стихотворении «Мы» (1917) пролетарского поэта Владимира Тимофеевича Кириллова (1890–1937):

Мы несметные, грозные легионы Труда.
Мы победители пространства морей, океанов и суши,
Светом искусственных солнц мы зажгли города,
Пожаром восстаний горят наши гордые души.
Мы во власти мятежного, страстного хмеля;
Пусть кричат нам: «Вы палачи красоты»,
Во имя нашего Завтра — сождем Рафаэля,
Разрушим музеи, растопчем искусства цветы.
Мы сбросили тяжесть наследья гнетущего,
Обескровленной мудрости мы отвергли химеры;
Девушки в светлом царстве Грядущего
Будут прекрасней Милосской Венеры...

Отметим, что в России общественного согласия даже в малой части социума на слом памятников и осквернение монументов не наблюдается. Общественные дискуссии ведутся по поводу переносов памятников, например, Ф.Э. Дзержинскому или работы З.К. Церетели³⁶ спорным остаётся установленный в Выборге памятник шведскому маршалу Торгильсу Кнутссону³⁷, проливавшему русскую кровь, спорными остаются и многие другие монументы. Ко-

³⁴ Земля нацистов: на Украине осквернили памятник жертвам Холокоста. — https://www.gazeta.ru/politics/2019/09/16_a_12653731.shtml (16.09.2019).

³⁵ В Киеве вандалы осквернили памятник еврейскому писателю. — <https://russian.rt.com/ussr/news/690241-kiev-oskvernil-pamyatnik-pisatel-evrei> (25.11.2019).

³⁶ Святославский А.В. 2010, 358–364.

³⁷ Кудрявцева Л. 2004, 417–434.

нечно, статьи уголовного кодекса, применяемые к вандалам, ужесточаются³⁸, однако законодательство в отношении монументальных сооружений неидеально и требует существенной доработки³⁹.

Говоря об уничтожении памятников, мы не можем обойти вниманием общественное движение Black Lives Matter (жизни чёрных важны), выступающее против расизма и насилия в отношении чернокожих, за права женщин и ЛГБТ⁴⁰. Зародившееся в 2013 г. в США⁴¹, оно обрело вторую родину в Европе. В США, декларируя ненасильственные методы борьбы за свои идеи, это движение поощряет противостояние с полицией, поджоги автомобилей, грабежи и снос памятников работорговцам, или тем, кто причастен к пропаганде рабства и расизма или ассоциируется с ними. Так, в разных штатах несколько памятников Христофору Колумбу, а также памятник единственному президенту Конфедеративных Штатов Америки (1861–1865 гг.) Джефферсону Дэвису, пострадали от рук вандалов⁴². Из-за изменившегося общественного мнения, потакая агрессивному меньшинству, демонтаж памятников и монументов павшим солдатам конфедератов взяли на себя власти городов⁴³.

Исследователь из университета Витватерсранд Дж. Содик Санни обращается к вопросу об исторической памяти, — он указывает, что при подобных деструктивных действиях в отношении па-

³⁸ СК ужесточил статью по делу об осквернении Вечного огня в Кронштадте. — <https://russian.rt.com/russia/news/750124-statya-vechny-ogon-kronshtadt> (27.05.2020); саратовский подросток справил нужду у «Вечного огня». Возбуждено дело. — <https://www.vzsar.ru/news/2019/07/30/saratovskiy-podrostok-spravil-nyjdy-y-vechnogo-ognya-vozbyjdeno-delo.html> (30.07.2019).

³⁹ Рубин В.А. 2012, 270–273.

⁴⁰ Faust A., Johnson D., Fennelly M., Guignard Z., Castañeda E. 2019, 240–253.

⁴¹ Çetin B., Ceren Canlı D., Göktug İpin F., Kurasagi P., Turhaner E., 2020. 8.

⁴² Трамп разрешил арестовывать всех разрушающих памятники вандалов. — <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5ef1fb9d9a79474bc8713fe1> (23.06.2020).

⁴³ Александр Баранов: какие памятники вызывали протесты у активистов Black Lives Matter? — <https://www.bbc.com/russian/features-53001025> (10.06.2020).

мятников, одна группа вспоминает прошлое из страха отклониться от своей модели, другая из страха повторить прошлое: те же, кто не может вспомнить свое прошлое, обречены пережить его заново⁴⁴.

То же самое происходит и Европе. В Великобритании снесён памятник торговцу и меценату Э. Колстону, осквернены памятники королеве Виктории, при которой владения Великобритании в Африке существенно расширились. В Антверпене, Брюсселе, Генте и других бельгийских городах протестующие сбрасывали с постаментов, оскверняли статуи короля Леопольда II. Обливали краской и совершали тот же вандализм по отношению к монументам также в Австралии, Индии, Италии, Новой Зеландии, Франции, ЮАР и многих других странах мира⁴⁵.

В этих случаях стрессором появления варварства при осквернении мемориалов является, как правило, жестокость полиции или социальная и расовая несправедливость, проявленная представителями власти, и в первую очередь полицейскими, по отношению к чернокожим. Но именно расовая составляющая варварских действий по отношению к историческим памятникам является базовой.

Таким образом, становится очевидно, что в разных странах триггеры появления варварства по отношению к памятникам, и мемориалам в целом, абсолютно разные. Если речь идёт об индивидуальных или групповых проявлениях вандализма, то триггеры во многом случайны — то же алкогольное опьянение, например. Если же говорить об общественных движениях, то вандализм является проявлением системного кризиса, одним из средств борьбы за свои идеи, и триггером, в этом случае, вероятно, будут действия или приказы лидеров общественных движений.

Но какие же могут быть методы преодоления варварства?

Хотелось бы сказать, что базовым может считаться повышение культурного уровня масс. В школьную образовательную программу обязательно должно включаться изучение монументов⁴⁶

⁴⁴ Sodiq Sanni J. 2020.

⁴⁵ В Европе, США и Австралии крушат монументы колониального прошлого — пострадали даже памятники королеве Виктории. Разве это не варварство? — <https://meduza.io/feature/2020/06/19/v-evrope-ssha-i-avstralii-krushat-monumenty-kolonialnogo-proshlogo-postradali-dazhe-pamyatniki-koroleve-viktorii-razve-eto-ne-varvarstvo> (19.06.2020).

⁴⁶ Печерин К.М. 2019, 535.

как местного, так и общероссийского значения, например, «Родина-Мать зовёт!»⁴⁷, и мирового уровня, поскольку монументы уровня «Родина-Мать зовёт!» активно используются в региональной⁴⁸ и глобальной политике⁴⁹ на эмблематическом уровне. В наше время, однако, складывается впечатление, что многие СМИ, телевидение и киноиндустрия наоборот, культурный уровень своей аудитории пытаются понизить. Поэтому в ближайшее время его повышение среди широких народных масс маловероятно.

Ужесточение наказания, возможно, сыграет свою роль в отношении варваров-одиночек, или мелких групп. Ведь они социально и культурно выпадают из гражданского общества. Для того, чтобы ввести их (в редких случаях вернуть) в общество гражданского согласия, требуется социальный контроль⁵⁰. Для этого нужна пропаганда на государственном уровне — требуются регулярные передачи в СМИ и в лентах новостей неотвратимости строгого наказания за вандализм.

Положительную роль в борьбе с варварством может сыграть ограничение продажи алкоголя и запрет его употребления в общественных и культовых местах.

Современная молодёжь, жаждущая признания и славы, но не обладающая системой моральных и культурных ценностей нуждается в пристальном внимании государства и муниципалитетов. Полагаю, что можно было бы организовать какие-либо мероприятия, наподобие высадки растений, и так далее. Обязательно устроить конкурсы и наградить победителей. Другим участникам выдать поощрительные призы (хотя бы шоколадку). Информацию обо всех участниках (с фотографиями и видео) следует разместить во всех отечественных (Одноклассники, Вконтакте) и зарубежных (Facebook, TikTok, Instagram и др.) социальных сетях, популярных в России. Поощрительные грамоты участникам должны быть выданы от имени глав муниципалитета и региона (или более современный вариант — наклейки на аватарки в социальных сетях, приносящие «лайки», которые по возможности можно было бы как-то монетизировать, ибо деньги — лучший стимул).

⁴⁷ Карушева Ю.М. 2017, 70–81.

⁴⁸ Мутаев У.К. 2017, 96–105.

⁴⁹ Рябов О.В. 2017, 6–20.

⁵⁰ Резник Ю.М. 2006, 105–121.

Можно с осторожностью предположить, что одной из возможностей преодоления варварства, проявляемого общественными движениями, может служить изменение окружения того или иного памятника, помещение его в какой-либо отрицательный контекст. Приведём, например, мнение всемирно известного художника Бэнкси, который предложил, хотя и в шутку, достать со дна реки статую Э. Колстона и поместить её обратно на пьедестал, но при этом дополнить его отлитыми из бронзы фигурами людей, набрасывающими на памятник веревку и как бы «сбрасывающими» его с постамента⁵¹. Триггером в данном случае может служить петиция власти со стороны достаточно большой для конкретного поселения группы активистов.

Также возможно создание мемориальных пространств как особых «мест памяти», где были бы сосредоточены архивы, музеи, памятники, некрополи и храмы, и где проводились бы ритуалы и праздники⁵². Эти идеи уже находят воплощение в современной архитектурно-строительной практике⁵³.

А.Н. Соколова отмечает:

«Важной составляющей архитектурно-мемориальных комплексов является его ориентированность на социум, как прямого потребителя представляемых им ценностей. При этом архитектурно-мемориальные комплексы также являются важной составляющей городской инфраструктуры, которая обеспечивает культурный досуг, включается в систему образования, является достопримечательностью города, способствующей развития туристического бизнеса и в целом делающей город уникальным. В связи с этим одной из главных причин создания данных комплексов является стремление горожан к более разнообразной социально-значимой культурной инфраструктуре»⁵⁴.

Таким образом, эти комплексы должны служить идее просвещения людей. Естественно, массовая посещаемость и усилен-

⁵¹ Banksy. — <https://www.instagram.com/p/CBNmTVZsDKS/> (15.12.2020).

⁵² Нора П., Пюимеж Ж. де, Винок М. 1999, 26.

⁵³ Хомяков А.И. 2020, 26.

⁵⁴ Соколова А.Н. 2015, 49.

ная охрана этих объектов будут способствовать снижению количества случаев проявления варварства.

Что же касается технических решений, то одиночные мемориалы, сначала особо ценные, а затем, по возможности, и остальные, можно взять под контроль средств видеонаблюдения и фиксации присутствия человека. Далее должно последовать объявление о начале записи и предупреждении об уголовной ответственности. Этот метод представляется подходящим как для вандалов-одиночек, так и для различных групп. Триггером в этом случае будет появление крупного живого объекта или нескольких у мемориала.

Часть агрессивных действий современных варваров по отношению к монументам можно объяснить воздействием произвольно или непроизвольно возникших отрицательных эмоций, возникших в определённой ситуации. Изживание подобных негативных эмоций вполне реально. Н.Г. Солодовникова отмечает, что

«...со временем оценка эмоций прошлого может меняться. В целом ряде случаев они подвергаются сознательной переоценке, если человек желает освободиться от прошлого и жить настоящим»⁵⁵.

Чтобы способствовать этому изживанию и преобладанию позитивных эмоций, теоретически, можно было бы предложить создать вокруг монументов или разместить некие объекты, или психотронные устройства, доказавшие свою эффективность, особенно в сочетании с музыкой⁵⁶ вызывающие позитивные эмоции у посетителей мемориала. Возвращаясь к мемориальным комплексам, приведём мнение Е.М. Коляды, которое согласуется с моими предположениями:

«...в мемориально-ландшафтных комплексах торжественного содержания главный смысловой объект должен доминировать в пространстве парка, следовательно, занимать возвышенное место (естественный холм, насыпь, скальный выступ и др.), а монументы траурного содержания не должны доминировать»⁵⁷.

⁵⁵ Солодовникова Н.Г. 2017, 25.

⁵⁶ Назаров Д.В., Ахмедзянов В.Р. 2008, 53.

⁵⁷ Коляда Е.М. 2011, 258.

Триггером для срабатывания специальных устройств будет появление крупного живого объекта или нескольких у мемориала. Подобное воздействие должно регулироваться специальным законодательством. На мой взгляд, этот путь более перспективен, чем повсеместное развитие культуры, на которую, как и на науку, у нас в стране выделяется недостаточное финансирование.

Подводя итоги, заметим, что в связи с общим упадком культуры, обнищанием населения России, ростом преступлений, связанных с употреблением алкоголя и наркотиков, варварство проявлялось и будет проявляться очень легко, искоренить же его необычайно трудно, да и полностью невозможно, пожалуй. Но бороться с ним, распространять культуру и укреплять историческую память, а, в конечном счёте, национальную идентичность, просто необходимо. Тем более, что для этого есть все предпосылки:

«...активная деятельность движения поисковых отрядов, где средний возраст участников 18–25 лет, не подтверждает точку зрения, что для современной молодежи военная история перестает быть предметом пристального интереса. Не только молодые военные историки, но и просто участники поискового движения занимаются изучением истории военной повседневности, исследуя карты военных действий и военные ландшафты и обозначая небольшими пирамидками воинские захоронения на местах боев»⁵⁸.

ЛИТЕРАТУРА

- Ахиезер А.С.* 2004: Специфика российской цивилизации // *Цивилизации*. Вып. 6. М.: Наука. 217–242.
- Буданов А.В.* 2019: Современное латентное варварство: происхождение, сущность и неопределенность // *Цивилизация и варварство*. Вып. 8. М.: Аквилон. 183–214.
- Буданова В.П.* 2019: Латентное варварство: фантом или реальность? (Вместо предисловия) // *Цивилизация и варварство*. Вып. 8. М.: Аквилон. 9–28.
- Нора П., Пюимеж Ж. де, Винок М.* 1999: Франция-память. СПб.: Империя.

⁵⁸ *Новиченко С.Л., Сулягина Л.Э.* 2016, 287.

- Карушева Ю.М.* 2017: Мону­мент «Родина-Мать зовет!» в образовательной политике современной России в сфере школьного образования // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. № 1. 70–81.
- Ковачев Д.А.* 2005. Предисловие // Правовая охрана памятников истории и культуры в зарубежных странах: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН; Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. М.
- Котломанов А.О.* 2015: Паб­лик-арт: страницы истории. Феномен контр­монумента и кризис мемориальной традиции в современной монументальной скульптуре // Вестник СПбГУ. Сер. 15. Вып. 1. 54–71.
- Коляда Е.М.* 2011: Мемориально-ландшафт­ный комплекс как объект истории и художественной культуры // Вестник ЧГПУ. № 3. 251–260.
- Кругова Н.И.* 2009: Отношение к прошлому как код цивилизации // Вестник Томского Государственного университета. № 2 (6). 37–39.
- Кудрявцева Л.* 2004: Борьба за “Место Памяти” в Империи: История памятника основателю Выборга Тор­гильеу Кнутссону // Ab Imperio. 2. 417–434.
- Мутаев У.К.* 2017: Мону­мент «Родина-Мать зовет!» в символической политике современной России: взгляд из Дагестана // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. № 1. 96–105.
- Назаров Д.В., Ахмедзянов В.Р.* 2008: Психотронное оружие. Воздействие скрытых команд на подсознание человека // Вестник РУДН, серия Экология и безопасность жизнедеятельности. № 4. 49–54.
- Новикова Л.И.* 1992: Цивилизация как идея и как объяснительный принцип исторического процесса // Цивилизации. Вып. 1. М.: Наука. 9–25.
- Новиченко С.Л., Сутягина Л.Э.* 2016: К вопросу сохранения исторической памяти. Мемориальные зоны на рубежах обороны Ленинграда // Saint-Petersburg Historical Journal N 4. 281–293.
- Печерин К.М.* 2019: Переосмысление исторической, культурной ценности объекта культурного наследия «Мону­мент Славы» в Новосибирске // Баландинские чтения. Т. XIV 534–536.
- Резник Ю.М.* 2006: Гражданское согласие как основа конструктивного социокультурного взаимодействия субъектов в современном обществе // Цивилизации. Вып. 7. М.: Наука. 105–128.
- Рубин В.А.* 2012: Правовые аспекты сохранения воинских захоронений, монументов и иных мемориальных сооружений, посвящённых по-

- гибшим при защите Отечества // Известия Оренбургского Государственного Аграрного Университета. № 3 (35). 270–273.
- Руденский Е.В.* 2013: Дефицит социально-психологической компетентности как триггер онтогенетической виктимизации личности // Сибирский педагогический журнал. № 1. 217–222.
- Русинская И.И.* 2011: Эволюция восприятия городских монументов в русской провинции XIX – начала XX в. // Теория и практика общественного развития. № 8. 129–132.
- Рябов О.В.* 2017: Монумент «Родина-Мать Зовет!» в символической политике: контуры проблемного поля // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. № 1. 6–20.
- Святославский А.В.* 2010: Городской монумент как объект восприятия (некоторые аспекты современной мемориальной культуры) // Преподаватель XXI век. 1. 356–364.
- Соколова А.Н.* 2015: Архитектурно-мемориальный комплекс в пространстве города: причины создания архитектурно-мемориальных комплексов // Технические науки в мире: от теории к практике. Выпуск II. Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции (10 августа 2015 г.). Ростов-на-Дону: РГСУ. 48–52.
- Солодовникова Н.Г.* 2017: Эмоции, с которыми не хочется расставаться, или произвольность/непроизвольность эмоциональной памяти // Нефилология. Т. 3. № 3 (11). 20–27.
- Харитоновна О.Г.* 2018: Изучая терроризм: основные контуры дискуссии // Political science (RU). № 4. 13–32.
- Хачатурян В.М.* 2008: Роль архаизирующих тенденций в переходные эпохи // Цивилизации. Вып. 8. М.: Наука. 218–242.
- Хомяков А.И.* 2020: Архитектура монументов: социально-культурный вектор // Вестник БГТУ им. В.Г. Шухова. № 1. 26–31. DOI: [10.34031/2071-7318-2020-5-1-26-31](https://doi.org/10.34031/2071-7318-2020-5-1-26-31).
- Широков Ф.О.* 2015: Триггеры эскапизма в повседневности современного общества // Вестник Ленинградского Государственного Университета им. А.С. Пушкина. Том: 2. № 3. 93–98.
- Çetin B., Ceren Canlı D., Göktug İpin F., Kurasagi P., Turhaner E.* 2020: Black Lives Matter Movement- A Comprehensive Study on Institutionalized Racism, Sexism and Its Approach Towards Intersectionality. Department of International Relations / College of Administrative Sciences and Economics, Koc University.

- Colwell-Chanthaphonh Ch.* 2003: Dismembering/disremembering the Buddhas: Renderings on the Internet during the Afghan purge of the past // *Journal of Social Archaeology*. 3 (1).
- Faust A., Johnson D., Fennelly M., Guignard Z., Castañeda E.* 2019: Black Lives Matter and the Movement for Black Lives // Charles Tilly, Ernesto Castañeda, Lesley J. Wood. *Social Movements 1768–2018*. Fourth Edition. New York – London: Routledge.
- Holton S.* 2018: Erasing History? Contextualizing Modern Monument Destruction through an Archaeological Lens. University Honors Theses. Paper 528. — <https://doi.org/10.15760/honors.533> (oct., 2021).
- Juergensmeyer M.* Religion as a cause of terrorism // *The roots of terrorism* / Ed. By L. Richardson. NY., L.: Routledge, 2006. P. 133–144.
- Sodiq Sanni J.* 2020. The Destruction of Historical Monuments and the Danger of Sanitising History // *Philosophia*. DOI: [10.1007/s11406-020-00275-6](https://doi.org/10.1007/s11406-020-00275-6).

Kirill A. ELOKHIN

TRIGGERS OF MODERN BARBARISM AND HISTORICAL MEMORY

The article is devoted to the study of various aspects of deviant behavior of both individuals and small groups and whole collectives. The destructive activities of these people are aimed at desecrating monuments and various memorials. This problem affects all countries of the world to varying degrees. It should be noted that recently there has been a steady tendency towards frequently repeated destructive actions in relation to monuments as objects of culture, art and the focus of the people's historical memory. Different groups of the population, depending on education, culture and political views, have different views on the destruction or desecration of monuments. The article presents an attempt to determine the triggers for the emergence and methods of overcoming of barbarism in the desecration of memorials.

Keywords: barbarism, triggers, memorials, vandalism.

Kirill A. ELOKHIN — PhD (History), Researcher of the Department of Heraldry and Genealogical Researches of the Institute of the World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

REFERENCES

- Akhiyezer A.S. 2004: Spetsifika rossiyskoy tsivilizatsii // Tsivilizatsii. Vyp. 6. M.: Nauka. 217–242.
- Budanov A.V. 2019: Sovremennoye latentnoye varvarstvo: proiskhozhdeniye, sushchnost' i neopredelennost' // Tsivilizatsiya i varvarstvo. Vyp. 8. M.: Nauka. 183–214.
- Budanova V.P. 2019. Latentnoye varvarstvo: fantom ili real'nost'? (Vmesto predisloviya) // Tsivilizatsiya i varvarstvo. Vyp. 8. M.: Nauka. 9–28.
- Çetin B., Ceren Canlı D., Göktug İpin F., Kurasagi P., Turhaner E. 2020: Black Lives Matter Movement- A Comprehensive Study on Institutionalized Racism, Sexism and Its Approach Towards Intersectionality. Department of International Relations / College of Administrative Sciences and Economics, Koc University.
- Colwell-Chanthaphonh Ch. 2003: Dismembering / disremembering the Buddhas: Renderings on the Internet during the Afghan purge of the past // Journal of Social Archaeology, 3(1).
- Faust A., Johnson D., Fennelly M., Guignard Z., Castañeda E. 2019: Black Lives Matter and the Movement for Black Lives // Charles Tilly, Ernesto Castañeda, Lesley J. Wood. Social Movements 1768–2018. Fourth Edition. New York–London: Routledge.
- Holton S. 2018: Erasing History? Contextualizing Modern Monument Destruction through an Archaeological Lens. University Honors Theses. Paper 528. — <https://doi.org/10.15760/honors.533> (oct., 2021).
- Juergensmeyer M Religion as a cause of terrorism // The roots of terrorism / Ed. By L. Richardson. NY., L.: Routledge, 2006. 133–144.
- Karusheva Yu.M. 2017: Monument «Rodina-Mat' zovet!» v obrazovatel'noy politike sovremennoy Rossii v sfere shkol'nogo obrazovaniya // Labirint. Zhurnal sotsial'no-gumanitarnykh issledovaniy. № 1. 70–81.
- Khachatryan V.M. 2008: Rol' arkhazuyushchikh tendentsiy v perekhodnyye epokhi // Tsivilizatsii. Vyp. 8. M.: Nauka. 218–242.
- Kharitonova O.G. 2018: Izuchaya terrorism: osnovnyye kontury diskussii // Political science (RU). № 4. 13–32.
- Khomyakov A.I. 2020: Arkhitektura monumentov: sotsial'no-kul'turnyy vektor // Vestnik BGTU im. V.G. Shukhova. № 1. 26–31. DOI: [10.34031/2071-7318-2020-5-1-26-31](https://doi.org/10.34031/2071-7318-2020-5-1-26-31).
- Kolyada Ye.M. 2011: Memorial'no-landshaftnyy kompleks kak ob'yekt istorii i khudozhestvennoy kul'tury // Vestnik CHGPU. № 3. 251–260.

- Kotlomanov A.O. 2015: Pablik-art: stranitsy istorii. Fenomen kontrmonumenta i krizis memorial'noy traditsii v sovremennoy monumental'noy skul'pture // Vestnik SPbGU. Ser. 15. Vyp. 1. 54–71.
- Kovachev D.A. 2005. Predisloviye // Pravovaya okhrana pamyatnikov istorii i kul'tury v zarubezhnykh stranakh: Sb. nauch. tr. / RAN. INION; In-t zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve RF. M.
- Krugova N.I. 2009: Otnosheniye k proshlomu kak kod tsivilizatsii // Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo universiteta. № 2 (6). 37–39.
- Kudryavtseva L. 2004: Bor'ba za “Mesto Pamyati” v Imperii: Istoriya pamyatnika osnovatelyu Vyborga Torgil'su Knutssonu // Ab Imperio. 2. 417–434.
- Mutayev U.K. 2017: Monument «Rodina-Mat' zovet!» v simbolicheskoy politike sovremennoy Rossii: vzglyad iz Dagestana // Labirint. Zhurnal sotsial'no-gumanitarnykh issledovaniy. № 1. 96–105.
- Nazarov D.V., Akhmedzyanov V.R. 2008: Psikhotronnoye oruzhiye. Vozdeystviye skrytykh komand na podsoznaniye cheloveka // Vestnik RUDN, seriya Ekologiya i bezopasnost' zhiznedeyatel'nosti. № 4. 49–54.
- Nora P., Pyuimezh Zh. de, Vinok M. 1999: Frantsiya-pamyat'. SPb.: Imperiya.
- Novichenko S.L., Sutyagina L.E. 2016: K voprosu sokhraneniya istoricheskoy pamyati. Memorial'nyye zony na rubezhakh oborony Leningrada // Saint-Petersburg Historical Journal N 4. 281–293.
- Novikova L.I. 1992: Tsivilizatsiya kak ideya i kak ob"yasnitel'nyy printsip istoricheskogo protsessa // Tsivilizatsii. M.: Nauka. Vyp. 1. 9–25.
- Pecherin K.M. 2019: Pereosmysleniye istoricheskoy, kul'turnoy tsennosti ob"yektu kul'turnogo naslediya «Monument Slavy» v Novosibirskе // Balandinskiye chteniya. T. XIV 534–536.
- Reznik Yu.M. 2006: Grazhdanskoye soglasiye kak osnova konstruktivnogo sotsiokul'turnogo vzaimodeystviya sub"yektov v sovremennom obshchestve // Tsivilizatsii. Vyp. 7. M.: Nauka. 105–128.
- Rubin V.A. 2012: Pravovyye aspekty sokhraneniya voinskikh zakhoroneniy, monumentov i inykh memorial'nykh sooruzheniy, posvyashchennykh pogibshim pri zashchite Otechestva // Izvestiya Orenburgskogo Gosudarstvennogo Agrarnogo Universiteta. № 3 (35). 270–273.
- Rudenskiy Ye.V. 2013: Defitsit sotsial'no-psikhologicheskoy kompetentnosti kak trigger ontogeneticheskoy viktimizatsii lichnosti // Sibirskiy pedagogicheskiy zhurnal. № 1. 217–222.

- Rutinskaya I.I. 2011: Evolyutsiya vospriyatiya gorodskikh monumentov v russkoy provintsii XIX – nachala XX v. // *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. № 8. 129–132.
- Ryabov O.V. 2017: Monument «Rodina-Mat' Zovet!» v simbolicheskoy politike: kontury problemnogo polya // *Labirint. Zhurnal sotsial'no-gumanitarnykh issledovaniy*. № 1. 6–20.
- Shirokov F.O. 2015: Triggery eskapizma v povsednevnosti sovremennogo obshchestva // *Vestnik Leningradskogo Gosudarstvennogo Universiteta im. A.S. Pushkina*. Tom: 2. № 3. 93–98.
- Sodiq Sanni J. 2020. The Destruction of Historical Monuments and the Danger of Sanitising History // *Philosophia*. DOI: [10.1007/s11406-020-00275-6](https://doi.org/10.1007/s11406-020-00275-6).
- Sokolova A.N. 2015: Arkhitekturno-memorial'nyy kompleks v prostranstve goroda: prichiny sozdaniya arkhitekturno-memorial'nykh kompleksov // *Tekhnicheskkiye nauki v mire: ot teorii k praktike*. Vypusk II. Sbornik nauchnykh trudov po itogam mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (10 avgusta 2015g.). Rostov-na-Donu: RGSU. 48–52.
- Solodovnikova N.G. 2017: Emotsii, s kotoryimi ne khochetsya rasstavat'sya, ili proizvol'nost'/neproizvol'nost' emotsional'noy pamyati // *Neofilologiya*. T. 3. № 3 (11). 20–27.
- Svyatoslavskiy A.V. 2010: Gorodskoy monument kak ob'yekt vospriyatiya (nekotoryye aspekty sovremennoy memorial'noy kul'tury) // *Prepodavatel' XXI vek*. 1. 356–364.

А.В. Буданов

МАРКЕРЫ В СИСТЕМЕ АНАЛИЗА СОВРЕМЕННОГО ВАРВАРСТВА

В статье обосновывается необходимость введения термина *маркер варварства* в понятийный аппарат варваристики. Дается определение маркера варварства как факта, ставящего вопрос о существовании варварства или наиболее наглядно показывающего его наличие и особенности его имеющегося состояния. Рассматривается роль и место маркера варварства в системе понятий варваристики. Определяются перспективы использования маркера при анализе современного варварства. Особо анализируется вопрос о маркерах латентного варварства. Предложен алгоритм анализа — является данный факт маркером имеющейся тенденции, явления, носящих варварский характер, или нет. Раскрывается особая роль триггеров в системе анализа подобных фактов.

Ключевые слова: варварство, маркер варварства, факторы варварства, стрессор, триггер, алгоритм анализа маркера.

Если не подходит имя,
то неуместно его толкование;
коль неуместно толкование,
не может быть успеха в деле.

*Конфуций*¹

Развитие варваристики как области исторической науки и особого направления в системе социальных наук, изучающих современность, объективно приводит к формированию ее особого поня-

Анатолий Валентинович БУДАНОВ — доктор педагогических наук, профессор, независимый исследователь, Российская Федерация, Москва. — a-budanov@yandex.ru

¹ Цит. по: *Конфуций*. 2000. 81.

тийного аппарата. Так, важную роль играет анализ *факторов*, определяющих всю систему реальности, элементом которой является варварство, в ее экономических, политических, социальных, духовных и культурных особенностях и противоречиях. Необходимыми категориями анализа выступают также *субъекты* варварства, *объекты* варварских воздействий, *инструментарий* и *механизмы* варварства².

Однако для углубленного понимания варварства потребовалось введение ряда новых терминов. Это *стрессоры* варварства, т.е. причины его появления и развития в данной исторической или современной ситуации. Мысль Эриха Фромма, что «без провоцирующих факторов деструктивная энергия народов дремлет»³, отнюдь не лишена оснований и в наши дни. Для конкретизации действия этих причин вводится термин *триггеры варварства* как непосредственные толчки, стимулы варварских идей и действий⁴. С целью более точной диагностики варварства и более детальной его характеристики, в этой статье предлагается ранее не используемый в варваристике термин *маркер варварства* (от англ. mark — знак, метка, признак) для обозначения значимого факта, связанного с явлением варварства.

Но маркер в варваристике — это не просто выделяемый факт. В.В. Маяковский сказал о театре: «Театр — не отображающее зеркало, а увеличительное стекло». Эти же слова можно отнести к маркеру варварства. Факт-маркер в варваристике является также своеобразным «увеличительным стеклом», показывающим необ-

² Анализ факторов существования и развития современного варварства, субъектов варварства, объектов варварских воздействий, инструментария и механизмов варварства представлен в монографии Н.В. Мотрошиловой. (*Мотрошилова Н.В.* 2010). В контексте исследования латентного варварства понятийный аппарат варваристики анализируется в статье В.П. Будановой (*Буданова В.П.* 2019а, 9–28.). Эти проблемы рассматриваются также авторами статей ежегодника «Цивилизация и варварство» (вып. I, II — ИВИ РАН, 2012–2013; вып. III–IX — Аквилон, 2014–2020).

³ *Фромм Э.* 2016, 357.

⁴ Проблема стрессоров варварства поставлена и обоснована в статье В.П. Будановой (*Буданова В.П.* 2020, 9–30). Проблема триггеров варварства в настоящее время рассматривается рядом исследователей. Термин «триггер» в контексте проблем варваристики предложен В.П. Будановой.

ходимость рассмотрения вопроса о наличии варварства, или в концентрированном виде представляющим краткую, но ёмкую и выразительную картину состояния существующего варварства.

Это связано с природой варварства. Варварство конкретно. В основе варварства факт: озвученная идея или действие. Факт — носитель и первичное звено варварства. Варварство как явление — это система идей и действий. И выделение среди всей суммы жизненных фактов, тех, которые наиболее точно ставят вопрос о существовании варварства и его характере, является необходимым первичным уровнем анализа варварства как явления.

Естественно, для понимания сути варварства, причин его развития, путей преодоления и профилактики нужен системный анализ всей суммы фактов, отражающих экономические, политические, социальные, духовные и культурные процессы. Факт-маркер лишь подчеркивает необходимость такого анализа, указывая на актуальные проблемы и актуальные точки этого анализа. Он является и необходимым компонентом в завершающей исследовании картине варварства как его наиболее выразительное, ёмкое и конкретное отражение. Так, отнюдь не считавшееся преступлением в фашистской Германии изготовление абажуров и дамских сумочек из человеческой кожи заключенных концлагерей является беспрецедентным фактом-маркером государственного варварства XX века. Но подобные маркеры — предмет для отдельного рассмотрения. В дальнейшем, в статье основное внимание будет уделено проблеме квалификации факта-маркера как показателя варварства.

Особо сложная проблема — маркеры латентного варварства. Один из подходов к ее исследованию обозначен В.П. Будановой. Это анализ форм проявления «скрытых, недоступных прямому наблюдению замыслов и намерений» варварского свойства. К таким формам автор относит

«...выставление в невыгодном свете, пренебрежительное высказывание за глаза, злостную клевету, умолчание, сплетни, распространение слухов, интриги, месть, публичное осмеяние, провокации, <...> сговор»⁵,

а также ложь, дезинформацию и «двойные стандарты»⁶. Но,

⁵ Буданова В.П. 2019б, 93.

⁶ Буданова В.П. 2019а, 16.

«...коварство латентности варварства именно в том и состоит, что сами по себе они (эти формы. — *А. Б.*) не являются средствами, которые применяются исключительно только для сокрытия варварства»⁷.

Один и тот же факт может иметь различные истоки и, соответственно, выступать или не выступать маркером варварства. Так, если в телефонной трубке уважаемый мужской голос вам говорит, что по итогам такого-то конкурса вам положен безвозвратный кредит в 300000 рублей, и надо лишь назвать четыре последних цифры вашей банковской карты, чтобы знать куда перевести деньги, — это может быть и попытка жуликов лишиться ваших денег (что, скорее всего); и розыгрыш блогеров, которые не имеют никаких криминальных намерений, а просто соревнуются в «ловле лохов».

В проблеме маркеров латентного варварства пока больше вопросов, чем ответов. Один из них — о маркерах отдельных, наиболее сложно диагностируемых форм латентного варварства. Варварство имеет две ипостаси: уничтожение добра и утверждение зла, хотя, строго говоря, уничтожение добра уже есть зло. Латентное варварство сегодня способно существовать не только в виде сокрытия деструктивных идей или действий, но и в виде латентного вытеснения позитивных идей или действий и замены их псевдоидеями и псевдодейтельностью, как правило, даже не варварскими, но бесплодными по сути и тем деструктивными. И это «псевдо» занимает ум, силы и время человека.

Особая роль в этом случае принадлежит факту-маркеру. Идентификация его сложнее, чем в случае с латентным варварством, которое имеет более выраженные индикаторы: клевету, слухи, интриги, провокации и др. Факт-маркер подобного латентного варварства не должен внешне ассоциироваться с чем-либо варварским. Ему важно выглядеть цивилизованно, лучше — инновационно. Классический пример — плацебо, т.е. псевдолекарство, которое не приносит вреда, но и не лечит, позволяет болезни прогрессировать, чем несет зло, но внушая, что творит добро. Более сложный и утонченный пример факта-маркера данной формы

⁷ Там же, 19.

латентного варварства — введение чисто формальных критериев оценки деятельности, которые не отражают ее суть и реальные результаты. Соответствие им препятствует реальной позитивной деятельности или вытесняет ее, хотя и создает ее видимость. И результаты деятельности, в том числе статусные и материальные, оцениваются именно по таким формальным критериям. Здесь уместно вспомнить слова Ролана Барта: «Когда общество начинает разрабатывать вхолостую одни лишь *формы* своих доблестей, это говорит о его тяжелом состоянии»⁸.

Наличие суммы фактов-маркеров позволяет ставить вопрос о том, не являются ли они своеобразным «многофактовым маркером» — индикатором того, что мы, возможно, уже имеем дело с развитием нового качества варварства — его динамикой от факта к явлению. Согласно диалектике Гегеля-Энгельса, здесь может действовать «закон перехода количества в качество и обратно»⁹, который «подтверждается на каждом шагу <...> и в истории человеческого общества»¹⁰. Но в каждом конкретном случае возникает ряд вопросов. В частности — являются ли эти факты проявлением реального или индикаторами возможного варварства, если «да», то почему? Какова их взаимосвязь, динамика и специфика? Может ли их нарастание стать причиной изменения качества варварства от фактов к явлению? Где конкретно это изменение возможно? Факт-маркер нередко многозначен и способен отражать возможность наличия варварства в нескольких сферах жизни.

Однако, факт, как было сказано, всего лишь «картинка». При всей своей выразительности, каждый факт, предполагаемый как маркер варварства, требует ответа на вопрос — является ли он таковым и выступает ли частью и отражением всего явления современного варварства.

Возьмем как объект анализа конкретный факт несомненного варварства. 15 января 2020 года пятнадцатилетний ученик одной из московских школ напал на учительницу после того, как она ему сделала замечание (он слушал на уроке музыку) и попыталась отобрать у него наушник. Он ударил 61-летнюю женщину, рассек ей

⁸ Барт Р. 2008, 127.

⁹ Энгельс Ф. 1986а, 411.

¹⁰ Там же, 416.

лицо. За учительницу вступились одноклассники. Тогда он начал громить класс. Потом взял сумку и вышел. Женщине была оказана медицинская помощь¹¹. Так можно ли этот инцидент рассматривать как отдельный случай варварства, или это уже индикатор определенной тенденции?

Ключом к ответу на первый вопрос может стать определение современного варварства, данное Н.В. Мотрошиловой:

«...варварством целесообразно именовать совокупность существующих на зрелых стадиях развития самой цивилизации явлений, форм, способов жизнедеятельности людей, которые разительно отличаются от тенденций, существенных признаков (если хотите «телоса») цивилизации и цивилизованности. И отличаются особо грубым насилием, крайней жестокостью, катастрофически разрушительными историческими последствиями, беззащитным попранием уже хорошо известных индивидам и человечеству цивилизованных принципов и норм, недостойным человека одичанием, скотством, другими чертами, свидетельствующими об откате к варварству»¹².

Такое понимание современного варварства сегодня принято в целом как наукой, так и на уровне общественного мнения и индивидуального сознания. Его можно взять за основу квалификации того или иного факта по критерию *варварство* — *не варварство*. Названный инцидент очевидно характеризуется и «беззащитным попранием уже хорошо известных индивидам и человечеству цивилизованных принципов и норм» и «недостойным человека одичанием». Это, как минимум, отдельный случай варварства. Фигура учителя во все времена и у всех народов была уважаемой.

Однако с квалификацией факта как маркера варварства дело может обстоять и не столь просто и очевидно. Один и тот же факт может субъективно пониматься и как некий знак варварства, и как факт, к варварству отношения не имеющий. И потому, что «в каждой культуре есть понятия добра и зла, кажущиеся странными с точки зрения другой культуры»¹³. И в силу различия интеллектуальных способностей людей и направленности их личности. Вор-

¹¹ См.: turbo.gazeta.ru/social/2020/01/17/12914906.ahtml (15.01.2021).

¹² Мотрошилова Н.В. 2010, 80.

¹³ Чиксентмихайи М. 2017, 200.

карманник, конечно же, не будет воспринимать свои действия по изъятию бумажников и мобильных телефонов у граждан как попрание такой хорошо известной человечеству нравственной нормы как «Не укради». (Исх. 20:15).

На субъективную оценку факта могут влиять и достаточно сложные и разнообразные психологические факторы, например — завышенные ожидания.

«Люди с завышенными ожиданиями обычно бывают буквально сражены порочностью человеческого поведения. Исполненная в розовых тонах картина людской природы не выдерживает пристального взгляда. Тех, кто ожидает от священников постоянной святости, от солдат — храбрости, от матерей вечного самопожертвования и тому подобного, неизменно постигает разочарование»¹⁴.

Это разочарование, приобретающее порой характер тотального отрицания чего-либо доброго в окружающем мире, приводит к тому, что для подобных людей в категорию «подозрительных по варварству» могут попасть факты и явления, как исторические, так и современные, к варварству не имеющие никакого отношения и объективно в большинстве своем псевдомаркеры варварства.

Ёмкую и едкую характеристику таким отрицателям, «сраженным порочностью», дает Фридрих Энгельс:

«Бесплодным <...> отрицанием является отрицание чисто субъективное, индивидуальное, представляющее собой не стадию развития самого предмета, а привнесенное извне *мнение*. А так как при таком отрицании не может получиться ничего, то отрицающий таким образом должен быть не в ладу с миром, должен ворчливо порицать все существующее и все совершившееся, все историческое развитие <...> Все дурно — постольку такого рода отрицатели являются пессимистами — за исключением нашей собственной высочайшей персоны, которая оказывается совершенной»¹⁵.

Однако реально такое отрицание в ряде случаев является отнюдь не бесплодным, хотя и приносит сомнительные плоды. О чем тоже упомянул классик марксизма. Подобные персоны, какими бы

¹⁴ Там же, 34.

¹⁵ Энгельс Ф. 1986б, 647.

личными мотивами они ни руководствовались, объективно выступают в деле создания псевдомаркеров союзниками вполне трезво-мыслящих, но сомнительных по своим моральным качествам людей. Те в своих интересах сознательно навешивают ярлык варварства на факты, события и людей, не имеющих к варварству никакого отношения. Псевдомаркеры варварства сейчас используются все чаще, особенно в сфере идеологического или политического противостояния. Весьма популярна, например, такая «технология» создания псевдомаркеров варварства как «highly likely». Сначала декларируется, как правило, — бездоказательно, что некий факт, явление, поступок «весьма вероятно» являются варварством. Или некто highly likely — варвар. Потом на это «весьма вероятное» варварство обрушивается с обличением уже как на реальное варварство «вся королевская рать». А их «сраженные порочностью» союзники своей кошмаризацией всего окружающего создают благоприятное информационное поле для того, чтобы люди легче поверили в любые highly likely.

Однако, куда более распространенной в наше время является другая причина появления псевдомаркеров варварства. В жизни человеку нужны внутренние интеллектуально-нравственные точки опоры как основа стабильности его «Я». Но сказанные пятьдесят лет назад слова, что «сегодня весь мир — это быстро исчезающая ситуация»¹⁶, значительно больше соответствуют нашему времени. Человек в резко меняющемся мире переживает острое противоречие между объективной потребностью в стабильности своего «Я» и столь же объективной необходимостью пересматривать свои взгляды, чтобы адаптироваться к новым условиям. Это может породить внутренний кризис даже у здравомыслящего и эмоционально устойчивого человека. Рушится привычный внутренний мир. Сопротивляются и разум и чувства, что усиливается действием механизмов психологической защиты¹⁷. Новое может показать-

¹⁶ Тоффлер Э. 2004, 18.

¹⁷ Механизмы психологической защиты — «специальная регулятивная система стабилизации личности, направленная на устранение или сведение до минимума чувства тревоги <...> «ограждение» сферы сознания от негативных, травмирующих личность переживаний» (Психология. 1990, 121).

ся «беззастенчивым попранием <...> цивилизованных принципов и норм, <...> свидетельствующим об откате к варварству»¹⁸. Это способно вызвать субъективное восприятие многих фактов «новой жизни» как маркеров варварства, хотя по сути это псевдомаркеры. Дело осложняется и тем, что «цивилизация <...> порождает на каждой ступени своего развития — наряду с новыми средствами цивилизации — и «новое варварство»¹⁹. Современное «новое варварство», часто не имеющее аналогов в прошлом, обладает способностью к мимикрии под самое передовое и инновационное, что значительно затрудняет его диагностику. Нечто, объявляемое новым и прогрессивным, при пристальном рассмотрении может оказаться замаскированным варварством. Подобное открытие способно еще более укрепить пессимизм по отношению ко всему новому вообще.

Возможен и противоположный полнос восприятия — субъективный отказ видеть варварство там, где оно реально существует. Мотивы могут быть различны, от страха до равнодушия. Здесь важную роль играют действующие порой подсознательно механизмы психологической защиты. Среди них весьма типична «рационализация», когда человек дает, казалось бы, рациональные объяснения тому или иному факту или событию, но аргументы, часто неосознанно, подбираются исключительно по критерию их психологической комфортности. Психотравмирующие аргументы и факты как бы игнорируются сознанием. К этому близок психологический механизм «бегство», когда человек, охваченный тревожными чувствами, страхом или, скажем, нежеланием верить в варварский поступок близкого ему человека, порой подсознательно, просто отказывается воспринимать варварское как варварское. Современный исследователь отмечает:

«Многие мыслители, от писателя Достоевского до социолога Парето, указывали на то, что обычно мы предпочитаем свои иллюзии реальности, даже если это приводит к печальным последствиям»²⁰.

Сходные психологические феномены возможны и на уровне группового сознания. Отдельные группы, в силу специфики

¹⁸ Мотрошилова Н.В. 2010, 80.

¹⁹ Там же, 118.

²⁰ Чиксентмихайи М. 2017, 147.

имеющихся ценностей, норм и установок, поддерживаемых механизмами эмоционально-психологического заражения, внушения или подражания и порой закреплённых даже на подсознательном уровне участников группы, могут прокламировать наличие варварства там, где его нет, или, наоборот, утверждать, что «подобное варварство просто невозможно», несмотря на явные признаки его присутствия. Одна из причин этого — все более усложняющиеся возможности ориентироваться в современном мире.

«Недавние социальные изменения привели к увеличению неопределённости и уменьшению опоры на традиционные и привычные уклады жизни. В этом новом меняющемся контексте повышается чувствительность к рискам и индивиды оказываются поставленными перед необходимостью принимать собственные решения по гораздо более широкому кругу вопросов»²¹.

В подобной ситуации, когда традиционные групповые ценности, нормы и установки уже не помогают справиться с решением насущных для жизнедеятельности группы задач, а новые еще не выработаны, действие групповых механизмов психологической защиты — реальное средство самосохранения группы и психологической защиты ее членов.

Теперь обратимся ко второму вопросу — является ли приведенный факт варварства индикатором определенной современной тенденции?

Чтобы ответить на этот вопрос предварительно необходимо рассмотреть еще два вопроса: не является ли данный инцидент проявлением психических аномалий школьника; и можно ли понимать его как проявление или следствие реликтового варварства в наши дни? Ответ на первый вопрос очевиден. При широком освещении данного случая в СМИ, никаких данных о психических отклонениях у школьника не приводится. А они бы могли прозвучать как удобное для определенных лиц и организаций объяснение, скажем так, недостаточной эффективности их работы.

Ответ на вопрос о реликтовом варварстве сложнее. По справедливому утверждению Н.В. Мотрошиловой, цивилизация «не

²¹ Гидденс Э., Самтон Ф. 2018, 100.

смогла еще изжить некоторые формы древнейшего варварства»²². Физическое насилие отнюдь не было чуждо отечественной школе. В средневековой начальной школе по субботам пороли всех учеников «для науки». Остро стоял вопрос о физических наказаниях учащихся даже в середине просвещенного XIX века. Когда известнейший в России врач-хирург и общественный деятель, герой Крымской войны 1853–1856 гг. Н.И. Пирогов высказался за сохранение в гимназии телесных наказаний, Н.А. Добролюбов едко высмеял его в пародийном стихотворении «Грустная дума гимназиста лютеранского исповедания и не Киевского округа»²³.

Однако, случаи насилия учащихся по отношению к учителям и в дореволюционной школе, и, тем более, в советской школе, были крайне редкими. И говорить о реликте традиции такого насилия не имеет смысла. Кроме того, этот «трудный подросток», наверняка, историей отечественной школы не интересовался и Н.А. Добролюбова не читал. И ему также не пришло бы в голову, подобно некоторым его взрослым современникам за рубежом, мстить за века угнетения «учащегося народа». Так что, остается рассмотреть вопрос о том, является ли данный инцидент индикатором существующего явления варварства, т.е. связан ли он прямо или косвенно со всей системой варварства и ее отдельными элементами.

Логично начать рассмотрение поставленного вопроса «с близкого расстояния», с анализа *триггеров*, т.е. непосредственных стимулов подобного поступка школьника. Триггерам здесь принадлежит особая роль. Они действуют в точке непосредственного соприкосновения человека с варварством, сам ли он совершает варварский акт или является его жертвой или свидетелем. И они в значительной мере определяют «индивидуальное лицо» ситуации варварства.

Данная ситуация является нередким примером того, как в конкретном факте, словно в фокусе, сконцентрировались воздействия нескольких взаимосвязанных триггеров. Их условно можно подразделить на объективные и субъективные. К триггерам субъективного свойства относятся некоторые личностные характеристики участников инцидента. Учительница за свою долгую педаго-

²² Мотрошилова Н.В. 2010, 118.

²³ Добролюбов Н.А. 1960, 176.

гическую практику, несомненно, сделала ученикам тысячи замечаний и неоднократно временно изымала не положенные на уроке предметы — от плюшевых зайчиков и кукол до современных гаджетов. И никто не бил ее по лицу. Она не могла и предположить подобное, делая подростку замечание. Но значительно большую роль играют субъективные триггеры, связанные с личностью ударившего. Известно, что он из «проблемной семьи», является «трудным подростком», состоит на учете в инспекции по делам несовершеннолетних. Хронически не успевает. Когда подростка спросили — почему он это сделал — он ответил: «Я не выдержал, встал — и ударил ее»²⁴. Заметим, это женщина и в четыре раза старше его. Но, когда крепкий парень, одноклассник, оттолкнул его от учительницы, он «выдержал», не пытался дать сдачи и стал громить беззащитное учебное оборудование. Ситуация показывает, что парень — законченный эгоист с весьма деформированными нравственными качествами. Эгоисты в глубине души весьма трусливы. Они очень боятся, что кто-то, кто сильнее, причинит вред их драгоценному «Я». Однако, они же способны на любую подлость, ради своего «Я», когда чувствуют свою безнаказанность.

Именно безнаказанность, в том числе юридическую, следует выделить прежде всего среди объективных триггеров, связанных с характеристиками ситуационной обстановки. За подобный проступок против «детей до 16-ти» уголовное дело не возбуждается. Комиссии по делам несовершеннолетних он не боится. Социальные работники и психологи ему не авторитет. Как и семья. В классе держится особняком. Что касается школы, то когда тебе оказывают «образовательную услугу», к «услуживающим» есть соблазн относиться как к прислуживающим, тем более, что у «услуживающих» сегодня весьма ограниченные возможности поставить на место распоясавшегося «обслуживаемого».

Кроме того, этот подросток обладает, видимо, практическим чутьем, позволяющим ему уловить некоторые иные тенденции, тоже своеобразные триггеры, подталкивающие его к безнаказанности. Так, охранник в школе, к которому обратились за помощью ученики, сказал, что «это не его дело, и он, вообще, для другого

²⁴ См.: yandex.ru/turbo/1tv.ru/s/shows/na-samom-dele/vypuski-1-dramaticl (03.02.2021).

тут»²⁵. Директор школы на следующий день написал заявление об уходе по собственному желанию. Чье «собственное желание» выполнял директор, хороший директор по отзывам многих, — вопрос остается открытым.

Показательно и то, что материал в Интернете об этом инциденте начинается с видео под названием «Учителя массово избивают школьников», не имеющего прямого отношения к содержанию последующего материала²⁶. Зато он странно перекликается с действиями столичного департамента образования, начавшего проверку этого факта. В департаменте сочли, что школьник ударил учительницу «из-за недопонимания», и что пострадавшая учительница «непрофессионально среагировала на поведение ученика»²⁷. В интервью учительница с горечью сказала: «Все виноваты, кроме этого мальчика». Становится понятна и реакция охранника. Примени он силу, чтобы урезонить хулигана, и какая-нибудь комиссия также может счесть, что он «непрофессионально среагировал» со всеми вытекающими последствиями.

Не исключено, что уверенность в своей безнаказанности, более того — значимости, подростку прибавило и приглашение его через две недели (29.01.2020) на передачу «На самом деле» на 1 канале Центрального телевидения²⁸. Ведь вне зависимости от причины, он стал медийной фигурой. Здесь можно наблюдать, как отдельный факт может соединять в себе черты маркера и триггера, то есть высвечивать варварский характер того или иного поступка и в то же время подталкивать к нему. И у какого-нибудь другого «трудного подростка» может возникнуть мысль: «А не стукнуть ли мне чем-нибудь по голове нашу математичку? Вдруг и меня покажут по телевизору!».

Однако триггер варварства редко бывает самодостаточным феноменом, действие которого определяется исключительно его собственными особенностями, соотношенными с характеристиками

²⁵ См.: turbo.gazeta.ru/social/2020/01/17/12914906.ahtml (01.02.2021).

²⁶ Там же.

²⁷ См.: ntv.ru/novosti/2279741/ (7.02.2021)

²⁸ См.: yandex.ru/turbo/1tv.ru/s/shows/na-samom-dele/vypuski-1-dramaticl (03.02.2021).

участников инцидента. Появление, воздействие и специфика триггеров, при всей их конкретности, значительно чаще связаны с ситуационной обстановкой, которая определяется более глубинными условиями и предпосылками, открывающими возможности варварских проявлений и оказывающими влияние на характер этих проявлений.

Так, во многом определяющими события сегодняшнего дня являются процессы, происходящие в нашем обществе последние тридцать лет. В частности, в 90-е годы была разрушена единая государственная система организации и воспитания детей и юношества через октябрятские и пионерские организации и комсомол. Важнейшим оплотом этой системы была школа. В системе далеко не все было идеально, но она доказала свою действенность и нравственную обоснованность. Воспитанная ею молодежь выдержала нечеловеческие испытания войны и послевоенного восстановления страны. Ибо «педагогика — это и приобщение к сакральным ценностям»²⁹. Система честно служила и далее. Но система была разрушена, и условием развития деструктивных идей среди подростков и молодежи можно считать в немалой мере руины этой системы. Так, функцией прошлой школы, неразрывно связанной с воспитанием, было образование и интеллектуальное развитие, которые являются также и эффективными средствами профилактики появления деструктивных тенденций среди подрастающего поколения. Современная же школа, ставшая местом нездоровой активности подобных «мальчиков», видимо, подтверждает слова Конфуция, сказанные две с половиной тысячи лет назад: «Напрасно обучение без мысли. Опасна мысль без обучения»³⁰.

Высказывание китайского мудреца неожиданно резонирует с утверждением нашего современника, основателя и президента Всемирного экономического форума в Женеве Клауса Шваба:

«...в сегодняшнем быстро изменяющемся мире деструктивных изменений <...> лучше быть лисой, чем ежом. Работая в условиях все более сложной и подрывающей привычные основы среды, нужно обладать интеллектуальной и социальной ловко-

²⁹ Хренов Н.А. 2003, 324.

³⁰ Конфуций. 2000, 23.

стью лисы, а не лишенной гибкости и узконаправленной сосредоточенностью на цели, свойственной ежу»³¹.

Перманентное реформирование школы, превращение ее в инструмент оказания образовательных услуг, который, по мнению многих, не дает реального образования, но отучает думать («обучение без мысли»), привело к тому, что сейчас немало ее учеников и выпускников уже не просто «ежи» (по К. Швабу). Они — «ёжики в тумане»³².

Указанные условия и предпосылки проявлений варварства в молодежной среде неразрывно связаны со *стрессорами*, т.е. причинами появления варварства. Нередко, даже трудно выделить условия и предпосылки «в чистом виде», ибо они сами могут носить причинный характер. В данном случае беда не только в том, что остались руины. «Все проходит» написал мудрец на кольце царя Соломона. Беда в том, что на их месте не создано ничего адекватного по эффективности прошлой школе, но уже на основе современных идей. Более того, сами современные идеи являют собой весьма неоднородную и противоречивую картину, где одним из знаковых начал являлось еще недавно «перевернуть все предшествующее, найти в нем “другое”, что даже предположить было как бы невозможно»³³. И если пик активности желающих «перевернуть все предшествующее», кажется, уже позади, то его рецидивы и последствия все еще сильны. Ясно, что в подобной данности

³¹ Шваб К. 2019, 129.

³² Вот яркий и, увы, не единственный пример подобного «тумана» в головах. Из обращений представителей молодого поколения к библиотечарю: «Дайте “Шанель” Гоголя» (спрашивает девушка); «Дайте “Собор какой-то матери”, шоу еще есть такое»; «Нужен автор — Некрасов. Название — “Выть на Волгу”»; «Мне какую-нибудь книжку про круглых рыцарей» (видимо, рыцарей Круглого стола); «Мне нужны стихи Пастернака в переводах Маршака». — <https://m.facebook.com/story.php?storyfbid=10207811070531754&sid=1746298215&sfnsn=scwspwa> (17.03.2021). Эти запросы юных вновь напоминают об актуальности для наших дней слов Э. Фромма о недоучках, недополучивших в существующей системе образования «именно ту часть образования, которая как раз и содержала знание о том, что такое знание» (Фромм Э. 2016, 546).

³³ Ястребова Н.А. 2002, 162.

«Сириусы», конкурсы и т.д. для отдельных групп школьников и молодежи, отдельные школы и даже волонтерское движение, которые хороши сами по себе, явно не решают главные проблемы широкой социально-педагогической практики, отражающие противоречивость современной социальной практики.

В.П. Буданова отнесла к стрессорам, т.е. причинам, вызывающим развитие или усиление варварства голод, эпидемии, войны, экологические катастрофы и плотность населения³⁴. Но это системные причины, порождающие или усиливающие варварство как социальное явление, порой охватывающее все основные сферы жизни общества. Однако, можно выделить и более локальные стрессоры-причины проявления варварства в конкретном случае. В данном случае это отсутствие достаточных механизмов обеспечения личной правовой, психологической и физической защищенности учителей. Это становится еще более деструктивным при реальном бессилии в воспитании школьников, обеспечивающем профилактику варварских проявлений в их среде. Зато все более активно проявляют себя стрессоры-причины, носящие характер откровенной деструкции или марку «ползучего разложения».

Пример — ряд популярных у молодежи блогеров. Многие из них ненавязчиво, а порой и навязчиво, агрессивно расшатывают традиционные позитивные социальные ценности и нормы, разрушают имеющиеся позитивные смыслы и образы молодого поколения. Ярчайший пример — «трэш-стрим», где за деньги молодые люди добровольно позволяют себя бить, над собой издеваться, и все это с их согласия демонстрируется в Интернете. Такое противоречит не только традиционной светской морали, но и тысячелетним христианским заповедям. Слова Спасителя: «кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую» (Мф 5:39) никак нельзя отнести к благословию брать за побори деньги и публично демонстрировать подобное. Более того, здесь разрушается не только система нравственности, но, что не менее опасно, разрушается система принципов и норм жизнеобеспечения человека, сохранения его жизни и здоровья. И «распад духа включает программу самоуничтожения»³⁵.

³⁴ Буданова В.П. 2020, 16.

³⁵ Букреев В.И. 2010, 30.

Можно сколько угодно обличать блогеров в «накачанных лайках», но факт остается фактом — их смотрят, им верят и им подражают. Причины этого далеко за пределами соцсетей.

«Распад прежней картины мира приводит к кризису коллективной идентичности <...> Ослабление общественной солидарности в такие эпохи оборачивается возникновением социальной аномии, когда острое ощущение одиночества способствует увеличению, как доказывает Э. Дюркгейм, самоубийств и «бегства от свободы», как показал Э. Фромм <...> Следствием этого является распад Я-концепции человека. Ведь определенность Я-концепции человека как психологической реальности есть следствие функционирующей в обществе системы ценностей»³⁶.

Разобщенность и одиночество значительно усиливается пандемией коронавируса, вынужденным сокращением непосредственных контактов между людьми и ростом опасности этих контактов.

Социальные сети выступают реальным (или иллюзорным) средством преодоления одиночества и компенсатором дефицита общения, самоидентификации и самоутверждения. Это особо значимо для подростков и юношей, у которых названные потребности обострены в силу возрастных особенностей, а удовлетворение их крайне затруднено отсутствием единой системы работы с детьми и юношами, которая давала бы широкие возможности для позитивного общения, самоидентификации, самовыражения и самоутверждения. Социальные же сети активно внедряют подросткам и юношам свои Я-концепции, основанные на деструктивных ценностях и нормах, вплоть до пропаганды суицида. По сути идет процесс обезличивания, то, что Эрих Фромм называл «социальным варварством». Разрушается субъектность личности — ее способность обладать «свободой выбора в принятии решений, выбора целей и т.п., <...> наличием *точки зрения*, позиции, которая ориентирует его во взаимодействии с окружающим миром»³⁷.

Именно это разрушение и является, хотя и не хотят, результатом деятельности многих «делателей» соцсетей. И если «главные сущностные характеристики социального субъек-

³⁶ Хренов Н.А. 2002, 45–46.

³⁷ Петров И.Г. 2003, 196.

та — долг (деятельность) и норма», которые «служат внутренней природой, почвой, без которой он не мыслит существования»³⁸, то подмена деятельности псевдодеятельностью и нормы аномалией служат действенным инструментом лишения способности иметь собственную точку зрения и поступать соответственно ей. Но еще более критично то, что данная стратегия соцсетей резонирует с более широкой тенденцией:

«В современном мире происходит процесс распада идентичности <...> сегодня индивид не располагает теми условиями, которые обеспечили бы ему возможность адекватного и целостного восприятия самого себя. Самоидентичность личности разрушилась»³⁹.

В восприятии самого себя и понимании мира ключевую роль играет критерий — что есть добро. В преодолении зла его обличение, запрещение и кара необходимы, но сами по себе не приносят окончательную победу. Решающей стратегией победы над злом является утверждение добра. Еще Конфуций говорил, что «устремленность к человечности освобождает от всего дурного»⁴⁰. Тем более, что «свято место не бывает пусто». Вакуум на месте побежденного зла может занять новое зло, еще более опасное и изощренное, в том числе принимающее облик «нового добра». К сожалению, в «сетях» реальное добро нередко проигрывает злу и содержательно, и по форме. И не только в «сетях». Воспитание не просто добра, но привлекательности добра — одна из нерешенных проблем в современной работе с детьми и молодежью. Часто дело спасают только мама с папой. Что не удивительно при неопределенности и противоречивости того, что прокламируется как «добро» в наши дни.

Но, указанные условия, предпосылки и стрессоры варварства являются в значительной мере производными от процессов, которые выступают системными *факторами* существования варварства. Современный исследователь отмечает:

³⁸ Букреев В.И. 2011, 87.

³⁹ Гуревич П.С. 2018, 277.

⁴⁰ Конфуций. 2000, 31.

«В настоящее время практически нарушаются-разрушаются не только свойственные европейской модели цивилизации или цивилизации Нового времени характеристики, структуры <...> но и *многие базовые основания функционирования и интегративные нормы организации сообщества*, активно действующие и объективно обеспечивающие направленность *исторического* развития, принципы и формы воспроизводства общества на протяжении нескольких тысячелетий истории цивилизации и ее стадийного определении, но, что особенно значимо, лежащие <...> в ее генезисе»⁴¹.

Мировое цивилизационное развитие ставит сегодня перед человеком такие вопросы, ответ на которые уже не может дать только исторический опыт и накопленное знание. Острейшие из них — вопросы в сфере духовно-нравственной, в сфере целей, ценностей и норм. Ответы на многие из этих вопросов, при всей мудрости человечества, для нас снова *terra incognita*. И все чаще ошибочное решение этих вопросов приводит человека к тому, что он теряет базовые точки опоры в этой жизни. Поневоле вспоминаются слова Эриха Фромма: «Раз люди не отдают себе отчета в том, куда они идут, они пробудятся, когда станет слишком поздно и когда их судьба будет решена безвозвратно»⁴².

Объективные кризисные процессы усугубляется тем, что все большие масштабы приобретает сознательное формирование потерявших точки опоры. Формирующие, чтобы сохранить возможность управлять человеком, предпринимают чрезвычайные меры по атомизации общества, разобщению людей, погружению человека в состояние неопределенности, нестабильности, потери ориентиров, девальвации ценностей и норм. Такими легче управлять. В том числе — формировать из них «новых варваров». Особенно активно воздействие на подрастающее поколение и молодежь.

В нашей стране эти тенденции значительно усилил крайне сложный и резкий переходный период к качественно иной социально-экономической формации, отрицающей предыдущую, который можно охарактеризовать как «распад одной картины мира и становление альтернативной картины мира»⁴³.

⁴¹ Сайко Э.В. 2003, 48.

⁴² Фромм Э. 2014, 200.

⁴³ Хренов Н.А. 2002, 20.

«Это и есть, если называть вещи предлагаемыми учеными терминами, моменты бифуркации. Для таких моментов характерен распад прежнего порядка и, соответственно, детерминизма. В таких критических точках преобладает не закономерность, а случайность, не порядок, а хаос <...> направленность постбифуркационного развития будет явным сюрпризом»⁴⁴.

Наше современное общество, частью отвергшее свою историю XX века «до 90-х годов», частью — не отвергающее ее, все еще весьма противоречиво и динамично. Разнообразие идей и оценок прошлого, сегодняшней ситуации и перспектив, противоречивость существующих ценностей и норм при официально провозглашаемом отсутствии единой государственной идеологии, вряд ли в ближайшее время позволят создать необходимую единую социальную педагогику всего общества и реализовать ее в единой системе воспитания детей и юношества. Еще мудрые африканские аборигены говорили: «Только вся деревня может чему-то научить ребенка»⁴⁵. На это состояние неопределенности накладывается сознательное внушение «всякой мерзости и мертвечины» (Э. Фромм), порой в весьма притягательном для молодежи виде.

Все сказанное демонстрирует, прежде всего, *структуру анализа* факта или фактов: *факт-маркер* (субъект — действие — объект / субъект), ставящий вопрос о варварстве и его характере — *триггеры*, т.е. то, что непосредственно подтолкнуло к появлению данного факта, — *условия и предпосылки* возможного проявления варварства в данной ситуации — *стрессоры*, причины возможного варварства в данной ситуации, в том числе, в качестве индикатора варварства как явления — *факторы*, отражающие всю систему реальности, в которой имеет место данный факт, в ее экономических, политических, социальных, духовных и культурных особенностях, включая феномен варварства. Содержательная характеристика отдельных элементов анализа приводится лишь в той мере, в которой это показывает его необходимость и логику. Окончательно ответить на вопрос — можно ли квалифицировать рассматриваемый здесь факт, как маркер нарастания варваризованных тен-

⁴⁴ Там же, 18, 19.

⁴⁵ Цит. по: Чиксентмихайи М. 2017, 329.

денций в молодежной среде — поможет только более развернутый и углубленный анализ всей системы условий и воздействий, определяющих особенности жизнедеятельности современных школьников и молодежи. Данная статья может выступать лишь триггером такого анализа.

Совершенно необходим системный анализ того, как влияют на школу, семью, детей и юношей экономические, социальные, социально-психологические и социально-педагогические процессы как на уровне социума в целом, так и на уровне его отдельных стратов и групп. Особого системного рассмотрения требуют те изменения, которые произошли в современной школе в связи с ее реформированием. В столь же пристальном анализе нуждается современная семья, где сейчас наблюдаются серьезные кризисные явления, в том числе — специфика «проблемных семей» и «трудных подростков» в них. Отдельная проблема — воздействие на школьников и молодежь того виртуального мира, в который сейчас все более их вовлекают. Можно назвать и еще ряд аспектов изучения вопроса о квалификации приведенного факта как маркера, необходимых для окончательного ответа — является ли он маркером деструктивной тенденции. Если «да», то остается лишь надеяться, что рано или поздно сбудется второе пророчество на кольце царя Соломона: «И это пройдет».

Тому есть основания. Важно вспомнить и о других имеющихся маркерах, триггерах, условиях и предпосылках, стрессорах, и даже факторах преодоления деструктивных процессов среди школьников и молодежи и формирования позитивных начал личности. Есть сегодня и хорошие учителя, и хорошие школы, и мудрые родители, и умные управленцы в сфере образования. Остались и ученики, которые, несмотря на все «инновации» современной школы, еще хотят учиться и получать реальные знания, у них еще присутствует не только здравый смысл, но и творческое мышление, они в доверительных деловых отношениях с учителями, и учителя доверяет им. К тому же, как правило, они не являются «пленниками» соцсетей, а относятся к ним чисто прагматически. И, наконец, все острее становится социальная потребность в образованных и умеющих думать людях, при все нарастающем дефиците таких людей. Но маркеры преодоления варварства — тема отдельной статьи.

Хотя об одном таком маркере в заключение хочется сказать.

Дело происходит в другой стране, но это своеобразный общий символ нашего времени, символ преодоления варварства даже в наши вирусные дни. В Интернете с подписью «The Show Must Go On» («Шоу должно продолжаться») помещено видео. Пустынная улица южного города, двухэтажные дома с длинными балконами по фасаду, на них — редкие жители. На балкон выходит мужчина в белом костюме и белой шляпе с саксофоном и начинает играть «Бэла чао» — песню итальянских партизан. Постепенно на балконы, сначала по одному, потом по двое-трое выходят люди. Через несколько минут на балконах уже много народу. Люди стоят рядом друг с другом, улыбаются и в такт хлопают в ладоши⁴⁶.

ЛИТЕРАТУРА

- Барт Р.* 2008: Мифологии. М.: Академический проект.
- Бодрийяр Ж.* 2018: Симулякры и симуляции. М.: Издательский дом «ПОСТУМ».
- Буданов А.В.* 2015: Человек vs варварство // *Цивилизация и варварство: пограничье как феномен, состояние и культурно-историческое пространство* / В.П. Буданова, О.В. Воробьева (отв. ред.). М.: Аквилон. Вып. IV. 449–474.
- Буданова В.П.* 2019а: Латентное варварство: фантом или реальность? // *Цивилизация и варварство: антропология латентного варварства* / В.П. Буданова (ред.). М.: Аквилон, VIII. 9–28.
- Буданова В.П.* 2019б: Латентное варварство: природа, формы проявления и его место в истории // *Цивилизация и варварство: антропология латентного варварства* / В.П. Буданова (ред.). М.: Аквилон, VIII. 74–103.
- Буданова В.П.* 2020: Варварство и его стрессоры в перспективе междисциплинарных исследований // *Цивилизация и варварство: ловушки, засады и пропасти латентного варварства* / В.П. Буданова (ред.). М.: Аквилон, IX. 9–30.
- Букреев В.И.* 2011: Расчеловечивание человека в мировой истории: истоки и глобальные последствия: монография. М.: ФЛИНТА: Наука.

⁴⁶ ВОЗ объявила о пандемии 11.03.2020. Видео размещено в Интернете 19.03.2020. — https://m.facebook.com/story.php?story_fbid=2373214022899365&id=2004576336429804?sfnsn=scwsapwa&d=w&vh=e&ehid=1T3vgCNY9765ujq0&d=w&vh-e (19.11.2020).

- Гидденс Э., Саттон Ф.* 2018: Основные понятия в социологии / Пер. с англ. Е. Рождественской, С. Гавриленко; С. Гавриленко (науч. ред.). М.: Изд. дом Высшей школы экономики.
- Гречко П.К.* 2015: Онтометодологический дискурс современности: Историческая продвинутость и ее вызовы. М.: ЛЕНАНД.
- Гуревич П.С.* 2018: Классическая и неклассическая антропология: сравнительный анализ. М. – СПб.: Центр гуманитарных инициатив, Петроглиф.
- Добролюбов Н.А.* 1960: Грустная дума гимназиста лютеранского исповедания и не Киевского округа // Русская сатира начала XIX–XX веков / Л.А. Плоткина, Н.И. Тотубалина (сост.). М.-Л.: Государственное издательство художественной литературы.
- Конфуций.* 2000: Уроки мудрости: Сочинения. М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс, Харьков: Изд-во «Фолио».
- Малашенко А.В., Нисневич Ю.А., Рябов А.В.* 2018: Современное варварство: причины и следствия // Полития. 2. 6–22.
- Мотрошилова Н.В.* 2010: Цивилизация и варварство в эпоху глобальных кризисов. М.: ИФРАН «Канон+» РООИ «Реабилитация».
- Петров И.Г.* 2003: Хаос и форма: социокультурная эволюция // Цивилизации: Восхождение и слом: Структурообразующие факторы и субъекты цивилизационного процесса / Э.В. Сайко (отв. ред.). М.: Наука. 196–213.
- Психология. 1990: Психология. Словарь / Под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. М.: Политиздат.
- Сайко Э.В.* 2003: Цивилизация в пространственно-временном континууме социальной эволюции и проблема ее системного слома. // Цивилизация. Восхождение и слом: Структурообразующие факторы и субъекты цивилизационного процесса / Э.В. Сайко (отв. ред.). М.: Наука. 13–52.
- Следзевский И.В.* 2019: Феномен нового варварства в картине глобализирующегося мира: идентификационный и познавательный аспекты // Цивилизация и варварство: антропология латентного варварства / В.П. Буданова (ред.). М.: Аквилон. VIII. 29–59.
- Томалинцев В.Н.* 2016: Социальный экстремизм в системе координат культуры. Типы личности и война. СПб.: Алетейя.
- Тоффлер Э.* 2004: Шок будущего. М.: ООО «Издательство АСТ».
- Фромм Э.* 2014: Душа человека. Революция надежды. М.: АСТ.

- Фромм Э.* 2016: *Анатомия человеческой деструктивности.* М.: Изд-во АСТ.
- Хренов Н.А.* 2002: *Опыт культурологической интерпретации переходных процессов // Искусство в ситуации смены циклов / Н.А. Хренов (отв. ред.).* М.: Наука. 11–55.
- Хренов Н.А.* 2003: *Человек как субъект в инверсионных волнах Российской цивилизации // Цивилизации: Восхождение и слом: Структурообразующие факторы и субъекты цивилизационного процесса / Э.В. Сайко (отв. ред.).* М.: Наука. 311–349.
- Цивилизация.* 2017: *Новая российская энциклопедия.* Т. XVIII–I. М.: Изд-во «Энциклопедия». Издательский дом «Инфра-М». 15–17.
- Чиксентмихайи М.* 2017: *Эволюция личности.* 4-е изд. М.: Альпина нон-фикшн.
- Шваб К.* 2019: *Четвертая промышленная революция.* М.: Издательский дом «Эксмо».
- Шкуратов В.А.* 1997: *Историческая психология.* 2-е изд. М.: Смысл.
- Энгельс Ф.* 1986а: *«Диалектика природы» // К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные сочинения в 9 томах. Том 5.* М.: Издательство политической литературы. 371–628.
- Энгельс Ф.* 1986б: *Материалы к «Анти-Дюрингу» // К. Маркс, Ф. Энгельс. Избранные сочинения в 9 томах. Том 5.* М.: Издательство политической литературы. 629–666.
- Ястребова Н.А.* 2002: *На грани и через грань. Тенденции художественного сознания XX века // Искусство в ситуации смены циклов / Н.А. Хренов (отв. ред.).* М.: Наука. 161–168.

Anatoliy V. BUDANOV

MARKERS IN THE SYSTEM OF ANALYSIS OF MODERN BARBARITY

The article substantiates the necessity of introducing the term marker of barbarity into the conceptual apparatus of barbaristics. The definition of the marker of barbarity is given as a fact, that raises the question of the existence of barbarity or most clearly shows its presence and the features of its existing state. The role and place of the marker of barbarity in the system of concepts of barbaristics is considered. The prospects of using the marker in the analysis of the modern barbarity are determined. The question of markers of la-

tent barbarity is particularly analyzed. An algorithm for analyzing whether this fact is a marker of an existing trend, a phenomenon of a barbaric nature, or not is proposed. The special role of triggers in the similar facts analysis system is revealed.

Keywords: barbarity, barbarity marker, factors of barbarity, stressor, trigger, marker analysis algorithm.

Anatolij V. BUDANOV — Dr. Sc. (Pedagogics), Professor, Independent Researcher. Moscow, Russian Federation. — a-budanov@yandex.ru

REFERENCES

- Bart R. 2008: Mifologii. M.: Akademicheskij proekt.
- Bodriyar Zh. 2018: Simulyakry i simulyacii. M.: Izdatel'skij dom «POSTUM».
- Budanov A.V. 2015: Chelovek vs varvarstvo // Civilizacija i varvarstvo: pogranič'e kak fenomen, sostojanie i kul'turno-istoričeskoe prostranstvo / V.P. Budanova, O.V. Vorob'eva (otv. red.). M.: Akvilon. Vyp. IV. 449–474.
- Budanova V.P. 2019a: Latentnoe varvarstvo: fantom ili real'nost'? // Civilizacija i varvarstvo: antropologija latnogo varvarstva / V.P. Budanova (red.). M.: Akvilon, VIII. 9–28.
- Budanova V.P. 2019b: Latentnoe varvarstvo: priroda, formy pojavlenija i ego mesto v istorii // Civilizacija i varvarstvo: antropologija latentnogo varvarstva / V.P. Budanova (red.). M.: Akvilon, VIII. 74–103.
- Budanova V.P. 2020: Varvarstvo i ego stressory v perspektive mezhdisciplinarnyh issledovanij // Civilizacija i varvarstvo: lovushki, zasady i propasti latnogo varvarstva / V.P. Budanova (red.). M.: Akvilon, IH. 9–30.
- Bukreev V.I. 2011: Raschelovečivanie cheloveka v mirovoj istorii: istoki i glo-bal'nye posledstvija: monografija. M.: FLINTA: Nauka.
- Chiksentsmihaji M. 2017: Evoljucija lichnosti. 4-e izd. M.: Al'pina non-fikshn.
- Civilizacija. 2017: Novaja rossijskaja jenciklopedija. T. XVIII–I. M.: Izd-vo «Enciklopedija». Izdatel'skij dom «Infra-M». 15–17.
- Dobroljubov N.A. 1960: Grustnaja duma gimnazista ljuteranskogo ispovedanija i ne Kievskogo okruga // Russkaja satira nachala XIX–XX vekov / L.A. Plotkina, N.I. Totubalina (sost.). M.-L.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury.
- Engel's F. 1986a: «Dialektika prirody» // K. Marks, F. Engel's. Izbrannye sočinenija v 9 tomah. Tom 5. M.: Izdatel'stvo političeskoj literatury. 371–628.

- Engel's F. 1986b: Materialy k «Anti-Djuringu» // K. Marks, F. Engel's. Izbrannye sochinenija v 9 tomah. Tom 5. M.: Izdatel'stvo politicheskoj literatury. 629–666.
- Fromm Je. 2014: Dusha cheloveka. Revoljucija nadezhdy. M.: AST.
- Fromm Je. 2016: Anatomija chelovecheskoj destruktivnosti. M.: Izd-vo AST,
- Giddens Je., Satton F. 2018: Osnovnye ponjatija v sociologii / Per. s angl. E. Rozhdestvenskoj, S. Gavrilenko; S. Gavrilenko (nauch. red.). M.: Izd. dom Vysshej shkoly jekonomiki.
- Grechko P.K. 2015: Ontometodologicheskij diskurs sovremennosti: Istoricheskaja prodvnutost' i ee vyzovy. M.: LENAND.
- Gurevich P.S. 2018: Klassicheskaja i neklassicheskaja antropologija: sravnitel'nyj analiz. M., SPb: Centr gumanitarnyh iniciativ, Petroglif.
- Hrenov N.A. 2002: Opyt kul'turologicheskoj interpretacii perehodnyh processov // Iskusstvo v situacii smeny ciklov / N.A. Hrenov (otv. red.). M.: Nauka. 11–55.
- Hrenov N.A. 2003: Chelovek kak sub#ekt v inversionnyh volnah Rossijskoj civi-lizacii // Civilizacii: Voshozhdenie i slom: Strukturoobrazujushhie fak-tory i sub#ekty civilizacionnogo processa / Je.V. Sajko (otv. red.). M.: Nauka. 311–349.
- Konfucij. 2000: Uroki mudrosti: Sochinenija. M.: ZAO Izd-vo EKSMO-Press, Har'kov: Izd-vo «Folio».
- Malashenko A.V., Nisnevich Ju.A., Rjabov A.V. 2018: Sovremennoe varvarstvo: prichiny i sledstvija // Politija. 2. 6–22.
- Motroshilova N.V. 2010: Civilizacija i varvarstvo v jepohu global'nyh krizisov. M.: IFRAN «Kanon+» ROOI «Reabilitacija».
- Petrov I.G. 2003: Haos i forma: sociokul'turnaja jevoljucija // Civilizacii: Voshozhdenie i slom: Strukturoobrazujushhie faktory i sub#ekty civiliza-cionnogo processa / E.V. Sajko (otv. red.). M.: Nauka, 196–213.
- Psihologija. 1990: Psihologija. Slovar'. / Pod obshh. red. A.V. Petrovskogo, M.G. Jaroshevskogo. M.: Politizdat.
- Sajko Je.V. 2003: Civilizacija v prostranstvenno-vremennom kontinuueme soci-al'noj jevoljucii i problema ee sistemnogo sloma. // Civilizacija. Voshozh-denie i slom: Strukturoobrazujushhie faktory i sub#ekty civilizacionnogo processa / Je.V. Sajko (otv. red.). M.: Nauka. 13–52.
- Shkuratov V.A. 1997: Istoricheskaja psihologija. 2-e izd. M.: Smysl.
- Shvab K. 2019: Chetvertaja promyshlennaja revoljucija. M.: Izdatel'skij dom «Eksmo».

- Sledzevskij I.V. 2019: Fenomen novogo varvarstva v kartine globalizirujushhegosja mira: identifikacionnyj i poznavatel'nyj avpekty // Civilizacija i varvarstvo: antropologija latentnogo varvarstva / V.P. Budanova (red.). M.: Akvilon, VIII. 29–59.
- Toffler Je. 2004: Shok budushhego. M.: ООО «Izdatel'stvo AST».
- Tomalincev V.N. 2016: Social'nyj ekstremizm v sisteme koordinat kul'tury. Tipy lichnosti i vojna. SPb.: Aletejja.
- Yastrebova N.A. 2002: Na grani i cherez gran'. Tendencii hudozhestvennogo soznanija XX veka // Iskusstvo v situacii smeny ciklov / N.A. Hrenov (otv. red.). M.: Nauka. 161–168.

ТРИГГЕРНЫЕ ТОЧКИ ДВИЖЕНИЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ

И.Е. Суриков

КАТАЛИЗАТОРЫ ВАРВАРИЗАЦИИ И ДЕВАРВАРИЗАЦИИ В КЛАССИЧЕСКИХ АФИНАХ

В качестве факторов, способствовавших нарастанию варваризации в Афинах второй половины V в. до н.э., в статье указываются создание Афинской морской державы, движение софистов, конфликт поколений, Пелопоннесская война, наступление «эры демагогов». Обратное же движение в сторону деварваризации (с самого конца V в. до н.э.) было связано в первую очередь с возрождением уважения к законности, с укреплением стабильности и порядка. Новая афинская демократия IV в. до н.э., которую одни специалисты считают «усовершенствованным» вариантом по сравнению с демократией предшествующего столетия, а другие, напротив, ее упадком, кризисом, была в основном свободна как от охлократических, так и от олигархических тенденций; она может с полным основанием быть определена как умеренная демократия, в отличие от радикальной демократии второй половины V в. до н.э. Конфликтов не то чтобы не было, но их старались разрешать мирным путем, по возможности достигая компромисса и избегая насилия.

Игорь Евгеньевич СУРИКОВ — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, профессор факультета культурологии РГГУ. Российская Федерация, Москва. — isurikov@mail.ru

Ключевые слова: классическая Греция, Афины, демократия, варваризация, Афинская морская держава, софисты, демагоги, Пелопоннесская война, олигархия, законность.

Термина «деварваризация» нам, кажется, не доводилось встречать в исследовательской литературе. Коль скоро мы, таким образом, используем неологизм, необходимо пояснить, какой смысл мы в него вкладываем. Речь не идет о процессе приобщения первоначально варварского общества к цивилизации, в результате которого оно перестает быть варварским. Под деварваризацией мы имеем в виду возвращение цивилизованного общества, временно ставшего варваризованным в силу нарастания энтропии, эскалации насилия, обратно к нормам и ценностям, свойственным цивилизованным социумам. В Афинах V–IV вв. до н.э. мы можем наблюдать оба процесса, обозначенные в заголовке данной статьи.

Отдельные особенности и нюансы этих процессов (преимущественно первого из них — варваризации) мы рассмотрели в двух предыдущих статьях, опубликованных на страницах «Цивилизации и варварства»¹, а теперь нам хотелось бы проанализировать более общие их закономерности.

Как ни парадоксально, варваризация (сперва латентная) началась в Афинах не в условиях каких-то негативных явлений (хаотизации, социальной смуты, войн, эпидемий и т.п.), а, напротив, на вершине успехов, при Перикле. *Первым* катализирующим фактором² стало перерастание возглавляемого «городом Паллады» Делосского союза в Афинскую морскую державу (Афинскую архэ), или Афинскую империю, как ее в основном называют в зарубежной историографии³. В этом мощнейшем военно-политическом объединении афиняне со временем получили совершенно неограниченную, бесконтрольную власть, низведя союзные полисы до положения бесправных подданных. Вот как эту власть определяли

¹ Суриков И.Е. 2019; 2020.

² Мы сознательно избегаем предлагаемого нам термина «триггеры», поскольку он нам глубоко несимпатичен.

³ См. хотя бы: Meiggs R. 1972; Kagan D. 1987; Rhodes P.J. 1993; Mattingly H.B. 1996; Mills S. 1997; Figueira T.J. 1998; Constantakopoulou C. 2007; Kallet L., Kroll J.H. 2020.

сами же афинские ведущие политики, обращаясь к согражданам. Перикл:

«Ведь ваше владычество подобно тирании, добиваться которой несправедливо, отказаться же от нее — весьма опасно» (*Thuc.* II. 63. 2).

Клеон:

«Не забывайте, что ваше владычество над союзниками — это тирания, осуществляемая против воли ваших подданных, которые злоумышляют против вас. Они повинуются вам отнюдь не за то, что вы угрожаете им себе во вред. На их дружбу вы не можете рассчитывать: они подчиняются лишь уступая силе» (*Thuc.* III. 37. 2):.

Обратим внимание на акцентируемый здесь культ силы, свойственный варварским социумам.

Благодаря неиссякающему потоку форося⁴ — подати, взимаемой с союзников, — Афины неимоверно разбогатели, их бюджет был даже отдаленно не сопоставим с бюджетом любого другого эллинского государства⁵. Попытки отделения со стороны входивших в Архэ городов и островов воспринимались как «бунты» и жестоко, с применением военной силы подавлялись, с последующим наказанием инсургентов. Упование на «право сильного», когда цель оправдывает любые средства, в конце концов было возведено в последовательно проводимый и теоретически обосновываемый принцип, что особенно четко прослеживается в «Мелосском диалоге» Фукидида⁶.

⁴ Наиболее фундаментальным исследованием о форося и поныне остается многотомный труд: *Meritt B.D., Wade-Gery H.T., McGregor M.F.* 1939–1953.

⁵ О бюджете Афин в период Архэ см. *Figueira T.J.* 1998; *Samons L.J.* 2000.

⁶ Об этом замечательном памятнике политической мысли эпохи Пелопоннесской войны, см. *Will W.* 1996; *Taylor M.C.* 2018. Укажем также на несколько циничную попытку современного исследователя оправдать варварски-жестокую позицию афинян в «Мелосском диалоге»: *Bosworth A.B.* 1993.

В качестве *второго* катализатора рассматриваемых процессов мы бы назвали движение софистов, чье присутствие в Афинах стало особенно интенсивным как раз со времен Перикла⁷. В современном западном антиковедении преобладает тенденция⁸ акцентировать позитивные последствия этого «греческого Просвещения» (линия, восходящая к Дж. Гроту). Охотно говорят о многочисленных заслугах представителей софистического движения: они внесли в античную мысль дух исследования и эксперимента, заставлявший их всё оспаривать, ко всему относиться с сомнением, развили новые формы интеллектуальной деятельности, сделав ее более состязательной и «диалогичной» (в частности, начиная с Протагора, составляли «антилогии» — речи, направленные друг против друга, с аргументацией в пользу полярно противоположных точек зрения), боролись с догматизмом, противопоставляя ему свой скептицизм, оттачивали методы доказательства и проявляли беспрецедентный интерес к слову как таковому, в связи с чем внесли огромный вклад в становление риторики, и т.д. В результате их усилий мир стал представляться людям более сложным и многомерным, чем прежде, то есть постижение действительности стало более адекватным.

Сказанное во многом правомерно. Но нельзя не упомянуть и о том, что софисты сыграли немалую роль в кризисе традиционных полисных ценностей — а ведь в этом отношении они фактически занимались (зачастую сознательно) «подрывной деятельностью». Стала ли Эллада после расцвета софистического движения сильнее или слабее? Вопрос представляется риторическим, и никак нельзя снимать с софистов часть ответственности. Тот же Платон предельно убедительно показал, как и почему вслед за Горгиями обязательно и закономерно появляются Калликлы.

Проповедовавшиеся представителями софистики релятивизм, субъективизм, скептицизм, индивидуализм, прагматизм, в конечном счете, вели к нарастанию правового нигилизма. Коль скоро не существует общих, абсолютных ценностей и законов, каждый становится «сам себе законом». Это, безусловно, ослабляло социальные скрепы.

⁷ Romilly J. de. 2002.

⁸ Например: Gagarin M. 2002, 9–26.

То же движение расшатывало устои общества и в том плане, что последнее в Афинах расколосось на поклонников софистов-«просветителей» и тех, кто относился к ним с опаской и неприязнью. В лагере первых в основном была молодежь, в лагере вторых — люди старшего возраста. Это означало появление конфликта поколений, весьма угрожающей тенденции, которую мы бы указали в качестве *третьего* катализатора варваризации.

Б. Стросс в интересной книге «Отцы и сыновья в Афинах: идеология и общество в эру Пелопоннесской войны» предложил интересный взгляд на политическую борьбу интересующего нас времени, поставив ее именно в контекст конфликта поколений. Период 450–413 гг. до н.э. он обозначил как «час сына»⁹. На этом этапе в политике отчетливо выдвигаются на первый план молодые люди — энергичные, амбициозные, получившие софистическое образование (вспомним, что в комедиях Аристофана часты упреки по адресу современной ему молодежи, «развращенной софистами», которой он противопоставляет мужественных и одновременно послушных старшим юношей прежних поколений). Символом данного периода в полной мере может служить яркая фигура Алкивиада.

Поколение «отцов», пожилых оказалось как бы отодвинутым в сторону. А молодежь, как известно, во все времена склонна ломать устои и традиции, не очень задумываясь о последствиях. Как говорил Цицерон устами Катона Старшего, «величайшие государства рушились по вине людей молодых и охранялись и восстанавливались усилиями стариков» (*Cic. Cat.* 6. 20).

Четвертым катализатором, конечно же, стала сама Пелопоннесская война. Об этом даже и говорить много не приходится: всем памятны гневные строки Фукидида (*Thuc.* II. 52–53; III. 82–84), где напрямую связываются друг с другом война и катастрофическое падение нравов, «озверение». Связь эта, таким образом, была заметна уже современникам событий.

С началом войны практически совпало по времени наступление после смерти Перикла «эры демагогов»¹⁰ (здесь перед нами *пятый* катализатор), с приходом которой очевидной стала резкая

⁹ *Strauss B.S.* 1993, 130.

¹⁰ Эта генерация афинских политиков лучше всего освещена в исследовании: *Connor W.R.* 1971. О демагогах см. также: *Henderson J.* 2003; *Rhodes P.J.* 2016.

деградация политической культуры — этого важного элемента жизни цивилизованного общества. Уже сами манеры демагогов были одиозными. Вот как характеризует «первого демагога», Клеона¹¹, Аристотель:

«Клеон, сын Клеенета <...> как кажется, более всех развратил народ своей горячностью. Он первый стал кричать на трибуне и ругаться и говорить перед народом, подвязав гиматий, тогда как остальные говорили благопристойно» (*Arist. Ath. pol.* 28. 3).

Аристотелю вторит Плутарх:

«Клеон раздулся от гордости, наглость его стала беспредельной, и он принес городу множество бедствий <...> Клеон перестал соблюдать всякие приличия на возвышении для оратора: он был первым, кто, говоря перед народом, стал вопить, скидывать с плеч плащ, бить себя по ляжкам, бегать во время речи; так он заразил государственных деятелей распушенностью и презрением к долгу, которые вскоре погубили всё» (*Plut. Nic.* 8).

Фукидид называет Клеона «самым неистовым из граждан» (*Thuc.* III. 36. 6).

Если не брать в расчет субъективных антипатий того или иного древнегреческого писателя, всех их, как мы видим, шокировал прежде всего стиль публичного поведения Клеона, его пресловутая «неистовость». И вот здесь многое подмечено абсолютно верно. Действительно, Клеон — и, вероятно, вполне сознательно — держал себя во всех ситуациях политической жизни совершенно не так, как государственные деятели предыдущих поколений, да и большинство его современников. Выступая с трибуны, внося предложения, ведя полемику с оппонентами, он допускал и даже утрировал элементы буффонады, шутовства. Это особенно бросалось в глаза по контрасту с Периклом, чье политическое поведение, — во всяком случае, в зрелые годы «афинского олимпийца» — отличалось демонстративной сдержанностью¹².

¹¹ О Клеоне и его изображении античными авторами и современными учеными см. *Woodhead A.G.* 1960; *Spence I.G.* 1995; *Saldutti V.* 2014; *Biles Z.P.* 2016.

¹² *Plut. Pericl.* 5: «...Серьезное выражение лица, недоступное смеху, спокойная походка, скромность в манере носить одежду, не нарушаемая

Характерно свидетельство Плутарха об отношении сограждан к клеоновской буффонаде:

«Афиняне больше смеялись, чем верили, ведь они вообще охотно шутили над его (Клеона. — *И. С.*) легкомыслием и сумасбродством. Как-то раз, говорят, было создано народное собрание, и народ долгое время сидел на Пниксе в ожидании Клеона. Наконец тот пришел с венком на голове и предложил перенести собрание на завтра. “Сегодня мне некогда, — сказал он, — я собираюсь потчевать гостей и уже успел принести жертву богам”. С хохотом афиняне встали со своих мест и распустили собрание» (*Plut. Nic. 7*).

Итак, афинские граждане, вместо того, чтобы дать решительный отпор выходкам Клеона, потешались над этими выходками и тем самым, по сути, поощряли их. Более того, посмеявшись, они затем... дружно голосовали за меры, которые предлагал «кожевник» (так называли Клеона, поскольку он был владельцем крупной и доходной ремесленной мастерской, богатым, но незнатным человеком). Очевидно, чем-то он был симпатичен демосу. Наверное, он был просто ближе, понятнее простому народу, чем Аристид, Кимон или Перикл. Те стояли над толпой, пытались поднять ее до своего уровня. А Клеон был, что называется, «своим в доску». Он, напротив, опускался до уровня толпы, говорил на ее языке. Бесспорно, авторитет Клеона у низших слоев гражданского коллектива был вызван еще и тем, что все инициативы этого деятеля были пронизаны откровенным популизмом.

«Политические наследники» Клеона, демагоги следующего поколения, во многом превзошли и его самого. Вот какой эпизод из биографии одного из них — Клеофонта — описывает Аристотель:

«Когда затем лакедемоняне хотели уйти из Декелии и предлагали заключить мир на условии сохранения обеими сторонами своих тогдашних владений, некоторые энергично поддерживали это предложение, но народ не послушался, обманутый Кле-

ни при каком аффекте во время речи, ровный голос и тому подобные свойства Перикла производили на всех удивительно сильное впечатление». Здесь перед нами явно противопоставление Перикла Клеону и подражателям последнего.

офонтом, который явился в народное собрание пьяный и одетый в панцирь и помешал заключению мира, говоря, что не допустит этого иначе как при условии, чтобы лакедемоняне вернули все города» (*Arist. Ath. pol.* 34. 1).

Вообще-то приходиться в экклесию при доспехе и оружии строго запрещалось, но дело не только в этом. Народное собрание, естественно, предназначалось для обсуждения государственных дел, а обсуждать государственные дела в пьяном виде считалось отнюдь не эллинским, а именно варварским обычаем. В Греции же алкоголь, в принципе, изгонялся из публичной сферы (вспомним, например, закон Солона: «Архонту, если его застанут пьяным, наказание — смерть» (*Diog. Laert.* I. 57).

* * *

Итак, в послеперикловское время в Афинах отчетливо наметилась охлократическая тенденция, ведущая к откровенному триумфу беззакония. Из того омута варварской охлократии, в котором погряз полис к последнему десятилетию V в. до н.э., казалось, уже не выбраться. Афинянам, однако же, удалось сделать это — развернуть «вектор развития» от варваризации обратно, к деварваризации; но удалось чудовищно тяжелой ценой. Пришлось пройти через позорную капитуляцию в Пелопоннесской войне, через череду государственных переворотов¹³, в ходе которых демократия временно ликвидировалась, устанавливались жесткие олигархические режимы (из которых особенно запомнилась своим кровавым террором олигархия Тридцати — «Тридцати тиранов», как стали называть этих правителей).

Посредством каких же механизмов происходило возвращение к порядку и стабильности? Имело место новое обретение политического престижа гражданами старших поколений, ранее отошедшими на второй план. К чему, в конечном счете, привело доминирование молодых? К разгрому армии и флота на Сицилии. Это вызвало убежденность в том, что они не способны руководить государством. И период 413–399 гг. до н.э. Б. Стросс в вышеупомянутой книге «Отцы и сыновья в Афинах» обозначает как «возвраще-

¹³ Об этих переворотах см. *Krentz P.* 1982; *Lehmann G.A.* 1997; *Hefner H.* 2001; *Wolpert A.* 2006; *Mitchell L.* 2006.

ние отца»¹⁴. Иными словами, пожилые, несколько отодвинутые в сторону, вновь берут дела в свои руки. В высшей степени характерным штрихом является то, что первым важным внутривосточным шагом после поражения на Сицилии стало в Афинах учреждение коллегии пробулов с чрезвычайно широкими полномочиями, а в коллегию эту вошли только лица весьма почтенного возраста (например, Софокл, которому было больше 80 лет), к тому же консервативно настроенные¹⁵.

Б. Стросс обращает внимание на то, насколько большое значение именно с 413 г. до н.э. начинает играть в общественно-политическом дискурсе концепт *πάτριος πολιτεία*, «отеческого государственного устройства»¹⁶. Идеей воссоздания этого последнего был, собственно, в первую очередь вдохновлен переворот Четырехсот, да эта идея сыграла определенную роль и в перевороте Тридцати (*Arist. Ath. pol.* 35. 2). Б. Стросс подчеркивает прямую связь термина *πάτριος* со словом *πατήρ*. Речь шла именно о возвращении к «добрым порядкам отцов», о новом укреплении отцовского авторитета, отцовской власти. Молодежь надлежало «поставить на место».

Как понимать такое «отеческое государственное устройство», — естественно, каждый представлял себе по-разному; однако в любом случае было ясно, что оно должно основываться на принципах законности. Крайне важным представлялось покончить с правовым нигилизмом. В борьбе с ним особенно значительная роль принадлежит Ферамену. Этого политического деятеля знают гораздо меньше, чем он заслуживает. Соответственно, имеет смысл сказать несколько слов о нем и о контексте его деятельности¹⁷.

Часто констатируется, что на рубеже V–IV вв. до н.э. в Афинах произошел переход от «власти народа» к «власти закона» (или

¹⁴ *Strauss B.S.* 1993, 179.

¹⁵ О консерватизме Софокла см., напр.: *Суриков И.Е.* 2002, 112–151.

¹⁶ Об этом концепте, как раз применительно к рассматриваемому хронологическому отрезку, см. *Fuks A.* 1971; *Finley M.I.* 1971.

¹⁷ Мы в своем цикле биографий древнегреческих политических деятелей писали и о Ферамене (*Суриков И.Е.* 2011, 210–288), но по большей части в ином аспекте.

«верховенству права», как иногда выражаются)¹⁸. Согласно новым представлениям, владыкой (κύριος) демократического полиса является не народ (δῆμος), как считалось раньше, а закон (νόμος). И тут перед нами, конечно же, реакция на триумф беззакония, имевший место в период переворотов времен Пелопоннесской войны. Идея закона тогда буквально трещала по всем швам, пренебрежение к ней выказывали — если не словами, то делом — буквально все стороны: и крайние олигархи, залившие город кровью, и радикальные демагоги — «архитекторы афинской охлократии», — и оставшиеся знатные лидеры, такие, как Алкивиад (ср. интересную беседу между Периклом и Алкивиадом, в ходе которой последний фактически ставит знак равенства между законом и беззаконием: Xen. Mem. I. 2. 40–46).

Едва ли не единственным исключением являлся Ферамен. Полагаем, именно поэтому он и заслужил весьма благоприятную характеристику в «Афинской политике» Аристотеля:

«Самыми лучшим из политических деятелей в Афинах после деятелей старого времени, по-видимому, являются Никий, Фукидид (сын Мелесия. — *И. С.*) и Ферамен <...> Что же касается Ферамена, то вследствие смут, наступивших в его время в государственной жизни, в оценке его существует разногласие. Но все-таки люди, серьезно судящие о деле, находят, что он не только не ниспровергал, как его обвиняют, все виды государственного строя, а наоборот, направлял всякий строй, пока в нем соблюдалась законность (курсив наш. — *И. С.*). Этим он показывал, что может трудиться на пользу государства при всяком устройстве, как и подобает доброму гражданину, но если этот строй допускает противозаконие, он не потворствует ему, а готов навлечь на себя ненависть» (*Arist. Ath. pol.* 28. 5).

¹⁸ Эта перемена получила освещение в большом количестве исследований. Назовем наиболее фундаментальные из них: *Ostwald M.* 1986; *Harris E.M.* 2006. Впрочем, в новейшем исследовании крупнейшего ныне в мире специалиста по древнегреческому праву М. Гагарина (*Gagarin M.* 2020, 154–167) высказывается идея, что само это противопоставление надумано. В Афинах одновременно существовали «власть народа» и «власть закона», и никакого противоречия между ними не ощущалось, поскольку считалось, что, с одной стороны, народ — творец законов, а с другой — законы направлены на благо народа.

Кстати говоря, Ферамен и в целом интересен Аристотелю. В «Афинской политике» ему уделено значительно больше места, чем, например, Периклу.

Когда в результате второго переворота 411 г. до н.э. и установления «гоплитской политики» Пяти тысяч Ферамен на некоторое время стал наиболее влиятельным государственным деятелем в Афинах, под его руководством развернулась активная законотворческая деятельность.

«Во многих <...> народных собраниях афиняне учредили законодательные комиссии и выносили дальнейшие постановления о будущем государственном устройстве» (*Thuc.* VIII. 97. 2).

Именно в тот момент началась известная афинская законодательная реформа, шедшая на всем протяжении последнего десятилетия V в. до н.э.¹⁹ В ее ходе весь свод существующих законов был пересмотрен, в необходимых случаях исправлен и в целом обновлен. Трудно переоценить значение этой важнейшей реформы, в результате которой во многом изменился политико-правовой менталитет афинян. Тому же способствовало и проведение амнистии 403 г. до н.э., до которой Ферамен, правда, не дожил, погубленный Критием, лидером «Тридцати тиранов»²⁰.

Итак, всё говорит о том, что афиняне, пройдя в период Пелопоннесской войны «испытание нестабильностью», были впоследствии чрезвычайно заинтересованы в том, чтобы политическая жизнь стала максимально стабильной. Именно такая линия и проводилась на новом (IV в. до н.э.) этапе афинской классической демократии, вплоть до ее падения в 322 г. до н.э. — падения, которое, заметим, было инспирировано извне (захват Афин Македонией), а не подготовлено внутренними предпосылками.

Эта новая афинская демократия IV в. до н.э., которую одни специалисты считают «усовершенствованным» вариантом по сравнению с демократией предшествующего столетия, а другие, напротив, ее упадком, кризисом²¹, была в основном свободна как

¹⁹ О ней см. *Carawan E.* 2013.

²⁰ *Ungern-Sternberg J. von* 2000.

²¹ Этой историографической проблеме специально посвящена работа: *Eder W.* 1995.

от охлократических, так и от олигархических тенденций; она может с полным основанием быть определена как умеренная демократия, в отличие от радикальной демократии второй половины V в. до н.э. Конфликтов не то чтобы не было, но их старались разрешать мирным путем, по возможности достигая компромисса и избегая насилия²². В данном отношении демократия IV в. до н.э. стала куда более цивилизованной, «деварваризованной». Парадоксальным образом тому же способствовал (воистину, нет худа без добра) и тот факт, что прекратила существование Афинская морская держава с характерным для нее эксплуататорским отношением афинян к союзникам.

ЛИТЕРАТУРА

- Суриков И.Е.* 2002: Эволюция религиозного сознания афинян во второй половине V в. до н.э.: Софокл, Еврипид и Аристофан в их отношении к традиционной полисной религии. М: ИВИ РАН.
- Суриков И.Е.* 2011: Античная Греция: политики в контексте эпохи. Година междоусобиц. М.: Русский фонд содействия образованию и науке.
- Суриков И.Е.* 2019: Латентное варварство у Фукидида // Цивилизация и варварство: антропология латентного варварства / В.П. Буданова (ред.). М.: Аквилон, VIII. 215–237.
- Суриков И.Е.* 2020: Аккумуляция латентного варварства в Афинах V в. до н.э., или Путь в бездну // В.П. Буданова (ред.). Цивилизация и варварство: ловушки, засады и пропасти латентного варварства. М.: Аквилон, IX. 158–191. — *Surikov I.E.* 2020: *Akkumulyatsiya latentnogo varvarstva v Afinakh V v. do n.e., ili Put' v bezdnu // Tsivilizatsiya i varvarstvo: lovushki, zasady i propati latentnogo varvarstva / V.P. Budanova (red.). Moscow: Akvilon, IX. 158–191.*
- Biles Z.P.* 2016: Thucydides' Cleon and the Poetics of Politics in Aristophanes' *Wasps* // *Classical Philology*. 111. 117–138.
- Bosworth A.B.* 1993: The Humanitarian Aspect of the Melian Dialogue // *Journal of Hellenic Studies*. 113. 30–44.
- Carawan E.* 2013: *The Athenian Amnesty and Reconstructing the Law*. Oxford: Oxford University Press.
- Connor W.R.* 1971: *The New Politicians of Fifth-Century Athens*. Princeton: Princeton University Press.

²² *Herman G.* 1995, 51.

- Constantakopoulou C.* 2007: *The Dance of the Islands: Insularity, Networks, the Athenian Empire and the Aegean World.* Oxford: Oxford University Press.
- Eder W.* 1995: *Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v.Chr. Krise oder Vollendung? // Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v.Chr.: Vollendung oder Verfall einer Verfassungsform? / W. Eder (ed.).* Stuttgart: Steiner, 11–28.
- Figueira T.J.* 1998: *The Power of Money: Coinage and Politics in the Athenian Empire.* Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
- Finley M.I.* 1971: *The Ancestral Constitution.* Cambridge: Cambridge University Press.
- Fuks A.* 1971: *The Ancestral Constitution: Four Studies in Athenian Party Politics at the End of the Fifth Century B.C.* Westport: Greenwood Press.
- Gagarin M.* 2002: *Antiphon the Athenian: Oratory, Law, and Justice in the Age of the Sophists.* Austin: University of Texas Press.
- Gagarin M.* 2020: *Democratic Law in Classical Athens.* Austin: University of Texas Press.
- Harris E.M.* 2006: *Democracy and the Rule of Law in Classical Athens: Essays on Law, Society, and Politics.* Cambridge: Cambridge University Press.
- Heftner H.* 2001: *Der oligarchische Umsturz des Jahres 411 v.Chr. und die Herrschaft der Vierhundert in Athen: Quellenkritische und historische Untersuchungen.* Frankfurt am Main: Lang.
- Henderson J.* 2003: *Demos, Demagogue, Tyrant in Attic Old Comedy // Popular Tyranny: Sovereignty and its Discontents in Ancient Greece / K.A. Morgan (ed.).* Austin: University of Texas Press, 155–179.
- Herman G.* 1995: *Honour, Revenge and the State in Fourth-Century Athens // Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v.Chr.: Vollendung oder Verfall einer Verfassungsform? / W. Eder (ed.).* Stuttgart: Steiner, 43–60.
- Kagan D.* 1987: *The Fall of the Athenian Empire.* Ithaca; London: Cornell University Press.
- Kallet L., Kroll J.H.* 2020: *The Athenian Empire: Using Coins as Sources.* Cambridge: Cambridge University Press.
- Krentz P.* 1982: *The Thirty at Athens.* Ithaca; London: Cornell University Press.
- Lehmann G.A.* 1997: *Oligarchische Herrschaft im klassischen Athen: Zu den Krisen und Katastrophen der attischen Demokratie im 5. und 4. Jahrhundert v.Chr.* Opladen: Westdeutscher Verlag.

- Mattingly H.B.* 1996: *The Athenian Empire Restored*. Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Meiggs R.* 1972: *The Athenian Empire*. Oxford: Clarendon Press.
- Meritt B.D., Wade-Gery H.T., McGregor M.F.* 1939–1953: *The Athenian Tribute Lists*. Vol. 1–4. Princeton: Princeton University Press.
- Mills S.* 1997: *Theseus, Tragedy and the Athenian Empire*. Oxford: Clarendon Press.
- Mitchell L.* 2006: *Tyrannical Oligarchs at Athens // Ancient Tyranny / S. Lewis (ed.)*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 178–187.
- Ostwald M.* 1986: *From Popular Sovereignty to the Sovereignty of Law. Law, Society, and Politics in Fifth-Century Athens*. Berkeley: University of California Press.
- Rhodes P.J.* 1993: *The Athenian Empire: with Addenda*. Oxford: Oxford University Press.
- Rhodes P.J.* 2016: *Demagogues and Demos in Athens // Polis*. 33. 243–264.
- Romilly J. de* 2002: *The Great Sophists in Periclean Athens*. Oxford: Clarendon Press.
- Saldutti V.* 2014: *Cleone: Un politico ateniese*. Bari: Edipuglia.
- Samons L.J.* 2000: *Empire of the Owl: Athenian Imperial Finance*. Stuttgart: Steiner.
- Spence I.G.* 1995: *Thucydides, Woodhead, and Kleon // Mnemosyne*. 48/4. 411–437.
- Strauss B.S.* 1993: *Fathers and Sons in Athens: Ideology and Society in the Era of the Peloponnesian War*. London: Routledge.
- Taylor M.C.* 2018: *Thucydides's Melian Dialogue and Sicilian Expedition: A Student Commentary*. Norman: University of Oklahoma Press.
- Ungern-Sternberg J. von* 2000: 'Die Revolution frißt ihre eigenen Kinder': *Kritias vs. Theramenes // Große Prozesse im antiken Athen / L. Burckhardt, J. von Ungern-Sternberg (eds.)*. München: Beck, 144–156.
- Will W.* 1996: *Der Untergang von Melos: Machtpolitik im Urteil des Thukydides und einiger Zeitgenossen*. Bonn: Habelt.
- Wolpert A.* 2006: *The Violence of the Thirty Tyrants // Ancient Tyranny / S. Lewis (ed.)*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 213–223.
- Woodhead A.G.* 1970: *Thucydides' Portrait of Cleon // Mnemosyne*. 13/4. 289–317.

Igor E. SURIKOV

CATALYSTS OF BARBARIZATION AND DEBARBARIZATION IN CLASSICAL ATHENS

The article cites as factors, which promoted the growth of barbarization in Athens in the last half of the 5th century B.C., the following ones: the emergence of the Athenian Empire, the sophistic movement, the conflict of generations, the Peloponnesian War, and the coming of the “era of demagogues”. As to the reverse motion towards debarbarization (from the very end of the 5th century B.C.), it was connected, in the first instance, with revival of the lawfulness’ authority and with strengthening order and stability. The new Athenian democracy of the 4th century B.C. (which is considered by some scholars an “improved” version as compared with democracy of the previous century, but by other scholars, on the contrary, its decline and crisis) was in general free from both ochlocratic and oligarchic tendencies; it may be with good reason defined as a moderate democracy, as distinct from the radical democracy of the last half of the 5th century B.C. It is not to say that there were no conflicts, but people sought to solve them by peaceful way, as far as possible, to reach compromises and to avoid violence.

Keywords: classical Greece, Athens, democracy, barbarization, Athenian Empire, sophists, demagogues, Peloponnesian War, oligarchy, lawfulness.

Igor E. SURIKOV — Dr. Sc. (History), Chief Researcher of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences; Professor of the Faculty of Culturology of the Russian State University for Humanities. Moscow, Russian Federation. — isurikov@mail.ru

REFEENCES

- Biles Z.P. 2016: Thucydides’ Cleon and the Poetics of Politics in Aristophanes’ Wasps // *Classical Philology*. 111. 117–138.
- Bosworth A.B. 1993: The Humanitarian Aspect of the Melian Dialogue // *Journal of Hellenic Studies*. 113. 30–44.
- Carawan E. 2013: *The Athenian Amnesty and Reconstructing the Law*. Oxford: Oxford University Press.

- Connor W.R. 1971: *The New Politicians of Fifth-Century Athens*. Princeton: Princeton University Press.
- Constantakopoulou C. 2007: *The Dance of the Islands: Insularity, Networks, the Athenian Empire and the Aegean World*. Oxford: Oxford University Press.
- Eder W. 1995: *Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v.Chr. Krise oder Vollendung? // Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v.Chr.: Vollendung oder Verfall einer Verfassungsform? / W. Eder (ed.)*. Stuttgart: Steiner, 11–28.
- Figueira T.J. 1998: *The Power of Money: Coinage and Politics in the Athenian Empire*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
- Finley M.I. 1971: *The Ancestral Constitution*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Fuks A. 1971: *The Ancestral Constitution: Four Studies in Athenian Party Politics at the End of the Fifth Century B.C.* Westport: Greenwood Press.
- Gagarin M. 2002: *Antiphon the Athenian: Oratory, Law, and Justice in the Age of the Sophists*. Austin: University of Texas Press.
- Gagarin M. 2020: *Democratic Law in Classical Athens*. Austin: University of Texas Press.
- Harris E.M. 2006: *Democracy and the Rule of Law in Classical Athens: Essays on Law, Society, and Politics*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Hefner H. 2001: *Der oligarchische Umsturz des Jahres 411 v.Chr. und die Herrschaft der Vierhundert in Athen: Quellenkritische und historische Untersuchungen*. Frankfurt am Main: Lang.
- Henderson J. 2003: *Demos, Demagogue, Tyrant in Attic Old Comedy // Popular Tyranny: Sovereignty and its Discontents in Ancient Greece / K.A. Morgan (ed.)*. Austin: University of Texas Press, 155–179.
- Herman G. 1995: *Honour, Revenge and the State in Fourth-Century Athens // Die athenische Demokratie im 4. Jahrhundert v.Chr.: Vollendung oder Verfall einer Verfassungsform? / W. Eder (ed.)*. Stuttgart: Steiner, 43–60.
- Kagan D. 1987: *The Fall of the Athenian Empire*. Ithaca; London: Cornell University Press.
- Kallet L., Kroll J.H. 2020: *The Athenian Empire: Using Coins as Sources*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Krentz P. 1982: *The Thirty at Athens*. Ithaca; London: Cornell University Press.

- Lehmann G.A. 1997: *Oligarchische Herrschaft im klassischen Athen: Zu den Krisen und Katastrophen der attischen Demokratie im 5. und 4. Jahrhundert v.Chr.* Opladen: Westdeutscher Verlag.
- Mattingly H.B. 1996: *The Athenian Empire Restored.* Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Meiggs R. 1972: *The Athenian Empire.* Oxford: Clarendon Press.
- Meritt B.D., Wade-Gery H.T., McGregor M.F. 1939–1953: *The Athenian Tribute Lists.* Vol. 1–4. Princeton: Princeton University Press.
- Mills S. 1997: *Theseus, Tragedy and the Athenian Empire.* Oxford: Clarendon Press.
- Mitchell L. 2006: *Tyrannical Oligarchs at Athens // Ancient Tyranny / S. Lewis (ed.).* Edinburgh: Edinburgh University Press, 178–187.
- Ostwald M. 1986: *From Popular Sovereignty to the Sovereignty of Law. Law, Society, and Politics in Fifth-Century Athens.* Berkeley: University of California Press.
- Rhodes P.J. 1993: *The Athenian Empire: with Addenda.* Oxford: Oxford University Press.
- Rhodes P.J. 2016: *Demagogues and Demos in Athens // Polis.* 33. 243–264.
- Romilly J. de 2002: *The Great Sophists in Periclean Athens.* Oxford: Clarendon Press.
- Saldutti V. 2014: *Cleone: Un politico ateniese.* Bari: Edipuglia.
- Samons L.J. 2000: *Empire of the Owl: Athenian Imperial Finance.* Stuttgart: Steiner.
- Spence I.G. 1995: *Thucydides, Woodhead, and Kleon // Mnemosyne.* 48/4. 411–437.
- Strauss B.S. 1993: *Fathers and Sons in Athens: Ideology and Society in the Era of the Peloponnesian War.* London: Routledge.
- Surikov I.E. 2002: *Evolutsiya religioznogo soznaniya afinyan vo vtoroy polovine V v. do n.e.: Sofokl, Evripid i Aristofan v ikh otnoshenii k traditsionnoy polisnoy religii.* Moscow: IVI RAN.
- Surikov I.E. 2011: *Antichnaya Gretsia: politiki v kontekste epokhi. Godina mezhdousobits.* Moscow: Russkiy fond sodeystviya obrazovaniyu i nauke.
- Surikov I.E. 2019: *Latentnoe varvarstvo u Fukidida // Tsivilizatsiya i varvarstvo: antropologiya latentnogo varvarstva / V.P. Budanova (red.).* Moscow: Akvilon, VIII. 215–237.

- Surikov I.E. 2020: *Akkumulyatsiya latentnogo varvarstva v Afinakh V v. do n.e., ili Put' v bezdnu // Tsvilizatsiya i varvarstvo: lovushki, zasady i propati latentnogo varvarstva / V.P. Budanova (red.). Moscow: Akvilon, IX. 158–191.*
- Taylor M.C. 2018: *Thucydides's Melian Dialogue and Sicilian Expedition: A Student Commentary.* Norman: University of Oklahoma Press.
- Ungern-Sternberg J. von 2000: 'Die Revolution frißt ihre eignen Kinder': Kritias vs. Theramenes // *Große Prozesse im antiken Athen / L. Burckhardt, J. von Ungern-Sternberg (eds.). München: Beck, 144–156.*
- Will W. 1996: *Der Untergang von Melos: Machtpolitik im Urteil des Thukydides und einiger Zeitgenossen.* Bonn: Habelt.
- Wolpert A. 2006: *The Violence of the Thirty Tyrants // Ancient Tyranny / S. Lewis (ed.). Edinburgh: Edinburgh University Press, 213–223.*
- Woodhead A.G. 1970: *Thucydides' Portrait of Cleon // Mnemosyne. 13/4. 289–317.*

В.О. Никишин

РИМЛЯНЕ, ГАЛЛЫ И ГЕРМАНЦЫ

METUS HOSTILIS И ЭТНОЛУКИЗМ В РОЛИ ТРИГГЕРОВ

В статье исследуются те эмоциональные триггеры, которые на протяжении ряда веков оказывали психологическое воздействие на коллективное сознание римской этнокультурной и политической общности в процессе её противостояния варварству. В этом контексте автор обращается к такому феномену, как лукизм, под которым понимается дискриминация по внешности (применительно к варварам речь идёт о негативном лукизме). Основной материал статьи посвящён этнолукизму как повседневной дискриминационной практике римлян по отношению к северным варварам — галлам и германцам. Тот иррациональный страх, который римляне испытывали перед угрозой галльского или германского нашествия, в значительной степени был обусловлен негативным этнолукизмом. В данном случае роль эмоциональных триггеров играли характерные плащи и брюки, а также высокий рост, телесная мощь, голубые глаза и длинные светлые волосы северных варваров. Преодолевать панический страх по отношению к галлам и германцам римлянам помогал авторитет победоносных полководцев, таких как Гай Марий и Юлий Цезарь. Процесс варваризации римской армии в значительной степени способствовал краху римской государственности на Западе и образованию на месте Западной Римской империи варварских королевств.

Владимир Олегович НИКИШИН — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории древнего мира исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Российская Федерация, Москва. — cicero74@mail.ru

Ключевые слова: лукизм, этнолукизм, триггеры, metus Gallicus, furor Teutonicus, Юлий Цезарь, Косматая Галлия, готы, Одоакр, Теодорих Великий.

Тематика межэтнических отношений, о каком историческом периоде ни шла бы речь, всегда теснейшим образом связана с проблемами коллективной психологии. Поэтому логично было бы начать со специальных терминов, которыми мы будем оперировать в дальнейшем. Так, *триггером* (от англ. «спусковой крючок») психологи называют событие, вызывающее у человека с посттравматическим стрессовым расстройством внезапное повторное переживание психологической травмы и тяжёлые негативные эмоции. Обычно *триггеры-внешние раздражители*, под влиянием которых у человека возникают определённые эмоции, приводят в действие *триггеры психологические*, т.е. автоматические поведенческие реакции индивида. Эмоциональные триггеры на протяжении веков сознательно использовались теми, кто чётко представлял себе механизм их воздействия (имеются в виду политики, адвокаты, религиозные деятели, коммерсанты и пр.), с целью оказания определённого психологического влияния на других людей, причём не только на отдельных индивидов, но и на целые группы. В этой статье пойдёт речь о триггерах как средстве манипуляции сознанием и поведением человеческих групп.

Под *лукизмом* (от англ. «внешний вид») в наши дни понимается дискриминация по внешности, предполагающая чёткую фиксацию как положительных, так и отрицательных стереотипов, предрассудков и выбора поведения по отношению к разным людям в зависимости от их внешности и от того, отвечает она культурно-социальным представлениям и нормам данного общества или нет¹. В любом обществе и в любую эпоху внешняя привлекательность обычно ассоциируется с какими-то позитивными качествами и характеристиками, в то время как отталкивающая, уродливая внешность — напротив, с негативными. Это старый, как мир, стереотип — «что красиво, то хорошо» (*beautiful is good*) и, стало быть, «что уродливо, то плохо». Во времена Поздней Античности и раннего Средневековья сформировалась традиция, в соответствии с

¹ Лабунская В.А., Погонцева Д.В. 2016, 99.

которой писатели изображали правителей, руководствуясь наличием или, напротив, отсутствием у них легитимности, по принципу, который М.А. Бойцов сформулировал так: «Человек, избранный судьбой для правления, — красив, узурпатор — уродлив»².

Таким образом, лукизм является примитивной формой социального взаимодействия человека с другими людьми.

«Позитивный лукизм — это предоставление бонусов, каких-либо преимуществ на основе оценки привлекательности внешнего облика Другого, а негативный лукизм — наоборот, проявление дискриминационного (ограничивающего, лишаящего) поведения по отношению к Другому на основе оценки его внешнего облика»³.

В связи с этим, например, можно говорить о «нарциссическом лукизме» античной цивилизации в сравнении с миром варварства. Характерно, что данный тип дискриминации ещё в Античности подвергался критике представителями разных направлений философской мысли — скептиками, стоиками, киниками, эпикурейцами. Как бы то ни было, указанный феномен благополучно пережил века и дожил до наших дней, когда и появился сам термин «лукизм». Впервые его употребление засвидетельствовано в 1970 г. Спустя восемь лет он фигурировал в американском журнале «Washington Post Magazine» в статье, где речь шла о дискриминации полных людей. В 1999 г. означенный термин был зафиксирован в Оксфордском словаре. Если же вернуться к античным реалиям, то, по нашему мнению, роль триггера применительно к лукизму в те далёкие времена играло соответствие / несоответствие сложившимся этническим стереотипам и предрассудкам (т.н. racial prejudices). Скорее всего, в обыденном восприятии греков и римлян все варвары одного этнического происхождения — скифы или фракийцы, геты или германцы — были, что называется, «на одно лицо». Этот эффект специалисты называют *кросс-расовым*⁴.

² Бойцов М.А. 2007, 51. Эта традиция прижилась и в византийской литературе.

³ Лабунская В.А., Погонцева Д.В. 2016, 101.

⁴ Иначе — эффект расовой сегрегации. Термин существует с 1914 г. См.: Барабаничиков В.А., Демидов А.А., Дивеев Д.А. (отв. ред.) 2012.

Констатируем факт: в поле этнической дискриминации неизбежно возникает *этнолукизм* как повседневная дискриминационная практика⁵. Примерами этнолукизма могут служить всем известные штампы вроде «лица кавказской национальности» или «лица славянской внешности». Здесь речь идёт об этнической дискриминации, в качестве пускового механизма которой выступает внешний облик человека или группы людей⁶. Как считают специалисты, обычно «людей своей расовой принадлежности воспринимают менее точно и достоверно, в большей степени проецируя на них свои собственные личностные черты. Представители другой расы и вовсе оказываются непонятными и, как следствие, “все на одно лицо”. Восприятие в данном случае будет зависеть от образа “чужого”, сложившегося в общественном сознании на данный момент, подкреплено собственным опытом и установками на толерантность»⁷. Этнолукизм возник в незапамятные времена; в этой статье пойдёт речь о той неоднозначной роли, которую он сыграл в восприятии римлянами северных варваров — галлов и германцев.

Во-первых, как известно, до Цезаря римляне считали, что галлы и германцы — это один народ⁸; во-вторых, по отношению к

⁵ Лабунская В.А. 2016, 82.

⁶ Лабунская В.А. 2016, 83.

⁷ Ананьева К.И., Айметдинова О.В. 2016, 187.

⁸ См.: *Sall. Iug.* 114. 1; *Hist.* III. 96; *Strabo.* VII. 1. 2. См. также: *Müller K.E.* 1980, 68. По-видимому, даже Посидоний не делал принципиального различия между этими народами (см.: *Rawson E.* 1985, 259, n. 56. О Посидонии и его вкладе в римскую этнографическую традицию см.: *Strasburger H.* 1965, 40 ff.). Цезарь первым из античных авторов чётко и внятно указал на то, что галлы и германцы являются, по существу, разными народами (“quo differant hae nationes inter sese”) (*Caes. BG.* VI. 11), и в этом состоит одна из несомненных его заслуг. «Германцами» (*Germani*) Цезарь называл всех варваров, обитавших восточнее Рейна (*Rawson E.* 1985, 260 ff.). Авторитетное мнение Цезаря быстро прижилось в римской литературной традиции: уже младший современник великого государственного деятеля, писателя и полководца, Гораций, уверенно отличал германцев от галлов (*Horat. Ep.* 16). Впоследствии Тацит сделал следующий шаг, признав, что на протяжении веков племена мигрировали: галлы — на восточный берег Рейна, германцы — на западный (*Tac. Germ.* 28). В свою очередь Цезарь отмечал характерную для его времени «привыч-

тем и другим они — начиная, как минимум, с 390/387 г. до н.э., когда полчища сенонов разграбили Рим, — испытывали некий абсолютно иррациональный, сродни мистическому трепету или попросту некой паранойе страх, тот самый *metus hostilis*, или, конкретно, *metus Gallicus*, о котором мы уже неоднократно писали прежде⁹. Характерно, что этимологию самого понятия *tumultus Gallicus* или *Italicus*, означавшего объявление римским сенатом военного положения и мобилизации в связи с нашествием галлов¹⁰, латинские авторы связывали со словосочетанием *timor multus* («сильный страх») (*Serv. Ad Aen.* II. 486; *Cic. Phil.* VIII. 3).

Замечательным примером того, как римские политики и адвокаты умели, используя этот пресловутый страх перед галльским нашествием (*metus Gallicus*), искусно манипулировать настроением своей аудитории, является речь Цицерона «В защиту Фонтя» (69 г. до н.э.). Защищая бывшего наместника Нарбонской Галлии от обвинений в коррупции, оратор, разумеется, всеми силами старался дискредитировать его обвинителей — посланцев племени аллоброгов, переходя на личности и усиленно эксплуатируя традиционные стереотипы и давние страхи, гнездившиеся в коллективной памяти его слушателей. Здесь в пору вспомнить о том, что «национальной» одеждой галлов были брюки, *bracae* (см., напр., у Светония: «*Galli bracas deposuerunt, latum clavum sumpserunt*») (*Iul.* 80. 2. Ср. у Цицерона, который в своей корреспонденции упоминал «носящие штаны» заальпийские племена, *Transalpinæ nationes*: *Fam.* IX. 15. 2). В глазах римлян брюки¹¹ являлись характерным признаком галлов (*bracati*), равно как и *sagi* — плащи из толстой и грубой шерсти, отличавшие галлов от римских граждан, которые носили тоги (потому их и называли «*togati*», т.е. «народ, одетый в тогу»). Страбон сообщает о галлах:

ку» германцев «переходить через Рейн и массами селиться в Галлии» (*Caes.* BG. I. 33. Здесь и далее цит. в пер. М.М. Покровского).

⁹ См.: Никишин В.О. 2007; Никишин В.О. 2012а; Никишин В.О. 2012b; Никишин В.О. 2014; Никишин В.О. 2015.

¹⁰ *Brunt P.A.* 1971, 629.

¹¹ Впрочем, со временем римляне переняли у галлов их «национальный» вид одежды, о чём свидетельствуют рельефы колонны Траяна (*Balsdon J.P.V.D.* 1979, 221).

«Население Галлии носит “саги”, отращивает длинные волосы, носит узкие брюки; вместо хитонов у них рубашки с рукавами, спускающиеся до половых частей и ягодиц» (IV. 4. 3. Здесь и далее цит. в пер. Г.А. Стратановского).

Те самые саги (*saga*) и брюки (*bracae*) сыграли роль триггера, когда Цицерон в своём выступлении перед судейской коллегией постарался создать в лице галлов убедительный и даже зловещий «образ врага».

В своей речи оратор со вкусом живописует, как делегаты из Нарбонской Галлии в сагах и брюках (*sagati bracatique*) «там и сям расхаживают по всему форуму, гордые и заносчивые, с какими-то угрозами и по-варварски страшными и чудовищными речами на устах (*cum quibusdam minis et barbaro atque immani terrore verborum*)» (Font. 33. Здесь и далее цит. в пер. авт.). Речь идёт об угрозе восстания в Нарбонской Галлии, которая, кстати говоря, к тому времени уже давно была романизована (хотя и называлась *Gallia bracata*, т.е. «Галлия, носящая брюки», в противоположность Цизальпинской Галлии, или *Gallia togata*, т.е. «Галлии, носящей тогу»)¹². Напоминание об угрозах варваров не могло не спровоцировать в слушавших Цицерона римских гражданах всплеск негативных эмоций по отношению к галлам¹³, тем более что опасность

¹² Светоний, говоря о событиях 46 г. до н.э., назвал жителей Нарбонской Галлии «полуварварами» (*semibarbari*) (Iul. 76. 3). В I в. н.э. Плиний Старший охарактеризовал Южную Галлию как “*Italia verius quam provincia*” (NH. III. 31). См.: *Goudineau C.* 1996, 472. Подробнее см.: *Chevallier R.* 1975.

¹³ Цицерон в своей речи задействовал целый ряд психологических триггеров, реанимировавших в римлянах давние подсознательные страхи, которые потомки Ромула питали в отношении галлов: они — безбожники и кровожадные дикари, для которых нет ничего святого («если другие начинают войны ради защиты своих святынь, то эти — против всяких святынь; те во время войны просят у бессмертных богов благоволения и милости, а эти воюют с самими богами») (Font. 30); эти варвары пытались разграбить Дельфы в 278 г. до н.э. и разгромили Рим во времена Бренна и Камилла (loc. cit.); наконец, они практикуют человеческие жертвоприношения, ещё в 97 г. до н.э. запрещённые в Риме сенатом (ibid. 31). Со времён Цицерона человеческие жертвоприношения рассматривались латинскими авторами как сугубый атрибут варварства, абсолютно чуждый цивилизации (*Cic. Balb.* 43;

их выступления против Республики сохранялась на протяжении ряда лет: и в 63 г. до н.э., когда в Риме опасались мятежа аллобровгов (*Cic. In Cat. III. 22*)¹⁴, и в 60 г. до н.э., когда в Вечном городе с тревогой ждали известий о восстании гельветов (*Cic. Att. I. 19. 2. Впрочем, тогда всё обошлось: Att. I. 20. 5*)¹⁵, и даже в 56 г. до н.э., после блестящих побед Цезаря в Галлии возникновение такой опасности в будущем представлялось Цицерону вполне возможным (*Prov. cons. 34*). Иными словами, современники оратора прекрасно помнили предания о драматических событиях галльского нашествия 390/387 г. до н.э.¹⁶ и, видимо, всерьёз опасались потенциальной «галльской угрозы» (*Cic. Rep. II. 11; Div. I. 100; II. 69; In Cat. III. 4; Caes. 88; Dom. 101; Phil. III. 20; VIII. 2; Fam. X. 4. 4; Att. XIV. 4. 1*)¹⁷. Подводя некий промежуточный итог, мы можем констатировать следующее: в речи «В защиту Фонтя» Цицерон ис-

Liv. XXII. 57. 6; Plin. NH. XXX. 13). В конечном счёте галлы в устах Цицерона превращаются в «злейших врагов нашей державы и нашего имени» (“*inimicissimos huic imperio ac nomini*”) (*Font. 32*).

¹⁴ Обострение «галльской угрозы» пришло к достопамятному консульству Цицерона (*Plut. Cic. 18. 4–5; App. BC. II. 4; Sall. Cat. 40. 1–6*). Тогда оратор ловко воспользовался страхом сограждан перед возможным галльским нашествием ради достижения своих политических целей (*Cic. In Cat. III. 4. Ср.: ibid. 19–22; IV. 12–13; Sall. Cat. 52. 24*). После подавления Гаем Помптийном восстания Катугната в 61 г. до н.э. (*Cic. Prov. cons. 32; Caes. BG. I. 6; Liv. Per. 103; Dio Cass. XXXVII. 47–48*) аллоброги сохраняли полную лояльность по отношению к Риму.

¹⁵ По словам Цицерона, “*in re publica nunc quidem maxime Gallici belli versatur metus*”.

¹⁶ День разгрома римской армии при Аллии — *dies Alliensis*, 18 июля — стал «чёрным днём» для квиритов (подобно годовщинам поражений при Каннах и Араузионе); в этот день в Риме не проводилось никаких официальных мероприятий.

¹⁷ Эрих Груэн не склонен всерьёз расценивать все эти lamentации Цицерона насчёт «галльской угрозы», считая их риторическим преувеличением. Вообще, по мнению исследователя, пресловутый *metus Gallicus* вовсе не играл той значимой роли в политике, которую ему обычно приписывают (*Gruen E.S. 2010, 147*). Сам Э.С. Груэн считает, что «образ галлов в позднереспубликанском Риме был сложным по характеру, вызывая смешанные ощущения любопытства, неприятия и восхищения» (*Gruen E.S. 2010, 146*).

пользовал в качестве триггеров внешний вид галлов (как *внешний раздражитель*) и *metus Gallicus* (как *психологический триггер*) с обычной для политического и судебного оратора целью, заключающейся в манипулировании настроением своей аудитории.

В речи «Против Пизона» (55 г. до н.э.) Цицерон по своему обыкновению легко перешёл на личности и назвал видного нобиля и своего врага, консуляра Луция Кальпурния Пизона Цезонина (тестя Цезаря и предполагаемого владельца знаменитой Виллы Папирусов в Помпеях), «инсубром» и «галлом» (Pis. 34; 67) только на том основании, что его дед по матери происходил из племени инсубров (*ibid. frgg. 4; 6; 9*). Характеризуя Пизона как «варвара», оратор напрямую связал его «рабскую» натуру с «рабской» же внешностью, *color servilis* (*ibid. 1*). По утверждению Цицерона, Пизон даже внешне похож не столько на римского гражданина, сколько на какого-нибудь презренного сирийца (*loc. cit.*) или каппадокийца (*Red. in sen. 14*). На наш взгляд, это типичный случай проявления негативного *этнолукизма* в Античности. Справедливости ради стоит отметить, что всякий этнолукизм и «шовинизм» исчезают из лексикона оратора, когда он пишет о «хороших» галлах — верных союзниках Рима. Так, эдуи¹⁸ для него — *fratres nostri* («наши братья»), противостоящие враждебным Риму племенам Косматой Галлии (*Att. I. 19. 2; Fam. VII. 10. 4*). Цицерон также высоко оценил преданность (*fides*) и рвение (*studium*) тех галлов, которые встали под знамёна республиканцев в 43 г. до н.э. (*Phil. VII. 11; Fam. X. 26. 1; Ad Brut. I. 10. 2*). В частности, оратор не поскупился на похвалы населению Цизальпинской Галлии, назвав эту провинцию «цветком Италии», «опорой римской державы» и «украшением достоинства» (“*nec vero de virtute, constantia, gravitate provinciae Galliae taceri potest; est enim ille flos Italiae, illud firmamentum imperii Romani, illud ornamentum dignitatis*”) (*Phil. III. 13. Ср.: Phil. V. 37*).

Как и Цицерон, Цезарь в «Записках о Галльской войне» тоже усиленно эксплуатировал мотив «галльской угрозы»¹⁹. Роль триггера здесь сыграл высокий рост галлов, которым римляне в этом

¹⁸ Одному из них, друиду Дивициаку Цицерон оказал гостеприимство в 61 г. до н.э. (*Div. I. 90*).

¹⁹ *Gardner J.F.* 1983, 181 ff.

плане безнадежно проигрывали. Так, в описании Цезарем осады его легионами крепости адуатуков читаем: «А как только они (галлы. — В. Н.) увидели, что против них двигают галереи, насыпана плотина и сооружена вдали башня, то они стали насмехаться и громко издеваться, что такую громадную машину строят на таком далёком расстоянии: где же руки и силы — особенно у таких маленьких людей, — с которыми они надеются поставить такую тяжёлую башню на стену? Надо сказать, что галлы при их высоком росте большей частью относятся к нашему небольшому росту с презрением» (BG. II. 30)²⁰. Рост воина, безусловно, имеет значение в рукопашной схватке, но в этом отрывке автор, как нам кажется, свидетельствует также о завидном мужестве и неустрашимости галлов — достойных противников *milites Romani*. В данном контексте показателен тот факт, что Цезарь в «Записках», по подсчётам исследователей, 31 раз отметил храбрость и доблесть (*virtus*) галлов, в то время как римляне удостоились от него подобной оценки лишь 28 раз, а воинственные и «непобедимые» германцы — всего пять²¹. Как говорится, комментарии излишни. Интересно, что о высоком росте галлов единогласно свидетельствуют как греческие, так и латинские авторы (*Liv.* V. 44. 4; XXXVIII. 17. 3; *Paus.* X. 20. 7; *Strabo.* IV. 4. 3; *Mart.* VIII. 75. 1–6; *Amm. Marc.* XV. 12. 1). В частности, Диодор Сицилийский в своей «Исторической библиотеке» пишет:

«Роста галлы очень высокого, тела у них нежные и белые, а волосы русые от природы, причём этот естественный цвет они стараются усилить ещё более с помощью искусственных средств» (V. 28. 1. Здесь и далее цит. в пер. О.П. Цыбенко).

²⁰ Описывая галлов, Цезарь опирался не только на собственные наблюдения, но и на литературную традицию, преимущественно греческую (прежде всего речь идёт о Полибии и Посидонии); и хотя его восприятие галлов было «прямым и разносторонним», поскольку Цезарю как действующему администратору, полководцу и дипломату не было нужды воспроизводить в своём труде «клише» Посидония, тем не менее, и он в своём описании галлов, как оказывается, не был чужд стереотипов (*Gruen E.S.* 2010, 141 ff.). Ср.: *Isaac B.H.* 2004, 413, n. 16.

²¹ См.: *Gruen E.S.* 2010, 150, n. 61.

Поскольку война в Галлии являлась актом откровенной агрессии и никак не укладывалась в формат «справедливой войны» (*bellum iustum*), этот факт надо было как-то оправдать прежде всего перед сенатом, а затем уже перед римским общественным мнением²². Фактически Цезарь, навязав галлам свою «помощь» в борьбе с германцами²³, в обмен на неё попытался опять-таки навязать всем галльским племенам клиентскую зависимость от Рима. Галлы не смирились с таким оборотом дела и через несколько лет после смерти Цезаря восстали. В 38 и 31–27 гг. до н.э. римским полководцам пришлось подавлять ряд мощных восстаний галльских племён (аквитанов, моринов, треверов и др.) (*Dio Cass.* XLVIII. 49. 2–3; LI. 20. 5; 21. 5–6; *App.* BC. IV. 38; V. 92; *Eutrop.* VII. 5; *Tibull.* I. 7. 3–12; II. 1. 33–34). Но и эти карательные акции не привели к полному «замирению» Косматой Галлии (*Suet.* Tib. 9. 1). Лишь в 12 г. до н.э. в галльских провинциях наконец-то воцарился мир (*Liv. Per.* 139; *Dio Cass.* LIV. 32. 1).

Спустя 32 года, в 21 г. н.э. из-за тяготевших над галльскими общинами неоплатных долгов вспыхнуло довольно крупное восстание треверов и эдзев под руководством Флора и Сакровира, которое, впрочем, было подавлено римскими провинциальными властями без особого напряжения сил (*Tac. Ann.* III. 40–47). И вновь не обошлось без паники и страхов. Как пишет Тацит,

«...в Риме между тем распространился слух, что восстали не только треверы и эдуи, но все шестьдесят четыре галльские общины, что они объединились с германцами, что Испания ненадёжна, и всё это, как обычно бывает, встречало веру и преувеличивалось молвою. Всех благомыслящих эти известия огорчили и наполнили тревогой за государство...» (*ibid.* 44. Пер. А.С. Бобовича под ред. Я.М. Боровского).

Как бы то ни было, можно считать, что римляне тогда отделились лёгким испугом. В 48 г. император Клавдий, сам уроженец Лугдунской Галлии²⁴, надавив на сенат, добился принятия судьбо-

²² См.: *Stevens C.E.* 1952.

²³ О галлах и германцах в описании Цезаря см.: *Никишин В.О., Короленков А.В.* 2004.

²⁴ Недаром Сенека в «Отыквлении» назвал его «галлом» (*Sen. Apscol.* 6. 1).

носного решения: те самые эдуи, которые уже давно официально являлись для римлян «друзьями» и даже «братьями»²⁵, получили право занимать почётные должности в Риме и становиться сенаторами (т.н. *ius honoꝑum*). Так двери сенатской курии открылись перед представителями тех самых «заальпийских народов» (*Transalpinae nationes*), перед которыми римляне веками испытывали близкий к паранойе страх (*Tac. Ann. XI. 23–25*).

С конца II в. до н.э., когда римлянам пришлось иметь дело с нашествием германцев (кимвров и тевтонов), которых они, как уже говорилось, практически не отличали от галлов, *metus Gallicus* был отягощён ещё и страхом перед *furor Teutonicus*²⁶. В I в. до н.э. Италию потряс буйный разгул «шаек Спартака» (*Horat. Carm. III. 14. 20*), в составе которых было немало галлов и германцев (*Caes. BG. I. 40; Sall. Hist. III. 96; Liv. Per. 97; Front. Strat. II. 4. 7; 5. 34; Plut. Crass. 9; Oros. Hist. V. 24. 6*). Цицерон называет последних «свирепейшими племенами» (*immanissimae gentes*) (*Pis. 81*), отмечая их дикость, многочисленность и воинственность (*Prov. cons. 33. Ср.: Phil. III. 5. 5–6*). О кимврах (*Cimbri*), с которыми римляне воевали “*ut cum inimicis*” («как с недругами», т.е. не на жизнь, а на смерть) (*Off. I. 38*), оратор также сообщает, что они «бывают бешены в битвах и слезливы в болезнях» (*in praeliis exsultant, lamentantur in morbo*) (*Tusc. II. 65*. Здесь и далее цит. в пер. М.Л. Гаспарова). Подобное отсутствие самообладания, по мнению Цицерона, свойственно варварам, «ибо только там, где распоряжается разум, возможно ровное поведение» (*loc. cit.*), тогда как у варваров эмоции

²⁵ Ещё в 121 г. до н.э. (*Liv. Per. 61; Plut. Caes. 26*) эдуи получили от сената титул «друзей римского народа» (*populi Romani hospitio atque amicitia*) (*Caes. BG. I. 31*), став, таким образом, союзной Риму общиной (*Caes. BG. VII. 39*). Среди галльских племён эдуи стали первыми, кто заключил договор о дружбе и союзе с Римом (*Strabo. IV. 3. 2*). Официально они именовались в Риме “*consanguinei fratres*”, т.е. «единокровными братьями» римского народа (*Caes. BG. I. 33; 44. Ср.: Cic. Att. I. 19. 2*). См.: Колосовская Ю.К. 1999, 95–96.

²⁶ См.: *Kerremans B.* 2016. О Германии и германцах в представлении античных авторов см.: *Trüdingen K.* 1918, 146 ff.; *Rudberg G.* 1933; *Norden E.* 1959; *Saddington D.B.* 1961, 94 ff.; *Thompson E.A.* 1965; *Müller K.E.* 1980, 80 ff.; *Mattern S.P.* 1999, 74 ff.; *Isaac B.H.* 2004, 427 ff.

обычно преобладают над разумом (Scaur. 36; Font. 4; Mil. 30). Веллей Патеркул, которому довелось повоевать с германцами, довольно жёстко охарактеризовал их как дикарей, «не имеющих ничего человеческого кроме голоса и тела» (II. 117. 3. Здесь и далее цит. в пер. М.Ф. Дашковой под ред. А.И. Немировского).

Как выразился Б. Айзек, «присоединение Галлии навсегда сделало германцев соседями Империи»²⁷. В это время (рубеж новой эры) в пограничной зоне за Рейном, где римские владения перемежались с германскими, происходило активное взаимодействие между римлянами и германцами, включая бойкий товарообмен²⁸: как пишет Дион Кассий,

«...там оставались на зимовку римские воины, основывались города, и варвары стали менять свой образ жизни по образцу римского, усваивали обычай торговать на рынках и устраивали мирные собрания. Тем не менее они не могли совершенно забыть и свои унаследованные от предков обычаи, присущие им нравы, а также привычку жить независимо и добиваться своего с оружием в руках. Поэтому до тех пор, пока они отучались от этого мало-помалу, неким осторожным путём, они не тяготились переменами в жизни и сами не замечали, что становятся другими» (LVI. 18. 2–3. Пер. под ред. А.В. Махлаюка).

Однако, несмотря на римское экономическое и культурное влияние, не говоря уже о прямом военно-политическом воздействии, германцы сохраняли свою *ethnicity* и по-прежнему (особенно после разгрома легионов Квинтилия Вара в Тевтобургском лесу в 9 г. н.э.) представляли собой потенциальную угрозу границам Империи на Рейне и Дунае²⁹.

²⁷ *Isaac B.H.* 2004, 429.

²⁸ Во времена Юлиев-Клавдиев существовала школа, в которой подростки из числа германской знати обучали на римский манер (*Suet.* Cal. 45. 2). Исключительных успехов, причём за весьма короткий срок, достигла романизация убиев (см.: *Carroll M.* 2001, 123 ff.). Тем не менее, насколько можно судить, в целом о сколько-нибудь значительной романизации региона говорить не приходится. См.: *Saddington D.B.* 1975, 133–134.

²⁹ Угроза, являвшаяся потенциальной при Юлиях-Клавдиях и Флавиях, стала реальной уже при последних Антонинах.

Какими же носители полисной цивилизации представляли себе этих воинственных и жестоких варваров? Если судить по произведениям античных авторов, то одним из наиболее характерных внешних признаков германцев были *голубые глаза*. Так, Гораций пишет о «германцев орде синеокой» (“*nes fera caerulea domuit Germania pube*”) (Ер. XVI. 7. Пер. А.П. Семёнова-Тян-Шанского). Тацит, описывая внешний облик жителей Германии, в первую очередь отмечает «суровые голубые глаза» (*truces et caerulei oculi*) (Germ. 4). О голубых глазах германцев читаем у Ювенала (XIII. 164. Ср. у Аполли-нария Сидония: Ер. VIII. 9. 5). Любопытный факт: с голубоглазыми людьми на протяжении веков в массовом сознании были связаны разнообразные предрассудки. Так, в 1564 г. царь Иван Грозный писал в «Первом послании» князю А.М. Курбскому:

«Где же убо кто обрящет мужа правдива и зыкры очи имущи? Понеже вид твой и злолукавый твой нрав исповедует!» («Встречал ли кто-либо честного человека, у которого бы были голубые глаза? Ведь даже облик твой выдаёт твой коварный нрав!»). Пер. Я.С. Лурье и О.В. Творогова)³⁰.

Несомненно, за этой сентенцией стоит литературная традиция, скорее всего, восходящая к Античности³¹. Другим отличительным признаком германцев был *высокий рост* (*magna corpora*) (*Caes.* BG. I. 39; *Tac.* Germ. 4; *Agr.* 11; *Ann.* I. 64; *Ios.* VI. II. 16. 4; *Flor.* I. 45. 12; *Veget.* I. 1; *Iuv.* VIII. 252; *Manil.* IV. 715–716; *Sid. Apoll.* Ер. VIII. 9. 5). По словам Страбона, германцы

«...мало отличаются от кельтского племени: большей дикостью, рослостью и более светлыми волосами; во всём остальном они схожи: по телосложению, нравам и образу жизни они таковы, как я описал кельтов. Поэтому, мне кажется, и римляне называли их “германцами”, как бы желая указать, что это “истинные” галаты. Ведь слово *germani* на языке римлян означает “подлинные”» (VII. 1. 2).

Что касается *светлых волос* (*capilli flavi*), то они, как и голубые глаза, являются общим местом у античных авторов, когда те пишут о германцах (*Mart.* VI. 61. 3; *Iuv.* XIII. 165; *Tac.* Germ. 4;

³⁰ Лурье Я.С., Рыков Ю.Д. (отв. ред.) 1993, 153.

³¹ Лурье Я.С., Рыков Ю.Д. (отв. ред.) 1993, 401.

Agr. 11; *Manil.* IV. 715–716; *Syn.* De regno. 20). У Витрувия читаем: «...Племена, живущие на севере, бывают огромного роста, белотелы, с прямыми и русыми волосами, светлоглазы и полнокровны...» (VI. 1. 3. Пер. Ф.А. Петровского). Вообще многих варваров — и в том числе северных, т.е. галлов и германцев — отличали *длинные волосы* (*Strabo.* IV. 4. 3; *Tac.* Germ. 31; *Dio Chrys.* Or. XXXV. 11). Борода не всегда была отличительным признаком варвара по сравнению с квириком: известно, что в архаические времена римляне носили окладистые бороды (*Liv.* V. 41. 9; *Iuv.* V. 30). Ко времени Поздней Республики бороды в Риме вышли из моды, чтобы вновь вернуться в этом качестве при Антонинах³². До Адриана борода в Римской империи была атрибутом либо варваров (*Tac.* Germ. 31), либо философов-греков, этих *barbati magistri* (*Dio Chrys.* Or. XXXVI. 17; *Plin.* Ep. I. 10. 6). Наконец, не все варвары носили бороды; как пишет Диодор о галлах, «бороду некоторые бреют, а некоторые оставляют её расти до определённой величины. Знатные мужчины выбривают щёки, а усы оставляют...» (V. 28. 3).

Для римлян голубые глаза, светлые волосы и высокий рост германцев являлись, скорее всего, теми самыми триггерами, которые автоматически воскрешали в коллективном сознании современников Горация, Цезаря и Тацита давние страхи, связанные с *metus Gallicus* и *furog Teutonicus*. Яркий тому пример — битва в Тевтобургском лесу (т.н. *clades Variana*, 9 г. н.э.), после которой в Риме возникла паника: квирицы, император и сенат с трепетом ожидали опустошительного германского вторжения в Италию. Как следствие, по приказу Августа галлы и германцы были изгнаны из Вечного города (*Dio Cass.* LVI. 23. 4). Очевидно, поддавшись общим паническим настроениям (а, может быть, в угоду общественному мнению?) император даже расформировал свой личный отряд телохранителей (*corporis custodes*), набранный из числа германцев (об этом отряде см.: *Tac.* Ann. I. 24; *Suet.* Aug. 49. 1; *Herodian.* IV. 7. 3; 13. 6; *SHA.* Al. Sev. LXI. 3; *Max.-Balb.* XIII. 5; XIV. 2–8). И это притом, что никакой реальной угрозы со стороны германцев (в данном случае херусков Арминия и их союзников) ни Риму, ни Италии в тот момент не существовало!

³² *Balsdon J.P.V.D.* 1979, 216.

В дальнейшем в ходе римских военных экспедиций за Рейн практиковались жестокие репрессии по отношению к мирному населению; об одной такой резне сообщает Тацит (Ann. I. 51). Таковы были последствия римской паранойи в отношении германцев. Их римляне боялись не меньше, чем в своё время галлов, и тому было немало причин (*Tac. Germ. 37*); этот патологический страх перед северными варварами в том или ином виде существовал вплоть до окончательного распада Римской империи³³. После *clades Variana* даже такие интеллектуалы, как Сенека Младший (*De ira. II. 15*), Иосиф Флавий (*VI. II. 16. 4*), Марк Манилий (*IV. 794*), смотрели на германцев как на дикарей, уподобляя их хищным зверям³⁴. Откровенная враждебность и затаённый страх просматриваются в строках Марциала:

«Марция влага, не Рейн здесь струится, германец, зачем же /
Мальчику ты не даёшь выпить обильной воды? / Варвар, не
смей, от воды победителя прочь отстраняя / Граждан, напиться
давать лишь побеждённым рабам» (*XI. 96. Пер. Ф.А. Петровского*).

Видимо, Тацит учитывал подобные настроения в римском гражданском коллективе, когда писал в «Германии»³⁵ об «*imperii urgentibus fatibus*» именно в связи с воинственными германцами (*ibid. 33*)³⁶. Опасения великого римского историка оказались пророческими: временное затишье на Рейне и Дунае³⁷ завершилось в 166 г.

³³ См.: *Grünwald T. 2001*.

³⁴ Парадоксально, но факт: «демонизация» германцев в античной традиции происходила параллельно с их идеализацией как «благородных дикарей» (*Isaac B.H. 2004, 439*).

³⁵ Э.С. Груэн считает, что в своём описании германцев Тацит отказался от позиции превосходства и стереотипов, традиционно присущих греко-римской «идеологии» в отношении варваров; по мнению исследователя, римский историк вовсе не противопоставляет германцев римлянам, характеризуя тех и других с равноудалённых («мультикультурных») позиций (*Gruen E.S. 2010, 178*). Ср.: *Saddington D.B. 1961, 121–122*.

³⁶ Этот пассаж в XX в. породил оживлённую дискуссию. См.: *Никишин В.О. 2002, 96, прим. 9*.

³⁷ Затишье было относительным и порой прерывалось военными акциями римлян, о чём свидетельствуют, к примеру, монеты Домициана (81–

с началом Маркоманских войн, и в дальнейшем натиск германских племён в указанном регионе, то на какое-то время ослабевая, то вновь усиливаясь, уже не прекращался вплоть до самого падения здесь римской власти.

Преодолевать панический страх по отношению к германцам римлянам помогал авторитет победоносных полководцев, таких как Гай Марий и Юлий Цезарь. В жизни первого из них однажды случился эпизод, весьма показательный с точки зрения его психологического воздействия на аудиторию. В 88 г. до н.э. в недалёком прошлом шестикратный консул и триумфатор, победитель Югурты, кимвров и тевтонов Гай Марий был объявлен вне закона, бежал из Рима, но был схвачен своими преследователями в Минтурнах. Веллей Патеркул так повествует об этих злоключениях Мария:

«Для казни его был послан государственный раб с мечом, германец. Случайно оказалось, что он был взят в плен Марием, когда тот возглавлял войну против кимвров. Узнав Мария, германец громким криком выразил своё негодование по поводу несчастья столь великого человека, отбросил меч и выбежал из тюрьмы». (II. 19. 3).

Ту же сцену, только ещё более беллетризованную, мы находим в Плутарховом жизнеописании Мария:

«Посовещавшись, должностные лица и члены совета Минтурн решили немедля умертвить Мария. Однако никто из граждан не хотел взять это на себя, лишь один солдат конницы, родом галл или кимвр (историки сообщают и то и другое)³⁸, вошёл к нему с мечом. В той части дома, где лежал Марий, было мало света, и в полутьме солдату показалось, будто глаза Мария горят ярким огнём, а из густой тени его окликнул громкий голос: “Неужели ты дерзнёшь убить Гая Мария?” Варвар тотчас убежал, бросив по пути меч, и в дверях завопил: “Я не могу убить Гая Мария!” Всех граждан обуял ужас, ему на смену пришли

96 г.) с изображениями пленных германцев, трофеев и аллегорической фигуры самой Германии, сидящей на щите (*Абрамзон М.Г.* 1995, 183).

³⁸ Как уже говорилось, античные авторы до Цезаря не различали галлов и германцев. Со временем римские писатели стали дифференцировать германские племена, выделяя алеманнов, франков, бургундов, вандалов, саксов (см.: *Geary P.J.* 2001, 114).

жалость и раскаяние в незаконном решении, которое они приняли, забыв о благодарности спасителю Италии, не помочь которому — тяжкое преступление. “Пусть беглец идёт куда угодно и в другом месте претерпит всё, что ему суждено. А мы должны молиться, чтобы боги не покарали нас за то, что мы изгоняем из города Мария, нагого и преследуемого”. С такими мыслями все должностные лица вошли к Марию и, окружив его, отвели к морю» (Маг. 39. Пер. С.А. Ошерова под ред. С.С. Аверинцева).

Таким образом, римляне как этнокультурная группа боялись германцев, однако при встрече один на один, как мы видели, даже вооружённый германец мог спастись перед безоружным, но зато харизматичным и известным своими воинскими подвигами римлянином.

Что касается Цезаря, то для него германцы, если можно так выразиться, были варварами в ещё большей степени, чем галлы³⁹. В «Записках о Галльской войне» он сообщает следующее:

«В то время как Цезарь задержался на несколько дней под Вентоном для урегулирования продовольствия и подвоза, наши расспрашивали о германцах галлов и купцов. Последние заявляли, что германцы отличаются огромным ростом, изумительной храбростью и опытностью в употреблении оружия: в частых сражениях с ними галлы не могли выносить даже выражения их лица и острого взора. Вследствие этих рассказов всем войском вдруг овладела такая робость, которая немало смутила все умы и сердца. Страх обнаружился сначала у военных трибунов, начальников отрядов и других, которые не имели большого опыта в военном деле и последовали из Рима за Цезарем только ради дружбы с ним. Последние под разными предлогами стали просить у него позволения уехать в отпуск по неотложным делам; лишь некоторые оставались из стыда, не желая навлечь на себя подозрение в трусости. Но они не могли изменить выражение лица, а подчас и удержаться от слёз: забываясь в свои палатки, они либо в одиночестве жаловались на свою судьбу, либо скорбели с друзьями об общей опасности. Везде во всём лагере составлялись завещания. Трусливые возгласы молодёжи стали мало-помалу произво-

³⁹ См.: *Ndiaye E.* 2007, 87.

дить сильное впечатление даже на очень опытных в лагерной службе людей: на солдат, центурионов, начальников конницы. Те из них, которые хотели казаться менее трусливыми, говорили, что они боятся не врага, но трудных перевалов и обширных лесов, отделяющих римлян от Ариовиста, и что опасаются также за правильность подвоза провианта. Некоторые даже заявили Цезарю, что солдаты не послушаются его приказа сняться с лагеря и двинуться на врага и из страха не двинутся» (BG. I. 39).

Цезарь мастерски описал атмосферу страха и подавленности в римском лагере, отметив, что римляне боялись германцев и до побед Гая Мария над кимврами и тевтонами, и до подавления восстания Спартака (ibid. 40). Впрочем, вскоре ситуация радикальным образом изменилась: после произнесения Цезарем духоподъемной речи, обращенной к его соратникам, в настроении римских военных произошёл кардинальный перелом (ibid. 41).

Помимо голубых глаз, высокого роста и белокурых волос, германцев отличали некоторые особенности костюма и, в частности, характерные плащи. Здесь стоит отметить, что, несмотря на резко возросший уровень враждебности римлян по отношению к германцам в период Маркоманских войн (166–180 гг.), о чём наглядно свидетельствуют леденящие кровь сцены насилия, запечатлённые на мраморном фризе колонны Марка Аврелия⁴⁰, уже во времена Северов (рубеж II–III вв.), когда начался процесс варваризации (читай: германизации) римской армии, негативный римский стереотип, связанный с германцами, начал постепенно трансформироваться в позитивный⁴¹. Яркий тому пример — известный эпизод с императором Каракаллой (211–217 гг.), получившим своё прозвище по названию германского плаща (сагасаллус), который он демонстративно носил из расположения к германцам (*Herodian*. IV. 7. 3; *SHA*. Car. IX. 7–8). Взяв верх над германцами на поле боя, Каракалла вдруг стал ярым германофилом (*SHA*. Car. V. 6). Из германцев им-

⁴⁰ См.: *Beckmann M.* 2012, 260–261.

⁴¹ Пример позитивного этнолукизма по отношению к германцам мы отмечаем ещё в I в.: тогда под влиянием расхожего мнения, будто все германцы рыжие (*Sen. De ira*. III. 26), в среде состоятельных римлян распространилась мода красить волосы в золотистый цвет (*Mart.* V. 68; *Propert.* II. 18 b. 23–26).

ператор сформировал отряд телохранителей (*Herodian*. IV. 13. 6; *Dio Cass.* LXXVIII. 6. 1). По сообщению Геродиана,

«...всех тамошних германцев он (Каракалла. — В. Н.) расположил к себе и вступил с ними в дружбу; кое-кого из них брал к себе в отряды и в личную свою охрану, предварительно отобрав самых бравых и цветущих. Часто, сняв с себя римский плащ, он менял его на германскую одежду, и его видели в плаще с серебряным шитьём, какой носят сами германцы. Он накладывал себе светлые волосы и зачёсывал их по-германски. Варвары радовались, глядя на всё это, и любили его чрезвычайно» (IV. 7. 3–4. Пер. А.К.Гаврилова под ред. А.И. Доватура).

Зафиксируем такой, на наш взгляд, весьма важный момент: германцы, служившие под римскими знамёнами⁴², в глазах своих соплеменников становились «римлянами»⁴³. Так думали и они сами. К примеру, одна из латинских эпитафий гласит: “*Francus ego civis*⁴⁴, *Romanus miles in armis*” («Как гражданин я франк, а на военной службе я — римский воин») (*CIL* III. 3567) (*пер. авт.*). Характерно, что и римские власти уже как бы и не считали этих воинов «варварами» или, по крайней мере, чётко отделяли их от тех, «настоящих» варваров, нападавших на границы Империи. Замечательный пример — описание Аммианом Марцеллином битвы при Аргенторате (357 г.), в которой войска цезаря Юлиана противостояли отрядам алеманнской «конфедерации»⁴⁵ под предводительством

⁴² Со времён Августа таких с каждым десятилетием становилось всё больше и больше: императоры охотно брали на военную службу германцев, поскольку они были известны как отличные воины (см.: *Saddington D.B.* 1961, 129, п. 97).

⁴³ *Halsall G.* 2007, 59.

⁴⁴ *Civitas* («гражданство») применительно к варварам означала некий уровень политической организации; *civitas* (как и *populus*), обозначая варварскую этнокультурную общность, была выше «рангом», нежели *gens* или *patio*, т.е. «племя, народность». См.: *Saddington D.B.* 1961, 118.

⁴⁵ По подсчётам современных исследователей, самое многочисленное варварское войско, атаковавшее границы Империи в IV в., не могло существенно превышать 20–30 тыс. воинов, что не идёт ни в какое сравнение с военным потенциалом римской армии (разумеется, речь идёт не только о численности войск, но и об их вооружении. См.: *Halsall G.* 2007, 145).

Хнодомара. Желая поднять боевой дух в рядах «своих» германских когорт (батавов и др.), Юлиан обращается к ним с такими словами:

«Вот, товарищи, настал давно желанный день, который побуждает нас всех вернуть римской державе подобающий ей блеск, смыв все прежние пятна позора. Вот они, варвары, которые в своей ярости и диком безумии отважились выступить навстречу нашей доблести на гибель себе» (*Amm. Marc. XVI. 12. 31*. Пер. Ю.А. Кулаковского и А.И. Сонни под ред. Л.Ю. Лукомского).

Таким образом, в рамках политического единства рах Romana постепенно происходило этнокультурное сближение римлян и германцев⁴⁶.

Если вернуться к теме одежды, то Каракалла стал первым в длинной череде римских императоров, отдавших дань варварской «моде». К примеру, один из солдатских императоров в описании Синезия (то ли Проб, то ли Кар; сам автор именует его Карином, но это явная ошибка) облачён в простую рубаху из грубой шерсти и войлочную шапку (*De regno. 16*). Известно, что Констанций II⁴⁷ и Грациан, не стесняясь никакими условностями, вместо тог и сандалий носили брюки и сапоги (*Aurel. Vict. Epit. 47. 6*). При этом в литературе сохранялась традиционная парадигма: так, незадолго до окончательного краха императорской власти на Западе Аполлинарий Сидоний в одном из своих писем противопоставляет одетым в шкуры варварским «царям» облачённых в пурпур римских «принцепсов» (*Ep. VII. 9. 19*: «...vel ante pellitos reges vel ante principes purpuratos»).

От позднеримских императоров, с удовольствием рядившихся в варварские одежды, не отставали и высшие должностные лица Рима, многие из которых сами были варварами по происхождению. Так, около 396 г. придворный поэт Клавдиан (писавший на

⁴⁶ В этническом плане оба этих понятия условны: с одной стороны, «римляне» — понятие не этническое, а публично-правовое (имеются в виду римские граждане, жители Римской империи и подданные императора), с другой — этноним «германцы» в представлении античных авторов объединял бесчисленное множество варварских племён Центральной и Восточной Европы.

⁴⁷ См.: *Амброз А.К.* 1989, 24; *Беляев Д.Ф.* 1893, 321 слл.

латыни александрийский грек) в инвективе «Против Руфина» красочно живописал внешний облик временщика Флавия Руфина — выходца из Галлии, консулара и префекта претория, опекуна юно-го восточноримского императора Аркадия:

«Сам же он, варваром быть желая даже наружно, / Шёл посреди, покрыв себе грудь рыжеющим мехом, / В сбруе, как гет, с огромным колчаном, с натянутым луком, / Варварский вид приняв и варварский дух выдавая. / И не зазорно ему, блюстителю римских уставов, / Консульскую сменить колесницу на гетский обычай! / Страждет латинский закон, принуждённый сменить одеянье, / Скорбно склоняя чело пред судьёю, окутанным в шкуру» (In Rufin. II. 78–85. Пер. М.Л. Гаспарова).

Одежда из звериных шкур (*pelles*) в глазах римлян недвусмысленно ассоциировалась с германцами (см, напр., у Тацита: *Germ.* 17)⁴⁸. Хотя в эпоху Августа кое-кто из римских интеллектуалов иногда позволял себе высказаться в таком духе, что в незапамятные времена даже римские сенаторы носили те самые шкуры (*Proper.* IV. 1. 11–12: «*Curia... pellitos habuit, rustica corda, Patres*»).

И вот теперь, на рубеже IV–V вв., римские консулы и префекты претория, будучи варварами по происхождению, даже внешне выглядели как варвары!

«Полководец, одетый в звериные шкуры, командует воинами, одетыми в хламиды; варвары, завернувшись в грубый плащ и надев сверху тогу, приходят рассуждать с римскими магистратами об общественных делах, восседая в первом ряду после консулов, выше стольких почётных граждан. Потом, выйдя из сената, они снова надевают одежды из звериных шкур и смеются со своими товарищами над этой тогой, одеждой, как они говорят, неудобной для людей, которым нужно носить меч» (*Syn. De regno.* 20. Здесь и далее цит. в пер. М.В. Левченко).

Видимо, «дурной» пример оказался заразителен: римским властям время от времени приходилось издавать строгие законы относительно «дресс-кода», которого должны были придерживаться в стенах Вечного Города сенаторы, должностные лица и рабы; примером тому служит указ 382 г. (*CTh.* 14. 10. 1–3). Изданные от

⁴⁸ См.: *Бойцов М.А.* 2007, 57.

имени Аркадия и Гонория эдикты 397–399 гг. запрещали носить в Риме брюки (*bracae*) и грозили ослушникам пожизненной ссылкой (*CTh.* 14. 10. 2; 3). В эдикте 416 г. жителям Рима и сельской округи (как свободным, так и рабам) было запрещено носить длинные волосы (*maiores crines*) и одежду из шкур (*indumenta pellium*) (*CTh.* 14. 10. 4)⁴⁹. Очевидно, все эти директивы были бесконечно далеки от реальности и не исполнялись. Так на глазах происходила смена цивилизационной парадигмы, а негативный лукизм всё более перерождался в позитивный: одежда, причёски, образ жизни и стиль поведения варваров год от года всё шире распространялись во всех слоях населения Рима, Италии и провинций, всё варварское становилось для римлян престижным⁵⁰. Постепенно даже само слово *barbarus* утратило свой сугубо негативный смысл (заметим, что ещё в самом конце IV в. Синезий Киренский утверждал, что германцы рождены для того, чтобы быть рабами римлян: *De regno.* 20), а в Раннем Средневековье и вовсе трансформировалось в *bravo* — «молодец»⁵¹.

Об этих и других знаменательных метаморфозах красноречиво свидетельствуют источники, сообщающие о гибели в 493 г. «короля рутенов» (*rex Rhutenorum*) Одоакра, убитого по приказу очередного завоевателя Италии, остготского короля Теодориха Великого (*Ennod.* *Paneg.* 50–52). Так, Эннодий Павийский в своём «Панегирике» характеризует остготов как «уже испытанный народ» (“*populus iam probatus*”: *ibid.* 51. Здесь и далее цит. в пер. В.Г. Изосина) и «лучшую часть мира» (“*pars mundi potior*”) (*loc. cit.*). Панегирист с пафосом восклицает:

«Как же, если не по высшей воле, могло случиться, что единым ударом было покончено с презрителями римского имени, долгое время укреплявшимися своей дерзостью?» (*Quis haec praeter supernam voluntatem praestitit, ut unius ictu temporis effunderetur Romani nominis clades longa temporum improbitate collecta?*).

Таким образом, Теодорих и остготы выступают здесь в роли «хороших» варваров, «лучшей части мира», спасших «римское имя» от «плохих» варваров — Одоакра и его приспешников (тоже,

⁴⁹ *Chauvot A.* 1998, 326–329.

⁵⁰ См.: *Шутилов А.В.* 2008, 419–420.

⁵¹ См.: *Collins J.* 1991, 194.

кстати говоря, германцев по происхождению). Складывается впечатление, что о «римском имени» панегирист вспоминает лишь в силу традиции, тогда как в реальной жизни это самое «римское имя» (*Romanum nomen*) уже давно склонилось перед германской (варварской) мощью. В адресованном римскому сенату послании от имени короля Теодориха Кассиодор описал достоинства патриция Либерия, до конца хранившего верность Одоакру (*Cassiod. Var. II. 16. 2–4*). Благородный римлянин на службе у варварского короля, властителя Италии — вот закономерный итог длительного процесса варваризации Римской империи. Характерно, что Кассиодор, стремясь польстить германцам, ставшим хозяевами положения на бывших землях Империи, пишет о присущей им «варварской неустрашимости» (*ferocitas gentilis*) (*ibid.* 3). Показательный факт: если во времена Веллея Патеркула и Сенеки Младшего *ferocitas* применительно к германцам означала «дикость», то в устах велеречивого царедворца Кассиодора — уже «неустрашимость»; это со всей очевидностью следует из контекста. Как мы видим, акценты сместились кардинальным образом.

Не все римские интеллектуалы смирились с тем, что варварство взяло верх над греко-римской культурой. Одним из «последних римлян», столпов римской государственности и последовательных врагов «диких» пришельцев из-за Рейна и Дуная был Синезий Киренский, епископ Птолемаиды. В речи «О царстве» (399 г.), произнесённой перед императором Аркадием, он предупреждал константинопольский двор об опасности, которую несли Империи варвары:

«Законодатель не должен давать оружия тем, которые не рождены в его стране и не воспитаны установленными там законами, ибо какое ручательство имеет он за их благорасположенность. Только человек безрассудный, или пустой мечтатель, может видеть многочисленных юношей, чуждых нашим учреждениям и нашим нравам, занимающихся военными упражнениями, и не страшиться их. Ибо мы или должны думать, что они мудры, или, если в этом отчаяться, то признать, что скала Тантала висит над нашей империей на тончайшем волоске. Они бросятся на нас, когда почувствуют, что могут сделать это с успехом. Некоторые признаки уже предвещают близкую опасность» (*De regno. 19*).

Что же надлежит делать в сложившейся обстановке?

«...Нам следует возратить римские помыслы и приучиться самим добывать себе победы, причём варвары не должны в этом принимать никакого участия, — их нужно удалить из всех учреждений» (loc. cit.).

Синезий был настроен весьма решительно по отношению к готам, которых, как он считал, римские власти «облагодетельствовали»:

«Итак, нужен гнев против этих людей. Пусть они или в зависимом состоянии обрабатывают землю, как это некогда делали мессеняне для лакедемонян, положив оружие, или пусть бегут тем же путём, каким пришли...» (ibid. 21).

Суровый рецепт решения проблемы, ничего не скажешь. Однако это был глас вопиющего в пустыне: изгнать готов обратно за Дунай в то время римские власти были уже не в состоянии, даже если бы они этого очень сильно захотели.

Здесь можно поставить несколько неожиданный вопрос: кого именно Синезий и его современники подразумевали под «римлянами» и «готами»? Ответить исчерпывающим образом на этот вопрос очень непросто. В современной историографии, посвящённой варварским миграциям на территории Европы в IV–VI вв., существует понятие «этнической идентичности» (ethnicity), которое исследователи пытаются применить к весьма подвижным, изменчивым и трудноуловимым реалиям эпохи Великого переселения народов. Безусловно, подвижность и изменчивость этнической идентичности в указанное время вовсе не снижают её исторической значимости⁵². Проблема заключается в том, что *выбор* этнической идентичности в указанную эпоху был, во-первых, субъективен, а во-вторых — ситуативен, т.е. динамичен и подвержен изменениям, причём на него влиял целый ряд факторов: язык, религия, обычаи и манера поведения, внешний вид и пр., сама же ethnicity по своему характеру являлась многоуровневым феноменом⁵³.

⁵² Halsall G. 2007, 45.

⁵³ См.: Halsall G. 2007, 37–59.

На протяжении V в. в Италии и западных провинциях римляне и германцы поменялись местами: в то время как варвары заняли верхние ступени на иерархической лестнице в созданных ими королевствах, римским гражданам, сенаторам и патрициям пришлось спуститься вниз. Представитель галло-римской аристократии, священник Сальвиан Марсельский писал:

«Некогда имя римского гражданина не только высоко ценилось, но и дорого покупалось; теперь же его отвергают и от него бегут, настолько оно считается презренным и даже почти ненавистным. Разве может быть большее свидетельство римской несправедливости, чем то, что лучшие люди, которым Рим обязан своей славой, доведены до того, что не хотят быть римлянами. Поэтому и те, которые не убежали к варварам, стараются стать варварами на месте; большая часть Испании и немалая часть Галлии, и, наконец, все, кто во всём римском мире оскорблён римской несправедливостью, перестали называть себя римлянами» (De gub. Dei. V. 5. Здесь и далее цит. в пер. под ред. И.П. Стрельниковой).

Трудно не согласиться с таким выводом Сальвиана:

«Римляне гораздо большие враги самим себе, чем их внешние неприятели, и хотя варвары уже нанесли им поражение, они теперь сами довершают своё собственное разорение» (De gub. Dei. VI. 13).

На руинах Западной Римской империи

«...варвары, кто бы они ни были по своему этническому происхождению, составляли незначительное, но могущественное вооружённое меньшинство внутри гораздо более многочисленного римского населения»⁵⁴.

В период агонии и гибели рах Romana последние уцелевшие представители римской элиты интегрировались с готской знатью, так что их потомки уже считались готами; само слово «гот» (Gothus), не теряя своего этнического смысла, со временем стало означать прежде всего социальный статус⁵⁵. В Италии при Теодорихе Великом «готами» называли всех воору-

⁵⁴ Geary P.J. 2001, 120.

⁵⁵ См.: Pohl W. 2014, 561.

жённых людей, в то время как «римлянами» именовались представители гражданского населения (те, кто платил налоги), чиновники и клирики; соответственно, в Галлии «франками» также назывались военные, державшие под своим контролем местных жителей⁵⁶.

В VI в. начинается процесс слияния галло-римской и франкской знати: по словам С. Лебека, галло-римляне

«...всё решительнее отказывались от некоторых внешних знаков своей принадлежности к римской цивилизации: на смену римскому плащу-тоге пришло одеяние варваров, тесно облегающее тело, вышли из употребления трёхчленные римские имена, которые на протяжении жизни многих поколений служили каждому римлянину как бы перечнем его достойных предков. Их заменило одно имя, нередко — как мы видели — германского происхождения. Короче говоря, римляне перенимали варварскую простоту и неприхотливость»⁵⁷.

В свою очередь, готская элита постепенно всё более дистанцировалась от *pellitorum turba satellitum*, мало-помалу приобщалась к ценностям античной культуры (*civilitas*⁵⁸), учила латынь и изучала греческую философию (яркие тому примеры — королева Амаласунта, дочь Теодориха Великого, и король Теодат: *Procop. BG. I. 1–2; Cassiod. Var. X. 3*). Процессы интеграции пришлого варварского и местного населения бывших римских провинций (в частности, процесс слияния варварской и римской элит) протекали параллельно в королевствах франков и остготов, с той лишь разницей, что в первом вновь возникшее единство было гораздо прочнее, чем во втором, ибо его укрепляли два мощных идеологических фактора: предание о происхождении франков от троянцев и католическая вера⁵⁹.

Так было на Западе. На Востоке складывалась иная ситуация: там «готская проблема», принявшая социальный характер, оберну-

⁵⁶ См.: *Halsall G.* 2007, 475–476.

⁵⁷ *Лебек С.* 1993, 89.

⁵⁸ См.: *Шкаренков П.П.* 2018, 316–317.

⁵⁹ *Geary P.J.* 2001, 122–125.

лась жестоким противостоянием, с одной стороны, «антиготской партии» при константинопольском дворе⁶⁰, которую поддерживали широкие слои населения (включая горожан), и т.н. «военно-варварской оппозиции», с другой⁶¹. Характерно, что и здесь варвары не выступали, что называется, единым фронтом: одни предводители готов поддерживали императорскую администрацию (например, Флавий Фравитта, которого Зосим называет варваром по происхождению, но «эллином» по характеру и образу мыслей: V. 20. 1), другие же активно действовали против неё. Возникшее социально-политическое напряжение вылилось в массовое избиение готов в Константинополе 12 июля 400 г. (*Zosim. V. 19. 3–4*). Известно, что активное участие в этой акции приняли горожане, настроенные против варваров (*Syn. De prov. II. 2–3*).

Таким образом, восточная часть рах Romana сумела устоять под натиском варваров и, главное, сохранила свою идентичность, которая в дальнейшем легла в основу ромейской, или византийской цивилизации. Иное дело западная часть «Римского мира»: здесь разрушительные последствия варварских вторжений извне усугублялись теми деструктивными — социальными и политическими — процессами, которые подтачивали и разъедали Западную Римскую империю изнутри. На Западе римская элита (как в Италии, так и в провинциях) не сумела сохранить свою идентичность, капитулировав перед варварской (читай: германской) экспансией со всеми вытекающими отсюда последствиями для тысячелетней римской государственности и в целом античной цивилизации Запада. Как писал выдающийся французский историк Жак Ле Гофф,

«...учёный муж, утверждавший, что “римская цивилизация умерла не своей прекрасной смертью”, но “была убита”, трижды грешит против истины, ибо римская цивилизация покончила самоубийством, и в её смерти не было ничего прекрасного»⁶².

⁶⁰ На стороне этой партии выступали также представители провинциальных элит, немало претерпевших от опустошительных варварских набегов. Пример — уже упомянутый Синезий Киренский, резко критиковавший «готофильскую политику» администрации императора Аркадия (*De prov. I. 16*).

⁶¹ *Козлов А.С.* 1979, 24 слл.

⁶² *Ле Гофф Ж.* 1992, 18.

С этой в высшей степени пронизательной и филигранно точной оценкой трудно не согласиться.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамзон М.Г.* 1995: Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской империи. М.: Институт археологии РАН.
- Амброз А.К.* 1989: Хронология древностей Северного Кавказа V–VII вв. М.: Наука.
- Ананьева К.И., Айметдинова О.В.* 2016: Роль контекста восприятия в оценке личностных особенностей человека // Лицо человека в пространстве общения / Отв. ред. К.И. Ананьева, В.А. Барабанщиков, А.А. Демидов. М. 183–191.
- Барабанщиков В.А., Демидов А.А., Дивеев Д.А.* (отв. ред.) 2012: Лицо человека как средство общения. Междисциплинарный подход. М.: Когито-Центр.
- Беляев Д.Ф.* 1893: Облачение императора на керченском щите // ЖМНП. 289, 321–373.
- Бойцов М.А.* 2007: В шкурах или в пурпуре? К облику варварских королей времён «падения» Римской империи // Искусство власти. Сборник в честь профессора Н.А. Хачатурян / Под ред. О.В. Дмитриевой. СПб., 46–87.
- Козлов А.С.* 1979: Основные черты политической оппозиции правительству Византии в 399–400 гг. // Античная древность и средние века. 16. Социальное развитие Византии. Свердловск, 23–31.
- Коловская Ю.К.* 1999: Гостеприимство в системе *ius gentium* древнего Рима // *IVS ANTIQVVM*. Древнее право. №1 (4). 86–98.
- Лабунская В.А.* 2016: От психологии внешнего облика А.А. Бодалёва к построению эмпирических моделей изучения этнолукизма // Лицо человека в пространстве общения / Отв. ред. К.И. Ананьева, В.А. Барабанщиков, А.А. Демидов. М. 73–97.
- Лабунская В.А., Погонцева Д.В.* 2016: Лукизм: лицо, тело, душа // Лицо человека в пространстве общения / Отв. ред. К.И. Ананьева, В.А. Барабанщиков, А.А. Демидов. М. 98–110.
- Ле Гофф Ж.* 1992: Цивилизация Средневекового Запада. М.: Издательская группа Прогресс, Прогресс-Академия.

- Лебек С.* 1993: Новая история средневековой Франции. Т. 1: Происхождение франков. V–IX века. М.: Скарабей.
- Лурье Я.С., Рыков Ю.Д.* (отв. ред.) 1993: Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. М.: Наука.
- Никишин В.О.* 2002: Варвары и варварство в трудах Тацита: германцы, галлы и британцы // ДВАМ. 5. М. 86–99.
- Никишин В.О.* 2007: Metus Gallicus и его преодоление // Studia historica. 7. М. 77–92.
- Никишин В.О.* 2012a: Metus Gallicus и metus Punicus: возникновение, эволюция и финал // Studia historica. 12. М. 119–135.
- Никишин В.О.* 2012b: Metus Gallicus: возникновение и преодоление // ДВАМ. 8. М. 122–135.
- Никишин В.О.* 2014: О некоторых аспектах metus hostilis в Риме эпохи Республики // Восток, Европа, Америка в древности. 3. Сборник научных трудов XVIII Сергеевских чтений / Труды исторического факультета МГУ. 68. Сер. 2. М. 272–278.
- Никишин В.О.* 2015: Феномен metus hostilis: возникновение и эволюция // Древний мир: история и археология. Труды 1-й и 2-й Всероссийской научной конференции «Дьяковские чтения» кафедры истории древнего мира и средних веков им. проф. В.Ф. Семёнова МПГУ (8 декабря 2012 г.) (6 декабря 2014 г.) / Сост. и отв. ред. Ю.В. Куликова. М. 77–88.
- Никишин В.О., Короленков А.В.* 2004: Чужеземцы в «Записках» Цезаря // Studia historica. 4. М. 75–90.
- Шутилов А.В.* 2008: «Свой», «чужие» и другие. М.: Прогресс-Традиция.
- Шкаренков П.П.* 2018: Образ Теодориха II в сочинениях Сидония Аполлинария: римская civilitas вестготского гет // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2 (35). Ч. 2. 313–325.
- Balsdon J.P.V.D.* 1979: Romans and Aliens. London: Duckworth.
- Beckmann M.* 2012: The Column of Marcus Aurelius // A Companion to Marcus Aurelius / Ed. M. van Ackeren. Malden (MA); Oxford. 251–263.
- Brunt P.A.* 1971: Italian Manpower (225 BC – AD 14). Oxford: The Clarendon Press.
- Carroll M.* 2001: Romans, Celts and Germans. The German Provinces of Rome. Stroud & Charleston: Tempus.

- Chauvot A.* 1998: Opinions romaines face aux barbares au IVe siècle ap. J.-C. Paris: De Boccard.
- Chevallier R.* 1975: Gallia Narbonensis. Bilan de 25 ans de recherches historiques et archéologiques // ANRW. II. 3. 715–770.
- Collins J.* 1991: English Dictionary. 3rd ed. Glasgow: Harper Collins.
- Gardner J.F.* 1983: The “Gallic menace” in Caesar’s propaganda // GfR. 30. 181–189.
- Geary P.J.* 2001: Barbarians and Ethnicity // Interpreting Late Antiquity. Essays on the Postclassical World / Eds. G.W. Bowersock, P. Brown, O. Grabar. Cambridge (MA); London. 106–129.
- Goudineau C.* 1996: Gaul // CAH. 2nd ed. Vol. X: The Augustan Empire, 43 BC — AD 69 / Eds. A. K. Bowman, E. Champlin, A. Lintott. Cambridge. 464–502.
- Gruen E.S.* 2010: Rethinking the Other in Antiquity. Princeton: Princeton University Press.
- Grünwald T.* 2001: Vom metus Gallicus zum metus Gothicus. Roms Furcht vor den Völkern des Nordens // Ktema. 26. 285–306.
- Halsall G.* 2007: Barbarian Migrations and the Roman West, 376–568. Cambridge: Cambridge University Press.
- Isaac B.H.* 2004: The Invention of Racism in Classical Antiquity. Princeton: Princeton University Press.
- Kerremans B.* 2016: Metus Gallicus, tumultus Cimbricus? The possible promulgation of a tumultus in the Cimbrian War (105–101 BCE) // Mnemosyne. 69. 822–841.
- Mattern S.P.* 1999: Rome and the Enemy. Imperial Strategy in the Principate. Berkeley: University of California Press.
- Müller K.E.* 1980: Geschichte der antiken Ethnographie und ethnologischen Theoriebildung. Von den Anfängen bis auf die byzantinischen Historiographen. Teil II / Studien zur Kulturkunde. 42. Wiesbaden: Franz Steiner.
- Ndiaye E.* 2007: L’image du *barbarus* gaulois chez Cicéron et César // Vita Latina. 177. 87–99.
- Norden E.* 1959: Die germanische Urgeschichte in Tacitus’ Germania. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft.
- Pohl W.* 2014: Goths and Huns // A Companion to Ethnicity in the Ancient Mediterranean // Ed. J. McInerney. Malden (MA); Oxford. 555–568.

- Rawson E.* 1985: *Intellectual Life in the Late Roman Republic*. London: Duckworth.
- Rudberg G.* 1933: *Zum antiken Bild der Germanen. Studien zur ältesten Germanenliteratur*. Oslo: Fridtjof Nansens Fond.
- Saddington D.B.* 1961: Roman Attitudes to the “External Gentes” of the North // *AC*. 4. 90–102.
- Saddington D.B.* 1975: Race Relations in the Early Roman Empire // *ANRW*. II. 3. 112–137.
- Stevens C.E.* 1952: The *Bellum Gallicum* as a Work of Propaganda // *Latomus*. 11, 3–18, 165–179.
- Strasburger H.* 1965: Poseidonios on Problems of the Roman Empire // *JRS*. 55, 40–53.
- Thompson E.A.* 1965: *The Early Germans*. Oxford: Clarendon Press.
- Trüdinger K.* 1918: *Studien zur Geschichte der griechisch-römischen Ethnographie*. Basel: PhD.

Vladimir O. NIKISHIN

ROMANS, GAULS AND GERMANS

METUS HOSTILIS AND ETHNOLOOKISM AS TRIGGERS

The article explores those emotional triggers that over the centuries have had a psychological impact on collective consciousness of the Roman ethnocultural and political community in the process of its opposition to barbarism. In this context, the author refers to such a phenomenon as lookism, which means discrimination in appearance (in relation to barbarians we are talking about negative lookism). The main material of the article is devoted to ethnolookism as a daily discriminatory practice of the Romans towards the northern barbarians — the Gauls and the Germans. The irrational fear that the Romans experienced facing the threat of a Gallic or Germanic invasion was largely due to negative ethnolookism. In this case, the role of emotional triggers was played by characteristic raincoats and trousers, as well as the tall stature, bodily strength, blue eyes and long blond hair of the northern barbarians. The authority of victorious commanders such as Gaius Marius and Julius Caesar helped the Romans to overcome their panic fear of the Gauls and the Germans. The process of barbarization of the Roman army largely contributed to the collapse of the

Roman state in the West and the formation of the barbarian kingdoms on the site of the Western Roman Empire.

Keywords: lookism, ethnolookism, triggers, metus Gallicus, furor Teutonicus, Julius Caesar, Gallia Comata, Goths, Odoacer, Theodor the Great.

Vladimir O. NIKISHIN — PhD (History), Senior Tutor of the Department of Ancient History of the M.V. Lomonosov Moscow State University. Moscow, Russian Federation. — cicero74@mail.ru

REFERENCES

- Abramzon M.G. 1995: Moneti kak sredstvo propagandi oficialnoi politiki Rimskoi imperii. M.: Institut arheologii RAN.
- Ambroz A.K. 1989: Hronologiya drevnostei Severnogo Kavkaza V–VII vv. M.: Nauka.
- Anan'eva K.I., Aimetdinova O.V. 2016: Rol' konteksta vospriyatiya v ocenke lichnostnih osobennostei cheloveka // Lico cheloveka v prostranstve obscheniya / Otv. red. K. I. Anan'eva, V.A. Barabanshchikov, A.A. Demidov. M. 183–191.
- Barabanshchikov V.A., Demidov A. A., Diveev D.A. (otv. red.) 2012: Litso cheloveka kak sredstvo obscheniya. Mejdisciplinarnii podhod. M.: Kogito-Centr.
- Beliaev D.F. 1893: Oblachenie imperatora na kerchenskom schite // JMNP. 289. 321–373.
- Boitsov M.A. 2007: V shkurah ili v purpure K obliku varvarskih korolei vremen «padeniya» Rimskoi imperii // Iskusstvo vlasti. Sbornik v chest professora N. A. Hachaturyan / Pod red. O. V. Dmitrievoi. SPb. 46–87.
- Kozlov A.S. 1979: Osnovnie cherti politicheskoi oppozicii pravitelstvu Vizantii v 399–400 gg. // Antichnaya drevnost i srednie veka. 16. Socialnoe razvitie Vizantii. Sverdlovsk. 23–31.
- Kolosovskaia Iu.K. 1999: Gostepriimstvo v sisteme ius gentium drevnego Rima // IVS ANTIQVVM. Drevnee pravo. №1 (4). 86–98.
- Labunskaia V.A. 2016: Ot psihologii vneshnego oblika A. A. Bodalyova k postroeniyu empiricheskikh modelei izucheniya etnolukizma // Litso cheloveka v prostranstve obscheniya / Otv. red. K. I. Anan'eva, V. A. Barabanshchikov, A.A. Demidov. M. 73–97.
- Labunskaia V.A., Pogontseva D.V. 2016: Lukizm litso telo dusha // Litso cheloveka v prostranstve obscheniya / Otv. red. K. I. Anan'eva, V.A. Barabanshchikov, A.A. Demidov. M. 98–110.

- Le Goff Zh. 1992: *Civilizaciya Srednevekovogo Zapada*. M.: Izdatelskaya grupa Progress, Progress-Akademiya.
- Lebek S. 1993: *Novaya istoriya srednevekovoi Francii*. T. 1: *Proishojdenie frankov. V–IX veka*. M.: Skarabei.
- Lur'e Ya.S., Rykov Ya.D. (otv. red.) 1993: *Perepiska Ivana Groznogo s Andreem Kurbskim*. M.: Nauka.
- Nikishin V.O. 2002: *Varvari i varvarstvo v trudah Tacita: germanci, galli i britanci // DVAM*. 5. M. 86–99.
- Nikishin V.O. 2007: *Metus Gallicus i ego preodolenie // Studia historica*. 7. M. 77–92.
- Nikishin V.O. 2012a: *Metus Gallicus i metus Punicus: vzniknovenie, evolyuciya i final // Studia historica*. 12. M. 119–135.
- Nikishin V.O. 2012b: *Metus Gallicus: vzniknovenie i preodolenie // DVAM*. 8. M. 122–135.
- Nikishin V.O. 2014: *O nekotoryh aspektah metus hostilis v Rime epohi Respubliki // Vostok, Evropa, Amerika v drevnosti*. 3. *Sbornik nauchnih trudov XVIII Sergeevskih chtenii / Trudi istoricheskogo fakulteta MGU*. 68. Ser. 2. M. 272–278.
- Nikishin V.O. 2015: *Fenomen metus hostilis: vzniknovenie i evolyuciya // Drevnii mir: istoriya i arheologiya. Trudi 1-i i 2-i Vserossiiskoi nauchnoi konferencii «Dyakovskie chteniya» kafedri istorii drevnego mira i srednih vekov im. prof. V. F. Semenova MPGU (8 dekabrya 2012 g.) (6 dekabrya 2014 g.) / Sost. i otv. red. Yu. V. Kulikova*. M. 77–88.
- Nikishin V.O., Korolenkov A.V. 2004: *Chujezemci v «Zapiskah» Cezarya // Studia historica*. 4. M. 75–90.
- Shipilov A.V. 2008: *«Svoi», «chujie» i drugie*. M.: Progress-Tradiciya.
- Shkarenkov P.P. 2018: *Obraz Teodoriha II v sochineniyah Sidoniyi Apollinariya: rimskaya civilitas vestgotского rex // Vestnik RGGU. Seriya «Istoriya. Filologiya. Kulturologiya. Vostokovedenie»*. 2 (35), ch. 2. 313–325.
- Balsdon J.P.V.D. 1979: *Romans and Aliens*. London: Duckworth.
- Beckmann M. 2012: *The Column of Marcus Aurelius // A Companion to Marcus Aurelius / Ed. M. van Ackeren*. Malden (MA); Oxford. 251–263.
- Brunt P.A. 1971: *Italian Manpower (225 BC — AD 14)*. Oxford: The Clarendon Press.
- Carroll M. 2001: *Romans, Celts and Germans. The German Provinces of Rome*. Stroud & Charleston: Tempus.

- Chauvot A. 1998: *Opinions romaines face aux barbares au IVe siècle ap. J.-C.* Paris: De Boccard.
- Chevallier R. 1975: *Gallia Narbonensis. Bilan de 25 ans de recherches historiques et archéologiques // ANRW. II. 3. 715–770.*
- Collins J. 1991: *English Dictionary. 3rd ed.* Glasgow: Harper Collins.
- Gardner J.F. 1983: The “Gallic menace” in Caesar’s propaganda // *GfR. 30. 181–189.*
- Geary P.J. 2001: *Barbarians and Ethnicity // Interpreting Late Antiquity. Essays on the Postclassical World / Eds. G. W. Bowersock, P. Brown, O. Grabar. Cambridge (MA); London. 106–129.*
- Goudineau C. 1996: *Gaul // CAH. 2nd ed. Vol. X: The Augustan Empire, 43 BC — AD 69 / Eds. A. K. Bowman, E. Champlin, A. Lintott. Cambridge. 464–502.*
- Gruen E.S. 2010: *Rethinking the Other in Antiquity.* Princeton: Princeton University Press.
- Grünewald T. 2001: Vom metus Gallicus zum metus Gothicus. Roms Furcht vor den Völkern des Nordens // *Ktema. 26. 285–306.*
- Halsall G. 2007: *Barbarian Migrations and the Roman West, 376–568.* Cambridge: Cambridge University Press.
- Isaac B.H. 2004: *The Invention of Racism in Classical Antiquity.* Princeton: Princeton University Press.
- Kerremans B. 2016: *Metus Gallicus, tumultus Cimbricus? The possible promulgation of a tumultus in the Cimbrian War (105–101 BCE) // Mnemosyne. 69. 822–841.*
- Mattern S.P. 1999: *Rome and the Enemy. Imperial Strategy in the Principate.* Berkeley: University of California Press.
- Müller K.E. 1980: *Geschichte der antiken Ethnographie und ethnologischen Theoriebildung. Von den Anfängen bis auf die byzantinischen Historiographen. Teil II / Studien zur Kulturkunde. 42.* Wiesbaden: Franz Steiner.
- Ndiaye E. 2007: *L'image du barbarus gaulois chez Cicéron et César // Vita Latina. 177. 87–99.*
- Norden E. 1959: *Die germanische Urgeschichte in Tacitus' Germania.* Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft.
- Pohl W. 2014: *Goths and Huns // A Companion to Ethnicity in the Ancient Mediterranean // Ed. J. McInerney. Malden (MA); Oxford. 555–568.*

- Rawson E. 1985: *Intellectual Life in the Late Roman Republic*. London: Duckworth.
- Rudberg G. 1933: *Zum antiken Bild der Germanen*. Studien zur ältesten Germanenliteratur. Oslo: Fridtjof Nansens Fond.
- Saddington D.B. 1961: Roman Attitudes to the “External Gentes” of the North // *AC*. 4. 90–102.
- Saddington D.B. 1975: Race Relations in the Early Roman Empire // *ANRW*. II. 3. 112–137.
- Stevens C.E. 1952: The *Bellum Gallicum* as a Work of Propaganda // *Latomus*. 11. 3–18, 165–179.
- Strasburger H. 1965: Poseidonios on Problems of the Roman Empire // *JRS*. 55. 40–53.
- Thompson E.A. 1965: *The Early Germans*. Oxford: Clarendon Press.
- Trüdinger K. 1918: *Studien zur Geschichte der griechisch-römischen Ethnographie*. Basel: PhD.

И.Е. Ермолова

ПРОВОКАЦИИ РИМЛЯН

Целью статьи является рассмотрение одного из аспектов отношений римлян с другими народами в IV в. В этот период Римская империя испытывает массивный напор варварских племен. Взаимодействие противоборствующих сторон имеет различные аспекты, включающие как прямые столкновения, так и установление договорных отношений на основе достигнутых результатов. Для того, чтобы противостоять варварам, римляне используют все средства. Довольно часто их действия, отчасти из-за высокомерного и пренебрежительного отношения к варварам, отчасти из-за непродуманности возможных последствий, носили провокационный характер. Неприглядные методы борьбы римлян вызывали закономерную ответную реакцию и взрыв возмущения обиженных, еще более накаляя напряженную ситуацию на границах. Среди этих методов можно выделить беспринципное отношение к уже установленным договоренностям; коварное невыполнение данных обещаний; интриги недобросовестных должностных лиц, из-за которых вожди и цари отдельных племен не могли добиться справедливости по отношению к себе; несправедливые наказания; подлые убийства вождей; недальновидную политику высших военачальников по отношению к целым народам, переселявшимся на территорию империи; натравливание одних племен на другие; использование варваров во внутренней борьбе за власть; уменьшение установленных выплат и сокращение принятых традиционных даров. В таком ракурсе события IV в. в научной литературе практически не рассматривались.

Ирина Евгеньевна ЕРМОЛОВА — кандидат исторических наук, доцент
Российского государственного гуманитарного университета. Россий-
ская Федерация, Москва—merira@mail.ru

Ключевые слова: Аммиан Марцеллин, римляне, варвары, провокация, договор, нарушение.

Римское государство в течение многих веков росло и укреплялось за счет постепенной интеграции сначала ближних, а затем все более дальних племен и народов. Этот процесс продолжался и в поздней античности, но во время Великого переселения народов его интенсивность и масштабы непомерно возросли, так что, в конечном итоге, он захлестнул западную половину Римской империи.

Уже в IV в. напор внешних народов был чрезвычайно велик, и римлянам приходилось напрягать все силы, чтобы продолжать противостоять ему. А поскольку они так и не стали считать варваров равными себе¹, то для ослабления последних все средства были хороши, в том числе и вполне «варварские», не принятые в цивилизованном обществе.

Довольно часто неприглядные действия римлян вызывали закономерную ответную реакцию и взрыв возмущения обиженных, еще более накалявшую напряженную ситуацию на границах. Только иногда некоторые предусмотрительные политические деятели понимали, что беспринципное отношение к уже установленным договоренностям может спровоцировать нарушение договоров и варварами. Так, цезарь Юлиан,

«...настойчиво возражал, утверждая, что не следует вступать в области племен, с которыми заключен мирный договор, так как солдаты по своей дикости станут грабить все на своем пути, и это создаст возможность неожиданного нарушения договоров»²,

аламаннами. Но так было далеко не всегда. Император Валентиниан, энергично взявшийся в 368–370 гг. за укрепление рейнской границы, не принял во внимание имеющиеся договоры и начал строительство крепостей в землях аламаннов. Аммиан Марцеллин, несмотря на явную неприязнь, если не сказать больше, к варварам³, во многих случаях не искажает историческую истину в поль-

¹ Heather P. 1999, 234.

² *Amm. Marc.* XVIII. 2. 7.

³ Heather P. 1999, 234; Удальцова З.В. 1974, 70–71; Ермолова И.Е. 2017, 98–100.

зу римлян, когда они явно провоцируют соседей⁴. Он сообщает, что во время начатых работ

«...появились некоторые старейшины аламаннов, отцы заложников, которых мы держали, согласно условиям договора (*quos lege foederis...tenebamus*), как весьма серьезный залог продолжительного мира. Преклонив колени, они молили, чтобы римляне, которые всегдашней верностью слову вознесли свою судьбу до небес, не отклонялись, пренебрегая собственной безопасностью, на ложный путь и не принимались за недостойное дело, поправ условия договора (*pactisque calcatis rem adorerentur indignam*)»⁵.

Римские военачальники, руководившие строительством по приказу императора, не выжили этим мольбам. Ответ на противоправные действия был вполне закономерным.

«Из укрытого места на соседней возвышенности появился отряд варваров, который, как легко было догадаться, дожидался там ответа, который получают старейшины. Бросившись на полуголых солдат, которые тогда носили еще землю, они выхватили мечи и перебили их, и с ними вместе были убиты и оба начальника»⁶.

Сходная ситуация была и на Дунае. Как пишет Аммиан,

«Валентиниан с самого начала своего правления пламенел похвальным, но и переходившим через край старанием укреплять границы (*studio muniendorum limitum glorioso quidem sed nimio*). Он приказал соорудить сторожевые укрепления за рекой Истр на земле квадов, как будто она была уже подчинена римскому закону (*quasi Romano iuri iam vindicatis*). Население негодовало на это, но, не желая подвергать себя опасности, старалось задерживать эти работы лишь посольством к императору и ропотом»⁷.

Квады оказались более терпеливыми, но и их чуть позже римляне спровоцировали еще большим злодеянием.

⁴ *Rowell H. T.* 1967, 298.

⁵ *Amm. Marc.* XXVIII. 2. 6–7.

⁶ *Idem.* XXVIII. 2. 8.

⁷ *Idem.* XXIX. 6. 2.

В 370 г. саксы, вторгшиеся на римскую территорию, при столкновении с регулярными войсками стали просить прощения и мира.

«После продолжительного рассмотрения дела со всех сторон, признано было выгодным для государства предоставить перемирие и разрешено было варварам беспрепятственно вернуться туда — откуда они пришли, после того как они отдали много своей молодежи, пригодной для военной службы»⁸.

Казалось, конфликт, хотя бы временно, был исчерпан. Аммиан пишет:

«...с чувством полной безопасности (*omni iam formidine vacuis*) саксы готовились идти назад. Но с нашей стороны тайно был послан отряд пехоты, чтобы устроить засаду в удаленной долине, откуда можно было без затруднений напасть на проходящих мимо»⁹.

Фактор внезапности римлянам использовать в полной мере не удалось, так как некоторые воины выскочили из укрытия преждевременно, и они получили на свое коварство должный ответ:

«...как только варвары их увидели, они подняли свой зловещий боевой клич, не дали нашим времени подготовиться к бою, и те побежали, однако тотчас же остановились и встали в тесном строю; отчаянность положения вынуждала их напрягать все силы, хотя уже и ослабленные»¹⁰.

Римляне понесли тяжелые потери, которых могло и не быть. Различными несправедливыми деяниями в отношении варваров, как целых племен, так и отдельных личностей, римляне нередко усугубляли свои проблемы. Так, после подавления узурпации Прокопия в 367 г. император Валент потребовал

«...установить, на каком основании народ, дружественный римлянам и связанный договором прочного мира, оказал поддержку человеку, начавшему войну против законных государей. В качестве полного оправдания своего образа действий готы предста-

⁸ *Idem.* XXVIII. 5. 4.

⁹ *Idem.* XXVIII. 5. 5.

¹⁰ *Idem.* XXVIII. 5. 6.

вили письмо самого Прокопия, который заявлял, что он принял верховную власть, принадлежащую ему как близкому члену Константинова рода. В этом документе они признавали заслуживающее снисхождения оправдание своей ошибки»¹¹.

Отряды тервингов не успели прийти на помощь узурпатору, то есть не нанесли никакого вреда Риму, да и ссылка на письмо узурпатора заслуживала внимания. В древности союзнические отношения мыслились как личные, устанавливались с человеком, а не с государством. В 332 г. готы заключили договор с императором Константином I¹², а Прокопий, действительно, был его родственником и, по представлениям тервингов, вероятно, имел право требовать выполнения его условий. Но Валент начал против них военные действия, продолжавшиеся три сезона 367–369 гг.¹³, стоившие немалых средств римской казне и нанесшие большой урон армии.

Когда один из сыновей царя мавров, замешанный в дворцовых интригах после смерти отца, долго не мог добиться справедливого рассмотрения его дела императором, потому что римские должностные лица защищали интересы его оппонента,

«...и почувствовал себя в крайней опасности, так как, из-за утайвания того, что он мог сказать в свою защиту, могли изречь над ним смертный приговор как над опасным бунтарем и предать смерти, то отпал от империи и (собрал) вспомогательные силы ...для опустошения (наших провинций?)...»¹⁴.

Этот инцидент, которого могло бы не быть, разросся в опасное восстание, к которому присоединились не только соседние племена, но даже некоторые римские военные части. На борьбу с ним был направлен прославленный полководец Феодосий, который с огромным трудом в течение нескольких лет, не раз находясь на грани гибели, теряя множество воинов, наконец, добился победы, убедив одного из сторонников зачинщика этих беспорядков захватить его в плен и выдать римлянам¹⁵.

¹¹ *Idem.* XXVII. 5. 1.

¹² *Eus.* V. C. I. 8. 2; IV. 5. 1; *Aur. Vict.* Caes. XLI. 12; *Eutr.* X. 7. 1.

¹³ *Amm. Marc.* XXVII. 5. 1–9.

¹⁴ *Idem.* XXIX. 5. 3.

¹⁵ *Idem.* XXIX. 5. 4–56.

Несправедливые, по мнению тех или иных народов, наказания их соплеменников неоднократно вызвали взрывы возмущения, с которыми затем было очень сложно справиться. Так, в провинции Триполис в Африке взбунтовалось граничащее с ней племя австорианов. «Под предлогом мести за несправедливую, как они утверждали, казнь своего соплеменника они ринулись, как остервеневшие звери»¹⁶. Начавшиеся бедствия и разорение были усугублены бездействием тогдашнего комита Африки Романа, который вымогал взятку у пострадавших горожан¹⁷. И в этом случае, как и в предыдущем, значительная часть вины за нарушение мирных отношений с соседними варварами, а затем несвоевременную ликвидацию последствий вторжений, лежит на недобросовестных должностных лицах Рима. Несколькими десятилетиями ранее похожая ситуация была спровоцирована на юге Малой Азии, где разбойничали исавры.

«Как они заявляли, их поднял взрыв негодования в ответ на то, что несколько их земляков, взятых в плен, были вопреки обычаю брошены в амфитеатр на съедение диким зверям в писидийском городе Иконии»¹⁸, —

что также доставило немало хлопот властям.

Не задумываясь о моральной стороне дела, римляне могли подводить тех, кто с ними уже сотрудничал.

«Царь Гортарий, который был нашим союзником и не замыслил измены, но сохранял дружественные отношения со своими соседями, созвал к себе на пир всех царей, царевичей и мелких князей. По их народному обычаю пир затянулся до третьей смены ночной стражи. Когда гости разъезжались, на них неожиданно напали наши, но им не удалось ни убить, ни взять в плен никого из знатных варваров: последние под покровом ночной темноты и пользуясь тем, что были на конях, ускакали, куда кому удалось. Но наши солдаты перебили следовавших за ними пешком слуг и рабов»¹⁹.

¹⁶ *Idem.* XXVIII. 6. 4.

¹⁷ *Idem.* XXVIII. 6. 5–28.

¹⁸ *Idem.* XIV. 2. 1.

¹⁹ *Idem.* XVIII. 2. 13.

Никаких сентенций по поводу такого рода действий римлян Аммиан Марцеллин не высказывает, а ведь это событие, вероятно, увеличило озлобление германцев и напряженность в отношениях с ними, серьезно осложнило положение Гортария и, возможно, колебало его намерение сохранять лояльность к Риму.

Еще более непривлекательными выглядят действия по отношению к квадам. Они почти безропотно выдержали хозяйничанье римлян на их землях, но подлое убийство их царя Габиния, инициированное дуксом Валерии, вынести не смогли.

«Марцеллиан пригласил с притворной вежливостью его и других к себе на обед, а когда тот возвращался после обеда, он приказал убить его, нечистиво нарушив священный обычай гостеприимства»²⁰.

В данном случае Аммиан Марцеллин высказывает возмущение по поводу «никогда не слышанной политики (*numquam temptatae cupiditatis figmenta*)»²¹. Весьма печальные для населения провинции последствия столь необдуманного поступка администрации не заставили себя ждать.

«Слух об этом преступном деянии распространился повсеместно и ожесточил как квадов, так и соседние племена. Оплакивая гибель царя, они объединились и послали грабительские отряды. Перейдя через Дунай в такую пору, когда не ожидали никаких враждебных действий, варвары напали на сельское население, занятое сбором жатвы, перебили большую часть, а оставшихся в живых увели вместе с множеством различного скота»²².

К гораздо более разрушительным результатам привела опрометчивая политика в отношении тервингов и гревтунгов в 70-х гг. IV в. Казалось бы, внезапное появление гуннов в Северном Причерноморье, побудившее готов искать убежище на римской территории, сулило государству и императору только выгоды. Оно

«...предоставляло ему совсем неожиданно столько рекрутов из отдаленнейших земель, так что он может получить непобедимое войско, соединив свои и чужие силы, и государственная

²⁰ *Idem.* XXIX. 6. 5.

²¹ *Idem.* XXIX. 6. 4; XXX. 6. 2.

²² *Idem.* XXIX. 6. 6.

казна получит огромные доходы из военной подати, которая из года в год платилась провинциями»²³.

Чувство справедливости не изменяет Аммиану и здесь, он гневно обвиняет должностных лиц, руководивших процессом переселения, в позорном стяжательстве:

«Пока варвары, переведенные на нашу сторону, терпели голод, эти опозорившие себя командиры завели постыдный торг: за каждую собаку, которых набирало их ненасытное корыстолюбие, они брали по одному рабу и среди взятых уведены были даже сыновья старейшин»²⁴.

Брожение в среде варваров начинается исподволь:

«...тервинги, принятые до этого в пределы империи, все еще скитались возле берегов Дуная, так как их угнетало двойное затруднение вследствие подлого поведения командиров: они не получали провианта, и их намеренно задерживали ради позорного торга. Когда они это поняли, то стали горячо говорить, что они примут свои меры для отвращения бедствий, причиняемых им предательством»²⁵.

Дальнейшие неосмотрительные действия комита во Фракии Лупицина, который спровоцировал столкновения тервингов с жителями Маркианополя²⁶, только усугубили ситуацию:

«...весь народ тервингов загорелся жадной боя. <...> стали рыскать грабительские отряды, предавая грабежу и огню селения и производя страшные опустошения где бы ни представилась такая возможность»²⁷. «Лупицин с большой поспешностью собрал войска против них и выступил, действуя скорее наобум, чем по обдуманному плану (*temere magis quam consulte*)»²⁸.

В это же время готские вожди Сферид и Колия, переселившиеся на римскую территорию задолго до разворачивающихся

²³ *Idem.* XXXI. 4. 4.

²⁴ *Idem.* XXXI. 4. 11.

²⁵ *Idem.* XXXI. 5. 1–2.

²⁶ *Idem.* XXXI. 5. 4–7.

²⁷ *Idem.* XXXI. 5. 8.

²⁸ *Idem.* XXXI. 5. 9.

событий и жившие в Адрианополе, получили приказ перейти на Геллеспонт, который они готовы были выполнить, попросив лишь выдать им деньги, провиант и два дня на сборы. Но начальник города (*civitatis magistratus*) не только не ответил на их справедливые просьбы, но и, потребовав немедленного выполнения приказа, спровоцировал горожан на нападение на готский отряд. Поскольку варвары были практически профессиональными воинами, мирные жители дорого заплатили за опрометчивость администратора, а оскорбленные вожди соединили свои силы с Фритигерном, возглавившим уже чрезвычайно грозное восстание тервингов, принесшее страшные бедствия римской Фракии:

«Не разбирали они в своих убийствах ни пола, ни возраста и все предавали на своем пути страшным пожарам; отрывая от груди матери младенцев и убивая их, брали в плен матерей, забирали вдов, зарезав на их глазах мужей, через трупы отцов тащили подростков и юношей, уводили, наконец, и много стариков, кричавших, что они достаточно уж пожилы на свете. Лишив их имущества и красивых жен, скручивали они им руки за спиной и, не дав оплакать пепел родного дома, уводили на чужбину»²⁹.

Губительное продолжительное разорение, начало которому положили необдуманные своекорыстные действия римских должностных лиц и военачальников, закончилось поистине катастрофическим поражением под Адрианополем и гибелью императора Валента³⁰.

Довольно неблагоприятные приемы в отношении соседних племен были в арсенале римской политики с давних пор, они никогда не забывали принцип «*divide et impera!*», служивший ослаблению различных групп варваров³¹. В конце 60-х гг. IV в. его успешно применил император Валентиниан, действия которого были направлены против аламаннов. Он

«...принял решение вызвать на погибель им бургундов, народ воинственный и чрезвычайно многочисленный, а потому и

²⁹ *Idem.* XXXI. 6. 1–7.

³⁰ *Idem.* XXXI. 7–9; 11–13.

³¹ *Bachrach B.S.* 1969, 357–358; *Heather P.* 1999, 240–241; *Salzman M.R.* 2006, 366.

страшный для всех соседей»³². Он убедил «их напасть на аламаннов в условленное время и со своей стороны обещая перейти через Рейн с римскими войсками и потеснить аламаннов»³³.

Натравливание одного народа на другой оказалось успешным, так как между ними были противоречия «из-за соляных варниц и границ»³⁴. Операция удалась в полной мере, поскольку аламанны в результате неожиданного нападения бургунов понесли значительные потери, а последние тоже были ослаблены, потому что не дождались обещанной римлянами помощи³⁵.

Худшим способом провокации вторжений варваров на римскую территорию было использование их сил во внутренней борьбе за власть. Во второй половине IV в. известно, «если только можно поверить молве (*si famaе solius admittenda est fides*)»³⁶. как пишет Аммиан Марцеллин, о подстрекательстве императором Констанцием II одного из аламаннских вождей, Вадомария, к нападениям на пограничные области Галлии с тем, чтобы цезарь Юлиан не мог ее покинуть³⁷ и предпринять какие-либо действия, чтобы получить титул августа. Аммиан осторожно говорит о такой возможности, но этот факт подтверждают и другие авторы³⁸.

Одним из поводов для нарушения мира между римлянами и варварами было уменьшение выплат последним. Установление выдачи периодических даров племенным вождям было одним из известных дипломатических приемов и, в определенной степени, свидетельствовало о некоторой слабости Рима и невозможности справиться с опасностью, исходящей от них, только военными средствами. Иногда, в связи с различными обстоятельствами, римлянам удавалось укрепить свои позиции, и проявлением усиления государства было сокращение даров, что вызывало недовольство их союзников. Во второй половине IV в. таких случаев немного, но следствием их были враждебные действия бывших друзей римско-

³² *Amm. Marc.* XXVIII. 5. 9.

³³ *Idem.* XXVIII. 5. 10.

³⁴ *Idem.* XXVIII. 5. 11.

³⁵ *Idem.* XXVIII. 5. 12–13.

³⁶ *Idem.* XXI. 3. 4.

³⁷ *Idem.* XXI. 3. 4–5.

³⁸ *Socr.* H. E. III. 1; *Eun.* Fr. 14.

го народа. Аммиан Марцеллин пишет, что во время персидского похода 363 г. «эти сарацины стали враждебны нам потому, что Юлиан запретил выдавать им крупные суммы под видом жалования и подарков, как делалось прежде»³⁹. Вскоре после этого

«...германские границы прорвали аламанны: причиной их необычайного ожесточения было следующее обстоятельство. Когда их послы явились на главную квартиру для получения определенных и обычаем установленных даров, им были переданы подарки в меньшем по сравнению с прежним количестве и худшего качества. Приняв подарки, они воспылали гневом и бросили их как унижающие их достоинство»⁴⁰.

Дополнительным провоцирующим фактором послужило не дипломатичное поведения магистра оффиций, который «обошелся с ними грубо, они уехали, преувеличили в своих рассказах случившееся и возбудили страсти в среде своих диких соплеменников, вызывая обиду за оказанное им будто бы грубое пренебрежение»⁴¹. А проявления слабости римской стороной уменьшали страх соседей перед ответной реакцией на их вторжения. Так, в 356–357 гг. под влиянием неоднократных заявлений перебежчика о том, что у Юлиана осталось очень мало войск, аламанны «отправили к Цезарю посольство с высокомерным требованием освободить земли, которые они приобрели силой оружия и своей храбростью»⁴². В 367–368 гг. викарий Азии Музоний в борьбе с исаврами попал в засаду и погиб со всеми своими людьми. «Этот успех сделал разбойников еще наглее <...> они теперь стали предпринимать свои набеги еще более дерзко»⁴³. Пожалуй, это единственный аспект изменения отношений между варварами и римлянами, обусловленный объективными обстоятельствами, а не провокациями последних.

Раздражить варваров и подтолкнуть их на очередной грабеж могли несанкционированные действия римских воинов, как это случилось с отрядом аскарриев, которым было приказано разграбить лагерь аламанных, а они, захватив предводителя их отряда,

³⁹ *Amm. Marc.* XXV. 6. 10.

⁴⁰ *Idem.* XXVI. 5. 7.

⁴¹ *Ibid.*

⁴² *Idem.* XVI. 12. 3.

⁴³ *Idem.* XXVII. 9. 7.

повесили его⁴⁴. Своеволие и излишняя жестокость подчиненных возмутила магистра конницы в Галлии Иовина, но дисциплина в римской армии в этот период в ряде случаев была не на высоте⁴⁵.

Таким образом, высокомерное отношение к соседним народам, иногда излишне самоуверенные, а иногда необдуманные действия по отношению к ним римских правителей, военачальников, должностных лиц, в ряде случаев носившие провокационный характер, серьезно усугубляли напряженность на границах государства, доставляли много бед и горя, которых, по-видимому, можно было избежать, населению провинций.

Что касается позиции Аммиана Марцеллина, сохранившего все эти сведения, то его враждебность к варварам все же, вероятно, не представляется такой всеобъемлющей, как, например, у Синезия, отрицающего любое сотрудничество с ними⁴⁶, а является одним из аспектов патриотизма⁴⁷, и поэтому историк понимает, что более взвешенное выстраивание отношений с ними могло принести Риму больше пользы, нежели безответственные провокации.

ЛИТЕРАТУРА

- Аммиан Марцеллин*. Римская история / Ю.А. Кулаковского и А.И. Сонни (пер. с лат.). СПб., 1996.
- Ammiani Marcellini Rerum gestarum libri qui supersunt* / W. Seyfarth (ed.). Leipzig: BSB B.G. Teubner Verlagsgesellschaft, 1978. 1–2.
- Eunapius*. Text and Translation // The Fragmentary Classicising Historians of the Later Roman Empire: Eunapius, Olympiodorus, Priscus and Malchus / Ed. and transl. R.C. Blockley. Vol. II. Liverpool, 1983.
- Eusebius*. Vita Constantini // Idem. Werke / Hrsg. von F. Winkelmann. Bd. 1. B., 1991.
- Eutropius*. Breviarium ab urbe condita / Rec. C. Santini. Leipzig, 1979.
- Sextus Aurelius Victor*. De Caesaribus // Id. Liber de Caesaribus /Fr. Pichmayr (ed.). Leipzig: BSB B. G. Teubner Verlagsgesellschaft, 1970. 77–129.

⁴⁴ *Idem*. XXVII. 2. 9.

⁴⁵ *Whitby M.* 2004, 174.

⁴⁶ *Heather P.* 1988, 153.

⁴⁷ *Camus P.-M.* 1967, 124.

- Socratis Scholastici* Historia ecclesiastica // Migne J.-P. Patrologiae cursus completus. Series graeca. T. 67. Paris, 1859. Col. 29–842.
- Ермолова И.Е.* 2017: К вопросу об одном из создателей исторического портрета варвара // Цивилизация и варварство. Человек варварского мира и варварский мир человека (Ч. 1). Вып. VI. В.П. Буданова (гл. ред.). М.: ИВИ РАН. С. 96–104.
- Удальцова З.В.* 1974: Идеино-политическая борьба в ранней Византии (по данным историков IV–VII вв.). М.: Наука.
- Bachrach B.S.* 1969: Another Look at the Barbarians Settlement in Southern Gaul // *Traditio*. Vol. 25. P. 354–358.
- Camus P.-M.* 1967: Ammien Marcellin temoin des courants culturels et religieux à la fin du IV siècle. Paris.
- Heather P.* 1988: The Anti-Scythian Tirade of Synesius' "De Regno" // *Phoenix*. Vol. 42. No. 2. P. 152–172.
- Heather P.* 1999: The Barbarian in Late Antiquity // *Constructing Identities in Late Antiquity* / R. Miles (ed.). London and New York. P. 234–258.
- Rowell H. T.* 1967: Ammianus Marcellinus, Soldier-Historian of the Late Rome Empire // *Lectures in Memory of L. Faft Semple*. The University of Cincinnati. . Vol. 1. Princeton. P. 261–314.
- Salzman M.R.* 2006: Symmachus and the "Barbarian" Generals // *Historia*. B. 55. H. 3. S. 352–367.
- Whitby M.* 2004: Emperors and Armies, A.D. 235–395 // *Approaching Late Empire* / S. Swain and M. Edwards (ed.). Oxford: University Press. P. 156–186.

Irina E. ERMOLOVA

ROMANS' PROVOCATIONS

The aim of the article is an examination of the one aspect of the roman-barbarian relations in the IV century. In this period the Roman empire is tested by mass barbarian's rush. The interactions of the opposite sides have different aspects, which include both direct collisions, and establishment of the contracted relations on the base of the achieved results. The Romans use all means in order to resist barbarians. Sufficiently often their actions had provocative character, partly owing to supercilious and neglect relation to the barbarians, partly because of inconsideration of the possible consequences. The Roman unacceptable methods of the struggle called regular an-

swerable reaction and indignation's explosion of that, who were offended. It made the strained situation on the frontiers some more worse. Among these methods there are relations of no principles to the already established agreements; insidious inexecution of already given promises; intrigues of the unconscientious officials; unjust punishments; base assassinations of the cheftains; the high military leaders' infar-seeing politics; the use of barbarians in the home struggle for the rule; decrease the established payments. In this aspect the events of the IV century haven't examined practically in the scientific literature.

Keywords: Ammianus Marcellinus, Romans, barbarians, provocation, treaty, violation.

Irina E. ERMOLOVA — Ph.D. (History), Associate Professor of Russian State University for the Humanities. Moscow, Russian Federation — merira@mail.ru

REFERENCES

- Ammian Martsellin. Rimskaya istoriya / Yu.A. Kulakovskii i A.I. Sonni (per. s lat.). Spb., 1996.
- Ammiani Marcellini Rerum gestarum libri qui supersunt / W. Seyfarth (ed.). Leipzig: BSB B.G. Teubner Verlagsgesellschaft, 1978. 1–2.
- Bachrach B.S. 1969: Another Look at the Barbarians Settlement in Southern Gaul // *Traditio*. Vol. 25. P. 354–358.
- Camus P.-M. 1967: Ammien Marcellin temoin des courants culturels et religieux à la fin du IV siècle. Paris.
- Ermolova I.E. 2017: K voprosu ob odnom iz sozdateley istoricheskogo portreta varvara // *Civilizaciya i varvarstvo. Chelovek varvarskogo mira i varvarskiy mir cheloveka* (Ch. 1). Vip. VI / V.P. Budanova (gl. red.). M.: IVI RAN. S. 96–104.
- Eunapius. Text and Translation // *The Fragmentary Classicising Historians of the Later Roman Empire: Eunapius, Olympiodorus, Priscus and Malchus* / Ed. and transl. R.C. Blockley. Vol. II. Liverpool, 1983.
- Eusebius. Vita Constantini // *Idem. Werke* / Hrsg. von F. Winkelmann. Bd. 1. B., 1991.
- Eutropius. Breviarium ab urbe condita / Rec. C. Santini. Leipzig, 1979.
- Heather P. 1988: The Anti-Scythian Tirade of Synesius' "De Regno" // *Phoenix*. Vol. 42. No. 2. P. 152–172.

- Heather P. 1999: *The Barbarian in Late Antiquity // Constructing Identities in Late Antiquity* / R. Miles (ed.). London and New York. P. 234–258.
- Rowell H. T. 1967: *Ammianus Marcellinus, Soldier-Historian of the Late Rome Empire // Lectures in Memory of L. Faft Semple*. The University of Cincinnati. . Vol. 1. Princeton. P. 261–314.
- Salzman M.R. 2006: *Symmachus and the “Barbarian” Generals // Historia*. B. 55. H. 3. S. 352–367.
- Sextus Aurelius Victor. *De Caesaribus // Id. Liber de Caesaribus* /Fr. Pichmayr (ed.). Leipzig: BSB B. G. Teubner Verlagsgesellschaft, 1970. 77–129.
- Socratis Scholastici *Historia ecclesiastica // Migne J.-P. Patrologiae cursus completus. Series graeca*. T. 67. Paris, 1859. Col. 29–842.
- Udal'tsova Z.V. 1974: *Ideyno-politicheskaya bor'ba v ranney Vizantii (po dannim istorikov IV–VII vv.)*. M.: Izd. Nauka.
- Whitby M. 2004: *Emperors and Armies, A.D. 235–395 // Approaching Late Empire* / S. Swain and M. Edwards (ed.). Oxford: University Press. P. 156–186.

С.В. Смирнов

ИКОНОГРАФИЯ КАК ТРИГГЕР?

К ПРОБЛЕМЕ «ВАРВАРСКИХ ПОДРАЖАНИЙ» МОНЕТАМ СЕЛЕВКИДОВ

В работе рассматриваются ключевые проблемы иконографии варварских подражаний монетам Селевкидов на примере двух монетных серий — согдийских подражаний монетам Антиоха I и коммагенских подражаний монетам Деметрия I. Обе монетные серии демонстрируют как общие тенденции семиотической трансформации нарратива монеты, происходящей при преобразовании оригинального монетного изображения в подражание, так и индивидуальные особенности этого процесса. Так, основным признаком трансформации нарратива монеты является изменения легенды. В случае с согдийскими подражаниями текст легенды, не воспринимавшейся аудиторией подражания как источник информации и коммуникации, преобразуется в орнамент и формирует часть изображения, а в случае с коммагенскими подражаниями, где текст легенды, очевидно, имел важную смысловую нагрузку, дополняется новыми, не характерными для оригинала эпитетами. Важным аспектом проблемы варварских подражаний является выбор иконографического сюжета. Этот выбор не был случаен и определялся культурной близостью сюжета, представленного на монете-прототипе. Таким образом, процесс создания подражания не сводился только к механическому копированию изображения, но представлял собой более содержательный процесс переосмысления текста изображения и перевод его на язык иной знаково-иконической системы посредством особых художественных приемов.

Святослав Викторович СМIRHOV — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН. Российская Федерация, Москва — SmirnovSV3@yandex.ru

Цивилизация и варварство
2021. Вып. X. С. 219–233
УДК 9.94

Civilization and Barbarity
2021. Issue X. P. 219–233
DOI [10.21267/AQUILO.2021.10.10.009](https://doi.org/10.21267/AQUILO.2021.10.10.009)

Ключевые слова: иконография, Селевкиды, эллинизм, нумизматика.

Одним из наиболее заметных явлений в монетном деле эпохи эллинизма является появление большого количества так называемых «варварских подражаний», т.е. имитаций монет эллинистических государств, выпускавшихся и обращавшихся на варварской периферии.

Как отмечал Е.В. Зеймаль, такие подражания являлись начальным этапом монетной чеканки для многочисленных народов, которые соприкасались с миром уже знакомым с монетой¹. Такой случай демонстрируют варварские народы, населявшие периферию эллинистического мира, в частности, государства Селевкидов, простиравшегося от Геллеспонта до Средней Азии. Обильная монетная чеканка, продолженная царями династии Селевкидов после Александра, стала причиной не только активной монетизации экономик главных регионов державы (Сирия, Месопотамия, Мидия, Бактрия), но и вовлечения в зону монетного обращения огромных территорий от Малой Азии до Индии². Очевидно, что дополнительным эффектом этих процессов стало использование монеты при торговых операциях с соседними варварскими народами и, как следствие, появление большого количества подражаний селевкидской монете. Такие подражания зафиксированы в различных периферийных для Селевкидов регионах — в Средней Азии, Закавказье, Восточной Малой Азии.

Экономические причины появления таких подражаний не раз становились предметом специального исследования³, и на сегодняшний день нет никаких сомнений, что «варварские подражания» имели важное значение для локального денежного обращения в периферийных районах античной цивилизации. Хорошо известны подражания монетам Александра Македонского и его брата Филиппа Арридея⁴. Эти подражания, как и их прототипы, явля-

¹ Зеймаль Е.В. 1975, 56.

² Aperghis G. 2004, 260–261.

³ Наймарк А.И. 2008, 55–70; Hoover O. 2018, 258–259; Mørkholm O. 1991, 35.

⁴ Об этих подражаниях см.: Сергеев А.Я. 2012.

лись одними из наиболее распространенных в период эллинизма. Однако в случае с подражаниями монетам Селевкидов мы не находим повсеместного копирования главного типа — «Аполлона, сидящего на омфале», скорее, наоборот — на варварской периферии встречаются подражания различным селевкидским монетам. Причиной этого, вероятно, стоит считать многообразие монетных типов у самих Селевкидов, однако, выбор конкретного типа для последующей репликации его в качестве подражания представляет собой намеренное и не случайное заимствование.

Важно отметить, что варварские подражания стоит отличать от бытовавших в то же время имитаций и подделок, выпускавшихся, как частными лицами, так и правителями соседних государств для интеграции выпущенной монеты в обширное денежное обращение Селевкидов⁵. Так, наиболее известны многочисленные серии каппадокийских подражаний тетрадрахам Антиоха VII, которые выступали в качестве основного типа тетрадрахм этого государства на протяжении почти всей его истории⁶. В центре же нашего внимания находятся группа «варварских подражаний», отличавшаяся от остальных подражаний и имитаций не столько пониженным весом и содержанием драгоценного металла⁷, сколько особенностями иконографии, в которых традиционно в историографии принято видеть черты «варваризации». Варварские подражания, будучи девиацией традиционной монетной иконографии эпохи эллинизма, представляет собой важнейший исследовательский материал, изучение которого в контексте эллинистической эстетики позволяет существенно нюансировать наши знания о визуальной культуре эллинистического мира.

⁵ О различных типах подделок и подражаний на примере афинской монетной чеканки см.: *van Alfen P.* 2005, 322–354.

⁶ Подробнее об этом См.: *Lorber C., Houghton A., Veselý P.* 2006, 49–97.

⁷ Стоит обратить внимание на то, что часть известных подражаний имела вес, близкий к оригинальному, а отсутствие серьезных исследований состава металла подражаний не позволяет утверждать, что их изготовление было ориентировано на извлечение прибыли в пользу выпускающего лица. Впрочем, такие подражания не относятся к производству варварской периферии. *Hoover O.* 2018, 259. Однако в составе кладов «варварские» монеты нередко встречаются с зарубом, что подразумевает определенное недоверие к ним со стороны их держателей.

Прежде, чем перейти к обсуждению отдельных проблем иконографии варварских подражаний, рассмотрим несколько примеров. Первый из них (Рис. 1) это согдийское подражание монетам Антиоха I с изображением портрета правителя на лицевой стороне и головой рогатой лошади на оборотной (SC 464). Такие монеты (драхмы и более мелкие фракции) встречаются на территории Средней Азии⁸.

Рис. 1.
Подражание драхме Антиоха I. Согд. Плакированная.
(Zeno.ru. № 173995)

Время и точное место чеканки этих подражаний остаются спорными, но можно предположить, что они чеканились на протяжении двух сотен лет, начиная с заката селевкидской власти в Средней Азии (середина III в. до н.э.) в Мараканде (Самарканд) и Бухаре. Оригинал (Рис. 2. С. 223), с которого было выполнено подражание, также относится к среднеазиатской селевкидской чеканке и выпускался на монетных дворах Бактрии (SC 432). При сравнении двух экземпляров становится очевидным, что автор подражания весьма точно копирует изображение оригинала, со-

⁸ Подробнее о подражаниях данного типа см.: *Зеймаль Е.В.* 1983, 81–92; *Наймарк А.И.* 2008, 58–62; *Lerner J.* 1996, 77–94.

блюдая основные элементы композиции. Тем не менее портрет царя Антиоха утрачивает индивидуальные черты и превращается в условное изображение головы человека.

Рис. 2.
Драхма Антиоха I. Ай-Ханум.

Впрочем, один элемент портрета художник все же сохраняет — царскую диадему. Обратная же сторона копируется достаточно точно. Изображение рогатой лошади, одного из ранних селевкидских династических символов, имевших среднеазиатское происхождение и, вероятно, проникшего в царскую селевкидскую иконографию благодаря первой жене Селевка Апаме, интересовало автора подражания в первую очередь. Нет сомнений, что мотив рогатой лошади был не просто знаком автору подражания, но и имел для него особое, вероятно, сакральное значение⁹. Этим объясняется, почему среди всего многообразия монетных типов Селевкидов в Средней Азии для серии подражаний был выбран именно тип с изображением рогатой лошади.

Другой пример — подражания драхмам Деметрия I, происходящие с территории Восточной Малой Азии, конкретно, Коммаге-

⁹ О мотиве рогатой лошади в культуре Евразии I тысячелетия до н.э. см.: *Мец Ф.* 2013, 91–102.

ны (SC 1767–1775) с изображением портрета правителя на лицевой стороне и рога изобилия на оборотной (Рис. 3). Прототип этого изображения чеканился на монетном дворе Антиохии на Оронте (Рис. 4 — SC 1642. С. 225)¹⁰. Примечательной особенностью этих подражаний является портретное изображение правителя. Следуя принципу портретных доминант, автор подражания старательно копирует портрет Деметрия I. Однако, вероятно, уже в более поздней версии, которая выполнялась не с оригинала, а с предыдущей копии, автор штампера допускает ряд вольностей — на некоторых монетах встречается портрет без диадемы, на других портретное изображение дополнено львиной шкурой. Такие допущения не выглядят случайными, автор намеренно вводит или убирает дополнительные атрибуты портретного изображения, тем самым переосмысляя общий сюжет и задавая новый вектор интерпретации. Таким образом, процесс копирования изображения представляется не просто механическим дублированием изображения, но напротив, сложным процессом семиотической трансформации.

Рис. 3.
Подражание драхме Деметрия I. Коммагена.

¹⁰ Серия этих подражаний детально исследована в работах О. Хувера. Hoover O. 1998, 71–94.

Рис. 4.
Драхма Деметрия I. Антиохия на Оронте.

В данном контексте уместно вспомнить сюжет, который, казалось бы, не столь близок предмету настоящего исследования, но, тем не менее, демонстрирует похожий механизм «заимствования» изображения. Речь идет об уникальных бронзовых монетах средневековой тюркской династии Артукидов, правившей на территории Восточной Малой Азии в XII–XV веках. Ключевой особенностью нескольких монетных серий этой династии является на первый взгляд невероятные иконографические заимствования, которые осуществляли правители этой династии — на своих монетах они размещали изображения, скопированные с греческих, римских и византийских монет. В число прототипов попали и монеты некоторых Селевкидов. Так, Артукидами были заимствованы портреты Селевка II, Антиоха III, Антиоха IV и Антиоха VII. С точки зрения сюжета, портреты были скопированы достаточно точно — как и в случае с оригиналом, они демонстрировали правителя в диадеме, в некоторых случаях передавая даже отдельные физиогномические черты. Однако стиль изображения несколько отличался — ряд портретных доминант (глаза, волосы, нос) были гипертрофированы, другие, наоборот, отненены. Эта особенность демонстрирует, во-первых, механизм прочтения автором копии оригинального портрета, а во-вторых, ту траекторию интерпретации, которую он закладывает для своей аудитории.

Очевидно, что в обоих случаях резчики штемпеля-подражания копировали изображение по принципу семиотических доминант, триггеров узнаваемости, подчеркивая их доступными художественными способами. Так, для резчика портретное изображение содержало несколько важных, доминирующих элементов, которые он воспроизводил в привычной для него художественной технике. Однако стоит задуматься, насколько определение портрета как жанра и как семиотической системы для резчика оригинала и для резчика подражания было тождественным? Определялся ли резчиком подражания тот смысл, что был помещен в это изображение автором оригинала? Насколько языки их визуальной коммуникации были близки и «повествуют» ли их изображения об одном и том же?

Как же анализировать иконографию «варварских подражаний»? Нет сомнений, что автор подражания находился в рамках определенного семантического канона, в котором особенности художественного стиля и язык изображения могли иметь иные трактовки, отличные от оригинала. Где-то автор «варварского» штемпеля мог позволить себе пренебречь текстом легенды, а где-то выделил изображение рогатой лошади. В таком случае мы говорим не о варваризации как об упрощении, примитивизации и даже обнулении нарративности, сколько о формировании нового нарратива на базе иной знаково-иконической системы. Создавая такое подражание автор использует иные модусы повествования, предавая их доступными ему художественными средствами. Р. Барт в своей заметке «Воображение знака» выделяет три группы знаковых отношений и знакового воображения: символический, парадигматический и синтагматический¹¹, представляющий собой динамику образа. Как писал М.Ю. Лотман: «Язык — это код плюс его история»¹². Развитие образа в контексте всей визуальной среды и формируют нарратив изображения. Варварские подражания — это не просто механическое копирование изображения или заимствование отдельных сюжетов и мотивов, но целая система визуальных образов, обладающая собственным языком художественного повествования. Именно поэтому изучение иконографии варвар-

¹¹ Барт Р. 1994, 246–250.

¹² Лотман Ю.М. 2011, 15.

ских подражаний должно быть вписано в более широкий контекст исследования визуальных памятников «периферийных народов» эллинистического мира. Однако, как отмечал Е.В. Зеймаль, история «периферийных» обществ очень скупо освещена источниками и лучшим материалом исследования «варварских подражаний» остаются сами подражания¹³.

Иконография «варварских подражаний» селевкидским монетам, как и в целом всем эллинистическим и античным, отличается весьма грубым стилем копирования оригинала. Данное наблюдение не нуждается в дополнительном комментарии и очевидно при элементарном сравнении оригинала и подражания. При сохранении общего сюжета изображения, скажем, головы лошади или фигуры, сидящей на троне, стилистические различия изображения столь существенны, что подчас не с первого раза в подражании удается распознать оригинал. Именно эта особенность подражаний позволила исследователям трактовать стиль и технику изображения на монете, как схематичную, примитивную, варварскую. Причиной этого обычно называется слабый профессиональный уровень монетных резчиков, изготавливающих штемпели для монет-подражаний. Однако стоит отметить, что сами подражания (а подчас и монеты, выпускавшиеся на официальных монетных дворах) имели разный уровень художественного исполнения.

Техника художественного исполнения изображения на официальной селевкидской монете не была стандартизирована. Так, существовали монетные дворы, которые выпускали монеты с высоким уровнем проработки и детализации изображения. Напротив, изображения на монетах периферийных монетных дворов были весьма грубы и стилистически близки, скорее, тем самым «варварским подражаниям». Более того, начиная со второй половины II в. до н.э. стилистическая деградация изображения коснулась и главных монетных дворов, что наглядно демонстрируют царские портреты¹⁴. Производство монетного штемпеля стало частью рутинного процесса, для которого все чаще использовались специальные маточники, что сводило к минимуму индивидуальную работу мастера-резчика. Хорошим примером этому являются монеты одного

¹³ Зеймаль Е.В. 1975, 58.

¹⁴ Смирнов С.В. 2020, 264.

из последних правителей Селевкидов Филиппа I, чьи тетрадрахмы продолжили чеканиться римской администрацией в Антиохии уже после падения самой династии. На лицевой стороне этих монет представлен портрет правителя, практически лишенный индивидуальных физиогномических особенностей. На оборотной же помещается фигура Зевса Никефора, выполненная узнаваемо, но также весьма условно. Легенда монеты, ввиду технических особенностей ее нанесения на поверхность штемпеля, практически не читается. Монеты этого типа тиражировались в большом количестве на протяжении почти всего I века до н.э. На фоне этого потока однотипных монет невероятно контрастно выглядит уникальная серия тетрадрахм этого же правителя, выполненная в более традиционной раннеэллинистической стилистике¹⁵. Заметим, что подобная тенденция к «упрощению» изображения, сглаживанию деталей и схематизации является общей тенденцией для монетного дела восточного эллинизма. Хорошим примером являются монеты Парфии, общее исполнение изображения которых также претерпело серьезные изменения в сторону схематизации и огрубления.

Как отмечалось ранее, «варварские подражания» являются уникальным материалом для исследования визуальной культуры эллинистического мира. В данном контексте, весьма примечательным является трансформация двух типов нарратива на эллинистической монете — текстового и визуального. Монетная легенда, содержащая титулы и эпитеты правителя, практически такой же обязательный атрибут эллинистической монеты, как и портрет правителя¹⁶. На согдийских подражаниях греческая легенда, очевидно не имевшая изначально заложенного в нее смысла, становилась чем-то вроде отдельной части общей композиции, либо дополнительного орнамента, декора, характеризующегося принципиально новым набором знаковых признаков. Так, на самых «старательных» подражаниях монетная легенда перерисовывалась, либо копировалась максимально близко к оригиналу. При этом, не всегда автор подражания имел в своем распоряжении монету, на которой легенда содержалась полностью — не редки случаи, когда за образец брался экземпляр, на котором помещалась лишь часть ле-

¹⁵ Hoover O. 2004, 31-35.

¹⁶ Смирнов С.В. 2020, 251–266.

генды. Разумеется, не будучи носителем, либо как-то знакомым с языком монетной легенды, резчик допускал ряд графических ошибок, что, впрочем, не мешает специалистам без труда воспроизвести оригинальное прочтение. В случае с менее старательными резчиками, легенда могла воспроизводиться в виде набора точек и черточек, лишь отдаленно имитирующих греческое письмо. Оригиналы таких легенд, чаще всего, не воспроизводимы. Так, легенда из полноценного нарратива становится частью нарратива изображения. Для иранской культуры, которая, в отличие от греческой, была более устной, чем письменной, доминирование нарратива изображения над нарративом текста очевидно. Пример семиотической трансформации монетной легенды показывает возможность подобной трансформации и в случае с изображением, однако, траектории такой трансформации, как кажется, более вариативны и многообразны.

Другой случай трансформации легенды демонстрируют подражания драхам Деметрия I из Коммагены. Здесь не происходит ожидаемой варваризации легенды. Действительно, в отдельных случаях сохраняется изначальная легенда ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΔΗΜΗΤΡΙΟΥ ΣΩΤΗΡΟΣ, но встречаются, как и искажения этого варианта легенды — ΒΑΣΙΛΕ... ΔΗΥΤ... ΩΤ (SC 1769), так и другие варианты, содержащие имена других правителей ΣΕΛΕΥΚΟΥ (SC 1773), и даже другой набор титулов ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΒΑΣΙΛΕΩΝ ΝΙΚΑΤΟΡΟΣ (SC 1772). В данном случае монетная легенда также испытывает существенную модификацию и сильно отличается от оригинальной. Однако путь этой модификации совершенно иной. Легенда не сливается с изображением, становясь его частью, но остается отдельным нарративом, приобретая, при этом качественно иное содержание. Очевидно, что проблема соотношения двух нарративов для говорящей по-гречески части населения Коммагены, для которого предназначались данные подражания, решалась по-другому, не так, как в Средней Азии. Текст и изображение, которые на монете дополняют и раскрывают значение друг друга не сливались в пространство единого нарратива, но изменялись каждый по-своему.

Одним из ключевых вопросов в проблеме «варварских подражаний» является проблема целевой аудитории, для которой предназначались данные монеты. У нас нет никаких оснований полагать, что варварские подражания имели исключительно пла-

тежную и накопительную функции. Учитывая выбор иконографии, можно предположить, что сами подражания использовались и в качестве сакральных предметов, например, оберегов. Очевидные различия в художественном исполнении изображений оригинала и подражания будто сами собой предполагают, что эти группы монет предназначались для двух разных аудиторий. Тем не менее, данные монетных кладов демонстрируют случаи совместной тазаврации селевкидских монет с их «варварскими подражаниями». Это обстоятельство свидетельствует об их совместном обращении, но только на территории вне владений самих Селевкидов, где подражания, без сомнений, не имели доверия со стороны населения. Как писал Ю.М. Лотман: «взаимоотношения текста и аудитории характеризуются взаимной активностью: текст стремится уподобить аудиторию себе, навязать ей свою систему кодов, аудитория отвечает ему тем же. Текст как бы включает в себя образ «своей» идеальной аудитории, аудитория — «своего» текста»¹⁷.

Не верно полагать, что подражания являются не более, чем плохой копией селевкидской монеты и не имеют признаков повествовательности. Напротив, осознанность выбора прототипа сюжета, уникальный художественный язык демонстрируют присутствие особого нарратива, сочетающего компоненты оригинала и его последующего переосмысления. Нет сомнений, что для греческой части эллинистического общества, знакомой с оригинальной селевкидской монетой, такие подражания выглядели чужим и, по всей вероятности, более примитивным явлением. Однако для негреческих народов, прежде всего тех, кто жил на периферии эллинистического мира, такие подражания представляли своего рода перевод, выполненный с языка одной визуальной культуры на другой.

ЛИТЕРАТУРА

- Барт Р.* 1994: Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.: Издательская группа «Прогресс».
- Зеймаль Е.В.* 1975: «Варварские подражания» как исторический источник // Сообщения Государственного Эрмитажа. Л.: Аврора, XL. 56–61.
- Зеймаль Е.В.* 1983: Древние монеты Таджикистана. Душанбе: Дониш.

¹⁷ Лотман Ю.М. 2001, 203.

- Лотман Ю.М.* 2001: Семиосфера. СПб.: Искусство-СПБ.
- Мец Ф.* 2013: О возможных семантических параллелях «рогатым» лошадям Пазырыкской культуры // Теория и практика археологических исследований. 1. 91–102.
- Наймарк А.И.* 2008: О причинах появления подражаний эллинистическим монетам в Согдиане // ВДИ. 1. 55–70.
- Сергеев А.Я.* 2012: Монеты варварского чекана на территории от Балкан до Средней Азии. Каталог коллекции Сергеева А.Я. в ГИМ. М.: Наука.
- Смирнов С.В.* 2020: «Говорящие головы»: модусы нарративности царского монетного портрета эпохи эллинизма // PRAXEMA. Проблемы визуальной семиотики. 2. 251–266.
- van Alfen P.* 2005: Problems in Ancient Imitative and Counterfeit Coinage // Making, Moving and Managing: The New World in Ancient Economies, 323–31 BC / Z. Archibald, J. Davies, V. Gabrielsen (eds.). London: Ox-bow. 322–354.
- Aperghis G.* 2004: The Seleukid Royal Economy. Cambridge: Cambridge University Press.
- Hoover O.* 1998: Notes on Some Imitation Drachms of Demetrius I Soter from Commagene // American Journal of Numismatics 10. 71–94.
- Hoover O.* 2004: Anomalous Tetrachms of Philip I Philadelphus struck by Autonomous Antioch (65–58 BC) // Schweizer Münzblätter. 31–35.
- Hoover O.* 2018: The Sincerest Form of Flattery: Imitation and Counterfeit Coins in the Seleucid Empire // TYPOI. Greek and Roman Coins Seen Through Their Images. Noble Issuers, Humble Users? / P. Iossif, F. de Callatay, R. Veymeris (eds.). Liège: Presses Universitaires de Liège.
- Lerner J.* 1996: A Greco-Sogdian Mint of Euthydemus // Revue Numismatique. 151. 77–94.
- Lorber C., Houghton A., Veselý P.* 2006: Cappadocian Tetrachms in the Name of Antiochus VII // Numismatic Chronicle. 166. 49–97.
- Mørkholm O.* 1991: Early Hellenistic Coinage. Cambridge: Cambridge University Press.

Svyatoslav V. SMIRNOV

ICONOGRAPHY AS A TRIGGER?

ON BARBARIOUS IMITATIONS OF SELEUKIDS COINS

The paper surveys the key problems of iconography of barbarous imitations of Seleukid coins on the example of two-coin series — Sogdian imitations of coins of Antiochus I and Commagene imitations of Demetrius I. These coin series demonstrate both the general trends of the semiotic transformation of the narrative of the coin, which occurs in the process of the transformation of original coin image into an imitation, and the individual features of this process. Thus, the main feature of the transformation of the coin narrative is the deviation of the legend. In the case of Sogdian imitations, the text of the legend, which was not considered by the audience of imitation as a source of information, is transformed into an ornament and constructs a part of the image, while in the case of Commagene imitations, where the text obviously was semantically determined, it is supplemented with new epithets that are not typical for the original. An important aspect of the problem of barbarous imitations is the choice of an iconographic motif. This choice was not accidental and was influenced by the cultural familiarity with the object depicted on the prototype coin. Thus, the process of creating an imitation was not only mechanical copying of the image, but represented a more meaningful process of rethinking the image text and translating it into the language of another iconic system through special artistic techniques.

Keywords: iconography, Seleukids, Hellenismus, numismatics.

Svyatoslav V. SMIRNOV — PhD (History), Senior Researcher of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences. Moscow. Russian Federation — SmirnovSV3@yandex.ru

REFERENCES

- Aperghis G. 2004: *The Seleukid Royal Economy*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Bart R. 1994: *Izbranny'e raboty*. Semiotika. Poe'tika. M.: Izdatel'skaia gruppa «Progress».
- Hoover O. 1998: Notes on Some Imitation Drachms of Demetrius I Soter from Commagene // *American Journal of Numismatics* 10. 71–94.

- Hoover O. 2004: Anomalous Tetradrachms of Philip I Philadelphus struck by Autonomous Antioch (65–58 BC) // *Schweizer Münzblätter*. 31–35.
- Hoover O. 2018: The Sincerest Form of Flattery: Imitation and Counterfeit Coins in the Seleucid Empire // *TYPOI. Greek and Roman Coins Seen Through Their Images. Noble Issuers, Humble Users? / P. Iossif, F. de Callataÿ, R. Veymeris (eds.)*. Liège: Presses Universitaires de Liège.
- Lerner J. 1996: A Greco-Sogdian Mint of Euthydemus // *Revue Numismatique*. 151. 77–94.
- Lorber C., Houghton A., Veselý P. 2006: Cappadocian Tetradrachms in the Name of Antiochous VII // *Numismatic Chronicle*. 166. 49–97.
- Lotman Yu. M. 2001: *Semiosfera*. SPb.: Iskusstvo-SPB.
- Mets F. 2013: O vozmozhnyh semanticheskikh parallelyah ‘rogatym’ loshadyam Pazyrykskoy kul’tury // *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy*. 1. 91–102.
- Mørkholm O. 1991: *Early Hellenistic Coinage*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Naymark A.I. 2008. O prichinah poyavleniya podrazhaniy ellinisticheskim monetam v Sogdiane // *VDI*. 1. 55–70.
- Sergeev A.Ya. 2012: *Monety varvarskogo chekana na territorii ot Balkan do Sredney Azii. Katalog kollektsiyi A.Ya. Segreeva v GIM*. M.: Nauka.
- Smirnov S.V. 2020: ‘Govoryastshie golovy’: modusy narrativnosti tsarskogo monetnogo portreta epohi ellinizma // *PRAXEMA. Problemy vizual’noi semiotiki*. 2. 251–299.
- van Alfen P. 2005: Problems in Ancient Imitative and Counterfeit Coinage // *Making, Moving and Managing: The New World in Ancient Economies, 323–31 BC. / Z. Archibald, J. Davies, V. Gabrielsen (eds.)*. London: Oxford. 322–354.
- Zeymal’ E.V. 1975: ‘Varvarskie podrazhaniya’ kak istorichesky istochnik // *Soobstcheniya Gosudarstvennogo Ermitazha*. L.: Avror, XL. 56–61.
- Zeymal’ E.V. 1983: *Drevnie monety Tadzhikistana*. Dushanbe: Donish.

С.В. Санников

ФАКТОРЫ «ВАРВАРИЗАЦИИ» ИНСТИТУТА КОРОЛЕВСКОЙ ВЛАСТИ В ОСТГОТСКОМ ОБЩЕСТВЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ VI ВЕКА

Целью статьи является выявление и анализ факторов, способствовавших актуализации характерных для состояния «варварства» социальных практик, сопровождавших адаптивные эволюционные изменения остготского общества в условиях кризиса идентичности в первой половине VI столетия. В качестве таких факторов рассматривается дуализм унаследованной римской государственной модели и этнического принципа формирования политической элиты остготского королевства, стремившейся к сохранению культурной и политической автономии; кризис самой римской модели управления (необходимо учитывать, что формально Теодорих Амал правил в качестве римского наместника, хотя статус его королевства и порядок передачи власти в нем не был определен) и сопряженный с этим противоречивый характер публично-правовой системы, отраженный в эдикте Теодориха; кризис германской модели управления, связанной с эрозией габитуса и социальных практик остготской военной аристократии рассматриваемого периода; наконец конфессиональный кризис, связанный с системными противоречиями между арианскими и ортодоксальными церковными институтами, что препятствовало возможности проведения соборов для легитимации власти. В качестве основного триггера обращения остготской элиты к «варвар-

Сергей Викторович САНИКОВ — кандидат исторических наук, научный сотрудник Лаборатории семиотики и знаковых систем Новосибирского государственного университета. Российская Федерация, Новосибирск. — sannikov_s@ngs.ru

Цивилизация и варварство
2021. Вып. X. С. 234–254
УДК 9.94

Civilization and Barbarity
2021. Issue X. P. 234–254
DOI [10.21267/AQUILO.2021.10.10.010](https://doi.org/10.21267/AQUILO.2021.10.10.010)

скому» наследию рассматривается война с Византией, повлекшая общий упадок экономики и общественных связей в Италии.

Ключевые слова: остготы, варварство, королевская власть, варварские королевства, германцы, Византия.

Остготское общество италийского периода может рассматриваться в качестве яркого примера транзитивного варварского социума, испытывающего кардинальные трансформации ценностей, норм и эталонов. Как отмечает Т.С. Бёрнс, история остготского королевства представляет собой «богатую и запутанную смесь различных традиций, многие из которых не нашли места в средневековой синтезе»¹. Большой исследовательский интерес представляет масштабный ренессанс германских военно-демократических традиций, произошедший после 530-х годов в остготском королевстве, административная система которого сохраняла в конце V и начале VI столетия в основном позднеримские черты.

Необходимо отметить, что эпоха остготского правления в Италии после смерти Теодориха Амала и его прямых потомков получила в историографии значительно меньшее освещение, нежели период правления основателя Остготского королевства. Организация институтов власти остготов и характер правления политических лидеров королевства в рассматриваемый период затрагивалась в работах Дж. Ходжкина², Т.С. Бёрнса³, П. Хитера⁴, Л. Карневале⁵, Дж. Мурхеда⁶, П. Эмори⁷, Г. Хейдеман⁸, Х. Вольфрама⁹, М. Кристини¹⁰, М. Витьетто¹¹ и ряда других авторов. Целью данной статьи является выявление и анализ факторов, способствовав-

¹ Burns T.S. 1991, 220.

² Hodgkin T. 1896.

³ Burns T.S. 1991.

⁴ Heather P. 1996.

⁵ Carnevale L. 2003, 3–69.

⁶ Moorhead J. 2000, 382–386.

⁷ Amory P. 2003.

⁸ Heydemann G. 2016.

⁹ Wolfram H. 1990.

¹⁰ Cristini M. 2020, 29–48.

¹¹ Vitiello M. 2014.

ших актуализации характерных для состояния «варварства» социальных практик, сопровождавших адаптивные эволюционные изменения остготского общества в условиях кризиса идентичности в первой половине VI столетия.

Одной из ключевых проблем институционализации публичной власти в рамках «варварских королевств» рассматриваемого периода являлось утверждение определенного порядка передачи и наследования престола, поскольку харизматические составляющие политического лидерства, весьма актуальные с точки зрения формирования новой правящей династии, не всегда в полной мере соответствовали локальным институциональным реалиям и запросам политических элит восточной и западной части Империи. Характерно, что Иордан, описывая организацию власти в ряде германских этнополитических образований V столетия, особенно отмечает порядок наследования власти в королевстве вандалов, отличающий их от других «варварских» королевств своего времени:

«Они соблюдали это (принцип наследования трона старшим наследником по мужской линии. — С. С.) на протяжении многих лет и в благоденствии владели королевством (*regnum feliciter possiderunt*), не запятнав себя, как обычно бывало у других варварских племен, междоусобной войной, потому что каждый, в свою очередь, один за другим принимал власть и правил народом в мире»¹².

В силу отсутствия совершеннолетнего наследника в италийском королевстве остготов не состоялся успешный транзит власти после смерти короля Теодориха, несмотря на то, что наследственность королевской власти у остготов «установилась еще в доитальянский период их истории, причем важнейшее значение имела принадлежность к королевскому роду Амалов»¹³. Согласно свидетельству Прокопия Кесарийского, после смерти Теодориха «власть принял Аталарих, внук Теодориха по дочери»¹⁴. Иордан в «*Romana*» отмечает, что наследование осуществилось в соответствии с назначением преемника, данным королем еще при жизни:

¹² *Iord. Get.* 169.

¹³ Корсунский, А.П., Гюнтер, Р. 1984, 180.

¹⁴ *Procop. De bell. Goth.*

«В Италии же, после смерти Теодориха, наследовал его племянник Аталарих, назначенный им самим (*ipso ordinante*)»¹⁵. Сам процедура назначения наследника более подробно описано автором в «*Getica*»:

«Когда он (Теодорих. — С. С.) достиг старости и осознал, что через короткое время уйдет с этого света, он созвал готов — комитов и старейшин своего племени — и поставил королем (*regem constituit*) Аталариха, сына дочери своей Амаласенты, мальчика, едва достигшего десяти лет, но уже потерявшего отца своего, Евтариха. Он (Теодорих) объявил им в повелениях, звучавших как завещание (*si testamentali voce*), чтобы они чтители короля (*regem colerent*)...»¹⁶.

Аноним Валезия подтверждает, что назначение наследника было осуществлено Теодорихом непосредственно перед уходом из жизни: «Но, прежде чем испустить дух, он нарек наследником своего внука Аталариха»¹⁷.

Фактической же наследницей трона стала дочь короля Теодориха Амаласента, взошедшая на трон в качестве регента при своем малолетнем сыне после смерти Теодориха Амала в 526 г. Первые годы ее правления характеризовались относительным благополучием, тогда как 30-е гг. прошли в напряженной борьбе за власть с представителями германской знати, ставившими под сомнение легитимность ее правления. Как отмечает Прокопий Кесарийский, «из варваров многие уже восставали против нее и без стеснения требовали, чтобы она, женщина, сложила царскую власть». Следует отметить, что, несмотря на декларируемое в рамках идеологии остготского королевства «единение самих душ готов и римлян», германский нобилитет был фактически расколот на две группы влияния, одна из которых тяготела к формированию альянса с Византией, в то время как другая придерживалась идеологии формирования этнократической готской империи. По всей видимости, данные группы имели прямо противоположное отношение к латинской культуре, что выливалось подчас в открытые конфликты.

¹⁵ *Iord. Rom.*

¹⁶ *Iord. Get.* 304.

¹⁷ *Anon. Vales. pars post.*

Попытки королевы следовать римским традициям воспитания наследника стали формальным поводом для эскалации противостояния между королевой и представителями германского нобилитета:

«Собрались те, которые у готов считались наиболее высокопоставленными, и, придя к Амалазунте, обвиняли ее, что сын ее воспитывается у них неправильно и не так, как следует для их вождя; что науки очень далеки от мужества, а наставления старых людей по большей части обычно приводят к трусости и нерешительности. Потому необходимо, чтобы тот, кто в будущем хочет быть смелым в любом деле и стать великим, был избавлен от страха перед учителями и занимался военными упражнениями. Они говорили, что и Теодорих не позволял никому из сыновей готов посещать школы учителей; что он всегда говорил, что если у них явится страх перед плеткой, то они никогда не будут способны без страха смотреть на меч или копье. Они предлагали ей подумать, что вот ее отец Теодорих умер, оказавшись владыкой столь великой страны и захватив ни с какой стороны не принадлежавшую ему императорскую власть, хотя о всяких науках он не слышал даже краем уха... Всем этим педагогам отныне веля убраться подобру-поздорову, а Аталариху дай товарищами кого-нибудь из сверстников, которые, проводя с ним свои цветущие годы, будут побуждать его к доблести, согласно нашему варварскому обычаю»¹⁸.

Следует отметить, что, несмотря на актуализацию концепта «своего» («варварского») обычая в рассматриваемой коммуникативной ситуации, попадание юного короля под влияние германской националистической группы вряд ли можно отождествлять с трансляцией ценностей и практик, характерных для традиционной германской культуры. Остготская аристократия рассматриваемого периода представляла собой пусть и отторгаемую геокультурным ядром, но по сути уже глубоко романизованную часть представителей имперской военной элиты, воспринявших образ жизни и соответствующие пороки римского общества. Избавление наследника от дисциплинарных практик и погружение его в обстановку

¹⁸ *Procop. De bell. Goth. I, 2.*

характерных для имперского Рима форм досуга обеспечило желаемые для контролирующей его группы эффекты деформации габитуса юного короля:

«По мере того как он становился взрослым, они стали побуждать его к пьянству, к общению с женщинами, окончательно портили его характер и, пользуясь его неразумием, внушали ему непослушание матери, так что он вообще не считал нужным считаться с ней»¹⁹.

Аталарих оказался фактическим заложником игры между двумя партиями, ни одна из которых не была заинтересована в его самостоятельности, и к концу своего правления, согласно свидетельству Прокопия Кесарийского, «предавшись безграничному пьянству», впал в «болезнь и в полный маразм»²⁰.

Преждевременная кончина Аталариха и убийство его матери, ставшие формальным поводом для начала военных действий императора Юстиниана против узурпатора остготского трона, а также последующий кризис легитимности Теодахада, завершившийся его свержением, привели к фактическому прерыванию правящей династии. Поскольку традиционный механизм легитимации власти не мог в сложившихся критических условиях обеспечить сохранение фактического суверенитета остготского королевства, военная элита стихийно вернулась к принципам харизматического лидерства, провозглашая своим королем одного из военных предводителей готов — Витигеса:

«В тот момент, когда поведение доверенных лиц Теодахада показалось «готскому войску <...> подозрительным», «оно криком требует свергнуть Теодахада с престола (*Theodahadum clamitat regno pellendum*) и поставить королем (*in rege levandum*) вождя их Витигеса, который был теодахадовым оруженосцем. Так и было сделано. Тут же, на Варварских полях, Витигес вознесен на престол <...> (*in regno levatus*)»²¹.

В «*Romana*» Иордан описывает данное событие, наполняя его дополнительными деталями:

¹⁹ Ibid.

²⁰ Ibid. I, 3.

²¹ *Iord. Get.* 309–310.

«Едва он прибыл на Варварские поля в Кампанию, как армия обратилась на его сторону, поскольку подозревала Тодахада. Что вы хотите? — спросил он. На что они ответили: — Умертвить того, кто жаждет возможности оправдать свои преступленья гибелью и кровью готов. И они приступили к нему и единодушно провозгласили Витигиса королем (*consona voce Vitigis regem denuntiant*). Вознесенный в королевское достоинство (*in regnum levatus*), чего он и сам желал, в согласии с волей народа он немедленно отослал нескольких своих товарищей и убил Теодахада на его обратном пути в Равенну»²².

Сам Витигис впоследствии описывал провозглашение его королем путем поднятия на щит, согласно «обычаю предков» (*more maiorum*)²³, «среди обнаженных мечей <...> не в тесноте покоев, но в широком поле <...> под рев военных труб»²⁴. Описанный выше обряд отражает древний военно-демократический ритуал избрания королем, зафиксированный еще в произведении Тацита, согласно которому, после процедуры аккламации новопровозглашенного короля «ставили на большой щит и поднимали на плечи»²⁵. Затем, согласно описанию Григория Турского, короля на щите трижды обносили по кругу (по всей видимости, вокруг войска), после чего он объезжал окрестные города²⁶.

Несмотря на возрождение военно-демократических традиций легитимации власти в остготском обществе рассматриваемого периода, правящая элита не могла ограничиться одними лишь инструментами харизматического господства, поскольку они были явно недостаточными для признания статуса новой варварской монархии на международной арене. В целях укрепления власти Витигис, как уже отмечалось выше, активно привлекал авторитет Теодориха Амала, провозглашая себя его преемником²⁷. Наиболее существенным шагом, направленным на формирование данного

²² *Iord. Rom.* 49.

²³ *Cassiod. Var.* X, 31.

²⁴ *Ibidem.*: «...inter procinctuales gladios... Non enim in cubilis angustiis, sed in campis late ...inter ...tubis concrepantibus...». Перевод цит. по: *Корсунский А.Р.* 1968, 27.

²⁵ *Tacit. Hist.* IV, 15.

²⁶ *Greg. Tur. Hist. Franc.* VII, 10.

²⁷ *Cassiod. Var.* X, 31.

образа власти стало принудительное заключение Витигисом брачного союза с внучкой Теодориха. Согласно свидетельству Прокопия Кесарийского,

«...он против ее воли взял за себя замуж Матазунту, дочь Ама-лазунты бывшую уже взрослой девушкой, чтобы этим родством с родом Теодориха сделать более крепкой свою власть»²⁸.

Данное свидетельство подтверждается Иорданом:

«Укрепляя свою королевскую власть (*regnoque suo confirmans*), он прервал военные действия, отверг свою жену, простолудинку, и, более силой, нежели по любви, взял в жены принцесу Матасвинту, внучку Теодориха»²⁹.

Брак с Матасвинтой использовался Витигисом для укрепления легитимности своей власти на международной арене, о чем свидетельствует его дипломатическая переписка с императором Юстинианом³⁰.

В ходе военных действий против Византии остготы пользовались коллегиальными институтами управления, характерными для древнегерманского общества:

«Витигис <...> неоднократно собирал большой совет старейшин. И он не раз спрашивал их, что ему придумать или что сделать, чтобы дела пошли лучше. Много мнений высказывалось участниками совещаний; одни из них были неподходящими для данного положения дел, другие же были в некотором отношении заслуживающими внимания»³¹.

Наиболее важные вопросы решались королем в ходе обсуждения с представителями нобилитета:

«Витигис, много совещаясь с лучшими из готов, решил предпочесть договор с императором и отослал назад послов франков, не добившихся никакого результата»³²; «Об этом замысле Витигис стал совещаться с главнейшими из готов»³³.

²⁸ *Procop. De bell. Goth.* I, 11.

²⁹ *Iord. Rom.* 49.

³⁰ *Cassiod. Var.* X, 32.

³¹ *Procop. De bell. Goth.* II, 22.

³² *Procop. De bell. Goth.* II, 28.

³³ *Procop. De bell. Goth.* II, 9.

Многочисленные неудачи Витигиса привели к утрате им королевской харизмы, в связи с чем смещение становилось, фактически, делом времени: «Тем временем готы, мучимые голодом, не имея уже сил выносить тяжести положения, с неудовольствием подчинились власти Витигиса, как человека, которому ни в чем нет счастья»³⁴. Наиболее вероятной кандидатурой преемника являлся племянник Витигиса, полководец Урайя, к которому «все из оставшихся у них из знатных и благородных фамилий» обратились со следующим предложением:

«Мы бы давно сместили с королевского трона твоего дядю, так трусливо и несчастливо правившего нами, как сделали с Теодатом, племянником Теодориха, если бы, уважая твой энергичный образ мыслей, мы не решили оставить за Витигисом одно только имя королевского достоинства, а фактически передать тебе одному власть над готами»³⁵.

Пленение Витигиса армией Велизария и его отправка в Константинополь вновь остро поставили проблему наследования престола остготского королевства. Племянник короля отказался принять трон, сославшись на то, что

«...будучи племянником Витигиса, преследуемого всегда столькими несчастьями, я считался бы со стороны врагов человеком, вызывающим к себе мало уважения: ведь люди считают, что счастье или несчастье всегда переходит и на родственников»³⁶.

Единодушную поддержку готской элиты получило внесенное Урайей предложение об избрании королем Ильдибада, родственника короля вестготов, «человека высшей доблести и удивительно энергичного»³⁷. Согласно свидетельству Иордана, «готы, которые проживали на другой стороны реки По в Лигурии, воспряли духом к войне, назначив себе царьком (*ordinato sibi regulo*) Хельдибада»³⁸.

³⁴ *Procop. De bell. Goth. II, 29.*

³⁵ *Procop. De bell. Goth. II, 30.*

³⁶ *Ibid.*

³⁷ *Ibid.*

³⁸ *Iord. Rom. 50.*

Правление Ильдибада оказалось чрезвычайно коротким, а статус этого правителя вызывает ряд вопросов. Прежде всего, Иордан характеризует его как «царька» (*regulus*)³⁹, что может иметь ряд объяснений. Прежде всего, как отмечает Х. Вольфрам, с точки зрения римских традиций, готское войско после поражения Витигиса в войне с Византией утратило право провозглашать суверенных правителей, и вновь провозглашенный король рассматривался римлянами как «узурпатор» власти⁴⁰. Иордан, несомненно, мог оценивать провозглашение Ильдибада именно с этой точки зрения (характерно, что в своей «*Romana*» автор также не пользуется термином *rex* по отношению к Бадвиле, отмечая лишь его «принятие» (*ascisco*) власти⁴¹).

Существует вероятность, что автор мог таким образом демонстрировать невысокую оценку статуса и заслуг данного правителя. Как отмечает З.В. Удальцова, со ссылкой на свидетельство Марцеллина Комита, «во главе готов первоначально стояли два вождя: Орайя (Урайя) и Хельдебад (Ильдебад), хотя королем был провозглашен последний»⁴². Данное объяснение является менее вероятным, поскольку с точки зрения германцев Ильдибад принял полноценную королевскую власть (согласно установленному ритуалу он «был облачен в королевскую порфиру и провозглашен королем готов... вступил на престол»⁴³), а его правление впоследствии вызвало положительные оценки в среде остготов.

В то же время Прокопий свидетельствует, что «Ильдибад жил очень бедно, не прикасаясь к государственным деньгам»⁴⁴, чему сложно найти рациональное объяснение, учитывая родство последнего с королем вестготов. Легитимность Ильдибада несколько упала после его личного конфликта и расправы над Урайей, а его недалекость позволила ему держать в числе телохранителей своего личного врага, который расправился с ним за нанесенную

³⁹ *Iord. Rom.* 50.

⁴⁰ *Wolfram H.* 1990, 350–351.

⁴¹ *Iord. Rom.* 50.

⁴² *Удальцова З.В.* 1958, 10.

⁴³ *Procop. De bell. Goth.* II, 30.

⁴⁴ *Procop. De bell. Goth.* III, 1.

обиду, полагая, при этом, что его поступок не вызовет осуждения со стороны готов.

«Дождавшись дня, когда Ильдибад пировал с знатнейшими из готов, он решил выполнить свой замысел. Был обычай, чтобы, когда король пировал, многие лица, а также и телохранители стояли около него. Когда Ильдибад, протянув руку за кушаньем, склонился с ложа над столом, Велас неожиданно ударил его мечом по шее, так что пальцы Ильдибада держали еще пищу, а голова его упала на стол, приведя всех присутствующих в величайший ужас и внося крайнее смятение»⁴⁵.

Иордан отмечает, что Ильдибад продержался у власти меньше одного года: «Прошло чуть меньше года, и Хильдибад был убит, и его место занял Эрарий»⁴⁶.

Провозглашение влиятельной военной группировкой ругов своего вождя Эрариха королем не было поддержано большинством готского войска, в связи с чем его кандидатура изначально была не вполне легитимной:

«Руги внезапно провозглашают Эрариха королем. Это было вовсе не по душе готам, и большинство их впало в глубокое отчаяние, так как они видели, что погибают их надежды, которые они возымели при Ильдибаде, так как он действительно был способен вернуть готам власть и господство над Италией <...> Готы уже тяготились властью Эрариха, видя, что этот человек неподходящ для того, чтобы вести войну с римлянами, и очень многие открыто поносили его, говоря, что он после убийства Ильдибада служит препятствием в совершении великих дел»⁴⁷.

Само по себе провозглашение Эрариха свидетельствует не просто о кризисе королевской власти, но уже о кризисе военно-демократических традиций в остготском обществе. Но трон взшел человек, которого поддерживала лишь часть войска, и даже готами он воспринимался как узурпатор, властью которого они тяготились. Правление Эрариха по этой причине оказалось весьма

⁴⁵ Ibid.

⁴⁶ *Iord. Rom.* 50.

⁴⁷ *Procop. De bell. Goth.* III, 2.

непродолжительным — согласно свидетельству Иордана, «он также был убит во время своего правления (*in regno*), немногим более чем через год»⁴⁸. «Когда он был убит, то согласно договоренности Тотила принял власть над готами»⁴⁹.

Важным фактором получения власти Бадвиллой (Тотилой) стало его родство с покойным королем Ильдибадом:

«Они (готы. — С. С.) сильно тосковали по власти Ильдибада, и всю свою надежду на победу они перенесли на Тотилу, его родственника, вполне надеясь, что и у него те же цели и желания, как и у них»⁵⁰.

Прокопий отмечает, что он был «человек большого ума, очень энергичный и пользовавшийся большим влиянием среди готов»⁵¹. Его правление носило настолько успешный и победоносный для готов характер, что провизантийски настроенный историк Иордан, вторя Марцеллину Комиту, охарактеризовал его «несчастьем Италии» (*malo Italiae*): «К несчастью Италии, Бадвила, юный племянник, принял (*asciscitur*) власть Хильдибада»⁵².

Одинадцатилетнее правление Тотилы, добившегося выдающихся военных и государственных успехов, заслуживает отдельного исследования⁵³. Необходимо лишь отметить, что в правление данного короля Италия вновь обрела некоторые предпосылки возникновения суверенного королевства. Тем не менее, военные действия Византии ослабили экономику и политическую систему страны, спровоцировав обращение значительной ее части в руины, а гибель Тотилы в битве при Гуальдо Тадино привела к очередному династическому кризису в обескровленном остготском королевстве.

Согласно свидетельству Прокопия Кесарийского, «готы, которые смогли бежать из сражения и спаслись, перейдя через реку

⁴⁸ *Iord. Rom.* 50.

⁴⁹ *Procop. De bell. Goth.* III, 2.

⁵⁰ *Ibid.*

⁵¹ *Ibid.*

⁵² *Iord. Rom.* 50.

⁵³ Более подробно: Удальцова З.В. 1958, 9–27. См. также: Moorhead J. 2000, 382–386. *Carnevale L.* 2003, 43–69.

По, заняли город Тичино и прилегающие к нему местности и избрали королем Теию»⁵⁴. Теия стал последним избранным королем остготов, принявшим инсигнии королевской власти. Выбор пал на него, по всей видимости, в связи с тем, что он был одним из наиболее выдающихся полководцев Тотилы. О его происхождении Агафий Миренийский сообщает лишь то, что он был «сын Фридигерна», и вскоре пал в сражении: «после него Теия, сын Фредигерна, получив власть над готами, немного спустя и сам был уничтожен»⁵⁵.

Короткое правление Теи может считаться одной из наиболее драматичных страниц истории остготов в Италии. Поистине героический характер деяний этого короля в ходе битвы с византийскими войсками у «Молочной горы» описан Прокопием Кесарийским:

«Теия был на глазах у всех, держа перед собою щит; с грозно поднятым копьём он с небольшой кучкой своих близких стоял впереди фаланги. Видя его и считая, что если бы он пал, то битва быстро бы окончилась, римляне направили против него все свои усилия, нападая на него в большом числе, кто только стремился к славе. Одни издали бросали в него дротики, другие старались поразить его копьём. Теия, закрывшись щитом, принимал на него все удары копий и, внезапно нападая на врагов, многих из них убил. Всякий раз как он видел, что его щит весь утыкан брошенными в него копьями, он, передав его кому-нибудь из своих щитоносцев, брал себе другой. Сражаясь так, он провел целую треть дня. К этому времени в его щит вонзилось двенадцать копий, и он уже не мог им двигать, как он хотел, и отражать нападающих. Тогда он стал звать настойчиво одного из своих щитоносцев, не покидая строя, ни на единый вершок, не отступая назад и не позволяя неприятелям продвигаться вперед; он не поворачивался назад, прикрыв щитом спину, не сгибался набок; он как бы прирос к земле со своим щитом, убивая правой рукой, отбиваясь левой и громко выкрикивая имя своего щитоносца. Он явился к нему, неся щит, и Теия быстро сменил на него свой отягченный копьями. И тут на один момент, очень короткий, у него открылась грудь,

⁵⁴ *Procop. De bell. Goth. IV, 33.*

⁵⁵ *Agath. Scholast.*

и судьба назначила, чтобы именно в этот момент он был поражен ударом дротика и в ту же минуту умер»⁵⁶.

Учитывая, какое большое значение германцы придавали героическим подвигам, нельзя предположить, что отвага последнего короля остготов осталось бы невоспетой его потомками. Представляется возможным высказать предположение, что сюжет именно этого сражения получил отражение в англосаксонской поэме «Беовульф», — в описании последней битвы конунга гаутов, который погибает в неравной борьбе с драконом, прикрывая своего щитоносца, подошедшего, чтобы оказать поддержку своему вождю⁵⁷. Как совершенно точно отмечает О.А. Смирницкая,

«...смерть Беовульфа предвещает крушение гаутского племени <...> Тема крушения становится, однако, всеохватной в поэме. Смерть Беовульфа сливается в ней с изображением гибели всего героического мира <...> Это страшное время показывается вместе с тем в поэме не только как будущее, но и как то, что уже свершилось...»⁵⁸.

После гибели Тейи остатки готских войск оказались разрозненными, и, согласно свидетельству Агафия, часть из них заняла оборону под предводительством младшего брата погибшего короля Тейи — Алигерна:

«Алигерн же, младший брат предводителя готов, Тейи, находился внутри города и, собрав вокруг себя войско, какое только мог, не желал никакого мира, хотя уже достоверно знал и то, что Тейя убит в сражении, и то, что сила готов подорвана и уничтожена»⁵⁹.

Находясь в осаде, и понимая, что остатки остготов не смогут оказать достойного сопротивления ни византийской армии, ни вторгшимся в Италию войскам франков, Алигерн принял решение об отказе от дальнейшей борьбы и о передаче остготских королевских инсигний византийцам. Данное действие во многом мотивировалось неприязнью, испытываемой Алигерном к франкским

⁵⁶ *Procop. De bell. Goth. IV, 35.*

⁵⁷ *Beowulf. 2538–2693.*

⁵⁸ *Смирницкая О.А. 1980, 171–232.*

⁵⁹ *Agath. Scholast. I, 8.*

претендентам на престол, и нежеланием передавать наследие остготских королей в руки представителей «варварского» народа:

«Видя проходящих франков, он осыпал их оскорблениями с высоты и осмеивал, говоря, что напрасно они торопятся, что они опоздали, что все богатство готов уже захвачено римлянами, так же как все инсигнии готской власти, так что если кто в дальнейшем и будет объявлен королем готов, то не будет иметь знаков отличия и достоинства, но должен надевать простую воинскую одежду и по внешнему виду оставаться простым человеком»⁶⁰.

Говоря о статусе последних королей остготов, необходимо отметить, что они принимали и хранили императорские инсигнии, которые, согласно свидетельству равеннского хрониста, получил в свое время Теодорих Амал от императора Анастасия: «Анастасий... отправил ему знаки дворцового величия (*ornamenta palatii*), которые Одоакр переправил в Константинополь»⁶¹. Данные символы королевской власти, основным элементом которых было пурпурное облачение, как можно заключить из свидетельства Прокопия Кесарийского, вручались преемникам трона даже в годы войны с Византией. Весьма интересно то, что пурпурное облачение («порфира») не было захвачено византийскими войсками в ходе пленения Витигиса, а было удержано остготами и передано его преемнику Ильдибаду, и, далее, — последним королям остготов. После передачи Алигерном символов королевской власти остготов византийским войскам, данные символы были, по всей видимости, возвращены в Константинополь.

Несмотря на утрату важнейших государственно-правовых символов, остатки остготов надеялись убедить франкских вождей продолжить борьбу за суверенитет Италии, даже обещая одному из них, Бутилину, королевскую власть: «Бутилин, однако, даже клятвою обязался готам, что он будет воевать с ними против римлян, и потому они его чтили и даже обещали выбрать своим королем...»⁶², однако, «сам вождь Бутилин и все его войско были ис-

⁶⁰ Agath. Scholast. I, 20.

⁶¹ Anon. *Vales.* pars post. 322.

⁶² Agath. Scholast. II, 2.

треблены поголовно»⁶³. Остатки готского войска в количестве семи тысяч человек отступили в крепость Калепсы:

«Собравшиеся здесь готы <...> отнюдь не хотели сдаваться римлянам, но решили всеми силами сопротивляться, если кто нападет на них. Подстрекал их и побуждал к этому варвар, по имени Рагнарис, хотя и не одного с ними рода и племени; он был из так называемых витторов (витторы — гуннское племя), но так как он был ловок, и во всем хитер, и способен любым образом захватить себе власть, то он управлял массой и думал возобновить войну, чтобы благодаря этому стать еще более известным...»⁶⁴.

Этот последний военный предводитель остготов погиб, пораженный стрелой в ходе возникшего конфликта при переговорах с Нарсесом. Согласно свидетельству Агафия, «когда он умер, готы, считая, что они не в состоянии дальше выдержать осаду»⁶⁵, сдались на милость победителя, и были отосланы в качестве пленников в Византию.

Таким образом, в VI веке кризис постиг не только модель традиционного господства и институт королевской власти у остготов, но и многие военно-демократические традиции данного народа. Довольно часто выборная власть отличалась невысоким уровнем легитимности, нередко ее получали либо представители малых этнических групп, не пользовавшиеся широкой поддержкой готского войска, либо вообще, как это имело место на завершающем этапе истории остготов, представители других «варварских королевств».

Анализируя факторы, повлекшие «варваризацию» институтов публичной власти остготского королевства во второй половине VI столетия, необходимо отметить целый ряд аспектов общественного устройства и внутренней политики королевства, в числе которых: дуализм унаследованной римской государственной модели и этнического принципа формирования политической элиты остготского королевства, стремившейся к сохранению культурной и политической автономии; кризис самой римской модели управления (необходимо учитывать, что формально Теодорих Амал правил в

⁶³ Agath. Scholast. II, 9.

⁶⁴ Agath. Scholast. II, 13.

⁶⁵ Agath. Scholast. II, 14.

качестве римского наместника, хотя статус его королевства и порядок передачи власти в нем не был определен) и сопряженный с этим противоречивый характер публично-правовой системы, отраженный в эдикте Теодориха; кризис германской модели управления, связанной с эрозией габитуса и социальных практик остготской военной аристократии рассматриваемого периода; наконец конфессиональный кризис, связанный с системными противоречиями между арианскими и ортодоксальными церковными институтами, что препятствовало возможности проведения соборов для легитимации власти. Весьма характерно, что схожие проблемы прослеживаются и в вестготском обществе VI века, но их преодоление стало возможным благодаря тому, что Испании удалось избежать масштабного военного противостояния с Византией дипломатическими средствами. Основным же триггером обращения остготской элиты к «варварскому» наследию, безусловно, стала война с Византией, повлекшая общий упадок экономики и общественных связей в Италии рассматриваемого периода.

Возрождение «варварских» военно-демократических традиций в остготском обществе VI века являлось выражением системного кризиса, и, вероятно, воспринималось современниками как свидетельство упадка остготской государственности. В то же время, традиции военной демократии позволили остготам в течение почти двадцати лет продолжать героическую борьбу с превосходящими силами противника, а отдельные образы королевской власти того времени оказались настолько примечательными, что были увековечены не только позднеантичными историками, но и создателями героического германского эпоса. Данный период готской истории может служить прекрасной иллюстрацией к тезису В.П. Будановой, отметившей, что в сложный период эпохи переселений и военных испытаний «готам удалось не просто выжить, вырваться вперед, но ненадолго вспыхнуть, оставив соблазнительно яркий след в легендах и мифах»⁶⁶.

⁶⁶ Буданова В.П. 1990, 154.

ЛИТЕРАТУРА

- Agathias Scholasticus*. De imperio et rebus gestis Iustiniani imperatoris libri quinque; *Он же*. Агафий Миринейский. О царствовании Юстиниана. / Пер., ст. и примеч. М.В. Левченко. М. – Л., 1953.
- Anonymi Valesiani pars posterior* / Ed. Th. Mommsen // Monumenta Germaniae Historica. Auct. Antiquiss. T. IX: Chronica minora. Saec. IV–VII. Vol. I. Berolini, 1892.
- Beowulf*. Электронный текст источника на языке оригинала. — <http://www.heorot.dk/beo-intro-rede.html> (октябрь, 2021).
- Cassiodori Senatoris Variarum lib. XII* / Ed. Th. Mommsen // Monumenta Germaniae Historica. Auct. Antiquiss. T. XII. Berlin, Weidmann, 1894.
- Gregorii Turonensis episcopi historiarum libri X*. // MGH. SRM. Hannover, 1887. 1. 1; *Он же*. История франков / Пер. с лат., сост., примеч. В.Д. Савуковой. М.: Наука, 1987.
- Iordanes. Getica. De origine actibusque Getarum* // MGH. AA. Berlin, 1882. V. 1; *Он же*. О происхождении и деянии гетов (*Getica*) / Вступ. ст., пер., комм. Е.Ч. Скржинской. М., 1960.
- Iordanes. Romana. De summa temporum vel origine actibusque gentis Romanorum* // Monumenta Germaniae Historica. Auctores antiquissimi. Vol. V. 1. Berolini, 1882.
- Procopius Caesariensis. Opera omnia* / J. Hauray, G. Wirth (ed.). – Leipzig, 1962–1965. I–IV (*De bell. Goth.* — *De bello Gothico*). *Он же*. Прокопий Кесарийский. Война с готами / Пер. С.П. Кондратьева. М., 1950.
- Tacitus, P. Cornelius Libri qui supersunt* / E. Köstermann (ed.). Leipzig, 1960–1961. I–II. (*Ann.* — *Annales ab excessu divi Augusti*; *Agr.* — *De vita Julii Agricola*; *Hist.* — *Historiae*; *Germ.* — *De origine et situ Germaniae*).
- Буданова В.П. 1990: Готы в эпоху Великого переселения народов. М.: Наука.
- Корсунский А.Р. 1968: Возникновение феодальных отношений в Западной Европе. М.
- Корсунский, А.Р., Гюнтер Р. 1984: Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение германских королевств /до середины VI века / Монография. М.
- Смирницкая О.А. 1980: Поэтическое искусство англосаксов // Древнеанглийская поэзия. М., 171–232.
- Удальцова З.В. 1958: Социально-экономические преобразования в Италии в период правления Тотилы // Византийский временник. М., 13.

- Amory P.* 2003: *People and Identity in Ostrogothic Italy*, 489–554. Cambridge University Press.
- Burns T.S.* 1991: *A History of the Ostrogoths*. Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press (first published 1984).
- Carnevale L.* 2003: *Totila come perfidus rex tra storia e agiografia // Vetera Christianorum*.40, 43–69.
- Cristini M.* 2020: *The Diplomacy of Totila (541–552) // «Studi Medievali»*, III. 61. 29–48.
- Heather P.* 1996: *The Goths*. Oxford and Malden, MA: Blackwell.
- Heydemann G.* 2016: *The Ostrogothic kingdom: ideologies and transitions // A Companion to Ostrogothic Italy*. Edited by Jonathan J. Arnold, M. Shane Bjornlie and Kristina Sessa. Brill's Companions to European History 9. Leiden and Boston: Brill.
- Hodgkin T.* 1896: *Italy and Her Invaders*. Vol.III. *The Ostrogothic invasion*, 476-535. Oxford University, Clarendon Press.
- Moorhead J.* 2000: *Totila the revolutionary (Rome and the Ostrogoths) // Historia-Zeitschrift für Alte Geschichte*. 49 (3), 382–386.
- Vitiello M.* 2014: *Theodahad. A Platonic King at the Collapse of Ostrogothic Italy*. Toronto, University of Toronto Press.
- Wolfram H.* 1990: *History of the Goths*. (Transl. by T.J. Dunlap). University of California Press.

Sergey V. SANNIKOV

FACTORS OF «BARBARIZATION» OF THE INSTITUTION OF MONARCHY IN OSTROGOTHIC SOCIETY IN THE FIRST HALF OF 6TH CENTURY

The purpose of this article is to identify and analyze the factors that contributed to the actualization of the social practices belonging to the state of «barbarism» that accompanied the adaptive evolutionary changes of the Ostrogothic society in the context of the identity crisis in the first half of the 6th century. As such factors, the author considers the dualism of the inherited Roman state model and the ethnic principle of the formation of the political elite of the Ostrogothic kingdom, striving to preserve cultural and political autonomy; the crisis of the Roman model of government itself (formally Theodoric Amal ruled as a Roman governor, although the status of his kingdom and the procedure for transferring power in it was not determined) and the associated contradictory nature of the

public law system, reflected in Theodoric's edict; the crisis of the Germanic model of leadership associated with the erosion of the *habitus* and social practices of the Ostrogothic military aristocracy of the period under review; finally, a confessional crisis associated with systemic contradictions between the Arian and Orthodox and ecclesiastical institutions, which hindered the possibility of holding councils to legitimize power. The war with Byzantium, which led to a general decline in the economy and public relations in Italy, is considered as the main trigger for the appeal of the Ostrogothic elite to the «barbarian» heritage.

Keywords: Ostrogoths, barbarism, royal power, barbarian kingdoms, Germanic peoples, Byzantium.

Sergey V. SANNIKOV — PhD (History), Researcher Laboratory of Semiotics and Sign Systems Novosibirsk State University. Novosibirsk, Russian Federation. — sannikov_s@ngs.ru

REFERENCES

- Agathias Scholasticus. De imperio et rebus gestis Iustiniani imperatoris libri quinque; On zhe. Agafii` Mirinei`skii`. O tcarstvovanii Iustiniana. / Per., st. i primech. M.V. Levchenko. M. – L., 1953.
- Anonymi Valesiani pars posterior / Ed. Th. Mommsen // Monumenta Germaniae Historica. Auct. Antiquiss. T. IX: Chronica minora. Saec. IV–VII. Vol. I. Berolini, 1892.
- Beowulf. E`lektronny`i tekst istochnika na iazy`ke originala: — <http://www.heorot.dk/beo-intro-rede.html> (Oct., 2021).
- Budanova V.P. 1990: Goty` v e`pohu Velikogo pereseleniia narodov. M.: Nauka.
- Burns T.S. 1991: A History of the Ostrogoths. Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press (first published 1984).
- Carnevale L. 2003: Totila come perfidus rex tra storia e agiografia // Vetera Christianorum.40, 43–69.
- Cassiodori Senatoris Variarum lib. XII / Ed. Th. Mommsen // Monumenta Germaniae Historica. Auct. Antiquiss. T. XII. Berlin, Weidmann, 1894.
- Cristini M. 2020: The Diplomacy of Totila (541–552) // «Studi Medievali», III. 61. 29–48.
- Gregorii Turonensis episcopi historiarum libri X. // MGH. SRM. Hannover, 1887. 1. 1; On zhe. Istoriia frankov / Per. s lat., sost., primech. V.D. Savukovoi`. M.: Nauka, 1987. Iordanes. Getica. De origine actibusque

- Getarum // MGH. AA. Berlin, 1882. V. 1; On zhe. O proishozhdenii i deianii getov (Getica) / Vst. st., per., komm. E. Ch. Skrzhinskoi`. M., 1960.
- Heather P. 1996: *The Goths*. Oxford and Malden, MA: Blackwell.
- Heydemann G. 2016: *The Ostrogothic kingdom: ideologies and transitions // A Companion to Ostrogothic Italy*. Edited by Jonathan J. Arnold, M. Shane Bjornlie and Kristina Sessa. Brill's Companions to European History 9. Leiden and Boston: Brill.
- Hodgkin T. 1896: *Italy and Her Invaders*. Vol.III. The Ostrogothic invasion, 476-535. Oxford University, Clarendon Press.
- Iordanes. Romana. De summa temporum vel origine actibusque gentis Romanorum // *Monumenta Germaniae Historica*. Auctores antiquissimi. Vol. V. 1. Berolini, 1882.
- Korsunskii` A.R. 1968: *Vozniknovenie feodal`ny`kh otnoshenii` v Zapadnoi` Evrope*. M.
- Korsunskii`, A.R., Giunter R. 1984: *Upadok i gibel` Zapadnoi` Rimskoi` imperii i vozniknovenie germanskikh korolevstv /do serediny` VI veka/: Monografiia*. M.
- Moorhead J 2000: *Totila the revolutionary (Rome and the Ostrogoths) // Historia-Zeitschrift für Alte Geschichte*. 49 (3), 382–386.
- Procopius Caesariensis. Opera omnia / J. Haury, G. Wirth (ed.). Leipzig, 1962–1965. I–IV (De bell. Goth. — De bello Gothico). On zhe. Prokopii` Kesarii`skii`. Voi` na s gotami / Per. S.P. Kondrat`eva. M., 1950.
- Smirnitckaia O.A. 1980: *Poe`ticheskoe iskusstvo anglosaksov // Drevneanglii`skaia poe`ziia*. M., 171–232.
- Tacitus, P. Cornelius Libri qui supersunt / E. Köstermann (ed.). — Leipzig, 1960–1961. I–II. (Ann. — Annales ab excessu divi Augusti; Agr. — De vita Julii Agricola; Hist. — Historiae; Germ. — De origine et situ Germaniae).
- Udal`tcova Z.V. 1958: *Sotcial`no-e`konomicheskie preobrazovaniia v Italii v period pravleniia Totily` // Vizantii`skii` vremennik*. M., 13. Amory P. 2003: *People and Identity in Ostrogothic Italy*, 489–554. Cambridge University Press.
- Vitiello M. 2014: *Theodahad. A Platonic King at the Collapse of Ostrogothic Italy*. Toronto, University of Toronto Press.
- Wolfram H. 1990: *History of the Goths*. (Transl. by T.J. Dunlap). University of California Press.

А.А. Сазонова

КРЕЩЕНИЕ ХЛОДВИГА КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ТРИГГЕР В МЕРОВИНГСКОЙ ПОЛИТИКЕ

В статье исследуется расхождение между *modus vivendi* меровингских королей и нормами светских и церковных законов в области внутрисемейных и брачных отношений в VI веке в условиях подчинения идеологической сферы церковному институту. Крещение Хлодвига и христианизация франкского общества были пристрастно изображены Григорием Турским в его труде с многочисленными умолчаниями и искажениями. Выдвигается гипотеза о связи умолчания в «Истории франков» о дате крещения Хлодвига с регентским правлением Хродехильды при несовершеннолетних сыновьях. За брачными одеждами запрещенных союзов (с вдовой брата и сестрой жены, с мачехой и близкой родственницей) у Меровингов скрывались политические заговоры (дело Претекстата, обвинение Григория Турского в клевете на Фредегонду) и ожесточенная борьба за власть. Предлагаются новые интерпретации спорных исторических событий.

Ключевые слова: Григорий Турский, Меровинги, Хлодвиг, Хродехильда, Хильперик, запрещенные браки.

Крещение Хлодвига стало подлинным триггером для социальных изменений в языческой культуре франков, а также оказало значительное влияние, будучи образцовым катализатором, на религиозную политику в соседних германских землях. Выбрав для

Анна Анатольевна САЗОНОВА — кандидат исторических наук, независимый исследователь, Российская Федерация, Москва. — tok6aas2011@yandex.ru

своего королевства ортодоксальное христианство, длинноволосый варвар поставил себя в особое внешнеполитическое положение перед римским папством и Византийской империей в период церковных схизм и смут.

Восточные германцы превратили арианство в этногосударственную религию, их церковное влияние стало распространяться и среди западных германцев. На карте варварских королевств V–VI вв. вестготы, остготы, вандалы и бургунды единым фронтом исповедовали арианство¹, остальные германцы оставались верны языческим традициям предков. Крещение франкского короля изменило эту картину в постримских провинциях, открывая новые пути для окультуривания варваров и изживания германского язычества, давая римским провинциалам надежду на сохранение их церковных традиций, системы духовных ценностей и образа жизни. Римское крещение бургунда Сигизмунда при жизни его отца Гундобада в историографии рассматривают в соизмерительном с Хлодвигом хронологическом ключе. Несостоявшийся жених меровингских принцев Реккаред², став вестготским королем, провозгласил смену государственной религии готов с арианства на римское ортодоксальное христианство. До этого он участвовал в событиях по подавлению мятежа старшего брата Герменегильда, который под влиянием Леандра Севильского и франкской супруги принял римское православие. Примером меровингской церковной экспансии стало крещение кентского короля Этельберта после его женитьбы на правнучке Хлодвига. Эффективная политика «старшей дочери Рима» по христианизации англосакских королей вызвала озабоченность Григория Великого, вынужденного в ускоренном порядке отсылать на Альбион миссионеров-крестителей³.

¹ Арианство как элемент становления этноцентризма у восточных германцев см.: Буданова В.П. 2000, 114.

² Невестами Реккареда в разные годы были Хлодосвинта (дочь Брунхильды) и Ригунта (дочь Фредегонды) см.: Сазонова А.А. 2020, 309, 311. Настоящая статья стала продолжением работы о латентном заложенничестве (ЦиВ. IX, 297–318).

³ Сазонова А.А. 2008, 16–66 (Глава I. Специфика христианизации юго-западной Британии в 630–670-х гг.).

Само крещение Хлодвига можно назвать поистине «проклятым» вопросом раннесредневекового источниковедения⁴, несмотря на то, что исследователям доступны аутентичные источники (письма Ремигия Реймского, Авиата Вьеннского, самого Хлодвига и Теодориха Великого), свидетельство младшего современника короля — Ницетия, епископа Трира (525–566), описание христианского обращения и крещения Хлодвига у Григория Турского (ок.538–594). Можно отметить, что в специализированных трудах новейшей историографии дата крещения 496-м годом не принимается (это после масштабного празднования «года Хлодвига» в 1996 г.). Историографический перелом произошел после длительных дискуссий в научных работах XX в., стимулированный, во-первых, критическим направлением в меровингских штудиях к нарративу и фактографии «Истории франков» Григория Турского и, во-вторых, будированной сформулированной в цикле статей А. Ван де Вивера (1936–1938) гипотезой о переносе даты крещения. Рубежное осмысление историографической ситуации по датированию (между 496 и 508 гг.) и историческому контексту крещения франкского короля было сделано в монографии Жоржа Тессье (1964 г.) с удачным названием «25 décembre... Le baptême de Clovis»⁵, в которой автор убедительно сформулировал критику слабых мест в доказательствах бельгийского ученого. Однако, открыв ящик Пандоры, историки разных научных школ (Дж. Уоллас-Хадрилл, Б. Бахрах, Э. Джеймс, Р. Матизен, Д. Шанцер, Й. Вуд, У. Дэли и др.) продолжили по-новому верифицировать и активно интерпретировать старые данные источников⁶. Новейшей работой

⁴ *Van de Vyver A.* 1938; *Shanzer D.* 1998; *Daly W.* 1994; *Heinzelmann M., Bourgain P.* 1996.

⁵ Русский перевод монографии (2019 г.), к сожалению, был издан без необходимой редактур.

⁶ Развернутый анализ историографии см.: *Spencer M.* 1994: Dating the baptism of Clovis, 1886–1993. Палитра различных мнений в работах французских и немецких историков (П. Гири, С. Лебек, М. Рейделле, П. Перрен, Э. Эвиг, К.Ф. Вернер, М. Хайнцельманн и др.). В отечественной литературе проблеме крещения Хлодвига посвящены статьи П.П. Шкаренкова (2017–2018), в которых представлена авторская позиция в свете франко-бургундских отношений. В монографии Д.Н. Старостина

по эпохальному для франкской истории событию стал труд Брюно Дюмезиля «Le baptême de Clovis: 24 décembre 505?» (2019 г.).

Если А. Ван де Вивер хронологически привязывал, следуя в этом турскому епископу, крещение Хлодвига к его победе над аламанными (переноса на 506 г.), то по новейшим исследовательским трендам воцерковление Хлодвига логически связывают с франко-вестготской войной, победой при Вуйе и квазиимперским триумфом в Туре. На мой взгляд, оба направления привязки (к плавающей дате разгрома аламанных или к необозначенному в источниках реперу вестготской победы) не продуктивны, а следует опираться на более широкий исторический контекст, который состоит из паутины мелких реперов. В современных работах модно включать франкскую политику в большой Средиземноморский мир, но достоверной фактографии для рубежа V–VI вв. недостаточно⁷, несмотря на тесные дипломатические и закулисные связи ранних Меровингов с византийским двором⁸. А крещение по римскому обряду открывает интересные направления для сравнения Хлодвига с императором Анастасием⁹, впадшим тогда в схизму.

По моей версии, можно следовать хронологической последовательности «Истории франков»: брак Хлодвига и Хродехильды, рождение и крещение двух сыновей и затем крещение самого короля, относя бракосочетание к концу V в., рождение Хлодомера около 500 г., а крещение Меровинга сразу после франко-бургундской войны. Однако женитьба Хлодвига по источникам не датируется¹⁰, а между обращением (conversion) и крещением (bar-

(2017 г.) дается обзор по литературе XIX в. и краткое описание выборочной историографии по XX в.

⁷ Речь идет о тайном сговоре Хлодвига с византийцами, когда имперская эскадра курсировала вдоль берегов Италии (507 г.), что не позволило Теодориху оказать помощь вестготам. Следующий год (508 г.), по «Хронике» Марцеллина Комита (11), отмечен «пиратской» войной Анастасия с остготским правителем, достигнув «надира» византийско-остготских отношений см.: *Wood I.* 1994, 48–49.

⁸ Анализ связей Византийской империи и Хлодвига в исторической перспективе см.: *Буданова В.П.* 2011, 111–113.

⁹ Письмо Авита см.: *Avitus of Vienne.* 2002, 362–373; *Wood I.* 1985, 265–269; *Шкаренков П.П.* 2017, 334–336; *Шкаренков П.П.* 2018, 66–67.

¹⁰ О браке Хлодвига см.: *Сазонова А.А.* 2020, 305–306.

tism) мог быть временной промежуток. Такое датирование брака и рождений первых сыновей верифицируется возрастом детей Хлодомера во время их убийства. Я не нахожу каких-либо косвенных данных в контексте вестготской войны¹¹ и не вижу ни малейшего намека в обстоятельствах турецкого триумфа¹² на их гипотетическую связь с крещением Меровинга.

Религиозный патернализм Хлодвиг был выказан к христианам завоеванных вестготских земель в «Chlodowici regis ad episcopos epistola», где он проявил милосердие и выступил церковным защитником¹³. В письме король продемонстрировал редкий дар прирожденного политика, мастерски овладевшего инструментами христианской идеологии. Триумфальным финалом государственной политики Хлодвиг стал созыв первого церковного собора в Орлеане (511 г.)¹⁴, о котором автор «Истории франков» полностью умолчал. Очевидно, часть канонов, содержание которых было навязано королем высшему клиру, слишком явно свидетельствовала Григорию Турскому о масштабном вмешательстве Хлодвиг во властные прерогативы епископата, обнажая королевский прагматизм на грани политического цинизма. А из ревности к конкурирующему со святым Мартином культу святой Женевьевы епископ затушеввал влияние парижской святой на личную религиозность Меровинга.

При анализе королевской политики Хлодвиг и его ближайших потомков, сыновей и внуков, отмечается столкновение и взаимопроникновение разных политических практик и идеологических инструментов, правовых регулирований и религиозных норм христианского и германского происхождения, которые раскрывают духовный мир исторических личностей. Показательна глубина религиозных чувств крестителя Хлодвиг и арианина Гундобада, которые были проявлены в момент личного горя (смерти сестры и дочери) и сохранены на века в епископских письмах с утешениями от Ремигия и Авита¹⁵. У Григория не ощу-

¹¹ Wood I. 2012.

¹² Mathisen R. 2012.

¹³ Wood I. 2012, 140; Shanzer D. 1998, 47–50.

¹⁴ Halfond G. 2012b.

¹⁵ Такое проявление королевских эмоций Й. Вуд посчитал экстраординарным см.: Wood I. 1985, 271.

щается искренности в сопереживании семейным и личным трагедиям Меровингов, хотя он и пытался в драматических красках передать страдания Хродехильды в эпизоде убийства детей Хлодомера и в молениях о предотвращении братоубийственной войны между сыновьями. Наделяется библейским трагизмом и череда роковых испытаний Фредегонды, у которой умирает от болезней один ребенок за другим.

Если Хродо(в)альду, внуку Хлодвига, турский епископ посвятил отдельный фрагмент (НФ. III, 18), то о примонастырской жизни вдовы Хильдеберта с дочерьми и о благочестивом образе жизни Теодехильды стало известно лишь из посвящений Венанция Фортуната и истории Прокопия Кесарийского. Сам рассказ о крещении Хлодвига был дополнен информацией о воцерковлении его сестер Альбофледы и арианки Лантехильды. Григорий восхваляет религиозную стойкость Хлодехильды¹⁶, подвергшуюся истязаниям от Амалариха в окружении вестготов-ариан. В такую же ситуацию попадет Ингунда, которую будет принуждать перейти в арианство ее готская бабка Галсвинта. Турский епископ не обошел вниманием и неподобающее поведение внучек Хлотаря в монастыре Радегунды.

Для потомков Хлодвига их политико-религиозный престиж на международной арене утверждают эксклюзивные династические союзы с иноземцами (дочь и правнучка Ингунда были выданы за ариан, а внуки Теодехильда и Хлодезинта, правнучка Берта вступили в брачные союзы с языческими королями варнов, лангобардов и англосаксов). Авторы франкских историй сюжетно выделяют отношения крестного с крестником, осознавая их значимость в развитии политических событий (как причина развода Аудоверы, в деле Претекстата, при крещении сына Хильперика в Париже, в признании законнорожденности Хлотаря королем Гунтрамном, в опеке Хлотаря II над Меровеєм)¹⁷.

¹⁶ Григорий один раз назвал имя дочери Хлодвига (НФ. III, 10: *sororem suam Chlotchildem*). Считают, что она была тезкой своей матери Хродехильды (PLRE. II. 294); противоположное мнение (Хлодехильда как комбинация из родительских имен) см.: *Ewig E.* 1991, 38, 41, 54.

¹⁷ Этот вопрос на англосаксонском материале дал богатую фактографию по начальному периоду христианизации островных королевств (при крещении жениха, в политическом изгнании и в положении зависи-

Сравнивая описание крещения Хлодвиг у Григория Турского и летописную версию крещения Руси князем Владимиром, можно выделить две социальные сферы, в которых Церковь начала диктовать условия, радикально отрицая старую парадигму, — это внутрисемейные, родовые и брачные отношения и традиционная культура язычества. Если во втором случае Хлодвиг и его ближайшие потомки не были склонны к кровавому искоренению германских обычаев у франков *огнем и мечом*, то во внутрисемейных делах христианские новшества трансформировали языческие нормы. Поэтому изучение двойного расхождения для описываемых реалий «Истории франков» в сфере брачно-семейных отношений к письменным нормам церковных канонов и варварских правд вызывает большой исследовательский интерес. Речь идет об аномальных и парадоксальных инвариантах одной и той же ситуации в условиях церковной регламентации, канонического права и живых исторических реалий: брак с вдовой брата, женитьба на мачехе, близкородственный союз, браки и сожителство с сестрами. Поправление Меровингами светских и церковных законов было обусловлено разрешением главного вопроса об обладании легитимной властью, облаченной в «брачные одежды», — путем наследования, достижения, обретения и захвата власти, затем ее легитимации, экспансивного расширения и финального удержания. Показателем глубокого проникновения христианских норм в культуру и образованность высшей знати становится феномен искусного владения франкскими королями церковной казуистикой на квазиепископском уровне.

***«Высокая» политика христианских королей
или казусы брачно-семейной стратегии***

По сохранившимся источникам после смерти короля-крестителя наступает информационная лакуна почти на десятилетие¹⁸, что вызывает вопросы к автору «Истории франков». По моей гипотезе, турецкий епископ осознанно умолчал о политической жизни 510-х гг. Он мог это сделать из-за симпатий к королеве

мости, на пороге смерти в паломничестве) см.: Сазонова А.А. 2012, 259–262.

¹⁸ Сравнение «франкского коллапса» 510-х гг. с кризисом после смерти Хильдерика см.: Wood I. 1985, 262.

Хродехильде, не желая дискредитировать ее образ, и(ли) из-за стремления умалить успешную политику Теодорика, старшего сына Хлодвига, вызывающего у него личный негатив. По моему мнению, Григорий Турский красноречиво замолчал регентское правление Хродехильды, которое не было долгим, пока ее старший сын или все сыновья не достигли совершеннолетия. Для германской традиции *временное* правление женщины (как вдовы короля или матери несовершеннолетнего наследника) являлось вполне допустимым и законным на примерах Амаласунты у остготов или Саксбург у западных саксов в Уэссексе¹⁹. Турский епископ являлся участником политической борьбы времен Брунхильды и Фредегонды. Именно это, на мой взгляд, стало одной из причин, почему он приложил все усилия, чтобы скрыть временное правление королевы. Церковный историк не просто элиминировал этот период из своего нарратива, но исключил все фактографические указания на даты бракосочетания Хродехильды и рождений (и возрастов на момент смерти) детей Хлодвига. По видимости, он написал заведомую ложь, что после смерти Хлодвига королева навсегда удалась в Тур, редко посещая Париж (HF. II, 43).

Турский историк мог опасаться сравнения современниками вдовы Хлодвига с Брунхильдой (о которой в его труде мало что говорится). Сравнение бывшей арианки и вестготской «второй Иезавели», по словам Ионы из Боббио, с благочестивой королевой умаляло агиографический образ Хродехильды, память о жизни которой в Туре была священна. Возникла очерняющая вдову Хлодвига (призвавшую сыновей к мести бургундской родне) параллель с совершенными по воле Фредегонды и Брунхильды убийствами Меровингов во времена кровавой борьбы за власть. История с убийством сыновьями Хродехильды малолетних племянников стало «родовой травмой» для меровингской династии. Преступление дядьев не могло обелить провокативную роль бабки-королевы, которая отвергла альтернативу с пострижением маленьких внуков, что лишило бы их отцовского наследства, но сохрани-

¹⁹ В Меровингской династии известны квазирегентские и опекунские правления королев Брунхильды, Фредегонды, Балтхильды, Нантхильды и Химнехильды.

ло невинные жизни²⁰. Быть может, пребывание в Туре не было для Хродехильды добровольным, а стало политической ссылкой после жестокого поражения в борьбе за влияние и власть.

Период источниковой лакуны 510-х гг. и следующее десятилетие были предельно насыщены событиями в матримониальной сфере, которые высветили два вектора во внешней политике — замирение между вестготами и франками (брак сына убитого Хлодвигом Алариха с его дочерью Хлодехильдой) и упрочнение франко-бургундского союзничества (брак сына Хлодвига Хлодомера на бургундской принцессе Гунтевке) после брачных союзов двух бургундов (Хродехильды и Суавеготы) с Хлодвигом и его сыном Теодориком²¹. В 510-х гг. единственным королем-воином среди меровингов был Теодорик, который мог стать опекуном несовершеннолетних сводных братьев²². Почему сыновьями Хродехильды была развязана франко-бургундская война, несмотря на тесное родство и свойство с гибихунгами? Озвученная у Григория Турского версия о мести вдовы Хлодвига за убийство своей семьи вызывает в современной историографии оправданное недоверие. Весьма вероятно, что триггером последующих трагедий стало убийство Сигизмундом своего сына, внука Теодориха Великого, после чего остготский правитель разорвал мир с бургундами. Жестокое убийство семьи Сигизмунда в развязанной Меровингами войне повлекло гибель Хлодомера.

Брак молодого Хлотаря на вдове старшего брата (ок. 524 г.) позволил не только захватить сокровища Хлодомера, но легитими-

²⁰ Точное указание на возраст юных Меровингов (HF. III, 18) могло соответствовать возрастам Хильдеберта и Хлотаря на момент смерти их отца и прихода к власти Хродехильды. Такое изящное подсвечивание политического конфликта могло намекать ее выросшим сыновьям на возможность второго прихода во власть их матери.

²¹ Источники не датируют ни один из трех союзов: брак Суавеготы с Теодориком заключался при жизни Хлодвига (по итогам франко-бургундской войны), матримониальные союзы Хлодехильды с Амаларихом и Гунтевки с Хлодомером организовывались вдовствующей королевой, но могли быть задуманы Хлодвигом.

²² Так двойное опекунство над Хлотарем будут осуществлять его мать Фредегонда и дядя Гунтрамн.

ровать власть над землями Хлодомера и бургундским наследством королевы (НФ. III, 6). По моему предположению, религиозный авторитет Хродехильды «закрыл глаза» церковным властям на неканоничность такого союза. Нельзя исключать и личного патронажа Хродехильды над невесткой, возможной дочерью или внучкой одного из братьев Гундобада (Годегизила или Годомара). В «Истории франков» не говорится о происхождении Гунтевки (*Guntheuca/Gundeucam*), ее имя эталонно для именованного королевского рода бургундов, отсылая к имени отца Гундобада Гундовеха/ Гундиоха (*Gundevechus/ Gundioc(h)us*)²³. Гунтевка становится второй раз невесткой Хродехильды, а затем двое из ее сыновей от Хлодомера погибают под ножом Хлотаря (НФ. III, 18).

По древнегерманским нормам брак с вдовой брата и другого близкого родственника был легитимен, отвечая экономическим и социальным интересам семьи и рода. Однако христианское законодательство и позднеантичная правовая культура уже начали вносить свои коррективы в чувствительные аспекты германской брачной сферы. Хродехильда не могла не знать решений бургундского собора в Эпоне (517 г.), на котором были перечислены все степени родства и свойства, запрещенные для брака (вдова брата, сестра жены, мачеха, кузина и ее дочь, вдова дяди, падчерица), до этого на соборе в Орлеане (511 г.) уже зафиксировали запрет на брак с вдовой брата и сестрой умершей жены²⁴.

Когда через тридцать лет Хлотарь женился на вдове внучатого племянника Теодебальда после захвата его королевства и казны, то получил резкий отпор от епископата, что вынудило его развестись с Вульдетрадой, дочерью лангобардского короля²⁵. Григорий Турский не стал освещать историю с отлучением Хлотаря за прелюбодеяния епископом Ницетием, из-за чего трирский прелат был отправлен в изгнание (560 г.). Зато автор «Истории франков» не стал умалчивать об эпизоде с вдовой Хариберта, которая, желая сохранить статус франкской королевы, сама предложила руку и

²³ Анализ именных компонентов см.: *Schramm G.* 2013, 172–178, 186–189.

²⁴ *Wood I.* 1998, 296–297.

²⁵ НФ. IV, 9. О брачной интриге Хлотаря см.: *Сазонова А.А.* 2020, 311.

сокровища Гунтрамну за обещание жениться на ней. Бургундский король отобрал бóльшую часть сокровищ у королевской вдовы, а ее саму отправил в монастырь (HF. IV, 26). Эта ситуация интересна тем, что Теодегильда, дочь пастуха, следуя матримониальному узусу того времени, полагала такой брак непредосудительным. Если этот случай — пример несбывшегося брака (как и слухи о возможном замужестве Брунхильды с узурпатором Гундовальдом или его сыном²⁶), то Брунхильду с племянником убитого супруга сочетал руанский митрополит Претекстат, осознавая неканоничность такого союза²⁷. Считается, что к этому времени Хильперик уже внес в «Салическую правду» дополнение о запрете браков с близкими родственницами и вдовами братьев²⁸.

Полигамия Хлотаря и его потомков расцветает буйным цветом и становится притчей во языцах на страницах «Истории франков», но епископы со строгими моральными требованиями уже открыто обличают меровингских королей, угрожая и отлучая правителей от церкви. Если самого Хлотаря епископ Ницетий отлучил за систематические прелюбодеяния (хотя, возможно, и за убийство семьи сына Храмна)²⁹, а Дезидерий Вьеннский и Колумбан порицали внука Брунхильды за внебрачное происхождение его детей

²⁶ Король Гунтрамн резко отреагировал на подобные слухи, и Брунхильда была вынуждена давать клятву опровержения (HF. IX, 28; 32). История Гундовальда показательна тем, что он, очевидно, будучи незаконнорожденным сыном Хлотаря, не получил официального признания от отца, что вычеркнуло его из круга наследников королевской власти. Оставаясь сводным братом Гунтрамна, он получил от франкской элиты и епископата поддержку, а спекуляция о его союзе с вдовой брата была политически оправдана (особенно после брака Брунхильды с Меровеем).

²⁷ На соборах в Туре (567 г.) и Париже (573 г.) были суммированы каноны об инцестных отношениях всех предыдущих меровингских соборов.

²⁸ Lex Salica. XIII. 9, Add.2: Si quis sororis aut fratris filiam aut certe ulterius gradus consobrinae aut certe fratris uxorem aut avunculi sceleratis nuptiis sibi iuncxerit, hanc poenam subiaceant ut de tale consortio separentur. Atque etiam si filios habuerint non habeantur legitimi heredes sed infamiae sunt natiuitate.

²⁹ Отмечают, что Ницетий смог отлучить от церкви Хлотаря, но, чтобы поступить аналогичным образом с Теодобертом, у него не хватало политической власти см.: *Uhalde K.* 1999, 11.

(за что первый поплатился смертью, а второй — изгнанием), то скандальное отлучение от церкви сына Хлотаря Хариберта было по букету прелюбодеянных обычаев той поры. Младший сын Хлодвига придерживался «гаремных» нравов и долгие годы сожительствовал одновременно с двумя сестрами, наделив их официальным статусом королев (HF. IV, 3). Его сын Хариберт после смерти отца развелся с королевой Ингобергой, чтобы жениться на служанке Мерофледе, а затем и на ее сестре-монахини, за что королевская пара была отлучена парижским епископом Германом (HF. IV, 26).

В матримониальных историях Хлотаря и Хариберта, когда они женились на сестрах, церковные авторитеты видели полигамное прелюбодеяние из-за сожительства с двумя женщинами в официальных браках (без развода с предыдущей супругой), а в случае Хариберта порочная греховность утяжелялась монашеством королевы. Представителям знати, не относящимся к королевскому роду, церковные власти предъявляли строгие канонические требования. Так Й. Вуд приводит по бургундским источникам пример с судебным делом Стефана, который состоял в браке с сестрой умершей жены. За обвиняемого столь напористо заступился король Сигизмунд (уб. 523 г.)³⁰, что собор епископов пригрозил ему самому отлучением от церковного общения. Гнев бургундского короля, который отправил за это епископов в изгнание, объяснялся тем, что Стефан был королевским казначеем³¹, а Палладия была не только сестрой его прежней жены, но одновременно вдовой его брата.

В глазах Церкви брак с мачехой был чудовищным проявлением германского язычества, у меровингских королей он не зафиксирован, но скорее потому, что такой союз не был востребован по политическим мотивам. Однако Теодехильда (внучка Хлодвига и правнучка Гундобада и Теодориха Великого), являясь ревностной христианкой, была выдана своим отцом или братом сначала за короля варнов Херм(ене)гисла, а затем за его сына-преемника Радагайса³². С меровингским потомком связана и история брака (616–

³⁰ Halfond G. 2010, 62, 92.

³¹ Wood I. 1998, 299–301. В 517 г. Сигизмунд сам подписал запрет на инцестный брак с сестрой жены.

³² Прокопий Кесарийский. 1996, 79–83 (Война с готами. IV, 20). Сазонова А.А. 2012, 257. О дочери Теодорика см.: Ewig E. 1991, 51–52.

618 г.) на своей мачехе сына кентского короля Этельберта³³, когда ради союза со знатной франкской невестой король Эадбальд развелся с вдовой отца (НБ. II, 5). Вероятно, Имм(ан)а была близкой родственницей майордома Эрхиноальда, семья которого породнилась с меровингской династией. Эти примеры относятся к королевским родам саксов и варнов, но и среди франкской знати в конце VI в. продолжал практиковаться этот брачный обычай³⁴. Браки между кровными родственниками Меровингам свойственны не были, единственное исключение, когда нейстрийский принц Хильдерик сочетался браком с кузиной Билихильдой из Австразии (662 г.). Часть епископата осуждала этот матримониальный проект двух регентш-матерей, но это была вынужденная политическая целесообразность, связанная к тому же с детским возрастом новобрачных³⁵. Аноним (LHF. 38–39) транслировал слухи о намерении Теодорика, внука Брунхильды, жениться на своей племяннице, после гибели ее отца и утверждений бабки о его незаконнорожденности.

Впервые казуистическое владение церковными правилами для решения внутрисемейных проблем сын Хлотаря Хильперик (ок. 534–уб. 584 г.) продемонстрировал, когда развелся со своей первой королевой. Фредегонда, будучи в сговоре с неназванным епископом и королевской крестной, уговаривает королеву Аудоверу стать крестной матерью для новорожденной дочери, после чего Хильперик разводится с королевой, а епископа карает изгнанием. Этой интригой, по «Книги истории франков» (LHF. 31), Фредегонда добилась внимания короля. Если Аудовера принадлежала к родовой франкской знати, то развод с ней (матерью королевских сыновей и дочерей) без серьезного повода был проблематичен. Сомнительно, чтобы этот заговор не был санкционирован королем, который, воспользовавшись церковными нормами, отослал королеву с дочерью в монастырь.

³³ Эадбальд был сыном Берты, правнучки Хлодвиги см.: Сазонова А.А. 2013, 217–220.

³⁴ При Хлотаре II сын майордома Варнахара Годин, претендуя на положение своего отца (ум. 627 г.), женился на мачехе, что привело его к гибели (*Фредегар.* IV, 54). По закону Хильдеберта II за брак на вдове отца карали смертной казнью см.: *Wood I.* 1998, 294.

³⁵ *Hofmann J.* 2003–2004. Позже молодая пара была убита в результате заговора (675 г.).

У автора «Истории франков» к Хильперiku было особое отношение из-за принадлежности Тура Нейстрии (575–584 гг.) и сопричастности Григория политическим баталиям короля на светском и церковном фронтах³⁶. Исследователям ничего неизвестно об интеллектуальных интересах Хлодвига, за исключением его глубокого знания церковных дел, византийской политики и дипломатии, а также интереса к имперской атрибутике. Под критическим пером турского епископа дошли сведения о литературных штудиях Хильперика «на манер Седулия» (HF. VI, 46), реформе алфавита и его теологическом опусе о святой Троице, данном Григорию на рецензию (HF. V, 44), архитектурном строительстве (HF. V, 17) и о принудительном крещении иудеев (HF. VI, 17). Описывая хитрость, на которую король пошел (взяв с собой множество святых мощей), чтобы обойти запрет на самовольный въезд в Париж ради крещения сына на Пасху, Григорий испытывает восхищение религиозным тактом Хильперика (HF. VI, 27). С явным одобрением епископ пересказывает эпизод (HF. VI, 10) о христианском правосудии короля в отношении воров, ограбивших базилику святого Мартина, и перечисляет милостивые королевские благодеяния в связи с рождением сына (HF. VI, 23)³⁷.

На страницах своего труда, расставляя композиционные и сюжетные реперы, Григорий ведет идеологический спор с королем в форме литературных диалогов. Так он подробно пересказывает их совместные словопрения с фанатично настроенным иудеем Приском, религиозно убеждать которого начал Хильперик (лично выступивший крестным отцом для иудеев), а Григорий эффектно продолжил (HF. VI, 5). Сам автор продемонстрировал богословскую эрудицию в двух спорах с еретиками-арианами, вестготскими послами (HF. V, 43; VI, 40). Подлинной кульминацией ораторского состязания короля с епископом стали их выступления и судебные диалоги на церковных синодах.

³⁶ Став турским епископом (573 г.) в правление Сигиберта, Григорий получил административную власть митрополита над землями епископств, относящихся к Нейстрии см.: *Halfond G.* 2012a, 55.

³⁷ О церковном покровительстве, христианской благотворительности и патронировании святых культов «преступной четой» Хильперика и Фредегонды, об их политическом союзничестве с епископатом см.: *Halfond G.* 2012a, 56–76.

В западной литературе идеологическую позицию Хильперика называют антиклерикальной. Во многом это связано с освещением турским епископом отношений внука Хлодвиг и клира, особенно в деле Претекстата³⁸, которое для короля стало попыткой государственного переворота и предательством со стороны сына Меровея. После убийства австразийского короля Сигиберта его сводный брат Хильперик задержал и сослал Брунхильду в Руан, куда устремился Меровея, чтобы навестить проживающую там мать Аудоверу (575 г.). Меровея демонстративно не подчинился военнополитического приказу отца. По дороге он прошел через турецкие земли и остановился в самом Туре на Пасху, где встречался с епископом Григорием. Позднее в Руане местный митрополит (автор истории не упоминает о нем) сочетал браком Меровея с Брунхильдой, «quod scilicet contra fas legemque canonicam uxorem patruī acceperisset» (HF. V, 2). Сначала Хильперик повел себя выдержанно и миролюбиво, но после осады Суассона арестовал сына (HF. V, 3). Заставив принять постриг, король отослал его в монастырь, по дороге в который он сбежал и укрылся в турецкой базилике святого Мартина, где, пользуясь правом церковного убежища, вынудил епископа Григория причастить его. Король Хильперик потребовал от епископа выдачи преступного сына и послал войско (HF. V, 14). Опасная ситуация на грани войны длилась для турецкого прелата около двух месяцев, пока Меровея не покинул базилику, спасаясь бегством в Австрию.

Организуя церковный суд над Претекстатом (577 г.)³⁹, король Хильперик заранее проработал судебный сценарий (вряд ли его целью было временное изгнание заговорщика, король хотел официально лишить его иерейского сана). Он добивался от руанского митрополита не признания в неканоничности брака, но политического самооговора в покушении на свержение короля путем его убийства. Формальным доказательством соучастия епископа в го-

³⁸ В историографии делается интерпретационный крен на авторскую полемику о епископском авторитете и отношениях короля с епископатом. Концептуальной новацией стал разбор дела Претекстата в категориях сценической репрезентации см.: *Keely A.* 1997, 134–139.

³⁹ Оценка юридических действий короля на суде см.: *Halfond G.* 2010, 92.

сударственном заговоре стала раздача им подарков из вещей Брунхильды каким-то людям, заручаясь поддержкой которых, он требовал от них клятву верности Меровею (HF. V, 18). Претекстат умело защищал себя от обвинений короля, но был через епископов-посредников (очевидно, Бертрамна Бордосского) обманут ложными обещаниями королевского прощения, если он согласится с обвинениями Хильперика на суде. Получив признание Претекстата в покушении на свою жизнь, король потребовал лишить его митрополии, а затем чуть ли не отлучить от церкви⁴⁰. В итоге заключенный митрополит был сослан⁴¹, а обманом схваченный Меровой, не дожидаясь приезда отца, покончил с собой⁴².

Григорий Турский, пересказывая ход официальных заседаний и всю закулисную подоплёку, позиционирует себя как праведного прелата, требующего справедливости для христианского собрата. Его глас вопиющего среди молчащих епископов звучит неправдоподобно смело или даже дерзко⁴³. Его самого могли обвинить в соучастии Меровею, исходя из подозрительно тесных контактов с мятежником *до* и *после* заключения брака с Брунхильдой. По-моему, мнению, в неофициальном общении с королем Григорий смог оправдаться перед ним, хотя бы ссылаясь на личное присутствие парижского епископа, когда Меровой потребовал церковного убежища и причастия. Поэтому сначала Хильперик пытался привлечь турского епископа на свою сторону, а затем посыльные Фредегонды подкупали его серебром. Без сомнений, заговор королевского сына был разветвленным, включал австразийцев с вдовой Сигиберта и руанского митрополита. Меровой мог встречаться с Григорием до

⁴⁰ Григорий не проясняет столь важный момент при описании суда, а затем запутывает читателя, когда после возвращения Претекстата епископ Рагнемод объясняет королю Гунтрамну, что на парижском соборе сорока пяти епископов руанский митрополит не был лишен епископского достоинства (HF. VII, 16), хотя Фредегонда утверждала, что он был «*sacerdotali officio segregatus*».

⁴¹ Через год после смерти Хильперика Фредегонда приказала убить Претекстата во время церковной службы в Руане (HF. VIII, 31).

⁴² Григорий приводит версию о тайном убийстве Меровея (HF. V, 18).

⁴³ Об интенциях речи Григория перед епископами см.: *Halfond G.* 2019, 30–31.

своего брака в Руане, чтобы предложить ему освободить Тур из-под власти отца. Нейстрийский король мог предполагать такой поворот в событиях, но не стал драматизировать из-за отсутствия доноса от епископа. А турецкий прелат с трудом скрывает симпатию к Претекстату (крестному отцу Меровея), который был ученым епископом, автором церковных речений-молитв (HF. VIII, 20).

Повторно (580 г.) Хильперик использовал церковный синод для решения внутривластных проблем и внутрисемейного кризиса в деле самого Григория Турского (HF. V, 47–29)⁴⁴. Официальным поводом стало обвинение епископа-историка со слов турецкого графа Левдаста в сочинении и распространении слухов о прелюбодеянии Фредегонды с Бертрамном Бордосским. Автор композиционно поместил эту многочастную историю в заключение пятой книги, наделяя ее финальной значимостью предвестницы гибели Хильперика. Судилище же над Претекстатом стало смысловым зачином этой насыщенной драматическими событиями книги, между двумя церковными судами автор провел явно и скрытно соответствующие параллели⁴⁵. Пострадавшей стороной и обвинителями вторично выступали сам король и епископ Бертрамн. Продуманно излагая собственное дело, Григорий представил его как божественное воздаяние своим личным врагам — графу Левдасту и клирику Риккульфу. При этом он транслировал и официальную версию этой истории как попытки государственного переворота со стороны Хлодвига, недавно погибшего при темных

⁴⁴ Обвинение Левдаста было двухчастным: первым пунктом шла государственная измена турецкого епископа, желавшего передать Тур под власть племянника Хильперика; вторым пунктом стало супружеское и родовое оскорбление короля клеветой о неверности Фредегонды (HF. V, 47).

⁴⁵ Значение имеют два пункта: во-первых, король созвал церковные синоды для суда над митрополитами, во-вторых, оба судебных дела с неканоническим наказанием для Претекстата и клятвенным испытанием для Григория королевская власть связала с государственной изменой сыновей короля, задумавших убийство своего отца и захват его власти. Не без авторского умысла Григорий поместил между судебными главами (18 и 47) отдельную историю (579 г.) о парижском эпизоде кровавого разрешения обвинения в прелюбодеянии между знатными приближенными Хильперика (HF. V, 32).

обстоятельствах сына Хильперика (HF. V, 39)⁴⁶, о чем всенародно стало известно из пыточного признания Риккульфа⁴⁷.

О чем же важном автор «Истории франков» умолчал в этом деле? Со страниц книги исчезли оправдания за возможное тайное общение с австразийским королем, что было первым пунктом обвинения⁴⁸. Во-вторых, Григорий осознанно не прояснил положение и происхождение митрополита Бертрамна, о котором станет известно из последующих книг, где турецкий епископ не уточнит степень родства матери Бертрамна Инготруды с королем Гунтрамном, отмечая их кровное родство по материнской линии (HF. VIII, 2; IX, 33)⁴⁹. Инготруда (ок. 510–590) могла быть двоюродной сестрой Ингунды и Арнегунды, матерей Гунтрамна и Хильперика⁵⁰. Это

⁴⁶ Григорий полагал, что самоубийство принца было сымитировано убийцами Фредегонды. Хильперик принял версию о самоубийстве сына, а «признание» Риккульфа оправдывало расправу Фредегонды над Аудоверой и ее детьми. Изначально задержание Хлодвига шло по обвинению в убийстве сводных братьев, детей Фредегонды.

⁴⁷ HF. V, 49: Cum autem iam in discrimine esset, tunc aperuit veritatem et archana doli publice patefecit. Dicebat enim ob hoc reginae crimen obiectum, ut, eiecta de regno, interfectis fratribus et patre, Chlodovechus regnum acciperet, Leudastis ducatum, Riculfus vero presbiter, qui iam a tempore beati Eufronii episcopi amicus erat Chlodovechi, episcopatum Turonicum ambiret, huic Riculfo clerico archidiaconatu promisso.

⁴⁸ Судя по всему, до начала процесса Хильперик планировал устранить Григория с политической арены, подталкивая его к обличающему бегству. Турецкий епископ получил от доброхотов предложения бежать из королевства (HF. V, 49).

⁴⁹ По моей гипотезе, второй родственницей сыновей Хлотаря была Ингоберга (ок. 519–589 гг.), первая королева Хариберта и мать кентской королевы Берты, которая могла быть племянницей Ингунды и Арнегунды см.: *Сазонова А.А.* 2020, 310–311. Их всех (включая Гунт(х)рамна и Берт(х)рамна) объединяют родовые именные компоненты (-ing/-berth/-gunt), а также то, что на склоне лет Ингоберга и Инготруда проживали в Туре, который мог быть родиной их рода.

⁵⁰ О королевах-сестрах Хлотаря см.: *Ewig E.* 1991, 55–56. Если Ингоберга стала (HF. IX, 26) примером благочестивой мирянки-вдовы (см.: *Dailey E.* 2015, 36–38), то поведение монахини Инготруды, основательницы монастыря под покровительством святого Мартина, у епископа отображено неоднозначно (HF. V, 21; VII, 36; IX, 33; X, 12).

объясняет (HF. X, 12) королевское внимание к семейной склоке между матерью и сестрой Бертрамна Бертегундой по поводу долей в наследстве бордосского епископа (ум. 585 г.).

Для Хильперика Бертрамн являлся не только кузеном по материнской линии, но самым приближенным епископом, политическим союзником и советником, а также возможным посредником между ним и Гунтрамном. Адюльтерная клевета на епископа Бертрамна под видом оскорбления королю на самом деле скрывала опасную политическую подоплеку⁵¹. Поэтому, по точному замечанию Григория, Хильперик проявил исключительную осмотрительность и выдержанность в этом деле (HF. V, 49). Но и сам епископ, обвиненный в клевете на королеву, продемонстрировал миролюбивый настрой во время судебного разбирательства и решения по своему делу⁵², что свидетельствует о его тайных договоренностях с королем⁵³ и о понимании истинных пружин многоходовой судебной интриги. Из дружеского участия к турецкому прелату Венанций Фортунат обнаружил на синоде в Берни свой знаменитый панегирик королю Хильперiku⁵⁴. Следует отметить и то, что обвинения Левдаста и Риккульфа в адрес турецкого митрополита довольно продуманны, так как сам Григорий был склонен к сбору и трансляции пропагандистских слухов. Из содержания последних книг можно утверждать, что Григорий не испытывал к Бертрамну дружеских чувств и мог в кругу своих близких смаковать слухи по политической дискредитации епископа, обвиненного в прелюбодеянии с супругой-королевой своего кузена.

Последняя глава шестой книги посвящена описанию убийства Хильперика и *проклятию памяти*, чередуя мирские пороки и описания антицерковных деяний внука Хлодвига. По сочной красоч-

⁵¹ Григорий пишет (HF. V, 49), что схваченным в качестве свидетелей его приближенным было предъявлено обвинение, которое грозило смертным приговором.

⁵² Турский епископ очистил себя клятвой (HF. V, 49 ...*restitit ad hoc causa, ut, dictis missis in tribus altaribus, me de his verbis exuerem sacramento. Et licet canonibus essent contraria, pro causa tamen regis impleta sunt*).

⁵³ Он отмечает, что королевская дочь Ригунта сочувствовала и молилась за него в этом деле (HF. V, 49).

⁵⁴ *Judith G.* 1989, 9–17; *Halfond G.* 2010, 47–48.

ности текста *damnatio memoriae*, в предложениях и словах которого Григорий излил взрыв негативных эмоций, этот книжный финал можно сравнить с замыслом «Тайной истории» Прокопия Кесарийского. Яркость нарратива производит на читателя ошеломляющее впечатление, уводя в сторону от трезвого анализа текста⁵⁵. Однако обвинения в грабежах и захвате церковного имущества, в раздаче своим приближенным епископских кафедр и уничтожении завещаний в пользу церкви, в игнорировании христианской благотворительности и дарственных распоряжений прежних правителей⁵⁶ можно было высказать и другим меровингским королям, современникам турецкого епископа. Григория лично задели интеллектуальная гордыня Хильперика и оскорбительные насмешки в адрес церковных прелатов.

Автор «Истории франков» приводит развернутую королевскую цитату⁵⁷, где внук Хлодвига дает трезвую оценку материальному богатству и политическому могуществу франкской церкви, которые она достигла после крещения Хлодвига и провозглашения христианства государственной религией. Неизвестно, кто являлся подлинным автором данного высказывания (король или историк), но, без сомнений, общий настрой политических умозаключений Хильперика турецкий епископ передал верно. Сама фраза не содержит каких-либо антирелигиозных оскорблений, она носит констатирующий характер. На мой взгляд, такое идеологическое порица-

⁵⁵ Й. Вуд называет *проклятие памяти* «a literary exercise», полагая истинное отношение епископа к королю менее негативным см.: *Wood I.* 1993, 254–259, 268–269.

⁵⁶ HF. V, 46: In cuius tempore pauci quodammodo episcopatum clerici meruerunt. < > Causas pauperum exosas habebat. Sacerdotes Domini assidue blasphemabat, nec aliunde magis, dum secricius esset, exercebat ridicola vel iocos quam de ecclesiarum episcopis. Illum ferebat levem, alium superbum, illum habundantem, istum luxoriosum; illum adserebat elatum, hunc tumidum, nullum plus odio quam ecclesias habens. < > Haec agens, adsidue testamenta, quae in ecclesias conscripta erant, plerumque disruptit, ipsasque patris sui praeceptiones, potans, quod non remaneret qui voluntatem eius servaret, saepe calcavit.

⁵⁷ HF. V, 46: Aiebat enim plerumque: «Ecce pauper remansit fiscus noster, ecce divitiae nostrae ad ecclesias sunt translatae; nulli penitus nisi soli episcopi regnant; periet honor noster et translatus est ad episcopos civitatum».

ние текущего состояния дел в меровингской церкви автор историко-агиографических трудов мог вынести на суд читателей и сам, облачив эти горькие мысли в королевскую цитату из уст «*Nero nostri temporis et Herodis*».

В других эпизодах турецкий историк по-своему раскрыл идеал франкской знати — это желание стать епископом⁵⁸. Сначала достижение высшей церковной позиции на вершине социального успеха Григорий показал на примере пророчества для Гунтрамна Бозо, о котором тот вопрошал прорицательницу, а затем лично пересказал епископу, когда скрывался в турецкой базилике (HF. V, 14). Политический водоворот заговора Меровея открыл перед военачальником новые пути для самореализации. Ему напроорочили герцогскую должность после воцарения Меровея, а затем избрание турецким епископом. Григорий высмеял хвастливого гордеца, назвав это наваждение ложью от дьявола.

Окончательно развенчивая образ христианского короля в отношении Хильперика, историк записал личную беседу с королем Гунтрамном, во время которой они обменялись видениями посмертной судьбы нейстрийского короля (585 г.). Если колоритное содержание видения Гунтрамна (HF. VIII, 5) типично для такого рода визионерских сюжетов, то рассказ Григория о его собственном видении обнажил истинное отношение епископа к бывшему меровингскому патрону. Турецкий понтифик инверсивно пародирует церемонию возведения Хильперика с выбритой тонзурой в епископский сан, а торжественное шествие с выносом короля в епископском кресле, похоже, направляет в Ад⁵⁹. По моему мнению, в сонном видении (тем более, если это художественная фикция) Григорий Турецкий выразил свой глубинный страх из-за подсозна-

⁵⁸ В историографии этот феномен относят к проблемному полю «*quasi-episcopal expectations*», спекулятивно принимая всерьез для комплексного анализа отношений короля с епископами риторические сравнения Меровингов с ветхозаветными царями, превратно придавая конкретным королям политический ареол из прерогатив епископской власти.

⁵⁹ HF. VIII, 5: *Quod ut dicam, valde hoc per visionem somnii inspexi, cum viderem eum, ante tonsurato capite, quasi episcopum ordinari; deinde super cathedram puram, sola fuligine tectam, inpositum ferri, praelucentibus coram eo lyghnis ac cereis.*

тельного ожидания от многогранного Хильперика активных действий по узурпации епископских функций и привилегий.

* * *

Результатом обретения христианской церковью идеологической силы в государстве стал кодифицированный отказ от наиболее одиозных языческих практик (женитьба на мачехе и вдове брата, табу на брак дяди с племянницей), которые получают двойное подтверждение в светских и церковных законах. Однако в реалиях меровингской политики для королей сохранилось «серое поле» брачных стратегий (браки с еретиками-арианами и язычниками, политические женитьбы братьев и отцов с сыновьями на сестрах, полигамное сожительство). В борьбе за власть попираются церковные каноны, скрывая под брачными одеждами государственные заговоры с целью свержения королей. А самые нелегитимные браки оказались парадоксально возможны из-за религиозного авторитета Хродехильды и Балтхильды (брак на вдове брата и кузена первой степени).

По моему мнению, автор «Истории франков» провел скрытую параллель между церковной позицией Хлодвига (через умолчание о соборе в Орлеане) и умонастроениями его внука Хильперика, резкие высказывания которого о могуществе церкви и порочности епископата в финале шестой книги могли быть как очерняющим преувеличением турецкого епископа, так и правдивыми словами, переданными свидетелем застольных бесед. Возможен и третий вариант, что так историк обнародовал собственную оценку церковных дел и нравов меровингских иерархов.

На фоне общей клерикализации общества среди Меровингов не возникла традиция выбора себе духовной карьеры, примеры Хродоальда и Радегунды были обусловлены экстремальными обстоятельствами, а пострижения в монахини правнучек Хлодвига носило вынужденный характер. Зато модус политической и религиозной жизни Хильперика и Гунтрамна свидетельствует о высоком уровне их личной образованности в светских и церковных науках, что позволяло почти на равных вести диалог о церковных делах и богословии с высшим клиром. Частный выбор правителями личных святых патронов (Женевьевы и Мартина, Винценция и Медарда) определил популярность этих церковных культов на века.

ЛИТЕРАТУРА

- Avitus of Vienne*. 2002: Letters and selected prose / D. Shanzer, I. Wood (eds., trans.). Liverpool.
- Gregorii Turonensis episcopi historiarum libri X*. // MGH. SRM. Hannover, 1887. 1. 1; *Он же*. История франков / Пер. с лат., сост., примеч. В.Д. Савуковой. М.: Наука, 1987.
- Марцеллин Комит*. 2010: Хроника. [Marcellini Comitis Chronicon] / Н.Н. Болгов, Д.И. Суровенков (пер.). Белгород.
- Прокотий Кесарийский*. 1996: Война с готами [книга VIII]. О постройках / С.П. Кондратьев (пер.). М.
- Салическая правда [Lex Salica] / Н.П. Грацианский (пер.). М., 1950.
- <Фредегар> 2015: Хроники Фредегара / Г.А. Шмидт (пер.). СПб.
- Буданова В.П.* 2000: Варварский мир эпохи великого переселения народов. М.
- Буданова В.П.* 2011: Германцы в эпоху Великого переселения народов // Буданова В.П., Горский А.А., Ермолова И.Е. 2011: Великое переселение народов: Этнополитические и социальные аспекты. М., 8–128.
- Сазонова А.А.* 2008: Альдхельм Малмсберийский: жизненный путь святого в Англосаксонской Британии (VII–VIII вв.). М.
- Сазонова А.А.* 2013: Династийные именовословы и этнополитическое развитие англосакских королевств в VI–VII вв. // ЦиВ. II, 213–245.
- Сазонова А.А.* 2020: Латентная форма заложничества в германских королевствах раннего Средневековья // ЦиВ. IX, 297–318.
- Сазонова А.А.* 2012: Трансформация социально-политических институтов англосаксов в период христианизации // ЦиВ. I, 249–265.
- Старостин Д.Н.* 2017: От Поздней Античности к Раннему Средневековью: Формирование структур власти и ее образов в королевстве франков в период правления Меровингов (V–VIII вв.). М. – СПб.
- Шкаренков П.П.* 2017: Авит Вьеннский о крещении Хлодвиг: дискурс, образ, вызов // Новый филологический вестник. 4 (43). 319–343.
- Шкаренков П.П.* 2018: «Романо-варварское» Бургундское королевство у Авита Вьеннского: от rex gentis к princeps christianus // ЦиВ. VII, 34–81.
- Dailey E.* 2015: Queens, Consorts, Concubines: Gregory of Tours and Women of the Merovingian Elite. Leiden.
- Daly W.* 1994: Clovis: How Barbaric? How Pagan? // Speculum. 69. 619–664.

- Ewig E.* 1991: Die Namengebung bei den ältesten Frankenkönigen und im merowingischen Königshaus // *Francia*. 18 (1). 21–69.
- Halfond G.* 2010: *Archaeology of Frankish Church Councils, AD 511–768*. Leiden.
- Halfond G.* 2019: Bishops and the politics of patronage in Merovingian Gaul. N–Y.
- Halfond G.* 2012a: *Sis Quoque Catholicis Religionis Apex: The Ecclesiastical Patronage of Chilperic I and Fredegund* // *Church History*. 81 (1). 48–76.
- Halfond G.* 2012b: Vouillé, Orléans (511), and the Origins of the Frankish Conciliar Tradition // *The Battle of Vouillé, 507 CE. Where France Began* / R. Mathisen, D. Shanzer (eds.). Göttingen. 151–165.
- Heinzelmann M., Bourgain P.* 1996: «Courbe-toi, fier Sicambre, adore ce que tu as brûlé»: à propos de Grégoire de Tours, *Hist.*, II, 31 // *Bibliothèque de l'école des chartes*. 154 (2). 591–606.
- Hofmann J.* 2003–2004: The Marriage of Childeric II and Bilichild in the Context of the Grimoald Coup // *Peritia*. 17–18. 382–393.
- Judith G.* 1989: Poet as politician: Venantius Fortunatus' panegyric to King Chilperic // *The Journal of Medieval History*. 15. 5–18.
- Keely A.* 1997: Early Medieval Narrative: The Political Ideas of Gregory of Tours // *Parergon*. 14 (2). 129–141.
- Mathisen R.* 2012: Clovis, Anastasius, and Political Status in 508 C.E.: The Frankish Aftermath of the Battle of Vouillé // *The Battle of Vouillé, 507 CE. Where France Began* / R. Mathisen, D. Shanzer (eds.). Göttingen. 79–110.
- Schramm G.* 2013: Zweigliedrige Personennamen der Germanen. Ein Bildetyp als gebrochener Widerschein früher Heldenlieder. B.
- Shanzer D.* 1998: Dating the baptism of Clovis: the bishop of Vienne vs the bishop of Tours // *EME*. 7 (1). 29–57.
- Spencer M.* 1994: Dating the baptism of Clovis, 1886–1993 // *EME*. 3 (2). 97–113.
- Tessier G.* 1964: 25 décembre... Le baptême de Clovis. P.
- Uhalde K.* 1999: Proof and reproof: the judicial component of episcopal confrontation // *EME*. 8 (1). 1–11.
- Van de Vyver A.* 1938: L'unique victoire contre les Alamans et la conversion de Clovis en 506 // *RBPH*. 17 (3-4). 793–813.
- Wood I.* 2012: Arians, Catholics, and Vouillé // *The Battle of Vouillé, 507 CE. Where France Began* / R. Mathisen, D. Shanzer (eds.). Göttingen. 139–149.

- Wood I.* 1985: Gregory of Tours and Clovis // RBPН. 63 (2). 249–272.
Wood I. 1998: Incest, law and the Bible in sixth-century Gaul // EME. 7 (3). 291–304.
Wood I. 1994: The Merovingian Kingdoms, 450–751. L.
Wood I. 1993: The secret histories of Gregory of Tours // RBPН. 71 (2). 253–270.

Anna A. SAZONOVA

THE BAPTISM OF CLOVIS AS A SOCIOCULTURAL TRIGGER FOR THE MEROVINGIAN POLITICS

The article examines the discrepancy between the *modus vivendi* of the Merovingian kings and the norms of secular and ecclesiastical laws in the field of family and marital relations in the sixth century in the conditions of subordination of the ideological sphere to the church institution. Gregory of Tours represented with prejudice the Christianization of Frankish society in his historical work with numerous eliminations and distortions. My hypothesis discloses the connection between the concealment about the date of Clovis's baptism in the *Decem Libri Historiarum* and Clothild's regency with minor sons. Behind the wedding clothes of incestuous marriages (including brother's widow, wife's sister, stepmother, cousin) the Merovingians were hiding political conspiracies (the trial of Bishop Praetextatus, the accusation of Gregory of Tours the spreading rumours about Fredegund) and a fierce struggle for power. New interpretations of controversial historical events are proposed.

Keywords: Gregory of Tours, Merovingians, Clovis, Clothild, Chilperic, incestuous marriages.

Anna A. SAZONOVA — PhD (Histoty), Independent Researcher. Moscow, Russian Federation. — tok6aas2011@yandex.ru

REFERENCES

- Avitus of Vienne. 2002: Letters and selected prose / D. Shanzer, I. Wood (eds., trans.). Liverpool.
Gregorii Turonensis episcopi historiarum libri X. // MGH. SRM. Hannover, 1887. 1. 1; On zhe. Istoriia frankov / Per. s lat., sost., primech. V.D. Savukovoi`. M.: Nauka, 1987.

- Martcellin Komit. 2010: KHronika. [Marcellini Comitis Chronicon] / N.N. Bolgov, D.I. Surovenkov (per.). Belgorod.
- Prokopii` Kesarii`skii`. 1996: Voi`na s gotami [kniga VIII]. O postroi`kakh / S.P. Kondrat`ev (per.). M.
- Salicheskaia pravda [Lex Salica] / N.P. Gracyanskii` (per.). M., 1950.
- <Fredegar> 2015: KHroniki Fredegara / G.A. Shmidt (per.). SPb.
- Budanov V.P. 2000: Varvarskii` mir e`pohi velikogo pereseleniia narodov. M.
- Budanov V.P. 2011: Hermantcy` v e`pohu Velikogo pereseleniia narodov // Budanov V.P., Gorskiy` A.A., Ermolova I.E. 2011: Velikoe pereselenie narodov: E`tno-politicheskie i sotcial`ny`e aspekty`. M., 8–128.
- Sazonova A.A. 2008: Al`dkhel`m Malmsberii`skii`: zhiznenny`i` put` sviatogo v An-glosaksonskoi` Britanii (VII–VIII vv.). M.
- Sazonova A.A. 2013: Dinahstii`ny`e imenoslov`y` i e`tnopoliticheskoe razvitie anglo-sakskikh korolevstv v VI–VII vv. // TciV. II, 213–245.
- Sazonova A.A. 2020: Latentnaia forma zalozhnichestva v germanskikh korolevstvakh rannego Srednevekov`ia // TciV. IKH, 297–318.
- Sazonova A.A. 2012: Transformatsiia sotcial`no-politicheskikh institutov anglosak-sov v period khristianizatsii // TciV. I, 249–265.
- Starostin D.N. 2017: Ot Pozdnei` Antichnosti k Rannemu Srednevekov`iu: Formirovanie struktur vlasti i ee obrazov v korolevstve frankov v period pravleniia Merovingov (V–VIII vv.). M. – SPb.
- Shkarenkov P.P. 2017: Avit V`ennskii` o kreshchenii KHlodviga: diskurs, obraz, vy`zov // Novy`i` filologicheskii` vestnyk. 4 (43). 319–343.
- Shkarenkov P.P. 2018: «Romano-varvarskoe» Burgundskoe korolevstvo u Avita V`enskogo: ot rex gentis k princeps christianus // TciV. VII, 34–81.
- Dailey E. 2015: Queens, Consorts, Concubines: Gregory of Tours and Women of the Merovingian Elite. Leiden.
- Daly W. 1994: Clovis: How Barbaric? How Pagan? // Speculum. 69. 619–664.
- Ewig E. 1991: Die Namengebung bei den ältesten Frankenkönigen und im merowingischen Königshaus // Francia. 18 (1). 21–69.
- Halfond G. 2010: Archaeology of Frankish Church Councils, AD 511–768. Leiden.
- Halfond G. 2019: Bishops and the politics of patronage in Merovingian Gaul. N.Y.
- Halfond G. 2012a: Sis Quoque Catholicis Religionis Apex: The Ecclesiastical Patronage of Chilperic I and Fredegund // Church History. 81 (1). 48–76.

- Halfond G. 2012b: Vouillé, Orléans (511), and the Origins of the Frankish Conciliar Tradition // *The Battle of Vouillé, 507 CE. Where France Began* / R. Mathisen, D. Shanzer (eds.). Göttingen. 151–165.
- Heinzelmann M., Bourgain P. 1996: «Courbe-toi, fier Sicambre, adore ce que tu as brûlé»: à propos de Grégoire de Tours, *Hist.*, II, 31 // *Bibliothèque de l'école des chartes*. 154 (2). 591–606.
- Hofmann J. 2003–2004: The Marriage of Childeric II and Bilichild in the Context of the Grimoald Coup // *Peritia*. 17–18. 382–393.
- Judith G. 1989: Poet as politician: Venantius Fortunatus' panegyric to King Chilperic // *The Journal of Medieval History*. 15. 5–18.
- Keely A. 1997: Early Medieval Narrative: The Political Ideas of Gregory of Tours // *Parergon*. 14 (2). 129–141.
- Mathisen R. 2012: Clovis, Anastasius, and Political Status in 508 C.E.: The Frankish Aftermath of the Battle of Vouillé // *The Battle of Vouillé, 507 CE. Where France Began* / R. Mathisen, D. Shanzer (eds.). Göttingen. 79–110.
- Schramm G. 2013: Zweigliedrige Personennamen der Germanen. Ein Bildetyp als gebrochener Widerschein früher Heldenlieder. B.
- Shanzer D. 1998: Dating the baptism of Clovis: the bishop of Vienne vs the bishop of Tours // *EME*. 7 (1). 29–57.
- Spencer M. 1994: Dating the baptism of Clovis, 1886–1993 // *EME*. 3 (2). 97–113.
- Tessier G. 1964: 25 décembre... Le baptême de Clovis. P.
- Uhalde K. 1999: Proof and reproof: the judicial component of episcopal confrontation // *EME*. 8 (1). 1–11.
- Van de Vyver A. 1938: L'unique victoire contre les Alamans et la conversion de Clovis en 506 // *RBPH*. 17 (3-4). 793–813.
- Wood I. 2012: Arians, Catholics, and Vouillé // *The Battle of Vouillé, 507 CE. Where France Began* / R. Mathisen, D. Shanzer (eds.). Göttingen. 139–149.
- Wood I. 1985: Gregory of Tours and Clovis // *RBPH*. 63 (2). 249–272.
- Wood I. 1998: Incest, law and the Bible in sixth-century Gaul // *EME*. 7 (3). 291–304.
- Wood I. 1994: *The Merovingian Kingdoms, 450–751*. L.
- Wood I. 1993: The secret histories of Gregory of Tours // *RBPH*. 71 (2). 253–270.

А.В. Буданов

СОВРЕМЕННАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ И РАЗРУШЕНИЕ КОГНИТИВНОЙ КАРТЫ ЛИЧНОСТИ

В статье на основе публикаций в масс-медиа и Интернет-блогах анализируется трансформация когнитивной карты личности в современных условиях. Показаны основные направления и риски деструктивного воздействия на человека информационного поля. По мере становления новой цивилизации XXI века информационное поле ускоряет процесс придания современному варварству особого метафизического смысла, нарушающего допустимые нормы и пределы, свойственные любой цивилизации. Выделены триггеры, стратегии и технологии, запускающие у человека процессы кардинального изменения его мироощущения и миропонимания. Социально-психологический ракурс исследования позволяет по-новому взглянуть на природу и сущность современного варварства. Показаны возможные формы прогнозирования социального поведения человека в контексте появления и преодоления агрессивных злонамеренных действий.

Ключевые слова: цивилизация, варварство, информационное поле, информационные технологии, расчеловечивание человека, деструкция.

Анатолий Валентинович БУДАНОВ — доктор педагогических наук, профессор, независимый исследователь, Российская Федерация, Москва. — a-budanov@yandex.ru.

С веером гофмейстера стоит,
Командуя всем парадом.
И, за отсутствием головы,
Она улыбается задом.

Генрих Гейне
«Мария-Антуанетта»

Образ, созданный великим немецким поэтом, вполне может служить символом современной цивилизации. Немало рукотворных продуктов ее, как интеллектуальных, так и материальных, недвусмысленно намекают на полное отсутствие органа мышления у их создателей и даже места, где этот орган обычно расположен. Что касается улыбки, суть которой столь гениально кратко выразил Гейне, то подобные улыбки современная цивилизация дарит нам регулярно¹.

Пятьдесят лет назад Элвин Тоффлер писал:

«Мощные узы, которые связывали индустриальное общество — узы закона, общих ценностей, централизованного и стандартизованного образования и культурного производства — сейчас разорваны»².

Сегодня эта «разорванность» уже носит критический характер. Образ знакомого пространственного окружения, то, что психологи называют когнитивной картой личности, как и образ своего «Я», уже все более напоминает карту с «белыми пятнами». Более того, наше время опровергает мудрость древних, будто «нет ничего нового под солнцем» (Екклесиаст 1,10). Возникает все больше вопросов, ответы на которые при всей накопленной мудрости человечества могут поставить в тупик. Например, до нашего времени реально не вставал вопрос о смене пола — не было такой возможности. И становится все больше людей, давших неверный ответ на эти вопросы, и тем самым потерявших в жизни ориентиры и точки

¹ Пример такой улыбки цивилизации — писсуар, представленный Марселем Дюшаном на одной из художественных выставок в качестве арт-объекта под названием «Фонтан». А вот то, что упомянутый писсуар стал «отцом» целого направления современного искусства «ready made», уже говорит о состоянии голов у некоторых творцов и ценителей современного «арта».

² Тоффлер Э. 2004, 327.

опоры, утративших важнейшие жизненные представления о самом себе, о людях, об окружающем мире.

Объективные кризисные процессы усугубляется тем, что все большие масштабы приобретает сознательное *формирование* «*потерявшегося человека*». Эрих Фромм справедливо утверждал:

«Человеку нужна система координат, некая карта его природного и социального мира, без которой он может заблудиться и утратить способность действовать целенаправленно и последовательно»³.

Формирующие, чтобы сохранить возможность управлять человеком, предпринимают чрезвычайные меры, чтобы порвать в клочья эту карту, способствовать атомизации общества, разобщению людей, расчеловечиванию человека, погружению его в состояние неопределенности, нестабильности, потери ориентиров, девальвации ценностей и норм. Человек с «разорванной» когнитивной картой и разрушенным представлением о своем «Я» — удобный объект для управления. Ему можно внушить все, что угодно. Особенно активно стремятся оказать воздействие на подрастающее поколение и молодежь.

Вот строки Эриха Фромма столетней давности. Написано, как будто сегодня.

«Многие из современных явлений, по поводу которых мы возмущаемся — преступность, наркомания, упадок культуры и духовности, утрата нравственных ориентиров — все это находится в тесной связи с ростом притягательности всякой мерзости и мертвечины. Можно ли ожидать, что молодежь, бедные и несчастные люди, сумеют устоять перед этим крахом и запустением, если он пропагандируется теми, кто определяет направление развития современного общества»⁴?

Стоит только добавить, что в сегодняшней ситуации и взрослому человеку все труднее устоять перед крахом и запустением, ибо конечной целью многих из тех, «кто определяет направление развития современного общества», является, как было сказано, *расчеловечивание человека*, утрата человеком своего «Я». На это

³ Фромм Э. 2016, 300.

⁴ Там же, 456.

брошены все новейшие достижения в области воздействия на человека, на его сознание, подсознание, чувства и поступки.

Расчеловечивание человека является системным проявлением современного варварства. Причиной и фактором расчеловечивания выступает названная сознательная деятельность определенных групп и лиц по достижению этой цели. В качестве непосредственных триггеров, стимулов расчеловечивания, можно рассматривать указываемые далее действия по разрушению объективных цивилизованных представлений человека об окружающем мире и самом себе, по подрыву основ традиционной семьи, по насаждению различных форм семей «нетрадиционных», «нетрадиционных» отношений между мужчинами и между женщинами, «нетрадиционных» взглядов на мужчину и женщину, гендеров, идей смены пола и т.д.

Одной из генеральных сущностей варварства является разрушение позитивных представлений человека о жизни, о людях, что выступает одновременно и ключевым условием разрушения человеческого «Я». Представление человека об окружающем мире в значительной мере зависит от тех непосредственных жизненных впечатлений, которые он получает, и от того, как он их осознает. И здесь огромную роль играют конкретные толчки, поводы, впечатления, факты, которые бы подталкивали его к представлению, что вся «история человеческого рода — гигантская ошибка»⁵. При современных информационных технологиях открываются широчайшие возможности не только воздействовать на сознание человека, внедряя в него идеи и впечатления разрушительного свойства, касающиеся реальной жизни, но и строить целые деструктивные системы виртуальной реальности. Здесь возможно действие так называемой «теоремы Томаса»: *нечто нереальное, что считается нами реальным, становится реальным по своим последствиям*. Но для этого необходимы целые системы конкретных действий, сложные и пролонгированные. Далее речь пойдет, по сути, о них, то есть о конкретных стимулах разрушения цивилизованных и объективных представлений человека об окружающем его мире и о самом себе.

Одной из доминантных стратегий разрушения адекватных представлений человека об окружающем мире, способствующих

⁵ Чиксентмихайи М. 2017, 34.

его выживанию и активности в этом мире, является кошмаризация его взгляда на окружающую действительность. Такая кошмаризация имеет несколько лиц⁶. Лицо первое — информационное. Информационные передачи (особенно — теле) давно уже пора назвать хроникой перманентного кошмара. Начинаются с крушения, землетрясения или наводнения — заканчиваются убийством или ограблением. Или наоборот. Исключение — официальная хроника. Ее персонажи, по крайней мере, не убивают друг друга, ничего не взрывают и ведут себя более-менее цивилизовано. Лучше ее только реклама — страна милых жизнерадостных дурачков и дурочек. Понятно, что при всем разнообразии жизни на просторах нашей необъятной отчизны набрать кошмаров на ежедневную передачу вполне возможно. Тем более что одни и те же кошмары гуляют по разным информационным выпускам в различных вариациях порой несколько дней. Или — болезни, инвалидность, уродство. Тема неисчерпаемая. То же самое с международными новостями. Со всего мира набрать кошмаров на ежедневный выпуск еще проще. Особенно сейчас, когда природа просто взбесилась. Поневоле вспоминается фраза из старого советского сатирического журнала: «Мы не можем ждать милостей от природы после того, что мы с ней сделали».

Если говорить о разрушающих воздействиях, то, казалось бы, начать следует с социальных сетей, многие из которых далеко превзошли телевидение по своей варварской сути, вплоть до пропаганды насилия, агрессии и суицида. Но социальные сети не всем доступны, даже материально. Телевидение же бесплатно и может действительно дойти до каждого. Поэтому в наше время, когда за каждый чих надо платить, такое очень дорогое в производстве и трансляции дело как телевидение бесплатно. Поневоле вспоминается сыр в мышеловке, и не зря. Есть нечто дороже денег. Это возможность массового и длительного воздействия на сознание и чувства людей. Телевидение же, хоть и не пропагандирует, например, суицид в прямом смысле слова, но просмотр значительного ряда

⁶ Проблема страхов и тревог, связанных с пандемией коронавируса, в статье не затрагивается. Эта сложная, противоречивая, многоликая и еще не до конца понятная проблема заслуживает отдельного рассмотрения.

телепередач является надежным средством не только самокошмаризации, но и самоубийства здравого смысла⁷.

Стихотворение «Мария-Антуанетта», строчки из которого взяты в качестве эпиграфа, написано в XIX веке. В наши дни его определили бы как «иронически-фантастический ужастик» (бал людей без голов). Но приведенный образ неплохо корреспондируется сегодня с некоторыми вполне современными и, увы, реальными телевизионными ток-шоу на главных каналах и их ведущими. Там без всякой иронии в присутствии главных героев сюжета выясняется, например, почему данный дядя пятнадцать лет назад недоизнасиловал вот эту тётю, причем оказывается, что тётя все эти пятнадцать лет крайне обижена на дядю именно за это «не до...». При этом желательно, чтобы тётя вцепилась дяде в волосы, а дядя лихо провел прием «бросок через бедро с присвистом», чем обуршил тётю в близидящую публику.

Набор таких сюжетов велик: агрессивные любовницы, стервозные жены, мерзавцы мужья, жадные родители, «отмороженные» дети, выжившие из ума бабушки и т.д. Для разнообразия могут запустить сюжет: как и почему домашний крокодил позавтракал своей хозяйкой. С приглашением крокодила в студию. И хотя, в отличие от персонажей стихотворения Гейне, биологически головы у всех героев таких передач на месте, но и содержание передачи, и ее участники вызывают своеобразную ассоциацию с образом, созданным немецким поэтом.

У потребителей информации, особенно если это «грубое дитя природы, не обуздываемое никакими чувствами мягкой человечности» (Ф. Шиллер), подобное, конечно, вызовет интерес. Но здесь суть не только в интересе «грубых детей природы» и им подобных. Передачи показывают, что этот «нормальный интерес», формируют данный интерес, навязывают его, расширяют круг «грубых детей природы». Они убеждают: жизнь именно такова, все это варварство и уродство, вся эта по старым меркам «не норма» — наша ежедневная обыденность. А повторяющаяся обыденность постепенно в восприятии многих может превратиться в нечто вроде не-

⁷ О своеобразном воздействии телевидения на интеллектуальные способности человека говорилось уже многими и столь подробно, что нет смысла повторяться.

избежной нормы. В итоге — разрушение нормы цивилизованной, прежде всего — нравственной. И формирование состояния растерянности, неопределенности, тупиковости, незащищенности. Все это резонирует с нарастанием криминальных телесериалов, которые все более являют собой, говоря словами персонажа известного мультфильма, «душераздирающее зрелище». Там кровь и насилие порой останавливает только реклама, прерывающая их показ. И почти на каждый сериал можно ставить «счетчик трупов» как в одном из пародийных американских фильмов.

Второе лицо кошмаризации — *обличительно-предупредительное*. Этому посвящены не только отдельные сюжеты, но и целые циклы передач. Ширятся ряды продуктов питания, про которых проникательные журналисты и эксперты утверждают, что они на самом деле могут быть «совсем не тем и не из того» и, вообще, — отравой. Диапазон: от помидор до дорогих сортов красной (черной) икры. Сюда же можно добавить парфюмерию и косметику, некоторые стройматериалы и т.д. И, конечно же, лекарства. Советы типа «смотрите на этикетки» сразу дезавуируются рассказами о том, как эти этикетки переделывают или подделывают. Справедливости ради, стоит заметить, что качество некоторых продуктов, и не только, вызывает сомнение даже без подобных разоблачений.

Как правило, такие сюжеты перемежаются с рекламой, но уже других помидор или другой косметики, что создает в сознании телезрителя трудно примиримый контраст. Когда, с одной стороны, призывают «Ешь, пей, жуй!», а, с другой — кошмаром грозит каждое посещение магазина, и, вскрыв упаковку с чем-нибудь, понимаешь, что «фиалки пахнут не тем», то появляются очень нецивилизованные мысли и их последствия, вплоть до «немотивированной агрессии». К тому же для этого вспахано хорошее поле — ощущение незащищенности. Более «мягкая» реакция — такова наша обыденность. А повторяющаяся обыденность, как было сказано, постепенно в восприятии многих может превратиться в нечто вроде нормы. И нет ответа на вопрос: «Ну почему вы меня так не любите?».

Третье лицо кошмаризации, используя современный слэнг, — *«прикольное»*. Теперь в Интернете и даже на центральных каналах ТВ можно встретить видеозаписи, как люди разбиваются на машинах, падают и т.д. «Поймать на телефон» такой момент и потом

выложить его в сеть или на телеэкран «прикольно». Известны случаи, когда вместо того, чтобы помочь раненому или попавшему в тяжелую ситуацию человеку (например, когда он сам не может выбраться из разбитой машины), его начинают снимать на видео. Может возникнуть вопрос — причем здесь кошмаризация? Казалось бы наоборот — это «декошмаризация», представление кошмарного как не кошмара. Но реальный кошмар разрушения сознания здесь именно в том, что людей приучают — если с человеком случилось несчастье, ему плохо, больно, то *это интересно*. Это даже более разрушительно для духовного мира человека, чем внушение равнодушия к чужой беде и боли⁸. И более омерзительно.

К этому добавляется и иной, более коварный подход к разрушению позитивных представлений о мире, в частности, — о нравственных началах и нормах этого мира. В сознании человека нравственные нормы чаще выражаются не столько чистой идеей, сколько через определенные образы, музыкальные, литературные, художественные. И чем привлекательнее, в том числе — красивее, эти образы, тем привлекательнее сама нравственная идея. Мадонны — это не только религиозные образы, но прекрасные символы материнства. Вспомним «Мадонну с цветком» Леонардо да Винчи. Соответственно, перед «кошмаризаторами» стоит особая задача — не только показать, что демонстрируемая «не норма» — это уже норма (желательно — норма привлекательная), но уничтожить прекрасное как носитель цивилизованного и нравственного.

Современный автор пишет:

«Сегодня именно обостренное неприятие идеального, канонического, возвышающе романтического, всего, по мнению нигилизма и критицизма, “причесанного”, “прилизанного”, “приглаженного”, по другим представлениям “сиропно-сладкого”, “слащаво-приторного” изгнало мелодичность, лад, гармонию из современного музыкального творчества, повествователь-

⁸ Естественно, сказанное — далеко не все, что показывает телеэкран. Есть интересные передачи, с экрана с нами порой говорят интересные люди, нам показывают ретро-фильмы недавних времен, реже — современные, которые, действительно, произведения искусства. Но, как говорится, «из песни слов не выкинешь». Все, сказанное в статье, — наша регулярная телереальность.

ность и предметность из современной литературы и изобразительного искусства, заменив образовавшиеся бреши контркультурой и антиискусством»⁹.

Суть разрушения представлений о прекрасном в эпоху Постмодерна, образно говоря, можно выразить так. Если тихо сыграть на скрипке красивую мелодию — не все могут обратить внимание. Тем более, оценить. Плюс — надо уметь играть на скрипке. Но если громко издать неприличный звук — внимание обратят все. А если к этому еще добавить «искусствоведческое толкование глубинного смысла» подобного, тогда непросвещенным будет просто стыдно своей серости. Ибо этот звуко-обонятельный акт уже не просто неловкая случайность, или откровенное хамство, а некоторый перформанс, философски-художественный символ «сути бытия в данном пространственно-временном континууме». Или — «художественная провокация». В общем — искусство «по понятиям».

И здесь XX и XXI века подарили человеку немалое количество улыбок цивилизации (по Гейне). Пример такой всемирно известной улыбки — это «Мона Лиза» Леонардо да Винчи с пририсованными все тем же Марселем Дюшаном усами — «мать» всех современных «разрушений образов» вплоть до представленного на одной из недавних художественных выставок оклада иконы Богоматери, где вместо лика Её был слой красной икры.

Помимо кошмаризации окружающего мира в разрушении «Я» большую роль играет *подрыв традиционных базовых представлений человека о самом себе*. В частности, как о мужчине или женщине. Исторически сложилось определенное физиологическое, психологическое, социальное, духовное и культурно-нравственное представление о том, что есть понятие «мужчина» и что есть «женщина». Оно менялось с веками, но неизменным оставалось представление о мужчине и женщине как двух различных и неизменных источниках будущей жизни, и об этой диаде, как основе некоей целостности — семьи, союза мужчины и женщины, важнейшей функции которого является продление и сохранение человеческого рода, как естественно-природное, так духовное и культурное.

⁹ *Томалинцев В.Н.* 2016, 21, 22.

Семья объективно переживает сейчас проблемные времена, что характерно для многих стран. Клаус Шваб пишет, что

«...семья уже не связана в пространственном отношении, а простирается по всему миру, постоянно поддерживая диалог внутри себя с помощью цифровой техники. Традиционная семейная ячейка все больше и больше заменяется семейной сетью, раскинувшейся в нескольких государствах»¹⁰.

Элвин Тоффлер предсказывал еще более печальную картину. Он писал о семье: «Вероятнее всего, она разобьется вдребезги, чтобы потом принять новый и странный облик»¹¹.

К этому лишь можно добавить, что замена «семейной ячейки» «семейной сетью» возможна и в масштабах одной квартиры. Поставленные в сложные экономические и, нередко, бытовые условия, члены многих семей значительное время проводят вне дома, работая порой в двух-трех местах или регулярно выезжая на работу, пусть не в другое государство, но в соседнюю область. Пример — Москва, где работает немало людей из соседних областей, в том числе ежедневно выезжающих в Москву на работу. Не будет гиперболой сказать, что мобильный телефон в общении они используют не реже, чем непосредственные контакты. В итоге экономические, психологические, этические проблемы, вставшие перед семьей, порождают все большее количество семей, «разбившихся вдребезги».

К объективным факторам разрушения традиционной семьи прибавляется ее сознательная деструкция. В частности — различные современные «эксперименты» с характеристикой семейных ролей и отношений, например — тенденции к изживанию самих слов «отец» и «мать», замене их на «родитель № 1» и «родитель № 2». Но номера — это чистый сексизм. Кто № 1? Кто № 2? Мужчина? Женщина? Даже в однополый семье возможен вопрос: «Кто № 1? Клотильда или Матильда?» Поэтому ряд новаторов, чтобы как-то снять эти вопросы, предлагают нечто вроде «родитель родивший» и «родитель не родивший». Замена терминов, как мы знаем, — признак все той же технологии изменения смыслов или

¹⁰ Шваб К. 2019, 101.

¹¹ Тоффлер Э. 2004, 264.

их подмены, сознательного запутывания или девальвации смыслов. И это уже не просто «замутнение проблемы», и без того сложной. Это — «замутнение сознания» по весьма распространенному сейчас принципу опережающего разрушения.

«Замутнению сознания» способствует и такой удар по традиционной семье как официальное разрешение в ряде стран однополых браков. И это не единственный удар. В США пошли значительно дальше. Разрешены браки с животными¹². Официально заключаются браки (чаще всего женщинами) не только с животными и растениями, но даже с неодушевленными предметами¹³. Таким образом, в наличии уже целый «букет» разрушителей семьи, причем, в нем появляются все новые «цветочки». Есть случаи и так называемой *self marriage*, когда женщина официально вступала в брак сама с собой¹⁴.

Нет, если где-то это разрешено законом, пусть каждый имеет такую семью, как ему нравится. Пусть заключает брак (в рамках закона) с домашним гиппопотамом, с кактусом, с собственной пяткой и т.д. Остается лишь сказать милосердно строкой Писания: «Отче! Прости им, ибо не ведают, что творят» (Евангелие от Луки. 23. 34). Ибо здесь распинается традиционная семья, как источник жизни людей. Количество подобных браков пока незначительно, хотя, скажем, в США однополые браки официально разрешены уже с июня 2015 года. Но «ударяющие» наращивают свои усилия. Им не так уж важно — привьются ли различные однополые, «зверские» или иные варианты семьи. Важно *разрушить семью традиционную*, ликвидировать одну из надежных точек опоры человека, его защищенности, продления человеческого рода в течение тысячелетий. Сделать человека одиноким и беззащитным.

Не менее опасна и скрытая, латентная линия разрушения семьи. Так, инструментом деформации семейных отношений можно

¹² В штате Техас решением верховного судьи штата официально разрешены браки с представителями фауны. Рассматриваются вопросы о разрешении браков с представителями флоры и неодушевленными предметами. — <http://zoo.rin.ru/cgd-bin/index.pl?idr=2&ART=2906> (март 2018).

¹³ См.: http://kinopersik.net/news/zasekrechennye_spiski_10_02_2018_vzryv_mozga_bezumnye_tradicii/2018-02-07-6980 (март 2018).

¹⁴ Там же.

полагать определенный тип продукции кино и телевидения семейно-разрушительной тематики. Прежде всего — мелодрамы. Здесь современные авторы, поощряемые материально и информационно «разрушителями», знают, что самое проверенное — негативная информация. Если в картинках показать гражданский брак (а, желательнее, несколько — один за другим), супружеские измены, брошенных жен, мужей, детей, родителей, разнообразных любовников или любовниц, коварных злодеек — разрушительниц семейного очага или злодеев — соблазнительей невинных душ, то смотреть такое всегда найдутся желающие. Апофеоз — одинокий герой или героиня уже и не ищут новой любви и брака. За этими картинками кроется главный источник почти всех семейных драм на экране — крайний *индивидуализм*. Сталкиваются два «Я» или больше. Что сопровождается надрывами, срывами или просто истериками. И ненавязчиво внедряется мысль, что современная семья — это *omnis homo sibi*¹⁵. Все это складывается в целостную картину некой «аномальной нормы» жизни вне нормальной семьи или вне семьи вообще. Что, по сути, и внушается¹⁶. Внушение усиливается различными ток-шоу о реальных конфликтах и скандалах между близкими родственниками, идущими ежедневно в прайм-тайм. Сумма подобных произведений выступает совокупным инструментарием деформации семьи.

«Аномальная норма» сейчас активно распространяется и на сферу интимных отношений мужчины и женщины. Да, «нетрадиционные» интимные отношения между мужчинами и между женщинами существовали исторически. В веселые античные времена они вообще не считались пороком. Были и более экстремальные варианты интима, например, описанные в «Золотом осле» Апулея. Император Нерон пробовал экспериментировать и с однополым браком. Но эта инициатива не получила широкого распространения в римских кругах, а сам Нерон плохо кончил. Грехом однопо-

¹⁵ Каждый за себя (лат.)

¹⁶ Автор сознательно не говорит о современной отечественной и зарубежной художественной литературе, т.к. здесь его компетентность более ограничена. Но то, что им прочитано, чаще всего повторяет тематику сериалов. Возможно, рассказ о нормальных семьях в той ее части, с которой автор еще не знаком.

лые интимные отношения провозгласило христианство. Далее к ним относились по-разному, к мужским — вплоть до проклятия, жестоких репрессий и казней, к женским — более терпимо. Так, Русская православная церковь, резко осуждая однополые мужские отношения, к лесбиянкам относилась более терпимо. Подобное характерно и для католиков. Это же проявлялось и в светской морали, хотя моменты ханжества и лицемерия в этом отношении были весьма типичны и среди церковников, и вне церковной среды.

Современные исследователи считают, что:

«...особенности сексуальной ориентации определяются как биологическими, так и социально-психологическими факторами. <...> гомосексуальная ориентация может быть обусловлена генетически и в какой-то степени передаваться по наследству <...> Процент людей с гомосексуальной ориентацией и поведением во всех культурах, как правило, одинаков (1-4% среди мужчин и 1-3% у женщин)»¹⁷.

Но даже если эти 3–4% реализуют свою генетическую предрасположенность, это не способно разрушить институт семьи. К тому же известно немало случаев, когда люди с нетрадиционной предрасположенностью женились, имели детей и жили вполне традиционной семейной жизнью.

Скажем больше: то, что двое по обоюдному согласию делают в алькове даже без официальных брачных уз — это их личное дело, если это не запрещено законом и не наносит кому-либо физического или морального ущерба. Это можно морально осуждать или не осуждать лично. Но когда речь идет о системе целенаправленного и организованного воздействия на сознание и поведение людей, о массовом внедрении подобных «нетрадиционных» отношений, их широкой пропаганды при не менее массовых кампаниях против «натуралов», а, тем более, о каких-то официально предписывающих решениях, это уже порождает новое качество социальной и индивидуальной жизни и наносит самому институту семьи объективный вред. И, видимо, тщетно предупреждал футуролог еще пятьдесят лет назад:

¹⁷ *Артифексов С.Б.* 2008, 39.

«Существуют определенные пределы тех изменений, к которым человеческий организм может приспособиться. Если заранее не определить эти пределы и безудержно увеличивать эти изменения, мы можем повергнуть массу людей таким воздействиям, которых они просто не выдержат»¹⁸.

Разрушению стабильности понятий «мужчина» и «женщина» весьма способствует прокламируемая и пропагандируемая реальная возможность смены пола, присоединения к числу трансгендеров. Но до недавних пор это не выходило за рамки «двоичной системы» (М / Ж) и не принимало больших масштабов. Однако, в явном противоречии с изначально задуманной природой, в Австралии, Великобритании, Канаде и Новой Зеландии официально признано наличие третьего пола у человека. Подобные тенденции нарастают и в ряде других стран. К «третьему полу» относятся люди, которые по своей воле или в итоге общественного консенсуса не идентифицируются ни как мужчина, ни как женщина или причисляются обществом к иному гендеру, не укладывающемуся в двоичную систему.

Сбываются предсказания футуролога:

«Подобно географии планеты, человеческое тело до последнего времени оставалось неизменной основой человеческого знания, "данностью". Однако мы быстро приближаемся к тому дню, когда тело перестанет быть данностью. Человечество в довольно короткие сроки получит возможность изменить не только человеческое тело, но и человеческую расу»¹⁹.

Пределы изменений плавно переходят в «беспредел». Тело уже меняют, и весьма кардинально. Цвет кожи — тоже. Что дальше?

Изменение пола может быть не только кардинально-хирургическим, но и почти символическим. Например, мужчине просто достаточно объявить, что он женщина даже без какого-либо хирургического вмешательства. И это уже не просто новая «Я-концепция». Отказ от позиции «Я — мужчина» может быть связан с престижем и большими деньгами. Так, в отечественных

¹⁸ Гоффлер Э. 2004, 352.

¹⁹ Гоффлер Э. 2004, 219–220.

СМИ (июнь 2021 г.) прошла информация, что мужчины, объявившие себя женщинами, сохраняя при этом все отличительные признаки мужчины и лишь снизив у себя уровень тестостерона, уже участвуют в женских спортивных соревнованиях, берут призы. Уже и Олимпийский комитет разрешил участие на Олимпиаде в Токио в качестве женщины в женских соревнованиях по тяжелой атлетике такому «экс-мужчине» Лорелл Хаббард. Это решение МОК — калитка, которая вскоре может стать широкими воротами. Какой стимул! Любой здоровый двухметровый представитель мужского пола, объявив, что он — «мадам Баттерфляй» и чуть потренировавшись, с какого конца братья за штангу, может успешно соревноваться с олимпийскими чемпионками, которые годами готовились к Олимпиаде.

Рядом стоит гендер²⁰. Гендер в современном понимании — это социально-культурное представление о мужской или женской идентификации. И какие бы светлые мысли при этом ни были у «породивших» гендер, критика обыденных представлений о «биологии как судьбе» привела к своеобразным последствиям. Гендер уже навязчиво вытесняет саму традиционную половую идентификацию, предлагая взамен толкуемую весьма по-разному «гендерную идентичность». Особенно, если учесть, что гендеров сейчас уже насчитывается несколько десятков плюс агендерность, то есть отсутствие гендерной идентичности. Так, недавно во время одной дискуссии автор с удивлением услышал, что ныне «интимные отношения между женщинами уже не вмещаются в рамки традиционной лесбийской любви (?) в связи с их более свободной и разнообразной гендерной самоидентификацией» (!).

²⁰ Исходное «gender» (англ. — «род») — как «спектр характеристик относящихся к маскулинности и фемининности» под которыми «могут подразумеваться социальные структуры (в частности гендерные и социальные роли) или гендерная идентичность... изначально термин гендер был введен как противопоставленный полу». Его активно внедряли феминистки, ставя под вопрос природное происхождение различий между людьми и объяснения различия социальными процессами: «Критика обыденных представлений о “биологии как судьбе”». — yandeh.ru/turbj?text=h (10.01.2020).

И все это не просто одобряется, но насаждается, опять же, при активном обличении «натуралов». В США созрела идея — ввести в паспорте указание половой принадлежности (кроме М/Ж) — «Х», то есть неопределенный пол. Есть подозрение, что у автора этой идеи русские корни и неплохо с чувством юмора. Ведь «Х» — это не только традиционное международное обозначение неизвестной величины, но по-русски это и буква-символ целого ряда «неформальных» выражений, в том числе — «Хрен его знает кто!» Такой смысл вполне уместен в свете подобных инноваций. И это опять же работает на разрушение традиционных представлений о мужчине и женщине, на порождение неопределенности и нестабильности в одном из базовых цивилизационных понятий.

Одной из тактик разрушения «Я» является разрушение традиционных образов мужчины и женщины. Эти образы менялись исторически, но их основы оставались неизменными, т.к. именно они способствовали существованию людей и продлению человеческого рода. Сейчас на смену образу приходит «тип». Очень наглядно это видно по тому, как на смену образу женщины приходит «тип женщины». От асексуального до «бодипозитива».

Да, многие базовые «параметры» в разные времена у женщин были разные. «Венера Милосская» — образ божественной женщины. Но именно женщины. Изображения средневековых дам словно стремились минимизировать всякое представление об их «женскости», подчеркивая духовность. Образы дам в стиле «барокко» Рубенса, наоборот, подчеркивали прелесть их телесности, как девы и дамы Буше и Греза — прелесть их игривости и эротичности. Даже «Портрет Иды Рубинштейн» В. Серова при всей его «геометричности» — образ женщины эпохи Декаданса. Перечень можно продолжить. Но это были образы женщины. Однако уже в XX веке, все большее значение приобретает тип женщины с его чисто «техническими» параметрами, например, всемирно известное: 90-60-90. Некоторые модницы даже удаляли два нижних ребра, чтобы иметь желанную «осиную» талию.

В XXI веке эта тенденция разыгралась еще больше. Женщина, как некое единство, была как бы разобрана «на детали»: губы, глаза, бюст, «нижний бюст» и далее. И каждая «деталь» должна была соответствовать определенному типу. Можно еще понять артистов,

певцов, телеведущих, других медийных персон, особенно женщин, которые с помощью пластики стремятся убрать следы старения или болезни, корректировать изменившуюся с возрастом или из-за болезни фигуру, чтобы иметь «медийный вид». Не будешь иметь — есть шанс «уйти» из бизнеса. Но с какой стати иметь губы-сардельки, бюст как «отягчающее обстоятельство» или «легкий намек» и т.д.? Причина одна — соответствовать некоему типу. Типы диктует мода определенного круга. Соответствие типу — знак принадлежности к этому кругу. Моду на тип диктуют вполне трезвые и здравомыслящие люди, желающие сделать других через следование объявленному типу более управляемыми. Плюс коммерческие соображения. Суммы, которые тратят на пластическое «самосовершенствование» многие известные фигуры, впечатляют.

Распространенным средством разрушения традиционных взаимоотношений между мужчиной и женщиной является современная порнография. Сама по себе порнография насчитывает тысячелетнюю историю. Как текстуально, так и живописно. Порнографией можно назвать даже некоторые фрески Древнего Египта, подчеркивающие определенные специфические достоинства изображенных мужчин. От Древней Греции и, тем более, Древнего Рима нам остались весьма выразительные изображения, например, обнаруженные при раскопках Помпеи. Даже «палеолитические Венеры» с их гипертрофированными чисто женскими характеристиками строгий современный взгляд может отнести к «доисторической порнографии».

И все же нынешняя порнография — явление исключительно наших дней и отнюдь не только сексуальное. Возьмем для иллюстрации Интернет. Не будем говорить о «специфических» сайтах. Тем более, что демонстрация ряда из них запрещена законом. Возьмем, так сказать, «нормальную» порнографию, где мужчина и женщина осуществляют «взаимодействие», определенное им природой. Такие сайты в Интернете в свободном доступе, бесплатно и без регистрации. Сейчас, правда, есть намерение предоставлять возможность смотреть подобные сайты только после персональной регистрации в соответствующем органе. Но, можно не сомневаться, что, будь это принято, у любителей «клубнички» найдутся возможности остаться инкогнито.

Однако, если «классической» порнографией считалось «вульгарно-натуралистическое, непристойное изображение половой жизни в литературе, изобразительном искусстве, кино и пр.»²¹, то современность подобного изображения сегодня в том, что оно, сохраняя свои «классические» свойства, является прежде всего ярким выразителем и пропагандистом идеи общества потребления.

Весь богатый мир интимных отношений сводится к механическому взаимодействию двух или более особей с целью получения определенного удовольствия. Конечно, само по себе получение удовольствия запрограммировала мать-природа ради продления рода человеческого. Но, мягко говоря, нравственная сомнительность современной порнографии именно в том, что она внушает: твой партнер (партнерша) такой же инструмент для получения удовольствия как резиновая кукла, секс-машина и прочие «спецсредства». Резиновая кукла даже в определенном смысле предпочтительней — у нее никогда не «болит голова». И ненавязчиво формируется представление, что *человек вообще может быть предметом для использования.*

Но во всем этом «разрушении Я» прослеживается и другой, более глубинный смысл. Возникает ассоциация с событиями 1968 года во Франции, когда страна переживала системный кризис, породивший широкие протестные движения. Пиком был «Красный май», когда леворадикальные студенческие выступления переросли во всеобщую забастовку, в которой участвовало до 10 млн человек. Нейтрализация социальной активности молодежи как одной из наиболее радикальных протестных групп стала самостоятельной проблемой для властей. И она была решена. Помогли хиппи («дети-цветы»).

Молодежное движение хиппи (субкультура хиппи) родилось в США в начале 60-х, заявляя себя как ненасильственный протест против ханжеской буржуазной морали. Хиппи выступали и против войны во Вьетнаме. Одна из главных идей хиппи — любовь и возвращение к естественному образу жизни. Один из их главных лозунгов — «Make love, not war!» («Твори любовь, нет войне!»). С помощью самых различных официальных и неофициальных возможностей и каналов идеология хиппи стала активно внедряться

²¹ Советский энциклопедический словарь. 1980, 1053.

в молодежную среду Франции и других западноевропейских стран. В качестве «протеста» против буржуазной морали была вброшена идея «сексуальной революции» как полной свободы в сексуальной сфере. В итоге мысли и энергия немалой части молодежи были перенаправлены с социального на сексуальное. К этому прибавилось широкое распространение наркотиков среди хиппи. В начале 70-х годов движение хиппи стало постепенно сходить на нет.

Ситуация наших дней в ряде западноевропейских стран и, особенно в США, напоминает 1968 год в Европе. Системные кризисные процессы нарастают. И чтобы все меньше людей стало задумываться о своем экономическом положении, социальных правах и гарантиях, о растущем расслоении общества по экономическим и социальным критериям, в качестве «инструмента вытеснения» подобных мыслей сознательно организуется нечто вроде «сексуальной революции», но уже в куда больших масштабах и куда более мощными средствами воздействия на сознание и чувства людей. С подключением официальных государственных структур. Пропагандисты «второй сексуальной революции» также утверждают сексуальную свободу, но подобный ее беспредел не мог бы пригрезиться хиппи 1968 года даже под воздействием самых мощных наркотиков. Тем более, что новые «секс-революционеры» провозглашают не возвращение к естественному образу жизни, а внедряют образ жизни весьма неестественный (смена пола, транс-гендеры, гендеры и т.д.).

Нам, в отличие от США и ряда стран Запада, «вторая сексуальная революция» не грозит. Пока. У нас нет таких остро кризисных проблем, как у них. Еще утверждают законом и доминируют традиционные представления о семье. Как и традиционное представление о мужчине и женщине и их отношениях. «Нетрадиционные» сексуальные отношения не запрещены законом, но их пропаганда осуждается. Идея гендера «не овладела массами», не разрешены однополые браки, нет практики смены пола. Порнография (морально осуждаемая) пока еще воспринимается в «классическом смысле», но никак не пропаганда «потребления человека». Однако идеологическое и политическое противостояние между нами и нашими мировыми оппонентами еще никто не отменял. А «сексуальная революция» — оправдавшее себя идеологическое оружие.

И стоит подумать — не делается ли уже первый шаг по манипулированию нашим сознанием в этом направлении? Это — *информирование*. Информация о нетрадиционной ориентации, гендерах, смене пола, однополых браках в том или ином виде почти постоянно не только в «сетях», но и на ТВ. Информация обретает и образный характер. На телеэкране в самых разных передачах и по разным поводам время от времени показываются фото (реже видео) целующихся мужчин или женщин, видео гей-парадов. Сцены в телефильмах, когда герои (пока разнополые) в эротическом экстазе бросаются друг на друга, срывая друг с друга одежду, на нашем ТВ уже почти банальность. Правда, их прерывают пока на самом интересном месте. Потом мы видим только две головы под одним одеялом. Чтобы не обвинили в порнографии.

Изыски типа однополых связей, смены пола, гендеров и т.п. чаще всего еще осуждаются. Но об этом уже рассказывается, а далее открывается возможность манипулировать сознанием людей по известной технологии обмана ближнего в логике «окна Овертона»: *немыслимо — радикально — приемлемо — разумно — популярно — норма*. Ориентируясь на наш современный в достаточной степени противоречивый и неустойчивый общественный менталитет, включая оглядку на Запад, такой путь от *немыслимо* до *нормы* у нас не исключен. Это получило в последнее время неоднократные подтверждения. Многое из того, что у нас не только не было, но что мы отрицали и обличали у *них*, теперь стало нашей реальностью. И, порой, даже нормой. Поэтому стоит почаще обращаться к здравому смыслу, помня о глобальном критерии оценки всего окружающего: *сохранит ли это род человеческий и не разрушит ли человека?*

ЛИТЕРАТУРА

- Артифексов С.Б. 2008: Гомосексуализм // Новая российская энциклопедия. М.: Изд-во «Энциклопедия». Издательский дом «Инфра-М». V (1). 39.
- Букреев В.И. 2011: Расчеловечивание человека в мировой истории: истоки и глобальные последствия: монография. М.: ФЛИНТА: Наука.
- Буданов А.В. 2015: Человек vs варварство // Цивилизация и варварство: пограничье как феномен, состояние и культурно-историческое про-

- странство / В.П. Буданова, О.В. Воробьева (отв. ред.). М.: Аквилон. Вып. IV. 449–474.
- Ивин А.А.* 2015: Обнаженность и отчуждение: философское эссе о природе человека. СПб.: Алетейя.
- «Критика обыденных представлений о “биологии как судьбе”». — yandex.ru/turbo/text=h (10.01.2020).
- Кутырев В.А.* 2015: Последнее целование. Человек как традиция. СПб.: Алетейя.
- Советский энциклопедический словарь. 1980: / Под ред. А.М. Прохорова и др. М.: Изд-во «Советская энциклопедия».
- Томалинцев В.Н.* 2016: Социальный экстремизм в системе координат культуры. Типы личности и война. СПб.: Алетейя.
- Тоффлер Э.* 2004: Шок будущего. М.: Изд-во АСТ.
- Фромм Э.* 2016: Анатомия человеческой деструктивности. М.: Изд-во АСТ.
- Чиксентмихайи М.* 2017: Эволюция личности. 4-е изд. М.: Альпина нон-фикшн.
- Шваб К.* 2019: Четвертая промышленная революция. М.: Издательство «Эксмо».
- Ястребова Н.А.* 2002: На грани и через грань. Тенденции художественного сознания XX века // Искусство в ситуации смены циклов / Н.А. Хренов (отв. ред.). М.: Наука. 161–168.

Anatoliy V. BUDANOV

MODERN CIVILIZATION AND DESTRUCTION OF AN INDIVIDUAL'S COGNITIVE MAP

The article is devoted to the analysis based on mass media publications and internet blogs of an individual's cognitive map transformation in modern realities. General directions and risks of information field destructive impacts on an individual are shown. As new civilization of XXI century establishes, information field gives a boost to a process of giving special metaphysical meaning to modern barbarity, which destructs permissible social norms common to an any civilization. Triggers, strategies, and technologies, starting fundamental changing processes in world perception and mentality of an individual are summarized. Social and psychologi-

cal view of the article lets take a fresh look at an essence and nature of modern barbarity. Possible forms of conceptual foresight of individual's social behavior are shown in context of materialization and overriding of aggressive and ill-destined moves.

Keywords: civilization, barbarity, information field, information technologies, dehumanization, destruction.

Anatoliy V. BUDANOV — Dr. Sc. (Pedagogics), Professor, Independent Researcher. Moscow, Russian Federation. — a-budanov@yandex.ru.

REFERENCES

- Artifeksov S.B. 2008: Gomoseksualizm // *Novaia rossii`skaia e`ntsiclopediia*. M.: Izd-vo «Entsiclopediia». Izdatel'skii` dom «Infra-M». V (1). 39.
- Bukreev V.I. 2011: *Raschelovechivanie cheloveka v mirovoi` istorii: istoki i glo-bal`ny`e posledstviia: monografiia*. M.: FLINTA: Nauka.
- Budanov A.V. 2015: *Chelovek vs varvarstvo // Tcivilizatciia i varvarstvo: pogranich`e kak fenomen, sostoianie i kul`turno-istoricheskoe prostranstvo / V.P. Budanova, O.V. Vorob`eva (otv. red.)*. M.: Akvilon. Vy`p. IV. 449–474.
- Chiksentmihai`i M. 2017: *E`voliuciia lichnosti*. 4-e izd. M.: Al`pina non-fikshn.
- Fromm E`. 2016: *Anatomiia chelovecheskoi` destruktivnosti*. M.: Izd-vo AST.
- Iastrebova N.A. 2002: *Na grani i cherez gran`. Tendencii hudozhestvennogo soznaniia XX veka // Iskusstvo v situacii smeny` teiclov / N.A. KHrenov (otv. red.)*. M.: Nauka. 161–168.
- Ivin A.A. 2015: *Obnazhennost` i otchuzhdenie: filosofskoe e`sse o prirode chelo-veka*. SPb.: Aletei`ia.
- «Kritika oby`denny`kh predstavlenii` o “biologii kak sud`be”». — andeh.ru/turbj?text=h (10.01.2020)
- Kuty`rev V.A. 2015: *Poslednee tcelovanie. Chelovek kak traditciia*. SPb.: Aletei`ia.
- Shvab K. 2019: *Chetvertaia promy`shlennaia revoliuciia*. M.: Izdatel`stvo “E`ksmo”.
- Sovetskii` entsiclopedicheskii` slovar`. 1980: / Pod red. A.M. Prohorova i dr. M.: Izd-vo «Sovetskaia e`ntsiclopediia».
- Tomalintcev V.N. 2016: *Sotcial`ny`i` e`kstreizm v sisteme koordinat kul`tury`. Tipy` lichnosti i voi`na*. SPb.: Aletei`ia.
- Toffler E`. 2004: *Shok budushchego*. M.: Izd-vo AST.

В.В. Петров

КАРЛ КЕРЕНЬИ ОБ АРХЕТИПЕ УЧЕНОГО И ЖРЕЦА*

В статье обсуждается эссе Карла Кереньи «*Religio academici*» (1938), которое интерпретируется в надлежащем историко-философском и культурном контексте. Рассматриваются высказанные в этом эссе филологические установки и философские воззрения Кереньи. Особое внимание уделяется тому, каким образом Кереньи истолковывает понятие *religio*: используя «Учение академиков» и «О природе богов» Цицерона, он пытается истолковать *religio* эпохи Цицерона в духе скептической Академии и на примере понтифика Гая Аврелия Котты доказывает, что поведенческие характеристики ученого и жреца совпадают. Обращено внимание на то, что академики Котта и Цицерон признают существование богов, в чем схожи с Аркесилаем и Карнеадом, которые полемизировали только с *theologia naturalis* и *rationalis* стоиков, тогда как транслируемая традицией религия сомнению не подвергалась. Обсуждается термин «открытость» (*das Offene*), используемый Кереньи. Указывается, что некоторые положения Кереньи предвосхищают позднейшие высказывания Хайдеггера в статье «Нужны ли поэты?» (1946), посвященной Рильке и Гёльдерлину, что может быть связано с общим источником — опубликованными письмами Рильке. В заключение указано, что сопоставления

Валерий Валентинович ПЕТРОВ — доктор философских наук, главный научный сотрудник, Институт философии РАН, Российская Федерация, Москва. — campas.iph@gmail.com

* Работа выполнена в рамках проекта, поддержанного РФФИ (№ 20–59–23001) «Россия и Венгрия в прошлом и настоящем»: кросс-культурный диалог.

модусов существования академического ученого и религиозного жреца, которые на первый взгляд могут показаться экстравагантными и произвольными, в полной мере задействованы современными историками науки.

Ключевые слова: Карл Кереньи, Цицерон, М. Хайдеггер, Р.-М. Рильке, Аркесилай, Карнеад, religio, модус существования, стоицизм, скептицизм, архетип, открытость.

В 1938 году в венгерском журнале «*Pannonia*» было напечатано эссе Карла Кереньи «*Religio Academici*»¹. В этом тексте Кереньи приравнивает призвание ученого-гуманитария к служению жреца в духе формулы «жрец науки». Он делает это посредством анализа текстов Цицерона и ценностных установок платоновской Академии периода скептицизма. Кереньи однозначно выступает за классическую культурную парадигму с традиционными «богами и ценностями». Его исследование противостоит современной ему позитивистской повестке в социальных науках, а в наше время предоставляет аргументы противникам цивилизационной варваризации, продвигаемой посредством прогрессистской социальной инженерии и реформатирования базовых культурных ориентиров. Применительно к статусу и миссии гуманитария Кереньи защищает иерархизм и меритократию в академической среде и гуманитарном образовании.

Ставя вопрос о том, «в чем состоит модус существования ученого», Кереньи пытается определить сущностные характеристики академического исследователя на материале античных Греции и Рима. Легитимность такого подхода в его глазах была обеспечена преемственностью поведенческих моделей европейских гуманитариев, которые во многом продолжали ориентироваться на своих античных предшественников. Активность гуманитариев и область ее приложения в европейской традиции подпадает под термин *academica*, «академической деятельности».

¹ *Kerényi K.* 1938; пер. на венгерский язык: *Kerényi K.* 1984; пер. на англ. язык: *Kerényi K.* 2009. Латинское слово «academicus» в античности обозначало представителя платоновской философской Академии, в латинском языке Нового времени «academicus» — это ученый-гуманитарий. Таким образом, словосочетание «*religio academici*» является каламбуром и может быть переведено либо как «Религия академика» [т.е. представителя античной Академии], либо как «Религия ученого».

Кереньи предлагает считать модус существования ученого² архетипической моделью, вроде архетипов царя, жреца, крестьянина и героя. Он замечает, что в разное время у разных народов вдруг появляется одна из этих моделей, высвобождая различные аспекты своих внутренних потенций. У древних греков и римлян, в отличие от других цивилизаций, модус существования ученого отличается весьма своеобразными чертами. Изучение этих отличительных черт может приоткрыть истинную сущность модуса существования ученого.

То, что Кереньи настаивает на сущностном сходстве ученого, сознающего свою миссию, и жреца, предстоящего богам, может показаться архаикой³. Однако таковы реалии академической традиции. Ученые греки начинали свои сочинения с обращения к Аполлону — предводителю муз⁴. Своими покровителями продолжала считать Муз и Аполлона европейская академическая традиция. Даже в начале XVIII в. профессорам предписывалось помнить, что Музы и Аполлон незримо присутствуют в академической аудитории⁵. В рассматриваемом эссе Кереньи тоже замечает, что

² Формула «модус существования», которая неоднократно встречается в эссе Кереньи, является калькой греческой формулы *τρόπος ύπάρξεως*, использовавшейся в христианском богословии. В системе Максима Исповедника общая природа (божественная или человеческая) получает частные инстанции-ипостаси (Петр, Павел и т.д.), которые понимаются как отдельные модусы ее существования. У Кереньи (который вряд ли был знаком с учением Максима) речь идет о человеке и видах его деятельности.

³ Разумеется, такое понимание принципиально отличается от глобально насаждаемого подхода к образованию и науке как к «сфере предоставления образовательных услуг», подразумевающего переворачивание ценностной иерархии (преподаватель должен заслужить высокий рейтинг у оценивающих его студентов, а исследователь — сообразовать свою исследовательскую программу с коммерчески и бюрократически отформатированной наукометрией). О политической индоктринированности и нежизнеспособности подобной (американской) модели образования, отрицающей европейскую традицию см. Арендт Х. 2014, 259–290.

⁴ См. *Петров В.В.* 2021, 938.

⁵ *Bornhak* 1900, 132-133: «Малое количество слушателей создавало у преподавателей соблазн вовсе отказаться от чтения лекций, чтобы проводить время с большей пользой. Во время визита в Университет Франкфур-

ученый, занятый поисками истины, по сути стремится «пробудить пребывающего в человеке Аполлона»⁶. Словосочетание «жрец науки» мы встречаем и в классической русской литературе, оно сохраняется в речи образованных людей⁷.

Если определить ученого, как человека, созерцающего стоящую за феноменом сущность, говорит Кереньи (заметим, что подобную оппозицию вводит лишь Платон), то естественным образом вспоминаются школы ионийцев и элеатов, математики и натурфилософы, Платон и Аристотель. Древнегреческие философы — первые ученые Запада. Высшее проявление модуса существования ученого — *θεωρία* (сосредоточенность на интеллигибельном)⁸. Основное качество исследователя — осторожность в подходе к проблеме и ее определении: благоговейный трепет перед объектом исследования здесь сочетаются с осмотрительностью и дотошностью. Кереньи замечает (и это подтверждают словари латинского языка), что подобную предосторожность, проявляющуюся как добросовестность и осмотрительность, римляне именовали *religio*. Ссылаясь на Вальтера Отто, Кереньи замечает, что исходно слово *religio* означало «просчитанную осмотрительность».

В этом месте Кереньи обращается к работам Цицерона «Учение академиков» и «О природе богов». Он подчеркивает, что один из участников диалогов — понтифик Гай Аврелий Котта⁹, теоре-

та-на-Одере тайный советник Бартольди обнаружил, что востоковед фон Рункель читает весьма небрежно, поскольку в аудитории подчас присутствовал только один студент, а то и вовсе никого не было. Рункелю Бартольди привел в пример одного известного профессора, который на вопрос о количестве студентов отвечал: «*Cum Appoline et novem Musis undecim*» («вместе с Аполлоном и девятью музами, одиннадцать»). После этого визита, в 1712 г. был издан указ, предписывавший ректору следить за тем, чтобы после удара колокола все профессора находились в аудитории и начинали лекцию, если присутствовало хотя бы два слушателя).

⁶ Kerényi K. 2009, 18.

⁷ Ср. Словарь 1955, 185: «Жрец ... — *перен., устар., иногда ирон.* О посвятившем себя какой-либо деятельности. Жрец науки, искусства».

⁸ Досл. «созерцание», как отвлеченное, теоретическое мышление.

⁹ Гай Аврелий Котта (124–74) — римский аристократ, в 90 г. был осужден на изгнание, вернулся в 82 г. Был избран главой жреческой коллегии понтификов. В 78 г. стал консулом. Цицерон ценил его острый и тон-

тические взгляды которого обсуждаются, является одновременно ученым-философом и религиозным жрецом. Цицерон не случайно избрал носителя высшего жреческого чина в качестве представителя своей собственной «академической» философской точки зрения¹⁰: в его эпоху “академизмом” считался интеллектуальный подход платоновской школы, так называемой «Новой Академии».

В «Учении академиков» Цицерон проговаривает ряд принципиальных особенностей «академического» стиля исследования. Он заявляет, что, несмотря на трудности, «мы не оставили нашего стремления к познанию, сколь бы мучительным оно ни было», а цель предлагаемых читателю диалогов состоит в том, чтобы «вытянуть и как-то выразить нечто, что являлось бы истиной или возможно ближе приближалось бы к ней». Однако, в отличие от «догматиков» — тех, кто «не сомневается в истинности того, что отстаивает», «мы [академики] считаем многое вероятным (*probabile*)», так что «едва ли можем это утверждать». Таким образом мы «сохраняем цельной способность суждения»¹¹.

Схожим образом, в третьей книге «О природе богов» Цицерон вкладывает в уста Котты полемику относительно стоических представлений о природе богов. Его Котта подчеркивает, что им движет не столько желание опровергнуть сказанное оппонентом, сколько стремление *уяснить* смысл того, что ему самому не вполне понятно.

В этом месте Котта удивляет читателя личным признанием, которое Кереньи полагает важнейшим для определения модуса существования ученого. Когда предварявший выступление Котты стоик предложил апологию государственной религии античного Рима, переформулировав ее в стоически-пантеистическом духе, он ожидал, что Котта, как верховный понтифик, вынужденно согла-

кий ум, а также ораторское искусство. В сочинении «О природе богов» Котта выведен представителем философской школы Новой Академии.

¹⁰ В «О природе богов» Цицерон заявляет, что придерживается учения академиков, ср. *Cicero. De natura deorum* 1, 5, 11: «Я предпочел стать последователем этого учения [академиков]... Так обстоит дело и с методом (*ratio*) этой школы в философии — все оспаривать и ни о чем не высказывать определенного мнения... Этот метод получил свое начало от Сократа, был возобновлен Аркесилаем, подкреплен Карнеадом и дожил до наших дней...», пер. М.И. Рижского.

¹¹ *Cicero. Academica priora* II, 3, 7-8, пер. Н.А. Федорова (с изм.).

сится со сказанным. И Котта действительно намерен защищать римскую религию, однако делает это, отвергая какие-либо её философские переформулировки. Он отказывается обращаться за помощью к греческим философам, заявляя, что, когда дело касается религии, он предпочитает следовать суждениям предшествующих ему понтификов, а не стоикам Зенону, Клеанфу и Хрисиппу. Выше учений глав стоической школы он ценит знаменитую речь о религии авгура и мудреца Гая Лелия¹². Таким образом, когда дело доходит до религии, Котта ориентируется на тех, кто занимает высшие посты в жреческой, а не в философской иерархии. Фигура Гая Лелия, который был одновременно авгуром и философом, важна для Котты (и Цицерона) как пример того, что возможно сразу быть авгуром и философом.

Примечательно, что требовательность Котты по отношению к полемизирующему с ним стоику отличается от доверительного отношения к понтификам прошлого. От стоика требуется *доказать* правильность его религии. Напротив, своим предшественникам Котта верит безоговорочно: «*a te enim philosopho rationem accipere debeo religionis, maioribus autem nostris etiam nulla ratione reddita credere*» («от тебя, философа, я должен получить доказательства в пользу религии, предкам же нашим должен верить без всяких доказательств»)¹³.

Здесь Кереньи замечает сходство установок Котты и современного ученого-религиоведа, который — чтобы адекватно реконструировать римскую религию — тоже обязан отказаться от ее более поздних философских перетолкований, поскольку последние (особенно стоические) «уже сбили с толку немало христианских историков религии»¹⁴. Более того, религиоведу следует довериться древ-

¹² Cicero. De natura deorum 3, 2, 5. Гай Лелий, консул 140 г., друг Сципиона Младшего (имеется в виду речь Лелия по поводу законопроекта о жреческих коллегиях, в котором предлагалось, чтобы они пополнялись не самими членами коллегий, а избирались народом; Лелий в своей речи доказывал, что принятие этого закона поставит под угрозу само существование религии).

¹³ Cicero. De natura deorum 3, 2, 6.

¹⁴ В этом высказывании проявляются особенности ситуации, в которой находился сам Кереньи, см. Петров В.В. 2020, 100.

неримским жрецам (если бы только ему были доступны их подлинные представления) и полагать, что ситуация с богами и обрядами была именно такой, какой видели её они. Кереньи подчеркивает, что ни Котта, ни современные историки религии не «верят» в христианском смысле этого слова. Римский тип веры не был основан на непосредственном *переживании* и не являлся, как в христианстве, триумфом над сомнением, достигаемым с Божьей помощью.

Римская вера, считает Кереньи, была своеобразной компенсацией за отсутствие непосредственного экзистенциального опыта-переживания или дополнением к остаткам такого опыта. Подобно современному ученому, «академик» Котта уже не принадлежал миру, в котором римская религия переживалась непосредственно. Поэтому он хотел «придать ей достоверность», но исполнить это мог легко, честно и без оговорок, поскольку его «вера» была естественной заменой религии. И здесь опять, замечает Кереньи, религиозное отношение Котты схоже с научным подходом современного историка религии: историческую данность оба они хотят репрезентировать в наименее искаженном виде. А различие между ними заключается в том, что — в отличие от понтифика Котты — теоретическое сосредоточение на религиозных обрядах у современного ученого не имеет естественного продолжения в виде культового служения, даже если научные изыскания приводят ученого к выводу, что религиозные верования античности представляют собой нечто большее, чем просто психологическую реальность. (а такие выводы разделял как сам Кереньи, так и ряд его коллег, например, Вальтер Отто).

Таким образом, заключает Кереньи, понтифик Котта, педантично признающий историческую данность, соответствует как минимум одному из критериев модуса существования ученого. При этом Котта отвергает естественную теологию стоиков и даже опровергает их доказательства существования бога. Подобный подход Котты и Цицерона близок к таковому у скептиков Аркесилая и Карнеада: внутри Академии войны велись лишь против *theologia naturalis* и *rationalis*, в то время как транслируемая традицией религия сомнению не подвергалась¹⁵.

¹⁵ Ср. Puxter P. 1910, 140: «Скептики боролись против догматизма народной религии — только против догматизма религии, а не против нее

Здесь Кереньи ставит вопрос об основаниях религии Аркесилая¹⁶, который в третьем веке до н.э. ввел в Академии принцип скептического воздержания от суждения (ἐποχή). Кереньи указывает, что религия была фактом греческого и римского образа мышления до появления философии и существовала бок о бок с философией так долго, что лишь с ее помощью Аркесилай мог провозгласить существование некоей формы знания богов, недостижимого посредством философии¹⁷. Аркесилай сделал это, отчеканив строку, которую переиначил из Гесиода: «*Ибо разумение боги от людей скрыли*»¹⁸.

самой. Ибо, что касается содержания познания в области религии, то относительно него, как и относительно материального познания, друг другу противостоят одинаково сильные, уравнивающие друг друга доводы. Для скептика из этого следует полное сомнение относительно соответствующего предмета, а не отрицание положительного взгляда. Он *возражает, поэтому, не столько против существования богов, сколько против уверенных утверждений догматиков*. Это важно иметь в виду для того, чтобы не впасть в недоразумение относительно сути стремлений скептиков». Cf. Richter R. 1904.

¹⁶ Аркесилай (316 / 5–241 / 0) был основателем академического скептицизма и Новой Академии.

¹⁷ Как кажется, рассуждение Кереньи отправляется от начального параграфа сочинения Цицерона «О природе богов», в котором Цицерон от своего имени говорит: «Много еще есть в философии вещей, до сих пор не получивших достаточного объяснения, а в особенности трудным и темным является вопрос о природе богов, вопрос, который в высшей степени и для познания духа важен, и для устройства религии необходим. ... И мудро поступают академики, которые воздерживаются выражать одобрение вещам сомнительным. Ведь, что может быть постыднее недомыслия? Что безрассуднее? Что недостойнее твердости и постоянства мудрого мужа, чем придерживаться ложного, или, ничуть не сомневаясь, защищать то, что недостаточно исследовано и продумано? Так и в этом вопросе. Большинство думает, что боги существуют, — это ведь и правдоподобнее, и сама природа всех нас к этому приводит».

¹⁸ Eusebius. Praeparatio evangelica 14, 4, 15, 2-6. Цитируемое изречение вписано в следующий контекст: «Аркесилай говорит, что должно воздерживаться от суждений о чем бы то ни было. Ведь всё непостижимо (ἀκατάληπτα), и доводы за и против равносильны, а ощущения и всякое рассуждение (λόγους) недостоверны (ἀπίστους). Поэтому он хвалил такое

Мнение Аркесилая, считавшего, что истина доступна только богам, но не людям, Кереньи сопоставляет с таковым у Сократа в «Федре» Платона¹⁹, замечая, что ἐποχή Аркесилая свидетельствует о признании им духовной области, в которой правят не философские суждения, но сами живые боги.

Эта практика оказалась долговечной, поскольку и Карнеад²⁰,

высказывание Гесиода: “*Ведь боги скрыли знание от людей*” (κρύψαντες γὰρ ἔχουσι θεοὶ νόον ἀνθρώποισιν)». Ср. *Hesiodus. Opera et dies* 42: Κρύψαντες γὰρ ἔχουσι θεοὶ βίον ἀνθρώποισιν, “Ибо боги скрыли от людей средства пропитания”.

¹⁹ Кереньи имеет в виду то место из второй речи Сократа в диалоге «Федр» (247cd), где сказано, что над материальным небом — «в наднебесном месте» — находится истинно сущая сущность, не имеющая цвета и формы, неосязаемая, зримая лишь умом, как кормчим души. Там берет начало истинный род знания. И как мысль (διάνοια) бога питается умом и беспримесным знанием (νῶ καὶ ἐπιστήμῃ), так мысль всякой души питается созерцанием истины. Следует уточнить, однако, что в отличие от Аркесилая, по Платону некоторые души, хотя бы изредка, могут подниматься к истинному бытию, «выныривая» из материального космоса в умопостигаемое. Об отношении Аркесилая к Платону см.: *Diogenes Laertius. Vitae philosophorum* 4, 32, 9–33, 1: «Платоном он, по-видимому, восхищался и имел у себя его книги», ἐφέκει δὴ θαυμάζειν καὶ τὸν Πλάτωνα καὶ τὰ βιβλία ἐκέκτητο αὐτοῦ.

²⁰ Карнеад (214—129 до н.э.) — основатель Третьей Академии. Трактат «О природе богов» Цицерон начинает с обсуждения теологических воззрений различных философов и школ: «Большинство думает, что боги существуют, — это ведь и правдоподобнее, и сама природа всех нас к этому приводит. Однако Протагор сомневался, а Диагор Мелосский и Феодор из Кирены считали, что вовсе нет никаких богов. А те, которые признавали существование богов, настолько расходятся в суждениях, что все их мнения даже трудно перечислить. Многие говорят и о наружности богов, и об их местопребывании, и образе жизни, и обо всем этом между философами величайшее разногласие в спорах. Главное же в этом вопросе: живут ли боги в полном бездействии, ни во что не вмешиваясь, совсем не заботясь о мире и об управлении им, или, напротив, они с самого начала и все сотворили, и установили, и всем в мире до бесконечного времени (ad infinitum tempus) управляют, и все приводят в движение. Вот о чем особенно велико расхождение во мнениях; и если все это не рассудить, то неизбежно пребывать людям в крайнем заблуждении и невежестве отно-

живший примерно через сто лет спустя после Аркесилая, отказывался обсуждать существование богов. Вместо этого он хотел пробудить стремление к истине: «*ut excitaret homines non socordes ad veri vestigandi cupiditatem*» («так что он возбудил в людях пытливого ума страсть к отысканию истины»)²¹. Избегая философских суждений, Карнеад, тем не менее, признавал свою негативную зависимость от мнений философов, говоря: «Не будь Хрисиппа — и меня бы не было»²².

Кереньи подчеркивает, что скептический поворот платоновской школы во многом обусловлен оппозицией именно позитивному догматизму²³ стоиков: в случае Карнеада — это оппозиция

сительно вещей наиважнейших» (*De natura deorum* I, 1, 2). Далее нигде проблема *существования* богов Цицероном не ставится. Обсуждается лишь то, осуществляют ли боги свой промысел относительно мира и людей. Именно в этом вопросе Цицерон фиксирует наличие наибольших разногласий, и именно в этом контексте упоминает Карнеада: Ср. *Ibid.* I, 2, 4-5: «Есть и иные философы, и притом великие и благородные, которые полагают, что весь мир умом и рассудком (*mente atque ratione*) богов руководится и управляется, и что, мало того, жизнь людей также богами предвидится и опекается (*consuli et provideri*)... Но Карнеад выдвинул против этих философов (*contra quos*) столь многое, что в людях неленивого ума возбудил желание отыскать истину, ибо это такой вопрос, по которому расходятся во мнениях не только неученые люди, но также и ученые. Мнения (*opiniones*) же эти столь различны и столь противоречивы (*tam variae sint tamque inter se dissidentes*), что, весьма возможно, ни одно из них не истинно, истинным же, конечно, может быть не более одного».

²¹ *Cicero. De natura deorum* I, 2, 4-5.

²² *Diogenes Laertius. Vitae philosophorum* 4, 62, 5, εἰ μὴ γὰρ ἦν Χρῆσιππος, οὐκ ἂν ἦν ἐγώ.

²³ Относительно различия *скептицизма* и *догматизма* см.: Рихтер Р. 1910, 16-17: «Греческое слово σκέπτεσθαι значит: озираться кругом, осматриваться, — в применении к предметам духовного порядка: взвешивать, испытывать, быть в нерешительности. ... Противоположное скепсису понятие: δόγμα (от глагола δοκεῖν) следует перевести словом “взгляд” или “мнение”; δογματίζειν значит “устанавливать мнение или взгляд”, причем под мнением здесь следует понимать не более слабую степень знания, а просто противоположность незнанию, отсутствию всякого определенного мнения. Таким образом, скептик есть человек сомневающийся и не решившийся, догматик — убежденный и решившийся;

догматической теории божественного промысла у Хрисиппа. После Платона Академия перешла на позицию сократовского *незнания*²⁴. Кереньи указывает на еще один момент: для основателей и знаменитых представители Стои, которые были выходцами из Малой Азии, духовные аксиомы древнегреческой религии утратили свою силу. Область господства религии, в которой правила художественно-религиозное, духовное видение и непосредственное знание богов, перестала представлять для них высшую ступень опыта. *Theologia naturalis* и *rationalis* стоиков была призвана заменить сознательные и подсознательные основы древних культов. Её *пригодность* для этой задачи была доказана посредством типично эллинических методов и способов мышления уже греческими академиками; однако её *право* на это было без обиняков отвергнуто Цицероном в «О природе богов». Таким образом, заключает Кереньи, не только поведение Котты, но и академическое *ἐποχή* (воздержание от суждений) применительно к догмам религии соответствует аполлоническому духу реальных схоластических (т.е. исследовательских) модусов существования и тому особому типу благоговейного трепета, добросовестного внимания и осмотрительности, которые именовались *religio*.

Как уже сказано, с давних времен *religio academici* была связана с религиозной осторожностью. Понять положительную суц-

в философии догматиком должен считаться всякий имеющий определенные философские убеждения или защищающий известное философское учение; скептиком — представитель противоположного типа. В этом смысле, как установившиеся обозначения для двух только что охарактеризованных нами направлений, термины эти употребляются у Галена, [Авла] Геллия, Секста Эмпирика, Диогена Лаэртского; но когда именно стали они прочным достоянием философского лексикона, в точности не установлено».

²⁴ Ср. *Cicero. De natura deorum* 1, 1, 1: «Вопрос о природе богов в высшей степени важен для познания духа и необходим для устройства религии. По этому вопросу учеными мужами были высказаны столь различные и столь противоречивые мнения, что это уже само по себе должно служить сильным аргументом в пользу того мнения, что причиной и началом философии должно быть *незнание*. И мудро поступают академики, которые воздерживаются выражать одобрение вещам сомнительным», пер. М.И. Рижского.

ность этого отношения помогает фигура римского жреца, который являлся образцовым воплощением *religio*. Статус жреца был обоснован не только внешне, через официальный чин, но и «внутренне», т.к. базировался на особом призвании (*vocatio*) и особом знании. «Внутреннюю» основу жреческого чина составляла именно *religio*.

Подобная *religio* не подразумевает эмоциональных излияний. Утверждая, что античная религиозность предполагала и утверждала существование богов естественно, беспрестанно и без чрезмерного нажима, Кереньи определяет *religio* как *открытость* существованию богов, как «становление полусферой, восприимчивой к полусфере сущего». Термин *открытость*, дополненный упоминанием *полусферы*, заслуживает внимания, демонстрируя вовлеченность Кереньи в интеллектуальные дискуссии, характерные для Германии 1920-1930 гг. Укажем лишь, что эти слова из эссе Кереньи, опубликованного в венгерском журнале «*Pannonia*» (1938), находят параллель в позднейшей статье М. Хайдеггера «Нужны ли поэты?» (1946), посвященной Рильке и Гёльдерлину. В ней Хайдеггер рассуждает о лексеме «открытость» (*das Offene*) в вокабуляре Рильке и, в частности, цитирует слова Рильке о том, что под «открытостью» следует понимать «ту неопишимо распахнутую свободу, которая, вероятно, у нас имеет эквиваленты (крайне летучие) только в первые мгновения любви, когда человек видит свой собственный простор в другом, в любимом, да во вздыбленности к Богу»²⁵. Обращаясь к античной философии, Хайдеггер здесь переходит к рассуждениям о сферичности бытия и Единого, цитируя Парменида: «но поскольку [у сущего] есть крайний предел, оно закончено / со всех сторон, подобно глыбе совершенно-круглой сферы (*εὐκύκλου σφαίρης*), / повсюду равноудаленное от центра»²⁶. После слов о сфере бытия, Хайдеггер опять возвращается к Рильке и цитирует фрагмент из его письма от 1923 г.: «Подобно луне и жизнь, конечно же, имеет длительно скрывающую от нас сторону, являющуюся *не* ее противостороной, но дополнением ее до совершенства (*Vollkommenheit*), до полносоставности (*Vollzähligkeit*), до действительной и полной сферы и шара *бытия* (*Sphäre und*

²⁵ Хайдеггер М. 2017, 45.

²⁶ *Parmenides*. Fr. 8, 42-44.

Kugel des Seins)»²⁷ Шеститомное собрание писем Рильке публиковалось в 1936-1939 гг.²⁸, и если данный текст привлек внимание Хайдеггера, можно предположить, что он также был известен Кереньи. Кереньи весьма почитал Хайдеггера (в том числе и как соплеменника-шваба), письменно реагировал на публикации Хайдеггера о Гёльдерлине и Рильке²⁹, а в апреле 1936 г. присутствовал на лекции Хайдеггера «Гёльдерлин и сущность поэзии». Влияние лексики Хайдеггера различимо в языке Кереньи³⁰. При этом часто речь идет не об одностороннем влиянии Хайдеггера на Кереньи, но об общности терминов и идей: многие из них — например, «захваченность» (*Ergriffenheit*) — появляются почти одновременно у Хайдеггера и в круге общения Кереньи (Лео Фробениус, Вальтер Отто)³¹.

Тем не менее Кереньи не единожды спорит со знаменитым философом. Например, в «*Religio academici*» Кереньи утверждает, что определение *religio* как «открытости» остается неудовлетворительным, поскольку простая открытость существованию богов — это пассивное состояние. Напротив, римская *religio* была чем-то большим — она была даром неустанной активности, способностью к напряженному наблюдению и приспособлению к воспринимаемому. В этом смысле *religio* была творческим актом³².

²⁷ См. Письмо Р.-М. Рильке графине Марго Сиццо, в день Богоявления 1923 г. // *Рильке Р.-М.* 2017, 60-61.

²⁸ *Rilke R.-M.* 1936–1939.

²⁹ Cf. *Kerényi K.* 1954, 11-24.

³⁰ См., например: *Петров В.В.* 2020, 123.

³¹ *Kerényi K.* 1937, 74-85. Ср. *ниже* прим. 35.

³² О соотношении активного и пассивного в отношении богов Кереньи писал в заметке, посвященной введённому Лео Фробениусом понятию «*Paideuma*» (*Kerényi K.* 1939, 157–58). Кереньи толкует её как «способность реагировать, нечто по сути пассивное, хотя именно это реагирование ведёт к поступкам и творчеству — произведениям культуры. Ведь, по сути, человек никогда не выбирает, но всегда выбирают его: а выбирают его творческие силы, от которых невозможно уклониться. Благодаря *Paideuma* все те, кто живёт во временном и пространственном царстве этой *Paideuma*, находятся в такой власти её, что могут вести только определённый образ жизни, или, выражаясь иначе: служить только определённым богам и никаким другим. Быть человеком означает то же самое, что находиться в её власти: через сверх-индивидуальную

Кереньи перечисляет базовые аксиомы римской *religio*. Первая — безусловность существования богов. Вторая — то, что Аркесилай назвал «разумением, находящемся во владении богов» (см. *выше*). «Разумение» — это знание, тождественное божественному существованию, недостижимое для человека, но непоколебимо существующее как таковое. Разумение проявляется в действиях богов и при интерпретации повседневных событий становится «божественным нарративом» в смысле до-философского, древнеримского *fatum* («то, что изречено»), ибо вера в приговор богов была столь же прочна, как вера в существование богов. Судьба скрыта от человека, но могла быть объявленной и услышанной, пусть только в намеках и знаках. Таким образом, помимо утверждения существования богов, две другие аксиомы *religio* таковы: во всех повседневных событиях проявляется нечто божественное и это божественное наблюдатель может постичь.

Противоположностью *religio* была неспособность к наблюдению. В работе о дивинации Цицерон подчеркивает заботу римлян о том, «чтобы ни один вид дивинации не оказался у них в пренебрежении», «*ne genus esset ullum divinationis, quod neglectum ab iis videretur*»³³. В этом случае *negligere* («оставлять без внимания») является противоположностью *religio*.

Таким образом, человек религиозный (*religens*) обладает рядом признаков, которым может соответствовать и *академик*: открытость божественному, которое проявляется в событиях мира, дотошность в отслеживании его знамений и *образ жизни*, сообразуемый с божественным и проживаемый в соответствии с ним.

В этом месте мысль Кереньи покидает мир античности и обращается к современности. Он указывает на черту, присущую ученому наших дней, и говорит о ней в терминах экзистенциальной философии. Архетипу ученого, исследователя и философа свойст-

Paideuma, общую для всех в определённое время в определённом пространстве, быть воспитанниками высших сил — *παιδεύματα θεῶν εἶναι* («быть воспитанниками богов»)), пер. Алеши Прокопьева. (В завершающей греческой фразе Кереньи отсылает к «Тимею» (24d) Платона: *καθ' ἄτερ εἰκὸς γυνήματα καὶ παιδεύματα θεῶν ὄντας*, «как подобает вам, детям и воспитанникам богов»).

³³ *Cicero*. De divinatione 1, 2, 3, 5.

венны интеллектуальная открытость и обостренное самосознание. Ученый не просто следует за событиями внешнего мира, но «изменяется вместе со своим внутренним миром», рассматривая процесс подобного изменения как ретроспективную верификацию себя³⁴. Он не довольствуется уже обретенными формами «знания», но открыт для всё более изощренных. Он постоянно вслушивается в меняющийся мир, и новая мировая ситуация укрепляет его в тот самый момент, когда он перестает довольствоваться той, что уже сложилась³⁵. Так ученый достигает более высокого уровня изощренности и способностей, которые сами становятся приметами новой мировой ситуации³⁶. При этом его внимание и чуткость ни-

³⁴ Как представляется, для ученого речь идет о необходимости постоянной переоценки и пересборки самого себя и своих академических установок, которые нуждаются в проверке на актуальность и жизнеспособность.

³⁵ Ср. Хайдеггер 2013, 30-31: «Мы никогда не схватим эти понятия в их понятийной строгости, если заранее не *захвачены* тем, что они призваны охватить. Этой захваченности (Ergriffenheit), ее пробуждению и насыщению, служит главное усилие философствования. Но всякая захваченность исходит из *настроенности* (Stimmung) и пребывает в таковой. Поскольку понимание и философствование не рядовое занятие в числе других, но совершается в *основании* человеческого бытия, то настроенности, из которых вырастают философская захваченность и хватка философских понятий с необходимостью и всегда суть *основные настроенности* нашего бытия (Grundstimmungen des Daseins), такие, которые постоянно и сущностно настраивают человека, хотя он совсем не обязательно должен всегда и распознавать их как таковые. *Философия осуществляется всегда в некоей фундаментальной настроенности*. Философское схватывание (Begreifen) коренится в захваченности (Ergriffenheit), а эта последняя — в фундаментальной настроенности (Grundstimmung)».

³⁶ Слова Кереньи являются экзистенциальным вариантом позиции греческого риторика Исократ (436–338 гг. до н.э.), который утверждал, что не следует ожидать сиюминутной выгоды от занятий свободными искусствами. Целью последних является другое: они упражняют и оттачивают ум, так что те, кто занимается ими, «легче и быстрее могут усваивать и изучать еще более серьезные (σπουδαίωτερα) и более достойные вещи»; не получая никаких практических преимуществ и навыков, «они только сделали себя способнее к изучению более сложных и серьезных дисциплин». Подробнее см. Петров 2021, 957–959.

когда не дают сбой «относительно того, что в своей самоманифестации непоколебимо» — здесь Кереньи имеет в виду умопостигаемую / божественную реальность.

И хотя *religio academici* весьма близка к религии римского жреца, а модус существования ученого близок к таковому у жреца, различие состоит в том, что жрец всегда может укрыться под властью божества, знаменья которого загодя³⁷ укрепляют его положение, тогда как уделом ученого является интеллектуальная открытость вместе с сопутствующими подобному положению опасностями и перспективами. Вот, что отличает ученого от священника.

Это отличие не отменяет сродства между ними. В период высокого Средневековья, пишет Кереньи, когда различия между модусами мышления священника и ученого уже сознавались, двери религиозной обители, населенной священниками и монахами, открылись для ученых: так возник Оксфордский университет. Это подтверждает девиз, начертанный при основании его старейшего колледжа: «*Qui non religiosi, religiosi viverent*», «пусть те, кто не являются религиозными служителями, живут как религиозные служители»³⁸. Подобный симбиоз оказался плодотворным и устойчивым, просуществовав семь столетий. И хотя сегодня «ученый не живет так, как если бы он был религиозен», завершает свое эссе Кереньи, «тем не менее, он именно таков в своей сущности».

Как мы видим, Кереньи начал с указания на близость модусов существования современных ученых и представителей платонов-

³⁷ «Загодя» — потому что знаменья относятся к дивинации, и вещают о будущем.

³⁸ Лорд Уолтер де Мёртон, верховный канцлер и епископ Рочестера, основавший в 1264 г. колледж, который теперь носит его имя, рассматривал его как спонсируемую корпорацию ученых, члены которой, если они не были связаны духовными обетами, трудились и жили бы там, как монахи или клирики. На протяжении столетий студентами и преподавателями Мёртоновского колледжа были исключительно мужчины; первые студентки были зачислены туда только в 1979 г. В этой связи можно заметить, что до последнего времени среди западноевропейских медиевистов было много монахов и священников. Cf. *Moore J.J.* 1878, 166: «Merton College, founded 1264, by Walter de Merton, Lord High Chancellor and Bishop of Rochester... Merton's idea was that of "*Qui non religiosi, religiosi viverent*" — (an endowed corporation of scholars, free from vows)».

ской Академии, а завершил эссе, указав на родство ученого и монаха. На первый взгляд подобные сопоставления могут показаться экстравагантными и произвольными, однако они в полной мере задействованы историками науки³⁹. Например, У. Кларк указывает на церковную предысторию европейского академического образа жизни⁴⁰. Он подчеркивает близость академического и монашеского образа жизни применительно к университетам Оксфорда и Кембриджа⁴¹ и замечает, что «современный исследовательский университет вырос из факультетов немецких профессоров-протестантов» (с. 52). Впрочем, сами ученые не ограничивали себя сравнениями с монахами, сравнивая себя с греческими «героями» — атлетами-триумфаторами, поскольку их академическая смелость и доблесть тоже проходила проверку в полемике с коллегами на факультете и посредством открытых экзаменов и диспу-

³⁹ Кларк У. 2017.

⁴⁰ Ср. *Ibid.*, 21: «В сущности университетская архитектура изначально была церковной... Академическому пространству присущи скорее духовные коннотации, нежели светские... Лектора мы видим на *cathedra*, кресле. Отсюда — понятие профессорской кафедры. Кафедра изначально устанавливалась там, где восседал для ведения проповеди епископ... Оттуда же она перешла к профессорам, ибо первоначально, в Средние века, средства на профессорскую деятельность выделялись из бенефиций, предназначенных для каноников». Ср. *Ibid.*, 110, и раздел «Академическая литургия» на с. 110.

⁴¹ На с. 44 Кларк приводит цитату: «В мое время ученые и монахи [в Оксфорде] были вполне благопристойными людьми, смиренно пользовавшимися дарами университетских основателей. Их дни протекали в черед монотонных обязанностей: богослужение, собрания в часовне и парадном зале, беседы в кофейной зале и преподавательской» (*Gibbon E.*, 52). Кларк замечает (с. 48): «Как и их коллеги из английских колледжей, иезуитские наставники сохраняли целибат и в целом вели образ жизни духовного лица. Типичный обитатель Оксбриджа, если только он не был безнадежным халтурщиком или же беззаветным служителем науки, рано или поздно принимал сан викария или становился пастором... Монах, образцовая религиозная личность, был также первым, кто подчинял свою жизнь законам методичности, упорядочивал свое время, постоянно контролировал себя, отбрасывал все спонтанные увеселения во имя долга. Таким образом, он стал первым профессионалом...».

тов⁴². Развитая мифология академической жизни не раз становилась предметом исследований⁴³. Особенностью текста Кереньи является то, что помимо академического (филологического, философского и религиоведческого) подхода, он имеет весьма личный характер, сохраняя отпечаток собственных интересов и симпатий автора, оттиск его личного мирозерцания. Не в последнюю очередь именно эта особенность делает эссе «*Religio academici*» столь увлекательным и живым.

ЛИТЕРАТУРА

- Арендт Х.* 2014: Кризис в воспитании // *Арендт Х.* Между прошлым и будущим. Восемь упражнений в политической мысли / Пер. с англ. и нем. Д. Аронсона. М.: Изд-во Института Гайдара, 2014, 259–290.
- Жоно Э.* 2010: *Translatio Studii*. Перенесение учености (Одна из тем Жильсона) / Пер. с англ. М.С. Петровой // Интеллектуальные традиции античности и средних веков (исследования и переводы) / Сост. и общ. ред. М.С. Петровой. М.: Кругъ, 238–301.
- Кларк У.* 2017: Академическая харизма и истоки исследовательского университета / Пер. с англ. М. Рудакова, под ред. М. Добряковой. М.: Изд-во Высшей школы экономики. 736 с.
- Петров В.В.* 2020: Филологический экзистенциализм Карла Кереньи // Цивилизация и варварство. Вып. IX, 96–129.
- Петров В.В.* 2021: Искусство, наука и пайдейя в “О музыке” Аристиды Квинтилиана // СХОЛН (Schole). № 15 (2), 935–965.
- Рильке Р.-М.* 2017: Избранные сочинения и судьба / Сост., пер. с нем., статьи и комм. Николая Болдырева. Т. 5. М.: Водолей. 368 с.
- Рихтер Р.* 1910: Скептицизм в философии. Т. 1 / Пер. с нем. В. Базарова и Б. Столпнера. СПб.: Шиповник. (Библиотека современной философии. Вып. 5).
- Словарь 1955: Словарь современного русского литературного языка в 17 тт. Т. 4. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1955.
- Хайдеггер М.* 2013: Основные понятия метафизики. Мир — конечность — одиночество / Пер. с нем. В.В. Бибихина, А.В. Ахутина, А.П. Шурбелева. СПб.: Владимир Даль, 2013. 592 с.

⁴² *Ibid.*, 114–115.

⁴³ Относительно трансляции академической традиции от культуры к культуре см. превосходное эссе: *Жоно Э.* 2010, 238–301.

- Hайдеггер М.* 2017: Нужны ли поэты? // *Хайдеггер М.* О поэтах и поэзии: Гёлдерлин, Рильке, Трагль / Сост., пер. с нем. и послесловие Н. Болдырева. М.: Водолей, 25–84.
- Цицерон* 1985: О природе богов // *Цицерон.* Философские трактаты / Пер. с латин. М.И. Рижского / Отв. ред., сост. и автор вступ. статьи Г.Г. Майоров. М.: Наука.
- Цицерон* 2004: Учение академиков // *Марк Туллий Цицерон.* Учение академиков / Пер. Н. А. Федорова; комм. и вступ. ст. М.М. Сокольской. М.: Индрик. 320 с.
- Bornhak C.* 1900: *Geschichte der preussischen Universitätsverwaltung bis 1810.* Berlin: Georg Reimer. 200 S.
- Gibbon E.* 1966: *Memoirs of My Life.* Ed. by G. Bonnard. New York: Funk & Wagnalls.
- Kerényi K.* 1937: “Ergriffenheit und Wissenschaft,” *Kerényi K. Apollon. Studien über Antike Religion und Humanität.* Wien / Amsterdam / Leipzig: Franz Leo & Co. S. 74–85.
- Kerényi K.* 1938: “Religio Academici,” *Pannonia* 4, 320–329.
- Kerényi K.* 1939: “Paideuma,” *Paideuma* 1, no. 4, 157–58.
- Kerényi K.* 1954: “Hölderlin und die Religionsgeschichte. Vortrag gehalten im Istituto di Studi Germanici in Rom am 26. Mai 1953,” *Hölderlin-Jahrbuch 1954.* Hrsg. von Fr. Beissner und P. Kluckhohn. Tübingen: J.C.B. Mohr (Paul Siebeck), 11–24.
- Kerényi K.* 1984: “Halhatatlanság és Apollón-vallás [Immortality and the Apollonian Religion].” Transl. by Gy. Tatár. Budapest: Magvető Publishers, 323–332.
- Kerényi K.* 2009: “Religio Academici.” Transl. by P. Barker, in: *Religio Academici. Essays On Scepticism, Religion and the Pursuit of Knowledge.* Budapest: Akadémiai Kiadó, 11–21.
- Moore J.J.* 1878: *The Historical Handbook and Guide to Oxford, Embracing a Succinct History of the University and City from the Year 912...* Oxford.
- Rilke R.-M.* 1936–1939: *Gesammelte Briefe in 6 Bänden.* Hrsg. von R. Sieber-Rilke und C. Sieber. Leipzig.
- Richter R.* 1904: *Der Skeptizismus in der Philosophie.* Band I. Leipzig.

Valery V. PETROFF

KARL KERÉNYI ON THE ARCHETYPE OF THE ACADEMIC AND THE PRIEST

The article discusses Karl Kerényi's essay "*Religio academici*" (1938), which is interpreted in a proper historical, philosophical and cultural context. The philological attitudes and philosophical views of Kerényi expressed in this essay are considered. Particular attention is paid to how Kerényi interprets the concept of *religio*: using Cicero's "*Academica priora*" and "*De natura deorum*", he tries to interpret *religio* of the Cicero era in the spirit of the skeptical Academy and, using the example of the Roman pontifex and Academic Sceptic Gaius Aurelius Cotta, proves that the behavioral characteristics of an academic and a priest coincide. Attention is drawn to the fact that Academics Cotta and Cicero recognize the existence of gods, in which they are similar to Arcesilaus and Carneades, who polemicized only with the *theologia naturalis* and *rationalis* of the Stoics, while the religion transmitted by tradition was not questioned. The term "openness" (*das Offene*) used by Kerényi is discussed. It is pointed out that some of Kerényi's propositions anticipate the later statements of Heidegger in the article "Wozu Dichter?" (1946) dedicated to Rilke and Hölderlin, which can be explained by the presence of a common source — Rilke's published letters. In conclusion, it is indicated that the comparisons made between the modes of existence of an academic and a priest, which at first glance may seem extravagant and arbitrary, are engaged by contemporary historians of science.

Keywords: Karl Kerényi, Cicero, M. Heidegger, R.-M. Rilke, Arcesilaus, Carneades, *religio*, mode of existence, Stoicism, Skepticism, archetype, openness.

Valery V. PETROFF — DSc in Philosophy, Chief Research Fellow, RAS Institute of Philosophy, Russian Federation, Moscow. — campas.iph@gmail.com

REFERENCES

- Arendt H. 2014: "Krizis v vospitanii," Arendt H. *Mezhdú proshlym i budushchim. Vosem' uprazhnenii v politicheskoi mysli*, Per. s angl. i nem. D. Aronsona. M.: Izd-vo Instituta Gaidara Publ., 259–290 (in Russ.).

- Bornhak C. 1900: Geschichte der preussischen Universitätsverwaltung bis 1810. Berlin: Georg Reimer. 200 S.
- Cicero 1985: O prirode bogov // Tsitseron. *Filosofskie traktaty*. Per. s latin. M.I. Rizhskogo; Otv. red., sost. i avtor vstup. stat'i G.G. Maiorov. Moscow: Nauka Publ. (in Russ.).
- Cicero 2004: Uchenie akademikov // Tsitseron. *Uchenie akademikov*, Per. N.A. Fedorova; komm. i vstup. st. M.M. Sokol'skoi. Moscow: Indrik Publ. 320 s. (in Russ.).
- Clark W. 2017: *Akademicheskaja kharizma i istoki issledovatel'skogo universiteta*. Per. s angl. M. Rudakova, pod red. M. Dobriakovoi. Moscow: Izd-vo Vysshei shkoly ekonomiki Publ. 736 s. (in Russ.).
- Gibbon E. 1966: *Memoirs of My Life*. Ed. by G. Bonnard. New York: Funk & Wagnalls.
- Heidegger M. 2013: Osnovnye poniatia metafiziki. Mir — konechnost' — odinochestvo / Per. s nem. V.V. Bibikhina, A.V. Akhutina, A.P. Shurbeleva. SPb.: Vladimir Dal', 2013. 592 s. (in Russ.).
- Heidegger M. 2017: Nuzhny li poety? // Heidegger M. *O poetakh i poezii: Gelderlin, Ril'ke, Trakl'*. Sost., per. s nem. i posleslovie N. Boldyreva. Moscow: Vodolei Publ., 25-84 (in Russ.).
- Jeaneau E. 2010: “*Translatio Studii*. Perenesenie uchenosti (Odná iz tem Zhil'sona)”. Per. s angl. M.S. Petrovoi, *Intellektual'nye traditsii antichnosti i srednikh vekov (issledovaniia i perevody)*. Sost. i obshch. red. M. S. Petrovoi. Moscow: Krug Publ., 238–301 (in Russ.).
- Kerényi K. 1937: “Ergiffenheit und Wissenschaft,” Kerényi K. *Apollon. Studien über Antike Religion und Humanität*. Wien / Amsterdam / Leipzig: Franz Leo & Co. S. 74–85.
- Kerényi K. 1938: “Religio Academici,” *Pannonia* 4, 320-329.
- Kerényi K. 1939: “Paideuma,” *Paideuma* 1, no. 4, 157–58.
- Kerényi K. 1954: “Hölderlin und die Religionsgeschichte. Vortrag Gehalten im Istituto di Studi Germanici in Rom am 26. Mai 1953,” *Hölderlin-Jahrbuch 1954*. Hrsg. von Fr. Beissner und P. Kluckhohn. Tübingen: J.C.B. Mohr (Paul Siebeck). S. 11–24.
- Kerényi K. 1984: “Halhatatlanság és Apollón-vallás [Immortality and the Apollonian Religion]”. Transl. by Gy. Tatár. Budapest: Magvető Publishers, 323–332.
- Kerényi K. 2009: “Religio Academici.” Transl. by P. Barker, in: *Religio Academici. Essays On Scepticism, Religion and the Pursuit of Knowledge*. Budapest: Akadémiai Kiadó, 11–21.

- Moore J.J. 1878: *The Historical Handbook and Guide to Oxford, Embracing a Succinct History of the University and City from the Year 912...* Oxford.
- Petroff V. 2020: “Filologicheskii ekzistentsializm Karla Keren’i,” *Tsivilizatsiia i varvarstvo*. Vol. IX, 96–129 (in Russ.).
- Petroff V. 2021: “Iskusstvo, nauka i paideiia v ‘O muzyke’ Aristida Kvintiliana”// ΣΧΟΛΗ (Schole). № 15 (2), 935–965 (in Russ.).
- Richter R. 1904: *Der Skeptizismus in der Philosophie*. Band I. Leipzig.
- Rilke R.-M. 1936–1939: *Gesammelte Briefe in 6 Bänden*. Hrsg. von R. Sieber-Rilke und C. Sieber. Leipzig.
- Rilke R.-M. 2017: *Izbrannye sochineniia i sud’ba*. Sost., per. s nem., stat’i i komm. Nikolaia Boldyreva. T. 5. Moscow: Vodolei Publ. (in Russ.)
- Richter R. 1910: *Skeptitsizm v filosofii*. T. 1. Per. s nem. V. Bazarova i B. Stolpnera. Saint Petersburg: Shipovnik Publ. (Biblioteka sovremennoi filosofii. Vyp. 5) (in Russ.).
- Slovar’ 1955: *Slovar’ sovremennogo russkogo literaturnogo iazyka v 17 tt.* T. 4. Moscow – Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1955 (In Russ.).

НА ПУТИ К ПРЕОДОЛЕНИЮ

Л.Л. Селиванова

ТРИГГЕРЫ ПРОЯВЛЕНИЯ И ПРЕОДОЛЕНИЯ ВАРВАРСТВА НА ПРИМЕРЕ ФЕНОМЕНА РЕЛИГИОЗНОГО СКОПЧЕСТВА

В статье рассматривается феномен религиозного скопчества, возникший на Древнем Востоке, распространившийся затем в эпоху Античности по всему Средиземноморью и развившийся впоследствии в средневековой Европе. Особое внимание уделяется секте скопцов — ее зарождению, росту, расширению и упадку — в России в период с XVIII по XX вв. Цель статьи — исследовать историческую и психологическую подоплеку этой секты, причины ее возникновения и распада, а также толерантности к ней общества и государства на определенном этапе несмотря на очевидный вред. Автор приходит к выводу, что во всех случаях триггером проявления и преодоления такого рода варварства была репрессивная политика государства. Среди прочего, автор утверждает, что такие эмоционально заряженные проявления варварства оказываются необходимым атрибутом психологической адаптации при переходе на новый уровень общественного развития. Несмотря на то, что о религиозном скопчестве (и, в частности, о русском

Лариса Леональдовна СЕЛИВАНОВА — научный сотрудник Отдела сравнительного изучения древних цивилизаций Института всеобщей истории Российской Академии наук. Российская Федерация. Москва. — larleon@mail.ru.

мистико-экстатическом сектантстве) написано немало, тема все еще недостаточно изучена и открыта для новых подходов, подобных тому, который предлагается в этой статье, без параллелей в российской или мировой науке.

Ключевые слова: Религиозное скопчество, триггеры, варварство, древний Восток, Античность, Средние века, Европа, Россия XVIII–XX вв.

В истории человечества есть немало примеров проявления варварства в обществах, которых традиционно принято считать цивилизованными. Как правило, эти варварские элементы оценивают или потомки, столкнувшиеся с последствиями, или исследователи, изучающие конкретную эпоху. Гораздо меньше случаев такого рода варварства, которое своей дикостью и непонятной иррациональностью шокировало даже современников. Среди прочих особое место занимает феномен религиозного скопчества, впервые проявившийся на Древнем Востоке и затем проникший в античный мир. Лучше всего это явление известно на примере русской секты скопцов XVIII–XX вв. — времени ее появления, становления, распространения и полного упадка. Цель статьи — исследовать его историческую и психологическую подоплеку, триггеры его появления и преодоления и причины на определенном этапе толерантности к нему общества и государства, несмотря на очевидный вред, а также выяснить вопрос о неизбежности сильного эмоционального проявления варварства как основы психологического выживания при переходе на качественно новый уровень развития общества. Несмотря на имеющуюся литературу по истории религиозного скопчества (вопрос изучался и изучается с позиций истории, этнографии, философии, социальной антропологии, религиоведения, культурологии, психологии, медицины), прежде оно под таким углом зрения не рассматривалось ни в отечественной, ни в зарубежной историографии.

Скопчество возникло на Древнем Востоке: в Египте, Ливии, Персии, Индии, Ассирии, Вавилонии, Капподокии, Фригии. Никто лучше евнухов не мог охранять царские гаремы, не возбуждая при этом ревности господина. При этом отношении к ним было нега-

тивным, а сами евнухи считали свое уродство несчастьем¹. Кастраты упоминаются в Ветхом (Исх. 56) и Новом Завете (Деян. 8: 26–39). Были они и среди первых христиан, но в «Правилах апостольских» оговорено, что в клире может находиться лишь тот, кто сделан скопцом от человеческого насилия или по рождению, но кто оскотил сам себя, извергался, как самоубийца и враг Божия создания, мирянин же отлучался от святых тайн. Константинопольский собор приравнял к убийцам тех, кто скопит или приказывает скопить. С Востока обычай пришел в православную Византию, где честолюбивые, алчные, искушенные в придворных интригах скопцы нередко достигали звания людей государственных. В Средние века в Европе кастрация использовалась в качестве пытки узников и казни преступников. Этим способом врачи также «лечили» самые разные болезни: от проказы, помешательства, эпилепсии до грыжи и всяких воспалений. В Византии в XII в. евнухи пели в церквях. С XVI в. в Италии, при молчаливом одобрении католической церкви на широкую ногу была поставлена кастрация мальчиков ради сохранения их «ангельского» голоса. В папской хоровой капелле кастраты нередко делали головокружительную карьеру². Однако все это примеры сугубо мирского характера.

Первым христианином, оскотившимся по религиозным соображениям, был греческий философ, ученый и писатель Ориген (185–254 гг.). По «Правилам апостольским» он не мог быть рукоположен, но для него было сделано исключение из уважения к его церковным трудам. Его ученик Валезий основал секту скопцов, пополняя ее обманом и насилием. По декрету императора Юстиниана скопителей казнили, а имение конфисковывали, но это помогло мало³.

Ритуальное оскотление лучше всего известно по обрядам в честь малоазийской Кибелы (оно вообще было характерно для

¹ Волков Н.Н. 1937, 23.

² Отношение католической церкви всегда было двойственным: с одной стороны, она запрещала женщинам петь в общественных местах, с другой, поощряла это занятие людьми «третьего пола», на словах осуждала операцию и тех, кто ее делал, а на деле использовала кастратов даже в начале XX в.

³ Селиванова Л.Л. 2012, 116–118.

многих восточных культов Богинь-матерей). Великое женское божество Малой Азии имело множество имен: Великая Мать, Мать богов, Общая Мать, *Potnia Theron*, Кибела, Кибеба, Ма, Амма, Нана и др. Ее отождествляли с Реей, Артемидой Эфесской, сирийской Атаргатис, фригийской Идейской Матерью, троянской Афродитой, персидской Анахитой, семитской Астартой, боспорской Афродитой Уранией и Апатурой⁴. Свиту Кибелы составляли евнухи, гермафродиты, трансвеститы, а также экзальтированные лица обоего пола. Экстатический, даже жестокий характер этого культа с непременным пролитием крови животных и человека⁵ не стал популярным у греков с их тяготением к строгой красоте и гармонии, зато получил широкое распространение в Риме. Впрочем, brutальных римлян потеря мужской силы таким способом тоже вначале шокировала и отвращала. Сенат запретил римским гражданам кастрировать себя и участвовать в бешеных оргиях. Положение стало меняться в 204 г. до н.э., когда Рим принял культ Кибелы⁶. Вместе с ней проник и фригиец Аттис, культ которого сделал государственным император Клавдий (41–54 гг.): *Attis populi Romani* или *Atus publicus populi Romani Quiritium*. Согласно мифам, Аттис —

⁴ *Fauth W.* 1969, 383–389.

⁵ В обряде *тавроболия* над посвящаемым, находящемся в яме, закалывался бык. Льющаяся на человека кровь, якобы, смывала все его грехи, и он как бы рождался заново для жизни вечной. Первым римлянином-жрецом оскопленного бога стал в 101 г. н.э. Генуций. Поскольку верховный жрец, как римский гражданин, не мог подвергаться кастрации, проводилась ритуальная подмена: яички убиваемого во время тавроболии быка зарывались под алтарем вместе с тестикулами кастрируемого галла. Считалось, что Великая Мать удовлетворялась этой заменой, посвящаемый становился *архигаллом* и возлагал на себя корону первосвященника. Вероятно, именно с этой целью император Клавдий, известный своим новаторством в религиозных делах, ввел тавроболии в культ Кибелы. Возможно, миста также символически хоронили в могиле (его, по свидетельству Фирмика Маттерна (*De err. pr. relig.*, 18), называли *moriturus* — «обреченным на смерть»), за чем следовало новое, духовное рождение (*Hepding H.* 1903, 196). Служитель Кибелы именовался «кибобос», как мужская ипостась богини, а ее верховный жрец в Пессинунте звался Аттисом (*Polyb.* XXI. 20; XXI. 37).

⁶ *Schwen F.* 1922, 2267; *Cumont F.* 1910, 676.

возничий, возлюбленный и / или сын Кибелы — был от рождения бесплоден. В Лидии он учредил оргии в честь Матери богов и погиб от кабана, насланного Зевсом. Павсаний (VII. 17. 10–12) передает местную легенду о том, что Зевс во сне уронил семя на землю, и родилось двуполое божество Агдистис. Ужаснувшиеся боги отрезали у него мужские органы, из которых выросло миндальное дерево. Его плод дочь реки Сангария Нана или Мама сорвала и положила себе в платье, после чего забеременела. Родившийся мальчик был оставлен и вскормлен козой. Когда он вырос и стал юношей божественной красоты, в него влюбилась Агдистис. Однако он посватался к царевне из Пессинунта. Разгневанная Агдистис предстала на брачном пиру, и Аттис, приведенный в безумие, отсек себе половые органы, и так же изувечил себя отец невесты. Еще один, очень древний вариант мифа, передает поздний христианский писатель Арнобий (*Arnob. Adv. nat. V. 5–7*) со ссылкой на элевсинского жреца Тимофея, жившего в Египте в IV–III вв. до н.э. К Матери богов, уснувшей на склоне горы Агдос, воспылал кровосмесительной страстью ее сын Зевс. После долгой и безуспешной борьбы с ней он излил семя на камень. Камень зачал и родил двуполое существо Агдистис. Сила чудовища была неукротима, жестокосердие люто и вожделение к обоим полам неистово. И начало оно все разрушать, не боясь ни людей, ни богов. Устрашившиеся боги подослали к нему Диониса, который подлил вино в источник, из которого чудище пьет и засыпает. Вакх набрасывает на мужские гениталии гермафродита петлю из тончайшего и острейшего волоса, а другой конец привязывает к его ноге. Проснувшись, Агдистис в испуге резко вскакивает и оскопляет себя, став, таким образом, женщиной. Из капель его крови вырастает миндальное дерево, далее — по Павсанию. Явление Агдистис на брачном пиру повергает гостей в ужас и иступление. Царь, невестин отец, кастрирует себя ножом, и — интересная деталь, отсутствующая в других сказаниях — отрезает себе обе груди невеста. Обезумевший Аттис бежит в лес, тоже оскопляется, бросает отрезанные гениталии к ногам Агдистис с криком осуждения и умирает, истекая кровью. Раскаявшаяся Агдистис умоляет Зевса воскресить юношу, но тот лишь делает его тело нетленным (*Arnob. Adv. gent. IX. 5. 4*). В позднем мифе Аттис воскресает (*Firm. Mat. De err. pr. relig. 3*).

Главным источником по этому обряду является трактат греческого писателя II в. н.э. Лукиана «О сирийской богине» (Luc. De dea syg. 50–51. Пер. С.С. Лукьянова). Лукиан был родом из Малой Азии и хорошо знал историю, религию и быт этого региона. О весеннем празднике богини (в Риме проходил 15–27 марта) он сообщает следующее:

«...в установленные дни толпа собирается в святилище... множество галлов и священнослужителей <...> справляют оргии, причем режут себе руки и бьют друг друга по спицам... многочисленные музыканты играют на флейтах, бьют в тимпаны и поют боговдохновенные священные песни. Все это происходит вне храма, и никто из участников оргий в него не вступает. В эти дни многие становятся галлами. В то время как одни играют на флейтах и справляют оргии, на многих уже находит безумие, и, хотя пришли они сюда только как на зрелище, начинают делать следующее: юноша, которому надлежит совершить это, с громким криком сбрасывает свои одежды, выходит на середину и выхватывает меч (*ксифос*); мечи эти постоянно находятся там <...> для этих целей. Оскопив себя мечом, юноша носится по всему городу, держа в руках то, что он отсек. И в какой бы дом он ни забросил это, оттуда он получает женские одежды и украшения».

Юноши совершали акт самооскопления спонтанно, однако, выйдя из транса, некоторые горько раскаивались в содеянном. Отчаяньем и роковой зависимостью от мрачного, иррационального могущества Великой Богини пронизано стихотворение римского поэта I в. до н.э. Катуллы «Аттис» (LXIII. 61–73. Пер. С.В. Шервинского), в котором вначале говорится об Аттисе как о муже, а после оскопления — как о «новоявленной жене» (Илл. 1. С. 332), а галлы соответственно — «девы»:

Горе, горе! Вечно плакать — вот отныне участь моя.
Кем я был и кем я не был? Сколько я обличий сменил!
Нынче дева, был я мужем, был юнцом и мальчиком был.
Был я цветом всех гимнастов и красою был я борцов...
...Мне ли быть богам служанкой? Мне ли быть Кибеле рабой?
Я ли буду оскопленный жить менадой, частью себя?
<...> Что же, что ж я натворила! Как ужасно ныне казнюсь!

Илл. 1.

Танцующий (-ая) Аттис во фригийской шапочке.

Мрамор, эпоха Римской Империи.

Ватикан, музей Кьярамонти. Инв. 1656.

Стихотворение отражает общий взгляд Античности на кастрацию.

Традиционно и сам культ, и изуверский обряд рассматриваются либо в контексте идеи плодородия (необходимость поддерживать силы земли для увеличения урожая, плодovitости животных

и людей, Аттис — божество растительности), либо как преодоление различий между полами (кастрация как великая жертва Богине). Первая точка зрения восходит к Д.Д. Фрэзеру, вторая — к Эд. Мейеру. Мнение Фрэзера остается преобладающим, особенно в отечественной науке, но были и критические замечания. Русский писатель и философ Д.С. Мережковский, назвав Аттиса настоящим богом скопцов, резонно вопрошал: «Можно ли представить что-нибудь, менее похожее на “культ плодородья”?»⁷. Ему вторит Е.А. Торчинов:

«Не странно ли, что богу плодородия и богине Великой Матери служат только жрецы-евнухи? Неужто же культ плодородия может до такой степени воздействовать на чувства, что люди принимают настолько близко к сердцу “страдания” умирающего в земле зерна, что начинают стенать, плакать, рыдать, неистовствовать, а потом безудержно радоваться прорастанию колоса? Ну, положим, очень важно для них плодородие, не будет его, так и голодной смерти не избежать. Печалит их эта перспектива. Но неужели же все-таки так сильно, что люди хватают ножи и отсекают свое мужское естество? Как-то не верится в такое воздействие аграрного мифа. Да и каким образом плодородие возрастает от кастрации?»⁸.

Если введение в римский пантеон Кибелы, первого восточного божества, объяснялось военно-политическими причинами (римляне хотели предотвратить поражение во Второй Пунической войне, а согласно «Книгам Сивилл», избежать беды можно было только принятием богини с Востока), то позднее официальное принятие культа Аттиса имело более глубокие причины. Кризисный I в. н.э. стал переломным в экономической, политической и духовной жизни Римской империи. Помпезность, роскошь на одном полюсе — и голодные бунты, самоубийства на другом. Восстания в восточных провинциях, население которых страдало от двойного гнета — своих правителей и римлян, жестоко подавлялись, вызывая чувство глубокого разочарования и пессимизма. Усилились богоискательские тенденции, чему способствовали традиционная открытость и терпимость римской религии, которая, однако, уже

⁷ Мережковский Д.С. 1999, 423–424.

⁸ Торчинов Е.А. 1998, 118.

не удовлетворяла запросам новой эпохи⁹. Следствием ее индивидуализации стало широкое распространение восточных культов¹⁰ умирающих и воскресающих богов, которым стали придавать черты спасителей: Диониса, Осириса, Аттиса, Адониса, Митры, а также культы богинь-матерей — Исиды, Кибелы, Астарты¹¹. Кибела успешно соперничала с Исидой, а культ Аттиса пережил введение христианства и развивался, приспособливаясь к новой религии¹². Аллегорическое толкование богословов и церковных писателей первых веков христианства отождествляло Аттиса с первоосновой творения и цепочкой жизнь — смерть — воскресение и в конце концов уподобило его Солнцу (солярная теория была популярна на закате язычества). Римская надпись 376 г. н.э. повозглашает «возрождение для вечности» для тех, кто совершил тавроболий и криоболий. Столкнувшись с успешными проповедями христианства о бессмертии, теологи мистерий стали активно продвигать идею о его связи с искупительной жертвой Аттиса. А римские императоры, особенно последние Антонины усердно содействовали распространению культа Аттиса в надежде пресечь расцвет христианства¹³. Таким образом, и язычники, и ранние христиане использовали в своих интересах элементы культа Аттиса, переиначивая и насыщая их новыми смыслами, вербуя неофитов идеями спасения и бессмертия через трансформацию-перерождение.

Экстатическая обряд с громкими криками, визгливой музыкой, исступленными плясками разрешался кульминацией — собственным членовредительством, испытываемым как катарсис. Для истории религий значение греко-восточных мистерий заключается в том, что они иллюстрируют необходимость личного религиозного опыта, невозможного в рамках публичных культов, проводимых

⁹ Селиванова Л.Л. 2011, 7, 15, 20–21, 32–33.

¹⁰ Как выразился К.Г. Юнг, «никто не принуждал римлян импортировать в виде ширпотреба азиатские культуры. ...Изыскиваются образы и формы созерцания, способные действовать, успокоить сердце и утолить духовную жажду, — и сокровища находятся на Востоке» (Юнг К.Г. 2021, 115).

¹¹ Селиванова Л.Л. 2003, 168–169.

¹² Cumont F. 1896, 106; Vermaseren M.J. 1977, 182.

¹³ Элиаде М. 2002, 131.

государством и / или гражданской общиной¹⁴. То же самое справедливо и в отношении тайной мистической секты скопцов в России¹⁵, о чем ниже.

На Руси первыми скопцами были митрополиты киевские Иоанн и Ефрем, привезенные княжной Анной Всеволодовной в 1089 г. из Византии. Причем первый из них так напугал киевлян, что был принят за «мертвеца» (*навье*, как сказано в летописи) — наглядное свидетельство того, насколько необычны были скопцы в то время, и какое отторжение они вызывали в обществе с традиционными ценностями¹⁶. Церковная реформа, предпринятая в 1650–1660 гг. при патриархе Никоне, трагически сказалась на самосознании русского народа. Произошел раскол Русской православной церкви. Значительная часть верующих не приняла никонианскую реформу и осталась на позициях «старого обряда». «Собор патриархов» 1666–1667 гг., осудивший и низложивший патриарха Никона и одновременно предавший старообрядцев анафеме как еретиков, стал завершающим этапом религиозного и культурного брожения в России XVII в. В результате появились оппозиционные группы раскольников, впоследствии разделившиеся на многочисленные «согласия» и толки. Старообрядчество пережило долгий путь трансформаций. Главной его проблемой стало отсутствие высших церковных иерархов — епископов, рукополагавших священников. Приходы пустели, а верующие оставались без окормления. Дефицит кадров привел в образованию первой серьезной ереси (так наз. «беспоповцы»). Они стали по-своему трактовать Священное Писание, приспособлявая христианскую догматику под свои нужды. За ними появились «беглопоповцы». Переход на ка-

¹⁴ Элиаде М. 2002а, 288.

¹⁵ Говоря о господствующих мировых религиях, К.Г. Юнг замечает, что хотя «их храмы и священные писания возвещают в образе и слове освященные древностью учения, сочетающие в себе религиозное чувство, созерцание и мысль», но чем прекраснее и грандиознее этот передаваемый традицией опыт, тем дальше он от индивидуального опыта. Образы стерты привычным употреблением, от них остается лишь банальная внешняя сторона, они стали «просто предметом веры». См.: Юнг К.Г. 2021, 109–110.

¹⁶ Даль В.И. 2006, 28.

чественно новую ступень развития государства и церкви с вектором на европеизацию и секуляризацию сопровождался проявлениями самого настоящего варварства, выразившегося в массовых самоожжениях старообрядцев (наряду с другим способами суицида: самоутопление, самозаклание, запощивание — смерть от голода в результате длительного поста) в ответ на жесточайшие государственные репрессии и гонения. Крайние формы неприятия государства были особенно характерны для беспоповцев¹⁷. От «беспоповцев» отпочковались три крупные секты: «бегуны», «хлысты» и «скопцы». Последняя стоит особняком. Идеология ее основывается на выражении из Евангелия от Матфея (19:27) о «скопцах для Царствия Небесного». Сектанты оскопляли¹⁸ своих членов (как мужчин, так и женщин), чтобы воспрепятствовать продолжению рода и подавить половое влечение. Основным обрядом у скопцов были заимствованные у хлыстов «радения» (т.е. «радеют Богу и себе, Богу работают и свои грехи омывают») — собрания с пениями «стихов» и одуряющей пляской, кружась в которой скопцы ослабляли «злую лепость» плоти, входили в экстаз и даже пророчествовали. Радения эти после строгих постов продолжались всю ночь (а в целом — неделю) и доставляли сектантам особое, сродни наркотическому опьянению, наслаждение¹⁹. Несколько человек, выйдя на середину, в такт скороговорчатых «распевцев» начинали, все более убыстряясь, прыгать и кружиться на одном месте, так что «рубахи их надувались парусами, и происходил вихрь». Так они уподобляли себя ангелам, «парящим вокруг престола Божьего»²⁰. Кружились до тех пор, пока в изнеможении

¹⁷ Пулькин М.В. 2013.

¹⁸ Как справедливо замечает А.М. Эткинд, оскопление — более точный термин, чем кастрация, «потому что в русской традиции он относился и к мужчинам, и к женщинам». См.: Эткинд А.М. 1996а, 100.

¹⁹ Пеликан Е.В. 1872, 127.

²⁰ По мнению хлыстов и скопцов, на небе, в жилище праведников — ангелов и архангелов, происходят такие же радения, как и на земле. С радельного круга-де и слетел архангел Гавриил для благовещения Пресвятой Девы. Существовало несколько способов радений: в схватку, в одиночку (Илл. 2. С. 337), «стеночкой», «корабликом», или Давидово (Илл. 3. С. 338), круговое, или хороводное, в расходку, или Петров крест,

не падали наземь с побелевшими лицам. Экстатические, до изнеможения пляски, прыжки, кружения с учащенным дыханием под громкую, визгливую музыку в культе Кибелы, по сути, — те же радения.

Илл. 2.

Привод и радение с пророчеством.

Литографии из «Исследования о скопческой ереси» В.И. Даля, 1844.

Согласно вере скопцов (и хлыстов), Бог может быть как в отдельном человеке, так и в целом сообществе людей, нет непреодолимой границы между Богом и человеком. Это новаторская идея помогала сектантам приспособиться к новой жизни после раскола, ведь общаться с Богом можно было теперь напрямую, без посредничества священников, обращаясь к себе или друг к другу, поскольку у них было много «христов» и «богородиц» (причем Хри-

«крестиком», угольником, «ткать цветы и ленточки». См.: *Кутенов К.В.* 1882, 490–500.

стом могла быть и женщина). В воскресение мертвых скопцы не верили («Христос никогда не умирал, Он постоянно блуждает по земле, бесполой, в различных Образах») и считали, что Бог постоянно пребывает в России, переходя из одного тела в другое. Одним из его воплощений был особенно почитавшийся ими Петр III, другим — Емельян Пугачев. После смерти Петра III воплощением Христа стал Кондратий Селиванов, потом А.И. Шилов и последующие ересиархи. Верили скопцы и в перевоплощения Богородицы: императрицу Елизавету почитали «истинной непорочной Богоматерью», а воплощением царицы была «богородица» Акулина Ивановна. Активной духовной работой каждый мог достичь такого состояния, когда Бог воплотится в нем²¹.

Илл. 3.

Радение «кораблком». Литография из
«Исследования о скопческой ереси» В.И. Даля, 1844.

²¹ Селиванова Л.Л. 2012а, 120.

О скопчестве в России впервые стало известно при Петре I, но рождение самой еретической секты относится к эпохе Екатерины II. После подавления восстания Пугачева разочарованные массы попадали под влияние различных братств мистического толка, которые активно использовали идею «своего» царя. Движение скопцов зародилось в середине XVIII в. в Орловской губернии, где в ту пору существовал хлыстовский «корабль» (община) во главе с самозваной «Богородицей», беглой крепостной Акулиной Ивановной. К «кораблю» прибился крестьянин из деревни Столбище Севского уезда Орловской губернии Трифонов (он же Никифоров, Мартын, Андрей, Фома, Андриян, Иван), которого Акулина Ивановна провозгласила «богом над богами, царем над царями» и сделала вторым человеком в общине. Вскоре он основал собственный корабль в Тамбовской губернии и нашел немало сторонников, желавших «сокрушить душепагубного змия» путем оскопления²². Богословских аргументов в пользу кастрации было достаточно, ведь в Евангелии ясно говорилось, что глаз, который тебя соблазняет, надлежит вырвать, а руку или ногу отсечь и бросить от себя²³. Основателю удалось привлечь на свою сторону несколько богатых крестьян, желавших праведной жизни и царствия небесного. А поскольку у кастрата прямых наследников быть не могло, в общине утвердился порядок, согласно которому, одному скопцу наследует другой скопец. Таким образом, ценой утраты мужского достоинства новообращенный вступал в секту богатых наследников и мог по прошествии лет разбогатеть. К тому же скопцу не надо было тратить на семью, что также вело к немалой экономии. Поэтому, когда власть, наконец, обратила внимание на новую секту, среди ее членов было немало обеспеченных людей. Такая тенденция сохранялась и в последующие века. Так, в скопческих общинах Курской губернии XIX в. часто отмечалась их хорошая материальная обеспеченность:

²² *Кутенов К.В.* 1882, 126–141.

²³ «Если же правый глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя, ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое было ввержено в геенну. И если правая твоя рука соблазняет тебя, отсеки ее и брось от себя, ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое было ввержено в геенну» (Мф. 5:29–30).

«Где скопчество, там и материальный достаток, там откуда-то идут таинственные субсидии, вот почему со скопчеством бороться труднее, чем с какой-либо другой сектой»²⁴.

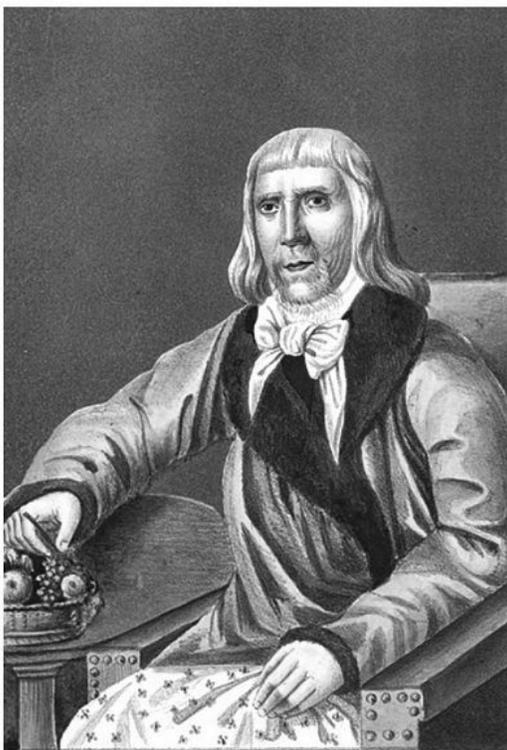
Это было одной из важнейших причин, по которой скопцы были фактически защищены властями и пользовались большим влиянием в обществе. Сам скопческий ерисиарх был вхож в модные дома Санкт-Петербурга и успешно выступал там со своими проповедями о чистоте души (пропагандистская деятельность скопцов проводилась с размахом). К нему прислушивались придворные, министры, ходили слухи, что сам Александр I спрашивал у него совета. Многие дворяне были должниками скопцов (те охотно выдавали деньги под большие проценты) и всячески стремились помогать им. Своего расцвета секта достигла при Николае I, когда руководители занялись финансовыми и торговыми делами, а также ростовщичеством. Они активно скупали земли и строили на них предприятия.

Первый скопческий процесс состоялся в 1772 г. над хлыстовской общиной Блохина, выявившей 32 оскопленных. В основном, в секте были крестьяне, но отнюдь не бедные. Так, скопец Яковлев имел две избы, 10 лошадей, 7 коров, 15 овец и 5 свиней. Следствие показало, что сначала Блохин самооскопился раскаленной кочергой, за ним Кондратий Трифонов, потом они оскопили остальных. Императрица, ознакомившись с материалами дела, поставила в отношении «квакерской ереси» задачу «удушения в самом начале подобных безрассудных глупостей». Причиной такого определения была растерянность власти, впервые столкнувшейся с неизвестным дотоле русским мистическим сектантством и объяснявшей его западным влиянием²⁵. Трифонов при аресте назвался Кондратием Селивановым, под какой-либо фамилией он и будет известен впредь как скопческий ерисиарх (Илл. 4. С. 341). Тогда ему уда-

²⁴ Дмитриевский И. 1900, 1076.

²⁵ Этого же мнения придерживался русский эмигрантский историк-славист, авторитетный специалист по старообрядчеству С.А. Зеньковский. Он считал христовщину мистической неправославной сектой, истоки которой — в сочетании проникавших в Россию элементов мистического протестантизма с русскими народными верованиями. См.: Зеньковский С.А. 1995, 478, 483.

лось бежать, но он попался в 1774 г., был высечен и выслан в Нерчинск, однако дело его не пропало. Так, в Курской губернии в 1764 г. начал распространяться слух о том, что ожидаемый сектантами Христос — Петр III, отождествляемый с личностью К. Селиванова, скрывается в Курске (с особенным нетерпением появление последнего ожидалось в Курском и Фатежском уездах)²⁶. Этот факт говорит о желании многих тамошних жителей принять «скопческую веру» в 1760-е гг.

КОНДРАТІЙ СЕЛИВАНОВЪ.

Илл. 4.

Литография из «Исследования о скопческой ереси» В.И. Даля, 1844.

²⁶ *Ливанов Ф.В.* 1873, 481.

После каторги он развернул бурную деятельность, отделив скопческую секту отхлыстовской. Ересь широко распространилась в великороссийских губерниях, в Сибири, Закавказье, придунайских городах и к началу XX в. приняла форму настоящей эпидемии, с которой власти не могли справиться²⁷ и которая была выкорчевана только после 1917 г. во время так наз. «красного террора», который и стал триггером преодоления этого варварства.

В 1929–1932 гг. состоялись громкие судебные процессы. Сельских скопцов, признав врагами советской власти²⁸, отправили в Сибирь, а также в трудовые лагеря, городских посадили, от этого удара они уже не оправились. В СССР секта скопцов была запрещена. Сегодня они остались в некоторых районах Северного Кавказа (так называемые «духовные» скопцы, не скопящиеся²⁹) и на Украине, в дельте Дуная³⁰. Государство использовало карательную машину по искоренению варварства так же, как в XVII в., когда его запусало.

Скопцы, буквального толкуя некоторые положения Священного Писания, по сути, исказили христианство. Не понимавшие

²⁷ Так, в 1870 г. возникло новое харизматическое движение «новоскопчество», основанное крестьянином Московской губернии Кузьмой Лисиным. Община поддерживала тесные связи со скопцами, жившими в Северном Причерноморье: в Одессе, Николаеве, Бердянске, Мелитополе, деревнях и селах Мелитопольского уезда. В 1876 г. Лисин и его последователи были приговорены Мелитопольским уездным судом к каторге и поселению в Сибирь. Но ни суд, ни каторга, ни ссылка не уничтожили «новоскопчества», сектанты образовали в поселении консолидированную общину, которая просуществовала до 1910 г.

²⁸ Гнездилов П. 1930; Горский Е. 1930; Холодовский В. 1930. Советской власти так и не удалось «приручить» скопцов, которых считали прогрессивным элементом крестьянства, стихийными коммунарами. Ничего не вышло и из так наз. «проекта Бонч-Бруевича», изучавшего скопцов и тесно с ними связанного. См.: Бонч-Бруевич В.Д. 1908, 69–73; Эткинд А.М. 1996, 275–319; Энгельштейн Л. 2002, 20–23, 192–197. Влияние русского сектантства на революционное движение и большевиков (Шмулевич А. 2007) вообще не стоит переоценивать.

²⁹ Духовное скопчество было разрешено самим К. Селивановым в 1819 г.

³⁰ Казьмина О.Е. 1998, 831.

смысла обрезания Господня крестьяне трактовали его как божественное оскотление, которому надо подражать. Развитая мифология скопчества считала Иисуса Христа, Иоанна Крестителя и апостолов скопцами. Вышедшее из келий московских монастырей *убеление* было сочувственно воспринято духовными лицами³¹ в связи с требованием безбрачия. Поскольку скопцы на судах всячески изворачивались и лгали, с 1830-х гг. власти стали привлекать экспертов, особенно врачей, дабы тела обвиняемых сами свидетельствовали против них. Поэтому первыми исследователями скопчества были чиновники на полицейской службе Н.И. Надеждин, В.И. Даль, П.И. Мельников, Е.В. Пеликан. В Ленинградском процессе 1930 г. экспертом был советский этнограф Н.Н. Волков. Следствие показало, что оскотления у крестьян совершались чем придется, обеззараживания не было, и они часто умирали от кровопотери и / или сепсиса. Основными этапами оскотления были «Малая печать» («Первая печать», «Первое убеление», «сесть на пегого коня», «первая чистота») — отнятие «удесных близнят». Но поскольку это не гарантировало победу над «лютым змеелепостью», впоследствии стали отрубать и пенис, «ключ бездны» (вагины). Это «Вторая», или «Царская печать» («вторая чистота», «второе убеление», «пересесть на белого коня», «одеть белую ризу»). Прошедшие этот обряд именовали себя *белыми голубями* (в отличие от «*сизых голубей*» — хлыстов) и стояли выше других посвященных.

Реже использовалась «Третья печать» — удаление сосков или грудных мышц использовалась редко, еще реже «четвертая печать» — вырезание на боку треугольника (в знак прободения копьем тела Иисуса). Всего было до пяти печатей в честь пяти ран Христовых. Позже появилось и оскотление женщин³², отлича-

³¹ О материалах дела в отношении лиц духовного звания, открывшегося в нач. XIX в. в Калужской и Московской губерниях, см.: *Высоцкий Н.Г.* 1915, 179–183.

³² Обычай будто бы ввел скопческий пророк Громов. Селиванов был убежденным противником этой практики, говоря: «Сестринская чистота — пост и молитва». См.: *Волков Н.Н.* 1930, 45, прим. 1. Считают, что ее прекратил преемник Селиванова Кузьма Лисин (*Энгельштейн Л.* 2002, 88).

шееся большим хирургическим разнообразием³³. Максимально над ними проводилось пять операций: «вырезание, вытравление или выжигание грудных сосков», «отнятие части груди... или полное отнятие (ампутация) одной или обеих груди (последнее гораздо чаще)», «разные надрезы, преимущественно на обеих грудях», вырезание частей больших и / или малых половых губ с клитором. Самым распространенным видом оскопления была полная ампутация молочных желез³⁴. В качестве инструментов использовались ножи, ножницы, бритвы и т.п. Раны обычно прижигались железом³⁵. Таким образом прозелитка превращалась из «негой кукушки» в «белую голубку»³⁶. И хотя собственно кастрации, в медицинском смысле, не происходило, и женщина могла рожать (но не вскармливать), бесследно для здоровья это не проходило: женщины быстро увядали в расцвете лет и казались безжизненными³⁷. Поэтому чтобы не отпугивать потенциальных adeptов, скопцы оставляли неоперированными очень красивых девушек, которые своим цветущим видом маскировали существование «корабля». Их называли «богинями», «дочерьми живого бога», «богородицами», «сестрицами» и отводили им роль приманок для вовлечения в секту новых членов³⁸. Приводу «новика» скопцы придавали больше значения, чем оскоплению³⁹.

Поскольку самовоспроизводство секты было невозможно, скопцы занимались активной прозелитической деятельностью⁴⁰, вербуя людей всеми средствами: опаивали сонной водой, водкой, самогоном или отварами ядовитых грибов и растений: дурмана,

³³ Панченко А.А. 2002, 370.

³⁴ Пеликан Е.В. 1872, 60–61; Косоротов Д. 1903, 166–177.

³⁵ Селиванова Л.Л. 2012а, 127.

³⁶ Волков Н.Н. 1930, 61.

³⁷ Даль В.И. 2006, 36.

³⁸ Мельников-Печерский П.И. 1963, 340; *Добрый Роман* (Антропов Р.Л.). 1995, 215–218; Дилакторская О.Г. 1995, 59–86.

³⁹ Панченко А.А. 2002, 371.

⁴⁰ Скопцы верили в «бесконечное на земле царство скопцов», которое наступит, когда их будет 144 000, поэтому стремились оскопить как можно больше людей. В ход шли не только уговоры, но и подкуп, и выкуп крепостных.

болиголова, волчьей ягоды, что вызывало обездвиживание, галлюцинации и обезболивание⁴¹. Не гнушались и насильем⁴², разработав уникальную технику с вовлечением в преступную операцию нескольких человек. Обычно в гостиницах и на постоялых дворах, которые содержали скопцы, имелся наводчик, который среди множества путешествующих выбирал подходящего. Выведав у потенциальной жертвы маршрут и удерживая ее под разными предложениями, он оповещал палача. Гость отправлялся в путь, в определенном месте его уже ждали (или скопец-палач сам набивался в компанию). Нападение совершалось в сумерках или ночью и напоминало грабёж: удар дубиной, затем в ход шел нож. Когда жертва приходила в себя, то обнаруживала, что кошелек цел, а «ключи от ада» уже не отягощают портов. Скопцы всячески старались отвести подозрения от важных в их иерархии лиц, включая наводчиков. Однако такие подозрения все равно возникали, и полиция начинала интересоваться постоялыми дворами и их хозяевами. Чтобы избежать пристального внимания правоохранительных органов, кормишки «кораблей» изобрели уникальный в истории криминалистики институт «палачей-страдателей», которые должны были брать на себя ответственность за все случаи насильственной кастрации, по которым открывались уголовные дела. Зачастую «страдатели» не имели никакого отношения к этим преступлениям, но шли на каторгу ради спасения секты, а в общинах с развитыми каналами связи вести разлетались быстро, и такой человек возводился в ранг святого мученика, что, в свою очередь, давало возможность свежескопленным на допросах отговариваться насильем⁴³ и избегать ответственности (в 1816 г. было введено уголовное наказание за самооскопление, которое было приравнено к самоубийству). «Палачи-страдатели» принимали на себя сотни преступлений, чем сильно затрудняли розыск. Самооговор требовал чрезвычайного фанатизма, но он же был маркером нарастания

⁴¹ Пеликан Е.В. 2002, 119–120.

⁴² Мнение, будто скопцы никогда не кастрировали насильно и даже оставляли решение за самим посвящаемым (так считает, например, А.М. Эткин: Эткин А.М. 1995, 149; Он же. 1998, 292–303), противоречит историческим фактам.

⁴³ Апанасенок А.В., Черныш А.В. 2013, 79–80.

общего кризиса секты: все меньше людей, несмотря на пропаганду, соглашалось на изуверскую операцию ради умозрительного спасения души, отчего количество насильственных случаев кастрации стало нарастать лавиной, сделавшись обычной практикой с 70-х гг. XIX в.⁴⁴ Сектантская борьба за спасение душ вылилась в итоге в обыкновенную уголовщину, и сделало скопцов особо опасными для общества. Религиозные фанатики уродовали людей чем попало и где попало, используя топор, долото, сапожный нож, нож для сыромятной кожи, другие острые орудия.

Нередко односельчане или родственники сами скопили друг друга или самооскоплялись, обычно в избе (Илл. 5. С. 347) или в хозяйственной пристройке (чулан, клеть, сарай, овин, баня, погреб, отхожее место), — вообще в удаленном месте: на реке, в овраге, на дороге, в лесу, в поле⁴⁵. После оскопленный несколько дней приходил в себя в каком-нибудь укромном углу, вдали от чужих глаз (на чердаке, в подполье, в той же бане). В результате кустарно проведенных операций новообращенные часто умирали от болевого шока, сепсиса, кровопотери и / или отсутствия анестезии⁴⁶.

⁴⁴ Скопческие процессы (фрагменты истории изуверской секты) 2004. [Электронный ресурс].

⁴⁵ Пеликан Е.В. 2002, 116.

⁴⁶ Власти так и не смогли даже приблизительно определить число погибших при оскоплении людей. Мнение о сравнительной редкости смертных случаев (как пишет, Н.Н. Волков (*Волков Н.Н.* 1930, 82), не более 10–15, неверно. Все объясняется скрытностью скопцов, хорошей конспирацией и умением не оставлять следов, поскольку от трупов тайно избавлялись (*Пеликан Е.В.* 2002, 81–82). У купца И.М. Лугинина, основавшего в своем доме «сионскую горницу», собирались на радения «белые голуби», и здесь же совершались оскопления. Что там происходило, никто не знает, т.к. чужих туда просто не допускали. В доме московского купца Ф.Е. Колесникова под полом была молельня, над которой был устроен горн, или большая печь, в которой раскалялся скопческий нож, называемый «булатным мечом», в ней же сжигали тела тех, кто умер, не перенеся операции. Колесников был посажен в Шлиссельбургскую крепость. По освобождению он безбедно жил в Москве, каждый год насилем и обманом пополняя свой «корабль» убежденными. См.: *Мельников-Печерский П.И.* 1963, 343–344.

Илл. 5.

Операция в избе.

Литография из «Исследования о скопческой ереси» В.И. Даля, 1844.

Если человек и не терял сразу сознания от шока, то резко слабел и мог умереть от потери крови, будучи не в состоянии себе помочь. Сохранились воспоминания некоторых скопцов о пережитых ощущениях:

«Как будто какой-то зверь хватил меня зубами и сразу вырвал полживота. Я, лежа в корыте, подплывал горячей кровью. Несколько раз появлялась сильная тошнота. В глубине раны разыгрывалось какое-то возбуждение, отчего рана вдруг начинала делаться выпуклою, так что чувствовалось сильно давление на повязку. Потом, как-то странно дрогнув, выпуклость опала и при этом кровь, ударяясь в повязку (слышалось даже журчание), лилась из-под нее теплыми струями. Чувствуя приближение такого симптома и стараясь не допустить такого мучительного вздрагивания, я каждый раз изгибался в клубок, но бесполезно: явление все повторялось и повторялось. В продолжение целой недели меня каждое утро подымали из лужи

крови; застывшие куски ее, пристав к рубашке, тряслись на мне как студень»⁴⁷.

При этом характерно, что в отличие от кастратов древнего Востока и античного мира, русские скопцы обоего пола никогда не жалели о содеянном.

Во второй половине XIX в. общественное мнение стало более нетерпимым к скопцам. Это заставило их идеологов усилить конспирацию и дисциплину, что в конечном счете только ожесточило сектантов.

Один из первых исследователей скопчества русский фольклорист, этнограф и врач В.И. Даль дал ему самую жесткую оценку:

«...скопцы — не люди и никогда не могут быть превращены снова в людей: в них нет уже человеческих чувств; они оторваны от общества навсегда, а между тем представляют живой пример и соблазн для людей слабоумных, изуверных, легковверных, корыстных <...> Это язва, которую можно искоренить, но излечить нельзя... Единственный выход — выселить их туда, где они не смогут совращать и уродовать людей, лучше всего в места, заселенные иноверцами, особенно мусульманами»⁴⁸.

Однако видеть в этом только изуверский способ избавления от вождления не следует. Одна из легенд скопческого фольклора объясняла половые различия грехопадением. Бог создал Адама и Еву по своему образу и подобию, бесполоыми. Но когда они, прельщенные дьяволом, отведали запретных плодов, у них выросли подобия этих яблок: у мужчин семенные ядра, у женщин груди⁴⁹.

Русский философ В.В. Розанов точно подметил женственный характер ересиарха, самокастрация которого стала средством удаления «лишней», дисгармонирующей детали⁵⁰. «Ампутирова пол», по меткому выражению Эткинды⁵¹, скопцы формировали новые, безгрешные тела, приближая себя к первоначальному, райскому

⁴⁷ Прудковский Г.Е. [Электронный ресурс].

⁴⁸ Даль В.И. 2006, 102–104.

⁴⁹ Панченко А.А. 2002, 374.

⁵⁰ «Селиванов — девушка! ... сорвал с себя мужские детородные органы, не только ему совершенно не нужные, но и противоречившие всему его самоощущению — гадкие, противные» (Розанов В.В. 1914, 20–21, 75).

⁵¹ Эткинд А.М. 1995, 148–149.

состоянию. Психиатры видят в скопчестве болезнь. Историки рассматривают это явление в контексте социально-экономической и политической истории России XVIII в. А.А. Панченко объясняет появление секты массовым психозом, ожиданием конца света, страшного суда, наступления «1000-летнего царства Христа». К этому же выводу приходит и американская исследовательница Л. Энгельштейн, полагающая, что в основе лежали массовые страхи и эсхатологические ожидания вследствие эпидемии чумы 1771–1772 гг. в Москве и Подмоскowie. При этом А.А. Панченко подчеркивает, что скопчество, несмотря на радикализм, — довольно естественное порождение массовой религиозной традиции,

«...вполне органический элемент той мозаики религиозных практик, которую непредвзятый наблюдатель видит в простонародной культуре России XVIII–XIX вв.»⁵².

В том же духе, хотя и с выраженной позиции классово-борьбы, объяснял древнее скопчество Н.Н. Волков:

«...религиозная одержимость, связанная с различными слоями рабовладельческих деспотий древнего Востока, является следствием депрессивных общественно-экономических отношений, определивших готовность народных масс к религиозному отчуждению и самокастрации»⁵³.

Суть этой одержимости, пожалуй, лучше всех выразил Александр Блок, увлеченно занимавшийся историей катулловского «Аттиса»⁵⁴: «кровопролитие... становится тоскливой пошлостью,

⁵² Панченко А.А. 2002, 421.

⁵³ Волков Н.Н. 1937, 41.

⁵⁴ По мнению Блока, Катулл сам испугался того, что описал, и потому отрекся от Аттиса: «Пусть мой дом обходят дальше, госпожа, раденья твои, Возбуждай других к безумству, подстрекай на буйство других!». Доказывая, что «Аттис» есть «создание жителя Рима, раздираемого гражданской войной», поэт создает свое произведение на злобу дня — очерк «Катилина. Страница из истории мировой Революции». Образ «римского большевика» сливается с образом Аттиса, а революция трактуется как кастрация, освобождение от тяжести и творение новой, более совершенной породы человека. См.: Блок А.А. 1979, 264–268. Показательно, что ритм катулловских галлиямбов совпадает с размером поэмы «Двена-

когда перестает быть *священным безумием*»⁵⁵ (выделено нами. — Л. С.). Схожим образом характеризует русское скопчество А.М. Эткин, определяя его как реакцию на русское Просвещение.

«Рациональная культура капиталистического города вызывала ожесточенное сопротивление. Освящая собственность и семью, разделяя частную и публичную жизнь, монополизируя насилие в руках государства, делая культ из абстракций науки и права, очищая жизнь от страсти и карнавала, буржуазия вызывала к жизни встречные социокультурные движения — отрицающие собственность, семью и рациональность, сливающие частную и публичную жизнь в мистике запоздалого карнавала»⁵⁶.

По сути, можно говорить о варварском проявлении пассивного сопротивления народа новому историческому этапу, бегстве от государства и о перерождении (возрождении) для новой жизни через ритуал инициации.

Но помимо социально-экономических и политических причин, ставших триггером эсхатологических и апокалипсических ожиданий, для каждого принимающего решение этот акт всегда оставался личным. Известно, что такое часто происходило под влиянием сильных душевных потрясений, тоски, после перенесенных болезней, во время эпидемий чумы и холеры, падежа скота⁵⁷. Так, оскопивший себя в январе 1847 г. 50-летний крестьянин Григорий Васильев показал на допросе, что до этого сильно болел. После поправки ощущал сильный жар в теле, крайнее расслабление и необыкновенную сердечную тоску, которая после падежа у него коровы достигла такой степени, что он решил что-нибудь сделать с собой, почему выйдя на двор и взяв косу, отрезал себе уд с мошонкой и бросил их с косою в навоз; после чего объявил об этом домашним (Дело д.о.д. 25 июля 1850 г. № 968⁵⁸). В другом

дцать». Многие философы и писатели обращали также внимание на хлыстовскую природу блоковского Иисуса, а самого Блока современники воспринимали в «обличьи андрогина» (И. Анненский).

⁵⁵ Блок А.А. 1961, 92.

⁵⁶ Эткин А.М. 96а, 89–90.

⁵⁷ Энгельштейн Л. 2002, 37–39.

⁵⁸ Пеликан Е.В. 2002, 107.

случае крестьянин Ф. Головастов во время эпидемии холеры в 1849 г. почувствовал себя «сильно виноватым» в частом совокуплении с женой, и, страшаясь болезни, а также чтобы не иметь детей, оскопился⁵⁹. Неопишуемые страдания испытывали решившиеся на оскотление женщины, учитывая, что многие операции

проводились без всякого обезболивания⁶⁰. Только очень высокая степень экзальтированности с сознанием своего мистического предназначения помогали выдерживать адскую боль. Так, в Красноярском округе девка села Арейского Анна Терскова 31 года показала, что в 1833 г., отправившись в Киев на поклонение святым мощам, вздумала по дороге осуществить давно задуманное намерение. Для чего, отойдя с дороги в сторону, складным ножиком отрезала себе обе груди и зарыла их в землю вместе с ножом. От потери крови она не смогла двигаться дальше и пробыла там трое суток, после чего возвратилась домой и объявила о содеянном. Перед тем «от чтения Библии и святых книг она часто была больна до лишения рассудка и ходила 5 лет тому назад в г. Иркутск» поклониться мощам Св. Иннокентия, где получила от иеромонаха Израиля Евангелие, прочитав которое, «удостоверилась в необходимости оскотления» (Дело канц. м.в.д. 2 янв. 1835 г. № 3)⁶¹. Непереносимые условия жизни (и породившие скопчество в крестьянстве), когда даже для мужчин семья оказывалась тяжелой обузой, тройным бременем ложились на женщин (государство, община, семья своя и мужа⁶², частые роды, дети, ведение хозяйст-

⁵⁹ Там же, 27.

⁶⁰ Селиванова Л.Л. 2012а, 127.

⁶¹ Пеликан Е.В. 2002, 111.

⁶² Пример бесправного положения женщины в семье мужа со свекровью Кабанихой. В солдатской слободке г. Шуя (Владимирская губ.) жена мещанина Павла Васильева показала на допросе в полиции, что когда они с мужем читали книги Священного Писания, он «усмотрел из оных, что Господь Иисус Христос принял обрезание, то и нам должно подражать и быть примером для спасения души, о чем таким образом муж мой, рассуждая со мной, советовал мне, что и нам всем принять обрезание, понимая урезать члены похотей плотских, дабы между собою не иметь плотского греха... В 1831 году в летнее время по велению моему вырезала мне покойная свекровка моя Улита Митрофановна груди мои» (Панченко А.А. 2002, 371–372).

ва, — все это истощало запас физических и душевных сил). Не случайно из проходивших по первому скопческому процессу 20% составляли женщины⁶³. Массовый их уход в скопчество, освобождавший от безрадостной мирской жизни, был реакцией на невыносимый социальный и экономический гнет. «Оскопившись, мужчины и женщины освобождались не только от различия своих половых органов, но и от асимметрии половых ролей»⁶⁴.

Психологическая травма на фоне тяжелого стресса становилась спусковым крючком для разного рода посттравматических расстройств. Ее разрушительная сила зависела от значимости травмирующего события для человека, степени его психоэмоциональной защищенности и стойкости (силы духа). Таким образом, многие ответы надо искать в области психологии, которая лежит в основе и современных случаев самооскопления по религиозным мотивам. Например, под влиянием так называемого «Иерусалимского синдрома» — обострения психических расстройств во время паломничества в Святую Землю, особого вида мании величия (брета мессианства), когда турист или паломник, попавший в Иерусалим, начинает ощущать себя Мессией, Девой Марией или библейским героем, на которого возложена божественная миссия по спасению мира⁶⁵. Ежегодно психоз поражает примерно от 50 до 100 туристов. Израильские психиатры описали случай самокастрации, совершенный 25-летним американцем, который полагал, что ему уготована особая миссия во имя человечества и что для этого он должен оскотить себя в Иерусалиме. При этом свои действия он обосновывал буквально понятиями библейскими текстами (прежде всего Мф. 18:8–9 и 19:10–12), как это делали и русские скопцы. Но наиболее интересный случай был описан в 1983 г. 37-летний безработный, доставленный в больницу с сильной кровопотерей после попытки самокастрации, утверждал, что в своем предыдущем рождении он возглавлял религиозное движение в России XVIII века, был преследуем и кастрировал себя раскаленной кочергой⁶⁶.

⁶³ Волков Н.Н. 1930, 24–25.

⁶⁴ Эткин А.М. 1995, 149.

⁶⁵ Селиванова Л.Л. 2021, 263.

⁶⁶ Панченко А.А. 2002, 367–368.

Идейные корни нового и древнего скопчества кроются в недрах бессознательного⁶⁷. В основе мифологии и культа обеих религий лежат архетипы андрогина и Великой матери, ярко проявляющиеся во время экстатических обрядов. Ритуал оскопления иллюстрирует миф об изначальном божестве, несущем в себе признаки обоих полов⁶⁸. Галлы подражали своему божеству, как Аттис — Агдистис, а «белые голуби» — своему Христу, как тот — своему Иисусу⁶⁹. Цель всех мистерий — переживание катарсиса через личный опыт смерти-возрождения, который позволяет мисту выйти за рамки человеческого и подняться на уровень бога⁷⁰. Катализатором появления сугубого рода варварства были резкие изменения социально-экономического и политического характера, которые требовали от власти жесткого устранения несогласных. При невозможности сопротивления протест мог быть только пассивным и облеченным в религиозную оболочку. В случае особо жестоких гонений он направлялся внутрь индивидуума и / или общества вплоть до диких форм саморазрушения. Триггером преодоления такого варварства становились репрессивные меры государства — того самого субъекта власти, который вначале вносил новшества варварским методами, породив ответное варварство, а затем теми же методами его уничтожал, вышибая клин клином. И галлы, и скопцы пытались в силу своих возможностей выжить в «предлагаемых обстоятельствах» переломного времени. Участникам мистико-экстатических культов и сект «священное безумие» обрядов помогало сохранить психическое равновесие в отношениях с обществом и государством, а обществу и государству — использовать их как предохранительный клапан и как источник жизни, закрывая до времени глаза на их деструктивность и поддерживая тем самым уродливый симбиоз «толерантной» цивилизации и варварства.

⁶⁷ «...коллективное бессознательное идентично у всех людей и образует тем самым всеобщее основание душевной жизни каждого, будучи по природе сверхличным» (Юнг К.Г. 2021, 106).

⁶⁸ Элиаде М. 1999, 384–386.

⁶⁹ Старообрядцы удержали дониконианское начертание: Иисус вместо Иисус.

⁷⁰ Элиаде М. 2002а, 285–286.

ЛИТЕРАТУРА

- Апанасенок А.В., Черныш А.В.* 2013: Путь к «Царской печати»: из истории распространения скопчества в Курской губернии в XIX в // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 4, 79–80.
- Блок А.А.* 1961: Собрание сочинений в 8 тт. Т. 6. М.–Л.
- Блок А.А.* 1979: Катилина. Страница из истории мировой Революции // Блок А.А. Искусство и революция, 264–268. М.
- Бонч-Бруевич В.Д.* 1908: Материалы к истории и изучению русского сектантства и раскола. Вып. 1. СПб.
- Волков Н.Н.* 1930: Секта скопцов. Л.
- Волков Н.Н.* 1937: Скопчество и стерилизация. М.–Л.
- Высоцкий Н.Г.* 1915: Дело о секте, называемой «христовщиной», коея последователи оскопляют себя // Русский архив. 2, 179–183.
- Гнездилов П.* 1930: Черный корабль (Судебный процесс саратовских кулаков-«скопцов»). Саратов.
- Горский Е.* 1930: Изуверы (Ленинградская секта скопцов). М.
- Даль В.И.* 2006: Исследование о скопческой ереси. Ногинск.
- Дилакторская О.Г.* 1995: Скопцы и скопчество в изображении Достоевского (К истолкованию повести «Хозяйка») // Philologica. 2. 3/4, 59–86.
- Дмитриевский И.* 1900: Из записок миссионера. Скопцы // Курские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. 48, 1076.
- Добрый Роман (Антропов Р.Л.).* 1995: Белые голуби и сизые горлицы // Путилин И.Д. Среди убийц и грабителей: записки начальника Санкт-Петербургской сысковой полиции. М.
- Зеньковский С.А.* 1995: Русское старообрядчество. Духовные движения семнадцатого века. М.
- Казьмина О.Е.* 1998: Скопцы // Народы и религии мира. М., 831.
- Катулл* 1986: Книга стихотворений. М.
- Косоротов Д.* 1903: О ритуальных повреждениях у скопцов // Русский антропологический журнал. 3–4, 166–177.
- Кутепов К.В.* 1882: Секты хлыстов и скопцов. Казань.
- Ливанов Ф.В.* 1873: Раскольники и острожники: в 4 т. Т. 4. СПб.
- Мельников-Печерский П.И.* 1963: Белые голуби // Собрание сочинений в 6 т. Т. 6. М.
- Мережковский Д.С.* 1999: Тайна Запада: Атлантида — Европа. М.
- Панченко А.А.* 2002: Христовщина и скопчество: фольклор и традиционная культура русских мистических сект. М.

- Пеликан Е.В.* 1872: Судебно-медицинские исследования скопчества и исторические сведения о нем. Часть вторая (судебно-медицинская). СПб.
- Прудковский Г.Е.* Голос из могилы живых мертвецов. — http://murders.ru/Sk_pr_2.html. (15.04.2021 г.).
- Пулькин М.В.* 2013: Самосожжения старообрядцев (середина XVII–XIX в.). М.
- Розанов В.В.* 1914: Апокалипсические секты (хлысты и скопцы). СПб.
- Селиванова Л.Л.* 2003: Сравнительная мифология (Мифы о возрождении в древнем мире). Ч. II. Античный мир. М.
- Селиванова Л.Л.* 2011: Самооскопление во славу Богини // Адам и Ева. 19, 7–36. М.
- Селиванова Л.Л.* 2012: «Белые голуби» и «Матерехваченные» галлы // Адам и Ева. 20, 116–118. М.
- Селиванова Л.Л.* 2012а: Ритуальное оскотление: религиозный и медицинский аспекты // Медицина в художних образах. 10, 114–142 / голов. ред. Заблоцька К.В. Донецк.
- Селиванова Л.Л.* 2021: Галлы, «Белые голуби» и «Иерусалимский синдром» (древнее и новое скопчество на Востоке, Западе, в России // Россия между Западом и Востоком: традиции и перспективы развития диалога культур, 258–263 / Отв. ред. д.и.н. Т.Л. Лабутина. М.
- Скопческие процессы (фрагменты истории изуверской секты) // Ракитин А.И. Загадочные преступления прошлого. 2004: — http://murders.ru/Sk_pr.html. (15.04.2021 г.).
- Торчинов Е.А.* 1998: Религии мира: Опыт запредельного: Психотехника и трансперсональные состояния. СПб.
- Холодовский В.* 1930: Корабль изуверов. (Скопцы-контрреволюционеры). Л.
- Шмулевич А.* 2007: Русская религия: царь духов и вождь сионского народа // Русский журнал. — 12 февраля 2007. — <http://www.russ.ru/layout/set/print/Mirovaya-povestka/Russkaya-religiya-car-duhov-i-vozhhd-sionskogo-naroda> (15.04.2021 г.).
- Элиаде М.* 1999: Очерки сравнительного религиоведения. М.
- Элиаде М.* 2002: История веры и религиозных идей. Т. II. От Гаутамы Будды до триумфа христианства. М.
- Элиаде М.* 2002а: Тайные общества. Обряды инициации и посвящения. Киев – Москва.

- Энгельштейн Л.* 2002: Скопцы и царство небесное: Скопческий путь к искуплению. М.
- Эткинд А.М.* 1995: Русские скопцы: опыт истории // Звезда. 4, 131–163.
- Эткинд А.М.* 1996: Русские секты и советский коммунизм: Проект Владимира Бонч-Бруевича // Минувшее. 19, 275–319. М. – СПб.
- Эткинд А.М.* 1996а: Содом и Психея. Очерки интеллектуальной истории Серебряного века. М.
- Эткинд А.М.* 1998: Хлыст: Секты, литература и революция. М., Хельсинки.
- Юнг К.Г.* 2021: Архетип и символ. М.
- Cumont F.* 1896: Attis // *Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft von Pauly-Wissowa*. IV, 106. Stuttgart.
- Cumont F.* 1910: Gallos // *Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft von Pauly-Wissowa*. VII, 13, 674–682. Stuttgart.
- Fauth W.* 1969: Kybele // *Der kleine Pauly*. *Lexikon der Antike*. III, 383–389. Stuttgart.
- Hepding H.* 1903: Attis, seine Mythen und Kult. Gessen.
- Vermaseren M.J.* 1977: Cybele and Attis: The Myth and the Cult. London.
- Schwen F.* 1922: Kybele // *Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft von Pauly-Wissowa*. XI, 22, 2250–2298. Stuttgart.

Larisa L. SELIVANOVA

TRIGGERING THE RISE AND DEMISE OF BARBARISM IN THE CASE OF THE PHENOMENON OF THE RELIGIOUS SCOPCHESTVO

The article examines the phenomenon of religious scopchestvo that emerged in the ancient Near East, spread throughout the classical Mediterranean world, and subsequently evolved during the European Middle Ages. The main focus is on the sect of the scopsy — its inception, growth, expansion, and decline — in Russia during the period from the eighteenth to the twentieth century. The purpose of the article is to examine this sect's historical and psychological background, the triggers behind its emergence and decay, and why both the state and society happened tolerate it for quite some time in spite of being obviously harmful. The author's conclusion is that the origin and downfall of this display of barba-

rism were equally triggered by the repressive policy of the state. Among other issues, the author asserts that such emotionally-charged expressions of barbarism turn out to be a necessary attribute of psychological adjustment when moving to a new level of societal development. While much has been written on the subject of religious scopchestvo — and, specifically on the mystic and ecstatic sectarianism in Russia — the theme appears to be understudied and open to new approaches, like the one advocated in this article with no parallels in Russian or world scholarship.

Keywords: religious scopchestvo, triggers, barbarism, the ancient Near East, antiquity, the Middle Ages, Europe, Russia in the 18th – 20th centuries.

Larisa L. SELIVANOVA — Associate Researcher in the Department of Comparative Study of Ancient Civilizations of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences. Moscow, Russian Federation. — larleon@mail.ru.

REFERENCES

- Apanasenok A.V., Chernysh A.V. 2013: Put' k «Tsarskoy pečati»: iz istorii rasprostraneniya skopchestva v Kurskoy gubernii v XIX v. // Vestnik LGU im. A.S. Pushkina. 4, 79–80.
- Blok A.A. 1961: Sobraniye sochineniy v 8 tt. T. 6. M. – L.
- Blok A.A. 1979: Katilina. Stranitsa iz istorii mirovoy Revolyutsii // Blok A.A. Iskustvo i revolyutsiya. 264–268. M.
- Bonch-Bruyevich V.D. 1908: Materialy k istorii i izucheniyu russkogo sektantstva i raskola. Vyp. 1. SPb.
- Cumont F. 1896: Attis // Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft von Pauly-Wissowa. IV, 106. Stuttgart.
- Cumont F. 1910: Gallos // Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft von Pauly-Wissowa. VII, 13, 674–682. Stuttgart.
- Dal' V.I. 2006: Issledovaniye o skopcheskoy yeresi. Noginsk.
- Diakonov I.M. 1990: Arkhaicheskiye mify Vostoka i Zapada. M.
- Dilaktorskaya O.G. 1995: Skoptsy i skopchestvo v izobrazhenii Dostoyevskogo (K istolkovaniyu povesti «Khozyayka») // Philologica. 2. 3/4, 59–86.
- Dmitriyevskiy I. 1900: Iz zapisok missionera. Skoptsy // Kurskiye eparkhialnyye vedomosti. Chast neofitsalnaya. 48, 1076.

- Dobryy Roman (Antropov R.L.). 1995: Belyye golubi i sizyye gorlitsy // Putilin I.D. Sredi ubiyts i grabiteley: zapiski nachalnika Sankt-Peterburgskoy sysknoy politsii. M.
- Eliade M. 1999: Ocherki sravnitel'nogo religiovedeniya. M.
- Eliade M. 2002: Istoriya very i religioznykh idey. T. II. Ot Gautamy Buddy do triumfa khristanstva. M.
- Eliade M. 2002a: Taynyye obshchestva. Obryady initsiatsii i posvyashcheniya. Kiyev–Moskva.
- Engelshteyn L. 2002: Skoptsy i tsarstvo nebesnoye: Skopcheskiy put' k iskupleniyu. M.
- Etkind A.M. 1995: Russkiye skoptsy: opyt istorii // Zvezda. 4. 131–163.
- Etkind A.M. 1996: Russkiye sekty i sovetskiy kommunizm: Proyekt Vladimira Bonch-Bruevicha // Minuvsheye. 19, 275–319. M.–SPb.
- Etkind A.M. 1996a: Sodom i Psikheya. Ocherki intellektualnoy istorii Serebryanogo veka. M.
- Etkind A.M. 1998: Khlyst: Sekty, literatura i revolyutsiya. M., Khelsinki.
- Fauth W. 1969: Kybele // Der kleine Pauly. Lexikon der Antike. III, 383–389. Stuttgart.
- Gnezdilov P. 1930: Chernyy korabl (Sudebnyy protsess saratovskikh kulakov-«skoptsov»). Saratov.
- Gorskiy E. 1930: Izuveri (Leningradskaya sekta skoptsov). M.
- Hepding H. 1903: Attis, seine Mythen und Kult. Gessen.
- Kaz'mina O.E. 1998: Skoptsy // Narody i religii mira, 831. M.
- Katull 1986: Kniga stikhotvorenii. M.
- Kholodovskiy V. 1930: Korabl izuverov. (Skoptsy-kontrevolyutsionery). L.
- Kosorotov D. 1903: O ritualnykh povrezhdeniyakh u skoptsov // Russkiy antropologicheskiy zhurnal. 3–4, 166–177.
- Kutepov K.V. 1882: Sekty khlystov i skoptsov. Kazan'.
- Livanov F.V. 1873: Raskolniki i ostrozhniki: v 4 t. T. 4. SPb.
- Melnikov-Pecherskiy P.I. 1963: Belyye golubi // Sobraniye sochinenii v 6 t. T. 6. M.
- Merezhkovskiy D.S. 1999: Tayna Zapada: Atlantida — Evropa. M.
- Panchenko A.A. 2002: Khristovshchina i skopchestvo: folklor i traditsionnaya kultura russkikh misticheskikh sekt. M.
- Pelikan Ye.V. 1872: Sudebno-meditsinskiye issledovaniya skopchestva i istoricheskiye svedeniya o nem. Chast vtoraya (sudebno-meditsinskaya). SPb.

- Prudkovskiy G.Ye. Golos iz mogily zhivyykh mertvetsov. — http://murders.ru/Sk_pr_2.html. (15.04.2021 g.).
- Pul'kin M.V. 2013: Samosozhzheniya staroobryadsev (ser. XVII–XIX v.). M.
- Rozanov V.V. 1914: Apokalipsicheskiye sekty (khlysty i skoptsy). SPb.
- Schwen F. 1922: Kybele // Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft von Pauly-Wissowa. XI, 22, 2250–2298. Stuttgart.
- Selivanova L.L. 2003: Sravnitel'naya mifologiya (Mify o vozrozhdenii v drevnem mire). Ch. II. Antichnyy mir. M.
- Selivanova L.L. 2011: Samooskopeniye vo slavu Bogini // Adam i Eva. 19, 7–36. M.
- Selivanova L.L. 2012: «Belyye golubi» i «Matereokhvachennyye» gally // Adam i Eva. 20, 116–118. M.
- Selivanova L.L. 2012a: Ritual'noye oskopeniye: religioznyy i meditsinskiy aspekty // Meditsina v khudozhnikh obrazakh. 10, 114–142 / golov. red. Zablotska K.V. Donetsk.
- Selivanova L.L. 2021: Gally. "Belyye golubi" i "Ierusalimskiy sindrom" (drevneye i novoye skopchestvo na Vostoke, Zapade, v Rossii // Rossiya mezhdru Zapadom i Vostokom: traditsii i perspektivy razvitiya dialoga kultur, 258–263 / Otv. red. d.i.n. T.L. Labutina. M.
- Shmulevich A. 2007: Russkaya religiya: tsar dukhov i vozhd sionskogo naroda // Russkiy zhurnal. — 12 fevralya 2007. — <http://www.russ.ru/layout/set/print/Mirovaya-povestka/Russkaya-religiya-car-duhov-i-vozhd-sionskogo-naroda> (15.04.2021 g.).
- Skopcheskiye protsessy (fragmenty istorii izuverskoy sekty) // Rakitin A.I. Zagadochnyye prestupleniya proshlogo. 2004: — http://murders.ru/Sk_pr.html (15.04.2021 g.).
- Torchinov E.A. 1998: Religii mira: Opyt zapredelnogo: Psikhotehnika i transpersonalnyye sostoyaniya. SPb.
- Vermaseren M.J. 1977: Cybele and Attis: The Myth and the Cult. London.
- Volkov N.N. 1930: Sekta skoptsov. L.
- Volkov N.N. 1937: Skopchestvo i sterilizatsiya. M. – L.
- Vysotskiy N.G. 1915: Delo o sekte, nazyvayemoy «khristovshchinoy», koyeya posledovateli oskopyayut sebya // Russkiy arkhiv. 2, 179–183.
- Yung K.G. 2021: Arkhetip i simvol. M.
- Zenkovskiy S.A. 1995: Russkoye staroobryadchestvo. Dukhovnyye dvizheniya semnadsatogo veka. M.

А.А. Клейменов

ВАРВАРСТВО ПРЕОДОЛЕННОЕ И НЕИЗБЫВНОЕ

ДИСЦИПЛИНИРОВАННОСТЬ МАКЕДОНСКИХ ПЕХОТИНЦЕВ В ЭПОХУ ФИЛИППА II И АЛЕКСАНДРА ВЕЛИКОГО

Цель исследования заключается в анализе дисциплинированности македонской пехоты эпохи великих завоеваний IV в. до н.э. Задачами являются рассмотрение мероприятий Филиппа II, направленных на повышение дисциплины в македонской армии, определение их эффективности, выявление сути дисциплинарных проблем, характерных для фалангитов времен Филиппа и Александра. Исследование опиралось на всесторонний анализ античных письменных источников, сравнительно-исторический метод, метод контент-анализа. Определено, что традиционно для пешего ополчения царства Аргеадов, как и для аналогичного компонента вооруженных сил соседних «варварских» народов, была свойственна низкая дисциплинированность. Посредством интенсивных тренировок, введения системы поощрений и взысканий Филиппу II удалось привить македонским пехотинцам дисциплину, высокий уровень которой был продемонстрирован в войнах за господство на Балканском полуострове, а затем подтвержден в период Восточного похода Александра. Базисом дисциплинарных мотивов фалангитов следует считать выгоды от принадлежности к царской армии и сформировавшуюся корпоративную идентичность. Тем не менее, большое военное значение корпуса македонских

Александр Анатольевич КЛЕЙМЕНОВ — доктор исторических наук, старший научный сотрудник кафедры истории и археологии Тульского государственного педагогического университета. Российская Федерация, Тула — alek-klejmenov@yandex.ru

Цивилизация и варварство
2021. Вып. X. С. 360–388
УДК 9.94

Civilization and Barbarity
2021. Issue X. P. 360–388
DOI [10.21267/AQUILO.2021.10.10.015](https://doi.org/10.21267/AQUILO.2021.10.10.015)

пехотинцев и его сплоченность сделали возможными и массовые выступления, в ходе которых воины открыто протестовали против военно-стратегических и политико-административных решений монарха, не соответствующих интересам войска.

Ключевые слова: Македония, пехота, фаланга, дисциплина, Филипп II, Александр Македонский.

Становление македонской военной системы эпохи великих завоеваний IV в. до н.э. представляет собой явление, в котором поразительным образом сочетаются огромная историческая значимость, обуславливающая внимание со стороны многочисленных исследователей, и наличие существенных пробелов в наших представлениях о произошедшем. Последнее обстоятельство порождено не только состоянием источниковой базы, но и всеобъемлющим характером преобразований, совершенных в царстве Аргеадов, где в рамках жизни одного поколения удалось создать лучшую «военную машину» своего времени и доказать ее превосходство над европейскими и азиатскими оппонентами. Военное строительство, осуществленное Филиппом II, подразумевало решение многих задач, однако особое значение имело наделение представителей нового войска качеством, превращающим толпу вооруженных людей в полноценную армию, слажено действующую и в походе, и в бою. Речь идет о дисциплине, которую Филипп должен был прививать своим людям, борясь с характерным для македонян воистину «варварским» отношением к воинским обязанностям.

Даже весьма скудные данные, имеющиеся в распоряжении современной науки, позволяют уверенно заключить, что низкий уровень дисциплины был одним из основных недостатков вооруженных сил царства Аргеадов дофилипповского времени. Последние структурно представляли собой двухчастное образование из сравнительно немногочисленной аристократической кавалерии, являвшейся наиболее боеспособным компонентом войска¹, и пешего ополчения, принципы формирования которого детально не известны. Сейчас предполагается, что выходцы из Нижней Македонии, служившей ядром государства, мобилизовались по привя-

¹ *Шахермайр Ф.* 1984, 14; *Нефёдкин А.К.* 2019, 34–39; *Griffith G.T.* 1980, 58–59; *Le Bohec-Bouhet S.* 1999, 81–82.

занным к важнейшим поселениям территориальным округам, в то время как ополчение из земель Верхней Македонии было племенным². По уровню организованности македонская пешая милиция была аналогична типичным для северной части Балканского полуострова «варварским» ополчениям, собираемым местными династами по этнотерриториальному принципу на время проведения военных кампаний. Именно такой македонскую пехоту изображает Фукидид, который, описывая поход Пердикки II на линкестов 423 г. до н.э., называет эту часть войска монарха «многочисленной толпой варваров» (ὄμιλος τῶν βαρβάρων πολύς) (*Thuc.* IV. 124, 1) и полагать, что здесь подразумеваются некие наемники или союзники из других народов³, оснований нет. Вполне соответствовало нелестному обозначению и поведение воинства: афинский автор сообщает, что в ночь перед сражением с силами линкестийского династа Аррабея македоняне в панике бежали из собственного лагеря, чем вынудили отступить и Пердикку, бросившего своих греческих союзников перед лицом врага (см. *Thuc.* IV. 125, 1–2). Дисциплинированностью во время боя македонские ополченцы также не отличались. Все тот же Фукидид вкладывает в уста Брасида примечательную речь, якобы произнесенную перед битвой с войском линкестов и иллирийцев, где отмечается, что, судя по прошлым столкновениям с «варварами македонскими» (τοῖς Μακεδόσιν), их полчища пугают только по неведению, так как не могут выдержать решительной бой, не строятся в правильные порядки, не считают позором покидать позиции (*Thuc.* IV. 126, 3–6)⁴. Хотя о подлинности данной речи существуют разные мнения⁵, она

² См. *Ellis J.R.* 1976, 28; *Hatzopoulos M.B.* 1996, 451–452; *Noguera Borel A.* 2006, 229–230.

³ Предположение об этом: *Noguera Borel A.* 2007, 101.

⁴ Прямое упоминание «македонских варваров» и рассказ о столкновении объединенного войска Пердикки и Брасида с линкестами, приведенный автором выше (см. *Thuc.* IV. 124, 3), не дают возможности согласиться с исследователями, полагающими, что в тексте характеризуются боевые качества фракийцев (*Златковская Т.Д.* 1971, 250) или иллирийцев (*Рунг Э.В.* 2005, 158; *Ashley J.R.* 1998, 18; *Wallace J.A.* 1998, 216). В данном случае речь идет именно о македонянах. Аналогичное заключение см. *Bosworth A.B.* 2010, 97.

⁵ *Hansen M.H.* 1993, 161–180; *Hornblower S.* 1996, 396.

в любом случае содержит яркое противопоставление греческой и македонской пехоты, сделанное современником. Сомнительные качества этой части войска Аргеадов подтверждаются и присутствующим в историографии наблюдением: пешее ополчение из-за его низкой боеспособности собиралось весьма редко⁶. Известны случаи, когда монархи пытались решать военные задачи одной кавалерией (см. *Thuc.* II. 100, 5–6; *Polyaen.* II. 1, 17). Для региона подобный баланс между родами войск не был уникальным: плохая подготовка и неорганизованность являлись характерными чертами и пешего «народного» ополчения фракийцев, которое заметно уступало местной знати, формировавшей конницу⁷.

Важной частью процесса строительства новой армии, инициированного Филиппом II в 360 / 359 г. до н.э., было создание боеспособной тяжеловооруженной пехоты. Ее дисциплинированность имела особое значение, так как именно данное качество позволяло бойцам фаланги быстро и четко выполнять команды, сохранять стройность порядков и, соответственно, обеспечивать боевую эффективность формации. Фронт работ в этом направлении был очень обширным. Дело в том, что в царстве Аргеадов из-за особенностей социально-экономического развития ранее не сформировался характерный для греческих полисов институт гоплитской милиции⁸. Некоторые отрывочные и весьма неоднозначные свидетельства⁹ подтолкнули часть исследователей к выводам, согласно которым македонские монархи еще до Филиппа могли предпринимать меры по созданию собственного контингента гоплитов¹⁰. Тем не менее, полное молчание источников о наличии у

⁶ См. *Борза Ю.Н.* 2013, 167–168; *Bosworth A.B.* 1988, 10; *Gabriel R.A.* 2010, 61; *Anson E.M.* 2020, 24–25.

⁷ *Понов Д.* 2009, 188; *Greenwalt W.S.* 2015, 339.

⁸ *Griffith G.T.* 1979, 423–424; *Billows R.A.* 1995, 12; *Greenwalt W.S.* 2014, 42.

⁹ Речь идет о сообщении Фукидида (II. 100, 2) о мероприятиях Архелая, включавших заготовку «вооружения» (ὄπλας), а также предельно расплывчатое указание Анаксимена (FGrH 72, fr.4) на действия некоего «македонского царя Александра», который разделил пехоту на лохи, декасы и прочие части, дал ей наименование πεζῆταιροι — «пешие друзья».

¹⁰ См. *Geyer F.* 1930, 85; *Momigliano A.* 1934, 8–11; *Bosworth A.B.* 2010, 99; *Greenwalt W.S.* 2014, 43–44; *Matthew C.A.* 2015, 35–46.

Аргеадов сколь-нибудь сильной пехоты позволяет поддержать мнение об отсутствии в Македонии значимой традиции использования фаланги в предшествующее реформам Филиппа время¹¹. Македонские земли, как предполагается, поставляли в царскую армию легковооруженных пехотинцев, экипированных по типу пельтастов¹². Залогом эффективности данного вида пехоты была хорошая подготовка, в то время как ее отсутствие оборачивалось крайне низкими боевыми качествами¹³. Эта зависимость отчетливо видна на примере Македонии, где плохо обученные ополченцы, набранные с широких пространств страны, явно не отличались ни боеспособностью, ни дисциплинированностью. Развитию последнего свойства временная служба в качестве пельтаста мало способствовала и из-за специфики вооружения. Как было отмечено в классической работе Л.П. Маринович, от пельтаста, ориентированного на дистанционный бой при сменяющихся друг друга атаках и отступлениях, требовалось уметь быстро реагировать на изменения в обстановке, чем он разительно отличался от гоплита, для которого были обязательны, прежде всего, стойкость и упорство¹⁴. Это вполне соответствует послыу приведенной Фукидидом речи Брасида, где неподконтрольным действиям варваров противопоставлена непоколебимость эллинских гоплитов, ценимая автором речи, кем бы он ни являлся, более высоко¹⁵. Для наделения македонских пехотинцев возможностью эффективно сражаться в строю фаланги Филиппу требовалось привить им дисциплину, как минимум не уступающую греческой, что сделать было весьма непросто.

Обратим внимание на важный нюанс: Филиппу предстояло преобразовать вооруженные силы, плохая дисциплинированность которых была обусловлена самим характером военной организации, где присутствовали пережитки родоплеменных традиций, сближавшие Македонию с «варварскими» обществами древних

¹¹ *Ferrill A.* 1997, 150, 175; *Жеков Ж.* 2008, 34; *Gabriel R.A.* 2010, 61; *Sears M.A.* 2019, 152.

¹² *Секунда Н.* 2004, 5; *Noguera Borel A.* 2007, 101.

¹³ *Santosuosso A.* 1997, 100–102.

¹⁴ *Маринович Л.П.* 1975, 47–48. Об этом также см. *Bardunias P.M., Ray F.E.* 2016, 138.

¹⁵ *Lendon J.E.* 2005, 53.

Балкан. В свою очередь, ориентиром во время реформ выступала военная система, порожденная особым миром греческих полисов. Следует согласиться с А. Гатом, отметившим, что город-государство как форма политического объединения в силу территориально-демографических особенностей имеет преимущество над широко раскинувшимися племенными образованиями, управляемыми аристократией: из-за компактной территории и большей плотности населения милиционные армии городов-государств были сплоченнее, а ополченцы лучше исполняли воинские обязанности, так как от дезертирства, своеволия или неповиновения их предостерегали в равной степени и внимание со стороны командиров, и бдительность соседей-сограждан¹⁶. Эта тенденция хорошо прослеживается на примере Греции архаического и классического времени. Конечно, дисциплинированность представителей полисных армий в ряде случаев оставляла желать лучшего и заметно уступала более поздним римским «стандартам», однако нельзя не отметить, что в греческом мире соблюдение дисциплины воспринималось как неперемное условие боеспособности войска, считалось гражданским долгом, а нарушения последовательно преследовались на законодательном уровне¹⁷. Мало того, дисциплинированность была важным составным элементом особого гоппитского этоса, передававшегося из поколения в поколение и служившего одним из индикаторов при определении гражданской состоятельности¹⁸. Филипп, в свою очередь, не имел возможности опереться на подобный фундамент идеологии и традиций при обучении своих подданных, для которых этос гоппита был явно нехарактерен¹⁹.

¹⁶ Gat A. 2006, 298–299.

¹⁷ Наиболее обстоятельный анализ вопроса см. Pritchett W.K. 1974, 237–242. Важный для понимания ситуации нюанс был отмечен Дж. Ли: многое из того, что с позиций нашего времени воспринимается как нарушение дисциплины, было обусловлено неразвитой инфраструктурой греческих армий, побуждавшей воинов в ряде случаев сосредотачиваться на удовлетворении своих насущных потребностей, а не на приказах командиров (Lee J.W.I. 2020, 42).

¹⁸ Runciman W.G. 1998, 741–742.

¹⁹ Brizzi G. 2004, 32.

Царь-реформатор мог привить македонянам набор необходимых для службы в фаланге качеств лишь посредством специальных мероприятий. Именно им посвящены соответствующие разделы сочинений Диодора, Полиэна и Фронтинана, повествующие о создании новой македонской армии на основании общего первоисточника, коим, видимо, являлся рассказ Эфора о начальном этапе правления Филиппа²⁰. В рамках этой традиции сообщается о собраниях, на которых монарх речами повышал дух македонян, о введении фаланги, тренировках в строю с оружием и отработке боевых умений (см. *Diod.* XVI. 3, 1–2). Помимо того, активно осуществлялась маршевая подготовка, подразумевавшая совершение воинами длительных переходов с переноской провианта и вооружения на себе (см. *Polyaen.* IV. 2, 10; *Front. Strat.*, IV. 1, 6). Подобные мероприятия были характерны не только для первых лет правления Филиппа и, помимо формирования у македонян умения сражаться в строю фаланги и обеспечения возможности быстрой переброски войск, имели и другой результат. Свидетельством этого, в частности, является сообщение Диодора (*Diod.* XVII. 2, 3), согласно которому Александр сразу после своего воцарения начал устраивать учения в строю с оружием и военные упражнения, чем, как отмечается, делал своих подчиненных «дисциплинированными/послушными» (ἐὐπειθῆ). В данном случае, судя по контексту, подразумевалось дисциплинирующее воздействие строевой и маршевой подготовки, констатируемое и современной военной педагогикой²¹.

Указанная отрасль педагогической науки к числу основных методов воспитания военнослужащих относит поощрение, подкрепляющее добросовестное исполнение обязанностей, и взыскание, которое обеспечивает воздействие на нарушителей дисциплины и побуждает их избегать отклоняющегося поведения в будущем²². Имеющиеся данные о македонской практике времен Фи-

²⁰ Указанный аспект был выделен Н. Хэммондом (*Hammond N.G.L.* 1980, 54–58), который отметил наличие стилистических и лексических совпадений в сообщениях перечисленных авторов, а также их сходство с фрагментами письменной традиции, содержащими уже прямые ссылки на Эфора.

²¹ См. *Вашиурин П.С.* 1961, 4; *Анакидзе В.В., Дуков Р.Г.* 1987, 3.

²² *Микрюков В.Ю.* 2019, 154–156.

липпа и Александра позволяют заключить, что в ней присутствовали оба указанных метода. Говоря о поощрении, нельзя не отметить его системный характер и разнообразие. Известно, что представители личного состава, хорошо проявлявшие себя в бою, вознаграждались материально. Наиболее ранний пример связан с взятием Олинфа в 348 г. до н.э., по итогам которого, как указывает Диодор, Филипп вручил подарки наиболее отличившимся воинам (*Diod. XVI. 53, 3*). Подобные награды были привычным делом: согласно тому же источнику, при штурме Перинфа (340 г. до н.э.) одним из мотивов, побуждавших македонян смело идти на приступ, была надежда на царские подарки (см. *Diod. XVI. 75, 4*). Благодаря более подробным сообщениям сочинений, освещающих деятельность Александра, известно, что завоеватель Азии награждал воинов за отличие в бою, причем как материальными подарками, так и назначением на более высокие должности²³. Мало того, продвижение по службе могло быть связано и с успешным участием в воинских соревнованиях²⁴. Присуждение награды царь осуществлял после ознакомления с документами, содержащими описания действий воинов (см. *Diod. XVII. 65, 3*). О сути материальных наград известно немного. Видимо, помимо денег и захваченных трофеев часто вручались специальные символы воинской доблести. Так, античная письменная традиция, повествующая о свершениях Александра, неоднократно сообщает о награждении отличившихся воинов и командиров венками, в том числе изготовленными из благородных металлов²⁵. Как обоснованно отметил

²³ Сообщения об этом встречаются в античной письменной традиции весьма часто. К примеру: *Arr. Anab.*, II. 12, 1; III. 16, 11; VI. 30, 2–3; VII. 6, 3; *Diod. XIX. 14, 5*; *Curt. VI. 11, 1*.

²⁴ Известны события в Ситтакене, где Александр, устроивший соревнования между воинами, вознаграждал отличившихся назначением на командные должности (*Diod. XVII. 65, 2–3*; *Curt. V. 2, 1–3*). Анализ сведений античной традиции о данном мероприятии: *Atkinson J.E. 2010, 8–9*.

²⁵ См. *Arr. Anab.*, VII. 5, 4–6; 10, 3; *Ind.*, 42. 9; *Plut. Alex.*, 79; *Curt. IX. 1, 6*; *Diod. XVII. 89, 3*. Видимо, именно эти наградные знаки показаны на «Мозаике из дома Фавна» и «Сидонском саркофаге», где представлены изображения всадников из армии Александра, шлемы которых украшены золотыми или серебряными венками (*Нефёдкин А.К. 2019, 656*). Вывод Н. Секунды (*Секунда Н. 2004, 24*), считающего подобные детали снаряжения

Дж. Ройсман, особенно много подобных награждений было во второй половине полководческой карьеры Александра, что свидетельствует о стремлении укрепить моральный дух уставшего войска и поднять дисциплину²⁶. Могли вручаться и другие знаки отличия в воинской доблести в виде колец и браслетов²⁷, а по весьма оригинальной, но неоднозначной версии Ф. Хольта, также выдавались специально изготовленные медальоны²⁸. Кроме разовых награждений существовало и регулярное материальное поощрение воинов, хорошо проявивших себя на царской службе. Речь идет о жаловании, размером которого пехотинцы, всадники и командиры различались между собой, при этом существовали особо выделенные группы фалангитов в лице «десятистатерников» (δεκαστάτηρος), чей оклад был больше, чем у обычных рядовых, и «двудольников» (διμορίτης), получавших двойное жалование²⁹.

Переходя от поощрений к взысканиям, следует заметить, что наказания за дисциплинарные проступки, практиковавшиеся в македонской армии времен великих завоеваний, были весьма суровы, часто предусматривая физическое воздействие на провинившихся. Виновных в нарушениях, считавшихся незначительными, заставляли продолжительное время неподвижно стоять в полной воинской экипировке (см. *Ael. Var. hist.*, 14, 48) или публично секли (*Arr. Anab.*, IV. 13, 2; *Curt.* VIII. 6, 7), причем применение телесных наказаний по отношению к нерадивым новобранцам, судя по данным эпиграфики, в Македонии осуществлялось и в более позднее время³⁰. При Филиппе II практиковалось изгнание нарушителей

символом воинского ранга, не учитывает прямые указания письменной традиции и может быть признан менее убедительным. Кроме того, обычай вручать венки за боевую доблесть или успехи в воинском обучении прослеживается и в Македонии времен Антигонидов (*Hatzopoulos M.B.* 2001, 134–135; *Karunanithy D.* 2013, 222).

²⁶ *Roisman J.* 2003, 310–311.

²⁷ *Karunanithy D.* 2013, 221–223.

²⁸ *Holt F.* 2003, 163–165.

²⁹ О данной системе нам известно благодаря сообщению Арриана (*Arr. Anab.*, VI. 9, 3; 10, 1; VII. 23, 3–4). Подробнее о денежном довольствии в македонской армии времен Александра: *Milns R.D.* 1987, 231–256; *Atkinson J.E.* 2010, 5–7; *Holt F.* 2016, 114–118.

³⁰ *Karunanithy D.* 2013, 34.

дисциплины из войска. Благодаря Полиэну известно, что этой санкции подвергся начальник наемников тарентиец Доким, принимавший в лагере войска теплые ванны, а также македонские командиры Аэроп и Дамасипп, которые привели в лагерь некую женщину, нанятую ими на постоялом дворе (см. *Polyaen.* IV. 2, 1; 3). Видимо, именно данная практика стала поводом для замечания, содержащегося во «Второй Олинфской речи», где Демосфен, стремясь подчеркнуть военную слабость Македонии вопреки реальному положению дел³¹, указал, что честолюбивый Филипп окружает себя льстецами, но изгоняет людей, имеющих боевые заслуги и осведомленных в военном деле (II. 18). В эпоху Александра за серьезные нарушения и рядовых воинов, и представителей командного состава могли предать казни (см. *Arr. Anab.*, IV. 14, 3; VI. 27, 4; VII. 8, 3; *Curt.* X. 4, 2; *Plut. Alex.*, 22; 57; 69). Помимо того, в период Восточного похода применялись наказания с заметной морально-психологической составляющей. Известно, что после казни Филоты и убийства Пармениона была проведена перлюстрация писем, отправленных македонянами на родину, в результате чего из жаловавшихся на тяжелые условия похода и политику царя было сформировано отдельное подразделение, называемое в сочинении Диодора «отряд беспокойных» (ἀτάκτων τάγμα), чьи представители, по указанию Юстина, были привлечены к службе в дальних гарнизонах³². Весьма любопытное сообщение передает Полиэн (*Polyaen.* IV. 3, 13), согласно которому Александр приказал выдать воинам, бежавшим из сражения, вместо панцирей «полупанцири» (ἡμιθώρακια), защищавшие лишь спереди и потому побудившие в дальнейшем предостерегаться от бегства. Впрочем, эта информация не имеет ни хронологической привязки, ни параллелей с другими источниками, потому воспринимается скептически³³.

Согласно положениям современной военно-психологической науки, формирование дисциплинированного поведения военнослужащих невозможно без наличия мотивации к нему, опираю-

³¹ Об этом аспекте речи: *Hunt P.* 2010, 65; *Worthington I.* 2012, 137.

³² См. *Diod.* XVII. 80, 4; *Just.* XII. 5, 5–8; *Curt.* VII. 2, 35–38; *Polyaen.* IV. 3, 19.

³³ *Vela Tejada J., Martín García F.* 1991, 327; *Hammond N.G.L.* 1996, 51.

шейся не на сиюминутные потребности, а на долгосрочные и значимые ценности³⁴. В греческих полисах, как уже было отмечено выше, дисциплинированность обеспечивалась надзором со стороны гражданской общины и особенностями идеологии, в которой гопплитский этос играл существенную роль. В отличие от своих южных соседей, подопечные Филиппа побуждались к соблюдению жестких дисциплинарных требований, введенных во времена реформ, прежде всего, самой возможностью нахождения в составе царского войска, которое давало им многое. Так, исследователями отмечается, что у македонских тяжеловооруженных пехотинцев, получивших почетное наименование πεζῆταιροι, значительно повышался общественный статус, теперь отчасти приближавшийся к аристократическому³⁵. Росло и их материальное благосостояние, подкрепляемое, помимо выплаты жалования, выдачей земельных наделов³⁶. В созданный Филиппом военный организм благодаря очевидным выгодам стремились войти и уроженцы Нижней Македонии, и выходцы из верхнемакедонских племен, хотя некоторая обособленность последних, видимо, сохранялась³⁷. Широкие перспективы, открывавшиеся перед македонянами после вступления в царское войско, делали изгнание из его рядов серьезной карой, побуждая бойцов к соблюдению дисциплины. Мало того, в результате реформ получилось создать новую социальную группу, представители которой имели общие интересы и модели поведения, причем присущее им чувство корпоративности возникло не только благодаря естественным механизмам, но также сознательно развивалось Филиппом и Александром³⁸. В этом сообществе одной из важнейших ценностей была индивидуальная и коллективная воинская честь, подталкивавшая рядовых солдат и командиров к соблюдению норм и правил, а также являвшаяся инструментом воздействия на их поведение, активно применявшимся царской вла-

³⁴ Маклаков А.Г. 2005, 287–290.

³⁵ См. *Milns R.D.* 1976, 96; *Romm J.* 2010, 343; *Bosworth A.B.* 2010, 98–99.

³⁶ *Уортингтон Й.* 2014, 55–56; *Griffith G.T.* 1979, 405–406, 414–415; *Hatzopoulos M.B.* 1996, 437; *Anson E.M.* 2008, 17–20.

³⁷ *Bosworth A.B.* 1971, 102.

³⁸ *Lloyd A.B.* 1996, 172.

стью³⁹. Благодаря указанным предпосылкам появилась возможность использовать дисциплинирующее воздействие среды. Этот путь формирования нужной модели поведения был вполне эффективным: нельзя не отметить, что и в наше время дисциплинарные мотивы военнослужащего часто основаны на его идентификации с воинским коллективом как социальной группой⁴⁰.

Указанные меры и принципы организации новой македонской армии привели к значительному повышению дисциплинированности ее представителей. О том, что Филиппу, пришедшему к власти в 360/359 г. до н.э., удалось весьма быстро достичь заметных успехов в воспитании у пехотинцев стойкости и управляемости, свидетельствует победа над войском иллирийского царя Бардила в битве у Лихнидского озера 358 г. до н.э., где ключевую роль сыграла именно пехота⁴¹. Конечно, для выхода дисциплины на действительно высокий уровень требовалось немало времени. Подтверждением этого служат обстоятельства неудачного для македонской армии сражения с войском Ономарха 354 / 353 г. до н.э.: если Полиэн (*Polyaen.* II. 38, 2) описывает ловушку, в которую фокидский вождь заманил македонян, в итоге бежавших, то Диодор (*Diod.* XVI. 35, 2) упоминает, что после многочисленных потерь македоняне пали духом, многие из них покидали армию, но Филиппу, как отмечается, с большим трудом удалось привести своих людей к послушанию (τὸ πλῆθος μόγις ἐποίησεν αὐτοὺς ἐπιπειθεῖς)⁴². Царь не только сумел навести порядок в войске после случившегося, но и продолжил работу по укреплению дисциплины. Уже через пятилетие его тяжелая пехота воспринималась как одна из лучших. Об этом можно судить по уже упоминавшейся выше «Второй Олинфской речи» Демосфена, датированной 349 г. до н.э.⁴³, где, не-

³⁹ Подробнее: *Roisman J.* 2003, 306–313; *Atkinson J.E.* 2010, 11–14.

⁴⁰ *Маклаков А.Г.* 2005, 291.

⁴¹ Об этом см. *Клейменов А.А.* 2021, 24–34.

⁴² Причинами деморализации македонского войска в историографии называют присутствие в его составе многочисленных наемников (*Griffith G.T.* 1935, 10) или выходцев из Верхней Македонии и Пеонии (*Уорthingтон Й.* 2014, 98–99), однако подобные предположения сугубо умозрительны и плохо соотносятся с данными источника, который явно указывает на начало разложения всей армии Филиппа.

⁴³ *Worthington I.* 2012, 117.

смотря на стремление показать слабость македонской армии, констатируется, что служившие Филиппу наемники и его πεζέταιροι считаются «достойными удивления» (θαυματοί) и закаленными в военных делах (συνεκροτήμενοι τὰ τοῦ πολέμου) (II. 17). Наиболее показательной демонстрацией высочайших качеств фалангитов Филиппа стала битва при Херонее 338 г. до н.э., в ходе которой, согласно Полиэну (*Polyaen.* II. 2, 2), македонский царь со своей фалангой, сохранявшей боевой порядок, отступил на возвышенность, а затем контратакой разгромил увлекшихся преследованием афинян. Подобный маневр, как и общий успех в сражении, стали возможны благодаря значительному превосходству македонян над греческими оппонентами в воинской дисциплине и, соответственно, лучшей управляемости войска Филиппа на поле боя⁴⁴. Как справедливо отметил Д. Лонсдейл, ту же высокую дисциплинированность, что принесла силам Филиппа победу при Херонее, в период азиатской экспедиции продемонстрировала армия Александра, проявлявшая лучшие качества в боевых действиях самого разного типа⁴⁵.

Подобный результат, за пару десятилетий достигнутый в стране, ранее обладавшей, по сути, варварской военной организацией, подразумевавшей сбор плохо подготовленного и слабо управляемого легковооруженного ополчения по этнотерриториальному принципу, не может не поражать. Тем не менее, было бы ошибкой полагать, что Филипп в короткий срок окончательно искоренил все проблемы в области дисциплины. Напротив, полководческий путь его знаменитого сына свидетельствует, что македонское ядро войска, блестяще проявлявшее себя в боях и трудных переходах, в некоторых случаях открыто выражало свое недовольство или даже отказывалось выполнять приказы царя. Эти эпизоды, характерные для поздних этапов деятельности Александра, хорошо освещены в источниках и часто привлекают внимание исследователей. Их предтечей можно считать происшествие, имевшее место после смерти Дария III в районе Гекатомпила, где македонские солдаты, узнав об отправке в Европу греческих союзников и считая цели войны достигнутыми, стали собираться в обратный

⁴⁴ См. *Ashley J.R.* 1998, 153–155; *Engels J.* 2007, 36; *Gabriel R.A.* 2010, 221–222; *Sears M.A.* 2019, 159.

⁴⁵ *Lonsdale D.J.* 2007, 137–138.

путь, но Александр, произнеся речь, сумел вдохновить воинов к продолжению похода⁴⁶. Гораздо более значимые события произошли в 326 г. до н.э., когда войско, вышедшее к берегам Гиффасиса, стало открыто выражать недовольство намерением царя продолжить наступление вглубь Индии. Настроения армии, уставшей от походов и желавшей возвращения на родину, разделяли и многие командиры. Позиция войска, озвученная военачальником Кеном, как известно, вынудила Александра изменить планы и, отказавшись от продвижения на восток, направиться к устью Инда⁴⁷. Острое противостояние македонского ядра войска и монарха наблюдалось в 324 г. до н.э. в Опесе, где воины, с гневом восприняв отправку ветеранов в Македонию и включение в войско азиатов, на собрании начали оскорблять царя. Александр, в свою очередь, велел схватить и казнить наиболее ярых участников бунта, а также заявил об отказе от услуг македонян и греков, чем вынудил воинов прийти к царскому шатру с покаянием⁴⁸. Признавая необходи-

⁴⁶ Произошедшее упомянуто в большинстве античных сочинений, рассказывающих о Восточном походе (*Diod.* XVII. 74, 3–4; *Curt.* VI. 1, 15–4, 2; *Just.* XII. 2, 4), причем Плутарх (*Alex.*, 47) особо отмечает, что содержание речи, произнесенной тогда Александром, сам царь изложил в письме, адресованном Антипатру. В работе Арриана информация о волнениях среди македонян отсутствует. Это обстоятельство может быть объяснено спецификой выбранных автором источников, которыми являлись труды Птолемея и Аристубула, где произошедшее сознательно подверглось замалчиванию (*Bosworth A.B.* 1976, 135–136).

⁴⁷ Об эпизоде в схожих чертах, но с разными подробностями сообщают все основные источники, освещающие деятельность Александра: *Arr. Anab.*, V. 25–28; *Diod.* XVII. 93, 4–94, 5; *Curt.* IX. 2, 8–3, 19; *Plut. Alex.*, 62; *Just.* XII. 8, 10–17. Отличное мнение представлено в сочинении Страбона (XV. 1, 32) и в «Эпитоме деяний Александра» (*Metz. Epit.* 69), где решение прекратить продвижение на восток Индии показано как полностью самостоятельное решение царя, основанное на информации о ситуации в регионе. Наиболее актуальный анализ событий на Гиффасисе см. *Bosworth A.B.* 1996, 187–200; *Howe T., Müller S.* 2012, 21–38; *Muckensturm-Pouille C.* 2013, 259–275; *Anson E.M.* 2015, 65–74.

⁴⁸ Рассказы античных авторов, значительно не противореча друг другу при описании причин бунта, его развития и итогов, весьма пространны и содержат различные детали (см. *Arr. Anab.*, VII. 8, 1–12, 1; *Plut.*

мость разностороннего изучения этих событий, следует заметить, что в военно-организационном отношении они являлись ничем иным, как случаями грубейшего нарушения принципов воинской дисциплины и субординации.

Неизбежно возникает вопрос: как могла сочетаться образцовая дисциплинированность, проявляемая македонской пехотой в битвах, с подобными проявлениями своеволия? Э. Карни, обращаясь к указанной проблеме, отметила значительное укрепление воинской дисциплины при Филиппе II и Александре, но констатировала, что дисциплинированность македонских солдат зависела от военных успехов и личности монарха, являвшейся краеугольным камнем всей армейской организации, при этом на сугубо военные вопросы большое влияние оказывали политические процессы⁴⁹. Анализируя данный вывод, следует подчеркнуть важное обстоятельство: македонское ядро армии Александра даже в поздний период, отмеченный оппозиционными выступлениями, неизменно демонстрировало хорошую управляемость в боевой обстановке и, как следствие, высокое тактическое мастерство⁵⁰. Все заметные случаи протестных выступлений были связаны не с военными действиями как таковыми, а с противоречиями во взаимоотношениях войска и монарха, действительно имевшими политическую подоплеку, но порожденными тем же механизмом, что позволил быстро создать корпус фалангитов. Согласно обоснованному выводу А.Б. Босворта, важная роль тяжеловооруженных пехотинцев в войске, их вклад в дело спасения страны от иллирийской экспансии

Alex., 71; Moral., 327a–b; Diod. XVII. 109, 1–3; Curt. X. 2, 8–4, 3; Just. XII. 11, 4–12, 7). В научной литературе события в Описе рассматривались очень часто, с заострением внимания на самых разных аспектах произошедшего. К примеру: *Tarn W.W.* 1948, 290–296; *Wüst F.R.* 1954, 418–431; *Bosworth A.B.* 1988, 159–162; *Roisman J.* 2012, 44–50; *Carney E.* 2015, 42–47.

⁴⁹ *Carney E.* 2015, 35–36.

⁵⁰ Наиболее показательна состоявшаяся уже после событий на Гифасисе кампания Александра против маллов, в которой, несмотря на сложную обстановку, македонская армия, безусловно, проявила свои самые лучшие боевые качества, кардинально превосходя противника в области тактики (см. *Bosworth A.B.* 1996, 141). Не лишнее оснований восприятие индийского похода как апогея македонского военного искусства времен Александра см. *Шахермайр Ф.* 1984, 215; *Hahn J.* 2013, 92.

в 358 г. до н.э. неизбежно придали фаланге большой политический вес, наделили пехоту возможностью отстаивать свои интересы перед царской властью⁵¹. Инструментом, с помощью которого фаланга вступала в диалог с командованием, были собрания войска. В соответствии с одной из точек зрения, они являлись давней македонской традицией⁵², однако нельзя не обратить внимание на важный факт — самые ранние из известных случаев проведения армейских собраний относятся ко времени Филиппа II⁵³. Это позволяет принять позицию Э.М. Энсона, отметившего, что собрания войска стали заметным институтом именно из-за усиления роли солдатских масс в период реформ⁵⁴. Важно и то, что данный формат взаимоотношений с монархией был выгоден, прежде всего, пехотинцам, на собраниях игравших ведущую роль благодаря своему значительному численному превосходству⁵⁵.

Именно на этих собраниях пролегалась граница дисциплинированности фалангитов, которая основывалась не на традиционной для греческой военной организации системе взаимоотношений «полис — отдельный гражданин», а обеспечивалась взаимовыгодным сотрудничеством царя и профессиональной македонской армии. Последняя являлась коллективным контрагентом: объединение солдат в особую социальную группу, являвшееся результатом политики Филиппа, привело к формированию у армейских масс особых корпоративных интересов, которые они были готовы отстаивать перед царской властью, и значительной сплоченности, позволявшей организовывать коллективные выступления⁵⁶. Большой спаянности подразделений фаланги также способствовало частичное сохранение наследия предшествующего периода, когда македонская пехота представляла собой территориально-

⁵¹ *Bosworth A.B.* 2010, 101.

⁵² См. *Шахермайр Ф.* 1984, 84; *Hammond N.G.L.* 1979, 161–162.

⁵³ Об этом: *King C.J.* 2010, 388. Позицию М. Хатзопулоса, указывающего, что заметная роль собраний войска прослеживается лишь со времен Александра (*Hatzopoulos M.B.* 1996, 322), следует признать излишне категоричной.

⁵⁴ *Anson E.M.* 1991, 230–236.

⁵⁵ *Шахермайр Ф.* 1984, 84.

⁵⁶ *Atkinson J.E.* 2010, 11–17.

племенное ополчение. Насколько позволяют судить данные письменной традиции, полки-таксисы новой фаланги формировались по тому же этногеографическому принципу. Арриан сообщает, что в период Восточного похода пехотные пополнения, пребывавшее в Азию из Европы, распределялись между таксисами по племенам (ἔθνη) (Anab., III. 16, 10–11), а авторы «критического» направления, описывая битву при Гагамелах, упоминают таксисы, укомплектованные представителями племен элимиотов, тимфеев, орестов и линкестов (см. *Diod. XVII. 57, 2; Curt. IV. 13, 28*)⁵⁷. Конечно, этот элемент мог быть оставлен Филиппом сознательно, чтобы использовать в своих интересах влияние местных аристократов, ставших командирами, на земляков⁵⁸, однако основанная на общем происхождении сплоченность солдат таксисов способствовала и быстрому переходу недисциплинированных поступков отдельных лиц в коллективную плоскость. Примеры этого, в частности, легко обнаружить при обращении к боевому пути таксиса Пердикки, сформированного из линкестов: известно, что бойцы этого подразделения самовольно начали атаку позиций фиванцев во время осады 335 г. до н.э.⁵⁹, а также без приказа вступили в бой с защитниками Галикарнасса, стремясь поддержать двух нетрезвых однополчан, ночью взобравшихся на стены города⁶⁰. Показательно, что большей дисциплинированностью по сравнению с таксисами фа-

⁵⁷ В последнее время весьма распространено мнение, согласно которому упомянутые «племена» (ἔθνη) являлись лишь территориальными призывными округами (*Hatzopoulos M.B. 1996, 451–452; Rzepka J. 2008, 42*), однако прямые указания письменной традиции позволяют говорить о комплектовании верхнемакедонских таксисов именно по племенному принципу, являвшемуся наследием дореформенных времен (см. *Шофман А.С. 1960, 112; Juhel P.O. 2011, 611–612*).

⁵⁸ *Lane Fox R. 2011, 373–374*.

⁵⁹ Об этом инциденте пишет Арриан, ссылаясь на данные Птолемея (Anab., I. 8, 1–8). В письменной традиции представлены и другие версии начала боя (*Diod. XVII. 12, 3–5; Plut. Alex., 11*). Разные точки зрения на проблему достоверности сообщений см. *Errington R.M. 1969, 236–237; Bosworth A.B. 1980, 80–81; Hammond N.G.L. 1993, 330–331; Ellis W.S. 1994, 18*.

⁶⁰ Этот эпизод известен в двух версиях, представленных в работах Арриана (Anab., I. 21, 1–4) и Диодора (XVII. 25, 5). Подробнее о событии: *Клейменов А.А. 2012, 191–203*.

ланги обладали гипасписты, которые имели особый порядок комплектования, подразумевавший отбор лучших воинов вне зависимости от происхождения⁶¹. Преданность гипаспистов царю была исключительной, позволяя Александру использовать их как своеобразную «военную полицию» при подавлении беспорядков в остальной части армии⁶².

Благодаря всем указанным выше обстоятельствам, в македонской армии пореформенного времени возник особый дисциплинарный фон: бойцы фаланги проявляли превосходную дисциплинированность на полях сражений, но пристально следили за тем, чтобы их интересам соответствовали принимаемые командованием стратегические и политические решения, в случае необходимости проявляя недовольство, транслируемое благодаря институту армейских собраний. Восприятие царя и как командира, и как к своеобразного партнера по сделке может быть прослежено в любых нюансах, отмеченных Э. Карни: македонские солдаты не только могли открыто проявлять недовольство, но и очень бурно реагировали на ситуации, когда жизни и здоровью их победоносного военачальника грозила опасность, при этом для характеристики конфликтов между монархом и войском в источниках не использовалось понятие ἀταξία, которым собственно и должны были обозначаться акты неповиновения и армейские беспорядки. Взамен упоминалось «уныние» (ἀθυμία или δυσθυμία) солдат, из которого царь старался вывести их, прежде всего, «убеждением» (πειθω). Это позволяет констатировать, что авторы первой волны описывали данные конфликты как ссоры между полководцем и его людьми, которым поздние писатели, ориентированные на римское понимание дисциплины, дали более жесткую оценку⁶³.

Подводя итог вышеизложенному, следует заметить, что Филиппу II удалось коренным образом переломить ситуацию с воинской дисциплиной, ранее являвшейся одним из слабых мест македонской пехоты, в этом отношении схожей с «варварскими» опол-

⁶¹ Анализ принципов комплектования корпуса гипаспистов см. *Milns R.D.* 1971, 186; *Anson E.M.* 1985, 246–248; *Noguera Borel A.* 2006, 233; *Heckel W.* 2013, 163–165.

⁶² *Heckel W.* 2013, 165.

⁶³ См. *Carney E.* 2015, 36–38.

чениями северной части древних Балкан. Благодаря специальным мерам в стране, ранее не имевшей устойчивых гоплитских традиций, был сформирован корпус фалангитов, отличавшихся высокой дисциплиной и хорошей управляемостью в боевых условиях. Основой дисциплинированности стала заинтересованность бойцов в их пребывании в составе профессиональной царской армии. Однако, особый базис дисциплинарных мотивов и развитое чувство групповой идентичности, усиленное благодаря этно-территориальному принципу комплектования подразделений фаланги, унаследованному от военной организации дореформенного времени, сделали возможными и массовые выступления, в ходе которых войско открыто протестовало против военно-стратегических и политико-административных решений монарха, не соответствующих интересам армейских масс.

ЛИТЕРАТУРА

- Анакидзе В.В., Дуков Р.Г.* 1987: Методика строевой подготовки. М.
- Борза Ю.Н.* 2013: История античной Македонии (до Александра Великого) / М.М. Холод (пер. с англ.). СПб.
- Вашурин П.С.* 1961: Подготовка подразделений к марш-броскам. М.
- Жеков Ж.* 2008: Пелтасти и педзетайри // Балканите — език, история, култура. Международна научна конференция. Велико Търново, 31–39.
- Златковская Т.Д.* 1971: Возникновение государства у фракийцев. М.
- Клейменов А.А.* 2012: Особенности психологии представителей армии Александра Македонского: ночной инцидент под Галикарнассом 334 г. до н.э. // ПИФК. 4 (38). 191–203.
- Клейменов А.А.* 2021: Некоторые тактические аспекты битвы при Лихнидском озере (358 г. до н.э.) // *Parabellum novum*. 15 (48). 24–34.
- Маклаков А.Г.* 2005: Психология и педагогика. Военная психология. СПб.
- Маринович Л.П.* 1975: Греческое наемничество IV в. до н.э. и кризис полиса. М.
- Микрюков В.Ю.* 2019: Военная педагогика. М.
- Нефёдкин А.К.* 2019: Конница эпохи эллинизма. СПб.
- Попов Д.* 2009: Древна Тракия. История и култура. София.
- Рунг Э. В.* 2005: Представление персов как варваров в греческой литературной традиции V в. до н.э. // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира. СПб., 4. 125–166.

- Секунда Н.* 2004: Армия Александра Великого / Я. Зверев (пер. с англ.). М.
- Уортингтон Й.* 2014: Филипп Македонский / С.В. Иванов (пер. с англ.). СПб.; М.
- Шахермайр Ф.* 1984: Александр Македонский / М.Н. Ботвинник, Б. Функ (пер. с нем.). М.
- Шофман А.С.* 1960: История античной Македонии. Казань, 1.
- Anson E.M.* 1985: The Hypaspists: Macedonia's Professional Citizen-Soldiers // *Historia*. 34. 2. 246–248.
- Anson E.M.* 1991: The Evolution of the Macedonian Army Assembly (330–315 B.C.) // *Historia*. 40. 2. 230–247.
- Anson E.M.* 2008: Philip II and the Transformation of Macedonia: A Reappraisal // *Macedonian Legacies: Studies in Ancient Macedonian History and Culture in Honor of Eugene N. Borza* / T. Howe, J. Reames (eds.). Claremont, 17–30.
- Anson E.M.* 2015: Alexander at the Beas // *East and West in the Empire of Alexander. Essays in Honour of Brian Bosworth* / E. Baynham, P. Wheatley (eds.). Oxford, 65–74.
- Anson E.M.* 2020: Philip II, the Father of Alexander the Great: Themes and Issues. London; New York.
- Ashley J.R.* 1998: The Macedonian Empire: The Era of Warfare under Philip II and Alexander the Great, 359–323 BC. Jefferson.
- Atkinson J.E.* 2010: Honour in the Ranks of Alexander the Great's Army // *Acta Classica*. 53. 1–20.
- Billows R.A.* 1995: Kings and Colonists: Aspects of Macedonian Imperialism. Leiden; New York.
- Bardunias P.M., Ray F.E.* 2016: Hoplites at War: A Comprehensive Analysis of Heavy Infantry Combat in the Greek World, 750–100 BCE. Jefferson.
- Bosworth A.B.* 1971: Philip II and Upper Macedonia // *CQ*. 21. 1. 93–105.
- Bosworth A.B.* 1976: Errors in Arrian // *CQ*. 26. 1. 117–139.
- Bosworth A.B.* 1980: A Historical Commentary on Arrian's History of Alexander. Oxford, 1.
- Bosworth A.B.* 1988: Conquest and Empire: The Reign of Alexander the Great. Cambridge.
- Bosworth A.B.* 1996: Alexander and the East: The Tragedy of Triumph. Oxford.

- Bosworth A.B.* 2010: The Argeads and the Phalanx // Philip II and Alexander the Great. Father and Son, Lives and Afterlives / E. Carney, D. Ogden (eds.). Oxford, 91–102.
- Brizzi G.* 2004: Le Guerrier de l'Antiquité classique: de l'hoplite au légionnaire. Monaco.
- Carney E.* 2015: King and Court in Ancient Macedonia: Rivalry, Treason and Conspiracy. Swansea.
- Ellis J.R.* 1976: Philip II and Macedonian Imperialism. London.
- Engels J.* 2007: Philipp II. und Alexander der Große. Darmstadt.
- Errington R.M.* 1969: Bias in Ptolemy's History of Alexander // CQ. 19. 2. 233–242.
- Ferrill A.* 1997: The Origins of War: from the Stone Age to Alexander the Great. Boulder.
- Gabriel R.A.* 2010: Philip II of Macedonia: Greater than Alexander. Washington.
- Gal A.* 2006: War in human civilization. Oxford; New York.
- Geyer F.* 1930: Makedonien bis zur Thronbesteigung Philipps II. München; Berlin.
- Greenwalt W.S.* 2014: Infantry and the Evolution of Argead Macedonia // Greece, Macedon and Persia: Studies in Social, Political and Military History in Honour of Waldemar Heckel / T. Howe, E. E. Garvin, G. Wrightson (eds.). Oxford; Philadelphia, 41–46.
- Greenwalt W.S.* 2015: Thracian and Macedonian Kingship // A Companion to Ancient Thrace / J. Valeva, E. Nankov, D. Graninger (eds.). Malden; Oxford, 337–351.
- Griffith G.T.* 1935: The Mercenaries of the Hellenistic World. Cambridge.
- Griffith G.T.* 1979: The Reign of Philip the Second // N.G.L. Hammond, G.T. Griffith. A History of Macedonia. Vol. II: 550–336 BC. Oxford, 201–646.
- Griffith G.T.* 1980: Philip as a General and the Macedonian Army // Philip of Macedon / M.B. Hatzopoulos, L.D. Loukopoulos (eds.). Athens, 58–77.
- Hahn J.* 2013: Der Sonne entgegen. Der Indienzug // Alexander der Große: Herrscher der Welt / R. Gebhard (ed.). Darmstadt; Mainz, 83–93.
- Hammond N.G.L.* 1979: The Development of the Macedonia State and the Struggle for Survival // N.G.L. Hammond, G.T. Griffith. A History of Macedonia. Vol. II: 550–336 BC. Oxford, 1–200.
- Hammond N.G.L.* 1980: Training in the Use of a Sarissa and its Effect in Bat-

- tle, 359–333 B.C. // *Antichthon*. 14. 53–63.
- Hammond N.G.L.* 1993: *Sources for Alexander the Great: An Analysis of Plutarch's Life and Arrian's Anabasis Alexandrou*. Cambridge.
- Hammond N.G.L.* 1996: Some Passages in Polyaeus *Stratagems* concerning Alexander // *GRBS*. 37. 1. 455–476.
- Hansen M.H.* 1993: The Battle Exhortation in Ancient Historiography. Fact or Fiction? // *Historia*. 42. 1. 161–180.
- Hatzopoulos M.B.* 1996: *Macedonian Institutions under the Kings. A Historical and Epigraphic Study*. Athens, 1.
- Hatzopoulos M.B.* 2001: *L'organisation de l'armée macédonienne sous les Antigonides*. Athènes.
- Heckel W.* 2013: The Three Thousand: Alexander's Infantry Guard // *The Oxford Handbook of Warfare in the Classical World* / B. Campbell, L.A. Tritle (eds.). Oxford, 162–178.
- Holt F.* 2003: *Alexander the Great and the Mystery of the Elephant Medallions*. Berkeley; Los Angeles; London.
- Holt F.* 2016: *The Treasures of Alexander the Great: How One Man's Wealth Shaped the World*. Oxford.
- Hornblower S.* 1996. *A Commentary on Thucydides*. Oxford, 2.
- Howe T., Müller S.* 2012: Mission Accomplished: Alexander at the Hyphasis // *AHB*. 26. 1. 21–38.
- Hunt P.* 2010: *War, Peace, and Alliance in Demosthenes' Athens*. Cambridge.
- Juhel P.O.* 2011: Un fantôme de l'histoire hellénistique: le 'district' macédonien // *GRBS*. 51. 4. 579–612.
- Karunanithy D.* 2013: *The Macedonian War Machine: Neglected Aspects of the Armies of Philip, Alexander and the Successors 359–281 BC*. Barnsley.
- King C.J.* 2010: *Macedonian Kingship and Other Political Institutions* // *A Companion to Ancient Macedonia* / J. Roisman, I. Worthington (eds). Oxford, 373–391.
- Lane Fox R.* 2011: Philip's and Alexander's Macedon // *Brill's Companion to Ancient Macedon: Studies in the Archaeology and History of Macedon, 650 BC–300 AD* / R. J. Lane Fox (ed.). Leiden, 367–391.
- Le Bohec-Bouhet S.* 1999: L'apport macédonien de la guerre au IVe siècle avant J.-C. // *Guerres et sociétés dans les mondes grecs (490/322)* / P. Brun (ed.). Paris, 73–96.
- Lee J.W.I.* 2020: *Daily Life in Classical Greek Armies, c. 500–330 BCE* // *New*

- Approaches to Greek and Roman Warfare / L.L. Brice (ed.). Hoboken, 39–51.
- London J.E.* 2005: Soldiers and Ghosts: A history of battle in classical antiquity. New Haven; London.
- Lloyd A.B.* 1996: Philip II and Alexander the Great: The Moulding of Macedon's Army // Battle in Antiquity / A.B. Lloyd (ed.). London, 169–198.
- Lonsdale D.J.* 2007: Alexander the Great: Lessons in strategy. London; New York.
- Matthew C.A.* 2015: An Invincible Beast: Understanding the Hellenistic Pike-phalanx at War. Barnsley.
- Milns R.D.* 1971: The Hypaspists of Alexander III — Some Problems // *Historia*. 20. 2. 186–195.
- Milns R.D.* 1976: The Army of Alexander the Great // Alexandre le Grand. Image et réalité / E. Badian (ed.). Geneva, 87–129.
- Milns R.D.* 1987: Army Pay and the Military Budget of Alexander the Great // Zu Alexander dem Großen. Festschrift G. Wirth zum 60. Geburtstag am 9.12.86 / W. Will, J. Heinrichs (eds.). Amsterdam. I. 231–256.
- Momigliano A.* 1934: Filippo il Macedone. Firenze.
- Muckensturm-Pouille C.* 2013: L'agôn d'Alexandre et de Coenos au bord de l'Hyphase selon Arrien et Quinte-Curce // Dialogues d'histoire ancienne. 8. 259–275.
- Noguera Borel A.* 2006: Le recrutement de l'armée macédonienne sous la royauté // Rois, cités, necropoles: institutions, rites et monuments en Macédoine / A.-M. Guimier-Sorbets, M. B. Hatzopoulos, Y. Morizot (eds). Athens, 227–236.
- Noguera Borel A.* 2007: L'armée macédonienne avant Philippe // Ancient Macedonia 7: Seventh International Symposium. Thessalonica, 97–111.
- Pritchett W.K.* 1974: The Greek State at War. Part II. Berkeley; Los Angeles.
- Roisman J.* 2003: Honor in Alexander's Campaign // Brill's companion to Alexander the Great / J. Roisman (ed.). Leiden; Boston, 279–321.
- Roisman J.* 2012: Alexander's Veterans and the Early Wars of the Successors. Austin.
- Romm J.* 2010: Alexander's Army and Military Leadership // The Landmark Arrian: the campaigns of Alexander: a new translation / J. Romm (ed.). New York, 343–351.
- Runciman W.G.* 1998: Greek Hoplites, Warrior Culture, and Indirect Bias // *JRAI*. 4. 731–751.

- Rzepka J.* 2008: The Units of Alexander's Army and the District Divisions of Late Argead Macedonia // GRBS. 48. 1. 39–56.
- Santosuosso A.* 1997: Soldiers, Citizens, and the Symbols of War: From Classical Greece to Republican Rome, 500–167 B.C. Oxford.
- Tarn W.W.* 1948: Alexander the Great. Sources and Studies. Cambridge, 2.
- Sears M.A.* 2019: Understanding Greek Warfare. London; New York.
- Vela Tejada J., Martín García F.* 1991: Eneas el Táctico: Poliorcética; Polieno: Estratagemas. Madrid.
- Wallace J.A.* 1998: (Hi)Story of Illyria // GR. 45. 2. 213–225.
- Worthington I.* 2012: Demosthenes of Athens and the Fall of Classical Greece. Oxford.
- Wüst F.R.* 1954: Die Meuterei von Opis (Arrian VII, 8; 11, 1–7) // Historia. 2. 4. 418–431.

Alexander A. KLEYMENOV

OVERCOME AND UNAVOIDABLE BARBARISM DISCIPLINE OF THE MACEDONIAN INFANTRY IN THE AGE OF PHILIP II AND ALEXANDER THE GREAT

The main aim of this research is the analysis of the Macedonian infantry discipline in the period of the great conquests of 4th century BC. The research objectives are the review of Philip's II actions to improve the Macedonian army discipline, the determining their effectiveness, the identifying the essence of disciplinary problems which are connected with the phalangites of Phillips and Alexander's times. A multi-faceted approach to the ancient narrative sources, methods of comparative historical analysis and content analysis have been used. It defends that traditionally for infantry militia of the Argead Kingdom as well as for a similar component of the neighboring barbarian societies' armed forces the law discipline was typical. Through intensive training, the introduction of a system of rewards and penalties, Philip II managed to instill for the Macedonian infantry discipline which high level was demonstrated in wars of domination in Balkan Peninsula and confirmed during the Alexander's Asian expedition. The phalangites' disciplinary motives were based on benefits of belonging to the royal army and an established corporate identity. However, the great military importance of the Macedonian infantry and their unity made possible

mass demonstrations, during which the military protested against the military–strategic and political–administrative decisions of the monarch, which did not correspond to the interests of the army.

Keywords: Macedonia, infantry, phalanx, discipline, Philip II, Alexander the Great.

Alexander A. KLEYMENOV — Dr. Sc. (History), Senior Researcher of History and Archeology Department of Leo Tolstoy Tula State Pedagogical University. Tula, Russian Federation. — alek-klejmenov@yandex.ru

REFERENCES

- Anson E.M. 1985: The Hypaspists: Macedonia's Professional Citizen-Soldiers // *Historia*. 34. 2. 246–248.
- Anson E.M. 1991: The Evolution of the Macedonian Army Assembly (330–315 B.C.) // *Historia*. 40. 2. 230–247.
- Anson E.M. 2008: Philip II and the Transformation of Macedonia: A Reappraisal // *Macedonian Legacies: Studies in Ancient Macedonian History and Culture in Honor of Eugene N. Borza / T. Howe, J. Reames (eds.)*. Claremont, 17–30.
- Anson E.M. 2015: Alexander at the Beas // *East and West in the Empire of Alexander. Essays in Honour of Brian Bosworth / E. Baynham, P. Wheatley (eds.)*. Oxford, 65–74.
- Anson E.M. 2020: Philip II, the Father of Alexander the Great: Themes and Issues. London; New York.
- Apakidze V.V., Dukov R.G. 1987: *Metodika stroevoy podgotovki*. M.
- Ashley J.R. 1998: *The Macedonian Empire: The Era of Warfare under Philip II and Alexander the Great, 359–323 BC*. Jefferson.
- Atkinson J.E. 2010: Honour in the Ranks of Alexander the Great's Army // *Acta Classica*. 53. 1–20.
- Bardunias P.M., Ray F.E. 2016: *Hoplites at War: A Comprehensive Analysis of Heavy Infantry Combat in the Greek World, 750–100 BCE*. Jefferson.
- Billows R.A. 1995: *Kings and Colonists: Aspects of Macedonian Imperialism*. Leiden; New York.
- Brizzi G. 2004: *Le Guerrier de l'Antiquité classique: de l'hoplite au légionnaire*. Monaco.
- Borza E.N. 2013: *Istoriya antichnoy Makedonii (do Aleksandra Velikogo) / M.M. Kholod (per. s angl.)*. SPb.
- Bosworth A.B. 1971: Philip II and Upper Macedonia // *CQ*. 21. 1. 93–105.

- Bosworth A.B. 1976: *Errors in Arrian* // CQ. 26. 1. 117–139.
- Bosworth A.B. 1980: *A Historical Commentary on Arrian's History of Alexander*. Oxford, 1.
- Bosworth A.B. 1988: *Conquest and Empire: The Reign of Alexander the Great*. Cambridge.
- Bosworth A.B. 1996: *Alexander and the East: The Tragedy of Triumph*. Oxford.
- Bosworth A.B. 2010: *The Argeads and the Phalanx // Philip II and Alexander the Great. Father and Son, Lives and Afterlives / E. Carney, D. Ogden (eds.)*. Oxford, 91–102.
- Carney E. 2015: *King and Court in Ancient Macedonia: Rivalry, Treason and Conspiracy*. Swansea.
- Ellis J.R. 1976: *Philip II and Macedonian Imperialism*. London.
- Engels J. 2007: *Philipp II. und Alexander der Große*. Darmstadt.
- Errington R.M. 1969: *Bias in Ptolemy's History of Alexander* // CQ. 19. 2. 233–242.
- Ferrill A. 1997: *The Origins of War: from the Stone Age to Alexander the Great*. Boulder.
- Gabriel R.A. 2010: *Philip II of Macedonia: Greater than Alexander*. Washington.
- Gat A. 2006: *War in human civilization*. Oxford; New York.
- Geyer F. 1930: *Makedonien bis zur Thronbesteigung Philipps II*. München; Berlin.
- Greenwalt W.S. 2014: *Infantry and the Evolution of Argead Macedonia // Greece, Macedon and Persia: Studies in Social, Political and Military History in Honour of Waldemar Heckel / T. Howe, E. E. Garvin, G. Wrightson (eds.)*. Oxford; Philadelphia, 41–46.
- Greenwalt W.S. 2015: *Thracian and Macedonian Kingship // A Companion to Ancient Thrace / J. Valeva, E. Nankov, D. Graninger (eds.)*. Malden; Oxford, 337–351.
- Griffith G.T. 1935: *The Mercenaries of the Hellenistic World*. Cambridge.
- Griffith G.T. 1979: *The Reign of Philip the Second // N.G.L. Hammond, G.T. Griffith. A History of Macedonia. Vol. II: 550–336 BC*. Oxford, 201–646.
- Griffith G.T. 1980: *Philip as a General and the Macedonian Army // Philip of Macedon / M.B. Hatzopoulos, L.D. Loukopoulos (eds.)*. Athens, 58–77.
- Hahn J. 2013: *Der Sonne entgegen. Der Indienzug // Alexander der Große: Herrscher der Welt / R. Gebhard (ed.)*. Darmstadt; Mainz, 83–93.

- Hammond N.G.L. 1979: *The Development of the Macedonia State and the Struggle for Survival* // N.G.L. Hammond, G.T. Griffith. *A History of Macedonia*. Vol. II: 550–336 BC. Oxford, 1–200.
- Hammond N.G.L. 1980: *Training in the Use of a Sarissa and its Effect in Battle, 359–333 B.C.* // *Antichthon*. 14. 53–63.
- Hammond N.G.L. 1993: *Sources for Alexander the Great: An Analysis of Plutarch's Life and Arrian's Anabasis Alexandrou*. Cambridge.
- Hammond N.G.L. 1996: *Some Passages in Polyaeus Stratagems concerning Alexander* // *GRBS*. 37. 1. 455–476.
- Hansen M.H. 1993: *The Battle Exhortation in Ancient Historiography. Fact or Fiction?* // *Historia*. 42. 1. 161–180.
- Hatzopoulos M.B. 1996: *Macedonian Institutions under the Kings. A Historical and Epigraphic Study*. Athens, 1.
- Hatzopoulos M.B. 2001: *L'organisation de l'armée macédonienne sous les Antigonides*. Athènes.
- Heckel W. 2013: *The Three Thousand: Alexander's Infantry Guard* // *The Oxford Handbook of Warfare in the Classical World* / B. Campbell, L.A. Tritle (eds.). Oxford, 162–178.
- Holt F. 2003: *Alexander the Great and the Mystery of the Elephant Medallions*. Berkeley; Los Angeles; London.
- Holt F. 2016: *The Treasures of Alexander the Great: How One Man's Wealth Shaped the World*. Oxford.
- Hornblower S. 1996. *A Commentary on Thucydides*. Oxford, 2.
- Howe T., Müller S. 2012: *Mission Accomplished: Alexander at the Hyphasis* // *AHB*. 26. 1. 21–38.
- Hunt P. 2010: *War, Peace, and Alliance in Demosthenes' Athens*. Cambridge.
- Juhel P.O. 2011: *Un fantôme de l'histoire hellénistique: le 'district' macédonien* // *GRBS*. 51. 4. 579–612.
- Karunanithy D. 2013: *The Macedonian War Machine: Neglected Aspects of the Armies of Philip, Alexander and the Successors 359–281 BC*. Barnsley.
- King C.J. 2010: *Macedonian Kingship and Other Political Institutions* // *A Companion to Ancient Macedonia* / J. Roisman, I. Worthington (eds.). Oxford, 373–391.
- Kleyenov A.A. 2012: *Osobennosti psikhologii predstavitelej armii Aleksandra Makedonskogo: nochnoj intsident pod Galikarnassom 334 g. do n.eh.* // *PIFK*. 4 (38). 191–203.
- Kleyenov A.A. 2021: *Nekotorye takticheskie aspekty bitvy pri Likhnidskom ozere (358 g. do n.eh.)* // *Parabellum novum*. 15 (48). 24–34.

- Lane Fox R. 2011: Philip's and Alexander's Macedon // *Brill's Companion to Ancient Macedon: Studies in the Archaeology and History of Macedon, 650 BC–300 AD* / R. J. Lane Fox (ed.). Leiden, 367–391.
- Le Bohec–Bouhet S. 1999: L'apport macédonien de la guerre au IVe siècle avant J.–C. // *Guerres et sociétés dans les mondes grecs (490/322)* / P. Brun (ed.). Paris, 73–96.
- Lee J.W.I. 2020: Daily Life in Classical Greek Armies, c. 500–330 BCE // *New Approaches to Greek and Roman Warfare* / L.L. Brice (ed.). Hoboken, 39–51.
- Lendon J.E. 2005: *Soldiers and Ghosts: A history of battle in classical antiquity*. New Haven; London.
- Lloyd A.B. 1996: Philip II and Alexander the Great: The Moulding of Macedon's Army // *Battle in Antiquity* / A.B. Lloyd (ed.). London, 169–198.
- Lonsdale D.J. 2007: *Alexander the Great: Lessons in strategy*. L. – NY.
- Maklakov A.G. 2005: *Psikhologiya i pedagogika. Voennaya psikhologiya*.
- Marinovich L.P. 1975: *Grecheskoe naemnichestvo IV v. do n.eh. i krizis polisa*. M.
- Matthew C.A. 2015: *An Invincible Beast: Understanding the Hellenistic Pike-phalanx at War*. Barnsley.
- Mikryukov V.Yu. 2019: *Voennaya pedagogika*. M.
- Milns R.D. 1971: The Hypaspists of Alexander III — Some Problems // *Historia*. 20. 2. 186–195.
- Milns R.D. 1976: The Army of Alexander the Great // *Alexandre le Grand. Image et réalité* / E. Badian (ed.). Geneva, 87–129.
- Milns R.D. 1987: Army Pay and the Military Budget of Alexander the Great // *Zu Alexander dem Großen. Festschrift G. Wirth zum 60. Geburtstag am 9.12.86* / W. Will, J. Heinrichs (eds.). Amsterdam. I. 231–256.
- Momigliano A. 1934: *Filippo il Macedone*. Firenze.
- Muckensturm–Pouille C. 2013: L'agôn d'Alexandre et de Coenos au bord de l'Hyphase selon Arrien et Quinte–Curce // *Dialogues d'histoire ancienne*. 8. 259–275.
- Nefedkin A.K. 2019: *Konnitsa epokhi ellinizma*. SPb.
- Noguera Borel A. 2006: Le recrutement de l'armée macédonienne sous la royauté // *Rois, cités, necropoles: institutions, rites et monuments en Macédoine* / A.-M. Guimier–Sorbets, M.B. Hatzopoulos, Y. Morizot (eds). Athens, 227–236.
- Noguera Borel A. 2007: L'armée macédonienne avant Philippe // *Ancient Macedonia 7: Seventh International Symposium*. Thessalonica, 97–111.

- Popov D. 2009: *Drevna Trakiya. Istoriya i kultura*. Sofia.
- Pritchett W.K. 1974: *The Greek State at War. Part II*. Berkeley; Los Angeles.
- Roisman J. 2003: *Honor in Alexander's Campaign // Brill's companion to Alexander the Great / J. Roisman (ed.)*. Leiden; Boston, 279–321.
- Roisman J. 2012: *Alexander's Veterans and the Early Wars of the Successors*. Austin.
- Romm J. 2010: *Alexander's Army and Military Leadership // The Landmark Arrian: the campaigns of Alexander: a new translation / J. Romm (ed.)*. New York, 343–351.
- Rung E.V. 2005: *Predstavlenie persov kak varvarov v grecheskoj literaturnoj traditsii V v. do n. eh. // Mnemon: Issledovaniya i publikatsii po istorii antichnogo mira*. SPb., 15. 248–263.
- Sekunda N. 2004: *Armiya Aleksandra Velikogo / Ya. Zverev (per. s angl.)*. M.
- Shachermeyr F. 1984: *Aleksandr Makedonskiy / M.N. Botvinnik, B. Funk (per. s nem.)*. M.
- Shofman A.S. 1960: *Istoriya antichnoj Makedonii*. Kazan, 1.
- Runciman W.G. 1998: *Greek Hoplites, Warrior Culture, and Indirect Bias // JRAI*. 4. 731–751.
- Rzepka J. 2008: *The Units of Alexander's Army and the District Divisions of Late Argead Macedonia // GRBS*. 48. 1. 39–56.
- Santosuosso A. 1997: *Soldiers, Citizens, and the Symbols of War: From Classical Greece to Republican Rome, 500–167 B.C.* Oxford.
- Sears M.A. 2019: *Understanding Greek Warfare*. London; New York.
- Tarn W.W. 1948: *Alexander the Great. Sources and Studies*. Cambridge, 2.
- Vashurin P.S. 1961: *Podgotovka podrazdelenij k marsh-broskam*. M.
- Vela Tejada J., Martín García F. 1991: *Eneas el Táctico: Poliorcética; Polieno: Estratagemas*. Madrid.
- Wallace J.A. 1998: *(Hi)Story of Illyria // GR*. 45. 2. 213–225.
- Worthington I. 2012: *Demosthenes of Athens and the Fall of Classical Greece*. Oxford.
- Worthington I. 2014: *Filipp Makedonskii / S.V. Ivanov (per. s angl.)*. SPb.; M.
- Wüst F.R. 1954: *Die Meuterei von Opis (Arrian VII, 8; 11, 1–7) // Historia*. 2. 4. 418–431.
- Zhekov Zh. *Peltasti i pedzetajri // Balkanite — ezik, istoriya, kultura. Mezhdunarodna nauchna konferentsiya. Veliko T"rnovo*, 31–39.
- Zlatkovskaya T.D. 1971: *Vozniknovenie gosudarstva u frakiitsev*. M.

С.В. Ярцев, В.Г. Зубарев

РИМСКАЯ ЭКСПАНСИЯ КАК «СПУСКОВОЙ КРЮЧОК» МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА БОСПОРЕ ПРИ ЦАРЕ АСАНДРЕ В КОНТЕКСТЕ СОЮЗНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ С ВАРВАРАМИ

В то время, когда Римская империя вышла на просторы Северного Причерноморья, на Боспоре к власти пришел царь Асандр (47–17 гг. до н.э.). Он стал неуклонно следовать курсу на поддержку царского землевладения и развитию дружественных отношений с варварским миром. К концу его правления вся царская земля покрылась укрепленными военно-хозяйственными поселениями с варварскими гарнизонами, а по всему периметру боспорских границ расположились союзные племена. Некоторые из них, расселенные по всем стратегическим местам созданной Асандром фортификационной системы, получили наименование тафрии, так как несли служ-

Сергей Владимирович ЯРЦЕВ — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории и археологии Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н.Толстого. Российская Федерация. Тула. — s-yartsev@yandex.ru ; <https://orcid.org/0000-0002-4581-1873>

Виктор Геннадьевич ЗУБАРЕВ — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории и археологии Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н.Толстого. Российская Федерация. Тула. — parosta@mail.ru ; <https://orcid.org/0000-0001-8831-9101>

бу в местах, связанных с термином «тафрос» и являлись выходцами из тавроскифской среды. Усиление миграционных процессов на Боспоре и улучшение отношения с варварами в данное время, авторами объясняются римским давлением на государство.

Ключевые слова: Римская империя, Боспорское царство, царь Асандр, варвары, тафрии, сатархи, миграции.

Боспорское царство, как крупнейшее государство Восточной Европы, всегда выделялось особыми отношениями с окружающими его варварами. Еще на заре своего образования, когда к власти здесь пришли Археанактиды и Спартокиды и многие демократические полисы добровольным или военным путем были объединены в единое государство, некоторые племена также оказались под властью боспорских царей. При этом если еще какое-то время для греческих городов боспорский правитель и продолжал именоваться архонтом, то для зависимых варваров он с самого начала уже выступал как царь.

Причины такой трансформации полисных структур на Боспоре, учитывая, что ничего подобного, ни в каком другом государстве Северного Причерноморья (Херсонесе, Ольвии и Тире) не наблюдалось, чрезвычайно сложны. В наше время эту проблему пытаются решить сторонники и противники проэллинизма на Боспоре, аргументы научного спора которых выходят за рамки нашей работы¹. Отметим лишь, что, по мнению А.В. Подосонова, всегда, когда греки оказывались в окружении варварских народов или включали их в сферу своего влияния, возникала необходимость трансформации полисной организации политической жизни в другую, более приемлемую для местного населения, что также позволяло сохранить свою идентичность и мирную жизнь в условиях варварского и, главное, враждебного окружения. Типологически это явление действительно очень близко к эллинизму. При этом последний всегда существовал в той или иной форме в различных регионах греческой ойкумены, особенно там, где греки вступали в непосредственное соприкосновение с варварами². Конечно, это не

¹ Завойкин А.А. 2001, 150–181.

² Подосонов А.В. 2011, 224–232.

объясняет, почему именно Боспор, а не тот же Херсонес или Ольвия, пошел по пути наследственной или корпоративной тирании, переросшей в наследственную монархию эллинистического типа. Возможно, это произошло, как считает А.А. Масленников, по причине географической близости Боспора, в отличие от всех других античных государств Северного Причерноморья, к ближневосточным государственным образованиям (персидским сатрапиям и различным династиям местных царей с зависимыми от них городами, в том числе и греческими полисами)³.

Как бы то ни было, данная эволюция боспорской государственности просто не могла не отразиться на взаимоотношениях эллинов и варваров. Когда при Митридате VI Евпаторе Боспор был присоединен к Понту в качестве наследственного владения, там сохранялась система полисных земельных отношений. Противостояние Митридата с греческими полисами вынуждало царя отказаться от поддержки полисной структуры в пользу формирования царской хоры и создания на ней военно-хозяйственных поселений типа катойкий и клерухий. С целью противодействия полисным свободам и развития подобных поселений и военно-административных областей царь и его преемники активно поощряли варваров переходить на царскую службу. Во главе таких областей так же, как и на территории Малой Азии, назначался наместник, и в его обязанности входил сбор налогов в округе. Сами же военные поселенцы жили на царской земле, охраняли границу, участвовали в военных походах царя, выплачивая при этом определенную ренту — налог за пользование землей⁴. Более того, Митридат VI Евпатор, заключая союзы с варварами, укреплял их династическими браками (*App. Mithr.* 117; *Plut. Pomp.* XLII), посылая, например, к тем же скифам не только дары, но и своих дочерей в жены (*App. Mithr.* 78, 108).

Вероятно, именно в контексте указанных особенных отношений с варварами и необходимо рассматривать те события, которые произошли на Боспоре при сыне Митридата VI, Фарнаке, уверенно взявшем курс на восстановление державы своего отца. При этом

³ Масленников А.А. 2012, 303–308.

⁴ Сапрыкин С.Ю. 2006, 79–96; Зубарь В.М., Зинько В.Н. 2006, 137–139.

он умело использовал междоусобицу между Цезарем и Помпеем, когда Риму было совсем не до внешнеполитических стратегий на своей дальней периферии. Однако, решив идти в 48 г. до н.э. в Малую Азию через Колхиду, он оставил вместо себя на Боспоре наместником некоего Асандра, который в отсутствии царя быстро узурпировал власть (*Cass. Dio.* XLII. 48; XLIII. 46, 4; 47, 5; 48, 4; *App. Mith.* 120; *Strabo.* XIII. 4, 3). Про самого Асандра нам известно мало. Можно только сказать, что изначально он был этнархом, т.е. вождем какого-то мест-ного племени с Азиатского Боспора. Племена, скорее всего, эллинизированного, так как имя Асандр явно эллинское (*Агг.* II. 5, 8)⁵. Фарнак же, вначале разгромив римлян в 48 г. до н. э. (*Cass. Dio.* XLII. 42, 2; *Suet. Caes.* 36; *Plut. Caes.* 50), на следующий год был разбит Цезарем при Зеле. Тем не менее, вернувшись на Боспор, он смог захватить Феодосию и Пантикапей у Асандра, но удача вскоре окончательно отвернулась от него. Асандр, с опорой на верных ему варваров, осенью 47 г. до н.э. сначала разбил Фарнака, а потом и посланного против него Цезарем Митридата Пергамского, прочно утвердившись на Боспоре (*App. Mith.* 120; *Strabo.* XIII. 4, 3)⁶. Женившись на Динамии — дочери Фарнака и внучке Митридата VI, Асандр окончательно узаконил свое пребывание на царском троне⁷. Учитывая то, что Цезарю не удалось посадить своего ставленника на боспорский престол с целью укрепления римских позиций в Таврике, он в конце 46 г. до н.э. предоставил Херсонесу права элевтерии и освободил город от боспорской зависимости⁸. Что же касается Асандра, то, учитывая сложную ситуацию, в которой он оказался, действия его в первую очередь были направлены на укрепление государства и своей личной власти. При этом он отлично понимал, что угроза ему могла исходить не только от римлян. Напомним, что еще совсем недавно

⁵ Шкорпил В.В., Ростовцев М.И. 1910, 14–22; Flaser P., Matthews E. 1987, 90; Сапрыкин, С.Ю. 2002, 208.

⁶ Яйленко В.П. 1990, 133–134; Сапрыкин С.Ю. 1990, 207–208; Карышковский П.О., Фролова Н.А. 1990, 95; Фролова Н. 1992, 227; Зубарь В.М. 1998, 8–10.

⁷ Карышковский, П.О., Фролова, Н.А. 1990, 96; Сапрыкин С.Ю. 1990, 208.

⁸ Ростовцев М.И. 1917, 1–3; Зубарь В.М. 1998, 11.

крымские скифы демонстративно перешли на сторону Фарнака и даже помогли ему захватить боспорскую столицу (*App. Mith.* 120). Все это вынуждало нового царя продолжить курс Митридата VI на укрепление боспорских границ и усиление своих позиций на царской хоре⁹.

В связи со всем вышесказанным огромный интерес вызывает политика Асандра по отношению к варварской службе на Боспоре. Ведь очевидно, что после прихода к власти царя варварского происхождения ситуация в этой области просто не могла не измениться. Правда не все еще выглядит понятным. Учитывая, что служба варваров должна быть связана в первую очередь с пограничными укреплениями, остановимся на них подробнее. Так, отметим, что Асандр «...построил на перешейке Херсонеса, поблизости от Меотиды, стену шириной в 360 стадий и воздвиг на каждую стадию по 10 башен...» (*Strabo.* VII. 4, 6). Не вызывает сомнений, что боспорский царь отгородил земледельческий район Европейского Боспора, ведь кочевникам, по словам Страбона, не платят только

«...правильные люди, уверенные в том, что у них самих довольно силы, чтобы легко отразить нападающих или помешать вторжению. Именно так поступил, по сообщению Гипсикрата, Асандр...» (*Strabo.* VII. 4, 6).

Это не позволяет ни при каких других условиях согласиться с мнением о локализации стены Асандра на Перекопском и Чонгарском перешейках¹⁰. Степной Крым являлся местом обитания кочевников, в частности сарматов, которые, хотя еще и не жили в нем постоянно, но, судя по бурным событиям эпохи Амаги и Гатала, в том числе и участием пятидесятитысячного войска роксолан в войне против Диофанта в качестве союзников Палака¹¹, были активными участниками исторического процесса на территории полуострова. Наличие сарматской опасности для оседлого населения Крыма доказывает возникновение по северной границе предгорья укрепленных убежищ (*Plin.* NH. IV, 85). Действительно, если крымские скифы возводили против кочевников городища-убежи-

⁹ Сапрыкин С.Ю. 2006, 93–94.

¹⁰ Вдовиченко И.И., Колтухов С.Г. 1986, 145–156.

¹¹ Храпунов И.Н. 2003, 38–39.

ща¹², то почему же это не могли сделать беспоряне, обезопасив тем самым земледельческий район Европейского Боспора¹³. Постройка сторожевых башен вблизи Узунларского вала, по археологическим исследованиям, датируется второй половиной I в. до н.э., т.е. временем Асандра¹⁴. Правда данные башни расположены не совсем в соответствии, даже с исправленными данными Гипсикрата, да и вообще, по большей части, на валу¹⁵. Но тем не менее наличие их здесь не исключает возможность отождествления данных фортификационных остатков с валом Асандра, о котором сообщает Страбон. Следовательно, именно в этом месте находился еще один перешеек, известный античной письменной традиции, хотя длина в 360 стадий до сих пор вносит некоторые коррективы в это отождествление.

В свое время довольно интересным было предположение А.А. Масленникова о соотношении цифры в 360 стадий Страбона в отношении стены Асандра с совокупной линией обороны, состоящей из нескольких валов, расположенных в Восточном Крыму¹⁶. Однако несколько позже ученый высказал сомнение по поводу этой любопытной версии¹⁷.

Оригинальной является гипотеза В.Г. Зубарева, согласно которой под стеной Асандра (360 стадий — 69,6 км), отгородившей от кочевников «перешеек у Меотиды», античная традиция понимала первую линию обороны Европейского Боспора, включающую в себя Узунларский вал и два фланговых прикрытия, — на севере от Тафра или Паросты (Ново-Отрадненское городище) до Гераклия (городище Генеральское-Восточное), а на юге — от Сатархи (городище на горе Атаманской) до Киммерия (городище на горе Опук)¹⁸. Это действительно более чем вероятно, ведь в противном случае в зимний период, когда к территории Европейского Боспора можно было подступить по льду замерзшего Меотийского

¹² Храпунов И.Н. 2004, 91–92.

¹³ Зубарев В.Г. 2005а, 236–237.

¹⁴ Масленников А.А. 2003, 208.

¹⁵ Там же. С. 212.

¹⁶ Масленников А.А. 2003, 225.

¹⁷ Там же. 212.

¹⁸ Зубарев В.Г. 2005а, 283–284.

озера, сельскохозяйственные районы оказались бы без должной защиты. Данная версия подтверждается и тем, что в описании у Страбона морского пути от Боспора к Танаиду содержится косвенное указание на северный фланг стены Асандра, который и назван перешейком: «Если плыть до Танаида по левой стороне Меотиды, на этом пути вдоль берега находится и перешеек» (*Strabo*. VII. 4, 5). Заметим, что судоходство по Сивашу до Перекопа невозможно, поэтому здесь может фигурировать только перешеек Керченского полуострова. Следовательно, наличие на Крымском полуострове нескольких сужений и описание двух различных перешейков явно привело к определенной путанице в топонимах¹⁹. Однако нельзя игнорировать и то обстоятельство, что Страбон говорит о стене, а на флангах стен нет. Впрочем, можно отметить, что и на Узунларском вале никаких стен выявлено не было. Данное противоречие остается неразрешимым.

Сложно сказать, насколько решению данной проблемы может помочь обнаруженное нами на одном из скальных мысов Аджиэльской балки году, в ходе проведения археологических разведок в 2018, каменное сооружение с фундаментом круглой формы, которое может оказаться особым укрепленным пунктом — сторожевой башней, относящейся к оборонительной системе, существовавшей в период функционирования аналогичных сооружений на Узунларском валу в I в. до н.э. Однако выявленная башня располагается несколько в стороне, в 1,7 км в западном направлении от подобного объекта на валу. Очевидно, что обеспечивая фланговое прикрытие с севера, обнаруженное новое фортификационное сооружение, неразрывно связанное с Узунларским валом и его укрепленными флангами, являлось важнейшим звеном обороны западных рубежей Боспора. При этом вместе с фланговым прикрытием вся эта система, вполне может соответствовать длине укрепленной границы, упомянутой Страбоном. Главной задачей ее гарнизона, как справедливо считает А.А. Масленников касательно подобных объектов²⁰, была не столько организация защитного рубежа, сколько своевременная подача соответствующих сигналов и обеспечение связи. Исходя из этого, можно предположить, что сторожевые сиг-

¹⁹ Там же. 102–103.

²⁰ Масленников А.А. 2003, 211.

нальные башни, прикрывающие северный фланг Узунларского вала, скорее всего, были сориентированы на один из главных проездов в этой линии обороны и древнюю дорогу, которая шла отсюда на Тарону и далее возможно к Пантикапею²¹.

В свое время, занимаясь этой проблемой, мы предложили довериться словам Страбона, который, описывая Перекоп, утверждал, что:

«...здесь находится перешеек шириной в сорок стадиев, отделяющий так называемое Гнилое озеро от моря и образующий полуостров, называемый Таврическим или Скифским. Некоторые, впрочем, утверждают, что ширина перешейка равна тристам шестидесяти стадиям» (*Strabo*. VII. 4, 1).

Таким образом, расстояние в 40 стадий, при длине стадия равной 197 или 210 м, довольно близко к ширине Перекопа, а расстояние в 360 стадиев при таком измерении совпадает с современным расстоянием от берега Каркинитского залива у Перекопского рва до Чонгарского пролива (78 км). Может быть, тогда перед нами отражение двух традиций античной географии относительно длины Перекопского перешейка²²?

Но если согласиться, что оба расстояния относятся к Перекопу, получается, что Страбон рассказывал о стене Асандра, не зная ее подлинной длины. Цифра «360 стадий» применительно к стене Асандра возникла из-за традиционной путаницы с перешейками Крыма. Тем более Страбон, говоря о строительной деятельности Асандра, упоминает только одну стену, хотя эта работа включала в себя целую фортификационную программу по обороне земледельческих районов Крыма и не могла ограничиваться строительством одной лишь стены. Но все эти стены решали одну общую задачу — защищали оседлое земледельческое население, поэтому в рассказ о деятельности Асандра по ошибке попала наибольшая цифра.

Все вышесказанное напрямую относится к сообщениям античных авторов, где употреблен термин «τάφος». Из них Страбон единственный, кто упоминает этот термин как этноним: «...за мы-

²¹ Ярцев С.В., Зубарев В.Г., Смекалов С.Л. 2018, 25–34.

²² Вдовиченко И.И., Колтухов С.Г. 1986, 147–148.

сом находится значительный залив Каркинитский... жители побережья называются тафрриями» (*Strabo*. VII. 3, 19). Если прямо следовать этому указанию, то выходит, что тафррии — это жители побережья Северо-Западного Крыма на рубеже эр. Однако необходимо учитывать, что Страбон, используя разные источники, иногда затруднялся в точной локализации объектов своего сочинения. Это обстоятельство непосредственно касается проблемы тафрриев, так как их идентификация на основе анализа приведенных ниже источников оказалась тесно связана с местоположением некоего крымского перешейка. Однако уточнить географию этого перешейка с опорой на труд Страбона не представляется возможным. Страбон явно путает перешеек на Перекопе с другим подобным объектом: «...Киммерик прежде был городом, построенным на полуострове и замыкавшим перешеек рвом и валом» (*Strabo*. XI. 2, 5); «Асандр, который построил на перешейке Херсонеса, поблизости от Меотиды, стену шириной в 360 стадий...» (*Strabo*. VII, 4, 6).

У Плиния нет сообщений о тафрриях, но появляются сведения о городе Тафр и о местности с таким же названием: «На побережье от Каркины расположены города: Тафры — на самом перешейке полуострова...» (*Plin*. NH. IV, 85).

«Длина Боспора Киммерийского — 12500 шагов... а по Меотиде от конца перешейка, или той местности, которая называется Тафрами, до устья Боспора считается в длину 260000 шагов. От Тафр по направлению внутрь материка живут авхеты...» (*Plin*. NH. IV. 87–88).

Несмотря на, казалось бы, бесспорное размещение города Тафр на Перекопе, сообщение Плиния также вызывает сомнение в своей достоверности. Дело в том, что город и местность в тексте сильно привязаны к своему главному ориентиру — какому-то перешейку, а из-за традиционной путаницы у античных авторов с перешейками Крыма установить точную локализацию Тафра по Плинию невозможно. Поэтому мы можем лишь констатировать, что у Плиния, написавшего свой труд уже после Страбона в I в. н.э. (23 / 24–79 гг. н.э.), появляются уже и город, и местность с похожим названием, что, скорее всего, является реминисценцией возникшего незадолго до этого этнонима «тафррии». При этом город и местность располагаются на самом краю какого-то перешейка.

У Птолемея, автора II в. н.э., в районе Перекопа и Каркинитского залива города и местности с подобным названием нет:

«Границы Херсонеса Таврического составляют: перешеек, простирающийся от Каркинитского залива до озера Бики, затем последовательно берега Понта... за перешейком... в Понте лежат: Евпатория город...» (*Ptolem.* III. 6, 1–2).

По Птолемею, город Тафр расположен «внутри Таврического Херсонеса» (*Ptolem.* III. 6, 5). Так как Птолемей явно принял два разных перешейка из источников за один, в своем сочинении он сохранил размеры Северо-Западного и Южного Крыма, а меньшие размеры Керченского полуострова был вынужден растянуть по ширине и долготе до Перекопа. Поэтому северное побережье Керченского полуострова оказалось на одной широте с Перекопом и даже севернее его, а пункты, которые должны быть восточнее Феодосии, сместились к западу от нее. В итоге Керченский полуостров оказался совсем не выделен²³. Большинство населенных пунктов внутренних районов Крыма, как следует из сочинения Птолемея, вполне успешно локализируются на Керченском полуострове, а расположенные рядом Тафр и Пароста после проведенных расчетов отождествляются с Белинским городищем — крупнейшим в данном регионе (12,4 га), находящимся почти на северном фланге Узунларского вала и поселением возле деревни Ново-Отрадное²⁴. За северным районом перешейка закрепляется название Тафры.

Впрочем, заслуживает внимания идея В.С. Ольховского и о том, что сам топоним «тафры» (рвы) может обозначать местность, заключенную между рвами, по его мнению, между Перекопом и Акмонаем²⁵. Таким образом, трудно не согласиться с гипотезой, разработанной В.Г. Зубаревым, согласно которой локализация страны Тафры между Перекопом и Узунларским валом заполняет обширную лакуну в античной географии Крымского полуострова, возвращая на его карту район степного Крыма²⁶.

²³ Зубарев В.Г. 1998, 31–35.

²⁴ Там же. 271–275.

²⁵ Ольховский В.С. 1981, 63.

²⁶ Зубарев В.Г. 2005а, 236–238; Зубарев В.Г. 2005б, 41.

Тафры как местность также фигурирует у автора небольшого географического трактата I в. н.э. Помпония Мель:

«...Затем море... придает почти вид острова местности (Крымскому полуострову), занятой сатархами и тавриками. Местность между Болотом и заливом называется Тафры, а залив — Каркинитский» (*Mela*. II. 4).

Как раз в этом случае речь может идти о более широком понимании топонима Тафры. Местность между Каркинитским заливом и Меотидой включает в себя большую часть степного Крыма, что может свидетельствовать о развитии в античной письменной традиции термина «тафрос».

Среди письменных источников по интересующей нас теме сообщение Стефана Византийского наиболее неоднозначно:

«Тафры и в единственном числе Тафра — страна у Меотийского озера, которую окружили рвами рабы, вступившие в связь со своими господами во время долговременной войны у скифов, когда господа их воевали с фракийцами, или живущие по сю сторону Истра, как рассказывает Каллистрат в третьей книге... эту страну-де заселили саторхеи» (*Stephan. Byzant.* EQS).

Локализация Геродотом рва «слепых» от Таврийских гор до самой широкой части Меотийского озера (*Herod.* IV. 3) обычно приводит исследователей в район Ак-Монойского перешейка²⁷. Однако следует заметить, что под горами могли подразумеваться не только отроги Крымских гор в районе Феодосии, но и естественное их продолжение в виде Парпачского хребта и ряда горных холмов, самым высоким из которых является гора Опук (183,7 м) с городищем Киммерик²⁸, которыми и заканчивалась стена Асандра²⁹. Поэтому гипотеза Н.И. Сокольского о том, что ров «слепых» это Узунларская линия, выглядит вполне актуальной и сейчас³⁰. Таким образом, речь в рассказе Стефана Византийского однозначно идет о Керченском полуострове, что может свидетельствовать о локализации здесь и стены Асандра, и области Тафра, и даже территории, на которой проживали сатархи.

²⁷ Ольховский В.С. 1981, 62–63; Масленников А.А. 2003, 8–36.

²⁸ Голенко В.К. 2006, 10–11.

²⁹ Зубарев В.Г. 2005а, 451.

³⁰ Сокольский Н.И. 1957, 91.

Правда у Геродота, кроме слова «τάφρος» (рвы), ничего не говорится ни о городе, ни о стране с таким названием. Пересказывая Геродота, Стефан Византийский (из текста нельзя сделать вывод, что Домитий Каллистрат, на которого ссылается Стефан, упоминает термин «τάφρος»), исходя, видимо, уже из поздней традиции своего времени (VI в.), называет местность, где выкопали ров потомки слепых рабов, страной Тафры. Здесь полностью отсутствует связь с событиями древней легенды. В этой ситуации никаких других выводов, кроме возможного совпадения территории, сделать нельзя.

Тем не менее Л.А. Ельницкий сделал попытку отождествить потомков слепых рабов с тафриями и сатархами³¹. В.С. Ольховский, заметив, что текст источника не дает основания считать, что сатархи изначально заселяли Тафры, подверг сомнению тождество сатархов и тафриев³². При этом тождество потомков слепых с тафриями он поддержал, хотя у Стефана речь шла только о том, что местность с древними земляными оборонительными укреплениями, про историю возникновения которых рассказывал в свое время Геродот и которую потом заселили сатархи, впоследствии получила название Тафры. А.Н. Щеглов также считал тафриев потомками крымского населения эпохи раннего железа, размещая их ближе к Перекопу, в Северо-Западном Крыму³³. Эти кизил-кобинцы предгорий и степей, по мнению В.С. Ольховского, в VII–VI вв. до н.э. были покорены скифами и позднее, во II в. до н.э., ассимилированы пришлыми сатархами³⁴. Потомками местного населения Перекопа и Северного Присивашья, ассимилированного скифами, смешавшимися с сатархами, считает тафриев и Е.А. Молев³⁵. По мнению Ю.М. Десятчикова, когда сатархи во II в. до н.э. заняли область Тафры, они и получили прозвание тафрии, т.е. живущие в тафрах (в укреплениях). Ничего общего с потомками слепых, кроме одного и того же места жительства, они не имели³⁶. Версия о названии

³¹ Ельницкий Л.А. 1961, 91.

³² Ольховский В.С. 1981, 60.

³³ Щеглов А.Н. 1966, 148.

³⁴ Ольховский В.С. 1981, 60, 63.

³⁵ Молев Е.А. 1986, 56.

³⁶ Десятчиков Ю.М. 1973, 135.

сатархов таффриями по месту их пребывания рядом с древними рвами получила поддержку и в современной науке³⁷.

Таким образом, то обстоятельство, что таффрии, скорее всего, являлись жителями укреплений, а также предположительная дата их появления из сообщения Страбона в первую очередь заставляет думать о боспорских военных поселенцах. Следовательно, новые укрепления, возводимые Асандром, должны быть, по замыслу царя, охранять именно варвары, находящиеся на царской службе. При этом этнический состав таких гарнизонов довольно любопытен. Так, жители поселения Полянка, судя по характерной застройке и лепной керамике, оказались родственны позднескифскому населению Центрального Крыма³⁸. С этим же населением отождествляется гарнизон небольшого помещения второй половины I в. до н.э., примыкавшего к Узунларскому валу³⁹. Напомним, что указанный вал являлся лишь одним из элементов сложной, глубоко эшелонированной системы обороны, защищающей сельскохозяйственные районы Европейского Боспора. При этом собственно боспорские интересы при Асандре распространялись гораздо дальше, чем возведенная им линия укреплений. По словам Страбона, практически весь Крым в это время (после смерти Митридата) оказался под опекой Боспора:

«...С тех пор и доныне город Херсонес подчинен владыкам Боспора. <...> Большой Херсонес и по виду, и по величине похож на Пелопоннес; им владеют боспорские правители, после того как он весь сильно пострадал от непрерывных войн... теперь вся эта страна находится под властью боспорских царей, которых назначают римляне» (*Strabo*. VII. 4, 3, 5, 7).

Боспорская крепость в Кутлакской бухте, возведенная во второй половине I в. до н.э. действительно располагалась далеко к западу от Узунларского вала. Раскопанная в свое время С.Б. Ланцовым, она однозначно связывается с деятельностью Асандра⁴⁰. Судя

³⁷ Столба В.Ф. 1993, 59; Храпунов И.Н. 2004, 89.

³⁸ Масленников А.А. 1990, 92–93.

³⁹ Масленников А.А. 1994, 180–182.

⁴⁰ Ланцов С.Б. 2005, 226–230; Ланцов С.Б. 2013, 260–265.

по тавроскифской лепной керамике⁴¹, можно прийти к выводу, что гарнизон, расквартированный здесь так же, как и на Узунларском валу, вербовался из тавроскифов⁴². Распространение власти боспорского царя на запад от Узунларского вала вызывало необходимость в возведении и других укрепленных пунктов с варварскими поселениями. Возможно, к ним относится поселение I в. до н.э. – III в. н.э. с регулярной застройкой на Таракташе под Судаком⁴³ или поселение варваров, переселившихся (или переселенных Асандром?) из Крымского Приазовья в окрестности Феодосии и оставивших погребальные сооружения у села Отважное⁴⁴, которых мы выше отождествили с сатархами. В последнем случае надо учитывать устойчивость варварских погребальных традиций, сохранение их этнического самосознания и, следовательно, наименования. С.Г. Колтухов, учитывая преобладание гончарной посуды на укреплении Сары-Кая близ села Отважное в I в. до н.э. (после традиционного доминирования лепной посуды до этого времени), допустил возможность пребывания здесь боспорского или понтийского гарнизона⁴⁵.

Если обратить внимание на Северо-Западный Крым, то Херсонес с опорой на понтийские войска какое-то время сохранял здесь отдельные владения своей бывшей хоры⁴⁶. Однако после смерти Митридата VI ситуация изменилась. С середины I в. до н.э. до середины I в. н.э. каких-либо сведений о связи Херсонеса с побережьем Западного Крыма практически нет. Более того, разрушения I в. н.э., обычно связываемые с экспедицией Тита Плавтия Сильвана в середине 60-х гг. н.э., свидетельствуют о том, что этот район уже не принадлежал Херсонесу⁴⁷. Зато именно это время

⁴¹ Ланцов С.Б., Юрочкин В.Ю. 2001, 254–264; Гаврилов А.В. 2002, 160–161.

⁴² Храпунов И.Н. 2004, 16.

⁴³ Ланцов С.Б. 2005, 226. Судя по хронологии и неоднозначной интерпретации культовых сооружений Таракташа, этот интереснейший во всех отношениях памятник нуждается в дальнейших исследованиях (Шаров О.В. 2009, 459–464; Шаров О.В. 2013, 313–319).

⁴⁴ Катюшин А.Е. 1996, 21–31.

⁴⁵ Колтухов С.Г. 1999, 23–24.

⁴⁶ Ланцов С.Б. 2003, 46–48.

⁴⁷ Там же. 48.

дало самую крупную документированную археологическую коллекцию боспорских монет в Северо-Западном Крыму⁴⁸. 10 из 15 боспорских монет из святилища относятся как раз ко второй половине I в. до н.э., что может свидетельствовать о покровительстве Асандра и других боспорских царей этому священному месту⁴⁹. Следовательно, власть Боспора распространилась и на Северо-Западный Крым. Любопытно, что именно жившие в Северо-Западном Крыму поздние скифы усвоили традиции архитектуры греческих усадеб и в соответствии с ними строили собственные дома. Такие особенности поселений Северо-Западного Крыма не отмечены в других регионах распространения позднескифской культуры⁵⁰. Здесь также зафиксирована модификация системы рвов и валов, тенденция к созданию которых захватила всю земледельческую часть полуострова. Валы присыпались к стенам каменных домов, которые в случае военной опасности использовались как оборонительные сооружения. Валы Южно-Донузлавского и Беляусского городищ с внешней стороны были даже облицованы камнями. На Беляусе через ров выстроили каменный мост — уникальную для позднескифской культуры конструкцию⁵¹.

По мнению Е.А. Поповой, из-за отсутствия связей между культурами скифов-кочевников и оседлым эллинистическим населением позднескифского времени Северо-Западный Крым заселялся скифами с территории Боспора. Следовательно, управление северо-западными крымскими землями осуществлял Боспор⁵². Эти косвенные свидетельства явно находят подтверждение в заявлении Страбона о подчинении всего Крыма правителям Боспора. Такое расселение варваров в стратегически важных местах на границе земледельческих районов со степью, в том числе и в районах Северо-Западного Крыма, наполняло смысловым содержанием название Тафры как степной страны, ограниченной со всех сторон валами и рвами. Похоже, именно в этом и кроется причина пус-

⁴⁸ Ланцов С.Б. 2001, 94–95.

⁴⁹ Ланцов С.Б. 2003, 37.

⁵⁰ Храпунов И.Н. 2004, 112.

⁵¹ Дашевская О.Д. 1990, 146–149.

⁵² Попова Е.А. 1998, 182–191.

тынности Крымской степи⁵³. И если до II в. до н.э. сарматы все же принимали активное участие в событиях на территории Крыма, не встречая особых препятствий при появлении⁵⁴, то после Диофанта письменные источники резко умолкают о сарматах, не упоминая даже тех, кто на короткое время мог появиться на территории полуострова⁵⁵.

Таким образом, подтверждается эффективность усилий по созданию в Крыму стратегических рубежей обороны против кочевников. Поэтому мы присоединяемся к высказанному А.А. Масленниковым предположению (на основе стремления каждого государственного образования выйти к своим естественным природным границам) о возможности кратковременного существования на Перекопе каких-то укреплений, построенных или подновленных боспорянами⁵⁶. Ведь утверждение Страбона о подчинении всей территории Крыма боспорским правителям фактически означало выход не только к северо-западным территориям, но и к Перекопу. А частичное восстановление перекопских древних укреплений⁵⁷, возведение которых датируется предположительно III–II вв. до н.э.⁵⁸, при этом вполне допустимо.

Ранее мы утверждали, что тафрии — это эллинизированное варварское население, находящееся на службе у боспорского царя, которое на правах военных поселенцев расселялось Асандром по всем стратегически важным местам создаваемой им сложной фортификационной системы. Из-за того, что выходцы из тавроскифской среды жили в укрепленных поселениях и несли службу по охране оборонительных линий (тафров), они видимо и получили наименование тафриев, что и засвидетельствовал Страбон. Позднее это название перешло на город и прилегающую к нему местность. В широком смысле этот термин распространился, по всей видимости, на весь степной Крым. Вот почему у Страбона таф-

⁵³ Храпунов И.Н. 2003, 40.

⁵⁴ Там же. 38–40.

⁵⁵ Храпунов И.Н. 2004, 131.

⁵⁶ Масленников А.А. 2003, 253–255.

⁵⁷ Шульц П.Н. 1953, 115–125.

⁵⁸ Гайдужевич В.Ф. 1949, 541; Вдовиченко И.И., Колтухов С.Г. 1986,

рии — это жители западного побережья Крыма, а у Птолемея город Тафр расположен внутри полуострова.

Однако на современный момент данная проблема представляется более сложной. Выходит так, что тафрии, если соотносить с ними материал, происходящий из мест, связанных с термином «тафрос», и мест, где несли службу варварские гарнизоны, являлись не просто полиэтничными выходцами из варварской среды, а исключительно воинами тавроскифами, которых, разумеется, не могло быть много. Это объясняет, почему при относительно большом количестве военно-хозяйственных поселений на Боспоре тафрии упомянуты только один раз. При этом варвары других этносов, находящиеся на боспорской службе, по-видимому, также сохраняли не только самосознание, но и свое наименование. Например, на роль таких варваров, учитывая все вышесказанное, вполне могут претендовать и сатархи. Речь в таком случае идет не только об окрестностях Феодосии⁵⁹. Напомним, что это имя получил и один из боспорских городов, известный по Птолемею. По мнению В.Г. Зубарева, Сатарху необходимо отождествлять с городищем Атаманская гора у южной оконечности Узунларского вала. Предположительно, данное городище возникает в середине – второй половине I в. до н.э.⁶⁰. Это также позволяет связать его с политической боспорских царей по укреплению царской хоры. Помимо прочего, не исключено, что и аспургиане также являлись военными поселенцами. Судя по тому, что они фигурируют у Страбона в связи с Полемоном (последним царем, которого упоминает греческий географ), т.е. до того, как Аспург стал царем⁶¹, данные варвары могли быть расселены на восточных границах государства еще во времена Асандра. Похожим образом, видимо, обстояло дело и с танаитами, ведь до сих пор не ясны точные причины жестокого разгрома Танаиса римским ставленником Полемоном (*Strabo*. XI. 2, 3). Не исключено, что данный карательный поход, предпринятый по времени до правления Аспурга, мог быть вызван устано-

⁵⁹ Катюшин А.Е. 1998, 47–49; Колтухов С.Г. 1999, 23–24; Петрова Э.Б. 2000, 120.

⁶⁰ Зубарев В.Г. 2005а, 275–276.

⁶¹ Молев Е.А. 2010, 274.

вившимися тесными связями этого города с танаитами⁶². Но тогда еще до поддержки ими Аспурга, это племя являлось союзником Боспора. Очевидно, что период независимого правления Асандра, когда боспорским царем предпринимались крупномасштабные меры по созданию эшелонированной обороны границ своего государства с опорой на варварский мир⁶³, более всего подходит для установления союзных отношений.

Отметим также, что варварская составляющая, которую внес в ахеменидско-понтийскую династию Асандр через брак с Динамией, позволяет говорить об этом царе как о родоначальнике новой генеалогической сармато-иранской линии⁶⁴. Сын Асандра от этого брака Аспург⁶⁵ имел родовую тамгу, сарматское происхождение которой бесспорно⁶⁶. Это объясняет как его имя с явной иранской этимологией (*асра-шга* — «сильный, как конь») ⁶⁷, так и иранизацию имени Асандра в известной надписи (КБН, 40)⁶⁸. К сожалению, нам неизвестна тамга Асандра, однако она вполне могла тоже существовать. Во всяком случае иногда ее пытаются определить⁶⁹.

⁶² Сапрыкин С.Ю. 2002, 219.

⁶³ Кругликова И.Т. 1975, 138; Сокольский Н.И. 1976, 89–108; Толстиков В.П. 1992, 41–57; Масленников А.А. 1998, 179–181.

⁶⁴ Шаров О.В. 2009, 18.

⁶⁵ В надписи упоминается только отец Аспурга, царь Асандрокх (КБН, 40), которого обычно отождествляют с Асандром. Учитывая законность прав Аспурга на трон, матерью его, скорее всего, была Динамия (Латышев, В.В. 1909, 103; Бертъе-Делагард А.Л. 1911, 182; Ростовцев М.И. 1914, 16–18; Дьяков В.Н. 1940, 75; Устинова В.О. 1969, 62; Блаватский В.Д. 1964, 134; Блаватский В.Д. 1976, 58; Масленников А.А. 1990, 162; Сапрыкин С.Ю. 2002, 207), а отцом Асандр. Однако иногда предлагают считать матерью Аспурга неизвестную представительницу местной знати (Устинова В.О. 1969, 62), самого Аспурга приемным сыном Асандра (Виноградов Ю.Г. 1994, 153–155), а последнего, учитывая написание его имени в форме «Асандрокх» (КБН, 40), царем не Боспора, а аспургиан (Яйленко В.П. 1990, 167–168; Зубарь В.М. 1998, 26).

⁶⁶ Яценко С.А. 2001, 47–48.

⁶⁷ Виноградов Ю.Г. 1994, 153.

⁶⁸ Сапрыкин С.Ю. 1985, 67 сл.; Виноградов Ю.Г. 1994, 153.

⁶⁹ Десятчиков Ю.М. 1974, 18.

Результат направленности политики Асандра на племенной мир и беспрепятственный прием варваров на царскую службу не заставил себя долго ждать. Именно благодаря союзным варварам Асандр смог стать фактически независимым от Римского государства. На каком-то этапе он даже попытался вернуть Херсонес под власть Боспора. Беллетризованный сюжет на эту тему из позднего источника (*Const. Porph. De adm. Imp.* 53) не случайно совпадает с текстом херсонесского декрета середины — второй половины I в. до н.э., в котором рассказывается о гражданине, спасшем город от тирана (IOSPE, I², № 355). Правда мнение исследователей по поводу датировки произошедших событий несколько расходится⁷⁰, но очевидно, что период между убийством Цезаря в 44 г. до н.э. и морской битвой на мысе Акции в 31 г. до н.э. являлся наиболее благоприятным временем для осуществления этой операции. События гражданских войн в римском государстве, неподтвержденные права Херсонеса Антонием, по-видимому, могли подтолкнуть Асандра к активным действиям против данного города⁷¹, ведь в этом случае царь юридически действительно не вступал в конфликт с Римом⁷².

Тем не менее неудача херсонесской авантюры, дарование прав Херсонесу Августом и утверждение им царем Асандра⁷³ не смогли поколебать самостоятельного политического курса боспорского правителя. Ситуация с варварами на Боспоре, и в первую очередь находившимися на царской службе, явно начинала вступать в противоречие с внешнеполитической стратегией Августа, в целом направленной на покорение всего известного римлянам обитаемого мира⁷⁴. Конечно, стратегия римского времени сильно отличалась от подобной деятельности позднего времени, когда над тем или иным планированием систематически трудились специализированные ведомства. В древнем мире формирование стратегии, как правило, замыкалось на личности того или иного полко-

⁷⁰ Анохин В.А. 1986, 74–76; Сапрыкин С.Ю. 1987, 48–57; Зубарь В.М. 1987, 118–129; Зубарь В.М. 1998, 11–13.

⁷¹ Сапрыкин С.Ю. 1987, 56–57.

⁷² Зубарь В.М. 1998, 13.

⁷³ Зубарь В.М. 1987, 122; Зубарь В.М. 1998, 11–13.

⁷⁴ Парфенов В.Н. 2001, 98, 108.

водца, а единство действий достигалось общностью взглядов правящей политической элиты государства⁷⁵. То, что такая стратегия была сформирована при Августе, не вызывает сомнений. Так, совсем не случайно, «Res gestae» прямо указывает о подчинении Августом вселенной римскому народу. Идея мирового господства хорошо просматривается и в изображениях на монетах того времени. Обратим внимание, что монеты с изображением Виктории вместе с земным шаром чеканились уже с самых первых дней принципата. Н.А. Машкин в качестве примера приводит также изображение шара и Козерога, под созвездием которого родился Август, и римского орла, держащего земной шар, на монете, выпущенной Тиберием в память Августа⁷⁶. Обращает на себя внимание и то, что Август придумал новое божество — Римский мир — и торжественно посвятил ему мраморный алтарь на Марсовом поле в Риме⁷⁷. Грандиозное сооружение, олицетворяющее выдвинутый лозунг принцепса *Pax Romana*, несомненно, было связано как с миром — противоположностью войны и смуты, так и с миром — территорией, подвластной римскому государству. Вот почему принцепс вознамерился составить полную карту всей известной земли, специально разместив ее в особом портике на Марсовом поле. Это нужно было для того, чтобы карта, заключив необъятность мира в свои рамки, создавала перед римлянами иллюзию полного господства над ним. Рим, разумеется, занимал на карте центральное место, от которого разбежались все дороги, в Рим же они и возвращались.

Другими словами, именно на географию Августом была возложена обязанность «инвентаризации» римского мира, которая наглядно объясняла, почему одни земли необходимо было срочно завоевать, другие же, по крайней мере на ближайшее время, можно пока оставить в покое⁷⁸. Поэтому, несмотря на то, что при Августе многие легионы полностью преобразованной принцепсом римской армии стали оседать в приграничных районах, обустроиваясь в постоянных лагерях с каменными стенами, стратегический курс им-

⁷⁵ *Перевалов С.М.* 2010, 306.

⁷⁶ *Машкин Н.А.* 1949, 514–515.

⁷⁷ *Дандо-Коллинз С.* 2013, 247–249; *Махлаюк А.В.* 2014, 348.

⁷⁸ *Неродо Ж.-П.* 200, 305–307.

перии, безусловно, продолжал быть нацеленным на дальнейшее расширение римских границ.

Исходя из анализа внешней политики Августа, армия которого завоевала в 29 г. до н.э. — 14 г. до н.э. Испанию, Галлию, Рецию, Мёзию, Далмацию и Паннонию, можно прийти к заключению, что именно варварский мир Центральной и Восточной Европы был выбран принцепсом в качестве главного направления римской экспансии⁷⁹. В итоге за годы кровопролитных войн империя смогла выйти к Рейну и Дунаю, обозначив тем самым наиболее известные водные рубежи римского государства. Однако Август не считал такой успех конечной целью своей внешней политики в этой части мира. Последовавшее вскоре вторжение римских армий за Дунай и за Рейн⁸⁰, где между долиной этой реки и Эльбой была образована провинция Германия⁸¹, возможно, на какое-то время создало у принцепса иллюзию реального покорения варварской Европы и последовавшего за этим выхода империи к берегам Северного моря, т.е. к своим естественным рубежам. На Востоке Август, по возможности, старался использовать искусство дипломатии⁸². Это находило свое объяснение в присутствии здесь довольно сильной державы Парфии, хотя от идеи ее полного разгрома римляне, по-видимому, не отказывались никогда⁸³. Основным же предметом спора Рима и Парфии была Армения. Так, уже в 24 г. до н.э. Августу удалось установить протекторат над Арменией и, заключив в 20 г. до н.э. соглашение с парфянами, приступить к реорганизации зависимых царств Востока (*Cass. Dio. LIV. 9*)⁸⁴.

Однако на Боспоре, по отношению к которому Август намеревался проводить подобную экспансионистскую политику⁸⁵, продолжал править «великий царь царей» Асандр (КБН, 30). Он неуклонно следовал курсу на поддержку царского землевладения и развитию дружественных отношений с варварским миром. К кон-

⁷⁹ Дандо-Коллинз С. 2013, 232–249.

⁸⁰ Колосовская Ю.К. 2000, 41.

⁸¹ Машкин Н.А. 1949, 519.

⁸² Там же. 522.

⁸³ Махлаюк А.В. 2014, 348–349.

⁸⁴ Бокщанин А.Г. 1966, 156–158.

⁸⁵ Машкин Н.А. 1949, 531.

цу его правления вся царская земля покрылась укрепленными военно-хозяйственными поселениями с варварскими гарнизонами, а по всему периметру боспорских границ расположились союзные племена. В такой ситуации необходимость насильственного разрыва связей с варварским миром на Боспоре, неуклонно усиливающихся еще со времен Митридата VI Евпатора, и принудительной переориентации государства, занимающего важное стратегическое положение в Северном Причерноморье, в сторону имперской политики становилось для Августа первостепенным делом. Более того, сконцентрировав все свои военные усилия на Западе, он всерьез начал беспокоиться о своей северо-восточной периферии из-за возможного рецидива Митридатовых войн⁸⁶. Поэтому с наибольшей вероятностью можно предположить, что за всеми катаклизмами, которые стали вскоре происходить на Боспоре, явно стоял Рим.

ЛИТЕРАТУРА

- Анохин В.А.* 1986: Монетное дело Боспора. Киев: Наукова Думка.
- Бертье-Делагард А.Л.* 1911: О монетах властителей Боспора Киммерийского, определяемых монограммами // ЗООИД. XXIX, 117–232.
- Блататский В.Д.* 1964: Пантикапей. Очерки истории столицы Боспора. М.: Наука.
- Блататский В.Д.* 1976: О Рескупориде Первом // СА. 4, 56–62.
- Бокцанин А.Г.* 1966: Парфия и Рим. М.: Изд-во МГУ.
- Вдовиченко И.И., Колтухов С.Г.* 1986: Древние укрепления Северного Крыма (По данным античных письменных источников) // ВДИ. 2, 145–156.
- Виноградов Ю.Г.* 1994: Очерк военно-политической истории сарматов в I в. н.э. // ВДИ. 2, 151–170.
- Гаврилов А.В.* 2002: Укрепленные памятники античной эпохи в ближних окрестностях Феодосии // БИ. II, 160–161.
- Гайдукевич В.Ф.* 1949: Боспорское царство. М.;Л.: Изд-во АН СССР.
- Голенко В.К.* 2006: Древний Киммерик и его округа. Симферополь: СО-НАТ.

⁸⁶ *Парфенов В.Н.* 2001, 98.

- Дандо-Коллинз С.* 2013: Легионы Рима. Полная история всех легионов Римской империи. М.: Центрполиграф.
- Дашевская О.Д.* 1990: Позднескифская фортификация и ее вариант на городище Беляус // Проблемы скифо-сарматской археологии. М.: Наука, 146–149.
- Десятчиков Ю.М.* 1973: Сатархи // ВДИ. 1, 131–144.
- Десятчиков Ю.М.* 1974: Процесс сарматизации Боспора. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.
- Дьяков В.Н.* 1940: Пути римского проникновения в Северное Причерноморье: Понт и Мёзия // ВДИ. 3–4, 71–88.
- Ельницкий Л.А.* 1961: Знания древних о северных странах. М.: Гос. изд-во географической литературы.
- Завойкин А.А.* 2001: «Боспорский феномен» или псевдо-эллинизм на Боспоре // ДБ. 4, 150–181.
- Зубарев В.Г.* 2005а: Историческая география Северного Причерноморья по данным античной письменной традиции. М.: Языки славянской культуры.
- Зубарев В.Г.* 2005б: К вопросу о локализации местности «Тафрос» (античная традиция и данные археологии) // БФ. 1, 40–41.
- Зубарев В.Г.* 1998: Северное Причерноморье в историко-географической концепции Клавдия Птолемея. Тула: Изд-во ТГПУ им. Л.Н.Толстого.
- Зубарь В.М.* 1998: Северный Понт и Римская империя (середина I в. до н.э. — первая половина VI в.). Киев: ИА НАН Украины.
- Зубарь В.М., Зинько В.Н.* 2006: Боспор Киммерийский в античную эпоху: очерки социально-экономической истории // БИ. XII, 1–304.
- Зубарь В.М.* 1987: Этнический состав населения Херсонеса Таврического в первые века н.э. (По материалам некрополя) // Материалы к этнической истории Крыма VII в. до н.э. — VII в. н.э. / Т.Н. Высотская (ред.). Киев: Наукова думка, 78–105.
- Карышковский П.О., Фролова Н.А.* 1990: К истории правления Асандра на Боспоре // Нумизматические исследования по истории Юго-Восточной Европы / В.Л.Янин (ред.). Кишинев: Штиница, 89–100.
- Катюшин А.Е.* 1996: Курганный могильник I в. до н.э. — II в. н.э. в окрестностях Феодосии // МАИЭТ. V, 21–31.
- Катюшин А.Е.* 1998: Феодосия — Каффа — Кефе. Феодосия: Изд. дом «Коктебель».

- Колосовская Ю.К.* 2000: Рим и мир племен на Дунае. I–IV вв. н.э. М.: Наука.
- Колтухов С.Г.* 1999: Укрепления Крымской Скифии. Симферополь: СО-НАТ.
- Ланцов С.Б.* 2001: Боспорская медь из херсонесского святилища на Сакской пересыпи // БФ. 2, 94–95.
- Ланцов С.Б.* 2003: Античное святилище на западном берегу Крыма. Киев.
- Ланцов С.Б.* 2005: К вопросу о контроле за каботажным плаванием вблизи Судака на рубеже эр // БФ. 1, 226–230.
- Ланцов С.Б.* 2013: Последовательность застройки Кутлакской крепости второй половины I в. до н. э. // БФ. 1, 260–265.
- Ланцов С.Б., Юрочкин В.Ю.* 2001: «Варварская» посуда Кутлакской крепости // ДБ. 4, 254–264.
- Латышев В.В.* 1909: Краткий очерк истории Боспорского царства // РОНТИКА: Сб. науч. ст. В.В. Латышева. СПб.: Типография Императорской Академии наук.
- Масленников А.А.* 1990: Население Боспорского государства в первых веках н.э. М.: Наука.
- Масленников А.А.* 1994: Раскопки на Узунларском валу (Восточный Крым) // РА. 4, 176–184.
- Масленников А.А.* 1998: Эллинская хора на краю Ойкумены. М.: Индрик.
- Масленников А.А.* 2003: Древние земляные погранично-оборонительные сооружения Восточного Крыма. М.; Тула: Гриф и К.
- Масленников А.А.* 2012: Историческая вариантность для Боспора // Восточная Европа в древности и средневековье. Ранние государства Европы и Азии: миграции, расселение, война как факторы политогенеза: XXIV Чтения памяти В.Т. Пашуто / Е.А. Мельникова (ред.). М.: Институт всеобщей истории РАН, 303–308.
- Махлаюк А.В.* 2014: Римские войны. Под знаком Марса. М.: Центрполиграф.
- Машкин Н.А.* 1949: Принципат Августа. Происхождение и социальная сущность. М.; Л.: АН СССР.
- Молев Е.А.* 1986: Боспор и варвары Северного Причерноморья накануне походов Диофанта // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века / В.П.Копылов (ред.). Ростов н / Д: Изд-во Ростовского педагогического университета, 54–64.

- Молев Е.А. 2010: Этногеографическая ситуация на Боспоре и у его границ в конце II — первой половине I в. до н.э. // GAUDEAMUS IGITUR: Сб. ст. к 60-летию А.В. Подосинова / Т.Н. Джаксон (ред.). М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 268–276.
- Неродо Ж.-П. 2003: Август. М.: Молодая гвардия.
- Ольховский В.С. 1981: Население Крыма по данным античных авторов // СА. 3, 52–65.
- Парфенов В.Н. 2001: Император Цезарь Август: Армия. Война. Политика. СПб.: Алетейя.
- Перевалов С.М. 2010: Тактические трактаты Флавия Арриана: Тактическое искусство; Диспозиция против аланов (Сер. Древнейшие источники по истории Восточной Европы). М.: Памятники исторической мысли.
- Петрова Э.Б. 2000: Античная Феодосия. Симферополь: СОНАТ.
- Подосинов А.В. 2001: Возникновение Боспорского государства: От полиса к царству // Восточная Европа в древности и средневековье. Ранние государства Европы и Азии: Проблемы политогенеза. XXIII Чтения памяти В.Т. Пашуто / Е.А. Мельникова (ред.). М.: Институт всеобщей истории РАН, 224–232.
- Попова Е.А. 1998: О северопричерноморском домостроительстве I в. до н.э. – I в. н.э. (По материалам квартала Запад-II городища «Чайка») // Историческая археология. Традиции и перспективы: К 80-летию со дня рождения Д. А. Авдусина / В.Л. Янин (ред.). М.: Памятники исторической мысли, 182–191.
- Ростовцев М.И. 1914: Античная декоративная живопись на юге России. Т.1: Описание и исследование памятников. СПб.: Издание Императорской Археологической Комиссии.
- Ростовцев М.И. 1917: Цезарь и Херсонес // ИАК. 63, 1–21.
- Сапрыкин С.Ю. 1985: Аспургиане // СА. 2, 65–78.
- Сапрыкин С.Ю. 1987: Асандр и Херсонес (к достоверности легенды о Гикии) // СА. 1, 48–57.
- Сапрыкин С.Ю. 1990: Уникальный статер боспорской царицы Динамии // СА. 3, 204–214.
- Сапрыкин С.Ю. 2002: Аспург, царь Боспора // ДБ. 5, 207–223.
- Сапрыкин С.Ю. 2006: Новая митридатовская катойкия на Боспоре // ВДИ. 2, 79–96.

- Сокольский Н.И.* 1957: Валы в системе обороны Европейского Боспора // СА. XXVII, 91–107.
- Сокольский Н.И.* 1976: Таманский толос и резиденция Хрисалиска. М.: Наука.
- Столба В.Ф.* 1993: Демографическая ситуация в Крыму в V–II вв. до н.э. (По данным письменных источников) // ПАВ. 6, 56–61.
- Толстиков В.П.* 1992: Неизвестные страницы истории Боспорского царства // Археология и искусство Боспора. СГМИИ. 10, 41–65.
- Устинова В.О.* 1969: Аспург та аспургіани // Вістник Харківського ун-ту. Исторична серия. 35 /3, 58–64.
- Фролова Н. А.* 1992: Монетное дело Боспора VI в. до н. э. – середины IV в. н. э. в свете новых исследований // Очерки истории и археологии Боспора / Г. А. Кошеленко (ред.). М.: Наука, 187–246.
- Храпунов И.Н.* 2003: Сарматизация Предгорного Крыма (до середины III в. н.э.) // МАИЭТ. X. 38–56.
- Храпунов И.Н.* 2004: Этническая история Крыма в раннем железном веке // БИ. VI, 1–240
- Шаров О.В.* 2009: Боспор и варварский мир Центральной и Восточной Европы в позднеримскую эпоху (середина II — середина IV в. н.э.). Автореф. ... дис. докт. ист. наук. СПб.
- Шаров О.В.* 2009: Святилища на склонах горы Таракташ в восточном Крыму // БФ. 1, 459–464.
- Шаров О.В.* 2013: Антропоморфные глиняные статуэтки из раскопок культового комплекса Таракташ в Восточном Крыму // БФ. 1. 313–319.
- Шкорпил, В.В., Ростовцев, М.И.* 1910: Эпиграмма из Эль-Тегеня // ИАК. 37. 14–22.
- Шульц П.Н.* 1953: Мавзолей Неаполя Скифского. М.: Искусство.
- Щеглов А.Н.* 1966: О населении Северо-Западного Крыма в античную эпоху // ВДИ. 4. 146–157.
- Яйленко В.П.* 1990: Династическая история Боспора от Митридата Евпатора до Котиса I // Эпиграфические памятники и языки древней Анатолии, Кипра и античного Северного Причерноморья / В.П.Яйленко (ред.). М.: АН СССР, 128–215.
- Ярцев С.В., Зубарев В.Г., Смекалов С.Л.* 2018: Система обороны Европейского Боспора в период правления царя Асандра (по материалам археологических разведок в урочище Аджиэль 2018 года) // Историческая и социально-образовательная мысль. 10/5, 25–34.

- Яценко С.А. 2001: Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. М.: Восточная литература РАН.
- Flaser, P., Matthews, E. 1987: A Lexicon of Greek Personal Names. Vol. I. The Aegean Islands, Cyprus, Cyrenaica. Oxford: Oxford University Press.

Sergey V. YARTSEV, Victor G. ZUBAREV

ROMAN EXPANSION AS A «TRIGGER HOOK»
OF MIGRATIONS PROCESSES ON BOSPOR
UNDER KING ASANDER
IN THE CONTEXT OF ALLIES WITH THE BARBARIANS

At the time, when the Roman Empire came to the expanses of the Northern Black Sea region, Tsar Asander (47–17 BC) start to power in the Bospor. He began to steadily follow the course of supporting the tsar land tenure and developing friendly relations with the barbarian world. By the end of his reign, the entire tsar land was covered with fortified military-economic settlements with barbarian garrisons, and allied tribes were located along the entire perimeter of the Bospor borders. Some of them, settled in all the strategic places of the fortification system, created by Asander, received the name tafria, since they served in places associated with the term “tafros” and were from the Tavro-Scythian environment. The strengthening of migration processes on the Bosphorus and the improvement of relations with the barbarians at this time, the authors explain the Roman pressure on the state.

Keywords: Roman Empire, Bospor kingdom, king Asander, barbarians, tafrians, satarhs, migrations.

Sergey V. YARTSEV — Dr. Sc. (History), Associate Professor, Professor of the Chair of History and Archeology of the Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University. Tula. Russian Federation. — s-yartsev@yandex.ru ; <https://orcid.org/0000-0002-4581-1873>

Victor G. ZUBAREV — Dr. Sc. (History), Professor, Professor of the Chair of History and Archeology of the Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University. Tula. Russian Federation. — parosta@mail.ru ; <https://orcid.org/0000-0001-8831-9101>

REFERENCES

- Anohin V.A. 1986: *Monetnoe delo Bospora*. Kiev: Naukova Dumka.
- Bert`e-Delagard A.L. 1911: O monetakh vlastitelei` Bospora Kimmerii`skogo, opredeliaemy`kh monogrammiami // ZOOID. XXIX, 117–232.
- Blavatskii` V.D. 1964: *Pantikapei`*. Ocherki istorii stolitsy` Bospora. M.: Nauka.
- Blavatskii` V.D. 1976: O Reskuporide Pervom // SA. 4, 56–62.
- Bokshchanin A.G. 1966: *Parfiia i Rim*. M.: Izd-vo MGU.
- D`iakov V.N. 1940: Puti rimskogo proniknoveniia v Severnoe Prichernomor`e: Pont i Myoziiia // VDI. 3–4, 71–88.
- Dando-Kollinz S. 2013: *Legiony` Rima*. Polnaia istoriia vsekh legionov Rimskoi` imperii. M.: Centrpoligraf.
- Dashevskaia O.D. 1990: Pozdneskifskaia fortifikatsiia i ee variant na gorodishche Beliaus // Problemy` skifo-sarmatskoi` arkheologii. M.: Nauka, 146–149.
- Desiatchikov Iu.M. 1973: *Satarhi* // VDI. 1, 131–144.
- Desiatchikov Iu.M. 1974: *Protsess sarmatizatsii Bospora*. Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. M.
- El`nitckii` L.A. 1961: *Znaniia drevnikh o severny`kh stranakh*. M.: Gos. izd-vo geograficheskoi` literatury`.
- Flaser, P., Matthews, E. 1987: *A Lexicon of Greek Personal Names. Vol. I. The Aegean Islands, Cyprus, Cyrenaica*. Oxford: Oxford University Press.
- Frolova N. A. 1992: Monetnoe delo Bospora VI v. do n. e`. – serediny` IV v. n. e`. v svete novy`kh issledovaniy` // Ocherki istorii i arkheologii Bospora / G. A. Koshelenko (red.). M.: Nauka, 187–246.
- Gavrilov A.V. 2002: *Ukreplenny`e pamiatneyki antichnoi` e`pohi v blizhnikh okrestnostiakh Feodosii* // BI. II, 160–161.
- Golenko V.K. 2006: *Drevnii` Kimmerik i ego okruga*. Simferopol`: SONAT.
- Gyudukevich V.F. 1949: *Bosporskoe tsarstvo*. M.;L.: Izd-vo AN SSSR.
- Kary`shkovskii` P.O., Frolova N.A. 1990: K istorii pravleniia Asandra na Bospore // Numizmaticheskie issledovaniia po istorii Iugo-Vostochnoi` Evropy` / V.L.Ianin (red.). Kishinev: Shtinitca, 89–100.
- Katiushin A.E. 1996: *Kurganny`i` mogil`nik I v. do n.e`. – II v. n.e`. v okrestnostiakh Feodosii* // MAIE`T. V, 21–31.

- Katiushin A.E. 1998: Feodosiia — Kaffa — Kefe. Feodosiia: Izd. dom «Koktebel».
- KHrapunov I.N. 2003: Sarmatizatsiia Predgornogo Kry`ma (do serediny` III v. n.e`) // МАИЕ`Т. X, 38–56.
- KHrapunov I.N. 2004: E`tneycheskaia istoriia Kry`ma v rannem zheleznom veke // BI. VI, 1–240
- Kolosovskaia Iu.K. 2000: Rim i mir plemen na Dunae. I–IV vv. n.e`. M.: Nauka.
- Koltuhov S.G. 1999: Ukrepleniia Kry`mskoi` Skiffii. Simferopol`: SONAT.
- Lantcov S.B. 2001: Bosporskaia med` iz khersonesskogo sviatilishcha na Sakskoi` peresy`pi // BF. 2, 94–95.
- Lantcov S.B. 2003: Antichnoe sviatilishche na zapadnom beregu Kry`ma. Kiev.
- Lantcov S.B. 2005: K voprosu o kontrole za kabotazhny`m plavaniem vblizi Sudaka na rubezhe e`r // BF. 1, 226–230.
- Lantcov S.B. 2013: Posledovatel`nost` zastroi`ki Kutlakskoi` kreposti vtoroi` poloviny` I v. do n. e`. // BF. 1, 260–265.
- Lantcov S.B., Iurochkin V.Iu. 2001: «Varvarskaia» posuda Kutlakskoi` kreposti // DB. 4, 254–264.
- Laty`shev V.V. 1909: Kratkii` ocherk istorii Bosporskogo tsarstva // PONTIKA: Sb. nauch. st. V.V. Laty`sheva. SPb.: Tipografiia Imperatorskoi` Akademii nauk.
- Makhlaiuk A.V. 2014: Rimskie voi`ny`. Pod znakom Marsa. M.: Centrpoligraf.
- Mashkin N.A. 1949: Printsipat Augusta. Proishozhdenie i sotcial`naia sushchnost`. M.; L.: AN SSSR.
- Maslennikov A.A. 1990: Naselenie Bosporskogo gosudarstva v pervy`kh vekakh n.e`. M.: Nauka.
- Maslennikov A.A. 1994: Raskopki na Uzunlarskom valu (Vostochny`i` Kry`m) // RA. 4, 176–184.
- Maslennikov A.A. 1998: E`llinskaia hora na kraiu Oi`kumeny`. M.: Indrik.
- Maslennikov A.A. 2003: Drevnie zemliany`e pogranichno-oboronitel`ny`e sooruzheniia Vostochnogo Kry`ma. M.; Tula: Grif i K.
- Maslennikov A.A. 2012: Istoricheskaia variantnost` dlia Bospora // Vostochnaia Evropa v drevnosti i srednevekov`e. Rannie gosudarstva Evropy` i Azii: migratsii, rasselenie, voi`na kak faktory` politogeneza: XXIV Chteniia pamiati V.T. Pashuto / E.A. Mel`nikova (red.). M.: Institut vseobshchei` istorii RAN. 303–308.

- Molev E.A. 1986: Bospor i varvary` Severnogo Prichernomor`ia nakanune pohodov Diofanta // *Mezhdunarodny`e otnosheniia v basse`ne Chernogo moria v drevnosti i srednie veka / V.P.Kopy`lov (red.)*. Rostov n/D: Izdvo Rostovskogo pedagogicheskogo universiteta. 54–64.
- Molev E.A. 2010: E`tnogeograficheskaia situatsiia na Bospore i u ego granitc v kontce II — pervoi` polovine I v. do n.e`. // *GAUDEAMUS IGITUR: Sb. st. k 60-letiiu A.V. Podosinova / T.N. Dzhakson (red.)*. M.: Russkii` Fond Sodei`stviia Obrazovaniiu i Nauke. 268–276.
- Nerodo ZH.-P. 2003: August. M.: Molodaia gvardiia.
- Ol`hovskii` V.S. 1981: Naselenie Kry`ma po danny`m antichny`kh avtorov // *SA. 3. 52–65*.
- Parfenov V.N. 2001: Imperator TCezar` August: Armiiia. Voi`na. Politika. SPb.: Aletei`ia.
- Perevalov S.M. 2010: Takticheskie traktaty` Flaviia Arriana: Takticheskoe iskusstvo; Dispozitsiia protiv alanov (Ser. Drevnei`shie istochniki po istorii Vostochnoi` Evropy`). M.: Pamiatneyki istoricheskoi` my`sli.
- Petrova E`.B. 2000: Antichnaia Feodosiia. Simferopol`: SONAT.
- Podosinov A.V. 2001: Vozniknovenie Bosporskogo gosudarstva: Ot polisa k tcarstvu // *Vostochnaia Evropa v drevnosti i srednevekov`e. Rannie gosudarstva Evropy` i Azii: Problemy` politogeneza. XXIII Chteniia pamiati V.T. Pashuto / E.A. Mel`nikova (red.)*. M.: Institut vseobshchei` istorii RAN. 224–232.
- Popova E.A. 1998: O severoprichernomorskom domostroitel`stve I v. do n.e`. – I v. n.e`. (Po materialam kvartala Zapad-II gorodishcha «Chai`ka») // *Istoricheskaiia arkhologiiia. Traditsii i perspektivy`: K 80-letiiu so dnia rozhdeniia D.A. Avdusina / V.L. Ianin (red.)*. M.: Pamiatneyki istoricheskoi` my`sli. 182–191.
- Rostovtcev M.I. 1914: Antichnaia dekorativnaia zhivopis` na iuge Rossii. T.1: Opisanie i issledovanie pamiatneykov. SPb.: Izdanie Imperatorskoi` Arkheologicheskoi` Komissii.
- Rostovtcev M.I. 1917: TCezar` i KHersones // *IAK. 63, 1–21*.
- Sapry`kin S.Iu. 1985: Aspurgiane // *CA. 2. 65–78*.
- Sapry`kin S.Iu. 1987: Asandr i KHersones (k dostovernosti legendy` o Gikii) // *SA. 1. 48–57*.
- Sapry`kin S.Iu. 1990: Unikal`ny`i` stater bosporskoi` tcaritcy` Dinahmii // *SA. 3. 204–214*.
- Sapry`kin S.Iu. 2002: Aspurg, tcar` Bospora // *DB. 5. 207–223*.

- Sapry`kin S.Iu. 2006: Novaia mitridatovskaia katoi`kiia na Bospore // VDI. 2. 79–96.
- Sharov O.V. 2009: Bospor i varvarskii` mir Central`noi` i Vostochnoi` Evropy` v pozdnerimskuii e`pohu (seredina II – seredina IV v. n.e.). Avtoref. ... dis. dokt. ist. nauk. SPb.
- Sharov O.V. 2009: Sviatilishcha na sclonakh gory` Taraktash v vostochnom Kry`mu // BF. 1. 459–464.
- Sharov O.V. 2013: Antropomorfny`e gliniany`e statue`tki iz raskopok kul`tovogo kompleksa Taraktash v Vostochnom Kry`mu // BF. 1, 313–319.
- Shcheglov A.N. 1966: O naselenii Severo-Zapadnogo Kry`ma v antichnuii e`pohu // VDI. 4, 146–157.
- Shkorpil, V.V., Rostovtcev, M.I. 1910: E`pigramma iz E`I`-Tegenia // IAK. 37, 14–22.
- Shul`tc P.N. 1953: Mavzolei` Neapolia Skifskogo. M.: Iskusstvo.
- Sokol`skii` N.I. 1957: Valy` v sisteme oborony` Evropei`skogo Bospora // SA. XXVII, 91–107.
- Sokol`skii` N.I. 1976: Tamanskii` tolos i rezidentciiia KHRisaliska. M.: Nauka.
- Stolba V.F. 1993: Demograficheskaiia situatciiia v Kry`mu v V–II vv. do n. e`. (Po danny`m pis`menny`kh istochnikov) // PAV. 6, 56–61.
- Tolstikov V.P. 1992: Neizvestny`e stranitcy` istorii Bosporskogo tcarstva // Arkheologiiia i iskusstvo Bospora. SGMII. 10, 41–65.
- Ustinova V.O. 1969: Aspurg ta aspurgiani // Vistneyk Har`kivs`kogo un-tu. Istorichna seriia. 35 /3, 58–64.
- Vdovichenko I.I., Koltuhov S.G. 1986: Drevnie ukrepleniia Severnogo Kry`ma (Po danny`m antichny`kh pis`menny`kh istochnikov) // VDI. 2, 145–156.
- Vinogradov Iu.G. 1994: Ocherk voenno-politicheskoi` istorii sarmatov v I v. n.e`. // VDI. 2. 151–170.
- Yacenko S.A. 2001: Znaki-tangi iranoiazzy`chny`kh narodov drevnosti i rannego srednevekov`ia. M.: Vostochnaia literatura RAN.
- Yailenko V.P. 1990: Dinahsticheskaiia istoriia Bospora ot Mitridata Evpatora do Kotisa I // E`pigraficheskie pamiatneyki i iazy`ki drevnei` Anatolii, Kipra i antichnogo Severnogo Prichernomor`ia / V.P.Iai`lenko (red.). M.: AN SSSR. 128–215.
- Yartcev S.V., Zubarev V.G., Smekalov S.L. 2018: Sistema oborony` Evropei`skogo Bospora v period pravleniia tcaria Asandra (po materialam arkheologicheskikh razvedok v urochishche Adzhie`l` 2018 goda) // Istoricheskaiia i sotcial`no-obrazovatel`naia my`sl`. 10 / 5. 25–34.

- Zavoi`kin A.A. 2001: «Bosporskii` fenomen» ili psevdo-e`llinizm na Bospore // DB. 4. 150–181.
- Zubar` V.M. 1987: E`tneycheskii` sostav naseleniia KHersonesa Tavricheskogo v pervy`e veka n.e`. (Po materialam nekropolia) // Materialy` k e`tneycheskoi` istorii Kry`ma VII v. do n.e`. – VII v. n.e`. / T.N. Vy`sotskaia (red.). Kiev: Naukova dumka. 78–105.
- Zubar` V.M. 1998: Severny`i` Pont i Rimskaia imperiia (seredina I v. do n.e`. – pervaiia polovina VI v.). Kiev: IA NAN Ukrainy`.
- Zubar` V.M., Zin`ko V.N. 2006: Bospor Kimmerii`skii` v antichnuiu e`pohu: ocherki sotcial`no-e`konomicheskoi` istorii // BI. XII. 1–304.
- Zubarev V.G. 1998: Severnoe Prichernomor`e v istoriko-geograficheskoi` kontseptcii Clavdiia Ptolemeia. Tula: Izd-vo TGPU im. L.N.Tolstogo.
- Zubarev V.G. 2005a: Istoricheskaia geografiia Severnogo Prichernomor`ia po danny`m antichnoi` pis`mennoi` traditsii. M.: Iazy`ki slavianskoi` kul`tury`.
- Zubarev V.G. 2005b: K voprosu o lokalizatsii mestnosti «Tafros» (antichnaia traditsiia i danny`e arkheologii) // BF. 1. 40–41.

С.В. Архипова

ФОРМЫ РЕЛИГИОЗНОГО ПОДВИЖНИЧЕСТВА В ЕГИПТЕ

ТРИГГЕРЫ В ИСТОРИИ МИРОВОЗЗРЕНИЙ

Целью статьи является рассмотрение последовательно сменявших друг друга форм аскетического идеала в Египте, способствовавших переходу от античных социокультурных ориентиров к новой системе христианских общественно значимых ценностей и норм. Во II в. до н.э. парадоксы крайних воплощений религиозной аскезы, чуждые традиционной египетской ментальности, вызывали негативную реакцию со стороны приверженцев общепринятых мировоззренческих стереотипов, которая проявлялась в актах варварской агрессии. По мере смещения мировоззренческих парадигм к христианству смещался и вектор агрессии: в III–IV вв. ее объектами становились уже сторонники прежних стереотипов. Являясь, с одной стороны, выражением экзистенциального кризиса своего времени, египетские аскезы в то же время несли в себе мощный цивилизационный потенциал, включивший механизм перехода общественного сознания от Поздней Античности к Раннему Средневековью. Инверсия варварства и цивилизации в оценках этих исторических процессов современниками и последующими поколениями была неизбежна. В сплаве идей, представлений, общественных ориентиров и ценностей выкристаллизовывался вектор развития будущего христианского культурного сообщества, породившего в качестве своего стержня явление монашества с его социальной ролью «патрона», «заступника» и «посредника», характерной для позднеантичного сознания и

Светлана Викторовна АРХИПОВА — главный библиотекарь Государственной публичной библиотеки России. Российская Федерация, Москва. — vostok@shpl.ru

переосмысленной в рамках новой системы ценностей. Однако без ранней формы аскезы *катохов*, воплотивших первоначальный аскетический идеал, эволюционный скачок в истории мировоззрений был бы невозможен. Ни в российской ни в зарубежной научной литературе не освещалась историческая роль *катохов* и не рассматривались египетские аскезы в аспекте их взаимосвязи.

Ключевые слова: Египет, греки, Серапеум, Античность, Средневековье, ортопраксия, формы аскезы, мировоззрение, общественное развитие, цивилизация, эволюционный скачок.

На окраине Мемфиса, на краю пустыни, с глубокой древности вырастал большой храмовый комплекс главных и второстепенных богов Нижнего Египта. Самым ранним здесь был культ священного быка Аписа, впоследствии ассоциированный с культом Осириса, сформировав синкретическое божество Осирис-Апис / Апис-Осирис или Осерапис.

Этот бог, в свою очередь, трансформировался (?) в Сераписа, и именно Сераписа избрал Птолемей Сотер для общего египто-эллинского культа, который он учредил (или заимствовал из Вавилона) около 286 г. до н.э.¹ Такой выбор, вероятно, был обусловлен тем, что значение храмового комплекса в Мемфисе постоянно росло, особенно в качестве оракула и терапевтического центра, привлекавшего множество паломников. И в греческой, и в египетской среде Серапис был очень популярен вплоть до триумфа христианства, хотя фактически в Мемфисе параллельно функционировали два культа: греки почитали Сераписа одним из воплощений Зевса и поклонялись ему с соблюдением греческих ритуалов и, а для египтян он оставался национальным божеством с египетской образностью и верованиями. Разделение культов отразилось в архитектуре комплекса: Серапеум включал два расположенных по оси Восток-Запад храма Сераписа, соединенных между собой аллеей сфинксов, на археологических картах обозначенных как «египетский» (*Sérapéum Égyptien*) и «греческий» (*Sérapéum Grec*)².

¹ *Wilcken U.* 1927, 77.

² *Wilcken U.* 1927, 9.

Оба храма окружала общая стена, а пространство между ними было густо заполнено переходами, лестницами, подземными криптами, лабиринтами вспомогательных построек и храмами других божеств, греческих и египетских, связанных или не связанных с Сераписом, но каждый со своим жречеством и персоналом. Промежуточное положение между жрецами и персоналом занимали затворники-*катохи*, которые жили во вспомогательных помещениях того или иного храма и считались частью общего функционала Серапеума. Их статус и круг обязанностей представляют тему для отдельного исследования. А в рамках данной статьи важно то, что возникновение аскезы *катохов* как одной из форм культовой практики поздней Античности было связано с Сераписом и метафункциями его дополнительных храмов, наделенных, по видимому, равным статусом.

К первой половине II в. до н.э. относится аскеза *катоха* Птолемайоса, сына клеруха Главка, документально засвидетельствованная на протяжении 20 лет. В 172 г. до н.э. Птолемайос, называвший себя «македонянином по происхождению», в возрасте около 30 лет стал *катохом* — «затворником бога» Сераписа и поселился в «ризнице» (опистодоме) небольшого храма Астарты (Астартейоне) на территории Мемфисского Серапеума³. За службу Птолемайосу была определена оплата в размере 100 драхм, а также содержание зерном и маслом, однако его уединение постоянно нарушалось нападениями храмового жречества и персонала. По этому поводу Птолемайос часто обращался в суд и писал письма родственникам, перечисляя обиды, которые ему приходилось терпеть в своей опистодоме. При этом каждый очередной инцидент он рассматривал вне связи с предыдущими, квалифицируя его как вопиющую, но единичную несправедливость, и не усматривая за внешними проявлениями враждебности глубокий межэтнический конфликт: его обидчиками почти всегда оказывались египтяне. Фактор «чуждости» пребывания аскета-грека в египетской среде не сглаживался культовой практикой — ведь культов было два — и многие из описанных случаев подпадали под определение латентного варварства.

³ Lewis N. 1986, 74–75.

В 163 г. до н.э. произошел один из серии подобных инцидентов, суть которого Птолемайос изложил в исковой жалобе, поданной стратегу (судебная инстанция) Дионисию:

«Дионисию, «другу царя» (титул. — С. А.) и стратегу, от Птолемайоса, сына Главка, македонянина, затворничающего в Великом Серапеуме на протяжении десяти лет. Я претерпел обиду от уборщика и хлебопека из персонала храма Анубиса... лекаря Хархебиса, торговца одеждой Миса, и других десяти человек, чьих имен я не знаю. Одиннадцатого числа месяца Паофи, девятнадцатого года (12 ноября 163 г. до н.э.) они пришли к (храму) Астартейону, где я затворничаю на протяжении 11 лет, и вломилась ко мне с намерением вытолкать меня наружу и прогнать прочь [за пределы Серапеума], что они уже пытались совершить и ранее, во время мятежа — и это несмотря на то, что я грек! Когда я понял, что они утратили разум, я заперся (изнутри), а они схватили моего (слугу?) Хархемиса, которого встретили на дромосе, и избili его своими медными скребками. Поэтому я прошу тебя отдать приказ Менедемосу, начальнику твоей полицейской службы, которая находится [в Серапеуме] в храме Анубиса, чтобы соблюдались мои права, а если они (т.е. нарушители) не подчинятся [твоему приказу], то пусть они будут посланы к тебе, чтобы ты, ненавидящий беззаконие, вынес против них свое судебное решение. Прощай».

Приговор: «[Стратег Дионисий] Менедемосу: Проследи, чтобы были соблюдены его права. Год девятнадцатый, девятнадцатого числа месяца Паофи (20 ноября 163 г. до н.э.)»⁴.

Решение было вынесено на восьмой день после подачи исковой жалобы, что говорит об оперативности местного судопроизводства. На момент описываемых событий истцу исполнилось 40 лет — для того времени это довольно почтенный возраст, причем последние 11 лет он провел в храме. Тем более поражает количество нападавших: четырнадцать человек, и все с египетскими именами, и кстати автор сознает этническую подоплеку конфликта — «я же грек!», хотя данный инцидент может свидетельствовать и об исключительной личной непопулярности Птолемайоса в Серапеуме.

⁴ *Wilcken U.* 1927, 138.

В связи с этим примечательно явно выраженная интенция нападавших: они стремились не к насилию над нежелательным лицом, но лишь к его изгнанию «за пределы храма». Мятаж, упомянутый в тексте, это династический конфликт 164–163 гг. до н.э., во время которого погиб отец Птолемайоса, Главк (в месяце Тот восемнадцатого года, т.е. в октябре 164 г. до н.э.). Упомянутые в тексте средства нападения в научной литературе обычно переводятся как «бронзовые орудия»,⁵ но перевод «медные скребки» здесь более уместен, поскольку отражает уничижительный тон обвинения: какие-то ремесленники-египтяне, всех имен которых истец даже не знает, напали на *катаха*-грека с презренными орудиями своего труда, хотя для перечисленных ремесел это совсем не характерный инвентарь. Цель нападавших ясна потерпевшему, но их мотивы остались им не понятными.

Избитый на дромосе Хармахис был таким же *катахом*, как и Птолемайос, но египтянином по происхождению (судя по имени). Употребление по отношению к нему притяжательного местоимения указывает на его подчиненное положение. То есть текст свидетельствует о внутренней иерархии *катахов* по этническому или какому-то иному признаку.

Конфликт не был исчерпан одним инцидентом: нападения продолжались, но уже по инициативе жрецов-уабов, которые забрасывали Птолемайоса камнями, так что ему приходилось звать на помощь «во всю мощь своего голоса»⁶.

Жалобы на насилие со стороны храмовых насельников-египтян составляют большинство исков Птолемайоса, но в них нет указаний на получение им побоев, ушибов или травм. Повидимому, это не входило в задачи нападавших, им просто нравилось дразнить грека, но они не стремились к тому, чтобы причинить ему физическую боль. Каждый раз Птолемайос громко кричал, призывая свидетелей, после чего писал очередную жалобу в суд. Впрочем, некоторые из его папирусов не имеют пометки о решении, так что стратег, вероятно, при случае предпочитал не вмешиваться лишней раз в храмовые конфликты.

⁵ Lewis N. 1986, 85.

⁶ Wilcken U. 1927, 140–141, 172–173.

В текстах нет информации о внешности Птолемайоса, но вряд ли большой и сильный мужчина стал вести себя подобным образом, скорее можно предположить, что Птолемайос человеком слабым и болезненным. Хотя он был старшим в своей семье, но по каким-то причинам не мог или не желал принимать участие в работах на семейном участке и потому избрал для себя стезю храмового затворника. И на протяжении всего своего служения он совершенно не понимал мотивов окружающих (египтян), которые постоянно дразнили сублильного грека с царственным именем, этим давая, по-видимому, выход своей энергии ненависти к чужеземной элите.

Иногда Птолемайос просил не за себя, а за членов своей семьи, с которыми никогда не порывал отношений, например за младшего брата Аполлония:

«В год 24-й, в месяце Тот, во 2-й день (3 октября 158 г. до н.э.), я составил это прошение царю и царице. Царю Птолемею и царице Клеопатре, его сестре, богам Филометорам, приветствие от Птолемайоса, сына Главка, македонянина по происхождению, из Гераклеопольского нома. Мой упомянутый выше отец Главк, один из колонистов Гераклеопольского нома, погиб во время мятежа. Среди его выживших детей — я и мой младший брат Аполлоний. Но так как я уже 15 лет затворничаю в Великом Серапеуме в Мемфисе и у меня нет детей, то прошу предоставить моему вышеупомянутому брату военную службу, благодаря которой я, в моем положении затворника, смогу [в дальнейшем] жить достойно и пользоваться его помощью. Поэтому я прошу вас, величайшие боги Филометоры, принять во внимание вышеупомянутые [15] лет и мою бездетность, [по причине чего] я обращаюсь к вам, величайшим богам и помощникам, чтобы получить указанное назначение для моего брата...».

«[Царское решение]: Пусть это будет сделано, и пусть будет сделана запись, сколько это будет стоить»⁷.

Из этого текста следует, что Птолемайос, живя в храме, не отделял своих интересов от интересов своей семьи. Другие документы подтверждают, что его жалованье не всегда выплачивалось регу-

⁷ *Wilcken U.* 1927, 152–153.

лярно, и тогда он обращался к родственникам и пользовался их помощью. Упоминание о гибели отца — намек на законность просьбы: ведь если бы Главк погиб, сражаясь на стороне противников династии, его семья не могла бы рассчитывать на поддержку.

Некоторые свои исковые жалобы Птолемайос писал для людей, никак не связанных с ним родственными отношениями. Но в этих документах он обязательно упоминает себя, неизменно подчеркивая свою роль бескорыстного заступника за несправедливо обиженных. Например, он поддержал маленьких сирот, дочерей своего друга, близнецов Таугис и Таус, составив от их лица иск и приняв на себя роль посредника в разрешении их непростой ситуации:

«Царю Птолемею и царице Клеопатре, его сестре, богам Филометорам, приветствие от Таугис и Таус, (девочек-)близнецов из Великого Серапеума в Мемфисе. Мы терпим несправедливость от нашей матери Нефорис. Наша мать оставила нашего отца и перешла к Филиппосу, сыну Согена, солдату Знамени Пи...рота. Не доверяя ему, она уговорила Филиппоса убить нашего отца, и тот, взяв свой меч, погнался за ним. Но дом нашего отца находится у реки, [поэтому] он прыгнул в реку и плыл, пока не достиг острова в реке. [Там] его подобрали в рыбацкую лодку и доставили в Гераклеополь, где он умер от горя. Его братья пришли за ним, опознали его [тело], и доставили [его] в некрополь, где он все еще остается непогребенным. [Нефорис] же завладела всем его имуществом и собирает (ежемесячную) арендную плату в (размере) 1400 медных драхм. Она выгнала нас из дома, и мы, голодные, ушли в Серапеум, к Птолемайосу, одному из *катохов*. Птолемайос, [который был] друг[ом] нашего отца, принял нас и кормил. Когда наступил траур [по Апису], [жрецы] отвели нас вниз [в склеп], чтобы оплакать бога. Ее (Нефорис?) знакомые уговорили нас принять ее (?) сына Пахрата, чтобы он служил нам. Мы наняли его на 17 лет, чтобы он доставлял нам из базилики [продукты]. А он украл все, что было у нас в Серапеуме, и то, что сам принес нам из базилики, [а именно] один метрет (оливкового) масла (=39,5 литров), и вернулся к своей матери...».

Конец документа утрачен⁸.

⁸ Wilcken U. 1927, 189–190.

Отец девочек, спасаясь от разъяренного любовника своей жены, бежит, возможно, в дом своего друга в Гераклеополе. Но поскольку друг находится в Мемфисе, там некому его утешить, и он умирает «от горя». Его вдова выгоняет на улицу собственных дочерей и вместо родных детей заботится о приемном сыне. Это совсем нехарактерное поведение для матери, но чем-то Нефорис напоминает неистовых неверных жен из египетских сказок. Тело мужа не погребено, потому что Нефорис не выполнила положенных обрядов, которые по обычаю оплачивала семья покойного. Присутствие (и участие) вдовы в погребальном обряде считалось обязательным, а из-за ее нежелания братья мужа, видимо, и не спешили с похоронами. Не совсем понятно, чьи знакомые попросили сестер принять в услужение Пахрата — их матери или матери самого Пахрата: из текста не очевидно, что Филиппос был вдовцом, так же как не очевидно, кому из двух мужчин и по какой причине Нефорис настолько не доверяла, что организовала убийство — мужу или Филиппосу. Непонятно, и в чей дом Пахрат доставил украденное масло, зато ясно, по какой причине девочкам понадобился слуга на столь длительный срок — «получив должность» при Аписе, они на все время своей предстоящей службы теряли право на передвижения за пределы храма. Под базиликой здесь имеется в виду торговое место, где, очевидно, было куплено упомянутое масло, ставшее предметом раздора.

Давая кров сиротам, Птолемайос верно рассчитал, что в скором будущем они будут востребованы в культе Аписа. По древнему обычаю, после смерти состарившегося священного быка заново набирали весь его обслуживающий персонал, в числе которого обязательно были две девочки-близнецы, которые оплакивали почившего быка, а впоследствии исполняли необходимые ритуалы для вновь избранного Аписа — вплоть до его естественной кончины, когда они могли, наконец, покинуть храм и выйти замуж. Понятно и почему срок найма Пахрата был определен в 17 лет: продолжительность жизни быка как раз и составляла 17-20 лет. Близнецы, по обычаю, получали в храме хорошую плату и могли собрать богатое приданое.

Чуть позже к девочкам присоединились их старшая сестра, также изгнанная матерью, и двоюродный брат, покинувший семью

по неназванным причинам. Расположившись в храме Астарты и участвуя в отправлении разных культов в Серапеуме, они, под покровительством Птолемайоса, образовали небольшое спаянное внутренними отношениями сообщество, объединенные местом и службой.

В отличие от большинства насельников Серапеума, *катохи* не покидали пределов помещения, в котором жили и в котором были «затворены». Источники свидетельствуют, что положение Птолемайоса не было исключительным: в Серапеуме, кроме него, имелись и другие *катохи-затворники*⁹. По-видимому, они все же могли однажды покинуть храм, разорвав принятые на себя обязательства, но это было не просто. В одном из писем родственникам Птолемайос вспоминает, что его отец незадолго до гибели выразил желание, чтобы старший сын вернулся в семью, но он отказался «ради Сераписа»¹⁰. Причина отказа представлялась ему обоснованной: ведь его «по воле Сераписа отделили», так что повторных приглашений не последовало.

Параллельно с *катохами*, в текстах Серапеума упоминаются *терапевты* — очевидно, оба термина имели близкое значение. Во всяком случае, ситуация *терапевта* Никанора в точности воспроизводит ситуацию Птолемайоса: его тоже «по воле Сераписа отделили». Но для данного исследования важнее то, что *терапевт* Дифилос оказался единственным, кто попытался заступиться за Птолемайоса во время очередного нападения. И в своем исковом заявлении Птолемайос описал это вмешательство, впрочем, повлекшее за собой неожиданные и неприятные последствия для заступника:

«Восьмого числа месяца Паофи двадцать первого года (9 ноября 161 г.) они (т.е. жрецы. — С. А.) пришли к Астартейону, расположенному в пределах храма (Серапеума), где я прожил вышеупомянутые [12] лет в затворничестве, и, некоторые имея в руках камни, а другие палки, попытались ворваться ко мне, (чтобы) под каким-нибудь предлогом ограбить храм и убить меня за то, что я грек, как самые подлые люди. Но когда я приблизился к ним, закрыл дверь [изнутри] и во всю мощь своего голоса стал просить их уйти, они не ушли. [И тогда] Дифилос,

⁹ Wilcken U. 1927, 52, 55–57, 62, 65, 72, 76.

¹⁰ Wilcken U. 1927, 55.

затворенный вместе со мной Сераписом терапевт (курсив мой. — С. А.), стал унимать их и выразил свое негодование на их поведение в таком [священном] месте. Они же [в ответ] со-обща жестоко избили его»¹¹.

То, что Птолемайос в опасности не оставил своего помеще-ния, говорит о том, что он не мог этого сделать, а также о том, что занимаемое *катохом* помещение не считалось в полной мере его личным. Он жил в складской комнате, входная дверь которой, как явствует из текста, в дневное время была открыта. Готовность Птолемайоса и Дифилоса к заступничеству являлась не только проявлениями социальной активности, но могла также отвечать религиозным требованиям и/или обязательствам, налагаемым аскезой на *катохов* и *терапевтов*.

Из приведенного текста следует, что *терапевты*, как и *катохи*, не служили Сарапису по своей воле, а избирались/«запирались» Сараписом в Серапеуме «по воле» этого божества. Так же как *катохи*, они были лимитированы местом своего проживания. Вмешательство Дифилоса в конфликт Птолемайоса указывает, что они были «заперты» поблизости, но остальные затворники, по-видимому, обитали в иных местах и не могли помогать друг другу. Вопрос о влиянии аскезы *терапевтов* Серапеума II в. до н.э. на формирование концепции «жизни созерцательной» общины терапевтов остается за рамками данного исследования, хотя свидетельство Филона Александрийского, что в эту общину ее членов приводил «не пример, не призыв и не совет чей-либо, а исключительно небесное влияние»¹², указывает на возможность преемственной связи между ними.

Катохи и *терапевты* не принадлежали к жреческим категори-ям, но, безусловно, выполняли важные функции в храме, которые в глазах современников могли служить причиной их изоляции. В частности, в обязанности Птолемайоса, по-видимому, входило пись-менное фиксирование сновидений с целью расширения перечня их мотивов для последующих толкований. Как известно, египтяне, гре-ки, а позднее и римляне, не принимали серьезных решений, не по-советовавшись с божественной волей, которую узнавали, обращаясь

¹¹ Wilcken U. 1927, 140–141.

¹² Цит. по: Смирнов Н.П. 1909, 6.

к оракулам или к толкователям снов. О значении сновидений для древних точно сказано в Папирусе Инсингер: «Бог создал сновидения, чтобы указать путь спящему, глаза которого во мраке» [P. Ins. 32.13]. Для стимуляции зрительных, слуховых и пр. образов, возникавших в сознании спящего, к Птолемайосу, очевидно, применяли психотропные средства, разрушавшие его здоровье, поэтому его сны, которые он записывал на протяжении многих лет, постепенно теряли смысл и становились все более бессвязными.

Таким образом, ранняя египетская форма аскезы *катохов* означала их изоляцию в одном из вспомогательных помещений храма (Серапеума), которое могло параллельно использоваться и для других целей, например как склад. В этих помещениях они жили в одиночку и выполняли предписанные им «волей избравшего их» божества (Сераписа) функции. Не имея возможности покинуть свое помещение, *катохи* тем не менее поддерживали связь со своей семьей, вели активную корреспонденцию, а в случае необходимости могли обращаться в суд для защиты своих прав. Они не вступали в брак и не имели детей, но в отдельных случаях, очевидно, все же могли разорвать принятые на себя обязательства, чтобы покинуть храм и вернуться к прежнему образу жизни. В храме их изоляция не была полной: они содержали слуг, и кроме того, к ним могли ворваться недоброжелатели. Открытая в дневное время входная дверь, очевидно, объяснялась требованиями регламента, но это требование облегчало доступ к ним враждебному окружению, и храм никак не гарантировал им личную безопасность. В целом негативное отношение к *катохам* (грекам и египтянам) прослеживается постоянно, и его невозможно объяснить только межэтническими проблемами: возможно, свою роль играло и то, что аскеза была чужда традиционной ментальности. Развитой чертой египетского мировоззрения был гедонизм, египтяне ценили красоту земной жизни, что нашло отражение в образах светской и религиозной литературы, где формируется дилемма «добродетель или наслаждение»¹³.

Принимая на себя роль заступников за несправедливо обиженных, вовлекая их в храмовый функционал и группируя затем вокруг себя, *катохи* могли преследовать и цели личной безопасности.

¹³ Лазутина Т.В., Лазутин Н.К. 2015, 206.

Распространение христианства привело к углублению накопившихся в позднеантичном обществе противоречий. Запрет язычества как «*Religio illicita*» (389–391) вызвал волну межрелигиозных столкновений, которые обернулись актами варварства в Александрии и разрушением знаменитой Александрийской библиотеки, на месте которой был заложен христианский монастырь (391). Несмотря на сопротивление, к 325 г. христианские общины сложились уже в 50 египетских городах и более чем в 40 из них действовали епископские кафедры¹⁴. К концу столетия Египет уже управлялся патриархом Александрийским, и монахи громили храмы Птолемеев, где пытались обрести убежище последние приверженцы египетских культов. В то же время христианские эсхатологические и сотериологические концепции, ориентированные на посмертное возрождение с сохранением духовной сущности человека, были близки египтянам¹⁵. А христианской символике были созвучны некоторые античные сюжеты, которые переоценивались и переосмыслились в христианском контексте, сливаясь с египетскими мотивами.

В сплаве идей, представлений, общественных ориентиров и ценностей выкристаллизовывался вектор развития христианского мировоззрения, породив в качестве своего стержня социальную роль «патрона», «заступника» и «посредника», зародившуюся в позднеантичном сознании и воспринятую христианским монашеством¹⁶. Вспышки латентного варварства в ходе борьбы двух мировоззрений были неизбежны, как результат утери в этнически-смешанном обществе традиционных культурных смыслов, растворявшихся во множестве изменчивых дефиниций с неопределенными отличительными признаками, возникавших, исчезающих и эволюционировавших на протяжении нескольких веков.

В III–IV вв. Египет стал родиной двух форм восточного монашества, заложенных преп. Антонием (251–357) и преп. Пахомием (292–348). Антоний положил начало отшельническому монашеству (пустынничество), а Пахомий — общежительному (киновия). Сущность пустынничества заключалась в том, что иноки, приняв духовное руководство своего *аввы*, удалялись в пус-

¹⁴ Тураев Б.А. 2001, 163.

¹⁵ Каковкин А.Я. 1991, 105–111.

¹⁶ Войтенко А.А. 2002, 9.

тыню, где вели уединенный образ жизни, самостоятельно распределяя духовные свои занятия. Другая форма — общежительная — с самого начала до мельчайших подробностей регламентировалась сводом уставных ограничений и правил (*Praecepta, Praecepta atque Instituta, Praecepta ac Legas*, пр.). Согласно этим правилам, все, что производилось трудами иноков, полностью принадлежало монастырю, и любое личное имущество, в т.ч. рукописи и письменные принадлежности, запрещалось. Кстати, в источниках этого периода нет упоминаний об использовании каких бы то ни было письменных текстов: духовные наставления велись в устной форме, а священные тексты воспроизводились по памяти¹⁷.

В отличие от пустынножительства, как наиболее распространенной в IV в. формы аскезы, киновия располагалась не в пустыне, а на окраине селений. Хотя пустыня все же использовалась, например, для совершения аскезы:

«Старец же (Паламон. — С. А.), бодрствуя, если видел, что одолевает их сон, уходил вместе с Пахомием в пустыню и... они с места на место носили в корзинах песок, утруждая тело, чтобы бодрствовать для молитв»¹⁸.

Местные жители не проявляли враждебности к монахам и не препятствовали им обзаводиться хозяйством, ведь обрабатывая пустующие земли, монахи выплачивали за них налоги, освобождая местную общину от дополнительных поборов.

В организации киновии Пахомия прослеживается много общего с организацией храмового комплекса Серапеума. Так, основание монастыря обычно начиналось с возведения вокруг намеченной территории внешних стен. Такие ограждения не были чем-то необычным в Египте: стенами окружали и территории древних храмов и эллинистического Серапеума, и даже любых населенных пунктов¹⁹. Правда, в последнем случае стены решали чисто бытовые задачи: защищали внутреннее пространство от постоянно наступавших песков пустыни. Но храмовые стены, кроме бытовых, несли еще религиозные функции: в рамках концепции ортопрак-

¹⁷ Хосроев А.Л. 2004, 93.

¹⁸ Хосроев А.Л. 2004, 192.

¹⁹ Торп S. 1964, 184.

сии, отгороженности сакрального пространства храма от мирского окружения, стены символизировали святость смысла, сохраняемого и охраняемого внутри, и защищая и закрывая его от внешнего, профанного, мира²⁰.

Внутри ограды монастыря располагался целый комплекс зданий разного назначения: отдельные строения для посетителей и для проходивших подготовительный курс перед принятием монашества, центральное место («дом собрания» / часовня), «маленькое место для праздника», трапезная, кухня и пекарня, кладовые для хранения продуктов и одежды, жилые помещения, лазарет — возможно, с отдельной кухней, и различные ремесленные мастерские.

Источники свидетельствуют, что монастыри Пахомия, вероятно, с самого начала, делились на «домусы» (*domus*), т.е. группы монахов, объединенных сначала по видам работ, на которые их назначал глава монастыря, позднее по профессиям, а в одном случае — по языку. На принадлежность монаха к тому или иному дому указывал особый знак, вышитый на куколе. Возможно, домусы также различались по внутренней иерархии, и каждый занимал свое место на иерархической лестнице.

Есть многочисленные свидетельства того, что, по крайней мере в начальный период общежитности, монахи проживали не совместно, а в отдельных кельях. Никому без особого разрешения не разрешалось входить в келью другого. Но если монах находился внутри, он должен был держать дверь открытой. Келью нельзя было покидать после вечерней молитвы, как нельзя было выходить из нее рано утром, до общего сбора. Спали монахи полусидя в кресле (*sellula reclinis*), которое днем использовалось для работы. Эти правила действовали во всей конгрегации Пахомия, состоявшей из девяти общежительных монастырей, монахи каждого из которых были объединены общей территорией, общими молитвенными собраниями, общей трапезой, общей работой. Соблюдение правил обеспечивала идентичная для каждого монастыря иерархия должностных лиц.

Исторический контекст, в котором формировались египетские монастыри Пахомия, обусловил двойственное положение монахов:

²⁰ *Ассман Я.* 2004, 195.

в идее монашеской общежительности изначально соединялись понятия «уединения» и «единения»: *monachos* — значит «живущий уединенно», но при этом каждый монах, принося свой обет, становился членом конгрегации (*koinobion*), того или иного монашеского сообщества (*adelfotes*), братии (*sunodia*). Т.е. киновия изначально мыслилась как некая коллективная модель, которая отделяла/запирала часть населения (изначально мирян) от остальных подданных империи, но, как часть целого (социум в социуме), онтологически вбирала в себя его эволюционные механизмы.

Форму восточно-христианской аскезы, смформировавшуюся в Египте на рубеже III и IV вв., обычно связывают с развитием христианской духовности и влиянием гностицизма и манихейства, а в становлении христианской культуры приоритетность отводят греко-римской и иудейской культуре в их позднеантичной редакции²¹. Однако истоки перехода/перелома от Античности к Средневековью лежали не только в культурной, но и в мировоззренческой сфере. Еще Э.Р. Доддс видел причину упадка и гибели Римской империи в перемене общественных взглядов на мир, которые он считал «одним из наиболее мощных факторов исторического развития»²², но Египет во всем имел свои особенности. Вовлеченный в эллинистический мир, а затем ставший частью Римской империи, он (может быть, по причине своего периферийного положения) сохранял многие черты самобытности — ментальной и культурной. Во всяком случае, аскеза, возникшая в птолемеевскую эпоху как форма мировоззренческого кризиса и вызывавшая поначалу резкое неприятие наиболее консервативной части общества (низшие жреческие категории, мелкие ремесленники и торговцы, пр.), получила кардинальную переоценку в общественном сознании III–IV вв. Можно говорить не только о восприятии восточным христианством ранней формы аскезы, но и о развитии заложенных в ней идей и воплощений. Поэтому аскетическая форма *катохов* стала не просто показателем отхода от традиционных социокультурных смыслов, но и триггером для мировоззренческого скачка, мостом к новой системе христианских ориентиров и ценностей.

²¹ Бычков В.В. 1999, 17.

²² Dodds E.R. 1965, 1.

ЛИТЕРАТУРА

- Ассман Я.* 2004: Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Наука.
- Бычков В.В.* 1999: 2000 лет христианской культуры *sub specie aesthetica*. Т. 1. Раннее христианство. Византия. М.: Университетская книга – УРАО.
- Войтенко А.А.* 2002: Эволюция египетского монашества в IV – нач. V вв. Автореферат дисс. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. М.: Би.
- Каковкин А.Я.* 1991: Древнеегипетские мотивы на коптских тканях // Мировая культура. М.: Наука.
- Лазутина Т.В., Лазутин Н.К.* 2015: Специфика мировоззрения Древнего Египта // Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin). 15. 205–209.
- Смирнов Н.П.* 1909: Терапевты и сочинение Иосифа Иудея «О жизни созерцательной». Киев: Тип. «Петр Барский».
- Тураев Б.А.* 2001: Древний Египет. СПб.: «Летний Сад».
- Хосроев А.Л.* 2004: Пахомий Великий (Из ранней истории общежительного монашества в Египте). СПб.: «Нестор-История».
- Dodds E.R.* 1965: Pagan and christian in an age of anxiety. Cambridge: The Univ. press.
- Lexa F.* 1926: Papyrus Insinger. Paris: P. Geuthner.
- Lewis N.* 1986: Greeks in Ptolemaic Egypt. Oxford: Clarendon Press.
- Torp S.* 1964: Murs d'enceinte des monastères coptes primitifs et couvents-forteresses // Mélanges d'archéologie et d'histoire. Vol. 76. P. 173–200.
- Wilcken U.* 1927: Urkunden der Ptolemäerzeit (Ältere Funde). Berlin und Leipzig: Verlag von Walter de Gruyter & Co.

Svetlana V. ARKHIPOVA

FORMS OF RELIGIOUS ASCETICISM IN EGYPT
TRIGGERS IN THE HISTORY OF WORLDVIEWS

The purpose of the article is to consider the successive forms of the ascetic ideal in Egypt, which contributed to the transition from ancient socio-cultural guidelines to a new system of Christian socially significant values and norms. In the second century BC, the paradoxes of extreme embodiments of religious asceticism, alien to the traditional Egyptian mentality, caused a negative reaction from

adherents of generally accepted ideological stereotypes, which was manifested in acts of barbaric aggression. As the worldview paradigms shifted to Christianity, the vector of aggression also shifted: in the III–IV centuries its objects were already supporters of the previous stereotypes. Being, on the one hand, an expression of the existential crisis of their time, Egyptian asceticism at the same time carried a powerful civilizational potential, which included a mechanism for the transition of public consciousness from Late Antiquity to the Early Middle Ages. The inversion of barbarism and civilization in the assessments of these historical processes by contemporaries and subsequent generations was inevitable. In the fusion of ideas, ideas, social guidelines and values, the vector of development of the future Christian cultural community was crystallized, which gave rise to the phenomenon of monasticism as its core, with its social role of “patron”, “intercessor” and “mediator”, characteristic of the late Antique consciousness and reinterpreted within the framework of a new system of values. However, without the early form of asceticism of the Catholics, who embodied the original ascetic ideal, an evolutionary leap in the history of worldviews would have been impossible. Neither Russian nor foreign scientific literature has covered the historical role of the Catholics and has not considered Egyptian asceticism in the aspect of their relationship.

Keywords: Egypt, Greeks, Serapeum, Antiquity, Middle Ages, orthopraxia, forms of asceticism, worldview, social development, civilization, evolutionary leap.

Svetlana V. ARKHIPOVA — Chief Librarian of the State Public Library of Russia. Moscow, Russian Federation. — vostok@shpl.ru

REFERENCES

- Assman Ia. 2004: Kul'turnaia pamiat'. Pis'mo, pamiat' o proshlom i politicheskaiia identichnost' v vy'sokikh kul'turakh drevnosti. M.: Nauka.
- By'chkov V.V. 1999: 2000 let khristianskoi' kul'tury' sub specie aesthetica. T. 1. Rannee khristianstvo. Vizantiia. M.: Universitetskaia kniga — URAO.
- Dodds E.R. 1965: Pagan and christian in an age of anxiety. Cambridge: The Univ. press.
- Hosroev A.L. 2004: Pahomii' Velikii' (Iz rannei' istorii obshchezhitel'nogo mona-shestva v Egipte). Spb.: «Nestor-Istoriia».

- Kakovkin A.Ia. 1991: Drevneegipetskie motivy` na koptskikh tkaniakh // Mirovaia kul'tura. M.: Nauka.
- Lazutina T.V., Lazutin N.K. 2015: Spetsifika mirovozzreniia Drevnego Egipta // Vestnyk TGPU (TSPU Bulletin). 15. 25–209.
- Lexa F. 1926: Papyrus Insinger. Paris: P. Geuthner.
- Lewis N.1986: Greeks in Ptolemaic Egypt. Oxford: Clarendon Press.
- Smirnov N.P. 1909: Terapevty` i sochinenie Iosifa Iudeia «O zhizni sozertcatel`-noi`. Kiev: Tip. «Petr Barskii».
- Turaev B.A. 2001: Drevnii` Egipet. SPb.: «Letneyi` Sad».
- Torp S. 1964: Murs d'enceinte des monastères coptes primitifs et couvents-forteresses // Mélanges d'archéologie et d'histoire. Vol. 76. P. 173–200.
- Voi`tenko A.A. 2002: E` voliutciia egipetskogo monashstva v IV – nach. V vv. Avtore-ferat diss. na soisk. uchen. step. kand. ist. nauk. M.: B.i.
- Wilcken U. 1927: Urkunden der Ptolemäerzeit (Ältere Funde). Berlin und Leipzig: Verlag von Walter de Gruyter & Co.

М.Г. Гусаков

КИМВРЫ И ТЕВТОНЫ ИЛИ «ПЕРВОЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЕ НАРОДОВ»

Статья посвящена одному событию в древней истории, которое много раз исследовалось и комментировалось, когда германские племена кимвры и тевтоны осуществили многолетнее перемещение в пространстве Центральной Европы, которое можно назвать «первым переселением народов». Они были разгромлены Римом, но это событие вызвало мощное движение других племен, особенно в сторону Восточной Европы, где образовалось много новых археологических культур. Среди них особое значение имеет зарубинецкая культура и её роль в истории Восточной Европы.

Ключевые слова: археологические культуры, племена, армия, варвары, миграции, погребальный обряд, фибулы, урны, кремация, хронология.

«Безголовые» археологические материалы дают не слишком много однозначных возможностей для исторических реконструкций, поэтому археологи зачастую не рискуют включать свои наблюдения в исторический контекст. На примере событий рубежа II–I веков до н.э. предпримем попытку преодолеть в какой-то мере этот недостаток, сознавая степень гипотетичности наших построений.

В истории давно себя зарекомендовал ретроспективный метод. Его принцип действия прост — от известного к неизвестному.

Михаил Георгиевич ГУСАКОВ — кандидат исторических наук, научный консультант «ООО Археологические изыскания в строительстве г. Москвы» 129090. Российская Федерация. Москва. — <https://passport.yandex.ru/> ; arheolog-rus@yandex.ru

Кажется, что это так просто, но на самом деле далеко не так. Чем дальше по хронологической шкале истории Европы, особенно древней, мы погружаемся в глубину веков, тем трудности все больше увеличиваются. Хорошо, если есть письменные источники, но и они оказываются бессильными и мало что могут нам предложить, когда мы имеем дело с огромными пространствами, где не было ни греков, ни римлян. Хорошо, когда есть «литературные хронометры», благодаря которым мы можем хотя бы краем глаза заглянуть «за кулисы всемирной древней истории». В археологии дело ещё плачевнее, здесь всё относительно, ибо мы не во всем можем безоговорочно доверять тому, что достаем из земли. Вся история как бы «висит на волоске». И дело здесь в самой археологии, в её сущности: чем толще напластования культурного слоя, тем крепче (подробнее) их связь с хронологией.

Искусство археолога строится на безоговорочном принципе: чем толще культурный слой, тем точнее археологическая хронологическая шкала, и тем больше усилий надо прилагать археологу в её расшифровке. Но чаще всего мы оперируем фрагментами хронологии, и наша задача состоит в том, чтобы «сшить» их в единый контекст. К тому же она заключается и в том, чтобы то, что мы знаем досконально поставить в цепь последовательных действий и соединить с тем, что «висит» в воздухе. Часто мы пробуем сделать это с помощью исторических событий, которые оставили по себе значительный след, и с их помощью проверяем то, что мы плохо знаем.

Представим, что перед нашими глазами прокручивается цепь событий, суть которых стала триггером для кардинального изменения, может быть мучительного перехода из одного функционального состояния в другое, которые приводят нас к новому повороту исторических событий. Итак, «триггерское» событие, о котором удивительным образом стало известно из письменных свидетельств, попробуем рассмотреть и сравнить последовательно, факт за фактом, с достаточно «темной» серией событий, которые мы регулярно наблюдаем на археологическом материале. Сказанное проверим на двух примерах — историческом и археологическом.

В последней четверти II в. до н.э. Римская республика на западе перешагнула через Альпы и подошла к границам Галлии. В это время вся западная часть Европы от Британии до Пиренеев, от Пан-

нонии до земель белгов и бойев на востоке (современная Бельгия и Чехия) — была занята многочисленными кельтскими племенами. С севера «мир кельтов» обрамляли племена германцев, которые в малой степени были известны кому-либо, в том числе даже самым информированным римским купцам. В то время Рим устремился на Балканы, последовательно завладев Македонией, Грецией, Далмацией, развязал Югуртинскую войну (111–105 гг. до н.э.) в Африке¹.

Но в эти годы Рим неожиданно столкнулся с огромным потоком переселенцев с севера Германии. Возмутителями спокойствия стали племена кимвров и тевтонов². Страбон о них пишет мало, отмечая главное — «происхождение их неизвестно». Плутарх сообщает немного больше «...их только вооруженных мужчин более 300 000 человек, а сколько женщин и детей — никто не считал»³. Кимвры проделали огромный путь, который близок 16 000 км. Тевтоны двигались иной дорогой⁴. Источники сообщают, что они не сразу дошли до предгорий Альп, а изрядно «помотались» по землям многих кельтских племен: бойев, таурисков, скордисков гельветов, секванов, белгов, адуатуков и многих других, и всех они громили и грабили, и увлекали за собой⁵. Перспектива встречи с этим «войском» была мало привлекательна, однако Рим привык всё решать быстро и немедленно давать отпор. Война началась в 113 г. до н.э., когда консул Гней Карбон в одном из горных проходов атаковал войско кимвров и был жестоко разбит. А далее события развивались следующим образом:

В 112–106 гг. до н.э. кимвры пошли дальше в Галлию и пробыли там недолго.

В 109 г. до н.э. новый консул Марк Юний Силан был разбит кимврами.

В 107 г. до н.э. кимвры и их союзники гельветы разбили войско Луция Кассия.

¹ Цезарь. 1948.

² Буданова В.П. 1991, 116–117, 192.

³ Страбон. 1994; Плутарх. 1987.

⁴ Путь тевтонов и их союзников лежал после выхода из Дании через земли Бельгии, востока Франции, в восточную Испанию и в западную Италию.

⁵ Плутарх. 1987; Страбон. 1994; Буданова В.П. 1991.

В 106 г. до н.э. консул Квинт Сервилий Цепион так же был разбит.

В 105 г. до н.э. (6 октября) Квинт Сервилий опять был разбит объединенными силами германцев и кельтов (кимвров, тевтонов, гельветов и амбронов) у кельтского поселения Араузиона. Тит Ливий и Орозий сообщают подробности ужасающего разгрома. Таких потерь Рим не нес со времен Канн⁶. Естественно количество убитых в разных источниках расходятся, и все же они поражают воображение своими цифрами. Разброс весьма велик от 70 000 чел. до 80 000 чел⁷. После битвы варвары ушли в Нарбонскую Галлию и оттуда в Испанию, но были изгнаны. Там же они соединились со вторым потоком «беженцев» — тевтонами, которые ушли в Галлию и Испанию и долго находились здесь, пока не вышли к берегам Средиземного моря.

Возникшая пауза в нападениях на Италию дала возможность римлянам поправить положение дел. После окончания войны в Африке Гай Марий в 107 г. до н.э. стал консулом. По всей Италии была объявлена «всеобщая тотальная мобилизация». В армию могли вступать неимущие пролетарии, рабы и гладиаторы. Так были созданы «новые войска», по своей сущности это уже было профессиональное войско, а не «добровольное ополчение крестьян» под руководством победителя Югурты. Марий брал в армию всех, кто мог держать оружие, увеличил срок службы тем, кто собирался уходить из армии и отменил имущественный ценз при наборе в армию. В самой структуре легиона были сделаны существенные пополнения отдельных войсковых единиц: ключевой единицей стала когорта. Новая армия вышла навстречу врагу. В 102 г. до н.э. объединенное войско варваров вошло в Италию. В битве при Аквах Секстиевых лагерь римлян выдержал несколько штурмов, затем Марий перешел в атаку, и после нескольких дней боёв одержал победу над тевтонами. Цифры погибших и взятых в плен сильно расходятся — от 100 000 до 200 000 человек. Кимвры, шедшие вдоль Альпийского хребта в обход, столкнулись со вторым консулом Квинтом Лутацием Катулом, который не смог сдержать натиска варваров и уступил им север Италии. В 101 г.

⁶ Орозий. 2004.

⁷ Тит Ливий. 1989; Орозий. 2004.

до н.э. вновь избранный консулом Гай Марий собрал все вооруженные силы и дал бой кимврам на Равдинском поле. Разброс в цифрах убитых и плененных и здесь велик — от 12 до 65 тыс. убитых и 60 тыс. плененных. Мы специально отметили упоминания римских авторов о количестве убитых и взятых в плен. Нет сомнения, что приводимые цифры, весьма относительны, и всё же они нам дают возможность оценить хотя бы количественный порядок людей, вовлеченных в события. По тем временам это большие цифры. Конечно, римские авторы считают не только тех, кто начал это движение по Европе, кимвров и тевтонов, но и тех, кого эти племена сдвинули с места в результате порабощения или союзничества.

Это противостояние, по всей видимости, заняло около 13 лет, то есть с 113 г. до н.э. — до 101 г. до н.э. Или, может быть с небольшими издержками, около 15 лет. Это время непосредственной встречи римлян с германцами и кельтами. А до 113 г. до н.э. сколько ушло времени на продвижение до предгорий Альп у кимвров и у тевтонов, ведь они шли разными дорогами? Они сошлись в 105 г. до н.э. Есть предположение, что они начали свое движение с территории современной Дании много раньше. Но об этом несколько позже, а сейчас стоит напомнить о последствиях этого огромного по масштабам события, но уже на территории Восточной Европы в границах современной Белоруссии и Украины.

На большом расстоянии от земель, на которых развернулось «кимврское шествие», произошли события может быть не меньшего масштаба, чем те, о которых мы только что описали. Эти события так спрятаны и завуалированы историей, что мы можем о них говорить пока предположительно. Это обусловлено состоянием наших источников и значительной долей сомнения в их хронологической последовательности. Речь идет о материалах археологии эпохи Латена в Восточной Европе, т.е. в тех местах, которые мы достаточно хорошо знаем по раскопкам. Следует кратко представить экспозицию пространства, о котором пойдет речь.

Место действия весьма огромно и почти сравнимо по площади с тем, где прошли кимвры и тевтоны. Север ограничен течением реки Западная Двина. Основное пространство занято бассейном Днепра, где с запада бассейн Припяти, с востока бассейны Десны и Сейма, южная граница проходит по берегу Черного и Азовского

морей, включая Крымский полуостров. С юго-западной части этого пространства надо прибавить бассейны Днестра и Прута, на северо-западе — верховья рек Западного Буга и Немана.

II в. до н.э. стал переломным моментом в истории Восточной Европы. В отечественной археологии в послевоенные годы активно разрабатывалась тема изучения эпохи Латена. Археологическим раскопкам подверглись многочисленные памятники, которые были открыты в результате крупномасштабных работ по строительству цепи водохранилищ на Днестре в 1950–1970 гг. Речь идет о таких культурах, как: милоградская, культура штрихованной керамики, юхновская, днепро-двинская, зарубинецкая, киевская и черняховская. Наибольший резонанс в исторической науке произвели археологические культуры: зарубинецкая и черняховская. Все остальные достаточно легко вписались в автохтонные культуры и особых дискуссий не вызвали, тогда как зарубинецкая и черняховская возбудили многолетние, очень резкие споры и суждения, подчас исключаящие друг друга. Вот и остановимся на этой теме подробнее. Мы должны сразу оговориться, что все рассуждения вокруг происхождения этих культур были связаны с глубинным вопросом, кто оставил эти древности — славяне или готы? Естественно, все научное сословие, которое было вовлечено в это обсуждение, разделилось на два лагеря. Дискуссия длилась более 40 лет, однако с распадом СССР — все разговоры на эту тему затихли. Что же осталось в сухом остатке? Сегодня практически нет сомнений, что зарубинецкая культура корнями своими уходит в поморскую культуру или в культуры, расположенные в правобережье Вислы. Оттуда по реке Западный Буг она спустилась до устья Припяти и расселилась вплоть до её впадения в Днепр севернее Киева. Другими словами, зарубинецкая культура явно пришлая. И здесь возникает вопрос, что послужило причиной, что население северной части Польши было вынуждено покинуть место своего обитания?

И снова мы возвращаемся к первой части нашей статьи, к движению кимвров по Европе и к результатам этого движения. Мы твердо знаем, что кимвры и тевтоны вышли с территории Дании и шли через весь полуостров на юг. Заметим, что эта часть движения нам совершенно неизвестна исторически! Римские авторы ничего не знают и едва догадываются о том, что послужило

толчком к массовому движению. Есть предположения, что трансгрессия моря вытеснила людей⁸. Не исключено, что движение начали одни, а в историю вошли другие. Римские письменные свидетельства называют только кимвров и тевтонов, но где они жили изначально — нам не известно. Но помимо севера Дании есть ещё многочисленные острова и Скандия — южная оконечность Швеции. И житьё в этих краях в те времена — не подарок. Совершенно ясно, что, пройдя весь полуостров, они вышли в земли северной Германии и Польши и дальше по Эльбе или Одру прошли до мест обитания бойев (на территории нынешней Чехии), где и стали известны римлянам. Страбон достаточно подробно, пусть даже с чужих слов, сообщает о столкновении бойев с кимврами и изгнании последних из своих земель⁹. Итак, если считать по карте, они прошли в общей сложности 16 000 км. На самом деле цифра эта будет много больше. Встает вопрос, когда они вышли? И можно ли проделать такой маршрут за 13 лет (дата о первом упоминании кимвров 113 г. до н.э.)? Думаю, что с таким количеством населения — невозможно. Но, если эти сведения точны, то они проходили в год 1230 км! Это по 102,5 км в месяц — фантастика! Пешком с детьми, женами и стариками почти миллион человек в движении — это маловероятно?

Второй момент, все движения в древности проходили по рекам или вдоль рек по берегу, наверняка, где-то они побирались, а где-то отнимали или просто грабили местное население, то есть вступали в столкновения (мы знаем, что бои их прогнали). Значит, они в свою очередь являлись толчком для тех, кто жил на пути их миграции. В свою очередь, тот, кто снимался с насиженного места, толкал других и так этот «принцип домино» действовал во II в. до н.э. Может быть всё началось в первой половине II в. до н.э., тогда мы приближаемся к дате, которая определяет пребывание «зарубинцев» на Припяти. По меткому выражению М.Б. Щукина:

«Все эти культуры от Балтики до Карпат, Днестра и Дуная, при наличии определенных различий, обладают и общими чертами: их носители пользуются фибулами и оружием кельтского образца, у них исключительно лепная керамика (лишь иногда используется поворотная подставка), чернолощенная или наро-

⁸ Страбон. 1994, 268–269; Плутарх. 1987.

⁹ Страбон. 1994, 184–187, 268–269.

чито ошершавленная — «хрповатая», они хоронят своих со-родичей в больших могильниках и почти исключительно по обряду трупосожжения (кремация). Эти общие черты заметно отличают их от соседей — кельтов, гето-даков, сарматов и скифов, а также от жителей лесной зоны Восточной Европы»¹⁰.

Вспомним, что этими маршрутами по Висле — Сану — Днестру — Пруту — ходили бастарны (германцы, или кельты?) в III в. до н.э.¹¹.

А теперь перейдем к последствиям этих европейских «перемещений». Кто вынужден был уйти с места первичного обитания в Восточной Европе? На наш взгляд, такое огромное событие как массовое движение кимвров и тевтонов не могло бесследно пройти для соседей, в частности тех, кто жил вдоль Одры, Вислы, и Днепра. Заметим, что европейцев, особенно северных, совершенно не интересовали огромные лесные массивы Восточной Европы, и север их не интересовал тоже, они стремились на юг и юго-восток и достаточно точно следовали этому направлению, в частности в направлении Висла — Западный Буг — Припять — Днепр — до порогов, а далее, как получится. Путь вел в Крым или второй конечной точкой было гирло Дуная — остров Певка, из Припяти и по Горыни до речек, впадающих с севера в Днестр, а там и до Дуная можно дойти...

В конце XIX (1898 г.) века В.В. Хвойка под Киевом вскрыл несколько погребений, характер погребального обряда которых сразу вызвал волну толкований и разночтений. Так возникла многолетняя дискуссия о присутствии германских племен на территории Российской империи (Украины). Острота дискуссии фокусировалась вокруг вопроса, относятся ли найденные древности к раннеславянским и могут ли они служить предметом изучения истории славян. Наряду с этим, ключевым вопросом, шла дискуссия о хронологии этих древностей и поиски новых памятников. В спор резко вступили немецкие историки и археологи: Г. Коссинна, П. Райнеке и К. Такенберг. Они восторженно встретили первые публикации и единодушно объявили, что обнаруженные в Поднепровье погребения — оставлены германскими племенами —

¹⁰ Шукун М.Б. 1999, 141.

¹¹ Буданова В.П. 1991, 44–45.

готами¹². Русские археологи А.А. Спицын, Ю.В. Готье и В.А. Городцов не смогли найти в то время достаточно веских и объективных аргументов, чтобы парировать выводы немецких ученых. И чтобы сгладить остроту проблемы, А.А. Спицын объявил, что эти памятники относятся к эпохе «полей погребальных урн»¹³. В.А. Городцов отнес их к «славяно-германской семье»¹⁴. Ю.В. Готье писал, что «вопрос, открыт и в нём много загадочного и при теперешнем состоянии наших знаний он не может быть разрешен в утвердительном смысле»¹⁵. Другого мнения быть не могло, русская археология тогда впервые столкнулась с подобными памятниками, и четкого мнения на сей счет ни у кого не было.

Сегодня вряд ли найдется человек, помнящий досконально, о чем шел спор, кроме тех, кто в те времена ходил «в коротких штанишках». Сегодня острота проблемы растворилась и приняла вид прозрачного раствора, только вкус этой воды отдает слабой горечью былых баталий. И горечь в том, что до сих пор неясно ради чего «боролись», зачем сходились «врукопашную», и почему делили людей «на своих и чужих». Сегодня, очевидно, всё это было напрасно. В пылу спора никто не заметил, как на берегах Вислы тихо и без ажиотации сложилась и обрела четкие контуры концепция «праславянской прародины». Так для всего европейского мира родиной славян стала Польша (с 1918 г.), а не Украина или Белоруссия и уж тем более не Россия. Справедливости ради надо сказать, что параллельно и независимо от исследований в СССР, аналогичная борьба шла за «происхождение славян» в Польше, которая после Первой мировой войны стала независимым государством, между польскими учеными во главе с Ю. Костшевским и немецкой школой Г. Коссинны. Поляки создали достаточно стройную концепцию происхождения и формирования «венедской» культуры славян на территории между Одрой и Вислой или, как эта гипотеза вошла в мировую историческую практику, под названием — «висло-одерская» прародина славян. Идею Ю. Костшевского деятельно поддержал известный польский славист Т. Лер-

¹² *Kossinna. G. 1902; Reinecke. P. 1906; Takenberg K. 1929.*

¹³ *Спицын А.А. 1948, 56.*

¹⁴ *Городцов В.А. 1910, 403.*

¹⁵ *Готье Ю.В. 1930, 16.*

Сплавинский. Эта концепция продержалась до начала 80-х годов прошлого века. Но совершенно неожиданно для многих исследователей из Польши прозвучал голос К. Годловского, который объявил вслед за П.Н. Третьяковым и И. Вернером, что истоки славянства надо искать в Верхнем Поднепровье и основа этого поиска была — зарубинецкая культура¹⁶. Надо сказать, что гипотеза о «славянстве» зарубинецкой культуры не нова. Она очень деятельно отстаивалась ещё Л. Нидерле и В.В. Хвойко и, впоследствии, советскими археологами В.Д. Бараном, М.Ю. Брайчевским, И.И. Винокуром, Е.В. Максимовым, Э.А. Симоновичем и др. Ю.В. Кухаренко внес огромный вклад в изучение зарубинецкой культуры не только своими раскопками в Припятском Полесье, но и удивительно четкой и полноценной публикацией материалов раскопок¹⁷. Он долго придерживался общего мнения о «славянском» происхождении зарубинецкой культуры, но по мере увеличения раскопочного материала пришел к выводу, что западная группа этой культуры (Полесская) сохранила свою независимость вплоть до прихода готов¹⁸. В основе всех аргументов лежала идея движения из Полесья в Среднее Поднепровье, но «в результате неизвестных причин» в начале I в. н.э., движение повернуло на север — в Верхнее Поднепровье¹⁹. Далее оформилась концепция киевской культуры, которая в III–V вв. н.э. возникла на базе позднезарубинецких поселенцев²⁰. Этим гипотезам противостояла гипотеза происхождения зарубинецкой культуры выдвинутая В.В. Седовым. Он утверждал, что зарубинецкие племена принадлежали балтам, правда, спустя много лет он поменял свою точку зрения²¹. В 1960-х гг., в связи с выходом работ Д.А. Мачинского, возникла дискуссия о принадлежности к зарубинецким древностям ещё одной археологической группы — прутско-днестровской, представленной материалами культуры Поянешти-Лукашевка. Д.А. Мачинский рас-

¹⁶ Третьяков П.Н. 1970; Вернер И. 1972; Godlowski K. Z. 1979.

¹⁷ Кухаренко Ю.В. 1964.

¹⁸ Кухаренко Ю.В. 1964, 5.

¹⁹ В качестве возможных причин исхода части «зарубинцев» на север, высказывалась идея продвижения в украинские степи сарматских племен или экономического кризиса.

²⁰ Тертиловский Р.В. 2004.

²¹ Седов В.В. 1970, 2005.

смастривал её как четвертую группу зарубинецкой культуры²². Ю.В. Кухаренко не относил к зарубинецким памятники Верхнего Подесенья, Побужья и Поднестровья²³.

На мой взгляд, главным активным деятелем по изучению эпохи Раннего Железа (включавшего множество археологических культур, в том числе зарубинецкую), был П.Н. Третьяков. По его мнению, происхождение зарубинецкой культуры никак не было связано с местными культурами. Напротив, по мере её продвижения в неё вливались представители местных культур. Это был конгломерат из потомков лужицко-поморских племен, милоградских, тшинецко-комаровских, белогрудовских, чернолесских культур, традиции которых прослеживаются в зарубинецких памятниках²⁴.

Киевский археолог Е.В. Максимов, исследовавший многие памятники зарубинецкой культуры, рассматривал её как историческое новообразование. По его мнению, это был симбиоз многочисленных культур, возникших в результате движения из прародины в новые места обитания, интеграции локальных вариантов поздне-поморской, подклешевых позднелужицких, жившими в междуречье Буга и Припяти, милоградских и подгорцевских культур Верхнего и Среднего Поднепровья. Основываясь на находках обломков античных амфор на поселениях Среднего Поднепровья и считая возможным «удревнить» время появления некоторых типов фибул, Е.В. Максимов относил сложение зарубинецкой культуры к концу III в. до н.э., что, на мой взгляд, весьма сомнительно. Были разные мнения о происхождении и этнической принадлежности зарубинецкой культуры, но все растворилось в пространстве и времени... Остались вопросы.

В 1978 г. Ю.В. Кухаренко написал статью о зарубинецких памятниках Подолии, где четко высказался о принадлежности их к «бастарнам», т.е. к археологической культуре Поянешти-Лукашевка²⁵. М.Б. Щукин, ещё с 1960-х годов был совершенно уверен, что бастарны и археологическая зарубинецкая культура —

²² *Мачинский Д.А.* 1963;1966а, б; 1973.

²³ *Кухаренко Ю.В.* 1978.

²⁴ *Третьяков П.Н.* 1966, 213–219.

²⁵ *Кухаренко Ю.В.* 1978.

суть одно и то же. Эта мысль напрямую относится и к культуре Поянешти-Лукашевка²⁶.

Здесь следует сказать о «материальной базе» зарубинецкой культуры более подробно. Состояние дел в ее исследовании таково: к настоящему времени уже известно около 500 памятников, поселений и могильников²⁷. Раскопано и опубликовано более 1500 погребений.

Зарубинецкая культура просуществовала сравнительно недолго. Появившись в конце I-го тысячелетия до н.э. в районах Полесья, Среднего и Верхнего течения Днепра, она в I в. н.э. исчезает, оставив значительный след в сопредельных северных археологических культурах²⁸. Сегодня мы располагаем информацией о значительном расселении «зарубинцев» на большой территории, куда входят бассейны рек Припяти, Днепра и Южного Буга.

В изучении культуры можно выделить три главные проблемы: первая — время формирования культуры на территории Восточной Европы, т.е. появление культуры; вторая — хронология инвентаря; третья — кто носители культуры (этнос). Попытаемся кратко ответить на эти три вопроса.

С V–III вв. д. н.э. в Юго-Восточной Европе развернулось значительное по масштабам движение кельтских племен от верховьев Дуная и Рейна на Балканы и до Греции. Движение кельтов шло по левому берегу Дуная²⁹. Период кельтской экспансии длился более трех столетий. Одновременно с этим источники сообщают о продвижении германских племен под именем «бастарны» в устье Дуная, по Висле — Сану — Днестру — Пруту³⁰. В археологии это движение может быть отождествлено — с культурой Поянешти-Лукашевка³¹. Бастарны стали известны историкам ещё в III в. до н.э.

Историк Помпей Трог сообщает, что между 233–229 гг. до н.э. бастарны в период римско-македонских войн перемещались по землям восточнее Балкан. Деметрий из Каллатиса помещает бастарнов

²⁶ *Мачинский Д.А.* 1966а, б; *Щукин М.Б.* 1994, 1999.

²⁷ *Кухаренко Ю.В.* 1964; *Максимов Е.В.* 1993.

²⁸ *Седов В.В.* 1970, 2005; *Тертиловский Р.В.* 2004.

²⁹ *Шкунаев С.В.* 1988, 492–503; *Колосовская Ю.К.* 1988, 504–512.

³⁰ *Страбон.* 1994.

³¹ *Мачинский Д.А.* 1966.

в низовье Дуная в 216 г. до н.э. Тит Ливий под датами 182–179 гг. до н.э. сообщает, что было послано посольство Македонского царя Филиппа V к бастарнам, чтобы склонить их к союзу против Рима. Орозий под датой 175 г. до н.э. сообщает, что против дарданов (на Балканах) действовал отряд бастарнов под руководством Клондика. В течение первого века до н.э. бастарны являлись постоянными союзниками боспорских городов в борьбе с Римом³².

По общему мнению, появление зарубинецкой культуры в пределах Восточной Европы произошло во II в. до н.э. К сожалению, письменные источники ничего не сообщают об этом. Однако, второй не менее известный в письменной исторической традиции миграционный процесс в Европе был зафиксирован под датами II–I вв. до н.э.³³ Это было движение кимвров и тевтонов³⁴. М.Б. Щукин считал, что движение началось ещё в III в. до н.э. и шло по Эльбе, что привело в движение племена, населявшие эти места³⁵. Они в свою очередь, возможно, сдвинули племена, населявшие Одер и другие, жившие до Вислы. М.Б. Щукин обращает внимание на то, что тевтоны и кимвры были германцами, но при этом сильно кельтизированными³⁶.

Мы уже отмечали, что из вещевого набора можно выделить наиболее многочисленные находки. Это урны и бытовая посуда (более 1000 ед.), фибулы (660 ед.), предметы украшений. Оружия в погребениях практически не было.

Сразу отметим, что основной материал для датировки представлен фибулами из погребений.

«...Что касается фибул ранней и среднелатенской схемы, то их датировку вместе с периодизацией самого латенского периода европейские исследователи пересматривали несколько раз, то «умолаживая», то «удревняя» их в пределах от 25 до 75 лет. Ряд европейских исследователей (Й. Тодорович, З. Возняк, В. Зирра и др.) «удревнили» границы между отдельными хронологическими фазами латена на 25–50 лет по сравнению с

³² Щукин М.Б. 1994, 1999, 2005.

³³ Шеллов-Коведяев Ф.В. 1994.

³⁴ Плутарх. 1987; Страбон. 1994.

³⁵ Щукин М.Б. 1994.

³⁶ Щукин М.Б. 1994.

принятой ранее схемой Я. Филипа. К.В. Каспарова отнесла ранние фибулы зарубинецких могильников ко второй четверти II в. до н.э.³⁷ Эта дата уже близка к последней трети III в. до н.э., т.е. к периоду, который устанавливается для ранних зарубинецких поселений на основании амфорного материала...»³⁸.

Всегда удивляет, как часто пытаются «удревнить» материал, но на самом деле мы имеем дело с хронологическим диапазоном «от и до». Мы всегда должны помнить, что наш объект (артефакт) живет в диапазоне, точной даты у него нет!

Определение времени появления зарубинецкой культуры до сих пор не получило общепризнанного решения. Причину такого положения следует искать в расхождениях между датировками фибул и античной амфорной тары. Первые являются обычным хронологическим эталоном для зарубинецких могильников, и у них есть дериваты (т.е. подражания образцам), как далеко отстоят во времени эти подражания вычислить невозможно. Обломки амфор используются при датировках поселений Среднего Поднепровья, однако неодолимая страсть археологов — удревнять памятник и его материал оказывает плохую услугу — мы ошибаемся. Возможно, причина ошибки в датировании, кроется в сравнительно плохо стратифицированном культурном слое на городищах и поселениях, где материалы разных эпох перемешаны, тогда как в погребениях обломков амфор нет! Следовательно, мы не можем полностью опираться на этот материал, что снимает часть вопросов хронологии в южных районах Поднепровья. Я вполне согласен с достаточно корректной датировкой, которая прозвучала в 1993 г. на основе типологии и корреляции фибул и керамики³⁹.

ХРОНОЛОГИЯ ПОЛЕСЬЯ (Табл. I)

1. фаза 190–120 гг. до н.э. (ср. зн. 155 г. до н.э.)
2. фаза 120–60 гг. до н.э. (ср. зн. 90 г. до н.э.)
3. фаза 60–10 гг. до н.э. (ср. зн. 35 г. до н.э.)
4. фаза 10 гг. до н.э. – 40 г. н.э. (25 г. н.э.)

³⁷ Каспарова К.В. 1981, 63.

³⁸ Обломский А.М. 1993.

³⁹ Русанова И.П., Максимов Е.В. 1993.

ХРОНОЛОГИЯ ВЕРХНЕГО ПОДНЕПРОВЬЯ (Табл. II)

1. фаза 275 г. до н.э. – 200 г. до н.э. (ср. зн. 232 г. до н.э.)
2. фаза 200 г. до н.э. – 100 г. до н.э. (ср. зн. 150 г. до н.э.)
3. фаза 75 г. до н.э. – 25 г. н.э. (ср. зн. 25 г. до н.э.)
4. фаза 25 н.э. – 100 г. н.э. (ср. зн. 65 г. н.э.)

Третья локальная группа зарубинецкой культуры — Среднеподнепровская по своим характеристикам похожа на группу из Верхнего Поднепровья, с той лишь разницей, что нижние даты получены по осколкам амфор. Но хочу еще раз обратить внимание на тот факт, что это «размытые даты», это всего лишь хронологические диапазоны. На самом деле их можно представить в усредненном виде (см. цифры в скобках). Их величины намного сужают хронологическую базу и дают нам более четкое представление о времени. К сожалению, кроме фибул у нас почти нет других хронологических индикаторов (за редким исключением, но это уникальные вещи).

Большинство фибул (скрепленные, с треугольным концом) относятся к латенскому периоду, остальные (подвязные, глазчатые и т.д.) — к провинциально-римским.

Ранние фибулы — «расчлененные» с восьмеркообразной спинкой и с двумя шариками на конце ножки. Их очень мало, буквально единицы. Они известны в юго-восточных областях латенской культуры, среди материалов ясторфской и пшеворской культур, датированных началом II в. до н.э.⁴⁰ Мне представляется, что эти фибулы либо принадлежали «старикам», либо были в качестве содержимого погребальных урн «предков», которые несли родственники в «новые» земли.

Самую большую группу составляют фибулы среднелатенской схемы, это т.н. фибулы скрепленной конструкции, в том числе и «копьевидные» фибулы. Наиболее характерными для зарубинецкой культуры являются проволочные фибулы, конец ножки которых загнут на спинку и скреплен в виде «лапки». Впоследствии он был расплющен в треугольную пластину, расширяющуюся к головке фибулы. Эти фибулы с треугольным щитком рассматривают как специфическую форму и называют «зарубинецкими». Они найдены

⁴⁰ Каспарова К.В. 1981, 63; 1984, 115. Рис. 5.

в всех местах обитания зарубинцев. Исследования подтвердили, что время бытования среднелатенских фибул II–I вв. до н.э.

Второй достаточно многочисленной группой были фибулы раннеримской конструкции с рамчатым или сплошным приемником. В настоящий момент существует несколько типологий зарубинецких фибул, но общей типологии, где были бы учтены все их типы и варианты пока нет. По-видимому, решение этой проблемы впереди. В конце I в. до н.э. и в начале I в. н.э. территория зарубинецкой культуры в Среднем Поднепровье значительно расширяется, памятники зарубинецкой культуры появляются в Южном Побужье. В это время распространяются «рамчатые» и «воинские» фибулы, они датируются временем 10 г. н.э., — 20–40 гг. н.э.⁴¹

Главная отличительная черта памятников зарубинецкой культуры от других культур — это некрополи с кремацией⁴². Других погребений нет. Именно они сближают эту культуру с западными и северными культурами Эльбы, Одры и Вислы. Удивителен факт, что в погребениях нет оружия, в отличие от германских древностей. И ещё один аргумент в пользу родства этих древностей, при нанесении на карту материалов из погребений удивительно хорошо читается линия движения археологических артефактов с территории Дании и Северной Германии, через северные и центральные воеводства Польши (Щецинское, Кошалинское, Гданьское, Варшавское, Люблинское): первый путь — на территорию бассейнов Припяти и Днепра; второй — по Сану к Днестру и Пруту⁴³.

На мой взгляд, археологические данные противоречат тому, что поход кимвров и тевтонов длился всего 13 лет. Сразу же оговорюсь, что довольно трудно согласиться с этими датами, ибо они, по-моему мнению, слишком узки для такого события. Страбон описывает его спустя 150 лет, Плутарх через 220–230 лет, Орозий отстоит ещё дальше. Возможно, эти события отразились в более ранних источниках, но они до нас не дошли. Возникает вопрос, по какому календарю велся счет времени? Вероятно, от сотворения Рима. Начну с того, что воины и сопровождающие их женщины, дети и старики не могут двигаться со скоростью армии Рима. Это

⁴¹ Русанова И.П., Максимов Е.В. 1993.

⁴² Гусаков М.Г. 2005.

⁴³ Пачкова С.П. 2006, 71–93.

был неорганизованный людской поток, который состоял из всех желающих сразиться с Римом, но 2 / 3 этого «воинства» были старики, жены дети, рабы, слуги, и они шли в своем ритме. Напротив, вооруженные соплеменники шли отдельно и реагировали на все действия римлян адекватно их маневрам. Это была отдельная война, она и дала нам неожиданные поражения римлян, забывших о том, чему они долго учились. Но против них была армия варваров, состоявшая из сверхактивных людей, мечтавших не только о военной добыче, а о новых землях для своих семей. Римские солдаты же мечтали дожить до пенсии и стать землевладельцами: их собственность защищали римские законы и государство.

Мощный человеческий поток, обрушившихся во II в. до н.э. на южный берег Балтии, где обитали прибалтийские племена, до этого едва сводившие здесь концы с концами. Здесь неплодородные песчаные земли. Именно их скудость привела всех в движение, и эта лавина двинулась на юг, по двум рекам одновременно, по Одре и Висле. И все, кто проживали на их пути, сдвинулись с места и отправились к большим притокам Западного Буга и Сана. Было два пути: первый по Западному Бугу в Припять, далее по Днепру (Борисфену) до гирла, а потом до Сивашей и Крыма. Второй путь был автономный: по Висле — в Сан — в Днестр и до Понта Эвксинского, или до гирла Дуная. Так сложилось два потока. Первый «кельтский поход» проделали бастарны в III в. до н.э. И во втором случае от толчка кимвров и тевтонов во II в. до н.э. произошел аналогичный поход. Возможно, он был с большим количеством участников и более «интернациональным». В нем участвовали не только германцы, но и кельты, и, вероятно, балты и славяне.

Через Восточную Европу двигались многие племена, начиная с представителей культуры шаровых амфор и фатьяновцев. Эти пути были давно известны и многие племена пользовались ими. Но с VIII в. до н.э. в степях появились сменяющие друг друга «разбойники и активные убийцы» — киммерийцы, скифы, сарматы, сменившие скифов в II–I вв. до н.э. И чтобы проследовать в Крым, надо было пройти сквозь отряды степных племен.

А теперь попробуем представить, когда же «зарубинцы» могли прийти в те места, где их «открывает» археология? У меня нет сомнений в том, что это произошло во второй половине II в. до н.э.

Это был достаточно быстрый и мгновенный проход зарубинцев по Припяти и дальше к Борисфену, но на юг дорога была закрыта сарматами и пришлось поворачивать на север, где возникла верхнеднепровская группа зарубинецкой культуры (Чаплин и др. памятники). Нет сомнения в том, что первоначальным толчком этого восточного потока были кимвры и тевтоны, но они шли в Рим, а вот их «сотоварищи» в Рим не рвались, у них была другая цель — Крым (Ойюм, по Иордану). Открытие позднезарубинецких памятников имеет существенное значение для определения этнического лица зарубинецкого населения. П.Н. Третьяков был совершенно уверен, что эти памятники были прямым продолжением зарубинецких⁴⁴. К позднезарубинецким памятникам, по П.Н. Третьякову, непосредственно примыкают памятники киевской культуры, являвшиеся в свою очередь генетическими предшественниками славянской культуры типа Пеньковки. На севере, в Верхнем Поднепровье, потомкам зарубинецкого населения принадлежали памятники типа Колочина⁴⁵. Именно П.Н. Третьяков в результате своих изысканий построил единую цепь происхождения культур от зарубинецкой до ранних славян⁴⁶.

Происхождение зарубинецкой культуры до сих пор дискуссионно. Сейчас не вызывает особых возражений мнение, что генезис зарубинецкой культуры был процессом сложным, отразившим особенности как внутреннего развития местного населения, так и действие внешних обстоятельств, явившись отражением движения племен в Центральной Европы. В истории археологии достаточно много примеров, где мы можем проверить археологию письменной историей, нужно только внимательней взглянуть в прошлое.

⁴⁴ Третьяков П.Н. 1974; 1982, 58, 59.

⁴⁵ Третьяков П.Н. 1974; 1982, 62–69.

⁴⁶ Третьяков П.Н. 1974, 3–10.

ЛИТЕРАТУРА

- Орозий Павел.* История против язычников. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2004. I–VII.
- Плутарх.* Пирр и Гай Марий // Избранные жизнеописания. М., 1987. I, 471–550.
- Страбон.* География. В 17 книгах. М., 1994. V. 1.8; VII. 2.
- Тацит Корнелий.* Анналы. Малые произведения. Л., 1969. I–II.
- Тит Ливий.* История Рима от основания города. М. 1989. I. 63, 65, 67, 68.
- Флор Луций Анней* — историк Древнего Рима / Пер. Немировский А.И., Дашкова М.Ф. Воронеж, 1977.
- Цезарь Гай Юлий.* Записки Юлия Цезаря о галльской войне, о гражданской войне, об александрийской войне, об африканской войне. М. – Л., 1948.
- Амброз А.К.* 1966: Фибулы юга европейской части СССР // САИ. Вып. Д 1–30.
- Буданова В.П.* 1991: Этнонимия племен Западной Европы: рубеж античности и средневековья. М.
- Готье Ю.В.* 1930: Железный век в Восточной Европе. М.–Л.
- Гусаков М.Г.* 2005: К вопросу о происхождении обряда сожжения в урне и без неё // Теоретические и методические подходы к изучению погребального обряда в современной археологии. Тезисы докладов всесоюзной научной конференции. М., 31–32.
- Еременко В.Е., Шукин М.Б.* 1992: Кимвры, тевтоны, кельто-скифы и некоторые проблемы хронологии рубежа среднего и позднего Латена // Проблемы хронологии эпохи Латена и римского времени. СПб.
- Каспарова К.В.* 1984: Зарубинецкая культура в хронологической системе культур эпохи Латена // АСГЭ. Вып. 25.
- Каспарова К.В.* 1981: Роль юго-западных связей в процессе формирования зарубинецкой культуры // СА. № 2. 57–79.
- Колосовская Ю.К.* 1988: Кельты, иллирийцы, фракийцы на Дунае в V–I вв. до н.э. // История Европы. Древняя Европа. М., Т. 1. 504–512.
- Кухаренко Ю.В.* 1964: Зарубинецкая культура // САИ. М., Вып. Д 1-19.
- Максимов Е.В.* 1978: Зарубинецкая культура // Проблемы этногенеза славян. Киев.
- Максимов Е.В.* 1982: Зарубинецкая культура на территории УССР. Киев, 3–175.

- Максимов Е.В.* 1993: Зарубинецкая культура. Могильники. Периодизация и хронология // Археология СССР. Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н.э. – первой половине I тысячелетия н.э. М. 85–93.
- Мачинский Д.А.* 1963: О хронологии некоторых типов вещей зарубинецкой культуры, и одновременных ей культур // КСИА. М. Вып. 94. 20–28.
- Мачинский Д.А.* 1966а: К вопросу о датировке, происхождении и этнической принадлежности памятников типа Поянешты-Лукашевка // Археология Старого и Нового Света. М.
- Мачинский Д. А.* 1966б: К вопросу о происхождении зарубинецкой культуры // КСИА. М. Вып.107. 3–8.
- Мачинский Д.А.* 1956: Кельты на землях к востоку от Карпат // АСГЭ. Вып.15.
- Нидерле Л.* 1956: Славянские древности. М.: «Иностранная литература», 127–145.
- Никитина В.Б.* 1965: Памятники поморской культуры в Белоруссии и на Украине // СА. № 1. 196–197.
- Обломский А.М.* 1993: Поздnezарубинецкие памятники // Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н.э. — первой половине I тысячелетия н.э. (Сер. «Археология СССР»). М., гл. 2.
- Пачкова С.П.* 2006: Зарубинецкая культура и латинизированные культуры Европы. Киев.
- Русанова И.П., Максимов Е.В.* 1993: Зарубинецкая культура // Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н.э. — первой половине I тысячелетия н.э. (Сер. «Археология СССР»). М., гл. 1.
- Седов В.В.* 1970: Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья // МИА. № 163.
- Седов В.В.* 2005: Славяне. Древнерусская народность // Избранные труды. М.
- Спицын А.А.* 1948: Поля погребальных урн // СА. Т. X, 56. М.
- Терпиловский Р.В.* 2004: Славяне Поднепровья в первой половине I тысячелетия н.э. // Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej. Lublin.
- Третьяков П.Н.* 1966: Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.
- Третьяков П.Н.* 1974: Древности второй и третьей четвертей 1 тыс. н.э. в Верхнем и Среднем Подесенье // Раннесредневековые восточнославянские древности. М. – Л., 40–118.

- Филипп Я.* 1961: Кельтская цивилизация и её наследие. Прага.
- Хвойка В.В.* 1901: Поля погребений в Среднем Поднепровье // ЗРАО. Т.12. Вып.1/2. СПб.
- Шеллов-Коведяев Ф.В.* 1994: Плиний. Тацит. Птолемей // Свод древнейших письменных известий о славянах. Том I (I–VI вв.). М., 18–62.
- Шкунаев С.В.* 1988: Кельты в Западной Европе в V–I вв. // История Европы. Древняя Европа. М. Т.1. 492–503.
- Щукин М.Б.* 1994: На рубеже эр. СПб.
- Щукин М.Б.* 1999: Забытые бастарны // «STRATUM». СПб, Кишинев, Одесса, 75–90.
- Щукин М.Б.* 2005: Готский путь. СПб.
- Godlowski K.* 1979: Z badan nad zagadnieniem rozprestrzenia slowian w V–VII w.n.e. Krakow.
- Kossinna G.* 1927: Ursprung und Verbreitung der Germanen in vor- und fruhgeschichtlicher Zeit. Leipzig // Mannus-Bibliotek Nr. 6. Leipzig.
- Reinecke P.* 1906: Graberfelder vom Ende der Latenzzeit und aus der jungeren Keiserzeit im Gouv. Kiev // Meinzer Zeitschrift. Meinz, 43–56.
- Tackenberg K.* 1929: Die Bastamen. München.

Mikhail G. GUSAKOV

CIMBRI AND TEUTONS OR «THE FIRST GREAT MIGRATION»

The article is devoted to an event in ancient history, which has been studied and commented on many times, when the Germanic tribes of the Cimbri and Teutons carried out a long-term movement in the space of Central Europe, which can be called the “first migration of peoples”. They were defeated by Rome, but this event caused a powerful movement of other tribes, especially towards Eastern Europe, where many new archaeological cultures were formed. Among them, a special place is occupied by the Zarubinet culture and its place in the history of Eastern Europe.

Keywords: archaeological cultures, tribes, army, barbarians, migrations, funeral rite, fibulae, urns, cremation, chronology.

Mikhail G. GUSAKOV— PhD (History), Scientific Consultant «LLC Arctee: logical Research in the Construction of Moscow». Moscow, Russian Federation. — <https://passport.yandex.ru/> ; arheolog-rus@yandex.ru

REFERENCES

- Flor Lutcii` Annei` — istorik Drevnego Rima / Per. Nemirovskii` A.I., Dashkova M.F. Voronezh, 1977.
- Orozii` Pavel. Istoriia protiv iazy`chnikov. SPb.: Izdatel`stvo Olega Aby`shko, 2004. I–VII.
- Plutarkh. Pirr i Guy Marii` // Izbranny`e zhizneopisaniia. M., 1987. I, 471–550.
- Strabon. Geografiia. V 17 knigakh. M., 1994. V. 1.8; VII. 2.
- Tatcit Cornelius. Annaly`. Maly`e proizvedeniia. L., 1969. I–II.
- T`Cezar` Guy Iulii`. Zapiski Iuliiia T`Cezaria o gall`skoi` voi`ne, o grazhdanskoii` voi`ne, ob aleksandrii`skoi` voi`ne, ob afrikanskoii` voi`ne. M-L., 1948.
- Tit Leevii`. Istoriia Rima ot osnovaniia goroda. M. 1989. I. 63, 65, 67, 68.
- Ambroz A.K. 1966: Fibuly` iuga evropei`skoi` chasti SSSR // SAI. Vy`p. D 1–30.
- Budanova V.P. 1991: E`tnonimiia plemen Zapadnoi` Evropy`: rubezh antichnosti i srednevekov`ia. M.
- Casparova K.V. 1984: Zarubinetckaia kul`tura v khronologicheskoi` sisteme kul`tur e`pohi Latena // ASGE`. Vy`p. 25.
- Casparova K.V. 1981: Rol` iugo-zapadny`kh sviazei` v protsesse formirovaniia zarubinetckoi` kul`tury` // SA. № 2. 57–79.
- Eremenko V.E., Shchukin M.B. 1992: Kimvry`, tevtony`, kel`to-skify` i nekotory`e problemy` khronologii rubezha srednego i pozdnego Latena // Problemy` khronologii e`pohi Latena i rimskogo vremeni. SPb.
- Got`e Iu.V. 1930: Zhelezny`i` vek v Vostochnoi` Evrope. M.–L.
- Gusakov M.G. 2005: K voprosu o proishozhdenii obriada sozhzheniia v urne i bez neyo // Teoreticheskie i metodicheskie podhody` k izucheniiu pogrebal`nogo obriada v sovremennoi` arkhologii. Tezisy` docladov vsesoiznoi` nauchnoi` konferentcii. M. 31–32.
- KHvoi`ka V.V. 1901: Polia pogrebenii` v Srednem Podneprov`e // ZRAO. T.12. Vy`p.1/2. SPb.
- Kolosovskaia Iu.K. 1988: Kel`ty`, illirii` tcy`, frakii` tcy` na Dunae v V–I vv. do n.e`. // Istoriia Evropy`. Drevniaia Evropa. M. T. 1. 504–512.
- Kossinna G. 1927: Ursprung und Verbreitung der Germanen in vor- und fruhgeschichtlicher Zeit. Leipzig // Mannus-Bibliotek Nr. 6. Leipzig.
- Kuharenko Iu.V. 1964: Zarubinetckaia kul`tura // SAI. M., Vy`p. D 1-19.
- Maksimov E.V. 1978: Zarubinetckaia kul`tura // Problemy` e`tnogeneza slavian. Kiev

- Maksimov E.V. 1982: Zarubinetckaia kul'tura na territorii USSR. Kiev, 3–175.
- Maksimov E.V. 1993: Zarubinetckaia kul'tura. Mogil'niki. Periodizatsiia i khronologiiia // Arkheologiiia SSSR. Slaviane i ikh sosedi v kontse I ty'siacheletiiia do n.e'. — pervoi' polovine I ty'siacheletiiia n.e'. M. 85–93.
- Machinskii' D.A. 1963: O khronologii nekotory'kh tipov veshchei' zarubinetkoi' kul'tury', i odnovremenny'kh ei' kul'tur // KSIA. M., Vy'p. 94. 20–28.
- Machinskii' D.A. 1966a: K voprosu o datirovke, proishozhdenii i e'tneycheskoi' prinadlezhnosti pamiatneykov tipa Poianeshty'-Lukashevka // Arkheologiiia Starogo i Novogo Sveta. M.
- Machinskii' D. A. 1966b: K voprosu o proishozhdenii zarubinetkoi' kul'tury' // KSIA. M. Vy'p.107. 3–8.
- Machinskii' D.A. 1956: Kel'ty' na zemliakh k vostoku ot Karpat // ASGE'. Vy'p.15.
- Niderle L. 1956: Slavianskie drevnosti. M.: «Inostrannaia literatura», 127–145.
- Nikitina V.B. 1965: Pamiatneyki pomorskoi' kul'tury' v Belorussii i na Ukraine // SA. № 1. 196–197.
- Oblomskii' A.M. 1993: Pozdnezarubinetckie pamiatneyki // Slaviane i ikh sosedi v kontse I ty'siacheletiiia do n.e'. — pervoi' polovine I ty'siacheletiiia n.e'. (Ser. «Ar-kheologiiia SSSR»). M., gl. 2.
- Pachkova S.P. 2006: Zarubinetckaia kul'tura i latinizirovanny'e kul'tury' Evropy'. Kiev.
- Philipp Ia. 1961: Kel'tskaia teivilizatsiia i eyo nasledie. Praga.
- Reinecke P. 1906: Graberfelder vom Ende der Latenzeit und aus der jungeren Keiserzeit im Gouv. Kiev // Meinzer Zeitschrift. Mainz, 43–56.
- Rusanova I.P., Maksimov E.V. 1993: Zarubinetckaia kul'tura // Slaviane i ikh sosedi v kontse I ty'siacheletiiia do n.e'. — pervoi' polovine I ty'siacheletiiia n.e'. (Ser. «Arkheologiiia SSSR»). M., gl. 1.
- Sedov V.V. 1970: Slaviane Verkhnego Podneprov'ia i Podvin'ia // MIA. № 163.
- Sedov V.V. 2005: Slaviane. Drevnerusskaia narodnost' // Izbranny'e trudy'. M.
- Shellov-Kovediaev F.V. 1994: Plinii'. Tattcit. Ptolemei' // Svod drevnei'shikh pis'menny'kh izvestii' o slavianakh. Tom I (I–VI vv.). M., 18–62.
- Shkunaev S.V. 1988: Kel'ty' v Zapadnoi' Evrope v V–I vv. // Istoriia Evropy'. Drevniaia Evropa. M. T.1. 492–503.
- Shchukin M.B. 1994: Na rubezhe e'r. SPb.

- Shchukin M.B. 1999: Zaby`ty`e bastarny` // «STRATUM». SPb, Kishinev, Odessa, 75–90.
- Shchukin M.B. 2005: Gotskii` put`. SPb. *Godlowski K.* 1979: Z badan nad zagadnieniem rozprestrzenia slowian w V–VII w.n.e. Krakow.
- Spitcy`n A.A. 1948: Polia pogrebal`ny`kh urn // SA. T. X, 56. M.
- Tackenberg K. 1929: Die Bastarnen. München.
- Terpilovskii` R.V. 2004: Slaviane Podneprov`ia v pervoi` polovine I ty`siacheletiiia n.e`. // Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Sklodowskiej. Lublin.
- Tret`iakov P.N. 1966: Finno–ugry`, balty` i slaviane na Dnepre i Volge. M.
- Tret`iakov P.N. 1974: Drevnosti vtoroi` i tret`ei` chetvertei` 1 ty`s. n.e`. v Verkhnem i Srednem Podesen`e // Rannesrednevekovy`e vostochnoslavianskie drev-nosti. M. – L. 40–118.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ СОКРАЩЕНИЯ

- АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Санкт-Петербург.
- БИ — Боспорские исследования. Симферополь. Керчь.
- БФ — Боспорский феномен (материалы конференции). Санкт-Петербург.
- ВДИ — Вестник древней истории. Москва.
- ДБ — Древности Боспора. Москва.
- ДВАМ — Древний Восток и античный мир. Москва.
- ЖМНП — Журнал министерства народного просвещения. Москва.
- ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса.
- ЗРАО — Записки Императорского русского археологического общества. Санкт-Петербург.
- ИАК — Известия археологической комиссии. Санкт-Петербург.
- КСИА — Краткие сообщения Института археологии. Москва.
- МАИЭТ — Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь.
- МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. Москва.
- ПАВ — Петербургский археологический вестник. Санкт-Петербург.
- ПИФК — Проблемы истории, филологии, культуры. Москва; Магнитогорск; Новосибирск.
- РА — Российская археология. Москва.

- СА — Советская археология. Москва.
- САИ — Свод археологических источников. Москва.
- СГМИИ — Сообщения государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. Москва.
- ЦиВ — Цивилизация и варварство. Москва.
- AC — Acta Classica (Classical Association of South Africa). Baltimore.
- АНВ — Ancient History Bulletin. Calgary.
- ANRW — Aufstieg und Niedergang der römischen Welt. Berlin.
- BG — C. Iulii Caesaris commentarii. Bellum Gallicum. Lipsiae, 1957. I.
- CAH — The Cambridge Ancient History. Cambridge.
- CIL — Corpus Inscriptionum Latinarum. Berlin, 1863–
- CQ — The Classical Quarterly. Oxford; London; New York.
- CTh — Codex Theodosianus / Th. Mommsen (hg.). Berlin (Neudruck), 1954.
- EJA — European Journal of Archaeology. London.
- EME — Early Medieval Europe. Oxford.
- G&R — Greece and Rome. Oxford.
- GR — Greece and Rome. Oxford.
- GRBS — Greek, Roman, and Byzantine Studies. Durham.
- HE — *Bede. Historia ecclesiastica gentis Anglorum.* — <http://www.thelatinlibrary.com> (октябрь, 2021).

- HF — *Gregorius Turonensis. Decem Libri Historiarum.* — <http://www.thelatinlibrary.com> (октябрь, 2021).
- JRAI — Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland. London.
- JRS — The Journal of Roman Studies. Cambridge.
- LHR — Liber historiae Francorum / B. Krusch (ed.) // MGH SRM 2 (см. *ниже*). Hannover, 1888. 215–328.
- MGH AA — Monumenta Germaniae historica, Auctores Antiquissimi. Berlin, 1826 –.
- MGH SRM — Monumenta Germaniae Historica. Scriptores Rerum Merovingicarum.
- NH — C. Plinii Secundi Naturalis historia libri XXXVII / Ed. C. Mayhoff. Lipsiae, 1892–1898. I–VI.
- PLRE. II — *Martindale J.R.* 1980: The Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. 2. AD 395–527. Cambridge.
- RBPB — Revue belge de philologie et d'histoire. Bruxelles.
- RIB I — Roman Inscriptions of Britain. Vol. I: Inscriptions on stone found prior 1955 / R.G. Collingwood, R.P. Wright (eds.). Oxford, 1965.
- SC — *Houghton A., Lorber C.* Seleucid Coins. A Comprehensive Catalogue. Part I–II. Lancaster; London, 2002–2008.
- SHA — Scriptores Historiae Augustae / E. Hohl (ed.). Lipsiae: Teubner, 1965.
- STRATUM plus — Культурная антропология и археология. Санкт-Петербург; Кишинев; Одесса; Бухарест.
- TV — Vindolanda: the Latin Writing Tablets. London, 1983.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Буданова В.П.</i> Когнитивные модели триггера варварства (ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ).....	9
---	---

РАЗДЕЛ 1

ГОРИЗОНТЫ И ПРЕДЕЛЫ ФОРМИРОВАНИЯ ВАРВАРСТВА

<i>Барышников А.Е.</i> Падение чёрного лебедя: римское прошлое Британии и новое варварство.....	39
<i>Шепко Л.Г., Носко К.Г.</i> Неформальные аристократические сообщества Франции XVII–XVIII веков как триггер формирования образа цивилизации.....	58
<i>Любарт М.К.</i> Факторы и триггеры современного терроризма: размышления на примере событий во Франции.....	79
<i>Елохин К.А.</i> Триггеры современного варварства и историческая память.....	103
<i>Буданов А.В.</i> Маркеры в системе анализа современного варварства.....	124

РАЗДЕЛ 2

ТРИГГЕРНЫЕ ТОЧКИ ДВИЖЕНИЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ

<i>Суриков И.Е.</i> Катализаторы варваризации и деварваризации в классических Афинах.....	151
<i>Никишин В.О.</i> Римляне, галлы и германцы: metus hostilis и этнолукизм в роли триггеров.....	169

<i>Ермолова И.Е.</i> Провокации римлян.....	204
<i>Смирнов С.В.</i> Иконография как триггер? К проблеме «варварских подражаний» монетам Селевкидов.....	219
<i>Санников С.В.</i> Факторы «варваризации» института королевской власти в остготском обществе первой половины VI века.....	234
<i>Сазонова А.А.</i> Крещение Хлодвига как социокультурный триггер в мерovingской политике.....	255
<i>Буданов А.В.</i> Современная цивилизация и разрушение когнитивной карты личности.....	282
<i>Петров В.В.</i> Карл Кереньи об архетипе ученого и жреца.....	304

РАЗДЕЛ 3 НА ПУТИ К ПРЕОДОЛЕНИЮ

<i>Селиванова Л.Л.</i> Триггеры проявления и преодоления варварства на примере феномена религиозного скопчества.....	326
<i>Клейменов А.А.</i> Варварство преодоленное и неизбывное: дисциплинированность македонских пехотинцев в эпоху Филиппа II и Александра Великого.....	360
<i>Ярцев С.В., Зубарев В.Г.</i> Римская экспансия как «спусковой крючок» миграционных процессов на Боспоре при царе Асандре в контексте союзнических отношений с варварами.....	389

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Архинова С.В.</i>	
Формы религиозного подвижничества в Египте: триггеры в истории мировоззрений.....	421
<i>Гусаков М.Г.</i>	
Кимвры и тевтоны или «первое переселение народов».....	439
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ СОКРАЩЕНИЯ.....	463
СОДЕРЖАНИЕ.....	466
CONTENTS.....	469

CONTENTS

<i>Budanova V.P.</i> Cognitive Models of the Barbarity Trigger (INSTEAD OF FOREWORD).....	9
---	---

CHAPTER 1

HORIZONS AND LIMITS OF THE FORMATION OF BARBARISM

<i>Baryshnikov A.Ye.</i> Black Swan Down: Britain's Roman Past and a New Barbarity.....	39
<i>Shepko L.G., Nosko K.G.</i> Informal Aristocratic Communities in 17 th and 18 th Century France as a Trigger for the Formation of the Civilization Image.....	58
<i>Lyubart M.K.</i> Factors and Triggers of Modern Terrorism: Reflections on the Example of Events in France.....	79
<i>Elokhin K.A.</i> Triggers of Modern Barbarism and Historical Memory.....	103
<i>Budanov A.V.</i> Markers in the System of Analysis of Modern Barbarity.....	124

CHAPTER 2

TRIGGER POINTS OF CIVILIZATION MOVEMENT

<i>Surikov I.E.</i> Catalysts of Barbarization and Debarbarization in Classical Athens	151
<i>Nikishin V.O.</i> Romans, Gauls and Germans: Metus Hostilis and Ethnolookism as Triggers.....	169
<i>Ermolova I.E.</i> Romans' Provocations.....	204
<i>Smirnov S.V.</i> Iconography as a Trigger? On Barbarious Imitations of Seleukids Coins.....	219

CONTENTS

<i>Sannikov S.V.</i> Factors of «Barbarization» of the Institution of Monarchy in Ostrogothic Society in the First Half of the 6th Century.....	234
<i>Sazonova A.A.</i> The Baptism of Clovis as a Sociocultural Trigger for the Merovingian Politics.....	255
<i>Budanov A.V.</i> Modern Civilization and Destruction of an individual's Cognitive Map.....	282
<i>Petroff V.V.</i> Karl Kerényi on the Archetype of the Academic and the Priest.....	304

CHAPTER 3

ON THE WAY TO OVERCOMING

<i>Selivanova L.L.</i> Triggering the Rise and Demise of Barbarism in the Case of the Phenomenon of Religious Scopchestvo.....	326
<i>Klymeonov A.A.</i> Overcome and Unavoidable Barbarism: Discipline of the Macedonian Infantry in the Age of Philip II and Alexander the Great.....	360
<i>Yartsev S.V., Zubarev V.G.</i> Roman Expansion as a «Trigger Hook» of Migrations Processes on Bospor under King Asander in the Context of Allies with the Barbarians.....	389
<i>Arkipova S.V.</i> Forms of Religious Asceticism in Egypt: Triggers in the History of Worldviews.....	421
<i>Gusakov M.G.</i> Cimbri and Teutons or «The First Great Migration».....	439
ABBREVIATIONS.....	463
CONTENTS.....	469

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Проблемно-тематическое издание «Цивилизация и варварство / Civilization and Barbarity» является научным, по тематике — историческим. К публикации принимаются рукописи, отражающие результаты оригинальных исследований. Содержание рукописи должно относиться к исторической проблематике, соответствовать научному уровню академического издания, обладать определенной новизной и представлять интерес для специалистов гуманитарного профиля.

ПРАВИЛА НАПРАВЛЕНИЯ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

1. К рассмотрению принимаются рукописи статей в электронном виде в формате MS Word, присланные по электронной почте на адрес: labcb@yandex.ru, соответствующие тематике издания и оформленные в соответствии с требованиями к оформлению рукописей. Отсутствие оформления статей согласно требованиям издания может стать причиной отказа в публикации. Получение рукописей подтверждается. Если уведомление не получено в течение семи дней, пожалуйста, продублируйте отправку материалов.

2. К рассмотрению принимаются научные статьи и переводы научных статей. К публикации *не принимаются* обзоры конференций, фрагменты диссертаций, тексты учебно-образовательного и научно-популярного характера, тезисы различного рода докладов и тексты, не соответствующие тематике и формату издания или написанные в иных жанрах, кроме научного.

3. Рекомендуемый объем статей 0.5 – 1 а.л., включая сноски, список литературы, аннотацию и ключевые слова. (1 а.л. = 40 000 знаков, включая пробелы и сноски). По согласованию с главным редактором принимаются статьи и большего объема.

4. Языки публикаций: русский, английский, французский, немецкий, испанский. *Не принимаются* статьи, написанные на иностранных языках русскоязычными авторами.

5. Статьи должны быть подготовлены к процедуре анонимного рецензирования. Информация об авторе должна быть представлена в отдельном файле.

6. Автор гарантирует, что текст не был опубликован ранее и не был сдан в другое издание.

7. Ссылка на издание «Цивилизация и варварство» при использовании материалов статьи в последующих публикациях обязательна.

8. Автор берет на себя ответственность за точность цитирования, правильность библиографических описаний, транскрибирование имен и названий.

ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ

1. Статья должна быть оформлена в соответствии с принятыми в издании требованиями и тщательно вычитана автором.

Текст набирается в программе Word: размер шрифта — 14, гарнитура (шрифт) — Times New Roman, межстрочный интервал — 1,5, поля — 2 см со всех сторон.

3. *Название статьи, аннотация, ключевые слова и сведения об авторе должны быть представлены на русском и английском языках.* В переводе заголовка, аннотации, ключевых слов не должно быть никаких транслитераций с русского языка, кроме непереводаемых названий собственных имен.

4. Библиографическая запись должна содержать следующие пункты: автор / авторы, год издания, заглавие, место издания.

Если описывается *сборник статей*, материалы конференции и т.д., то указывается редактор или составитель. То же правило используется и при описании *статьи в сборнике*; следует указывать страницы, на которых расположена статья.

При описании *статьи в журнале* обязательно указывается год издания, номер, страницы, на которых расположена статья.

Ссылки на архивные документы приводятся в общем библиографическом списке по автору или, при его отсутствии, по названию документа.

Ссылки на публикации в электронных СМИ или на сайтах приводятся в общем библиографическом списке по автору или заглавию публикации с указанием адреса, где эта публикация размещена, и *датой проверки наличия ресурса.*

5. Иллюстрации (фотографии, рисунки, схемы, графики, диаграммы, карты) должны быть выполнены с учетом возможностей *черно-белой печати* (четко, без мелких деталей, недопустимо использование фона, полутонов, цветных элементов), их следует представлять отдельным файлом и сопровождать *подписями*. Графические материалы (схемы, диаграммы

и т.п.) должны быть представлены в векторном формате (AI, EPS, Excels); рисунки и фотографии — в формате TIF или JPG с разрешением не менее 300 DPI. В тексте должны присутствовать ссылки на иллюстрации.

ПРАВИЛА РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ

Все статьи, планируемые к публикации, проходят процедуру анонимного рецензирования и утверждения на редколлегии.

ПРАВИЛА ОПУБЛИКОВАНИЯ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

1. Решение о публикации принимается в течение трех месяцев с момента предоставления рукописи.
2. Авторы всех опубликованных статей получают один экземпляр.
3. Авторские экземпляры рассылаются только иногородним. Проживающие в Москве и Московской области получают экземпляр издания в Лаборатории по исследованию цивилизации и варварства по адресу: Москва, Ленинский пр. 32А, 15-й этаж.
4. Плата за публикации не взимается; гонорары не предусмотрены.

ЦИВИЛИЗАЦИЯ И ВАРВАРСТВО

ТРИГГЕРЫ ПОЯВЛЕНИЯ И ПРЕОДОЛЕНИЯ ВАРВАРСТВА

Выпуск X

Главный редактор
Вера Павловна Буданова

Утверждено к печати
Институтом всеобщей истории РАН
<http://igh.ru>

Рецензенты
доктор исторических наук *С.И. Лучицкая*
Институт всеобщей истории РАН, Москва
кандидат исторических наук *Л.А. Пименова*
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Reviewers
Prof. *Svetlana I. Luchitskaya*
RAS Institute of World History (Moscow, Russia)
Lyudmila A. Pimenova
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
of the Faculty of History of Lomonosov Moscow State University

Научное издание
Дизайн обложки *И.Н. Граве*
Корректор *М.М. Горелов*
Бригадир выпуска *Г.В. Шпак*

Издательство «Аквилон»
Тел.: +7 (968) 924–97–30
Электронная почта: aquilopress@gmail.com
Сайт: aquilopress.com

Подписано к печати 29.09.2021
Формат 60x90/16
Гарнитура Times. Печать цифровая
Усл.-печ. л. 33. Тираж 500 экз. Зак. № 104494.

Отпечатано в типографии Onebook.ru ООО «Сам Полиграфист»
Москва, 109316, Волгоградский пр., дом 42, Технополис МОСКВА
Тел. +7 (495) 545–37–10
Электронная почта: info@onebook.ru
Сайт: www.onebook.ru

ISSN 2307–7794

На обложке: Эдвард Берн-Джонс. Колесо фортуны. XIX в.